

Коллектив авторов Евгения Андреевна Иванова
Ад-184. Советские военнопленные, бывшие узники
вяземских «дулагов», вспоминают

АД-184

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ,
БЫВШИЕ УЗНИКИ ВЯЗЕМСКИХ
«ДУЛАГОВ», ВСПОМИНАЮТ**

**ПАМЯТИ
ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ
СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
МУЧЕНИЧЕСКИ ПОГИБШИХ
В ФАШИСТСКОМ ПЕРЕСЫЛНОМ ЛАГЕРЕ «ДУЛАГ» № 184
В 1941-1943 ГОДАХ В ВЯЗЬМЕ**

Текст книги предоставлен правообладателем
 «АД-184. Советские военнопленные, бывшие узники вяземских «дулагов»,
 вспоминают»: Алгоритм; Москва; 2017
 ISBN 978-5-906914-86-6

Аннотация

Книга-мемориал «АД-184» посвящена памяти героических защитников Родины, вставших в 1941 г. на пути рвавшихся к Москве немецких орд и попавших в плен, погибших в нечеловеческих условиях «Дулага-184» и других лагерей смерти в г. Вязьма. В ней обобщены результаты многолетней работы МАОПО «Народная память о защитниках Отечества», Оргкомитета «Вяземский мемориал», по-исковиков-волонтеров России и других стран СНГ по установлению имен и судеб узников, увековечению их памяти, поиску родственников павших, собраны многочисленные свидетельства очевидцев, участников тех страшных событий.

В книге представлена история вяземской трагедии, до сих пор не получившей должного освещения. Министр культуры РФ В. Р. Мединский сказал: «Мы привыкли причислять погибших советских военнопленных к мученикам, но поздно доросли до мысли, что они суть герои войны».

Настало время узнать об их подвиге.

Коллектив авторов

Составитель: Евгения Андреевна Иванова

АД-184

Советские военнопленные, бывшие узники вяземских «дулагов», вспоминают

*Памяти советских военнопленных и мирных жителей,
трагически погибших в нацистских лагерях смерти.*

*Памяти советских военнопленных, чудом выживших в
нацистском плену и вернувшихся на родную землю.*

Вернуть долг памяти героям войны

Великая Отечественная война закончилась более 70 лет назад, но, в силу масштаба трагедии и количества жертв, многим павшим еще не отданы последние воинские почести, а места захоронений тех страшных лет скрывает бурьян. Мы привыкли причислять погибших советских военнопленных к мученикам, но поздно доросли до мысли, что они суть герои войны. Сегодня нужно знать не только как это было, но и кто это был.

Руководство нацистской Германии, когда планировало войну с Советским Союзом на уничтожение, изначально не намеревалось следовать нормам международного права в отношении военнопленных. Пленные, как и все советские граждане, считались «недочеловеками», дальнейшая жизнь которых ограничивалась лишь потребностями третьего рейха. Их прямое уничтожение и гибель от голода, холода и болезней лишь приветствовались.

Только в 1941 году в фашистской неволе оказалось около 3 млн советских бойцов и командиров, более половины из которых погибло. Конвейер смерти уничтожал наших военнослужащих еще на пути к стационарным лагерям, сотни тысяч гибли в так называемых «дулагах» (пересыльных пунктах), одним из которых стал Вяземский «Дулаг-184».

Настало время вернуть наши долги своим предкам. В июне 2014 года Российское

военно-историческое общество обозначило мемориальную зону, воздвигнув памятник жертвам «Дулага-184». Сегодня мы публикуем чудом сохраненные советскими врачами списки погибших в лагерных госпиталях. Мы должны сделать так, чтобы ни у кого из соотечественников не возникло даже и мысли, что подвиг защитников Москвы 1941 года был напрасен. Наши работы по благоустройству массовых захоронений военнопленных будут продолжаться, мы будем стараться восстанавливать имена всех солдат, числящихся пропавшими без вести.

Министр культуры РФ Владимир Ростиславович Мединский

Правда, не ожесточающая сердце

Книга воспоминаний узников фашистского лагеря «Дулаг-184» – документальное повествование о героическом подвиге советских военнопленных.

В 2015 году Русская православная церковь вместе со всем обществом, органами государственной власти Российской Федерации отметила выдающуюся дату нашей истории – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Подвиг наших отцов и дедов, явленный на полях сражений Второй мировой войны, с очевидностью продемонстрировал силу духа русского народа, способного в годину испытаний забыть все обиды, скорби и неурядицы и встать плечом к плечу на защиту своей земли, подобно героям минувших столетий, которые отстаивали независимость Родины под стягами святого Православия.

Семьдесят лет тому назад над нашей Россией взошло солнце свободы, солнце Победы, воскресив наш народ к новой жизни. Навсегда в памяти народной останется воспоминание об ужасах военного времени. Море слез, пота и крови, миллионов жизней отданы за нашу свободу и государственную независимость.

Правда о том, что пережили узники концлагеря «Дулаг-184», не ожесточает сердце, она не хранит зла, не взывает к мести. В сердцах читателей она живет добром и верой, что никогда не повторится трагедия нашего народа. Но для этого нужна правда о прошлом. Воспоминания военнопленных, их рассказы, несмотря на лаконичность, дают представление о том, что такое фашизм и каковы его методы создания «новой Европы».

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в первую очередь на молодежь, и, безусловно, послужит благородному делу воспитания у людей чувства гордости за наш народ, за нашу Родину.

Митрополит Смоленский и Рославльский Исидор

Вязьма – Город воинской славы

Идут годы. Все прогрессивное человечество отпраздновало уже 70-ю годовщину Победы над фашистской Германией, за это время много произошло изменений в мире и в нашей стране.

Многие события Великой Отечественной войны значительно приукрашены, другие зловредно очернены и извращены. В таком виде они подаются зрителям в кино и на телевидении, проходят через газеты, журналы, художественную литературу.

Все больше и больше появляется изданий, в которых преуменьшается роль СССР в разгроме фашизма. Дело дошло до того, что некоторые государства – сателлиты Германии, раньше отрицавшие свою роль в войне против Советского Союза, теперь горделиво, открыто заявляют, что они «тоже пахали». Кто сколько дал солдат на пополнение гитлеровской армии, кто поставлял вооружение и снаряжение.

После вступления в НАТО этим государствам терять стало нечего. Теперь они открыто говорят, что шли покорять недочеловеков, захватывать плодородные российские земли, освобождать Россию «от жидов и коммунистов». Уже с первых дней войны на головы

красноармейцев падали тонны листовок, которые являлись пропуском в «рай».

Скрывать нечего, были и те, кто добровольно шел к немцам, но они находили лишь свою погибель. Все обещания были приманкой, в действительности все оказывалось намного проще – рабский труд, газовая камера или смерть от голода и болезней.

Однако следует отметить, что подавляющее количество попавших в плен приходится на первые два года войны, когда внезапное нападение гитлеровцев застало Красную армию в глубокой реорганизации. Зачастую в первые дни войны не все солдаты были хорошо вооружены, многие части, а иногда и соединения не имели необходимой связи, что сказалось на управлении войсками, приводило к отсечению высшего командования от непосредственных боевых частей. Нередко командование армий не знало, где находятся подчиненные им корпуса, дивизии и части, и не могло своевременно поставить им боевые задачи и сосредоточить их усилия в нужном направлении.

В результате сложившейся неразберихи многие части, соединения и даже армии попадали в окружение, что создавало противнику благоприятные условия для их уничтожения. Для этого были созданы специальные фабрики смерти, где уничтожались не только военнопленные, но и гражданские лица.

Воины Красной армии, попавшие в плен, фашистами сортировались. Раненых тут же расстреливали. Работоспособных отбирали для выполнения различных тяжелых работ. Советские военнопленные, в отличие от граждан других стран, направлялись на самые изнурительные работы. Условия труда и питания у них были губительные, и участь их была такой же. Слабых загоняли в непригодные для жизни бараки, сажали на голодный паек и ежедневно вывозили оттуда десятки и сотни трупов. Погибших бросали в заранее подготовленные рвы, засыпали землей. Затем укатывали танками или бульдозерами.

При продвижении в глубь страны фашисты создавали прифронтовые пересыльные лагеря военнопленных – «дулаг», из которых людей потом переправляли в Германию и другие страны Западной Европы. Одним из таких лагерей был вяземский пересыльный лагерь военнопленных «Дулаг-184», где покоятся останки воинов из всех республик Советского Союза.

Во многих странах Европы в настоящее время созданы мемориальные комплексы, при посещении которых кровь стынет в жилах, которые призывают живущих не забывать о величайшей трагедии нашего народа и бороться за мир, за будущее нашей Земли. К сожалению, это не про Вязьму.

В Вязме на местах захоронений, там, где были рвы с телами военнопленных, расположился мясокомбинат, обнесенный бетонным забором. В здании, где при «дулаге» был один из лазаретов для военнопленных, хотя там никого не вылечили, теперь располагается Центр гигиены и эпидемиологии.

Там, где ранее был воинский мемориал с парком, до недавних пор находилась свалка мусора, проложена канализация. Мемориал сровняли с землей.

С 2008 года родные и близкие едут в Вязьму и с горечью посещают места, где располагался «дулаг», несут цветы, зажигают свечи.

Все они по прибытии на Родину отчитываются перед земляками об увиденном. «А порой нечего сказать, – говорит член Союза журналистов, отличник образования, лауреат государственной премии Евдокия Семеновна Иринцеева из Якутска. – Вязьму мы вспоминаем с горечью. Даже сыновья, ездившие почтить захоронение нашего дяди Федора, остались в недоумении. Город воинской славы, а находится в запущенном состоянии. Даже накануне великого праздника 70-летия Победы советского народа над фашизмом». Это возмутило делегатов, прибывших из Якутии и других регионов Сибири.

Потомки Сагидуллы Хасанова из Башкортостана пишут: «Мы рады, что побывали на могиле дедушки, только очень омрачило наше пребывание в г. Вязьма равнодушие чиновников из администрации города, которые не имеют желания хоть как-то облагородить места трагической гибели тысяч солдат. Такое вопиющее бездействие местных властей не вписывается ни в какие рамки, а что творится у лазарета № 1 – не опишешь словами даже в

ужасниках. Неужели у „города воинской славы“ нет техники, чернозема для того, чтобы места захоронения имели хоть какой-то вид памятного места?! С нами был праправнук погибшего воина, так он дома не мог объяснить, что это памятное место, по его словам, это была какая-то помойка. Во время празднования Дня Победы местная администрация очень красиво говорила о подвигах советских воинов при защите города, и ни слова не было сказано о тысячах воинов, для которых нет памяти. Очень горько и обидно нам, родственникам, ведь наши родные погибли, защищая Родину. Очень надеемся, что городская власть найдет возможности для исправления этой ситуации. Приезжать, чтобы посмотреть на кучи свезенного хлама, почтить память погибших у камней – слишком тяжело. Будем ждать перемен».

Сафия Айсимовна Иксанова, дочь погибшего красноармейца из Балашихи Айси Макжанова, умершего 8.10.1942 в «Дулаге-184», в поездках в г. Вязьма участвует с 2008 года. «Тяжелая бойцам нашим досталась доля, – говорит она, – но очень обидно и страшно, что даже после смерти нет им ни уважения, ни покоя. Картина, представшая перед нами на месте, где располагался 1-й лазарет на Красноармейском шоссе, нас просто лишила сна и все время стоит перед глазами. Как же можно до такого ужасного состояния довести братские захоронения? Мы так и не смогли до конца понять, как еще собираются осквернить память погибших. Мы, родственники солдат, да и жители Вязьмы, просто обязаны защищать память наших родных, близких и земляков, ведь там покоятся не только солдаты, но и мирные жители Города воинской славы».

Ветеранские организации Москвы не оставались в стороне от этой проблемы – следили за развитием событий, обращались к администрации Вязьмы, к мэру Москвы С. С. Собянину, принимали участие в организации поездок родственников погибших в Вязьму, в самих поездках.

Действия поисковиков, ветеранов войны, общественности, кажется, сдвинули проблему с мертвой точки. Неоценимый вклад в общее дело внесло Российское военно-историческое общество, установив в Вязьме на одном из мест гибели десятков тысяч военнопленных величественный мемориал работы народного художника России Салавата Щербакова. На стелах мемориала размещено 60 именных портретов павших в «дулаге» с присланных родственниками фотографий.

Хочется низко поклониться поисковикам и от всех ветеранов войны сказать им огромное спасибо за тот вклад, который они вносят в дело увековечения памяти солдат, за то, что они возвращают домой тех, кто остался лежать на полях сражений, кто принял мученическую смерть в фашистских лагерях, но благодаря кому мы одержали Великую Победу. Случайная находка в военном архиве – и начался обратный отсчет пропавшим без вести.

Но работа по увековечению памяти узников лагеря смерти «Дулаг-184» требует продолжения. Прежде всего следует четко обозначить все погребения мучеников «дулага», а затем на каждом из них возвести достойный памятный знак.

Есть и другие хорошие предложения. Надо выбрать из них лучшие и реализовать их. Это наш общий долг, и прежде всего тех, кто живет рядом.

Люди, опомнитесь! Дальше откладывать доброе дело преступно!

*Председатель Московского комитета ветеранов войны,
участник Великой Отечественной войны,
генерал-майор И. А. Слухай*

Никто не забыт, ничто не забыто!

От имени всех фронтовиков Великой Отечественной войны, живых и мертвых, в особенности от имени тех, на кого пришло сообщение с фронта «пропал без вести», позвольте взять на себя смелость выразить огромную искреннюю благодарность и низкий

поклон работникам Российского военно-исторического общества и его руководителю министру культуры РФ Владимиру Ростиславовичу Мединскому за создание мемориального комплекса на месте гибели участников исторического вяземского сражения.

Радует души ветеранов войны и родственников погибших в ней сам факт начала создания мемориалов в местах массовой гибели защитников Отечества в фашистских концлагерях, как возрождение исторической памяти по принципу «Никто не забыт, ничто не забыто!».

Эти бойцы сражались до последнего снаряда, мины, гранаты, патрона, будучи в окружении. Но многим из них, к величайшему сожалению, была уготована участь оказаться в фашистском плену и погибнуть в немецком лагере военнопленных, практически на месте сражения под Вязьмой.

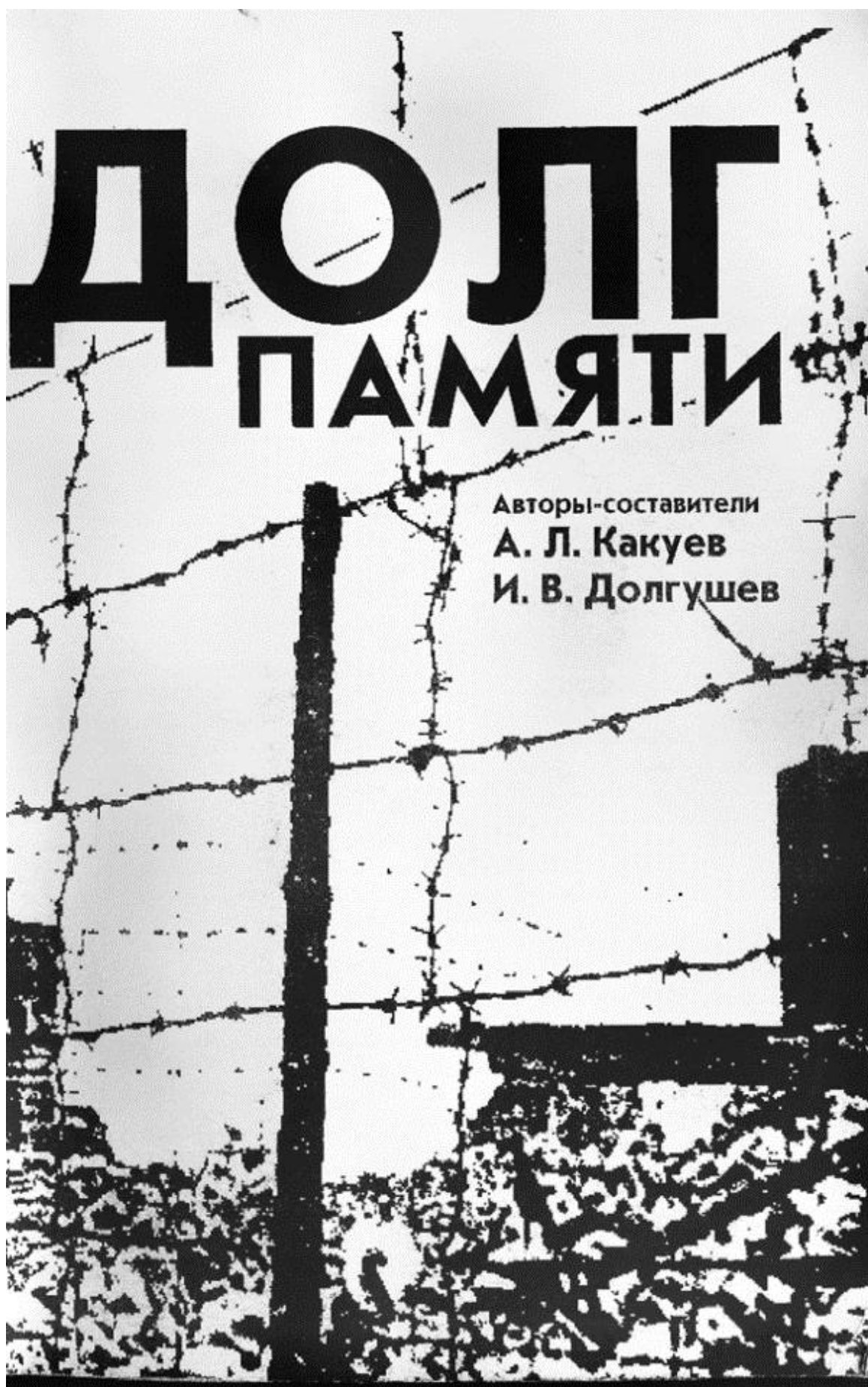
Особой благодарности заслуживает большая группа поисковиков, которая в течение многих лет самоотверженно трудилась, возвращая практически из небытия имена погибших. Сегодня эту работу можно с уверенностью оценить как трудовой подвиг. Многие семьи впервые получили сведения о своих отцах, братьях, сестрах, детях, к месту погребения которых они теперь могут приехать, отдавая долг памяти и скорби своим близким, погибшим в то трагическое и одновременно героическое время.

Большое спасибо вам, дорогие друзья, дальнейших успехов вам в благородных делах по увековечению памяти защитников Отечества!

*†Кузнецов Юрий Дмитриевич, участник Великой Отечественной войны, в Белостокском выступе «без вести пропадавший»,
член Совета старейшин Московского городского совета ветеранов войны*

От составителей

Книга «АД-184» – второе и, надеемся, не последнее издание, посвященное памяти узников немецкого пересыльного лагеря военнопленных «Дулаг-184», а также пересыльных лагерей военнопленных № 230, 231, существовавших в годы Великой Отечественной войны в г. Вязьма Смоленской области с октября 1941 г. по март 1943 г. Первая книга, посвященная жертвам «Дулага-184», «Долг памяти», вышла в 2005 г. тиражом в 200 экземпляров. Ее составителями были опытные вяземские краеведы А. Л. Какув и И. В. Долгушев.

Самой темой памяти жертв «Дулага-184» и других немецких пересыльных лагерей

военнопленных в Вязьме мы обязаны ветерану поискового движения, военному историку, администратору сайта «Солдат. ру» Игорю Ивановичу Ивлеву. В 2003 г. И. И. Ивлев обнаружил в ЦАМО РФ Донесение «СМЕРШ» 33-й армии с приложением списка «бойцов и командиров Красной армии, плененных германской армией и умерших в германских лазаретах в г. Вязьма», в котором значилось тогда 5416 человек. Из них были захоронены безымянными (неизвестными) – 1239.

Списки жертв «Дулага-184» впервые в полном объеме оказались в распоряжении исследователей благодаря обращению Игоря Ивановича к главе администрации Смоленской области В. Н. Маслову (копии письма адресовались также военному комиссару Смоленской области, главе администрации МО «Вяземский район», директору Смоленского областного центра «Долг»)¹. Составители Книги памяти Смоленской области уже работали в ЦАМО РФ с этими списками, увековечивая имена своих земляков в региональных изданиях, но без этого письма невозможно представить себе всю последующую конкретную работу.

Исследовательская группа МАОПО² «Народная память о защитниках Отечества» приступила к поиску в 2008 году. К этому времени мы уже имели немалый опыт работы со списками около шестисот офицеров-москвичей, трагически погибших в немецком плену, устанавливали их имена и судьбы, вели поиск родственников.

Через два-три года на сайтах и форумах поисковиков развернулась огромная исследовательская деятельность, посвященная теме «Дулага-184», в которой приняли участие сотни неравнодушных людей, истинных патриотов страны – поисковиков-волонтеров Москвы, России, других стран СНГ, а также – Германии и Израиля. Активное участие в поисковой работе приняли и некоторые родственники военнопленных.

Поисковая работа была направлена на уточнение сведений об узниках лагеря, установление их реальных имен и судеб, поиск их родственников, сбор сведений о «военврачах сороковых годов», попавших вместе с многочисленными советскими госпиталями в немецкий плен, о самих лагерях военнопленных в Вязьме. Отдельной темой в книге проходит вопрос об ответственности органов местного самоуправления, военных комиссариатов, государственных структур РФ всех уровней, общественности, ветеранских организаций, поисковых формирований за достойное увековечение памяти защитников Отечества.

Персональные списки узников «Дулага-184» даются в книге с сокращениями (в полном объеме они будут опубликованы в отдельной книге). Но такие сведения уже имеются на поисково-информационном сайте «Люди и война» (администратор сайта Татьяна Дубовик, г. Ташкент).

За эти годы поисковиками России и других стран СНГ была проделана беспрецедентная работа по уточнению имен и судеб советских военнопленных и мирного населения, упомянутых в похоронных списках лазаретов № 1, 2 и 3 «Дулага-184» за семь неполных месяцев 1942 г. Общими усилиями найдено более 500 семей погибших из более 50 регионов России (от Хабаровского края до ее западных границ), других стран СНГ, а также проживающих в Литве, США, Канаде и Израиле, ничего не знавших о трагических судьбах своих родных, местах их гибели и захоронения; собраны семейные воспоминания и фотографии.

Работа с самого начала приобрела международный аспект, ведь в вяземских лагерях погибли защитники Отечества из всех республик Советского Союза. Из общего списка погибших была произведена выборка имен воинов, призванных из конкретных регионов России, Беларуси, Украины, республик Средней Азии и Казахстана, Закавказских республик.

¹ Письмо И. И. Ивлева к Главе администрации Смоленской области В. Н. Маслову // URL:<http://soldat.ru/news/150.html>.

² Международная ассоциация общественных поисковых объединений.

Имена погибших обобщались по областям и районам проживания людей с учетом многочисленных изменений в административно-территориальном делении территорий государств. Подготовленные списки были разосланы в адрес республиканских и региональных поисковых организаций стран СНГ, размещены на различных поисково-информационных сайтах.

В ходе работы поисковиками были установлены имена более 40 военврачей и медработников вяземских лагерей, найдены семьи некоторых из них, в том числе семьи главных врачей лазаретов № 1 Е. Г. Посохина (г. Краснодар) и Н. Ф. Шулейко (г. Курск), № 2 – М. Ю. Чуловского (г. Москва). Оказалось, что некоторые из военврачей, пройдя с октября 1941 г. весь ужас немецко-фашистского плена, вернулись домой, успешно продолжили свою работу в мирные дни, оставили в семьях личные дневники о пережитом, письма.

Собраны воспоминания более 20 бывших узников «Дулага-184», вяземских пересыльных лагерей № 230 и 231, чудом выживших, вернувшихся домой. Многие из них бежали из плена, героически сражались с фашистами до конца войны, были награждены боевыми орденами и медалями. Мемуары некоторых из них включены в серьезные книги (так, в 1980 г. в «Черной книге» И. Эренбурга и М. Гроссмана опубликованы воспоминания батальонного комиссара 13-й сдno Ростокинского района г. Москвы М. М. Шейнмана), бережно хранятся в школьных музеях Москвы, Смоленска, Вязьмы (воспоминания Т. И. Марковой (Зиновьевой), А. М. Согрина, И. Ф. Шинкарева), в Вяземском историко-краеведческом музее (воспоминания Н. В. Корытова, А. П. Тетцова, А. М. Петербурцева). Бывшими узниками «Дулага-184» С. И. Анваер (г. Москва), В. Н. Шимкевичем (г. Кишинев), Б. М. Маковейчуком (Винницкая область, Украина) написаны автобиографические книги с подробными описаниями трагических событий октября 1941 г., пленения и пребывания в вяземском лагере смерти. В 2008 г. вышла книга курганского краеведа Степана Шилова «Страшная одиссея солдата Согрина» о его земляке красноармейце Александре Михайловиче Согрине, в 2015 г. – документальная повесть «Опаленная молодость», автором которой является минчанка Татьяна Майстренко, дочь сержанта Анисима Михеевича Петербурцева. С большой любовью записаны воспоминания бывшего десантника Мошарева Павла Александровича, уроженца Архангельской области, его детьми и внуками, Натальей Панкратовой – воспоминания о ее героическом деде А. П. Тетцове (Тюменская область), после второго побега из вяземского лагеря – командире диверсионной роты спецгруппы НКГБ БССР. В 2005 г. Мемориальным музеем немецких антифашистов (филиал ФГУК «ЦМ ВОВ 1941–1945 гг.») издана книга «Живая память. Письма бывших советских военнопленных», куда вошли письма-воспоминания о вяземском «Дулаге-184» М. А. Фавстовой и Н. Д. Волка. В книге вяземского историка и краеведа И. Г. Михайлова «Рожденная и погибшая под Вязьмой (Боевой путь 248-й стрелковой дивизии первого формирования)», вышедшей в 2010 г., опубликованы воспоминания военного врача медсанбата 902-го сп 248-й сд Алексея Сергеевича Шубина (г. Москва), бывшего узника вяземского лагеря, записанные со слов его сына Сергея Алексеевича Шубина. В 1982 г. вышла книга краснодарского писателя, участника Великой Отечественной войны Н. Г. Сошникова «Если жить сначала. Записки военного провизора» о советских военных врачах, оказавшихся в гитлеровском плену. Рискуя собственной жизнью, они боролись за здоровье советских военнопленных, многие из которых, поправившись, вырвались из немецко-фашистских лагерей и встали в строй борцов с оккупантами. Героями книги являются наши военврачи, в силу трагических обстоятельств попавшие в плен при прорыве из вяземского окружения, работавшие в лазаретах немецких пересыльных лагерей Вязьмы и Смоленска: военврач I ранга хирург-консультант 19-й армии А. Ф. Орлов, военврач II ранга командир взвода медсанбата 13-й сдno Ростокинского района г. Москвы майор М. В. Яковенко, военврач 105-го медсанбата 18-й сд 20-й армии А. П. Петров, медсестра 37-го сп 13-й сдno Мария Фавстова... Книга написана на основе их воспоминаний. В 1982 г. в Ростове-на-Дону издана книга интереснейших мемуаров Ивана Эммануиловича Аكوпова (1906–1989), после войны – доктора медицинских наук, профессора-фармаколога «Все так и

было... (наброски воспоминаний)» под редакцией его сыновей В. И. и А. И. Акоповых и с активным участием внуков в издании книги. В годы войны И. Э. Акопов – армейский терапевт-токсиколог, консультант санотдела 19-й армии, хорошо знавший А. Ф. Орлова, А. Н. Герасимова и других военврачей. Летом 1944 г. он организовал массовый побег из немецкого лагеря военнопленных в Польше (г. Санок). В своей книге автор описывает обстановку под Вязьмой в октябре 1941 г., работу санотдела 19-й армии, работу военврачей в лазаретах немецких лагерей. Потрясают воспоминания Семена Маркиановича Крутова «Синие солдаты», в частности о перегоне многотысячной колонны военнопленных в Смоленск в октябре 1941 г. Отдельные воспоминания бывших узников «Дулага-184» и местных жителей приводятся в книге вяземского историка профессора Д. Е. Комарова «Великая Отечественная война на вяземской земле», изданной в 2009 г., а также в единственной в своем роде в плане исследования истории вяземского лагеря военнопленных статье И. Г. Михайлова «Лагерь советских военнопленных в г. Вязьме „Дулаг-184“», опубликованной в научно-популярном журнале «Край Смоленский» № 12 за 2011 г. В 2014 г. в Вязьме вышла книга вяземского краеведа В. А. Антипцевой «История одного рода», в которой впервые приводятся новые сведения о бесстрашной работе в Вязьме подпольщицы Ц. А. Васкевич.

«Сообществом родственников ополченцев 13-й Ростокинской сдво г. Москвы» недавно изданы сборники воспоминаний бывших ополченцев 13-й сдво по стенограммам их рассказов, записанным в 1947 г. сектором истории Великой Отечественной войны Института истории Академии Наук СССР и хранящимся в настоящее время в архиве Института российской истории РАН. В сборниках приведены, в частности, воспоминания ополченцев, оказавшихся в вяземском лагере смерти «Дулаг-184». Отдельной книгой изданы воспоминания военврача дивизии Мстислава Владимировича Яковенко «Воспоминания времен Отечественной войны 1941–1945 гг.». Опубликованы воспоминания комиссара 13-й сдво Петра Григорьевича Тарасова «99 дней жизни 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы», подготовленные его дочерью (ООО «Сам Полиграфист», 2016). Стараниями потомков московских ополченцев готовятся к изданию Книги памяти, посвященные героическим и трагическим судьбам защитников Москвы.

Все эти воспоминания поистине бесценны. Бесценно и то, что наших ветеранов помнят и почитают и в наши дни. Так, в Суздале ежегодно 1 мая отмечают День памяти защитника Москвы, бывшего узника «Дулага-184» Николая Васильевича Корытова, безвременно ушедшего из жизни во время первомайского велопробега в 1987 г., его ученики, родные и близкие (он был инициатором развития велоспорта в Суздальском районе Владимирской области, пользовался уважением и любовью жителей). Потомки воинов совершают поездки по местам боев, посещают Вязьму, Ельню, Холм-Жирковский, Рославль... О судьбах и подвигах бывших узников «Дулага-184», их послевоенной жизни имеются многочисленные публикации в местной прессе, на военно-исторических сайтах, в том числе на сайте «Бессмертный полк».

В ходе поисковой работы были уточнены архивные сведения об узниках, погибших в лазаретах № 1, 2, 3 при «Дулаге-184». В них содержится 5 430 персональных записей (ранее писалось: 5 416, 5 418, 5 422). Военнослужащие были призваны из 73 регионов Российской Федерации: 20 республик в составе России – из 22 ныне существующих, 9 краев – из 9 существующих, 42 областей – из 46, из двух городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга. В «Дулаге-184», согласно Спискам, содержались граждане 12 из 16 республик СССР, включая Россию. И в этом состоит особая ответственность увековечения светлой памяти представителей практически всех народов Советского Союза, защищавших Родину, принявших нечеловеческие муки в фашистских лагерях смерти.

Нами подсчитано, сколько узников, чьи имена приведены в Списках лазаретов «Дулага-184», было все же переправлено по этапу дальше (усилиями врачей лазаретов) и умерло в других лагерях военнопленных или бежало и погибло в боях, скольким из них посчастливилось вернуться домой. Составлены информационные таблицы о количестве и

возрастных данных узников, погибших в лазаретах № 1, 2, 3, их воинских званиях, национальном составе, местах, из которых в лазарет № 2 поступали умирающие пленники, о наименованиях воинских частей (подразделений), в которых они воевали.

С октября 2008 г. при финансовой поддержке Московского городского совета ветеранов, лично Г. А. Зюганова, поисковиками было организовано более двадцати коллективных и индивидуальных поездок потомков павших в Вязьму к местам гибели своих родных, в которых приняло участие более полутора тысяч человек. Родственники погибших приезжают из самых отдаленных уголков России, из Украины, Беларуси, Литвы, Канады.

...В 1980 году в целях якобы благоустройства города братские могилы в Вязьме под видом перезахоронения сровняли с землей. Более тридцати лет только скромный обелиск у стены мясокомбината по ул. Репина напоминал о немецком пересыльном лагере и его жертвах. Официальные обращения местных жителей, а с 2008 г. родственников погибших и поисковиков с просьбой достойно увековечить память защитников Отечества не находили отклика у местных властей.

В 2014 году общественная организация «Вяземский мемориал» обратилась к председателю Российского военно-исторического общества, министру культуры РФ Владимиру Мединскому. РВИО сразу взяло ситуацию с захоронениями под контроль. Мы обратились за помощью в РВИО в феврале 2014 года, и уже в марте многолетняя проблема с увековечением памяти жертв вяземских лагерей смерти начала решаться. На местах погребений узников специалистами РВИО были проведены обследования, подтвердившие наличие захоронений.

Спроектировал мемориал известный скульптор, народный художник России, академик Салават Щербаков. 21 июня 2014 г., накануне Дня памяти и скорби, в Вязьме состоялось торжественное открытие мемориала. В церемонии открытия приняли участие: председатель Российского военно-исторического общества министр культуры РФ Владимир Мединский, губернатор Смоленской области Алексей Островский, автор памятника, народный художник России, скульптор Салават Щербаков, епископ Смоленский и Вяземский Исидор, ветераны Великой Отечественной войны, родственники погибших, представители поисковых и общественных организаций, жители Вязьмы. Епископ Смоленский и Вяземский Исидор отслужил заупокойную литию и освятил мемориал. Право открыть монумент Владимир Мединский и Алексей Островский передали ветеранам Великой Отечественной войны и родственникам погибших. В ходе церемонии погибшим были отданы воинские почести.

Мемориал Салавата Щербакова отражает масштабы произошедшей на этом месте трагедии. На стелах мемориала архитектором представлено более 60 портретов защитников Отечества, выполненных с фотографий, присланных родственниками.

Памятник производит пронзительное впечатление. Родственники в слезах припадали к портретам своих отцов и дедов. На одной из плит высечен текст записки красноармейца Степана Крутова, которую он вбросил в толпу местных жителей 10 октября 1941 г. при перегоне колонны военнопленных в Смоленск:

«Дорогие русские люди, соотечественники, не забывают нас... Мы, что могли бороться, боролись с фашистским псом... Нас захватили в плен раненых, истекаем кровью, и кто после нас будет жить, пускай помнят, что люди боролись за свою Родину, любили ее, как мать, мы непобедимы...».

Судьба бойца Степана Маркеловича Крутова, красноармейца 58-го полка 45-й танковой дивизии, оказалась счастливой – он смог пережить войну. Он бежал из плена, участвовал в движении французского Сопротивления, вернулся домой, в свою семью. Его потомки уже побывали в Смоленске, мечтают посетить мемориал в Вязьме.

Благодаря РВИО была восстановлена историческая справедливость, отдан долг памяти защитникам Отечества, про «Дулаг-184» узнала вся страна, мемориал стал достопримечательностью Города воинской славы Вязьмы. Хочется отметить особый вклад в решение проблемы советника председателя РВИО Ростислава Игнатьевича Мединского – от

его воли и решимости, доброты и понимания зависело многое, а может, даже все.

После открытия мемориала все пришло в движение. В 2015 г., осенью, наконец, снесли врытый в огромное погребальное захоронение погибших бетонный забор частного мясокомбината. Удивляет только, почему в нарушение Федерального закона от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» работы на месте захоронения проводились без присутствия официальных лиц, поисковиков Смоленского Центра «Долг», представителей райвоенкомата, как это положено по закону. Непосредственные работы по сносу забора проводились приезжими строительными бригадами, границы же воинского захоронения при этом даже не были отмечены.

Снесли хозяйственные постройки у дороги, ведущей к мемориалу, уложили газонную траву. Установлен рабочий контакт с Вяземским историко-краеведческим музеем, которому мы готовимся передать уникальный материал о «Дулаге-184».

Конечно, многое еще предстоит сделать. Не обустроено пока военно-мемориальное кладбище на Красноармейском шоссе, на месте бывшего лазарета № 1, уничтоженное, как и у мясокомбината по ул. Репина, в 1980 г. Продолжаются работы по совершенствованию мемориальной зоны на территории Вяземского завода синтетических продуктов, где в годы оккупации располагался лазарет № 2 «Дулага-184». Там уже многое сделано благодаря директорам предприятия В. П. Королю и Е. В. Гончаренко: установлена и освещена часовня, оборудовано место для возложения цветов, родственниками готовится материал для местного музея в память о погибших. В результате сопоставления карт трофейной немецкой аэрофотосъемки 1941–1943 гг. с современной картой Вязьмы, которое было проведено руководителем военно-патриотического фонда «Застава св. Ильи Муромца» Андреем Фетисовым (г. Москва), уточняется расположение массовых захоронений узников «Дулага-184».

У центрального мемориала по ул. Репина планируем установить плиты с известными именами *4 037 человек*, погибших в «Дулаге-184» – военнопленных и гражданских лиц (в том числе стариков, женщин, детей). Для получения этих данных из общих Списков были исключены повторяющиеся имена (объединены в одну персоналию), имена узников, погибших не в Вязьме, а позже, в других местах (в плену или в бою), и выживших узников, вернувшихся домой после войны. Из Списков выделены в отдельную группу упоминания о людях, числившихся как «Неизвестные», поступивших в лазареты в бессознательном состоянии, в агонии, без документов (их укажем на мемориальных плитах общим числом в *1 239 человек*).

По имеющимся в Списках сведениям, всего погибло: в лазарете № 1–2 372 человека, в лазарете № 2–1 282 человек, в лазарете № 3–383 человека. Эту огромную итоговую работу провела поисковик из Липецка Ольга Ивановна Смольянинова.

Кроме имен, известных по Спискам, на мемориальных плитах было бы крайне важным написать имена вязьмичей-смолян, которые трагически погибли в лагере, – в Списках лазаретов их числится около 300 человек, но ведь это далеко не полный список погибших земляков, и местное население помнит дорогие сердцу имена...

Списки постоянно пополняются новыми именами – бежали из застенков уже после Вязьмы из западных лагерей летчик Н. Н. Петухов, его товарищи по вяземскому плену кировчанин Н. Г. Кочкин, легендарный Ф. А. Полетаев из Рязанской области, после побега героически воевавшие в рядах гарибальдийского движения в Италии.

К сожалению, вопрос увековечения памяти жертв «Дулага-184» не нашел поддержки у местных поисковиков. Как пишут поисковики-форумчане: «...если бы на местах подключились к работе, то давно бы многие родные узнали о судьбе своих близких. Сожалею, что люди, в чьих полномочиях значится столь ответственный ДОЛГ перед Памятью, не приложили никаких усилий для увековечения имен и поиска родственников...» («Солдат. ру», форум: «Вяземский пересыльный лагерь „Дулаг № 184“ – поиск родственников, погибших в нем воинов»).

В то же время жители Вязьмы создали инициативную группу, добиваясь от

администрации города восстановления военно-мемориального кладбища на Красноармейском шоссе. В их числе – вязьмичка Люзина Галина Ниловна, отец-фронтовик которой, возмущенный ликвидацией кладбища в 1980 г., обращался во все инстанции, требуя восстановить могилы защитников Отечества. Много сил отдали увековечению памяти жертв «Дулага-184» вязьмичи Валерия Евгеньевна Гаврилова, Игорь Викторович Долгушев, Альфред Леонидович Какуев, Игорь Данилович Музыченко, Людмила Николаевна Егорова, архитектор Геннадий Иванович Константинов, Игорь Геннадьевич Михайлов, Валерия Андреевна Антипцева, художник и краевед Виктор Максимович Чайка. С пониманием отнеслись к проблеме Эвелина Валерьевна Богомолова, председатель вяземской общественной организации по охране памятников, и другие жители города. Большую помощь в воссоздании истории «лютовской» больницы, где размещался «лазарет» № 1, оказала семья Шехавцовых: отец коренной вязьмички Веры Владимировны Шехавцовой В. А. Панов до войны работал в этой больнице заведующим инфекционным отделением, и ее память сохранила многие важные факты. Низкий поклон этим и другим неравнодушным людям, патриотам своей родной Вязьмы.

Совсем немного не дожид до открытия вяземского мемориала старожил города Николай Иванович Романов, вместе с матерью обошедший в Вязьме во время оккупации все жуткие места, где содержались военнопленные, в поисках своего родного отца. Он и записку нам передал в 2009 г., во время третьего приезда родственников, с перечислением мест погребений пленников, просил довести дело памяти о жертвах фашистского лагеря до конца. Ушел из жизни Иван Егорович Николаев, с 1943 г. живший в частном доме напротив мясокомбината и захоронений павших воинов, встречавшийся с нами в каждый наш приезд. «Иван Егорович Николаев – уникальный человек с удивительно теплыми и добрыми глазами. – вспоминает Низаметдинова Рамиля, внучка красноармейца Айси Макжанова. – Каждый год в любую погоду он встречал нас на месте захоронения солдат и рассказывал, рассказывал, рассказывал о тех тяжелых военных годах, о городе Вязьме в послевоенные годы, о своей юности, а главное – о солдатских могилах. Рассказы были настолько подробными, честными – порой казалось, что все это мы видели и слышали сами. Моя тетушка Сафия всегда привозила ему небольшой гостинец, иногда мне казалось, что она едет к нему как к своему отцу. К сожалению, Ивана Егоровича теперь с нами нет, но остались светлые воспоминания о нем как о человеке большой души, честном советском гражданине».

В исследовательской работе поисковики использовали документы Обобщенного электронного банка данных «Мемориал» Минобороны РФ (www.obd-memorial.ru), материалы региональных Книг памяти, электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», фонда израильского Мемориального комплекса Яд Вашем в Иерусалиме. Велась переписка с местными органами власти – главами региональных, районных и поселковых администраций, общественными поисковыми организациями России и стран СНГ, местными архивами и краеведческими музеями, советами ветеранов, учреждениями образования, отделениями милиции, военкоматами, отдельными гражданами. Также в поисковой работе были задействованы телефонные справочники стран, областей, городов; возможности интернета позволили устанавливать контакты через такие социальные сети, как «Одноклассники. ru», и электронную почту. Благодаря военному поисковику из Германии Алексею Кислицыну впервые использовались материалы немецких архивов и книг немецких историков.

Важно отметить, что, вопреки распространенному мнению, Списки погибших в «Дулаге-184» были востребованы уже в период Великой Отечественной войны. Начиная с конца 1943 г. Списки были взяты в работу ГУК НКО, районными военными комиссариатами Советского Союза. Напомним, что Списки предваряло «Донесение отдела по персональному учету потерь сержантского и рядового состава 33-й армии Западного фронта от 12.11.1943 г. в Управление по персональному учету потерь сержантского и рядового состава Генерального штаба Красной Армии», в котором конкретно сообщалось, что в приложении находятся списки бойцов и командиров Красной армии, *«пленных германской армией и умерших в*

германских лазаретах в г. Вязьма. Общее число умерших по этим спискам 5 418 человек». На бланке Донесения стояла резолюция: «Срочно проверить и взять на учет. 25.11.1943 г.»³.

Во многих региональных донесениях о безвозвратных потерях, составляемых местными военкоматами, уже в первые послевоенные годы были сделаны от руки особые приписки, подтверждающие гибель земляков в вяземском «Дулаге-184» (чему есть многочисленные примеры по России и другим республикам бывшего Советского Союза)⁴. Информация о гибели людей в немецком плену в ряде случаев доводилась до сведения родственников погибших.

В связи с подготовкой к изданию Книг памяти с начала девяностых годов Списки погибших в «Дулаге-184» вновь прорабатывали теперь уже редколлегии Книг памяти России и других стран СНГ – для увековечения памяти своих земляков. Однако в большинстве региональных Книг памяти сведения об узниках «Дулага-184» подавались как о воинах, «умерших от ран», с указанием согласно Спискам точной даты их гибели в вяземском лагере военнопленных, но без малейшего упоминания о Вязьме, самом лагере в Вязьме и конкретных лазаретах как местах гибели воинов⁵.

³ Донесение Отдела контрразведки «СМЕРШ» 33-й армии. Центральный архив Министерства обороны РФ. 9 отдел. Д. 101-1555-1 за 1943 г.; входящее донесение о военнопленных № 46925с. от 25.11.1943. Оп. 18001. Д. 1200. Л. 1.

4 Примеры работы военкоматов со Списками в период в 1946–1948 гг.

Россия, Смоленская область. В Донесениях послевоенного периода № 5828 от 31.01.1948 г. Рославльского РВК Смоленской области уточняется: Гринев Владимир Матвеевич, 1900, урож. д. Кухарево Астапковичского с/с Рославльского р-на, считавшийся пропавшим без вести в декабре 1941 г., «умер в плену 22.03.1942 г. Вх. № 46925с», что совпадает с данными списков лазарета № 2 «Дулага-184» (Гринев Владимир Матвеевич умер 22.03.1942 г.) с входящим номером «46925с» Донесения 33-й армии от 12.11.43 г. Письменное уточнение от руки на бланке: Донесения было сделано 03.02.1948 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 63).

Россия, Новосибирская область. Из Донесений послевоенного периода № 94692 от 31.12.1946 г. Новосибирского РВК Новосибирской обл.: красноармеец 2-й сд Пугачев Иван Григорьевич, 1913, урож. г. Бердска Новосибирской обл., считался пропавшим без вести с 11.1942 г. Приписка от руки: «умер в плену 3.09.1942 г., вх. 46925с.43». По спискам лазарета № 2 «Дулага-184» Пугачев И. Г. действительно умер 3 сентября 1942 г. Все данные совпадают. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 770).

Украина, Донецкая область. Из Донесений послевоенного периода № 98916 от 27.12.1946 г. Сталино-Заводского РВК г. Сталино (Донецкая область, Украина): Коротков Владимир Романович, 1921, урож. г. Сталино, считавшийся пропавшим без вести в ноябре 1942 г. «Учтен вх. 46925, умер в плену 1-42». По спискам лазарета № 1 Коротков Владимир Романович умер 09.01.42, совпадает и входящий номер Донесения 33-й армии от 12.11.1943 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 851. Л. 2).

Республика Беларусь, Могилевская область. Из Донесений послевоенного периода № 100598 от 31.12.1946 г. Шкловского РВК Могилевской обл.: Гарбузов Семен Александрович, 1914, урож. д. Новоселки Подгайцевского с/с Шкловского р-на Могилевской обл., считавшийся пропавшим без вести в октябре 1941 г., «умер в немецком плену 1-42 г.», «вх. 46925с-43». Дата гибели совпадает со списками лазарета № 1 «Дулага-184» (погиб 08.01.1942 г.), так же как и вх. номер Донесения 33-й армии от 12.11.1943 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 780. Л. 362).

Республика Кыргызстан, Ошская область. Из Донесений послевоенного периода № 82832 от 03.10.1946 г. Мирза-Апинского РВК Киргизской ССР: Лебеденко Иван Кузьмич, 1920, урож. с. Мирза-Аки Узгенского (Мирза-Акинского) р-на Ошской обл. Киргизской ССР, учтенный пропавшим без вести в апреле 1942 г., «умер в плену, Вязьма март 1942 г.», «учтен вх. 46925» (приписка сделана от руки).

По спискам лазарета № 1 «Дулаг-184» умер 03.03.42 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 676. Л. 4).

5 Примеры работы редколлегий региональных Книг памяти со Списками в конце 80-х – 90-х гг. (сведения о погибших даются почти во всех Книгах памяти без указания «Дулага-184» и его лазаретов в г. Вязьма):

Алтайский край. Токарев Роман Павлович, 1914, русский, Алтайский край, Усть-Камланский р-н, с. Пономарево; Погиб 25.02.1942 г. в лазарете № 1 «Дулага-184» (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1220. Л. 550). Книга памяти. Алтайский край. Том 6, с. 614 (умер от ран 25.02.1942 г.).

Республика Башкортостан. Басыров Шакур Закирович 1910, д. Карагуш Стерлибашевского р-на Башкирской АССР.

Погиб 23.01.1942 г. в лазарете № 1 «Дулага-184» (ЦАМО РФ... Л. 440). Память. Башкортостан. Книга 17

Причина одна. Вязьма, при всем великом героизме ее защитников, – крупнейшая военная катастрофа СССР октября 1941 г., просчеты командования, гибель кадровых дивизий и армий, гибель Московского народного ополчения, куда добровольно шли люди непризывного возраста, невоеннообязанные. Потомки ополченцев пишут: «Уходили на фронт студенты и школьники-выпускники и младше, сыновья уходили с отцами, старшими братьями, ученики шли со своими учителями целыми классами, студенты с преподавателями-профессорами – курсами, с предприятий уходили целые бригады со своими бригадирами, секретари парткомов и комсомольские лидеры вступали в ополчение со всеми своими партийно-комсомольскими активистами. Уходил цвет московской интеллигенции – выдающиеся ученые, музыканты... Все шли на фронт... Это был отклик на призыв „Родина-мать зовет!“». Многие говорили, что они не могли поступить иначе. Что это, успех советской пропаганды? Нет! Это осознание того, что вместе с кадровыми войсками ОНИ должны защищать свои города, села, матерей, младших братьев и сестер!

Папа мне говорил, что уже в бою кричал со всеми „За Родину! За Сталина!“», а думал о своей маме, рано овдовевшей, о братишке-безотцовщине, двоюродных сестрах, которые живут в Клину, а Клин западнее и немцы будут там раньше, чем в Москве, и что с ними и всеми родными будет. Но у кого-то в голове все было по-другому...

Не прорвавшиеся из окружения, не погибшие сражались на захваченной земле в партизанских отрядах. Ополчение – это люди не без вести пропавшие, а без вести погибшие, их нельзя забывать. Мы о них помним и знаем, что ополченцы – это Суть, Смысл, Совесть Родины (СССР) и Честь!» (Васина Л. А., дочь ополченца 2-й сдno Сталинского р-на г. Москвы А. А. Леляичева).

В 70-ю годовщину обороны Москвы на страницах газеты «Вечерняя Москва» в авторском расследовании Екатерины Пятуниной была возвращена культурная и историческая память о первом Государственном духовом оркестре Союза ССР, который в рядах 6-й сдno Дзержинского района г. Москвы прекратил свое существование в «мясорубке вяземского котла». Семь десятилетий никто не вспоминал об оркестре-герое, который был создан выдающимся советским композитором, профессором Московской консерватории В. М. Блажевичем и являлся эталоном духового искусства в нашей стране...

Однако на официальном уровне предпочитали замалчивать причины и масштабы вяземской катастрофы, потери наших войск в людях, технике, возросшую угрозу захвата столицы. Многие родные и близкие погибших защитников Родины так и не узнали об их судьбах, страданиях, местах погребения. Но факты – вещь упрямая, правда рано или поздно откроется.

Давно пора на государственном уровне решить вопрос о состоянии мест бывших немецких лагерей военнопленных со стертymi с лица земли погребальными рвами с останками десятков тысяч наших сограждан. О создании мемориальных зон на местах лагерей, включающих в себя захоронения воинов, памятные знаки и обелиски. Об ответственности, согласно российскому законодательству, госструктур, властных структур на местах за увековечение памяти павших, обеспечение сохранности и почитания братских могил, патриотическое воспитание подрастающего поколения. Это относится не только к Городу воинской славы Вязьма, но и к другим населенным пунктам России, где находились лагеря смерти, в том числе к Городам воинской славы Псков и Ржев, где также на протяжении многих лет общественность не прекращает вести борьбу за Память. **Во всем мире признано, что уничтожение советских военнопленных – это второе преступление**

(умер от ран 23.01.1942 г.).

г. Москва. **Январев Василий Васильевич**, 1901, г. Москва. Лейтенант, командир взвода 1134-го сп 160-й сд (6-й сдno Дзержинского р-на г. Москвы I форм.). Погиб 03.08.1942 г. в лазарете № 2 «Дулага-184» (ЦАМО РФ... Л. 229). Книга памяти. Москва. Том 14, с. 650 (умер от ран 3.8.1942 г.).

Смоленская область. **Алексеев Константин Николаевич**, 1890, Дорогобужский р-н Смоленской обл. Призван Дорогобужским РВК. Погиб 27.08.1942 г. в лазарете № 1 «Дулага-184» ((ЦАМО РФ... Л. 142). Книга памяти. Смоленская область. Дорогобужский район. С. 15 (умер от ран 27.08.42 г.).

немецкого нацизма после холокоста...

Российское военно-историческое общество установлением в Вязьме мемориала в июне 2014 г. показывает пример нашему государству. А издание книги «АД-184» с именами узников «Дулага-184», которое поддерживает РВИО, – особая форма увековечения памяти защитников Родины, ставших жертвами фашистского лагеря уничтожения, печатный «Памятник» павшим защитникам Отечества.

Таких книг пока крайне мало, чему имеются как объективные, так и субъективные причины. Так, в 2002 г. в Германии, в г. Кассель, в рамках международного проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Изучение вопросов истории Второй мировой войны и послевоенного периода», Объединением «Саксонские мемориалы», Народным союзом Германии по уходу за военными могилами была издана на немецком и русском языках мемориальная «Книга памяти умерших советских военнопленных. Кладбище Хаммельбург» (Германия, Бавария, «Офлаг-62» (XIII D)). Основу книги составили краткие биографические сведения о почти 700 погибших офицерах, чьи имена были установлены исследователями. В апреле 2002 года тогдашний президент Народного союза Германии по уходу за военными могилами г-н Ланге передал Книгу памяти президенту РФ Владимиру Путину. В 2005 и 2006 гг. в рамках того же проекта издана двухтомная книга «Цайтхайн – Книга памяти советских военнопленных», посвященная военнопленным, умершим в лагере Цайтхайн в Саксонии. Она содержит выявленные имена около семи тысяч из более 25 тысяч жертв Цайтхайна. Кроме того, Центр документации Объединения «Саксонские мемориалы» (г. Дрезден) разместил на своем сайте электронную версию этой книги в формате PDF.

На Украине в 2013 г. стараниями научных сотрудников Уманского краеведческого музея и поисковиков общественной организации «Народная память Уманщины» издана Книга памяти «Шталага-349» «Уманская Яма» по Уманскому лагерю военнопленных с именами 3200 погибших в немецких лазаретах (списки погибших, как и в «Дулаге-184», составлялись военврачами лагеря, были вложены ими для сохранности в стеклянные бутылки и спрятаны в захоронениях).

В Витебской областной библиотеке 20 ноября 1914 г. презентовали новую книгу о концлагере «Лагерь смерти „5-й Полк“», размещавшемся на окраине Витебска. Ее авторы – краевед и журналист Аркадий Подлипский и бывший узник лагеря Владимир Ризо. В ней приведены воспоминания бывших заключенных. Среди них есть факты, ранее не публиковавшиеся. По официальным данным всего за 1941–1944 гг. через лагерь прошли свыше 150 тысяч человек. Около 80 000 человек здесь погибли. В 1964 г. на месте лагеря установлен памятник. В 2012-м здесь появилась православная часовня. Нужно отметить, что на интернет-сайтах все чаще появляются виртуальные Книги памяти с именами советских военнопленных, погибших в немецких лагерях смерти. Так, в 2010 г. в интернете были размещены списки имен около 20 тысяч узников немецкого лагеря военнопленных «Шталаг-326» (VI-K) Штукенброк (Вестфальская область Германии). Автором сайта является Мирослав Алексеевич Маркедонов (Хоперский), известный интернет-журналист, лауреат конкурсов Союза журналистов России, посвятивший себя работе по изучению трагедии концентрационных лагерей Третьего рейха. Издаются региональные Книги памяти с именами земляков, погибших в плену: в апреле 2015 г. к 70-летию Победы тверской фонд «Жить и Помнить» провел презентацию «Книги памяти советских воинов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов – уроженцев Калининской области (в границах 1939–1944 гг., 1990 г.), считавшихся пропавшими без вести», в которой увековечены имена 6070 земляков, большая часть которых погибла в немецкой неволе. В 2009 г. в г. Йошкар-Ола вышла книга Дмитрия Шипунова, руководителя региональной молодежной общественной организации «Поисковый отряд Демос» Республики Марий Эл, «В списках не значится, или Правда о пленных», в которой впервые опубликованы имена уроженцев марийской земли, мученически погибших в немецком плену и считавшихся пропавшими без вести.

На многих поисковых сайтах и форумах на протяжении уже многих лет собирается и

исследуется материал о лагерях военнопленных, определяются списки узников, ведется поиск их родственников.

Книгу «АД-184» с нетерпением ждут в семьях погибших «Вяземских великомучеников» как реликвию, ждут участники военно-мемориальной работы как некий отчет и священный материал для продолжения поиска, ждут ветераны. Книга будет передана в Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве, где сосредоточены Книги памяти всех регионов России и стран СНГ.

Хотелось бы отметить работу редколлегии Книги памяти Московской области, которая в своих изданиях приводит *полные сведения* о погибших в лазаретах вяземского «Дулага-184» (разработка бывшего губернатора Московской области Б. В. Громова, руководителей и членов рабочей группы по изданию Книги памяти Московской области А. А. Овчарова, Н. А. Панова, Г. Н. Власова, Н. Н. Сенициной, председателя Совета ветеранов Московской области В. Я. Азарова).

Памятная стела

Вяземская трагедия октября 1941 г.

С самого начала Великой Отечественной войны наиболее опасное для Советского Союза направление обозначилось в полосе удара немецкой группы армий «Центр». Мощнейшая группировка вермахта под командованием опытного военачальника фельдмаршала фон Бока продвигалась к Москве по кратчайшему маршруту. Известно, что германское командование отводило захвату столицы особое значение; предполагалось, что с достижением этой цели война будет выиграна. Действительно, успехи немецких войск при

окружении частей Западного фронта под Белостоком и Минском, взятие Смоленска, продвижение на других участках фронта к Ленинграду и Киеву создавали хорошие предпосылки для завершающего удара вермахта по советской столице. Однако группа армий «Центр» в результате Смоленского сражения (10.07–10.09.1941) была вынуждена перейти к обороне. Тяжелые бои на московском направлении летом – в начале осени 1941 г. вели к большим потерям с обеих сторон и корректировали германские планы по срокам окончания войны. Однако верховное командование вермахта не теряло надежды возобновить наступление на центральном участке еще до наступления холодов. С середины сентября советская сторона в возрастающем объеме получала сигналы, что немцы готовят удар, который мог стать решающим для всей кампании на востоке.

В преамбуле директивы № 35 от 6 сентября 1941 г. А. Гитлер пояснил мотивы своего решения о возобновлении наступления на Москву. По его словам, «начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий „Центр“ и „Север“, с точки зрения окружения Ленинграда создают предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступления группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах...». Немецкое наступление предусматривало два этапа: первый – окружение советских сил, прикрывавших столицу с запада; и второй – преследование остатков советских войск вплоть до самой Москвы. Отдельным пунктом Гитлер подчеркивал необходимость сокращения сроков подготовки и проведения операций⁶.

В основу замысла уничтожения советских сил (как это было и перед началом наступления группы армий [ГА] «Центр» в Белоруссии в июне 1941 г. и позднее у Смоленска) был положен двусторонний охват противника. Ударные группировки ГА «Центр» были разведены на фронте и готовились окружить советские войска, прикрывавшие московское направление. Северная группировка сосредотачивалась в районе Духовщины, а южная – под Рославлем. Отдел по изучению иностранных армий Востока Генерального штаба сухопутных войск Германии сообщил о прочности советской обороны против внутренних флангов 4-й и 9-й немецких армий, т. е. непосредственно в районе шоссе Москва – Смоленск⁷. Однако немецкие удары приходились по слабым участкам советского фронта и позволяли уже на начальном этапе сражений достигнуть крупных результатов. 19 сентября предстоящая операция получила кодовое наименование «Тайфун».

К середине сентября 1941 г. немецкому командованию стало ясно, что бои в районе Киева возможно будет завершить еще до конца текущего месяца. Следовательно, появлялась возможность задействовать в предстоящем наступлении в полную силу моторизованные и танковые соединения 2-й танковой группы. С другой стороны, окончательно решился вопрос об использовании на фронте ГА «Центр» крупных сил из ГА «Север». 15 сентября Гитлер отдал приказ о переброске 4-й танковой группы из-под Ленинграда на центральное направление (в район Рославля) для участия в наступлении на Москву. Максимальные силы и средства сосредотачивались против «группировки Тимошенко».

16 сентября 1941 г. фон Бок издал директиву № 1300 («Директивы для новой операции»). 4-я армия (с подчиненной 4-й танковой группой) и 9-я армия (с подчиненной 3-й танковой группой) должны были осуществить прорыв советской обороны по обеим сторонам шоссе Рославль – Москва и севернее автодороги Смоленск – Москва и зажать противника в клещи у Вязьмы. Частям 9-й армии предстояло также продвинуть свои войска в направлении на Ржев. Задачей 2-й армии было наступление в направлении Сухиничи, Мещовск и на южном фланге на Брянск. 2-я танковая группа должна была пересечь линию Орел – Брянск.

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (Далее: ЦАМО) Ф. 12462. Д. 72. Л. 38–41.

⁷ ЦАМО. Ф. 500. Он. 12462. Д. 548. Л. 96–99.

Указывалось, что танковая группа продвигается «с юга в направлении позиций противника на реке Десна»⁸.

Для операции предназначались силы двадцати двух немецких корпусов. Из состава ГА «Юг» фон Бок получал также две танковые, две пехотные и две моторизованные дивизии. Из резерва главного командования передавались полностью укомплектованные 2-я и 5-я танковые дивизии, прибывшие из Германии, которые должны были войти в состав 40-го корпуса 4-й танковой группы⁹. 19 сентября началась переброска в район действия ГА «Центр» 27-го армейского корпуса, изъятого из ГА «Д» во Франции¹⁰. В резерве группы армий оставались всего два соединения – 19-я танковая дивизия и 900-я учебная бригада, кроме того, имелся моторизованный полк СС «Великая Германия».

Некомплект личного состава в пехотных дивизиях вермахта был пополнен живой силой примерно до 90% штатной численности. Количество танков в танковых и моторизованных дивизиях было доведено до 80-100% по штату¹¹. Командование сухопутных войск вермахта обращало особое внимание на скрытность перегруппировки войск, выход их на исходные рубежи наступления как можно в более позднее время и с проведением мероприятий по дезинформации противника. Перемещение частей производилось по возможности в ночное время¹².

К началу операции общая численность ГА «Центр» была доведена до 1 929 406 чел. Она имела свыше 14 тыс. орудий и минометов, около 1390 самолетов. На 1 октября 1941 г. ГА «Центр» насчитывала 1700 танков¹³. В общей сложности к наступлению готовилось 78 дивизий (включая 14 танковых и 8 моторизованных). Авиационное обеспечение осуществлял 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала А. Кессельринга в составе двух авиакорпусов и одного зенитного корпуса¹⁴.

Германские силы на московском направлении составляли теперь 42% личного состава, 75% танков, почти половину самолетов, 33% орудий и минометов из общего количества, находящегося на всем Восточном фронте¹⁵. Никогда немцы не использовали столь огромных сил в составе одной группы армий и не разворачивали на одном стратегическом направлении три танковых объединения из четырех. Силы противостоящей группировки Красной армии значительно уступали войскам ГА «Центр». В состав советских соединений на московском направлении входило: 1250 тыс. чел., 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков, 667 самолетов¹⁶. Немцы превосходили советские войска не только количественно,

⁸ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. От обороны к контрнаступлению / ИВИ МО. М., 1994. СИ.

⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии / Пер. с нем. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 22.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 23–26.

¹¹ Муриев Д. 3. Провал операции «Тайфун». М., 1972. С. 19.

¹² Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 13–14.

¹³ См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1: Суровые испытания. М., 1995. С. 165.

¹⁴ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М., 1980. С. 72.

¹⁵ См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 165–166.

¹⁶ См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 166.

но и качественно. Так, в составе Западного фронта из 483 танков новыми (КВ и Т-34) были лишь 45 ед. Большинство наших бронированных машин составляли легкие БТ и Т-26, многие из которых требовали ремонта. С самолетами имелась та же ситуация: большинство крылатых машин авиации трех советских фронтов (Западного, Резервного и Брянского) было устаревших конструкций. Советские дивизии, многие из которых были лишь недавно сформированы, насчитывали в среднем 5–7 тыс. человек (при штате 10,8 тыс. чел.). Сравниться с немецкими дивизиями, численность многих из которых приближалась к штатной (16,8 тыс. чел.), они, конечно, не могли¹⁷. Советские фронтовые резервы были расположены на направлениях вероятных ударов противника. Беда заключалась в том, что наиболее опасным участком прорыва считался кратчайший путь на Москву (район шоссе Смоленск – Вязьма – Москва), а возможность обхода наших объединений с флангов внимательно не рассматривалась. Глубина обороны фронтов составляла 20–25 км, чего было явно недостаточно, чтобы остановить удары такой силы, которые планировало германское командование.

26 сентября 1941 г. фон Бок подписал приказ № 1620/41 о новой операции. В его первом абзаце говорилось: «После трудного времени ожидания группа армий возобновляет наступление». Отмечалось, что ГА «Север» силами 16-й армии будет прикрывать линию севернее оз. Жеданье, а ГА «Юг» – наступать в восточном направлении севернее Харькова. 2-му воздушному флоту ставилась задача уничтожить советскую авиацию перед фронтом ГА «Центр» и поддерживать наступление всеми силами. В связи с этим налеты на промышленные предприятия московского региона отходили пока на второй план¹⁸. В период подготовки «Тайфуна» германское командование было сильно обеспокоено тем, что до начала холодного времени года осталось не так уж много времени. Однако командующий сухопутными войсками вермахта фон Браухич полагался на «умелое и опытное командование», имея в виду штаб ГА «Центр», лично фельдмаршала фон Бока, и надеялся, что тот способен в сжатые сроки добиться победы в сражении. После разгрома окруженных советских войск о сопротивлении Красной армии, по мнению Верховного командования сухопутных войск (ОКХ), можно было забыть.

К началу операции «Тайфун» части Красной армии на Украине оказались в критической ситуации. Несколько армий Юго-Западного фронта оказались в окружении. Большая часть советских солдат и офицеров попала в плен¹⁹. По немецким источникам, в районе Киева было захвачено около 600 тыс. чел.²⁰ По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. 531 тыс. чел.²¹ Руководство вермахта после победы под Киевом практически поставило крест на способности СССР продолжать активные боевые действия и считало, что Красная армия едва ли сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем и тем более его удержать²². Уже после войны бывший начальник

¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 3. С. 51.

¹⁸ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 16–17.

¹⁹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Краткий исторический справочник. / Под ред. О. Ржешевского. М., 1990. С. 54–55.

²⁰ Блюментрит Г. Московская битва. / Роковые решения. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1958. С. 90.

²¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков. М., 1993. С. 166.

²² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111–112.

генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер признался известному английскому историку Б. Лиддел Гарту, что Гитлер тогда прямо заявлял: «С Россией в военном отношении покончено»²³. На северном фланге ГА «Центр» продолжали развиваться операции 57-го немецкого корпуса 9-й армии²⁴. В то же время в полосе самой ГА «Центр» немецкая разведка наблюдала сокращение наступательной активности советских Западного и Резервного фронтов²⁵.

Положение на московском направлении в середине сентября 1941 г. несколько стабилизировалось. Несмотря на тяжелейшие потери лета 1941 г., войска Красной армии, прикрывавшие путь на Москву, не утратили своей боеспособности. Части Западного, Резервного и Брянского фронтов пополнялись личным составом и техникой. В августе-сентябре 1941 г., с прибытием на фронт свежих сил, ими был проведен ряд частных наступательных операций. 6 сентября 1941 г. войска 24-й армии (командующий генерал-майор К. Ракутин) выбили немцев из Ельни. Освобождение этого города имело для Красной армии огромное значение как в военном, так и в моральном отношении: во-первых, устранялся опасный плацдарм для наступления на Москву; во-вторых, советские бойцы воспрянули духом, они увидели, что врага можно успешно бить и гнать на запад. Взятие Ельни, по сути дела, являлось первой серьезной и удачно проведенной наступательной операцией Красной армии.

Советская Ставка ВГК рассчитывала в будущем продолжить наступательные операции против группировки фон Бока. К сожалению, советское верховное командование, несмотря на многочисленные предупреждения об активной подготовке немецкого наступления на столицу (в том числе от командующего Западным фронтом генерал-полковника И. Конева), не сумело определить точное время его начала. Кроме того, командованием фронтов были допущены непростительные просчеты при анализе оперативной ситуации. Следствием этого стало проведение поощряемых Ставкой ВГК частных наступательных операций в ущерб укреплению оборонительных позиций, а также неправильное определение направления возможных главных ударов немецких войск. Последнее вытекало, во-первых, из страха перед фронтальным ударом врага, который быстро выводил немецкие танки на подступы к столице, и, во-вторых, из чрезмерного доверия к непроверенной информации. В частности, генерал Конев 26 сентября докладывал Сталину и Шапошникову, что, по материалам опроса пленного летчика, «противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма – Москва...»²⁶. Соответственно, основная масса советских сил, включая резервы, была сосредоточена непосредственно западнее Вязьмы, а возможный переход немцев в наступление на флангах Западного и Резервного фронтов недооценивался. Подобное построение войск являлось непростительной ошибкой, поскольку многие предыдущие операции вермахта имели первоначальной целью окружение крупных группировок Красной армии.

Советское командование не могло не замечать, что немцы в полосе группы армий «Центр» усиливают свою группировку, проводят передислокацию войск, в целом готовят крупное наступление. Сама ситуация на московском направлении вынуждала быть бдительными, ведь на пути к столице (до которой оставалось около 300 км) у нас не было полностью подготовленных оборонительных рубежей – линии укреплений только строились, а немцы располагали явным превосходством в силах. Нельзя сказать, что Ставка Верховного

²³ Liddell Hart Centre for Military Archives (Далее: LH). 9/24/107.

²⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 133. Л. 200–302.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 16.

²⁶ Хазанов Д. Неизвестная битва в небе Москвы 1941–1942 гг. Оборонительный период. М., 1999. С. 35.

Главкомандования не предпринимала меры по подготовке фронтов к отражению готовившегося удара. В директиве от 27 сентября она приказала войскам Западного, Резервного и Брянского фронтов перейти на занимаемых рубежах к упорной обороне. Указывалось на необходимость совершенствования инженерных сооружений, создания резервов, вывода с переднего края наиболее ослабленных в предыдущих боях соединений. Но времени для осуществления этих мероприятий оставалось мало²⁷. Как отмечает автор фундаментального труда «Вяземская катастрофа 41-го года» Л. Лопуховский, «Ставка явно запоздала с директивой о переходе к жесткой обороне». Более того, Генеральный штаб РККА, подчеркивая, с одной стороны, ответственность командующих за удержание занимаемых рубежей, с другой стороны, направил 29 сентября в войска директиву о том, как готовить наступательные операции. «Высшее военное руководство допустило двойственность по такому важному вопросу, как создание прочной обороны». Энергичных мер по отражению вражеского удара предпринято не было, и немецкое наступление застало Западный, Резервный и Брянский фронты в основном в прежних наступательных группировках, включающими в себя дивизии, измотанные предыдущими боями²⁸.

В войска трех советских фронтов, прикрывавшие московское направление – Западного, Резервного и Брянского – входило свыше 40% сил Действующей Красной армии. Предыдущие оборонительные успехи в Смоленском сражении давали надежду выиграть время для переброски к столице новых резервов. Чтобы заставить немцев увязнуть в боях, строились Ржевско-Вяземский рубеж и Можайская линия обороны, глубина укреплений которых превышала 200 км²⁹. Для оборудования этих позиций использовались дивизии народного ополчения (ДНО), которые одновременно занимались боевой подготовкой и сколачиванием частей и подразделений. Первоначально плохо вооруженные, лишенные необходимых средств связи и транспорта, в дальнейшем ополченческие соединения были доукомплектованы личным составом и основными видами вооружения. Иностранцы образцы оружия заменялись на отечественные. 15 сентября ДНО Москвы были включены в состав регулярных соединений РККА. «Так что, вопреки еще бытующему мнению, – отмечает Л. Лопуховский, – к концу сентября ополченческие дивизии оказались хорошо вооруженными и вполне подготовленными к решению боевых задач... Они, конечно, не имели боевого опыта, но обладали довольно высокими морально-политическими качествами. Неслучайно, что из этих добровольческих формирований после обучения и приобретения необходимого опыта сложились великолепные боевые соединения»³⁰.

Обстановка на западном (московском) направлении зависела от положения в стране в целом, а оно оставалось сложным и напряженным. Ввиду вынужденного отхода советских частей германским войскам удалось захватить наиболее развитую в промышленном отношении территорию европейской части СССР. К концу сентября 1941 г. Советское государство лишилось донецкого угля, флагманов металлургии юга страны, хлеба Украины, что привело к резкому сокращению производственных, материальных и продовольственных запасов. Чтобы обеспечить всем необходимым вооруженные силы, советскому народу приходилось максимально напрягать свои ресурсы для налаживания массового производства боевой техники и вооружения в условиях, когда значительная часть предприятий эвакуировалась на восток.

---

²⁷ Хазанов Д. Указ. соч. С. 35.

²⁸ Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М., 207. 107–108.

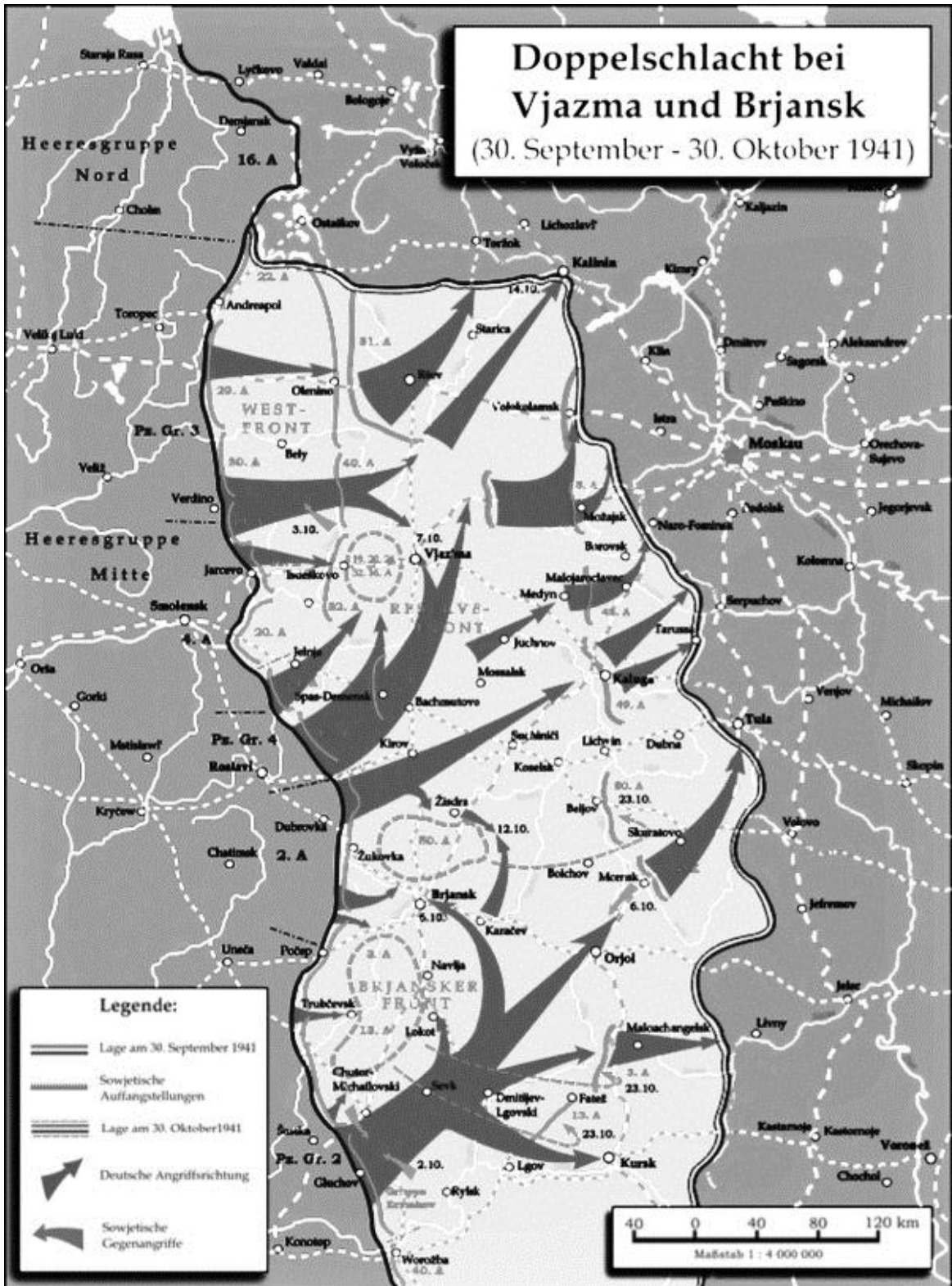
²⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2013. С. 51.

³⁰ Там же. С. 123–124.

Многое в грядущих сражениях должно было решиться действиями конкретных боевых сил и их руководства. В этой связи следует отметить, что численное превосходство немецких войск, боевой опыт германских генералов, неожиданность начала операции играли определяющую роль в развитии стратегической ситуации на московском направлении в октябре 1941 г. Однако реалистическая оценка советским военным руководством сложившейся обстановки в конце сентября 1941 г., решительные действия командующих на фронте, более тщательный анализ данных разведки (следствием которого должно было стать иное распределение советских сил на московском направлении) могли бы предотвратить катастрофические последствия окружения советских войск под Вязьмой и Брянском.

Немецкое наступление на орловско-брянском направлении началось 30 сентября, а на вяземском – 2 октября 1941 г.

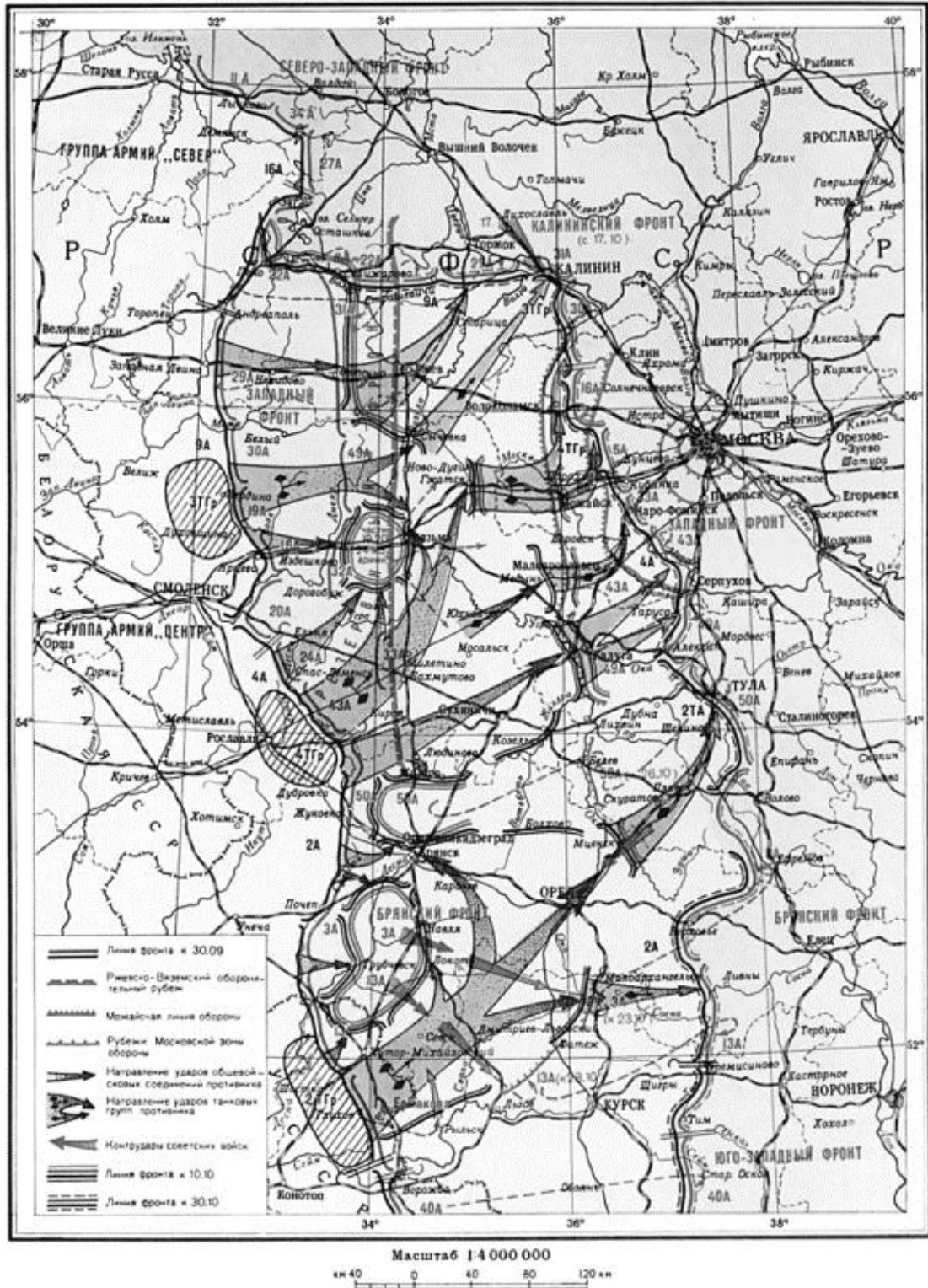

Немецкое наступление на Вязьму и Брянск

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ПОД МОСКВОЙ. 30 сентября–30 октября 1941 г.

11

Оборонительное сражение советских войск под Москвой. 30 сентября – 30 октября 1941 г.

Командующий 2-й танковой группой генерал Г. Гудериан настоял на том, чтобы его группа выступила раньше ввиду отсутствия на его направлении дорог с твердым покрытием. Он желал также максимально использовать хорошие погодные условия для броска в район Орла и Брянска. 30 сентября дивизии 47-го и 24-го моторизованных корпусов 2-й танковой группы нанесли удар по войскам левого крыла Брянского фронта. Соединения группы

генерала А. Н. Ермакова (три стрелковые, две кавалерийские дивизии, две танковые бригады), развернутые на этом направлении, оказались застигнуты врасплох. Уже в первый день наступления немецкие танки вышли в тыл советской 13-й армии, а 1 сентября захватили Севск и устремились на север. Немцам удалось окружить две дивизии 13-й армии и отрезать от главных сил фронта группу Ермакова³¹. Успех 2-й танковой группы во многом был предопределен активностью 2-го воздушного флота люфтваффе – бомбежка войск Брянского фронта началась одновременно с артиллерийской канонадой. В общей сложности германское командование задействовало здесь около 300 самолетов, которые буквально утюжили советские оборонительные позиции, расчищая путь для механизированных колонн вермахта.

В ночь на 2 октября 1941 г. солдатам Восточного фронта было зачитано специальное обращение фюрера. В нем говорилось: «...Теперь за считанные недели три наиболее крупных промышленных района России без остатка будут в руках немцев (Северо-западный, Центральный, Донецко-Приднепровский промышленные районы. – М. М.)... Сегодня наконец создана предпосылка для последнего жестокого удара, который еще до начала зимы должен разгромить этого противника, нанести ему смертельный удар»³².

К вечеру 2 октября штаб ГА «Центр» получил крайне обнадеживающие телеграммы от объединений, входивших в ее состав. На всех направлениях шло быстрое продвижение вперед:

«...2-я танковая группа [ТГр]: Главные силы движутся на Дмитровск, 18-я [тд] форсировала р. Сев между Севск и Кокушкино... 48 корпус – воздействие противника перед Шепетовка в западном направлении;

9-я армия [А]: первые позиции противника везде прорваны. Внезапность удалась. Противник слабый по численности, но упорно сопротивляющийся, без сильной артиллерийской поддержки;

4-я А: противник упорный, но слаб, прежде всего по численности и в отношении артиллерии... Железнодорожные мосты юго-восточнее Буда, неповрежденные, в наших руках;

2-я А: железнодорожный мост через Десну в 15 км юго-восточнее Дубровка не разрушен. 52-я дивизия – заняла мост через р. Десна»³³.

Главное командование сухопутных войск вермахта [ОКХ] отмечало, что наступление войск ГА «Центр» по всей ширине фронта застало противника врасплох и поэтому встретило первоначально лишь незначительное сопротивление: «...В общем же оборона противника оказалась слабее, чем предполагалось». Разведка пока не могла определить, отходит ли противник планомерно или отступает под давлением немецких войск³⁴.

К исходу дня части генерала Гота (3-я танковая группа) прорвали советский фронт на стыке 19-й и 30-й советских армий, а группа генерала Гепнера (4-я танковая группа) – в полосе обороны 43-й армии, к югу от Варшавского шоссе. В дальнейшем 4-я танковая группа смяла советские части и нанесла удар уже по второму эшелону Резервного фронта – по войскам 33-й армии. К сожалению, все внимание Ставки ВГК в этот момент было приковано к Орловскому и Брянскому направлениям, а также к положению в районе Харькова. К этому времени 2-я танковая группа углубилась в полосу обороны Брянского фронта уже на

³¹ См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 168–169.

³² Цит. по: *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве / 50-летие победы под Москвой. Материалы военной научной конференции / ИВИ МО. М., 1993. С. 24.

³³ ЦАМО. Ф. 500. Он. 12454. Д. 115. Л. 200.

³⁴ Там же. Оп. 12462. Д. 548. Л. 150–151, 223.

120 км³⁵. Но ситуация в районе Вязьмы не рассматривалась пока как критическая.

На самом Западном фронте командующий И. С. Конев потребовал от 30-й армии генерала В. А. Хоменко восстановить положение; определенные меры были предприняты и руководством 19-й армии генерала М. Ф. Лукина по прикрытию своего правого фланга. Но все эти шаги оказались явно недостаточными в условиях подавляющего превосходства немецких войск на участках главных ударов. Конев рассчитывал задержать противника за счет отдельных резервных дивизий, но не решительным контрударом всех доступных сил. В итоге советское командование не смогло оперативно среагировать на изменение обстановки и предотвратить дальнейший прорыв германских моторизованных соединений. В Генштаб РККА поступали пока донесения об успешных действиях в обороне 16-й, 20-й и 24-й армий Западного и Резервного фронтов, и мало кто мог поверить, что немецкие танки вышли уже на шоссе Спас-Деменск – Юхнов, обходя основную группировку советских войск.

Быстрое продвижение немцев на Вязьму привело к образованию широкой бреши между 30-й и 19-й армиями Западного фронта. Угроза тылу войск Конева с каждым часом нарастала. Скорость продвижения немецких ударных соединений поставила в критическое положение 24-ю и 43-ю армии Резервного фронта, их отход через Юхнов, куда уже устремились и немецкие танки, становился более чем проблематичным. Чтобы спасти положение и иметь возможность маневра, Конев создал оперативную группу под командованием генерала Болдина (пять дивизий и четыре танковые бригады) и приказал ей остановить натиск танков Гота. Однако контрудар Западного фронта силами оперативной группы Болдина успеха не имел. Наши войска, имевшие не менее 240 танков, вводились в бой по частям, действуя на двух изолированных направлениях. Ни на одном из них не удалось создать превосходства в силах над противником. Советские танки ввязывались во встречные бои, не имея артиллерийского прикрытия, которое запаздывало. К тому же немцы имели подавляющее превосходство в воздухе, что во многом предопределяло ход развития событий. В таких условиях рассчитывать на разгром вклинившейся группировки противника не приходилось. В районе Холм-Жирковский Болдину удалось лишь замедлить продвижение танков Гота³⁶. К 4 октября соединения 19, 16 и 20-й армий Западного, 32-й и 24-й армий Резервного фронта оказались уже глубоко охвачены противником.

4 октября германскому военному руководству стало ясно, что советские войска не проводят планомерный отход на запасные позиции, а обороняются, оказывая различное по силе сопротивление³⁷. Более того, командование Красной армии продолжало удерживать участок фронта между флангами прорывов немецких соединений. Оно пока не знало, что вечером 4 октября потеряло последний шанс для отвода войск в центре и что провести организованно отступление теперь уже не удастся. Бронированные клинья 3-й и 4-й танковых групп продолжали развивать наступление в направлении Вязьмы, охватывая силы Западного и Резервного фронтов.

Как и на брянском направлении, немецкие прорывы на Вязьму осуществлялись после сильнейшей обработки советской обороны авиацией. Германские самолеты действовали большими группами, нанося массированные удары. Только 4 октября соединения 8-го авиакорпуса произвели 152 самолето-вылета пикировщиков и 259 рейдов бомбардировщиков в треугольнике Белый – Сычевка – Вязьма. Сухая и теплая погода благоприятствовала продвижению войск и обеспечивала непрерывную поддержку авиации.

В первые дни наступления число советских военнопленных, захваченных немецкими частями, было еще не так велико, но некоторые генералы могли уже «похвастаться» своими

³⁵ См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 169.

³⁶ Лопуховский А. Н Вяземская катастрофа 41-го года. С. 180–182, 186.

³⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 159–167.

успехами. Так, 3 сентября командующий 4-й армией фельдмаршал фон Клюге докладывал в штаб группы, что корпус под командованием генерала Гейера (9-й армейский корпус), находящийся в 4 км от Ельни, захватил уже 2500 пленных. «...[Пленные] в один голос показывали, что им дан приказ безусловно держаться...»³⁸

4 октября арьергарды – советские соединения 30-й и 19-й армии – натолкнулись восточнее р. Воль, в районе Боголюбова, на передовые части 28-й пехотной дивизии вермахта. Разыгрался ожесточенный бой. Немцы подтянули сюда дополнительно дивизии 8-го армейского корпуса и вышли к верхнему течению р. Днепр (в районе Павлово). Продвижение к Вязьме немецких колонн продолжалось³⁹. В документах советского командования указывалось, что на этом участке фронта германские солдаты часто шли в атаку пьяными. Они бежали вперед в полный рост, несмотря на ожесточенный пулеметный и ружейный огонь с советской стороны. В результате только одна только 110-я немецкая пехотная дивизия понесла за несколько дней боев потери до 4 тыс. чел. убитыми и ранеными⁴⁰.

На Днепре части Красной армии имели хорошо подготовленную систему обороны. Однако сильного сопротивления войскам вермахта они оказать не сумели. Командующий Резервным фронтом Буденный был занят прежде всего локализацией прорыва на юхновском направлении и не обращал должного внимания на положение в полосе 31-й и 32-й армий. В то же время командование 32-й советской армии не знало о положении войск на подступах к Днепру. О занятии противником 3 октября Холм-Жирковского в 32-й и 31-й армиях узнали только на следующий день⁴¹. Следствием неразберихи в управлении стало и то, что немцам оставили неповрежденными переправы, через которые могли пройти танки. Моторизованные корпуса 3-й танковой группы вермахта, наступавшие севернее армейских корпусов 9-й армии, быстро преодолевали днепровский рубеж и докладывали о советских колоннах,двигающихся по лесным дорогам на восток⁴².

К исходу 4 октября острие танкового клина генерала Г. Гота (3-я танковая группа) находилось уже в 60, а Э. Гепнера (4-я танковая группа) – в 70 км от Вязьмы. Советские войска, удерживавшие позиции между флангами участков прорыва, были удалены от города на 100–110 км. На просьбу командующего Западным фронтом разрешить отход к Ржевско-Вяземскому рубежу Верховный Главнокомандующий Сталин не ответил⁴³. Когда же Конев попросил разрешения отвести свои войска на линию Гжатска у начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова, последний лишь ответил, что доложит об этом Ставке. Но решения Ставки в этот день не последовало⁴⁴. То, что советские войска продолжали удерживать фронт по обеим сторонам шоссе Смоленск – Москва, было выгодно германскому командованию. Оно теперь ожидало, что в окружение попадет около 70

³⁸ Там же. Оп. 12462. Д. 450. Л. 285–290.

³⁹ Там же. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 12. Л. 1–5.

⁴⁰ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1 С. 46–54.

⁴¹ Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 231, 233.

⁴² Цит. по: Невзоров Б. И. Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 25.

⁴³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 175–181.

⁴⁴ Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 235.

крупных соединений в районах Брянск и Вязьма⁴⁵.

5 сентября 1941 г. ОКХ отметило, что на четвертый день наступления противник все еще не начал отвод своих главных сил, а отход на отдельных участках фронта (9-й и 4-й армий) «...обусловлен различной боеспособностью соединений противника и по-разному складывающейся боевой обстановкой». В донесениях от передовых немецких частей появились сведения, что сила сопротивления противника стала слабее, чем раньше⁴⁶.

Что знали тогда в Москве о складывающейся под Вязьмой ситуации и почему так долго не реагировали на тревожные сигналы с фронта? Как уже отмечалось, в первые дни октября 1941 г. основное внимание Ставки ВГК было приковано к брянскому направлению. Относительно боев на вяземском участке ясности не было. В Кремле, очевидно, просто не могли поверить, что немцы смогут так быстро продвинуться в полосе Западного и Резервного фронтов. Во многом поэтому данные нашей авиации о германских колоннах техники уже в глубоком советском тылу воспринимались как дезинформация. Откуда здесь могут быть немцы? Добытые с риском для жизни достоверные сведения о местоположении противника, как отмечал бывший командующий истребительной авиацией ПВО Н. А. Сбытов, могли вызвать гнев начальства и даже стать основанием для ареста. Вот что он вспоминал:

«5 октября на рассвете разведчики доносят: по Варшавскому шоссе, примерно в 50 км от города (очевидно, Юхнова. – М. М.), безусловно в нашем тылу, двумя колоннами идут немецкие танки и пехота. Информация исключительно важная, поэтому нуждается в тщательной проверке... Посылаю перепроверить (майора Карпенко). Прилетает назад, докладывает: „Товарищ командующий, точно, идут немецкие танки, очень много“. Потом оказалось... целый немецкий корпус практически без боя спокойно движется на Москву. А у нас никаких резервов нет. Только строительные батальоны...»

Далее Сбытов говорит о том, что доложил о немцах начальнику тыла РККА генералу Телегину, так как генерал Артемьев (командующий войсками Московского военного округа) был в Туле, и тогда в срочном порядке было принято решение о подъеме и переброске к фронту курсантов, в том числе подольских военных училищ. Руководство ПВО Москвы принялось собирать в кулак всю имевшуюся под рукой штурмовую авиацию, стягивать резервы, откуда только можно. Это было в 7 утра, а к 12 часам Сбытова вызвали к заместителю наркома НКВД, начальнику Управления особых отделов НКВД В. С. Абакумову. «В это время, – продолжает он, – авиагруппа уже готовилась нанести удар по немецкой танковой колонне. Вдруг звонок. Абакумов приглашает меня к себе. Приезжаю на Лубянку... В кабинете Абакумова уже Меркулов, заместитель Берии, и еще начальник контрразведки штаба ВВС на меня из угла косится. Абакумов сразу же:

– Откуда вы взяли, что немецкие танки идут по Варшавскому шоссе и уже чуть ли не под Юхновом?.. На каком, собственно, основании вы проводите разведку дорог в нашем тылу, а не в немецком? А может, для того, чтобы панику в Москве устроить? – и все в таком же духе. – Сейчас, говорит, проверим! Вызвать сюда Климова, командира 6-го авиакорпуса!».

Сбытов долго доказывал правдивость сведений о немецких танках и лишь спустя несколько часов был отпущен к себе в штаб. К тому времени стало темнеть, и время для авиационного удара по врагу было упущено. В то время он еще не знал, что, пока его допрашивал Абакумов, в Кремле шло заседание Государственного комитета обороны (ГКО). Утром же 6 октября ему позвонил начальник штаба ВВС и сообщил: «ГКО на своем

⁴⁵ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 46–54.

⁴⁶ См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 170.

заседании твои действия одобрил! Это, безусловно, немцы идут. Немедленно собери все силы, которые только можно собрать, и бей!».

Советская авиация приступила к бомбежке немецких танковых колонн, враг вынужден был приостановить свое движение вперед. Хотя Сбытов и делает оговорку, что к тому времени немцы пошли осторожнее, так как заподозрили что-то неладное. А после ударов с воздуха рассредоточились с главной дороги. Кроме того, захватив Юхнов, они развернули главные силы в направлении Вязьмы с целью окружения советских армий 19, 20, 24, 32-й Западного и Резервного фронтов.

В итоге, заключает бывший командующий истребительной авиацией ПВО, «поступил приказ Сталина: задержать наступление немцев любой ценой минимум на 5–7 суток. А чем задерживать, неизвестно... На пути немцев мы смогли поставить только тех же подольских курсантов всего лишь с двумя противотанковыми пушками и мои самолеты, штурмовавшие немецкие войска по несколько раз в день...»⁴⁷.

Действительно, советская авиация в тех условиях делала все, что было в ее силах. Так, была совершена бомбежка моста через Утру в районе г. Юхнов с целью задержать немецкие колонны бронетехники. Но, кроме малочисленных групп самолетов для прикрытия прорванного фронта, сил и средств фактически не было. Оставались лишь запасные части, танковая бригада и курсанты военных училищ – всего около 90 тыс. человек.

Когда Ставка ВГК в конце концов осознала всю опасность обстановки к западу от Москвы, она предприняла экстренные меры. 5 октября решением ГКО к Можайской линии обороны по боевой тревоге перебрасывались курсанты московских и подольского военных училищ, а также Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Сталин приказал собирать все имевшиеся в наличии войска в тыловых военных округах и направить их на защиту столицы. Считая Г. К. Жукова единственным военачальником, способным разобраться в обстановке и восстановить положение, Верховный отозвал его из Ленинграда и направил в район действий Резервного фронта в качестве представителя Ставки⁴⁸. По пути на фронт генерал долго не мог найти ответственных военачальников, стал свидетелем неосведомленности командиров в дислокации своих и вражеских войск.

К 10 октября линия фронта проходила уже примерно в 180 км к западу от Москвы. Наиболее опасная для советских войск ситуация в середине месяца обозначилась на можайском направлении, в том месте, где почти параллельно друг другу проходили железные и автомобильные дороги на Москву. Стремясь использовать ситуацию, когда впереди не отмечалось каких-либо крупных советских соединений, моторизованные части вермахта, не задействованные в уничтожении окруженных советских войск под Вязьмой, устремились по кратчайшему пути к советской столице.

Основные дороги на Москву на Можайском, Волоколамском и других направлениях прикрыли тогда своей грудью малочисленные подразделения подольских пехотного и артиллерийского училищ, курсанты командного училища им. Верховного Совета СССР и других военно-учебных заведений – всего несколько тысяч человек. Недостроенная Можайская линия обороны была просто не в состоянии закрыть все пути, ведущие к столице, но и этот рубеж был уже фактически захвачен передовыми немецкими частями. Курсанты имели в основном лишь винтовки, но стояли насмерть. По некоторым данным, в период с 6-го по 10 октября их легло на полях от Медыни до Крестов около 3,5 тыс. чел. Только убитыми. Но они помогли задержать врага на самых опасных участках и в наиболее тяжелый период, когда немцы, наступая по незащищенным дорогам, могли в два-три броска достичь Москвы и захватить ее с ходу. Особенно кровопролитными были бои на так называемых Ильинских рубежах (в районе Медыни), там, где сегодня стоит мемориал в честь погибших

⁴⁷ Цит. по: Москва военная, 1941-45. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 84–86.

⁴⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 3. С. 55.

курсантов.

Стоит отметить, что, несмотря на слабое вооружение, подготовка курсантов была на высоком уровне. Немцы поначалу даже удивлялись, откуда у русских такие опытные солдаты? Дело в том, что этих юношей активно обучали ратному делу в качестве будущих офицеров. Заветных кубарей они получить не успели, но с лихвой оправдали звание советского воина. Вечная им память!

6 октября, когда кольцо окружения под Вязьмой было сужено до 20 км⁴⁹, Ставка ВГК наконец разрешила командующему Западным фронтом И. С. Коневу начать отход. Ранее было принято решение об отводе Резервного и Брянского фронтов в ночь на 6 октября. 31-я и 32-я армии передавались из Резервного в Западный фронт. Однако к этому времени ситуация для советских войск в районе Вязьмы непоправимо ухудшилась. 9-й немецкой армией был прорван днепровский рубеж восточнее Дернова, а «перед флангом охвата 4-й А, – как отмечалось в немецких документах, – силы противника были разбиты и не оказывали сопротивления». На участках наступления 20-го и 9-го германских армейских корпусов советские войска под прикрытием арьергардов отходили на северо-восток⁵⁰.

К сожалению, мужественное сопротивление воинов Красной армии не смогло остановить танковые объединения Г. Гота и Э. Гепнера. Многие советские дивизии Резервного и Западного фронтов, укомплектованные в том числе ополченцами, сражались с невероятной отвагой, но, испытывая на себе постоянное давление противника, измотанные танковыми атаками и не имея поддержки с воздуха, вынуждены были отходить к Вязьме. Немцы по максимуму использовали свое преимущество в огневой мощи и подвижности. Еще одной причиной быстрого продвижения немецких ударных группировок стал тот факт, что германская разведка регулярно получала сведения о намерениях советского командования. Полевые командиры вермахта оперативно использовали в своих интересах радиоперехваты переговоров между советскими штабами и применяли радиообман.

Так, 6 октября 1941 г. пост управления радиоперехватом ГА «Центр» передал в штаб группы фон Бока информацию о намерениях 32-й армии советского Западного фронта (32-я армия вместе с 20-й армией 5 октября была выведена из состава Резервного фронта и подчинена Западному фронту Конева). Текст перехваченного советского приказа гласил: «С рассветом 7 октября всеми силами ударить в стену танковых войск противника, которые движутся по дороге Юхнов – Знаменка. Должны быть приняты все меры». 4-я немецкая армия фельдмаршала Клюге моментально получила ориентировку о дальнейших действиях и выделила силы для блокирования намечавшегося советского прорыва⁵¹.

Немцы действовали не просто уверенно, но и нагло, запуская по радио ложные приказы для командиров РККА. В полосе действий 3-й танковой группы германская разведка ввела в заблуждение штаб советской 242-й стрелковой дивизии (30-й армии). 5 октября части нашей дивизии, отходя на восток, вышли к дороге Белый – Вязьма. Однако неожиданно они получили по радиации приказание не ввязываться в бой, а «ждать». Более суток 242-я дивизия была без движения, теряя драгоценное время и возможность вывести сохранившуюся матчасть. Когда выяснилось, что в эфире хозяйничают враги, прорываться пришлось уже без техники и тяжелого вооружения. Лишь 10 октября две группы дивизии, общей численностью 800 чел., пробились в район расположения 29-й армии. Около 700 чел. (в основном тыловые подразделения) вышли восточнее Можайска и были обращены на формирование 2-й Московской стрелковой дивизии⁵².

⁴⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 188.

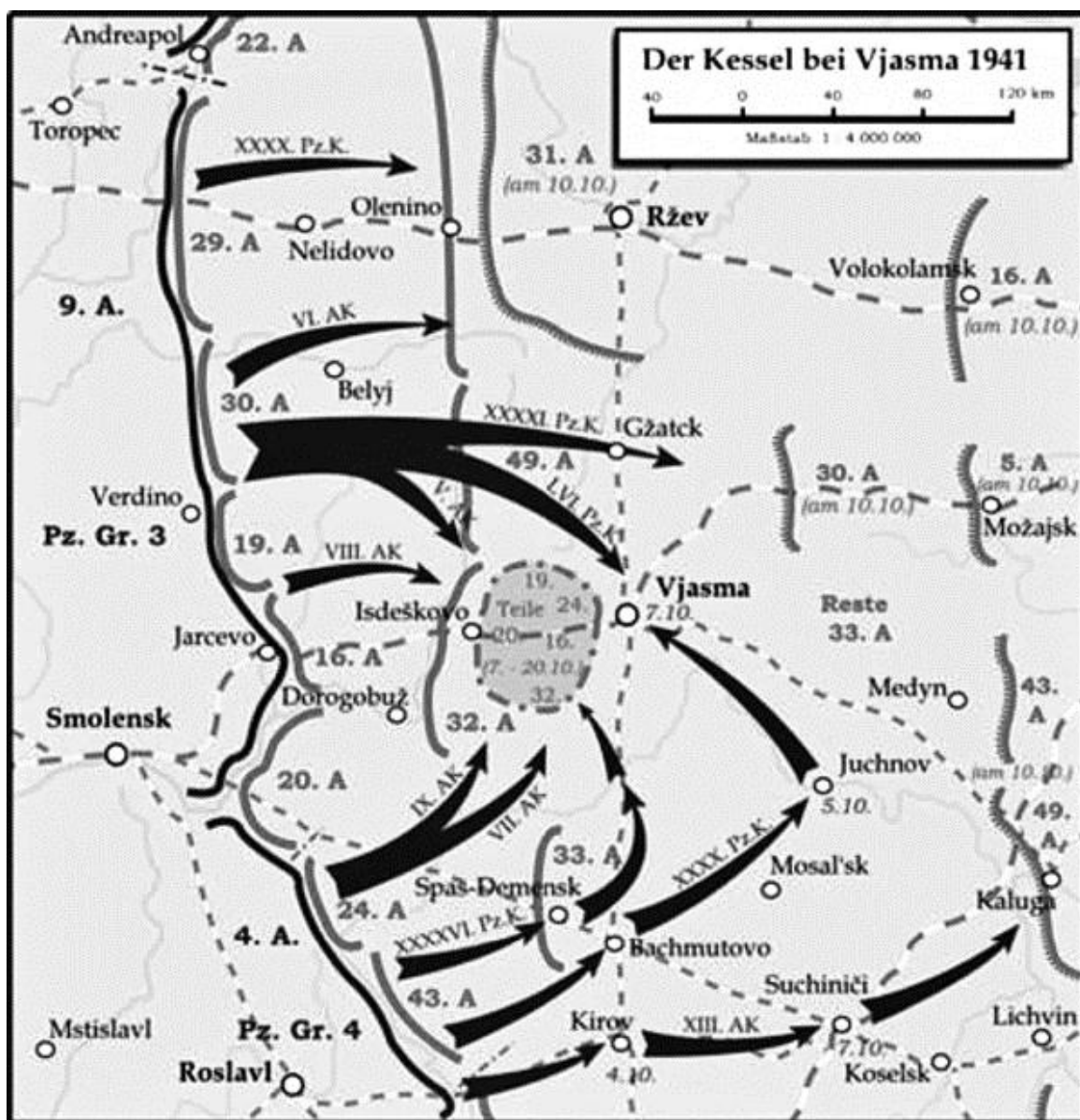
⁵⁰ Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 212.

⁵¹ Там же. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 12. Л. 15–19.

⁵² Там же. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

7 октября 1941 г. кольцо окружения под Вязьмой замкнулось. Западнее города 7-я танковая дивизия (3-й танковой группы) соединилась с 10-й танковой дивизией (4-й танковой группы). Согласно отчетной карте ОКХ от 8 октября 1941 г., в «котел» попали части 19, 20, 24 и 43-й советских армий в составе 23 стрелковых дивизий и 3 танковых дивизий, кроме того, отдельные части 8 стрелковых и 2 танковых дивизий. Части около 6 стрелковых, одной танковой дивизии и одной танковой бригады вынуждены были действовать в разрозненных боевых порядках в районе деревень Медведки – Преображенское, севернее Спас-Деменска⁵³. Под Брянском окружение трех советских армий (50, 13, 3-й) было завершено спустя два дня, 9 октября. 10 октября немецкие передовые отряды овладели Сычевкой, откуда нанесли новый удар на Зубцов.

Немецкая карта Вяземского котла

Вступление немецких танков в Вязьму было полной неожиданностью для советского командования. Генерал К. К. Рокоссовский, который находился в тот момент в городе, не имел практически никаких сил задержать вражеские колонны. Дивизии, которые должны

⁵³ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 39–40.

были подчиниться управлению 16-й армии (согласно распоряжению высшего руководства), оказались уже охвачены противником. Генерал едва успел покинуть Вязьму в тот момент, когда танки противника уже показались на горизонте.

Говоря об основных причинах быстрого окружения наших войск под Вязьмой и Брянском, историк Л. Лопуховский выделяет следующие моменты: советская разведка прозевала крупные перегруппировки войск противника на западное стратегическое направление, тогда как ни одному из фронтов не удалось определить направления главных ударов соединений ГА «Центр»; командование РККА переоценило собственные возможности и недооценило потенциал вражеских сил; решение о переходе к обороне было принято слишком поздно; уровень тактической подготовки советских соединений в связи с большими потерями оказался крайне низким; наши части не располагали надежной связью, что с началом наступления быстро привело к потере управления. Еще одним пагубным обстоятельством, повлиявшим на развитие ситуации, стал просчет Ставки в распределении зон ответственности войск, что привело к чересполосице между фронтами. Так, четыре армии Резервного фронта располагались в тылу, составляя стратегический резерв, тогда как две остальные армии находились в первом эшелоне еще со времени Смоленского сражения. Все это создавало большие препятствия для взаимодействия войск в период начала германской операции. Фронт Буденного так и не получил приказ о подготовке жесткой обороны. «Дело дошло до того, что саперы 31-й армии заминировали рокадные дороги в тылу Западного фронта, которые предназначались для маневра его войск»⁵⁴.

Командование ГА «Центр» рассчитывало на быстрое уничтожение советских войск под Вязьмой. 7 октября штаб ГА «Центр» издал приказ № 1870 о продолжении операций на московском направлении. В нем говорилось: «Окруженные западнее Вязьмы армии противника находятся перед своим уничтожением. Весь фронт окружения продолжает против них наступление. Все могущие быть высвобожденными части должны немедленно приступить к преследованию избегнувших окружения частей противника, с тем чтобы не дать ему возможности создать новый фронт обороны...»⁵⁵.

Наряду с задачей уничтожения противника в «котле» под Вязьмой, которая возлагалась на дивизии 4-й и 9-й немецких армий, фон Бок поставил перед своими войсками следующие задачи: 2-й танковой армии (до 1 сентября 1941 г. танковой группе. – М. М.) – при первой возможности прорваться к Туле и продвигаться дальше на Каширу, Коломну и Серпухов; 4-й армии – наступать с рубежа Калуга, Медынь в северо-восточном направлении и захватить переправы через р. Протва; свободным дивизиям 4-й танковой группы – продвигаться от Вязьмы на Можайск, а силам 3-й танковой группы – в направлении Калинин и Ржев; 2-й армии следовало во взаимодействии с частями 2-й танковой армии уничтожить противника в районе Трубчевск, Жиздра⁵⁶.

Немецкая разведка доносила, что внутри «котла» неразбитые соединения РККА начали поспешный отход со своих позиций на восток, рассчитывая с ходу пробить брешь в немецком окружении. В то же время с восточной стороны кольца командование Западного фронта старалось создать из разрозненных частей деблокирующую группировку в районе Гжатска. Ее контрудар в направлении Вязьмы 10–11 октября в перспективе мог привести к разрыву немецких клещей. Однако для успешного удара извне требовалось намного более сильное объединение войск и хорошая координация с командованием окруженных соединений, чего на самом деле не было.

Произошло обратное – отход на восток внутри кольца шел практически бесконтрольно,

⁵⁴ Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 241–242, 244–245.

⁵⁵ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 39.

⁵⁶ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

по мере сужения самого периметра окружения. Войска Западного и Резервного фронта стремились как можно скорее прорваться на большую землю. Но быстрое отступление соединений Западного и Резервного фронтов лишало советское командование возможности маневра, не оставляло ему времени для создания ударных деблокирующих групп. Преследуемые с запада германскими пехотными дивизиями, советские части упирались в стальную завесу на востоке. На фронте шириной 80 км южнее и севернее Вязьмы немцы сосредоточили 6 танковых дивизий (2, 5, 6, 7, 10 и 11-ю)⁵⁷. Непосредственно Вязьму прикрывала 10-я танковая дивизия. Фронт советской обороны быстро уменьшался, а все попытки командования 19-й армии (генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина) и 20-й армии (генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова) прорваться в районе деревни Богородицкое (северо-западнее Вязьмы) и в районе Панфилово – Юшково (южнее Вязьмы), предпринятые 8-12 октября 1941 г., окончились неудачей.

Руководство всей окруженной группировкой советских войск необходимо было срочно централизовать, и эта задача была поручена генералу М. Ф. Лукину. Этот выбор был достаточно обоснованным: Лукин пользовался заслуженным авторитетом среди других командиров и при этом имел опыт достаточно удачного вывода своих сил из «котла» под Смоленском летом 1941 г. Однако быстро предпринять какие-либо шаги командующий 19-й армией не мог, поскольку 7 октября не имел связи со штабом Западного фронта⁵⁸.

Несмотря на то что число людей в строю постоянно сокращалось, советское командование неоднократно повторяло попытки прорыва. Для очередного удара были использованы все оставшиеся реактивные установки залпового огня «Катюша». Казалось, вот-вот вражеская оборона дрогнет, провалится под неудержимым натиском наших бойцов, идущих в отчаянные атаки. В один момент под селом Богородицким чудо вдруг произошло: узкий коридор на восток был пробит, и по нему немедленно устремились массы советских солдат, бежавших через трупы своих и чужих военнослужащих. Но это продолжалось всего несколько часов. Трехкилометровый коридор держался лишь до рассвета. По нему удалось прорваться частям 91-й дивизии, остаткам отряда моряков и некоторым другим частям. Несколько сотен человек 2-й стрелковой дивизии вывел генерал Вашкевич⁵⁹, но главным силам не повезло. Образовались пробки, люди и повозки перемешались, а враг открыл ураганный огонь по фактически беззащитным войскам. Немцы подтянули дополнительные силы, включая танки, и закрыли проход. Очередная попытка пробить брешь была уже не по силам истощенным бойцам.

Среди современных исследователей вяземского окружения существует мнение, что советским генералам внутри самого котла, прежде всего принявшему на себя командование генералу Лукину, необходимо было избрать другую тактику прорыва. Следовало прежде всего обеспечить устойчивость линии фронта по всему периметру кольца, накопить резервы, из которых создать ударную группу, прощупать позиции врага, узнать его слабые места и лишь затем нанести разящий удар, который, очевидно, не стоило производить против наиболее сильного немецкого заслона вдоль автострады, ведущей через Вязьму. От выбора места зависело очень многое, и стоило попытаться преодолеть немецкие позиции в южном или северном направлении. Но все эти предположения, озвученные задним числом, не берут в расчет реальную ситуацию в кольце окружения. Лукину и другим командующим приходилось действовать в обстановке, ухудшавшейся с каждым часом. Ряды бойцов таяли, боеприпасы были на исходе. Закончились продовольствие, медикаменты и перевязочные материалы. Все окрестные дома были переполнены ранеными. Великой заслугой наших

---

⁵⁷ Хазанов Д. Указ. соч. С. 71.

⁵⁸ 53. Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 369–370.

⁵⁹ Мещанский И. Б., Исаев А. В. Триумфы и трагедии великой войны, М., 2010.

командиров и простых солдат стало то, что даже в этих условиях они находили в себе силу духа не опуститься на землю, признав полный коллапс фронта, а вновь и вновь подниматься в цепь и если не прорваться к своим, то, по крайней мере, подороже продать свою жизнь.

В отчаянном положении находились объединения, которые ранее с успехом обороняли позиции между флангами немецких прорывов. Теперь им приходилось совершать многокилометровые марши, чтобы иметь шанс выйти на восток. Окруженные войска находились под непрерывным огнем противника. Колыбель советской гвардии – 24-я армия генерала К. Ракутина – во время отступления подвергалась ударам практически со всех сторон. Благодаря мужеству ополченцев из 9-й дивизии народного ополчения (теперь это была 139-я стрелковая дивизия) ракутинцам удалось достичь района Семлева, но далее путь преграждали сильные германские заслоны. Армия так и не смогла соединиться с силами 19-й армии. Основная масса частей и соединений 24-й армии погибла или попала в плен. Сам Ракутин, до войны бывший начальником Прибалтийского пограничного округа, героически пал в бою между н. п. Волочек и Семлево, в районе урочища Гаврюково Дорогобужского района Смоленской обл. Его останки были найдены членами поискового объединения «Судьба» только в 1996 г. и торжественно перезахоронены на мемориальном кладбище в поселке Снегири под Москвой.

К сожалению, советская авиация не смогла оказать реальной помощи окруженным войскам. Сил, чтобы организовать «воздушный мост», просто не было, плохо работала и авиаразведка. Получилось так, что немцы от своих воздушных наблюдателей хорошо знали обо всех передвижениях окруженных сил, а те не знали ничего о своем противнике. Лишь эпизодически самолеты ВВС РККА сбрасывали окруженцам некоторое количество боеприпасов.

9 октября 1941 г. командование немецкого 8-го армейского корпуса сообщило в штаб 9-й армии, что русские отвели с днепровского рубежа так много сил, что «можно было, преодолевая слабое и несогласованное сопротивление, пройти этот участок и прорвать оборонительную полосу...». Наступившая плохая погода, дождь, слякоть не мешали немецким частям совершать непрерывное движение, в том числе автотранспорта. Правда, теперь приходилось больше полагаться на ускоренные марши во время ночных заморозков⁶⁰.

Согласно отчетной карте ОКХ за 13 октября 1941 г., количество соединений Западного и Резервного фронтов, попавших в кольцо, составляло уже 24 стрелковых дивизии, 3 танковых дивизии и части 15 стрелковых и 7 танковых дивизий⁶¹. В общей сложности в двух «котлах» под Вязьмой и Брянском оказались 7 полевых управлений армий (из 15); 64 дивизии (из 95); 11 танковых бригад (из 13); 50 артиллерийских полков (из 62)⁶². Для войск Западного и Резервного фронтов ситуация стала катастрофической. Действуя испытанными методами, командование ГА «Центр» попыталось расколоть фронт окружения западнее Вязьмы на две части. 12 октября 1941 г. 87-я пехотная дивизия вермахта, в боевом дозоре которой находился командный пункт 8-го армейского корпуса, пробилась с запада вдоль автострады к Вязьме. Была установлена связь с находящейся в городе 10-й танковой дивизией.

Прибывший по вызову Сталина из-под Ленинграда на московское направление генерал армии Жуков достаточно быстро разобрался в обстановке. Советская оборона фактически рухнула, и надо было спасать положение. Буденный и Конев фактически утратили управление войсками, и Георгию Константиновичу приходилось собирать все имевшиеся в

⁶⁰ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 114. Л. 1.

⁶¹ Цит. по: *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 26.

⁶² См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 173.

наличии соединения и части, выдвигать их вперед навстречу врагу, чтобы не допустить внезапного и быстрого прорыва германских танковых колонн на столицу. В штабе Западного фронта он встретил московскую комиссию, разбирающуюся в причинах катастрофы фронта, и фактически спас Конева от военного трибунала, попросив Сталина назначить последнего командовать силами, действовавшими на калининском направлении. Ставка ВГК, приказав объединить Западный и Резервный фронты в один Западный фронт, назначила его командующим Г. К. Жукова, а заместителем – И. С. Конева. 11 октября в 18:00 Жуков официально вступил в новую должность. Его штаб располагался тогда в Красновидове. 13 октября Жуков отдал всем армиям приказ об упорной обороне занимаемых рубежей⁶³. Жесткими и решительными мерами он принялся стягивать на основные магистрали, ведущие к Москве, все войска, которые только возможно было перебросить сюда из тыловых районов и менее угрожаемых участков.

---

⁶³ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 1019. Д. 12. Л. 3.

Немецкие войска входят в Вязьму. Кировский мост через реку Вязьма, октябрь 1941 г

Положение окруженных тем временем становилось все хуже. 11 октября генерал Лукин отправил на большую землю сообщение: «Кольцо окружения сомкнуто. Все наши попытки связаться с Ершаковым и Ракутиным успеха не имеют, где и что делают – не знаем. Снаряды

на исходе. Горючего нет». Утром 12 октября Лукин получил от Жукова радиogramму в которой содержалась обнадеживающая информация о слабости немецкой обороны перед фронтом объединения Ершакова – южнее Вязьмы. Окруженным предлагалось смять германские позиции именно здесь⁶⁴. В тот же день, 12 октября, командование советских войск в вяземском кольце отправило свое последнее донесение:

«Тт. Сталину, Шапошникову.

Тт. Жукову, Коневу, Булганину.

Прорваться не удалось, кольцо окончательно стеснено, нет уверенности, что продержимся до темноты. С наступлением темноты буду стремиться прорваться к Ершакову. Артиллерию, боевые машины и все, что невозможно вывести, – уничтожаем.

Болдин, Лукин, Ванеев»⁶⁵.

В ночь с 12-го на 13 октября генерал Лукин, как и собирался сделать, стал выводить подчиненные ему силы, окруженные северо-западнее Вязьмы, на соединение с генералом Ершаковым. Завязался тяжелый бой, в результате которого советским войскам удалось прорываться через автостраду с севера на юг. Но Лукин не знал, что в районе Селиваново, где находился командующий 20-й армией Ершаков, сопротивление окруженных было уже практически подавлено⁶⁶. В результате советские бойцы попали в новое окружение – теперь уже 4-й немецкой армии.

Силы 20-й армии к тому времени были уже подорваны попытками пробиться через вражеские заслоны у деревень Панфилово и Селиваново. Эти населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. По свидетельству местных жителей, на поле у д. Селиваново (17 км южнее Вязьмы) тела погибших воинов лежали в несколько слоев. Здесь погибли и многие командиры из штаба 20-й армии. Сами немцы также отмечали крайнюю жесточенность боев в этом районе⁶⁷. Дальнейшие попытки командования окруженной советской группировки разорвать кольцо и пробить коридор южнее Вязьмы, предпринятые 13–14 октября, успеха не имели. Сам генерал Лукин был тяжело ранен 14 октября. У него были перебиты правая нога и рука, он потерял способность к передвижению и в бессознательном состоянии попал в плен.

13 октября местность в районе автострады Смоленск – Вязьма была взята под контроль немцами⁶⁸. Хотя организованного сопротивления уже не было, советские войска продолжали сражаться в тылу у немцев еще как минимум десять дней. Выход из окружения стал возможен только незначительными по числу группами. Части делились на мелкие отряды и лесными тропами шли в направлении своих. Некоторым группам повезло. В донесениях Западного фронта уже конца октября – начала ноября 1941 г. сообщается о тысячах бойцов и командиров, соединившихся с основным фронтом под Москвой. В крайне ослабленном состоянии, потеряв большую часть своего состава, из кольца смогли прорваться и целые дивизии, как, например, 139-я и 160-я дивизии, пробившие брешь в районе Панфилово. Сумели избежать худшей участи 108, 144, 126 и 129-я дивизии, которые

⁶⁴ *Мощанский И. Б., Исаев А. В.* Триумфы и трагедии великой войны, М., 2010.

⁶⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2413. Д. 36. Л. 297. Цит. по: *Лопуховский А. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 493–494.

⁶⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.

⁶⁷ *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 510–511.

⁶⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.

докладывали Военному совету Западного фронта в конце октября о ходе восстановления своих сил. 5 ноября на участке 16-й армии, уже под Волоколамском, через линию фронта пробилась группа в составе около 800 человек во главе с генералом И. В. Болдыным. Сегодня нет точных данных о количестве наших военнослужащих, вышедших из вяземского и брянского котлов. Встречается цифра около 85 тыс. человек, не подтвержденная, однако, архивными документами. Известно также, что около 65 тыс. военнослужащих просочилось через линию фронта в составе мелких отрядов и в одиночку⁶⁹.

Картина завершавшегося сражения была поистине трагичной. Офицер из штаба 8-го армейского корпуса вермахта сообщал тогда в своем отчете: «...Наступил мороз и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автостраде на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялось имущество, пушки, танки». Значительны были и немецкие потери. Только один 8-й армейский корпус в период 2-14 октября 1941 г. потерял 4077 чел. (убитыми, ранеными, пропавшими без вести). Однако его части за это время пленили 51 484 советских военнослужащих и взяли в качестве трофеев 157 танков, 444 орудия и др. имущество⁷⁰.

Если под Вязмой все было уже кончено, то в районе действия 50, 3 и 13-й советских армий Брянского фронта (командующий фронтом генерал-лейтенант А. И. Еременко, а с 14 октября 1941 г. – генерал-майор Г. Ф. Захаров) еще продолжались кровопролитные бои. Только 9 октября 1941 г. соединения 2-й армии генерала Вейхса смогли соединиться со 2-й танковой армией Гудериана северо-западнее Брянска, расчленив тем самым советскую группировку на две части: северную – в районе Брянск, Дятьково (50-я армия) и южную – в районе Трубчевск, Суземка, Навля (13-я и 3-я армии)⁷¹.

Особенностью сложившейся ситуации было то, что если для 13-й армии (генерал-майора А. М. Городнянского) и 3-й армии (генерал-майора Я. Г. Крейзера) это было уже полное окружение, то для 50-й армии (генерал-майора М. П. Петрова) оставалась возможность отступления на северо-восток, на город Белев. К 8 октября командование ГА «Центр» прикрывало это направление лишь силами 112-й пехотной дивизии. Здесь немцы не имели сплошного фронта⁷². Однако начавшийся успешный прорыв 50-й советской армии на Белев был вскоре остановлен по приказу начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова. Армии предписывалось ударить в направлении р. Рессета, в юго-восточном направлении, что оказалось ошибкой. Потеряв здесь свыше 80% личного состава и более 97% артиллерии, лишившись командующего генерала М. П. Петрова, остатки армии все же вышли из окружения, но в районе, который был определен изначально⁷³.

Из состава 3-й армии, которая вела бои в районе Дмитровск-Орловский, из окружения смогли выйти лишь 3 тыс. чел.⁷⁴, а из 13-й армии 11 октября в районе южнее Севска на восток прорвались около двух дивизий. Чтобы выручить части 13-й армии, им навстречу двигалась группа Ермакова. Однако во второй половине дня 16 октября немцам удалось

⁶⁹ Моцанский И. Б., Исаев А. В. Триумфы и трагедии великой войны, М., 2010.

⁷⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.

⁷¹ ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

⁷² См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.

⁷³ См. там же, с. 175.

⁷⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 377. Л. 121–137.

закрывать образовавшуюся брешь⁷⁵. Наступившая плохая погода чрезвычайно затрудняла действия обеих сторон. Однако, достигнув дорог с хорошим покрытием, немцы смогли быстро продвинуться в обход советских войск. Из окружения смогли выйти лишь 10 тыс. чел. 13-й советской армии⁷⁶.

Итог «сражения на уничтожение» под Вязьмой и Брянском был тяжелейшим для советских войск. Согласно предварительным оценкам ОКХ от 14 октября 1941 г., в плену оказались свыше 500 000 советских военнослужащих, было захвачено 3 тыс. орудий, 800 танков и др. техника. Чуть позже, к 18 октября, 2-я полевая армия доносила о пленении 55 105 чел. и захвате трофейного имущества: 477 орудий, 21 танка, 1066 автомашин и др. техники⁷⁷. В сводке германского верховного командования вскоре появились сообщения о взятии в плен 663 тыс. красноармейцев и командиров, уничтожении или захвате 1242 танков и 5412 орудий. По опубликованным отечественным данным, за первые 2–3 недели боев под Москвой Красная армия лишилась до одного миллиона человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. пленными⁷⁸.

Колонна советских военнопленных

Число пленных, объявленных немцами, вызывает сегодня определенное сомнение. Дело в том, что германское командование, опасаясь партизанской войны, предписывало задерживать в зоне боевых действий всех мужчин призывного возраста. Так, в приказе 12-го армейского корпуса 4-й армии говорилось, что в целях ликвидации партизанской опасности

⁷⁵ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 175.

⁷⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 250–251; 280–281.

⁷⁷ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 175.

⁷⁸ См. там же, с. 181.

«не только фронтовым частям, но и подразделениям, следующим за ними, необходимо задерживать не только русских солдат, но и вообще всех мужчин в возрасте от 16 до 50 лет и направлять их в лагеря для военнопленных. Гражданских лиц, задержанных с оружием в руках или при проведении актов саботажа, немедленно расстреливать»⁷⁹.

Положение наших военнопленных под Вязьмой и Брянском было ужасающим. На территории только Вяземского района немцы организовали 7 сборных лагерей для военнопленных. В самом городе также было несколько лагерей. Наступила холодная погода, и марши голодных измученных людей к месту пересыльных лагерей и далее, по сути, становились маршами смерти. Бывшие заключенные вспоминали, что германские солдаты загоняли советских бойцов в колонны палками, а раненых просто добивали из винтовок. Многие военнопленные погибли при попытке к бегству. Но некоторым, пользуясь тем, что врагу на первых порах не хватало конвоиров, удалось ускользнуть и в конце концов добраться до своих.

Фельдмаршал фон Бок 20 октября записал в своем дневнике о тяжелом впечатлении, которое произвели на него колонны русских военнопленных. «Будто живые покойники, бредут эти несчастные, изможденные голодом люди по дорогам. Многие так и гибнут на них от голода и потери сил»⁸⁰. Фон Бок лукавил, говоря далее, что этим военнопленным ничем нельзя помочь. Его волновала прежде всего не судьба людей, а то, чтобы они не бежали и не превратились в партизан. Командование ГА «Центр» практически ничего не сделало для налаживания нормального питания и обогрева военнопленных. Далее в тыл красноармейцев перевозили в открытых вагонах, в которых они стояли, тесно прижавшись друг к другу, под дождем и мокрым снегом. До места назначения живыми добиралась едва ли половина людей. Пересыльные лагеря («дулаги») зачастую представляли собой лишь голую территорию, огороженную колючей проволокой, периметр которой охранялся при помощи пулеметов. Судьба наших бойцов и командиров, попавших во вражеские руки в окружении под Вязьмой и Брянском, является одной из самых трагических страниц Великой Отечественной войны. Поиски мест захоронения, возведение достойных мемориалов на месте гибели наших военнопленных, издание списков умерших в заключении и воспоминаний выживших людей является сегодня нашим долгом перед памятью сотен тысяч советских военнослужащих, оказавшихся в окружении осенью 1941 г.

Следует, однако, сказать, что действия окруженных под Вязьмой и Брянском советских частей сыграли важную роль в спасении столицы. Оказавшись в тылу противника, войска не сложили оружия, а продолжали мужественно драться. Для ликвидации двух огромных котлов ГА «Центр» пришлось привлечь до 61% своих дивизий (48 из 78) и затратить на это от 7 до 14 суток⁸¹.

Окруженные части своей продолжающейся борьбой связывали не только сухопутные, но и авиационные части врага. Так, эскадра пикировщиков «Иммельман» постоянно бомбила советские войска под Вязьмой, не давая им организовать прорыв⁸². В середине октября люфтваффе были вынуждены снизить воздействие на советскую оборону на ближних подступах к Москве. Важнейшим районом действия своей авиации немецкое командование признавало Вязьму и Брянск.

Пробиваясь из окружения, советские бойцы и командиры везде, где только было возможно, уничтожали гитлеровцев. Они жили одним стремлением – скорее соединиться с

⁷⁹ Цит. по: *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 539.

⁸⁰ Цит. по: *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 543–544.

⁸¹ *Хазанов А.* Указ. соч. С. 55–56.

⁸² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 203–204.

войсками фронта и вместе биться за Москву. И самым счастливым днем для них был тот, когда они наконец вливались в части, защищавшие ближние подступы к столице.

Маршал Жуков подчеркивал: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки»⁸³.

Однако остается фактом, что под Вязьмой Красную армию постигло величайшее бедствие. В советской стратегической обороне на московском направлении образовалась брешь шириной около 500 км. Закрывать ее было нечем или почти нечем. Кратчайший путь на Москву был, казалось, полностью открыт. 8 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ констатировал, что противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск восточнее Вязьмы⁸⁴.

Германское командование решило, что с СССР теперь фактически покончено, взятие Москвы является вопросом ближайших дней. Гитлер и его генералы находились в состоянии эйфории. Фюрер заявлял: «Противник разгромлен и больше никогда не поднимется». Заголовки ведущих германских газет пестрили последними новостями: «Прорыв центра восточного фронта!», «Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву»⁸⁵.

Находясь под впечатлением такого триумфа, Гитлер вновь решил обратиться к решению вопроса о будущей судьбе Москвы. Еще в августе 1941 г. Гитлер заявлял, что существование этого города после войны не входит в немецкие планы. С целью его затопления намечалось взорвать шлюзы на канале им. Москвы (в том числе в районе Тушино). Однако этот «план», очевидно, посчитали неэффективным, поэтому после окружения советских войск под Вязьмой у фюрера возникла другая идея. 12 октября главное командование сухопутных сил вермахта сообщало в штаб ГА «Центр»:

«Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться еще в большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде...

Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство...

Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными территориями...

Дополнение главного командования сухопутных сил: следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром.

⁸³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 2. С. 19.

⁸⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 66.

⁸⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 3. С. 55.

Дальнейшие указания будут отданы позже»⁸⁶.

14 октября 1941 г. штаб группы фон Бока издал новый приказ на продолжение операций на московском направлении. 2-я танковая армия должна была охватить Москву с юго-востока; 4-я армия (совместно с 4-й танковой группой) – с юга, запада и севера. 9-я армия и правый фланг 3-й танковой группы должны были также уничтожить советские части в районе Ржева, Зубцова, Старицы.

Москву намечалось окружить, обстреливать, избавиться от ее населения. Но советское сопротивление в дальнейшем сорвало немецкие планы. И Гитлер, и фон Бок думали лишь о том, как взять советскую столицу еще до наступления суровой зимы и сделать это во что бы то ни стало. Для этого при необходимости в бой мог быть брошен последний резервный батальон.

По одной из версий (документального подтверждения не найдено), на 7 ноября планировался парад германских войск на Красной площади в честь покорения Москвы. Там же намечалось возвести памятник в честь победы германской армии. Гранит для него (розоватого оттенка) был взят в Финляндии. Материал уже подвезли к Москве, но вынуждены были бросить после начала советского контрнаступления. Этот гранит впоследствии был использован для облицовки фасада одного из зданий на Тверской улице (тогда улице Горького) – дома № 9.

Германские замыслы были поистине гигантскими и явно соответствовали той атмосфере, которая сложилась после завершения окружения под Вязьмой. В середине октября немецкие генералы были убеждены, что основные силы Красной армии уже разбиты. Оставалось только продвигаться вперед и добивать разрозненные советские части. Но германское командование явно переоценило свои силы и рано посчитало, что война практически закончена. Именно в это время, когда сила танковых группировок вермахта, казалось, вновь стала всесокрушающей, начали сказываться объективные условия войны на Востоке, которые препятствовали ГА «Центр» достичь окончательного успеха.

Главными и основополагающими факторами замедления, а затем и срыва германского наступления на Москву являются мужественное сопротивление бойцов и командиров Красной армии, экстренные меры советского руководства по мобилизации всех ресурсов на защиту столицы. 18 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока в своей сводке констатировал: «...В ходе боев последних дней под Малоярославцем, Вереей, Можайском, которые можно охарактеризовать как наиболее трудные за эту кампанию, высокая обороноспособность русских достигалась в основном за счет хорошего оборудования московских оборонительных позиций и использования большого количества тяжелых танков...»⁸⁷. Во второй половине октября 1941 г. к Москве из тыловых районов СССР и с других участков фронта в спешном порядке подходили все новые эшелоны с советскими войсками. Упорство советских солдат в обороне удивляло полевых командиров ГА «Центр». Так, командование 5-го армейского корпуса в докладе об обстановке на фронте от 23 октября 1941 г. отмечало, что «316-я русская дивизия (с 18 ноября 1941 г. – 8-я гвардейская, командир генерал-майор М. М. Панфилов – М. М.), которая осталась неразбитой и имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную борьбу. Эта дивизия имеет много тяжелого пехотного оружия, сравнительно мало пехотной артиллерии, но все же имеет тяжелую артиллерию, и в некоторых местах она переходит в контратаки вместе с танками...»⁸⁸.

⁸⁶ Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967. С. 339.

⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 306–318.

⁸⁸ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 55.

К концу октября 1941 г. первый натиск немецкого наступления на советскую столицу исчерпал свою силу. Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин, германские части вынуждены были приостановиться, чтобы пополнить передовые подразделения личным составом, привести в порядок материальные, продовольственные и боевые припасы. Стойкость советских частей на укрепленных рубежах Можайской оборонительной линии и на главных направлениях удара группы армий «Центр» стала неожиданностью для немецкого командования. В то же время Ставка Верховного Главнокомандования ускоренно перебрасывала на защиту столицы дополнительные соединения из восточных регионов Советского Союза. Но фиаско страшного удара германской армии на столицу в октябре 1941 г. было бы невозможно без отчаянного, лишенного всякой поддержки сопротивления окруженных советских частей под Вязьмой. Группа армий «Центр» потеряла драгоценное время и силы для ликвидации советских котлов, что в конкретной ситуации осени 1941 г. давало шанс нашей армии выстоять и отстоять Москву.

М. Ю. Мягков, д. и. н.,

Научный директор Российского военно-исторического общества

Советские военнопленные в немецких концлагерях

Одной из наиболее трагичных страниц истории любой войны является, безусловно, судьба военнопленных. Тем более если эта война – мировая.

Еще на этапе планирования нападения на Советский Союз политическое и военное руководство фашистской Германии разработало документы, утверждающие режим содержания советских военнопленных, использование их бесплатного труда и недопустимость проявления к ним какой-либо гуманности. Согласно официальным приказам Верховного главнокомандования германских вооруженных сил и главного командования сухопутных сил (*Oberkommando der Wehrmacht*, далее – ОКВ, и *Oberkommando des Heeres*, далее – ОКХ), по отношению к военнослужащим Красной армии правомерным являлось безжалостное применение оружия. При малейшем подозрении на побег или сопротивлении немецкие солдаты обязаны были открывать по военнопленным огонь на поражение. Такие приказы усиливали произвол на оккупированных территориях и оправдывали гибель десятков тысяч военнопленных.

Вследствие всего этого советские военнопленные оказались исключены из правового пространства, из обязательных стандартов международного права относительно размещения, питания, медицинского обслуживания и физической неприкосновенности военнопленных. Пленные красноармейцы оказались практически беззащитными перед нацистским произволом, и их массовая гибель осенью-зимой 1941 г. стала следствием именно этих преступных приказов.

Делами военнопленных в германских вооруженных силах ведали ОКХ и ОКВ, а позднее и СС. На территории Германии этой проблемой частично занимались Имперская служба труда (RAD), в отдельных случаях также абвер, СД и гестапо. В ОКВ вопросами военнопленных ведало Общее управление вермахта под началом генерала Г. Рейнеке. В его состав входил отдел по делам военнопленных, который до начала 1942 г. возглавлял полковник Брейер. Из-за большого количества советских военнопленных этот отдел был позже преобразован в управление, которым руководили поочередно генерал-майор Гревениц и с 1 апреля 1944 г. генерал-майор Вестгофф. Оба одновременно выполняли функцию инспекторов лагерей военнопленных.

Советские военнопленные. Вязьма, октябрь 1941 г.

Вязьма, ноябрь 1941 г.

В компетенции ОКВ находились лагеря военнопленных, расположенные на территории Рейха, Генерал-губернаторства, «имперских комиссариатов» на Востоке (Украина и Остланд), в Норвегии, Бельгии, оккупированной части Франции и т. д. ОКХ несла ответственность за лагеря военнопленных на территориях, включавших оперативные районы, т. е. зону боевых действий вместе с прилегающей к ней тыловой зоной.

На территории ОКВ распределением, охраной и использованием труда пленных

занимался Отдел по делам военнопленных, а с 1942 г. – начальник по делам военнопленных. Последнему подчинялись командиры военнопленных в отдельных военных округах Германии. В различных районах в их распоряжении находились окружные коменданты по делам военнопленных.

В прифронтовой полосе и оперативной зоне военнопленными занимались войска, находившиеся в подчинении ОКХ, в частности служба генерал-квартирмейстера, руководителем которой был генерал-майор Э. Вагнер. Ему подчинялись комендатуры, а тем, в свою очередь, – коменданты сборных и пересыльных лагерей. Структура и аппарат учреждений плена ОКХ в значительной степени соответствовали системе, сложившейся в ОКВ.

Структуру лагерей военнопленных составляли армейские и дивизионные сборные пункты (лагеря фронтовой зоны – «фронтлагги»), пересыльные или транзитные лагеря («дулагги» – сокращение от немецкого «Durchgangslager»), размещавшиеся обычно вблизи транспортных узлов, и стационарные лагеря («шталаги», носившие название «маншафтслагги» для рядового и сержантского состава и «офлагги» – для пленных офицеров). Концентрационные лагеря или лагеря смерти, куда направлялись лица, представлявшие, по мнению гестапо, опасность для немецкого государства, находились в подчинении СС.

Со сборных пунктов, организованных в непосредственной близости от линии фронта, военнопленных пешим порядком многие километры под конвоем гнали в транзитные лагеря. Лагеря эти – «дулагги» – чаще всего являли собой открытое пространство, огороженное колючей проволокой и не дававшее какого-либо укрытия от холодов и непогоды. Большая скученность, отсутствие регулярного питания и медицинской помощи приводили к высокому уровню смертности среди военнопленных. Помимо этого, специальные команды производили регулярную фильтрацию узников по национальному признаку, по принадлежности к командному и политсоставу, по физическому состоянию. Неблагонадежные немедленно уничтожались.

Всего за годы Великой Отечественной войны через систему немецких лагерей прошло, по немецким оценкам, до 5,7 миллионов советских военнопленных, а погибло в плену более 60% из них – 3,9 миллионов (по нашим данным, она завышена, поскольку включает в себя и сотни тысяч гражданских лиц). В приговоре Нюрнбергского военного трибунала над бывшими руководителями гитлеровской Германии такое, ни с чем несравнимое по жестокости обращение с советскими военнопленными было квалифицировано как преступление против человечности.

На территории Смоленской области в годы оккупации в 1941–1943 гг. фашистскими захватчиками было создано более 60 лагерей и других мест принудительного содержания советских военнопленных и гражданского населения.

На территории Вяземского мясокомбината в годы войны располагался «Дулаг-184». Фотография В. В. Зателепина. 30.04.2012

Одним из самых крупных немецких концлагерей стал пересыльный лагерь военнопленных «Дулаг-184» (Durchgangslager-184) в г. Вязьма, организованный на территории недостроенного в предвоенные годы авиационного завода. В 1945 г. здесь был организован действующий до настоящего времени мясокомбинат. Вяземский лагерь стал страшной «фабрикой смерти» не только для военнопленных, но и для гражданских лиц (в списках их помечали как гражданских), включая женщин с грудными детьми, детей, стариков. «Дулаг-184» существовал с октября 1941 г. по март 1943 г. Военнопленные продолжали поступать в лагерь почти до самого освобождения города от немецко-фашистских захватчиков 12 марта 1943 г.

Источники

1. *Streit C.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978.

2. *Overmans R.* Die Kriegsgefangenepolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bänd 9: Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945. München, 2005.

3. *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008.

4 *Полян П.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд. Москва, 2002.

5. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. М.: Юридическая литература, 1987–1999.

М. Ю. Мягков, д. и. н.,

Научный директор Российского военно-исторического общества

Вяземские лагеря смерти – «дулаги» № 184, 230, 231

По материалам немецких архивов

Работая по поиску родственников погибших в Вязьме советских военнопленных, ежегодно организуя по несколько коллективных и индивидуальных поездок на места гибели и захоронений их родных, мы не предполагали, что не только «Дулаг-184», как транзитный лагерь, существовал в Вязьме. Ориентировались на Списки, констатирующие имена погибших, составленные главными врачами лазаретов «Дулага-184», захваченные Смершем 33-й армии после освобождения города советскими войсками. Кто-то из местных краеведов упоминал пересыльный лагерь № 230, но ни документов, ни четких воспоминаний и информации не было.

Огромную исследовательскую работу по выявлению лагерей военнопленных в Вязьме провел поисковик-волонтер из Германии Алексей Владимирович Кислицын, изучивший документы немецкого архива в ЦАМО РФ, бундесархива, имеющие прямое отношение к вяземским лагерям, дневники немецкого историка Хартмана, книги немецкого историка Дитера Поля «Управление Вермахта» и немецкого историка и писателя Пауля Коля, расследующего преступления Вермахта «Война немецкого вермахта и полиции 1941–1944 гг. Говорят выжившие советские граждане» (Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944) и др. Исследование Алексея Кислицына, подтвержденное документами немецкой стороны, имеет большое значение для изучения трагедии Вяземского окружения, истории транзитных лагерей в Вязьме.

* * *

В ходе моего исследования выяснились практически забытые факты, что с октября 1941-го по март 1943 г. в Вязьме находилось как минимум три пересыльных (транзитных) лагеря – «дулага». В Вязьме они находились не одновременно, в разное время, и сегодня затруднительно сказать, был ли «Дулаг-184» самым крупным из них. Это связано с тем, что невероятно большая волна военнопленных прошла через Вязьму в конце 1941 года. «Дулаг-184» появился в Вязьме немного позднее, но находился в ней дольше всех.

В книге Пауля Коля прямо констатируется: *«В Вязьме было три лагеря: „дулаги“ № 184, 230 и 231. „Дулаг-184“ был подчинен 3-й танковой армии. Организация Готта брала из этого лагеря военнопленных для работ, но обходилась с ними настолько плохо, что почти все умирали от истощения. Только в сентябре 1942 г. в „Дулаге-184“ умирало в день от 50 до 60 военнопленных.*

„Дулаг-230“ подчинялся 4-й танковой армии, а „Дулаг-231“ – 255-й пехотной дивизии...».

Вот как выглядят первые упоминания о лагерях.

Отчет командования тыловыми районами за октябрь 1941 г. содержит следующую информацию по упоминаемым лагерям района:

«Командующий тыловыми районами группы войск „Центр“
8.11.1941

<...>

б) „Дулаги“ и армейские сборные пункты военнопленных на начало месяца:

„Дулаг-112“, Витебск;
„Дулаг-125“, Полоцк;
„Дулаг-126“, Смоленск;
„Дулаг-127“, Орша;
„Дулаг-130“, Рославль;
„Дулаг-131“, Бобруйск;
„Дулаг-155“, Боровуха;
„Дулаг-185“, Могилев;
„Дулаг-203“, Кричев;

„Дулаг-220“, Гомель;
 „Дулаг-240“, Смоленск;
 „Дулаг-231“, Борисов;
 „Дулаг-314“, Бобруйск;
 сборный пункт военнопленных 9, Борисов;
 сборный пункт военнопленных 10, Невель;
 сборный пункт военнопленных 19, Слуцк;
 сборный пункт военнопленных 22, Бобруйск.

В течение месяца были перемещены:

„Дулаг-155“ в Рославль и подчинен 9-й армии;

„Дулаг-231“ в Вязьму и подчинен 4-й армии;

„Дулаг-314“ в Почеп;

сборный пункт военнопленных 19 в Унечу.

На начало октября в дулагах группы армий „Центр“ находилось 892 офицера и 89 258 солдат;

на конец месяца – 1321 офицер и 110 092 солдата.

В течение месяца из района было вывезено в стационарные лагеря 200 000 человек».

Итак, мы видим, что «Дулаг-231» находится на начало октября в Борисове, а затем в течение месяца в соответствии с документом перемещен в Вязьму.

Однако уже в следующем отчете – за ноябрь – ситуация сильно меняется. Приведем следующий отчет командующего тыловыми районами с указанием списков, номеров и перемещений пересыльных лагерей в ноябре 1941 года.

«Командующий тыловыми районами группы войск „Центр“

8.12.1941

Отчет о деятельности за период с 1 по 30.11.1941

1. Организация

а) Командующему тыловыми районами группы армий „Центр“ подчинены:

комендант военнопленных округа J полковник Маршалл;

комендант военнопленных округа K старший лейтенант фон

Павел-Рамайнген;

комендант военнопленных округа P полковник Майер.

б) Подчиненные „дулаги“, „шталаги“ и пункты сбора военнопленных на начало ноября:

„Дулаг-130“, Рославль;

„Дулаг-203“, Кричев;

„Дулаг-220“, Гомель;

„Дулаг-185“, Могилев;

„Дулаг-131“, Бобруйск;

„Дулаг-126“, Смоленск;

„Дулаг-240“, Смоленск;

„Дулаг-120“, Орша;

„Дулаг-125“, Полоцк;

„Дулаг-112“, Витебск;

пункт сбора военнопленных 10, Невель;

пункт сбора военнопленных 9, Борисов;

пункт сбора военнопленных 19, Унеча;

пункт сбора военнопленных 22, Бобруйск.

В течение месяца были ЗАНОВО созданы:

„Шталаг-VIN“, Борисов;

„Шталаг-313“, Витебск;

„Шталаг-341“, Могилев;

„Шталаг-353“, Орша;

„Шталаг-354“, Боровуха у Полоцка;

„Офлаг-XXIA“, Бобруйск.

Следующие дулаги переданы в распоряжение командующего тыловыми районами:

„Дулаг-121“, Смоленск;

„Дулаг-124“, Рудня;

„Дулаг-184“, Рудня;

„Дулаг-161“, Смоленск;

„Дулаг-230“, Смоленск.

Следующие лагеря были в течение месяца перемещены:

„Дулаг-230“ в Вязьму;

„Дулаг-231“ в Смоленск;

пункт сбора военнопленных 10 в Сычевку;

„Дулаг-155“ в Можайск и подчинен 4-й армии;

„Дулаг-240“ в Ржев и подчинен 9-й армии;

„Дулаг-127“ в Калугу и подчинен 4-й армии;

„Дулаг-124“ в Гжатск и подчинен 4-й танковой группе;

„Дулаг-184“ в Волоколамск и подчинен 9-й армии;

„Дулаг-161“ в Орел и подчинен 2-й танковой группе;

„Дулаг-112“ в Добрая у Малоярославца и подчинен 4-й армии;

пункт сбора военнопленных 9 в Можайск и подчинен 4-й танковой группе;

пункт сбора военнопленных 19 в Михайловский и подчинен 4-й танковой группе;

„Дулаг-185“ в Орел и подчинен 2-й танковой группе.

2. Состав и применение:

на начало ноября в лагерях группы армий „Центр“ находилось 2521 офицер и 177 604 солдата;

на конец ноября – 4484 офицера и 183 909 солдат;

из них применялись в работах на начало ноября 32 996 человек;

на конец ноября – 50 029 человек.

Из района в течение ноября было отправлено в стационарные лагеря 5353 офицера и 108 305 солдат».

Мы видим, что «Дулаг-184» находится в Рудне, «Дулаг-231» – в Смоленске, хотя должен был перебраться в Вязьму, и только «Дулаг-230» переведен в Вязьму.

По поводу «Дулага-231» – некоторое время он все же был в Вязьме и был маршем переведен обратно в Смоленск. Это еще предстоит изучить. Что же известно о лагерях, располагавшихся в Вязьме?

«Дулаг-231» в Вязьме

Согласно справочнику «Лагерь советских военнопленных в Беларуси» (Минск, 2004), «Дулаг-231» появился в июле 1941 г. География его пребывания крайне обширна:

Белоруссия: г. Борисов, Волковыск (бывшие военные казармы за городом), Докшицы, Поставы;

Литва: г. Вильнюс;

Россия: г. Вязьма, ст. Евдаково, пгт Касторное Курской области, п. Курск (транспортировочный пункт), Миллерово, Смоленск, Щигры (транспортировочный пункт);

Украина: г. Волчанск, пгт Ковяги Харьковской области. (Приложение: Донесение Смерша 33 армии).

О размещении в Вязьме «Дулага-231» известно, что в беседе с П. Колем директор Дома культуры г. Вязьма (1985 г., фамилию не установили) сообщила, что «в Вязьме между высокими деревьями находится современный *машиностроительный комбинат*. Рабочие и служащие (военнопленные) проходили через его ворота. В годы войны здесь был „Дулаг-231“, в котором умерли и замерзли 14 тысяч человек. После освобождения лагеря находили трупы с выколотыми глазами, отрезанными носами и ушами, разбитыми головами

и отрезанными половыми органами. И в самом городе находили трупы местных жителей с отрезанными носами и ушами, выколотыми глазами и содранной кожей на груди и спине...» (Источник: книга Пауля Коля «Война немецкого вермахта и полиции 1941–1944 (воспоминания выживших)» (Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944)).

На территории завода в настоящее время поставлена часовня. Места захоронений узников не выявлены.

Поскольку известно, что управление лагерем лежало на 255-й пехотной дивизии Вермахта, мы обратились к документам этой дивизии.

Из документов дивизии видно, что 14 ноября 1941 г. 255-я пехотная дивизия еще находится в дер. Приселье.

И только 16 ноября 1941 г. приказы идут уже из Вязьмы.

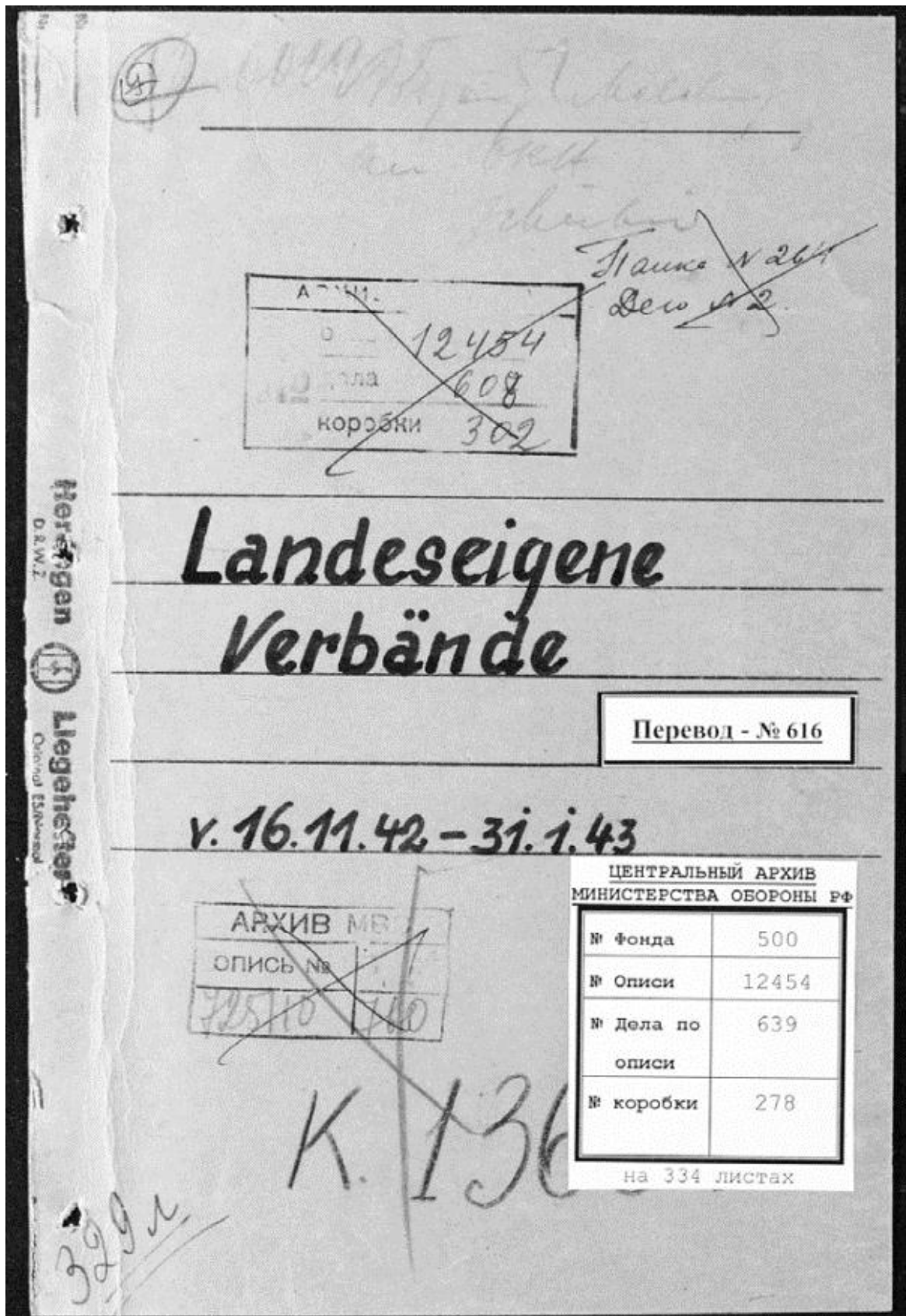
Буквально на следующий день в документах дивизии упоминается создание лагерей, сборных пунктов и лазаретов для военнопленных:

«255-й дивизией были переняты или созданы заново:

Лагеря военнопленных в Вязьме („дулаг“), Ярцево, Дурово, Кардымово.

Сборные пункты военнопленных – в Холме, Сычевке, Белом.

Лазареты для военнопленных – в Курбатово (28 км западнее Холма) и Волково (северо-западнее Вязьмы)».

Папка с немецкими документами. ЦАМО РФ

В отчете отмечается, что «в селах вокруг Вязьмы еще большое количество раненых русских солдат, перепись и обеспечение которых сильно затруднены. Перевозка этих раненых в большой лазарет военнопленных сейчас готовится. Количество военнопленных при прочесывании составило 1 294 человека. На участке III вокруг Воскресенского в

последнее время все больше красноармейцев самостоятельно сдается в плен. Однако все равно часто их приходится брать с боем и отправлять в плен.

Регистрация и перепись трофеев проходит по плану».

Колонна военнопленных. Вязьма, 1941 г

В этот же день командованием дивизии был написан отчет о состоянии лагеря в Вязьме:

**«Отчет командования 255-й дивизии.
„Положение в лагере 231“.**

В результате моего сегодняшнего посещения пересыльного лагеря „Дулаг-231“ были обнаружены следующие проблемы: военнопленные, число которых, не считая тяжелораненых, около 7 000 человек, помещены в недостроенные помещения фабрики, которая спасает их от дождя. Тем не менее они никак не защищены от холода. Многометровые высокие и широкие оконные проемы не имеют ни стекол, ни даже рам. Дверей в этом строении также нет. Военнопленные, которые при таком способе размещения, ничем не отличающемся от простого размещения в поле, исключая тех, кто умирает от истощения, ежедневно сотнями умирают от обморожений и холода. Комендант лагеря объясняет отсутствие каких-либо строительных действий для улучшения содержания военнопленных тем, что все дерево, привезенное на закрытие проемов, как и сами оконные рамы, были военнопленными вырваны и сожжены для согрева.

Для того чтобы хоть как-то исправить положение, предлагаю: При помощи специально созданных команд и транспорта, который я запросил у легкой разведколонны, ежедневно военнопленным подвозить дрова. Весь состав противотанкового и арт. батальонов брошен на прочесывание города с целью сбора кровельного железа, щитов, бензиновых бочек для закрытия проемов здания и создания печек. Кроме того, есть пустая котельная, в которой можно разместить 800 военнопленных. Для снижения смертности создать патрули из 40 русских лагерных врачей, которые должны постоянно обходить лагерь и контролировать состояние военнопленных. В случае если они не будут выполнять свой долг – строго наказывать. Поскольку мой предыдущий опыт говорит, что подобные

мероприятия не всегда выполняются с должной скоростью и ответственностью, но тем не менее с пониманием важности исправления ситуации, прошу оказать мне в проведении мероприятий по возможности помощь и поддержку».

О положении в «Дулаге-231» пишет также в книге «Управление Вермахта» немецкий историк Дитер Польш:

«В Вязьме практически не осталось местного населения – все бежали; вместо них в городских районах разместился вермахт. Там также был расположен „Дулаг-231“. Военнопленные только частично могли располагаться на территории завода. Остальные были просто под открытым небом, что влекло за собой быструю смерть от обморожений. Обеспечение лагеря было ужасное. Особенно не хватало транспорта, чтобы обеспечить даже минимальные рационы питания. Свекла и картофель если и доставлялись, то в замороженном состоянии. В конце октября 1941 года в лагере содержалось 27 тысяч военнопленных, а к началу ноября – 34 тысячи красноармейцев. Несмотря на постоянную отправку военнопленных в стационарные лагеря и уходящие колонны, количество военнопленных в этом лагере было слишком большим. Ежедневно умирало от 60 до 100 военнопленных, что составляло примерно 2 процента. Ответственный за лагерь, командующий тыловым районом, многократно жаловался на плохое обеспечение лагеря. Неоднократно в связи с безнадежным положением военнопленные пытались бежать из лагеря. Только дикой стрельбой и расстрелами охрана добивалась того, чтобы военнопленные оставались в лагере. Даже местная комендатура взбунтовалась – было открыто расследование военной прокуратуры против коменданта лагеря. На этом примере командование группы войск констатировало, что жизнь военнопленного красноармейца больше ничего не стоит».

Майор Йоханнес Гутшмидт в течение войны был комендантом нескольких лагерей.

Гутшмидт прошел всю войну с Советским Союзом. Тот факт, что у него был и опыт войны на западе, делает вопрос еще более интересным. В Советском Союзе он в качестве коменданта двух «дулагов» познакомился с тремя крупнейшими республиками. Сначала с Белоруссией и Россией, а с сентября 1942 г. и с Украиной.

В конце ноября 1941 г. Гутшмидт был переведен в Смоленск в тыловой район сухопутных войск, где он должен был в принципе перенять 231-й «дулаг». В связи с непонятной военной ситуацией новый лагерь был еще в Вязьме и должен был позже перевестись обратно в Смоленск.

Вот что он пишет в своем дневнике, приведенном в книге немецкого историка Хартмана:

«„Дулаг-231“ в соответствии с записями в журнале главнокомандующего сухопутными силами генерала Шенкендорфа 20.11.1941 был инспектирован им лично. Позже пришел мой предшественник по „Дулагу-231“ и последователь по „Дулагу-203“ майор фон Штитенкрон. Ему показали крайне грубое письмо главнокомандующего, потому что у Штитенкрона в Вязьме умерло 4 тысячи военнопленных.

Три дня спустя Шенкендорф провел закрытое совещание, на котором среди прочего поднимался вопрос высокой смертности советских военнопленных... „Я инициировал дело военного трибунала для того, чтобы расследовать преступную халатность в отношении военнопленных!“»

Впоследствии, несмотря на преступную деятельность, многотысячные человеческие жертвы среди военнопленных и гражданского населения, начальник лагеря майор фон Штитенкрон был оправдан венским военным трибуналом...

По содержанию документов видно, что немецкая сторона на самом высоком уровне ставила вопрос о ненадлежащем содержании военнопленных. Происходило это не из

человеческой жалости: основной функцией «дулагов» Вязьмы, как и всех транзитных лагерей, была передача военнопленных в живом виде дальше на запад, использование их как рабочей силы. Поэтому немецкое руководство и обвиняло начальство пересыльных лагерей в разгильдяйстве. Но лагеря Вязьмы своим невыносимым положением пленников удивляли даже издавших много проверяющих.

14 февраля 1940 года Герберт Бакке, статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства рейха, объявил на генеральном совете, что нынешняя ситуация с обеспечением продовольствием ставит под угрозу само существование рейха. Решить проблему планировалось путем национал-социалистической политики уничтожения. План во всей своей страшной форме развернулся сначала в Польше, а позже на оккупированных территориях Советского Союза и в концентрационных лагерях.

По плану Бакке, городское население оккупированных территорий практически лишалось продовольствия, а сельское население получало его контролируемо в минимальном объеме. Экстремальная смертность миллионов советских людей была частью плана, и голод был важнейшей частью оккупационной кампании.

И если на оккупированных территориях развернуть план Бакке по тотальной экспроприации продовольствия для контролируемого снижения количества населения не удалось в силу отсутствия ресурсов для жесткой продовольственной блокады, то в концентрационных лагерях политика уничтожения путем снижения рационов была развернута в полном объеме. Результатом этого плана стала смерть сотен тысяч военнопленных.

23 числа 255-ю пехотную дивизию срочно двигают дальше, и она передает лагерь 84-му пехотному полку 102-й пехотной дивизии. В частности, в приказе в пункте 6 сказано: «„Дулаг-231“, Вязьма, будет переподчинен командованию лагерей. Пехотный полк 84 предоставляет силы для охраны лагеря. Полевое командование 749 помогает в обеспечении лагеря. 10.7.1941 „Дулаг-231“ – г. Волковыск, по состоянию на 12.9.1941 „Дулаг-231“ расположен в г. Борисов, на 18.11 он в Вязьме».

Далее Вязьма в дневниках Гутшмидта упоминается 2 февраля 1942 г.: «Мы подозреваем, что в ближайшее время может быть удар по Смоленску. Мой „дулаг“ должен создать два пункта на дорогах из Рославля и перейти туда. Кроме того, мы должны организовать оборону лагерей»

И только 29–30 апреля 1942 г. майор Гутшмидт стал комендантом лагеря. Чуть позже лагерь был переведен в подчинение группы армий «Дон» и появился в Миллерово, но это совсем другая история...

«Дулаг-230» в Вязьме

Согласно немецким документам и свидетельствам очевидцев, в октябре-ноябре 1941 г. в северной части Вязьмы немцами был создан еще один лагерь военнопленных – «Дулаг-230», постоянно действующий, находящийся вблизи железнодорожной станции (на немецкой карте 1942 г. он обозначался как Nord-Bahnhof – «Северный вокзал»). Это был большой лагерь.

Сохранились свидетельства о преступлениях фашистов в этом лагере в период его пребывания в Вязьме. В октябре 1941 г. в «Дулаге-230» (Вязьма) в ходе проверки, проведенной офицером Абвера, было обнаружено 200 евреев и 50–60 политруков. Все они были переданы айнзацкоманде. Через несколько дней там же было найдено еще 40 евреев и 6–8 политруков – всех расстреляли.

В оперативном рапорте № 149 айнзацгруппы «В» начальнику службы безопасности в Берлин от 22 декабря 1941 г. говорится, что «...в лагере военнопленных в Вязьме выявлено и расстреляно 117 евреев».

По свидетельству местных жителей, в настоящее время в районе Еврейского кладбища в Вязьме существует братская могила военнопленных и местных жителей, погибших в лагере

230.

«Дулаг-230» подчинялся 4-й танковой армии (Pz. О. К. 4). Все военнопленные, взятые в плен частями этой армии, собирались в малых приемных пунктах и переправлялись в Вязьму в пересыльный лагерь «Дулаг-230», а потом дальше в стационарные лагеря.

Количество военнопленных, прошедших через «Дулаг-230», – судя по документам – огромно. Около двухсот тысяч человек.

В папке с материалами 4-й танковой армии о количестве военнопленных записи велись по дням. Так, например, с 1-го по 3 октября 1941 г. в плен частями 4-й танковой армии было захвачено 1500 человек. До 7 октября пленных было уже 9500 человек, а дальше количество плененных непомерно растет. В документах указано, что всего за 4 дня, с 7-го по 10 октября, взято в плен 48 600 человек. На 30 марта 1942 года общее количество военнопленных, попавших в плен начиная с 1 октября, составило 188 992 человека. В этих цифрах учтены только «трофеи» 4-й танковой армии. Колонны военнопленных безостановочно брели в глубь оккупированной территории.

Как и «Дулаг-231», «Дулаг-230» постоянно менял свое местонахождение. Вот отчет о положении в «Дулаге-230», который был опубликован в книге «Преследование и уничтожение европейских евреев национал-социалистической Германией. 1933–1945» (Т. 7. СССР и оккупированные территории / авторы: Берт Хоппе и Хильдрун Гласс).

Документ хранится в Бундесархиве.

Отчет о положении в «Дулаге-230» в Вязьме и «Дулаге-124» в Гжатске:

«Отчет о посещении коменданта района J по вопросам военнопленных [Отто Маршалл]⁸⁹, записал Фиш, текст составлен после 18 января 1942 г. – черновик [на оригинале рукописные пометки и изменения].

Касательно посещения „дулагов“ в Вязьме и Гжатске 17-го и 18 января 1942 г. полковником Маршаллом и лейтенантом Фишем в качестве офицера генштаба.

В „Дулаге-230“, Вязьма, по информации офицера лагеря капитана Айхлера [вероятно, Арно Айхлер – Arno Eichler, 1899 г. р.] установлено:

1. Общее количество военнопленных – 5 000, в лазарете 3 500, неработоспособных – 800, транспортабельных – 1 300-1 400; 6 случаев тифа в лазарете. Смертность 60-100 ежедневно. В качестве охраны – 55 человек охранников и 30 украинцев.

2. Зимнее обеспечение отсутствует. Лагерь не снабжается со стороны армии и предоставлен самому себе на обеспечение из местных возможностей. Лагерь самостоятельно вымолачивает и мелет муку.

3. 77 врачей 18 января 1942 г. будут отправлены в тыл армии.

4. Калорийная ценность, которую должен получать военнопленный согласно приказу Верховного Командования, руководству лагеря передана не была. По позднему разъяснению майора фон Вельтцина выяснилось, что этот приказ был передан только в отдел снабжения.

[Речь идет о приказе верховного командования сухопутных сил 960 Nr I/36 761/41 касательно обеспечения советских военнопленных, подписанном Вагнером 2.12.1941. находится в архиве BarchRH 3/379. Военнопленные умирали от голода. С декабря 1941 года в связи с нехваткой рабочих рук был принят приказ, регулирующий довольствие военнопленных.

Вольфганг фон Вельтцин, род. 1889, служащий. В качестве офицера резерва после начала войны – командир батальона. Позднее служил по вопросам военнопленных. В конце войны подполковник, начальник 3-й группы (рабочие и транспорт) при главнокомандующем запасными войсками и военнопленными. После войны – бизнесмен в Херфорде.]

5. Офицер контрразведки капитан Бернштайн сообщил, что с начала существования лагеря выявлено 200 евреев и 50–60 политруков и передано в СД.

⁸⁹ Здесь и далее в квадратных скобках комментарии переводчика.

Его личной работой выявлено около 40 евреев и 6–8 политруков... Среди врачей и переводчиков евреев не выявлено.

Последующий опрос коменданта лагеря майора фон Вельтцина и адъютанта капитана Рознера [Альфонс Рознер] подтвердил эти данные и далее:

6. Обеспечение солдат и офицеров вермахта в „дулаге“ в будущем из Смоленска еще более проблематично, чем до сих пор из Вязьмы.

7. Для „дулага“ с 14.11.1941 ответственным является генерал-лейтенант Брандт, комендант маленького тылового района Вязьма. Майор фон Вельтцин получил от генерал-лейтенанта Брандта следующие инструкции: после отправки собранных в Вязьме 9000 раненых будут выделены поезда для отправки здоровых военнопленных. Больные останутся с врачами в соотношении 1:100, санитарный персонал и сестры остаются в Вязьме.

8. Лагерь готов к перемещению. Горючего достаточно. По приказу маршем выдвинутся по старой почтовой дороге (не по основному шоссе передвижения) в Дорогобуж.

4000 больных, вероятно, пока останутся.

9. Армейский пункт сбора военнопленных номер 9 находится свободным, и без применения в данный момент в Вязьме. Ответственные – 4-я танковая армия.

10. Управлению лагеря не хватает связи с соседними „дулагами“ и не доходят приказы вышестоящих служб.

11. „Дулаг-230“, вместе с заместителем коменданта лагеря капитаном Кроппом идет пешим маршем в Смоленск. Оттуда планируется железнодорожный транспорт.

Информация о Гжатском лагере военнопленных:

В „Дулаге-124“, Гжатск, (офицеров не было) унтер-офицер Коберштайн представился заместителем. Внутренний лагерь недостаточно оборудован для жилья. Идет строительство в соответствии с нормами. Гестапо и полиция постоянно приводят из закрытой прифронтовой зоны боеспособных мужчин от 16 до 65 лет. В общей сложности до сих пор собрано 300–400 гражданских военнопленных.

Дальнейшее обращение к адъютанту – старшему лейтенанту доктору Шмальфусу [Доктор Ханнес Шмальфус, род. 1893, торговец и филолог, 1919 – один из основателей „Стального шлема“, 1933 – НСДАП, 1937 – вступление в СС, служил в рейхсканцелярии, до апреля 1942 – адъютант в „Дулаге-124“, в сентябре 1942 – заместитель коменданта Гжатска, с июня 1943 в верховном командовании вермахта, организовал в 1943 г. „чистки“ в „дулаге“ Павлоград, при которых было расстреляно 80 военнопленных] в качестве заместителя находящегося в отпуске коменданта майора доктора Лозе в здании комендатуры лагеря на территории лагеря показало следующее:

1. Общее количество военнопленных и гражданских пленных – 2 440; трудоспособных – 1 400; в лазарете – 114; в рабочих командах – 882; 40 литовских охранников; охрана днем 1:9, ночью 1:18.

2. „Дулаг“ не получает никакого армейского обеспечения и питается из местных источников. Найденные запасы ржи в лагере выбиваются и мелятся. Запасов ржи в лагере сейчас 200 центнеров, и их хватит на 3000 военнопленных на 28 дней. Военнопленный получает в день 300 г хлеба, 150 г конины и 100 г ржаных отрубей.

3. Приказы отдает присутствующее в этом месте командование 4-й танковой армии. По запросу у капитана Кауфмана из штаб-квартиры 4-й танковой армии подтвержден приказ больных военнопленных отправить из региона, чтобы не тратить на них еду.

4. Отправка раненых самолетами позволяет „дулагу“ постоянно заниматься очисткой от снега роллбана и его обслуживанием.

5. Расстояние от „дулага“ до передней линии фронта сейчас около 90 км.

6. Старший лейтенант Шмальфус составил памятку, которая должна быть размножена и распространена между другими лагерями [памятка не сохранилась]».

«Дулаг-184» (Durchgangslager-184)

В документах бундесархива обнаружен паспорт «Дулага-184».

Еще 20.07.1940 в военном округе 9 под руководством военного представительства во Франции был создан фронтовой лагерь № 184. Группа управления и охраны предоставлена пехотным запасным батальоном номер 459.

Французский легион, которому принадлежал фронтовой лагерь 184, переименованный 23.11.1941 года в «Дулаг-184», еще 16.11.1941 находился в дороге – был на марше между Смоленском и Вязьмой:

Вот что написано в докладной командованию:

«Командование группы войск „Центр“:

Французский легион, находящийся в настоящее время на марше из Смоленска в Вязьму, при скорости передвижения всего 8-10 км в день все еще не добрался до Ярцево. Тем не менее полк, по сообщению офицеров соединения, полностью истощен. Неудачные решения офицеров, плохое обслуживание лошадей, полное непонимание маршевых процессов в совокупности с недостаточным образованием являются основными причинами. Командование группы согласно с командиром легиона в том, что дальнейшее передвижение должно осуществляться более короткими переходами и в большее количество дней, кроме того, должны быть предприняты меры для обеспечения группы, с тем, чтобы они, наконец, достигли указанного района за боевыми порядками».

Из документов бундесархива следует:

23.11.1941 фронтовой лагерь переименован в «Дулаг-184». Переподчинен командующему территориям группы войск «Центр».

С 1.7.1942 переподчинен командованию 3-й танковой армии.

С 22.01.1943 переподчинен командованию группы армий 4.

С 15.2.1943 подчинен командующему военнопленных оперативного района 3.

С 10.6.1944 подчинен ответственному по делам военнопленных группы войск «Центр».

Письмом командования группы войск «Центр» 15.09.1944 номер П/36357/44 закрыт 27 августа 1944 года.

Номер полевой почты «Дулага-184» – 03603.

«Дулаг-184» в Волоколамске. Сожгли заживо...

Пересыльный лагерь № 184 был 25 ноября 1941 г. переподчинен командованию 3-го танкового корпуса и переведен из г. Рудня в г. Волоколамск Московской области (военнопленные были брошены на ремонтные работы, восстановление дорог, мостов и пр.).

13 декабря в Волоколамске произошла трагедия. Лагерь военнопленных был сожжен фашистами вместе с ранеными красноармейцами. По прибытии в Волоколамск (из Клина) пленных разделили на две части. Одну разместили в самом высоком в городе доме на улице Голышиха. Вторую часть узников отправили в лагерь военнопленных через ст. Шаховскую Московской области в Ржев и Вязьму. В ночь на 13 декабря немцы обнесли четырехэтажку колючей проволокой. Затем пленных провели по улице Пролетарской в поле, откуда они вернулись с охапками сена в руках. Прохожие забеспокоились, стали спрашивать фашистов, куда они ведут бойцов. Те в ответ смеялись: «В баню!». А под утро дом загорелся, и соседи слышали чудовищные крики. Горящие люди прыгали из окон и балконов, но их в упор расстреливали фашистские автоматчики. Как позже выяснилось, некоторым бойцам удалось все-таки бежать. Среди узников находился будущий фронтовой писатель лейтенант Константин Воробьев, который потом напишет книгу «Убиты под Москвой».

Это военное преступление упоминалось в обвинительных документах против фашистов

на Нюрнбергском процессе (URL:<http://www.e-reading.club/book.php?book=1019465>).

«Дулаг-184» в Вязьме

После трагедии в Волоколамске «Дулаг-184» еще раз упоминался в документах в начале 1942 г. В ЦАМО в документах группы армий «Центр» есть вот такие две бумаги:

«Квартирмейстер группы войск „Центр“
Касательно указания об отводе пересыльного лагеря 184
19 января 1942

Командованию группой войск „Центр“ – Ів отделу

Пересыльный лагерь 184 был 25 ноября переподчинен командованию 3-й танковой группы и переведен в Волоколамск. После того как лагерь в Волоколамске был полностью уничтожен огнем, он отмаршировал вместе с 6 тысячами оставшихся заключенных в Шаховскую. Оттуда заключенные по железной дороге были транспортированы через Ржев в Вязьму. Пересыльный лагерь был сначала переведен в Асьеково, а после в Вязьму и подчинен полковому командованию 4-й танковой группы. Поскольку в Вязьме совсем не было места для него, то было выбрано место в 70 км западнее Вязьмы – в Ледне, где и должен был быть создан лагерь на 3 тысячи военнопленных.

В связи с переподчинением приказ 3-й танковой группы по лагерю от 6 января 1942 г. считается недействительным.

В Ледне, как выяснилось после изучения ситуации комендантом военнопленных, условий для создания лагеря не оказалось, поскольку там вообще нет ни помещений, ни материала для создания.

С другой стороны, пересыльный лагерь в результате постоянных мытарств (транспортировки) очень сильно пострадал, и смысла в его восстановлении практически нет, и на некоторое время он будет закрыт.

В связи со всем вышесказанным прошу переподчинить пересыльный лагерь опять командованию группы войск „Центр“, для того чтобы его перенести в Михновку (около 8 км юго-западнее Смоленска) и опять создать условия для его работы».

Приложение

«Выписка из приказа командования 3-й танковой группы

Отдела расквартирования от 6 января 1942 года

Кому: Командованию пересыльного лагеря 184

Несмотря на многочисленные приказы в адрес вами занимаемой должности, вы продолжаете сидеть, в то время как на фронтах идут тяжелые бои, ничего не делать и мешать, занимая довольствие, группы обеспечения и помещения. Вы получили материальное обеспечение и указания от командования танковой армии для отвода вашего лагеря.

У вас времени на освобождение территорий до 9 утра 7 января. В противном случае я передам ВТОРОЕ сообщение о невыполнении приказа военный суд».

На конец января 1942 г. список лагерей выглядел вот так. Отсюда видно, что в Вязьме в этот момент снова находится только «Дулаг-230».

Это постоянное изменение местоположения очень характерно для «дулагов».

Список подчиненных пересыльных и стационарных лагерей по состоянию на 27.1.1942

Лагерь	Местоположение	Подчинение	Командир; адъютант
«Дулаг-112»	Юхнов	4-я армия	Майор Шмидт; ст. лейтенант Крамер
«Дулаг-121»	Гомель	Бригада охраны 203	Майор Ферхильсдонк; ст. лейтенант Зиеркс
«Дулаг-124»	Гжатск	4-я армия	Майор др. Лозе
«Дулаг-125»	Полоцк	Бригада охраны 201	Ст. лейтенант Хенсель; лейтенант фон Забер
«Дулаг-126»	Смоленск	Комендант Смоленска	Майор Ритшер; капитан Радтке
«Дулаг-127»	Рославль	4-я армия	Майор Энгхольм; капитан Шрадер
«Дулаг-130»	Рославль	4-я армия	Майор Глаунинг; капитан Беегер
«Дулаг-131»	Бобруйск	Бригада охраны 203	Майор фон Роедер; капитан Пфенциг
«Дулаг-142»	Брянск	2-я танковая армия	Зам. коменданта капитан Вайзе; капитан Циннекер
«Дулаг-155»	Дорогобуж	4-я танковая армия	Майор Зихлер; ст. лейтенант Клетт
«Дулаг-161»	<неразборчиво>	Бригада охраны 203	Ст. лейтенант **** ; капитан ***
«Дулаг-184»	Ледня	4-я армия	Майор фон Рудигер
«Дулаг-185»	Карачев	2-я танковая армия	Майор Виттмер; лейтенант Фенглер
«Дулаг-203»	Кричев	Бригада охраны 203	Майор фон Штитенкрон; капитан доктор Флоес
«Дулаг-220»	Гомель	Бригада охраны 203	Ст. лейтенант Шмидт, капитан Ботх
«Дулаг-230»	Вязьма	4-я танковая группа	Зам капитан Клагес
«Дулаг-231»	Смоленск	Комендант Смоленска	Майор Гутшмидт, ст. лейтенант Януш
«Дулаг-240»	Борисов	286 охранная дивизия	Ст. лейтенант Милентц
«Дулаг-314»			Майор Мелей; ст. лейтенант Шиллер
«Шталаг-VI В»	Борисов	286-я охранная дивизия	Майор граф В.-Меттерних
«Шталаг- 313»	Витебск	Бригада охраны 201	Ст. лейтенант фон Кобург
«Шталаг- 344»	Могилев	286-я охранная дивизия	Майор граф Лукнер; ст. лейтенант Бекер
«Шталаг- 353»	Орша	286-я охранная дивизия	Ст. лейтенант Вильд

«Шталаг-354»	Боровуха	Бригада охраны 201	
«Офлаг-XXIA»	Бобруйск	Бригада охраны 203	Ст. лейтенант Клоймюллер
Армейский пункт сбора военнопленных 9	Ларцево (Ярцево)	4-я танковая группа	Капитан Вагнер; лейтенант Асмман
Армейский пункт сбора военнопленных 10	Витебск	286-я охранная дивизия	Капитан доктор Принц; капитан Дам
Армейский пункт сбора военнопленных 19	Глухов	Группа войск Юг	Ротмистр Гертц; лейтенант Мюллер-Клеве
Армейский пункт сбора военнопленных 22	Новгород Северский	Группа войск Юг	Капитан Шульц; капитан Бауманн

Однако, судя по журналам лагерных лазаретов, которые представлены далее в книге, по воспоминаниям узников, к концу января «Дулаг-184» опять появился в Вязьме, и упоминания о нем встречаются вплоть до конца оккупационного периода. В этом направлении исследования продолжают вестись, и, возможно, в скором будущем мы будем знать о вяземских лагерях куда больше.

Лагерная полиция.

Использование русских («восточных») воинских частей группой армии «Центр»

В лагерную полицию входили не только немцы и их союзники. В архиве сохранились много пронумерованных карточек информации (49–57) о русских частях тылового назначения, так называемых восточных ротах: рота «охотников на бандитов» (так гитлеровцы называли русских партизан), несколько казачьих рот специального назначения, роты по установке вахт и охране порядка, восточная рота 9-го армейского корпуса, восточная рота 46-го танкового корпуса (охранная служба и служба безопасности) сейчас в обучении.

В распоряжении штаба – временно использованный для охраны «Дулага-184». Большой частью люди прошли 14-дневное обучение в школе охраны порядка в Вязьме. Задания выполняют «хорошо и ответственно».

Приводим карточки информации за декабрь 1942 года, относящиеся к лагерям в Вязьме:

«Карточка (172) 15.12.1942.

Восточная рота (охранная) „Дулаг-184“.

Состав роты: 1 рота с тремя группами и тремя отделениями.

Командир роты – лейтенант Кучеренко Николай, украинец, 1915 года рождения. До этого момента был командиром отделения.

После очистки роты от нежелательных элементов осуществляет охрану объекта.

Карточка (173) 15.12.1943.

Восточная рота охраны Вязьмы.

1 рота с тремя ротными группами и тремя отделениями. Командир роты –

капитан Петелин Александр, до сих пор командир отделения.
Результаты удовлетворительные»⁹⁰.

В архиве сохранилась карта военнопленного Петелина (номер военнопленного 25487 и номер лагеря XII А (Лимбург)).

Оба предателя перед приходом освободительных войск втерлись в ряды военнопленных и были возвращены на родину...

Источники

1. NARA. T501. R2, f398, 409–411.
2. NARA. T501. R2, f437-441.
3. NARA. T501. R8, f727, 728.
4. ЦАМО. Ф. 500. О. 12454. Д. 378.
5. ЦАМО. Ф. 500. О. 12454. Д. 330.
6. ЦАМО. Ф. 500. О. 12454. Д. 144. Л. 40.
7. ЦАМО. Ф. 500. О. 12454. Д. 167.
8. ЦАМО. Ф. 500. О. 12454. Д. 639.
9. ВArch. RH 22/251. Bl. 26f.
10. ВArch. RH 49/8. Kriegsgefangenenwesen.
11. *Коль Пауль*. Война немецкого вермахта и полиции 1941–1944 (воспоминания советских военнопленных). 1995.
12. *Hartmann Christian*. Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im «Unternehmen Barbarossa». Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten, in: VfZ 49 (2001). S. 97-158.
13. *Поль Дитер*. Управление Вермахта. Немецкая оккупация и местное население в Советском Союзе 1941–1944. 2-е издание. Мюнхен.
14. Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squads. Campaign Against the Jews July 1941 – January 1943. New York, 1989. P. 265.
15. 1) Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, 14 November 1945 – 1 Oktober 1946 (im Folgenden: IMG). Bd. 31. Nürnberg, 1948. S. 84, Dok. 2718-PS, «Aktennotiz über Ergebnis der heutigen Besprechung mit den Staatssekretären über Barbarossa», 2. Mai 1941.
- 2) *Tooze, Adam*. The Wages of Destruction. Viking, 2007. P. 476–485, 538–549.

А. В. Кислицын

Алексей Владимирович Кислицын – поисковик, руководитель немецкого филиала Киевской общественной организации «Товарищество ветеранов разведки ВМФ», представитель Международной ассоциации общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества» в Германии. Многие годы оказывает огромную бескорыстную помощь десяткам поисковых отрядов России, Украины, Казахстана, Молдовы, Беларуси. «Всем нужны материалы, документы, координаты, факты. По 50 страниц немецких документов в день перевожу и по 500 разбираю», – пишет Алексей.

***

Место основного размещения узников в Вязьме, как уже сообщалось выше, находилось вблизи ул. Кронштадтской, ул. Репина, на территории недостроенного перед

⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 500. Он. 12454. Д. 639.

войной авиационного завода – без крыши, с дырами вместо окон и дверей. Лишь несколько сотен военнопленных могли расположиться в корпусах и полузатопленных подвалах завода – подавляющее большинство узников находилось под открытым небом, в месте, ограниченном забором и обволоченном колючей проволокой. Туда, по воспоминаниям узников, было загнано до 30–40 тысяч человек. Большинство из них имели ранения.

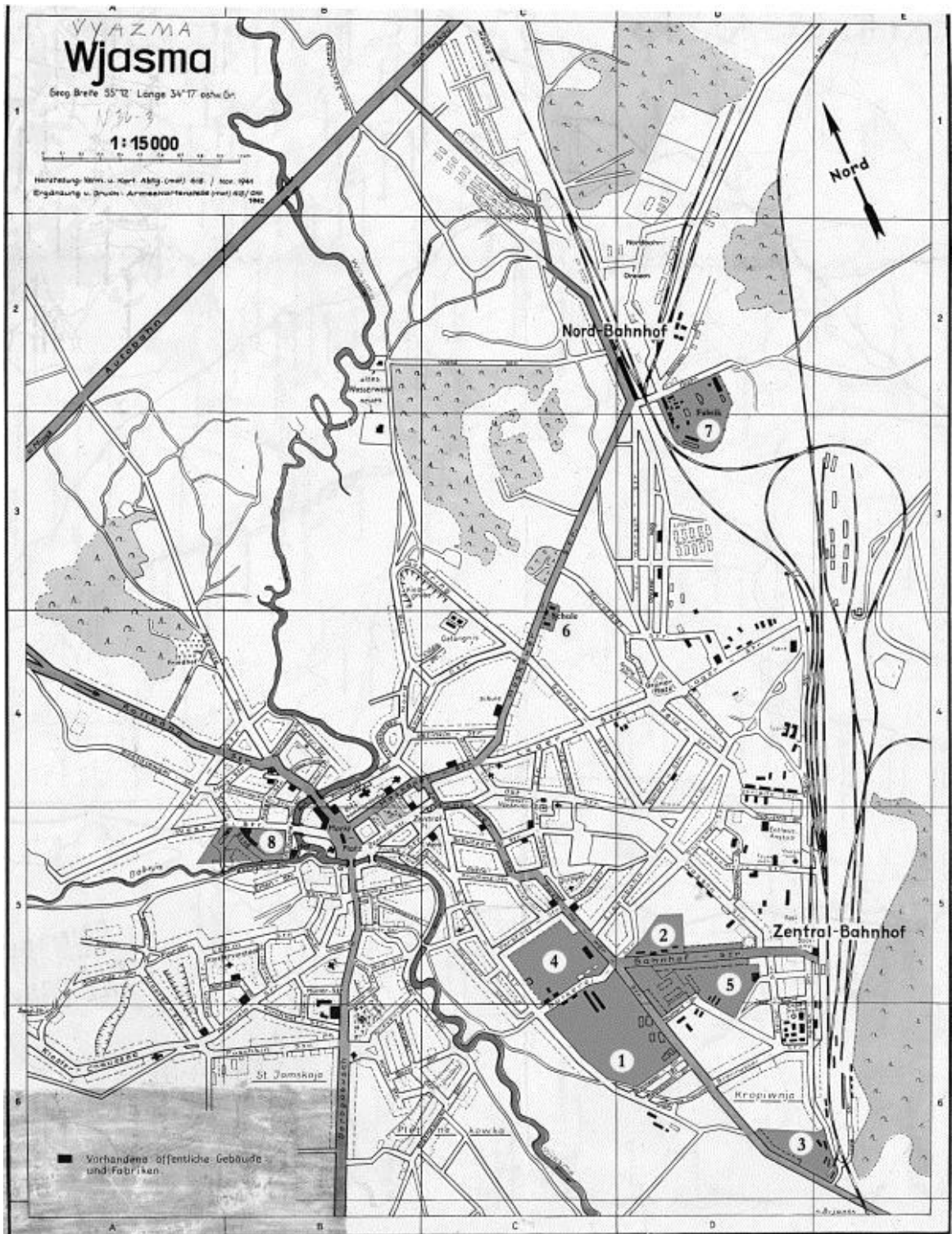
На огороженной местности по углам были выстроены пулеметные вышки. Кроме того, военнопленными были забиты полуразрушенные здания и территории практически всех довоенных предприятий города. Неподалеку от мест размещения находился железнодорожный вокзал, откуда доставленных по железной дороге или со сборных пунктов пешими колоннами пленников гнали по разбитым городским улицам в лагерь.

Кроме основного места содержания пленников, в самом городе и его окрестностях создавались временные лагеря для советских военнопленных – открытая местность (поле, равнина) или овраги огораживались колючей проволокой, устанавливались вышки с автоматчиками – и так, без крыши над головой и питания, содержались в осеннюю непогоду и ранние морозы 1941 года тысячи пленных до их отправки в тыл. Один из таких временных лагерей находился в районе въезда в Вязьму по правой стороне на пересечении улицы Комсомольская и трассы Москва – Минск. «Проволока в один ряд и крыша – небо над головой. Люди были брошены на мученье и смерть... У людей уже не было голоса. Много и очень много погибло москвичей-ополченцев – и холод, и голод. Октябрь, ноябрь месяц, дождь со снегом и голод – ад земной»⁹¹.

---

⁹¹ Воспоминания старожила г. Вязьма Н. И. Романова // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

Немецкая карта с обозначениями мест содержания пленников в Вязьме, 1941 г. Карта предоставлена И. Д. Музыченко, членом Союза краеведов России (г. Вязьма)

Пояснения к карте:

- 1 – площадка размещения военнопленных «Дулага-184», ныне территория ООО «Супрема-Агро»;
- 2 – лазарет № 1, Красноармейское шоссе, ныне территория железнодорожной СЭС;
- 3 – лазарет № 2, улица 25-го Октября, ныне территория ВЗСП (Вяземского завода синтетических продуктов);
- 4 – лазарет № 3, пересечение улиц 25-го Октября и ул. Репина, ныне сквер им. С.

Савицкой;

5 – площадка размещения военнопленных «Дулага-184», ныне территория ВМЗ (Вяземского машиностроительного завода);

6 – площадка размещения военнопленных, ныне ул. Ленина, район военкомата;

7 – площадка размещения военнопленных и гражданского населения «Дулага-230», район ул. Освобождения, территория бывшего маслозавода;

8 – площадка размещения военнопленных (рабочих команд), район пересечения улиц Кирова, 3-го Интернационала, Декабристов (церковь Петра и Павла и противотуберкулезный диспансер).

В ближайших к Вязьме деревеньках также размещались военнопленные, в том числе в д. Лосьмино, пос. Кайдаково, где имелся не только лагерь, но и «лазарет» для военнопленных на 400 человек, и др.

Через несколько дней, недель, месяцев пребывания в «Дулаге-184» выжившие узники переправлялись в другие транзитные лагеря, прежде всего расположенные на территории Смоленской области: чаще всего в «Дулаг-130» в г. Рославль (в нем погибло до 130 тысяч человек), «Дулаг-126» в г. Смоленск (погибло 115 тысяч человек). Многие пленники были вывезены в лагерь смерти в оккупированной Белоруссии: «Дулаг-352», Масюковщина (лагерь под Минском, где погибло более 80 тысяч человек), «Шталаг-342», Молодечно (Минская область, погибло 33 150 человек) и другие; в Прибалтику – лагеря Кальвария, Вильно и др. Оттуда выжившие военнопленные перевозились в стационарные лагеря стран Третьего рейха – Германию, Польшу, Чехословакию, Австрию, Францию...

Переправлялись пленные пешими колоннами, совершая многодневные (до нескольких недель, месяца) изнурительные переходы, или перевозились по железной дороге, как скот, в зимние месяцы – в открытых железнодорожных платформах, в летнюю жару – в закрытых наглухо товарных вагонах, набитых людьми до предела – могли только стоять вплотную друг к другу.

Весь оккупационный период в вяземском лагере «Дулаг-184», несмотря на его транзитный профиль, находились одновременно десятки тысяч пленных, обреченных на гибель. Погибших хоронили здесь же, во рвах, в непосредственной близости от места их содержания.

Контингент лагеря не переставая пополнялся советскими воинами, попавшими в плен в ходе тяжелых боевых действий под Вязьмой, Ржевом и Сычевкой, на ближних подступах к Москве. В Списках значатся имена окруженцев вяземского котла, воинов 33-й армии М. Г. Ефремова, кавалерийских частей П. А. Белова, десантников, плененных в ходе Ржевско-Вяземской оборонительной операции 1942 г., партизан и подпольщиков. Приведены имена группы воинов-панфиловцев, захваченных в плен еще в период тяжелых кровопролитных оборонительных боев на территории Московской области, – бойцов 1075 сп, 1973 сп, 1077 сп 316-й сд (I форм.).

«Дулаг-184» и другие транзитные лагеря Вязьмы По свидетельствам бывших узников лагеря и старожилов

В книге вяземского историка профессора Д. Е. Комарова «Великая Отечественная война на вяземской земле» названы имена немецкого руководства лагеря – комендантом «Дулага-184» являлся старший унтер-офицер Раутенберг. Охраной лагеря командовал унтер-офицер Зифрит, начальником жандармерии г. Вязьмы был капитан Шульц. С апреля 1942 г. начальником управления лагеря являлся Хайтман. Управление находилось на Московской (Ленина) улице. Вяземский лагерь для гражданского населения располагался по адресу г. Вязьма, ул. 25 Октября, участок строительства, 193/1 (так в документе)⁹².

⁹² Комаров Д. Великая Отечественная война на Вяземской земле. Смоленск, 2009. С. 421.

Никто не вел в лагере учетные списки десятков тысяч людей. Однако военнопленным, которых оставляли в лагере на более длительный срок для использования на различных работах, как в самом лагере, так и за его пределами (например, на ремонте или прокладке дорог), выдавались опознавательные жетоны с номерами. По воспоминаниям бывшего военнопленного П. А. Мошарева, «в Вязьме на шею надели веревки с железными жетонами из двух частей, которые, в случае смерти, переламывались, и одна часть хоронилась вместе с умершими (а их было много). Фамилий, имен никто не спрашивал». На жетоне П. А. Мошарева был выбит номер 1650⁹³. По другим свидетельствам, некоторым узникам давали прямоугольные бирки желтого цвета, которые прикреплялись к одежде. При этом имена и фамилии людей не записывались⁹⁴.

Чудом дошли до нас лишь составленные советскими пленными врачами Списки 5430 военнопленных и мирных граждан, умерших в так называемых лазаретах № 1, № 2 и № 3 за неполные семь месяцев 1942 г. – январь, февраль, март, июль, август, сентябрь, октябрь. Сведений о погибших («Дулаг-230», «Дулаг-231») в октябре и ноябре 1941 г., когда через немецкие лагеря военнопленных прошли десятки тысяч советских солдат и офицеров, оказавшихся в вяземском окружении, а также за декабрь 1941 г., пять месяцев 1942 г. и за январь, февраль и первую часть марта 1943 г. нет никаких.

По «Дулагу-230» есть некоторые сведения в ОВД «Мемориал»: места пленения наших солдат в основном – Вязьма (10.1941), Ржев, Белый, Калинин, Демидово⁹⁵.

О центральном лагере «Дулаг-184» сохранились воспоминания бывших узников, как о самом жутком месте пребывания в Вязьме военнопленных, в котором не было возможности выжить. Как и все немецкие лагеря, «Дулаг-184» сознательно работал на уничтожение военнопленных и мирных жителей, что являлось частью войны на уничтожение Советского Союза, России. В лагере были созданы невыносимые условия для существования людей.

Узники гибли от незалеченных ран и контузий, жуткого холода, тотального голода, эпидемических болезней, пыток и истязаний, непосильного изнурительного труда. В вяземском лагере бушевали смертельные болезни: сыпной и брюшной тиф, дизентерия, туберкулез, холера, желудочно-кишечные заболевания и т. д.

* * *

«Нас буквально загнали во двор вновь построенного завода (кажется, это был военный завод). Двор был огорожен высокой каменной стеной, похожей на тюремную. С одной стороны к забору примыкало пятиэтажное здание, построенное перед самой войной. Наружные строительные работы были сделаны все, а внутренние не начинались. Окна были не застеклены. В этот двор загнали 25–30 тысяч советских военнопленных, в том числе и более 200 раненых, которых мы разместили в подвальном помещении здания. Впоследствии пошли дожди, и все мы, пленные, вынуждены были мокнуть под дождем во дворе, превращаясь в грязно-серую массу людей. На ночь пленных немцы загоняли в здание. А так как здание не могло вместить всех, то немцы, заталкивая пленных в здание, крайних стали избивать дубинками, затем открыли стрельбу из автоматов сначала по верх голов, а после и по головам. Так мы узнали, каков он, немецкий „порядок“. Все мы, пленные, были лишены возможности сидеть в здании из-за тесноты. Стояли на ногах до утра».

⁹³ Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский Мемориал».

⁹⁴ Михайлов И. Лагерь советских военнопленных в Вязьме «Дулаг-184». (Воспоминания А. Е. Леменкова.) // Край Смоленский. 2011. № 12. С. 31.

⁹⁵ ЦАМО РФ. Донесение о военнопленных № 6925с от 25.11.1943. УТ 33 А.

«...Наступил пятый день, как мы находимся в вяземском лагере военнопленных, и шестой день без пищи и воды. Силы у меня на исходе» (из воспоминаний бывшего узника «Дулага-184» А. М. Петербурцева)⁹⁶.

«В Вязьме были жуткие условия, период неопишуемых страданий, голод, холод, издевательство, массовые заболевания среди военнопленных и огромная смертность. Ежедневно хоронили по 200–250 человек. Первые дни мы не получали абсолютно никакого питания. Питались буквально, что попадет, даже воды не давали, пили из помойных ям. В Вязьме в тот момент было больше 25 тысяч наших пленных. Помнится большое количество наших ополченцев. Встретил тов. Каноновича, командира 1-го батальона 37-го сп, связного командира нашего полка Веселова с завода „Калибр“»... (из воспоминаний И. А. Ивина, бойца 13-й Ростокинской ополченческой дивизии, октябрь 1941 г.)⁹⁷.

«Когда я под конвоем прибыл (в марте 1942 г.) в центральный лагерь военнопленных, передо мною открылась страшная картина. Я увидел живых мертвецов. Это были живые скелеты, обтянутые кожей. Жить некоторым оставалось не больше двух дней. За зиму на свалке у стены образовались целые штабеля мертвых тел... Вся территория лагеря огорожена и обтянута колючей проволокой, кругом сторожевые вышки, на которых установлены пулеметы. Ворота охраняются большой группой немецких солдат с собаками, все входящие и выходящие из лагеря проверялись» (из воспоминаний бывшего узника А. П. Тетцова)⁹⁸.

«Это была территория, обнесенная в два ряда колючей проволокой, где стояла кирпичная коробка без окон, без дверей и крыши, ранее предназначавшаяся для военного завода. Внутри этой коробки были размещены 2- и 3-ярусные деревянные нары. Сквозняки гуляли по всем углам здания. Нары были сырые, местами покрыты плесенью, образовавшейся после дождей. В лагере свирепствовали тиф, голод и холод» (из воспоминаний бывшего узника Б. Г. Маковейчука)⁹⁹.

«Между двух недостроенных и теперь полуразрушенных заводских корпусов высилась кирпичная труба. Я присел около нее, закурил, стал рассматривать территорию лагеря. Он был обнесен высоким забором из колючей проволоки. Вдоль забора и по углам были расставлены деревянные вышки. На них топчутся часовые. Неподалеку от железных ворот казармы немецких солдат. Кроме развалин кирпичных зданий, кое-как приспособленных узниками под жилье, виднелось несколько низких бараков. В дальнем конце лагеря был пустырь, заросший бурьяном»¹⁰⁰. «Оказавшись за колючим забором, я с облегчением вздохнул. Всего полтора суток я пробыл в этом проклятом застенке, а насмотрелся такого, чего не видел за всю жизнь. На моих глазах падали замертво обессиленные люди. За время моего пребывания в лагере умерло от голода, болезней и побоев более двадцати человек. Сердце сжималось от боли, когда я видел оборванных, истощенных до последней возможности заключенных, потерявших человеческий облик. Уставив тупой взор в небо, они

⁹⁶ Майстренко Т. А. Родная кровь (А. М. Петербурцев) // Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. С. 221.

⁹⁷ Из воспоминаний комиссара 2-го батальона 37 сп 13 сдн г. Москвы И. А. Ивина // Сборник «Воспоминания бойцов 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения». Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. О. 67.1917. С. 77.

⁹⁸ Тетцов А. П. Воспоминания о пребывании в «Дулаге-184». Архив Вяземского краеведческого музея.

⁹⁹ Маковейчук Б. Г. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184» (из личной коллекции вяземского краеведа И. Д. Музыченко).

¹⁰⁰ Из воспоминаний вяземского подпольщика В. И. Ляпина (URL:<http://rudocs.exdat.com/docs/index-171387.html?page=5>).

лежали под стенами зданий, покорившись своей участи» (из воспоминаний вяземского подпольщика В. И. Ляпина)¹⁰¹.

«Мертвых и умирающих больше, чем живых, а живые больше похожи на мертвых, вставших из могил. Я не хочу умирать так. Идут дни. Каждый день сотни убитых и умерших. Мертвых уже гораздо больше, чем живых» (из воспоминаний бывшей узницы С. И. Анваер)¹⁰².

Воспоминания бывших военнопленных дополняют рассказы местных жителей, чудом переживших немецкую оккупацию. В газете «Известия» от 20.04.1943 в статье В. Антонова «Вязьма сегодня», написанной вскоре после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, приводится рассказ жителя Вязьмы Сергея Алексеевича Слободчикова, жилье которого находилось в непосредственной близости к лагерю. *«Молча обходим мы с Сергеем Алексеевичем полуразрушенные корпуса. Зимой и летом на голом цементном полу спали пленники. Сквозь выбитые окна врывается дождь и снег, холодный ветер гулял под высокими потолками. Замерзающие люди ночью взбирались на чердак, выламывали стропила и, загородив своими телами огонь, раскладывали костер. Часто ночью просыпался старик от треска пулеметной стрельбы. Немецкая охрана, услышав шум на крыше, открывала огонь. Спускаемся в подвальное помещение. Под ногами хлюпает вода. В этой воде заживо гнили пленные. Попавшие в страшный подвал через неделю, самое большое через две переселялись на кладбище. Оно тут же рядом, на пустыре.*

*– Каждый день из лагеря выносили множество трупов, – рассказывает Сергей Алексеевич. – А часто вместе с трупами бросали в яму еще живых людей. Голод и холод косили пленников не хуже немецкой пули»*¹⁰³.

Из воспоминаний Александры Ивановны Сергеевой из д. Алферьево (в конце октября 1942 г. она искала брата-железнодорожника, брошенного немцами в «Дулаг-184»): *«На том месте, где был лагерь, до войны хотели строить авиационный завод. Стенки были выложены, и лестницы были в середине, а крыши не было. И пола не было, военнопленные были по колено в грязи. Днем грязь оттаивала, а ночью замерзала. И вот, кто успеет место посуше занять, тому хорошо, а остальные так в грязи и спят. Я там такого насмотрелась! У меня до сих пор эти картины перед глазами! Помню: лежит солдат, пить хочет, а воды там нет. Он руку протягивает через ограждение, а его штыком – раз! Другой солдат в грязи лежит, лицо все в грязи, я его не вижу, и сосет с копыта коня. Вот что было!»*¹⁰⁴.

Из воспоминаний Елены Константиновны Ширшиной (работала вместе с матерью помощницей повара в «русской больнице» в оккупированной Вязьме): *«Мирные жители, в том числе женщины с грудными детьми, сгонялись в лагерь для военнопленных на Кронштадтской улице. Охранники частенько забавлялись тем, что бросали в толпу обезумевших от голода людей банку консервов или буханку хлеба и стреляли в тех, кто пытался подойти к еде. Но особенно измывались гитлеровцы над военнопленными. Хлеба им не давали в течение нескольких месяцев, кормили один раз в сутки болтушкой из протухшей картофельной муки. Вода в лагерь не завозилась, а жителям запрещалось поить пленных. Когда по дороге на работы (их заставляли рыть окопы и блиндажи) кто-то из пленных*

¹⁰¹ Из воспоминаний вяземского подпольщика В. И. Ляпина (URL:<http://rudocs.exdat.com/docs/index-171387.html?page=5>).

¹⁰² Анваер С. Кровоточит моя память. Из записок студентки-медики. М.: РОССПЭН, 2005. С. 208. Книжная серия «Человек на обочине войны» (из личной коллекции И. Д. Музыченко, г. Вязьма).

¹⁰³ Из статьи В. Антонова «Вязьма сегодня» в газете «Известия» от 20.04.1943 г.

¹⁰⁴ Из воспоминаний Александры Ивановны Сергеевой, жительницы д. Алферово. Сайт «Алферове в Смоленской области». E-mail: smolvillage@alferovo.ru.

пытался напиться из лужи, конвоиры его пристреливали. Тяжелые грузы на телегах перевозились пленными, запряженными вместо лошадей. Отстающих и обессиленных расстреливали. Жителям под страхом смерти запрещалось убирать трупы с улиц города. Лагерь для военнопленных был превращен в лагерь смерти, откуда ежедневно вывозилось по 200–250 трупов»¹⁰⁵.

От преднамеренно вызванного фашистами страшного голода люди сходили с ума, теряли рассудок. Издеваясь над пленниками, изверги-охранники иногда привозили во двор лагеря дохлых лошадей и веселились, глядя, как обезумевшие от голода люди раздирали руками полуразложившееся мясо. Такие случаи немцы фотографировали, чтобы потом показывать в Германии, какими русские люди были варварами и дикарями (из воспоминаний бывших узников А. М. Петербурцева и А. М. Шимкевича)¹⁰⁶.

За попытки раздобыть пищу немцы расстреливали узников. *«На наших глазах перед строем были расстреляны двое пленных. Один из них просто подобрал гнилую мороженую картофелину, не пригодную к пище. Был за это расстрелян перед строем. Это был урок для устрашения пленных»* (из воспоминаний бывшего узника А. М. Согрина)¹⁰⁷. *«Много было согнано и пленных, и гражданского населения. Не все люди вместились в камеры, многие находились под открытым небом и в осеннюю слякоть, и в зной. Не лучше было и в камерах. Там набивалось столько людей, что нельзя было повернуться, да совсем задохнулись люди от недостатка воздуха. Кучность людей была и на улице, люди сидели, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Людей не кормили. К тому же не давали воды. Некоторые сходили с ума... Стон стоял в лагере такой, что такого не могло быть от мычания тысяч коров. Могил было много, и клали людей сотнями. Они тянутся от мясокомбината до Кронштадтской улицы»* (из воспоминаний Кашиной Валентины Александровны)¹⁰⁸.

«В 1942 г. в Вязьме работала комиссия Международного Красного Креста, которая официально засвидетельствовала наличие в „Дулаге № 184“ невыносимых условий для существования людей, высокую смертность узников от непомерно тяжелой работы при недостаточном питании (согласно Акту Комиссии, ежедневно в нем умирало 50–60 человек), врачебной комиссией был составлен соответствующий Акт. Бывшие военнопленные отмечают, что только после вмешательства комиссии Международного Красного Креста военнопленным в лагерях стали выдавать баланду» (из воспоминаний А. М. Петербурцева)¹⁰⁹.

О характере каждодневных работ узников

Пленникам было строго запрещено выходить из лагеря и ходить по городу без немецкой охраны под угрозой расстрела на месте, так как немцы опасались появления партизан. В 8 часов утра заключенных выстраивали перед бараками, проводилась переключка

¹⁰⁵ Из воспоминаний Елены Константиновны Ширшиной (URL:http://www.vfmgiu.ru/?show_news=42).

¹⁰⁶ Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. 276 с. Майстренко Т. А. Родная кровь. С. 221 (из воспоминаний А. М. Петербурцева).

¹⁰⁷ Из воспоминаний Александра Михайловича Согрина о пребывании в «Дулаге-184» // Шилов С. Страшная одиссея солдата Согрина // Альманах «Тобол». 2009. № 1 (17), № 2 (18).

¹⁰⁸ Из воспоминаний Валентины Александровны Кашиной. Записал сотрудник музея С. Борисов // Из фондов Вяземского краеведческого музея.

¹⁰⁹ Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. Из воспоминаний А. М. Петербурцева // Майстренко Т. А. Родная кровь. С. 221.

по номерам, написанным краской на спине одежды. Затем часть узников гнали на работу. В воспоминаниях бывших узников приводятся сведения о характере каждодневных работ, на которые направлялись военнопленные по разнарядке немецкого военного коменданта г. Вязьмы (до 500 человек ежедневно). В основном это были изнурительно тяжелые погрузочно-разгрузочные работы, разборка в городе завалов от взорванных объектов, строительство дорог и рытье окопов, которые проводились на улице в любую погоду – в осенние дожди и жестокие морозы. По воспоминаниям военнопленных, *«стояли лютые холода зимы 41-42-го года, в лагерь неоднократно привозили замерзших на наружных работах военнопленных. Я остро чувствовал холод, сказывались дистрофические явления. Иногда, даже после пребывания на морозе в течение 15–20 минут, я промерзал так, что мне казалось дальнейшее пребывание на дворе просто невыносимым, шинель плохо помогала мне», «были такие морозы, что не раз привозили трупы замерзших на работе военнопленных»* (по воспоминаниям М. В. Яковенко, А. М. Шимкевича). Работали без перерыва на обед, до самого вечера. Ни теплой одежды, ни нормальной обуви у людей не было. При катастрофически скудном «питании» такая работа еще больше сокращала жизнь людей. Однако многие все же старались попасть на эти работы, так как вне лагеря можно было попытаться раздобыть еду, появлялась возможность побега. Кроме того, небольшая группа военнопленных была задействована при штабе хозяйственной части 9-й немецкой армии, дислоцирующейся в городе, при которой существовал так называемый «малый лагерь» военнопленных на 100–150 человек, располагавшийся, как пишут бывшие узники, на территории вяземского «птицекомбината (или хладокомбината)». Военнопленные должны были заниматься подготовкой отправки военных «трофеев» с оккупированных территорий в Германию. *«База с трофейным оружием находилась на окраине Вязьмы. Рядом проходила ветка железной дороги на Калугу. Часть снарядов и мин мы закапывали в землю, а часть складывали в специальные штабеля. Немцы планировали использовать их для стрельбы из наших же трофейных пушек. Так же поступали и в нашей армии, когда на поле боя после отступления немцев оставались пушки и снаряды, их использовали для стрельбы по немецким позициям».*

Пленные работали на конных повозках – привозили на склады и сортировали трофейные снаряды и мины, захваченные немцами в боях, а также занимались заготовкой и развозом дров для отопления домов для немецких солдат и офицеров штаба, немецких госпиталей в городе, топкой печей, уборкой помещений штаба; небольшие группы (по 8-12 человек) работали в мастерской по дублению шкур домашних животных, в основном овечьих, из которых потом для немцев шили теплую одежду, рукавицы, по ремонту часов и т. д. Условия жизни в этом «малом» лагере также были тяжелыми, но появлялась надежда на выживание суровой зимой 1941–1942 гг.

* * *

Среди немецких солдат были разные по своему моральному облику люди. *«Пожилые немцы, а также выходцы из рабочего класса сочувствовали пленным. Были случаи, когда пожилой немец, наблюдая за работой пленных, изнуренных тяжким трудом и голодом, говорил: „Арбайтен зи лангзамер“ – „Работайте медленно“. Но таких было мало. В абсолютном большинстве немецкие солдаты ревностно исполняли свой долг и требовали от русских пленных напряженного труда, без исключений. За любой случай, когда немецкому охраннику казалось, что пленный работает слабо, немец применял дубинку или другой способ принуждения»* (из воспоминаний А. М. Петербурцева)¹¹⁰.

О безжалостном обращении с военнопленными свидетельствуют многие очевидцы: *«В середине января 1942 г., в одну из морозных ночей, когда на улице был мороз минус тридцать*

¹¹⁰ Там же.

градусов, в Вязьму прибыл эшелон с пленными советскими солдатами, захваченными на линии фронта под городом Ржевом после неудачного нашего декабрьского наступления. Везли пленных в товарных вагонах несколько дней без пищи, раненых, обмороженных.

Выгрузили ночью на станции Вязьма и, с обмороженными ногами, гнали их через весь город. Некоторые пленные делали попытки спастись от холода, пытаясь войти в ближайшие дома. Здесь, на ступеньках домов, их настигал выстрел в спину от немецкой охраны. Стреляли без предупреждения. Один из таких пленных, с простреленной грудью, зашел во двор нашего лагеря. Часовой сжался над ним и пропустил к нам в барак. Мы его накормили, чем смогли, и уложили спать. Но утром немцы пришли за ним в наш барак, забрали его и расстреляли. Утром, когда нас везли на грузовиках на станцию на работу по погрузке и разгрузке вагонов, нам представилась страшная картина: около домов по обеим сторонам улицы лежали десятки убитых наших солдат. Их никто за ночь не похоронил. Конвоиры убивали узников без всякого повода, для развлечения и для устрашения» (из воспоминаний А. М. Петербурцева)¹¹¹.

В статье В. Антонова «Вязьма сегодня» приведен со слов вязьмичей еще один случай, страшный для лагеря по своей жестокости и обыденности:

«Однажды пленный красноармеец нагнулся, чтобы поправить развязавшуюся обмотку. В ту же секунду к нему подскочил часовой и схватил за шиворот. Он приволок пленника в огород к старику и застрелил под окнами хижины. Судьба пленных находилась целиком в руках конвоиров».

Обстановка усугублялась бесчинствами со стороны лагерной полиции, которая находилась под покровительством немцев. В своих воспоминаниях А. М. Согрин свидетельствует:

«Вы только посмотрите, что вытворяют помощники Гитлера – черта ему в душу, эти с повязками на рукаве, бывшие уголовники и прочий сброд. Человек еще жив, а они его разувают и раздевают, и ко мне уже приходили. Никогда столько мрази я не видел, откуда они выползли? Они тут сами свои порядки устанавливают, им лагерь что дом родной, и им все едино, что советский, что немецкий, лишь бы пожива была. Эта шваль все награбленное меняет уже за колючей проволокой у местных спекулянтов на самогон и сало»¹¹².

М. В. Яковенко в своих воспоминаниях писал:

«В лагере полицаяв называли „русские иуды“»¹¹³.

Как вспоминает ополченец писательской роты 8-й ДНО Краснопресненского района г. Москвы, состоящей из литераторов и почти полностью погибшей под Вязьмой, Борис Рунин, не выдерживая изуверских условий, многие бойцы оканчивали жизнь в немецком плену самоубийством¹¹⁴.

Факты злодеяний над советскими военнопленными в «Дулаге-184» констатируются в Сообщениях Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР в разделе «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в г. Ржеве Калининской области»:

¹¹¹ Там же.

¹¹² Из воспоминаний Александра Михайловича Согрина о пребывании в «Дулаге-184» // Шилов С. Страшная одиссея солдата Согрина // Альманах «Тобол». 2009. № 1 (17), № 2 (18).

¹¹³ Яковенко М. В. Воспоминания времен Отечественной войны 1941–1945 гг.

¹¹⁴ Рунин Б. М. Записки случайно уцелевшего. Издательство «Возвращение», 2010.

«Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские военные власти обрекают красноармейцев на вымирание от голода, тифа и дизентерии. Военнопленным не оказывают медицинской помощи.

В Вязме имелся госпиталь для военнопленных в неотапливаемом каменном сарае. Лечения и ухода за больными никакого не было. Ежедневно умирало от 20 до 30 человек. Больным выдавали в день пол-котелка супа без хлеба. По данным врача Михеева Е. А.¹¹⁵, в один из дней в этом госпитале умерло от истощения и болезни 247 человек. Кроме того, немецкие солдаты избрали в виде мишени для стрельбы больных пленных красноармейцев, когда они проходили по двору госпиталя.

Хирургу Раздершину В. Н. вместе с группой врачей пришлось провести в помещении лагеря для военнопленных одну ночь. Врачи рассказывают, что всю ночь из разных помещений лагеря доносились крики истязаемых: „спасите“, „помогите“, „за что бьете“, „ох, умираю“.

Днем, во время раздачи еды, военнопленные столпились у кухни. Для наведения порядка немецкий охранник снял с ремня гранату и бросил ее в толпу. Несколько человек было убито и много ранено.

Нечеловеческим истязаниям и казням подвергал советских военнопленных комендант лагеря № 2 старший унтер-офицер Раутенберг.

...В июне 1942 г. по приказанию начальника жандармерии капитана Шульца из Вяземского лагеря военнопленных были выведены 5 красноармейцев, конвоиры велели им бежать и стали стрелять в них: трое были убиты сразу, а двоих раненых они добились прикладами.

В Вязме, на Комсомольской улице, один из красноармейцев отошел от группы других пленных, чтобы напиться из ручья, текущего с края тротуара. Немец-конвоир избил красноармейца прикладом, затем отвел в сторону и застрелил.

Около станции Вязма пленный красноармеец зашел в столовую для рабочих и попросил тарелку супа. За ним вошел конвоир и потребовал, чтобы красноармеец немедленно вышел из столовой. Пленный попросил разрешения доест суп. Конвоир вытащил красноармейца из столовой на улицу и тут же у дверей застрелил его.

В декабре 1942 г. немец-конвоир застрелил двух пленных красноармейцев на улице Софьи Перовской. Трупы их валялись на улице несколько дней»¹¹⁶.

Немцы проводили в лагере политику, направленную на стравливание людей по национальному признаку и склонение их к предательству Родины, вербуя согласных работать на них пленных на службу в полицию и особенно выделяя среди узников украинцев. С. И. Анваер пишет, что в лазарете № 1 немцы отобрали украинцев и поместили в другой половине больничного барака. «Кормят получше, обращаются помягче, режим свободней. На рукавах повязка с буквой „У“».

В связи с большим количеством раненых и больных военнопленных в «Дулаге-184» немцам пришлось создать три лазарета в составе лагеря (лазареты создавались практически во всех лагерях военнопленных). Для их размещения в Вязме были приспособлены три места, примыкающие к основной территории лагеря с разных сторон. Лазарет № 1

¹¹⁵ Михеев Евгений Александрович – военврач 3-го ранга, командир взвода 87-го омедсб 1-й Механизированной дивизии Западного фронта, 1891 г. р., уроженец г. Москвы, русский, служащий, беспартийный. В РККА с 1918 г. Считался пропавшим без вести между 10.1941 г. и 12.1941 г. (24. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 106. Донесение Западного фронта о безвозвратных потерях № 05721 от 01.11.1943 г.) Оставил воспоминания о «Дулаге-184», которые приведены в обзорном томе Всероссийской Книги памяти, 1941–1945 гг. (25. Обзорный том Всероссийской Книги памяти, 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1995. С. 451.).

¹¹⁶ Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1983. С. 56–59. 23. [Опубликовано в газете «Известия» от 06.04.1943. Злодеяния над советскими военнопленными].

размещался по ул. Красноармейское шоссе, в зданиях старинной, начала XX века, городской «лютовской больницы». До вторжения немцев в ней находился советский госпиталь. Это подтвердили георадарные обследования территории воинского кладбища, проведенные в марте 2014 г. поисковиками Российского военно-исторического общества, в ходе которых в погребениях были обнаружены гробы, покрашенные красной краской, – так могли хоронить советских военнослужащих, умерших от ран в советском госпитале.

В здании маслозавода № 3 по ул. 25 Октября, где сейчас находится ОАО «Вяземский завод синтетических продуктов» (ВЗСП), размещался лазарет № 2, ориентировочно в районе сквера С. Савицкой по ул. Репина – лазарет № 3. Под размещение раненых были приспособлены также полуразрушенные пустые крестьянские домики в разных частях города.

Благодаря комментариям (в том числе на немецком языке) к Спискам погибших главного врача лазарета № 2 М. Ю. Чуловского, особенно за период с 1 сентября по 7 октября 1942 г. (27 страниц), можно документально проследить, откуда в лазареты поступали люди.

Кроме мест боевых действий больные поступали с территории основного содержания военнопленных «Дулага-184» (место расположения недостроенного авиационного завода) – 56 человек поступило в сентябре и 35 человек – в октябре 1942 г., а также из других мест содержания и работы пленников («рабочий кожевенного завода», неизвестный человек «с работы без сознания»). Из лазарета № 1 поступило 10 человек – 28 июля 1942 г. «Лейвиков Захар Михайлович доставлен мертвым», 9 человек доставлены в сентябре. В марте 1942 г. 12 человек были доставлены в лазарет из Ржева и 1 – из Темкино. 36 человек поступило из мест строительных работ, которые велись немецкой военно-строительной организацией Тодта¹¹⁷.

Все поступившие в лазарет № 2 люди находились в крайне тяжелом состоянии, умирали чаще всего в день поступления или на следующий день.

Поступление раненых и больных людей в лазарет № 2 из лазарета № 1, возможно, предполагает наличие профильного характера лазаретов. По утверждениям старожилов, в лазарете № 2 в 1942 г. в основном содержались больные туберкулезом и другими легочными заболеваниями.

Воспоминания бывших узников лагерей военнопленных в г. Вязьма

...Я рассказ начинаю о павших героях,
до последней минуты не бросивших строя.
Пусть они умирали за колючей оградой –
они встретили смерть по-солдатски, как надо!
Пусть над ними в знак скорби
Не склонялись знамена,
пусть о них не писали
родным похоронных,
пусть имен их не встретишь
на братских могилах,

---

¹¹⁷ Военно-строительная организация рейхсминистра вооружения и боеприпасов *Фрица Тодта* (ОТ) была создана в 1933 г., занималась восстановлением путей сообщения, мостов, строительных укреплений, где использовался тяжелый труд советских военнопленных. С осени 1942 г. – в составе Вермахта. Ф. Тодт погиб в авиационной катастрофе под Растенбургом 8 февраля 1942 г., но организацию по-прежнему называли его именем («Военная литература». Организация Тодта в войне (URL:<http://militera.lib.ru/h/ergos/18.html>)). Указанные в Списках лазарета № 2 пятизначные номера немецких полевых почт принадлежали этой организации.

пусть сегодня история просто не в силах
 имена их на бронзе и мраморе высечь...
 Это трудно.
 Их много.
 Их тысячи тысяч.
 От их тел на земле ничего не осталось.
 Пепел жарких сердец по земле разлетался.
 Так боролись эсэсовцы
 с «красной проказой»...
 Я о них расскажу.
 Я – живой.
 Я – обязан.

Всеволод Остен¹¹⁸

Шейнман Михаил Менделевич (1902–1977), г. Москва

Михаил Менделевич Шейнман – батальонный комиссар 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы 32-й армии (с 26.09.1941-140-я стрелковая дивизия), главный редактор дивизионной газеты «За Родину!». Дивизия занимала оборону возле г. Холм-Жирковский (северо-западнее Вязьмы), вела тяжелые бои с немецкими частями 3-й танковой группы. Практически в полном составе погибла, задержав врага на подступах к Москве и обеспечив выход из окружения другим соединениям Красной армии. Воспоминания М. М. Шейнмана о пребывании в немецком плену были помещены советскими писателями В. Гроссманом и И. Эренбургом в «Черную книгу» (издана в 1980 г.). В вяземских пересыльных лагерях находился три с половиной месяца – с октября 1941 г. по февраль 1942 г. включительно.

«В первые дни войны я поступил добровольцем в народное ополчение и стремился скорее попасть в действующую армию. В начале октября 1941 года, под Вязьмой, часть, в которой я служил, оказалась в окружении. Мы сразу же очутились в тылу у немцев. 12 октября во время атаки я был ранен в ногу. Зима 1941 г. была ранняя. Вдобавок к ранению я обморозил обе ноги и не мог больше ходить. 19 октября небольшая группа товарищей, с которыми я выходил из окружения, оставила меня в деревне Левинка Темкинского района Смоленской области. Здесь 27 октября меня обнаружили немцы. С этого дня началось мое хождение по мукам в фашистских лагерях. Как советский гражданин, батальонный комиссар, да еще еврей, я был в плену на положении приготовленного к смертной казни, приговор над которым мог быть приведен в исполнение каждую минуту, если бы немцам что-нибудь стало известно обо мне.

С ноября 1941 г. по 12 февраля 1942 г. я находился в вяземском „госпитале“ для военнопленных. По свидетельству врачей, работавших тогда в „госпитале“ и в лагере, за зиму 1941/42 г. в Вяземском лагере умерло до семидесяти тысяч человек. Люди помещались в полуразрушенных зданиях без крыш, окон и дверей. Часто многие из тех, кто ложился спать, уже не просыпались: они замерзали. В Вязьме истощенных, оборванных, еле плетущихся людей – советских военнопленных – немцы гоняли на непосильно тяжелые работы. В „госпиталь“ попадали немногие – большинство гибло в лагере.

В декабре 1941 г., когда в Вязьму прибыл эшелон с пленными, вывезенными немцами со станции Шаховская, советский врач, который был направлен на станцию принимать эшелон,

---

¹¹⁸ Остен Всеволод Петрович – бывший узник Маутхаузена. Цит. по: Книга памяти. Костромская область. Т. 9 / ред. Елизаров А. М. и др. Кострома: ДиАр, 2004. С. 139.

рассказал мне, что значительная часть людей замерзла в пути. Трупы выносили из вагонов и складывали штабелями. Некоторые еще показывали признаки жизни, пытались поднимать руки, стонали. К таким подходили немцы и пристреливали.

В лагерях военнопленных, в штрафных и рабочих командах жестокость гитлеровцев и их изобретательность в деле убийства не знали пределов.

В 1941–1943 гг. первые пять-семь дней плена, как правило, людям совершенно ничего не давали есть. Немцы цинично утверждали, что это делается для того, чтобы люди ослабели и были неспособны к побегам. В январе-феврале 1942 г. в вяземском „госпитале“ на больного отпускалось в день семьдесят граммов немолотой ржи. Из этого зерна два раза в день готовили „баланду“ – каждый раз по пол-литра на человека. Хлеба не выдавали.

Неудивительно, что люди слабели и умирали, как мухи.

В 1941–1943 гг. в лагерях летом поели всю траву на дворах, ели древесные листья, если попадались лягушки – поедали и их, жарили на огне и ели конскую шкуру, если ее удавалось добыть. Соль была недостижимой роскошью.

В лагерях были военнопленные взрослые люди, вес которых доходил до тридцати-тридцати двух килограммов. Это – вес подростка.

Гитлеровцы всемерно препятствовали постановлению лечебного дела в лагерях. Они большей частью совершенно не отпускали медикаментов. В „госпиталях“ неделями не перевязывали раненых, так как не было бинтов; не давали немцы и хирургических инструментов. Много тысяч советских граждан умерли в госпиталях от ран, заражения крови, а еще больше от истощения, голодных поносов, тифа, туберкулеза.

В плену я находился в „госпиталях“ лагерей военнопленных в Вязьме, Молодечно, Кальварии, Ченстохове, Эбельсбахе. Слово „госпиталь“ никак не подходит к этим учреждениям. В Вязьме госпиталь помещался в полуразрушенных, брошенных жителями домиках, на окраинах города и в развалинах корпусов маслозавода. В домиках всегда было холодно и темно. Раненые валялись на голом полу. Даже соломы не было для подстилки. Только к концу моего пребывания в Вязьме в домиках были сооружены нары, но и на них больные лежали без соломы, на голых досках. Медикаментов не было. Вшивость в госпитале была невероятная. Бани за три с половиной месяца моего пребывания в Вязьме не было ни разу.

Гитлеровцы разработали целую систему утонченных наказаний, рассчитанных на то, чтобы нанести физические страдания военнопленным, и на то, чтобы унижить их человеческое достоинство. Порка, избиения заключение в карцеры и бункеры – все это применялось в лагерях. Людей пытали, вешали и расстреливали без малейшего повода.

С первой минуты плена немцы раздевали и разували пленных и одевали их в лохмотья. Тем самым они не только обрекали пленных на муки холода, но и унижали их человеческое достоинство. В начале января 1942 г. в вяземский „госпиталь“ прибыла группа офицеров Красной армии, незадолго до того попавших в плен. Большинство из них прибыло с обмороженными ногами. На ногах вместо обуви у них были какие-то тряпки. Эти товарищи рассказывали, что, когда они попали в плен, немцы прежде всего сняли с них всю теплую зимнюю одежду и разули, а затем разутыми погнали по этапу зимой, в мороз. Я видел в феврале 1942 г. по пути из Вязьмы в Молодечно, как немцы разували пленных, снимали с них теплые валенки и тут же надевали себе на ноги. По железным дорогам пленных перевозили либо в товарных вагонах (без печек), либо на открытых площадках. В каждый вагон помещали до ста человек. Люди замерзали и задыхались от отсутствия воздуха. В феврале 1942 г. „госпиталь“ военнопленных из Вязьмы перевозили в Молодечно. По пути на каждой остановке из вагонов выносили умерших от истощения и замерзших.

Евреев и политработников, попавших в районе Вязьмы в окружение в октябре 1941 г., немцы живыми бросали в колодцы. Находясь в Вяземском и Молодечненском лагерях, я от очевидцев слышал множество рассказов об этом. Оказавшихся в окружении ловили на дорогах, по деревням, свозили на сборные пункты. Здесь по внешнему виду отбирали евреев

и убивали. Лично я спасся благодаря советским людям, моим русским товарищам – офицерам и врачам.

В Вязьме врачи Редькин и Собстель укрывали меня, раненого и больного, от немецких ищеек. В Кальварии, по настоянию некоторых товарищей – старших офицеров, в частности подполковника Проскурина С. Д., батальонного комиссара Бантровского Г. С. и др., врачи держали меня в госпитале. Когда в феврале 1943 г. меня выписали в лагерь и появилась реальная опасность быть обнаруженным немцами, врач Куропатенков (Ленинград) поместил меня в изолятор госпиталя. Позже меня, как и ряд других товарищей – политработников, советских и военных работников, – врач Шеклаков А. Д. (Москва) и другие укрывали в госпитале среди поносников и туберкулезных до конца 1943 года. Значительная часть офицеров и бойцов Красной армии, имевших несчастье в силу случайностей войны попасть в плен к немцам, погибла в лагерях от неслыханных гонений, от голода, невыносимо ужасных бытовых условий, болезней. И если в числе переживших плен есть и небольшая группа евреев, то она выжила только благодаря поддержке русских, украинских, белорусских и других товарищей»^[119].

Хольный Георгий Александрович (1921–2013), г. Москва

Г. А. Хольный был радистом-разведчиком в 160-й Горьковской стрелковой дивизии. Под Рославлем попал в плен к фашистам. Прошел многие лагеря смерти – от Вязьмы, Минска, Масюковщины до Штукенброка. Много раз бежал, активный участник движения Сопrotивления. После войны Г. А. Хольный – кинорежиссер, оператор научно-популярных и художественных фильмов, преподаватель ВГИКа. Многие годы был президентом Ассоциации бывших военнопленных «Штукенброк», исключительно много сделал по вопросу реабилитации и защите прав бывших военнопленных. В настоящее время благодаря Г. А. Хольному действует совместное российско-германское общество «Цветы для Штукенброка» (Blumen für Stukenbrock).

«Я потомственный москвич, родился 20 марта 1921 г. в Москве, в располагавшемся на Арбате родильном доме Грауэрмана. Жили мы в знаменитом месте – Сивцев Вражек, около Гоголевского бульвара. Я окончил знаменитую школу, располагавшуюся напротив канадского посольства: бывшую медведниковскую гимназию – ныне это школа № 59. Преподавали в ней гимназические учителя, высокообразованные, интеллектуальные, интересные люди. Да и класс у нас был замечательный. Когда я окончил школу, то решил осуществить свою давнюю мечту – поступить в Институт кинематографии. Кино для меня было святыней! Но вдруг выяснилось, что принимают только на национальные отделения. Но, кроме кино, я интересовался и архитектурой и поступил в строительный институт. Думаю, проучусь год в строительном, а потом буду все равно поступать во ВГИК! Это был 1939 год. И вот поступил я в институт, мы отпраздновали, и вдруг – „Ворошиловский призыв“. Всех ребят со средним образованием призывали в армию на два года. Что ж, тогда никто и не думал искать пути, чтобы не пойти в армию: это был долг, обязанность. Родители мои были людьми очень левых убеждений, и я пошел в армию с их „благословения“.

У меня обнаружился музыкальный слух, и меня направили в войска связи. Служил я в пехоте, радистом-разведчиком в 160-й Горьковской дивизии. Служба моя проходила в Горьком, и адрес у меня был самый короткий: „Горький, Кремль, Хольному“. Наша дивизия была „первой готовности“. Буквально через неделю (после начала войны) эшелоны нашей дивизии, в том числе нашего батальона связи, отправились на фронт через Москву. По пути несколько раз нас бомбили, но обошлось. А когда приехали на фронт в район Смоленска, через два дня оборвалась связь с Большой Землей. Мы попали в окружение. Оставался узенький коридор: 20 км слева, 20 км справа, и вот мы по этой дороге въехали эшелонами в одно из самых больших окружений на Центральном фронте. Повоевали немного. Передо мной был враг – немцы. Я знал, да и потом на своей шкуре испытал все это. Били меня смертным боем, и в тюрьме был, и в концлагере был – знал, что такое фашисты...

Я попал уже в стационарные в Вязьме. Это были уже какие-то казармы, разрушенные, правда, без стекол. В них было холодно: ноябрь месяц!.. У меня была шинель, у большинства все-таки шинели были, потому что это было главное – шинель, обувь какая-то, без одежды ты не мог. И шинель мы берегли. Шинели были, были такие бушлаты, были куртки рабочие, вроде полупальто – они потолще были, поудобнее. Но шинель была удобна тем, что ты ей мог накрыться. В России для побега лучше одежды не придумаешь, она тебе и подстилка, и одежка, хлястик распускал – и оно получалось как одеяло. На ночевку считалось нормальным валежник какой-нибудь набрать, шинелькой накрыться, вещмешок под голову – и все в порядке, костерчик там где-то развести... В Вязьме очень тяжело было. Отопления не было, цементный пол, пучок соломы, разбитые окна, кое-как заделанные фанерой. Тряпками нельзя было – срывали, себя накрывали, но кое-как досками забили, чтобы хоть ветра не было. Кто устроился где-то в уголке, многие прямо под окнами – замерзали, погибали сотнями.

Бывает, в лагере с кем-то познакомишься, куда-то на работу попал, где-то на нарах удобное место нашел около печки – тысяча вариантов есть, которые позволяют получить какое-то преимущество. Но там ничего не было. Там получилось все наоборот. Видно, там уже я заболел то ли сразу сыпным тифом, то ли сначала каким-то простудным заболеванием – и тогда организм ослабился, и я заразился сыпным тифом. Короче говоря, с одним из первых эшелонов в открытом вагоне я был отправлен в Минск, в большой стационарный уже организованный лагерь...»^[120]

Анвaер София Иосифовна (1920–1996), г. Москва

София Иосифовна Анвaер – врач в третьем поколении. Ее дед был земским врачом в Псковской губернии, мать – московским врачом-фтизиатром. В 1938 г. поступила в 1-й Московский мединститут. После 3-го курса, 23 июня 1941 г. – на второй день войны – добровольцем ушла на фронт. Была медсестрой в 505-м передвижном госпитале 19-й армии генерала Лукина под Вязьмой. В окружении попала в плен. Находилась в немецких лагерях смерти – Вязьма, Смоленск, Штутгоф, Эльбинг. Была членом подпольной антифашистской группы. Воспоминания начала писать в середине 1950-х, а закончила в середине 1990-х годов: вышла в свет книга С. Анвaер «Кровоточит моя память. Из записок студентки-медики».

1941, октябрь – ноябрь – попала в окружение. Назвалась грузинкой Анджaпаридзе.

1941, декабрь – пребывание в лагере военнопленных в Вязьме, черная работа в лазарете. Встреча с пленным генералом М. Ф. Лукиным. Тяжелая болезнь, лечение. Эпидемия сыпного тифа в лагере, смерть 35-40-летних заключенных. Вновь болезнь и выздоровление.

1942, январь – март – работала в лазарете Вяземской горбольницы, окруженной двумя рядами колючей проволоки. Голод. Отсутствие лекарств. (Лазарет № 1 «Дулага-184».)

1942, март – май – отправка переболевших тифом в Смоленский лагерь. Перевод медработников в лазарет военнопленных. Работа в сыпнотифозном корпусе. Ночные дежурства, голод, «куриная слепота». Отправка «добровольцев» эшелоном из Смоленска в Германию...

«Нас гнали по грязным дорогам целый день и ночь. Неделю назад пригнали сюда^[121]. Дрожало на ветру чадающее махровое пламя, оно слабо освящало развалины и шеренги вражеских солдат на подходе к ним. Солдаты, взмахивая прикладами, загоняли нас вниз под эти развалины. Выстрелы, брань, удары, хрипы и стоны сливались в страшный неумолкающий звук. Под ногами заплескалась вода. С каждым шагом она поднималась все выше. Вот уже начала заливать в сапоги, дошла до бедер. Потом я уперлась в стену, и напор идущих сзади людей уменьшился. В темноте слышалось дыхание загнанных людей. „Спасите, тоню“, – раздался одинокий голос и тут же перешел в бульканье. Кто-то схватил меня за ногу, и я упала, погрузившись по грудь в холодную воду. Я вскрикнула. Невидимая рука помогла мне встать. Наверху, там, откуда нас пригнали, раздался взрыв, и на какой-то

миг я увидела сплошную массу людей, раскрытые в крике рты и полные ужаса глаза. Толпа шарахнулась в нашу сторону, меня так сдавили, что я потеряла сознание. Через какое-то время я вновь услышала выстрелы, гул голосов, бульканье воды под ногами. Толпа, сдавившая меня, не дала мне упасть в воду. Выстрелы вблизи постепенно утихли, и хриплый немецкий голос приказал: „Руэ! Одер вир шиссен!“ („Спокойно! Или будем стрелять!“).

Шли часы, мы продолжали стоять в воде, опираясь друг на друга. Начинался день, но свет едва проникал из маленьких окошек под потолком. Против единственного, уходящего вверх выхода из подвала чадным, багровым пламенем горел костер. Около него постоянно находилось несколько гитлеровцев. Только это место около костра не было залито водой. Все остальное пространство, стоя по колено, а то и по пояс в воде, занимали люди. Выйти на сухое место было нельзя. Гитлеровцы убивали каждого, кто к ним приближался. Сухая площадка уже была окружена валом мертвых тел, наполовину погруженных в воду. Багровые блики пламени отражались в остекленевших глазах мертвых и тонули в открытых в последнем крике ртах.

По ночам, желая осветить темноту подвала, конвойные, выхватив из огня раскаленные головни, бросали их в храпящую массу людей. На любой шум или движение в подвале немедленно отзывались стрельбой или бросали гранаты. Ноги стыли в ледяной черной воде, которая не замерзала, кажется, только потому, что ее согревали человеческие тела. Те, кто уже не мог стоять, опускались в воду.

Умиравшие не стонали и не хрипели, они захлебывались.

Через два дня оставшихся в живых выгнали из подвала на первый этаж под открытое небо. Смерть освободила место для нас. От края до края помещение было набито людьми. Цементный пол был устлан трупами. Живым едва хватало места, чтобы стоять, и они складывали их друг на друга.

В течение короткого дня поздней осени можно было выходить на огороженный колючей проволокой двор. Там один раз в день сбрасывали с грузовиков пачки концентратов горохового супа и пшенной каши, захваченные в нашем интендантском складе. И это на многие тысячи людей (по слухам, в лагерь согнали около сорока тысяч пленных, через месяц осталась половина). Изголодавшие люди бросались к еде, их встречали пулеметные очереди или взрывы гранат. Осталось выбирать между голодной смертью или смертью от пули.

Через колючую проволоку жители города видели наши страдания и пытались помочь. Закутанные в тряпье женщины и дети подходили к проволоке и перебрасывали сверточки с какой-то едой. Пленные бросались к ним, на вышке стучал пулемет. Люди падали с протянутыми к пище руками. Падали и женщины по другую сторону забора. Помочь нам было невозможно. К мукам голода и холода присоединилась жажда. В подвал, где была вода, пройти уже было нельзя: вход в него закрывала гора трупов. Люди пили, отцеживая через тряпку, жидкую грязь со двора, перемешанную тысячами сапог.

За минувшие дни мне один раз досталась пачка концентрата. Через оконный проем, наполовину загороженный стеной из трупов, мне видны двор и ворота. Грузовик въезжает во двор и останавливается посередине. Я вижу пленных, которые со всех сторон тянутся к этому грузовику, впившись в него голодными глазами. Пулеметы на вышках тоже, как по команде, поворачиваются в эту же сторону. Гитлеровцы в грузовике поднимают руки с зажатыми в них гранатами.

Я медленно встаю. Нужно идти. Там, около грузовика, меня наверняка убьют. Это лучше, чем умереть так, как умирает лежащий рядом на полу боец. Грязные худые руки скребут цементный пол. Полузакрытые, со слипшимися от гноя ресницами глаза смотрят куда-то вверх. По грязному синеватому лицу ползают вши. Из рта раздается натужный хрип. Мертвых и умирающих больше, чем живых, а живые больше похожи на мертвых, вставших из могил. Я не хочу умирать так, и поэтому мне надо идти

За пустыми оконными проемами (здание начали строить еще до войны, но не успели покрыть его крышей и вставить окна) что-то кричали конвойные. В окно справа вдруг влетела граната и взорвалась у северной стены, где было особенно много людей (там не так

дул ветер). Крики боли и ужаса вызвали в ответ еще более сильную стрельбу. Что же это делается на свете? Да, мы все согнаны в эти голые стены – пленные. Да, нас схватили гитлеровцы, которые сейчас неудержимой лавиной катятся по Украине, Белоруссии, Смоленщине. Уже несколько дней не слышно канонады, умолкла где-то на востоке. Где наши теперь? Многим посчастливилось: они пали в бою, других, менее счастливых, убили сразу в плену. А мы здесь. Хуже голода мучают жажда и холод. В голове неотвязная мысль: хоть бы один раз удалось согреться перед смертью. А смерть, она тут, рядом: на этаже появляются эсэсовцы с автоматами. Выкликают фамилию. Встает человек и тут же падает, сраженный автоматной очередью. Все это повторяется. На третью фамилию никто не откликается. Ее повторяют. Опять никто. И вдруг раздаются какие-то голоса: „Вот он, здесь запрятался“. Автоматы бьют прямо в гущу людей. Следующий встает сам. Потом вновь молчание в ответ на фамилию, и опять предательские голоса, и вновь стрельба по толпе. На душе тяжелая тоска. Как после этого жить? Полумертвые люди предают друг друга. Идут дни. Каждый день сотни убитых и умерших. Мертвых уже гораздо больше, чем живых. Хмурым утром седьмого ноября поднимается дикий шум. Сотни голосов кричат: „Всех распускают по домам. Москва взята!“. Первая мысль – конец этому аду! Ее тут же заглушает другая: Москва! Я рыдаю, уткнувшись в холодную кирпичную стену. Ничего мне не нужно, если пала Москва. Через некоторое время в голову приходит четкая мысль: „Это неправда. Этого не может быть“. И высыхают слезы.

Был конец ноября 1941 года. Стояло хмурое утро. Внезапно во дворе началась нарастающая стрельба, усилилась хрипая брань, крики. На этаже появились солдаты и эсэсовцы. Урожая автоматами, они стали выгонять пленных во двор.

Тех, кто не мог подняться, пристреливали. На лестнице образовалась давка. Передние не успевали выходить, а на задних напирали немцы с криком и стрельбой. Между верхним и нижним этажами было широкое окно. Через него мне удалось увидеть, что происходило во дворе. Шел еврейский погром. Эсэсовцы отбирали евреев и отгоняли их вправо. Более месяца, проведенные в этом лагере, сделали мне смерть милее жизни. Не раз уже я сама лезла под пули, но когда увидела, как убивают евреев, как над ними издеваются эсэсовцы, спуская на них собак (описывать это я не в состоянии), и представила, что же они могут сделать с женщиной, то постаралась задержаться на лестнице, пусть пристрелят здесь. Задержаться не удалось, поток людей вынес меня на крыльцо. Тут же ко мне подлетел высокий эсэсовский офицер:

- Жидовка?
- Нет, грузинка.
- Фамилия?
- Анджапаридзе.
- Где родилась?
- В Тбилиси.

Последовало еще несколько вопросов. Говорил он по-русски, без малейшего акцента. И хотя прошло уже полвека, я и сейчас вижу его перед собой, как будто все происходило вчера. Но никогда не могла вспомнить, как пришли мне в голову эти ответы и фамилия моего однокурсника. Ударом руки офицер толкнул меня не вправо, куда я боялась даже взглянуть, не влево, куда отгоняли всех, а вперед. Поднявшись на ноги, я обнаружила еще двух женщин-военнопленных. „Селекция“ продолжалась, нас, женщин, постепенно стало шестеро. Стояли, тесно прижавшись друг к другу. Было страшно. Страшно смотреть на то, что творилось кругом, страшно думать о том, что могли сделать с нами. Когда „селекция“ окончилась, военнопленных загнали обратно в здание, эсэсовцы и солдаты ушли, во дворе остались только трупы и мы шестеро посередине пустого пространства в полной неизвестности.

Через какое-то время явился пьяный немецкий фельдфебель и на ломаном польском языке принялся орать на нас, перемешивая русский мат с польским. „Вы вшистке шесть есть

би проститутки. Что вы делали тутой в одном доме с тысячами мужчин?» – примерно такой был смысл его брани.

Потом нас загнали в каморку у ворот лагеря. Всю ночь не спали. Дрогли на голом полу. Всклакивали каждый раз, когда за дверью раздавались шаги или голоса. Утром пришел протрезвевший „переводчик“, выяснил, что мы все медики, и ушел. Потом солдат принес нам два котелка кипятка и три пачки концентрата гречневой каши. Наша каша – их трофей. Немцы гречки не ели. Я уже голодала с начала октября, когда наш 505-й передвижной полевой госпиталь вместе с ранеными попал в окружение под Вязьмой, с тех пор ни разу не ели горячего. Этот завтрак не забылся»^[122].

Шлячков Борис Иванович (1923–2014), г. Москва

Борис Иванович Шлячков – ветеран 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы. В 1941 г. ему было 17 лет. Добровольцем ушел на защиту Москвы. Был схвачен фашистами 11 октября 1941 г. раненым, находился в бывшем советском госпитале в Вязьме, где наши пленные врачи сделали ему тяжелую операцию. Спасли! Потом, уже в Чехословакии, Борис Шлячков бежал из плена, воевал в партизанском отряде, в РККА – до конца войны, имел боевые награды.

«Госпиталь в Вязьме, куда я попал, находился недалеко от церкви, метрах в 300. До войны там, видимо, была школа, так как здание было похоже на школу – коридоры длинные и помещения, как для классов. Деревянная. В этом здании до прихода немцев размещался наш госпиталь. Не успел выехать. Весь персонал остался вместе с ранеными. Врачи, медсестры ходили в белых халатах, белых шапочках, косыночках. Как в СССР. Свет был, электричество. На кроватях оставались висеть таблички с именами раненых. Госпиталь не охранялся: больные все, лежащие, зима, куда денутся. Операции делали. Кормили сначала ничего. Суп, каша из концентратов. Когда лекарства кончились, а это произошло быстро, операции делали вживую. Меня оперировали без наркоза. Несколько месяцев я лежал только на спине, не мог перевернуться даже на бок – нога была закована в гипс, как в валенке. Сперва меня кормили медсестры. Раненые лежали в палате человек по 20. Помирало в госпитале много солдат, особенно раненных в живот, грудь. Кто выживал – тех отправляли в лагерь военнопленных. Из окна я видел, как наших на работу водили: одеты легко, а зима. Люди падали от истощения и болезней, кто встать не мог, тех немцы пристреливали. Ужас, сколько умирало.

Пробыл я в этом госпитале с октября 1941 по весну 1942 г. А в мае нас всех, кто мог ходить, под конвоем отправили на станцию Вязьма, и перевезли в „шталаг“ Молодечно в Белоруссию. Там я опять попал в лазарет. Разговор был в Молодечно, что немцы хотели в здании госпиталя в Вязьме ремонт сделать и разместить там своих солдат. Всех неходячих вывезли и расстреляли, а врачей наших собрали и предложили им лечить немцев. Отказались наши. Немцы врачей тоже расстреляли, местные говорили. Потом отправили нас в Германию, в Чехословакию, откуда я бежал, был в партизанах. Затем, после освобождения нашими войсками, воевал в РККА до конца войны. Награжден.

Сколько у меня под Вязьмой товарищей погибло, сколько погибло нас, пацанов 17-летних, и как сам остался живой?.. Не знаю. Мой одноклассник, лучший товарищ мой, Юра Курначев (он жил на 3-й Сокольнической улице в Москве, а наша школа в Сокольниках была, деревянная), погиб под Вязьмой. Мы записались с ним вместе во 2-ю сдну Сталинскую на военном заводе „615-й“ на Большой Семеновской, дом 40, но попали с ним в разные части. Есть у меня фотография довоенная, где мы с Юрой в школьной форме рядом стоим...»^[123]

Шимкевич Вадим Николаевич (1924), г. Кишинев, Молдова

Вадим Николаевич Шимкевич, бывший слесарь-лекальщик одного из московских электростанций, в июле 1941 г. добровольцем ушел в ополчение, став рядовым Второй дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы. В октябре 1941 г. дивизия, вошедшая в 19-ю армию генерала Лукина, в считанные дни растаяла в боях, попала в окружение, а ее остатки пробивались к своим в районе печально известного с. Богородицкое, что к северу-западу от Вязьмы, по необъятным смоленским лесам. Лютую зиму 1941/42 г. он смог перезимовать у добрых людей, которые подобрали его, замерзающего, на дороге. Однако весной 1942 г. Шимкевич был схвачен полицией и отправлен в Германию на принудительные работы, где выжить ему помогло его довоенное увлечение футболом. Его взяли в свою команду французские военнопленные, которые жили не в пример лучше советских. Это дало возможность автору не умереть с голоду. Однако такое пассивное времяпровождение было не для него, он занялся подпольной антифашистской работой, что в конце концов привело его в лагерь смерти Дахау. Оттуда его, уже отправленного в мертвецкую, спасли американские солдаты.

«Из заиндевевшего Вяземского леса все еще были слышны выстрелы и крики, откуда солдаты Гитлера все продолжали выводить пленных. Один держался рукой за плечо, сквозь пальцы которого сочилась кровь. У красноармейца вся голова была в бинтах, и он отплевывался кровью. Ополченец, раненный в руку и ковылявший впереди меня, вдруг бросился бежать, только и успел преодолеть канаву – и тут же поплатился жизнью.

На вспаханном поле, которое находилось рядом с лесом, немцы согнали сюда до трех десятков плененных. По сторонам этого поля была расставлена охрана – пастухи этого скорбного стада, теперь каждый вооруженный немец властвовал над моей жизнью, у меня ничего не оставалось, кроме сознания своей незащитности. Страшная действительность – „плен“ – поразила мое сознание. Это слово и его суть унизило меня – придавило. Страшно, когда отрубают голову, страшнее – когда отнимают душу и ты уже опустошен на всю жизнь.

Ныла у меня спина, и болели плечи, а затем боли появились и в голове. Ощущение было такое, будто кто-то со стороны затылка, под правое ухо неожиданно втыкал мне иглу, и пронзительная боль туманила на миг мое сознание, дергались голова и шея, после чего на короткое время боль отступала, а потом снова была боль. И мне пришлось искать причину возникновения этой боли.

Вероятно, приклад немца пришелся мне вскользь по каске, и всю силу удара приняли на себя голова, плечи и спина. А если бы удар попал прямо в цель, то разбил бы голову. Зажмурил глаза, с мольбой зашептал:

– Мамочка, защити! За какие грехи мне такие испытания? Я уже получил все: ранения и контузию – и под землей лежал, и оглохшим был.

Ночь укрыла землю. Вчерашние воины не понимали, как они, такая масса мужчин, оказались в таком положении? От холода и от сознания непоправимой беды мало кто мог спать в эту первую тяжелую ночь плена. Засыпавшие и просыпавшиеся люди мучились тревогой, стонали и бредили.

Только начало светать, как весь пленный табор криками и выстрелами подняли и построили в ряды, дали команду, и скорбная лента людей потекла по дороге.

– Шнеллер! Темпо! – покрикивали на пленных наглые конвоиры.

Хлюпают, чавкают по грязи ноги. Пленные бредут молча, низко опустив головы. Холодный пронизывающий ветер пробирает их до костей. Натянув на уши отвороты пилоток, подняв воротники и засунув глубже руки в карманы или в рукава шинели, идут, согнувшись, идут под хриплый непрекращающийся простуженный кашель.

– Шнель! Русише швайне! – окриком подгоняли пленных конвоиры.

После нескольких часов изнуряющего марша впереди показались строения какого-то городка. Высокие печные трубы сожженных строений тупо уставились в неприветливое холодное октябрьское небо. Слабо и безвольно, как в прореху, заморосил дождь со снегом.

Пленников гонят по узкой улице, которая похожа на густое месиво. Кое-где еще стоят уцелевшие дома, где среди двора видны оборонительные траншеи. Ветер носит по земле мокрые обрывки бумаг и другого хлама.

Потом навстречу пленникам стали встречаться заплаканные женщины, они возвращались на родное пепелище, тащили на себе или везли на тележках и тачках жалкие остатки спасенного имущества. Они плакали, сожалея, что все вокруг было сожжено и разрушено. И пленные были потрясены видом сожженного городка и с участием смотрели на изможденные лица и заплаканные глаза женщин и дряхлых стариков.

В изнеможении остановилась старая женщина, грудь ее распирало в тяжелом дыхании, и она, держась за ручку двухколесной тележки, немигающими глазами смотрела на нас. Нет, она не плакала, но на ее лице была написана такая скорбь. А рядом с ней стоял древний дед – его худые щеки тряслись, а глаза с красными веками слезились.

– Да это никак Вязьма! – произнес чей-то осипший голос. И старик, стоявший возле тележки, согласно закивал головой.

Колонна стала огибать сожженный городок, и пленные увидели на его окраине разбитые кирпичные и деревянные корпуса завода, которые были без крыш и окон и где были видны дымящиеся легкой дымкой бугры, похожие на горняцкие терриконы. Все это было огорожено колючей проволокой. Как потом мы узнали, на этом месте был когда-то заводик, разбомбленный и сожженный фашистской авиацией, на котором когда-то жали растительные масла из конопли и проса.

Перед основным лагерем был „предбанник“ – поле, огороженное колючей проволокой, – сюда и загнали нашу колонну.

Погода с каждым часом портилась, вскоре неприветливые облака обрушили на нас уже не морозящий дождь, а дождь пополам со снегом.

Встречавшему нас гитлеровскому офицеру такая погода, как говорят, была на руку: чем хуже, тем лучше. Он и его солдаты были одеты в дождевики, им не страшен ни ветер, ни дождь со снегом.

Следует новая команда офицера, а затем и перевод:

– Сесть, всем сесть.

Колонна садится в размешанную ногами грязь. Новая команда, и переводчик надрывно кричит:

– Политруки, командиры и евреи, встать и выйти из колонны.

Никто не встал, никто не вышел. Стояла напряженная выжидающая тишина – слышался лишь кашель промокших и продрогших на ветру людей.

Смотрю на офицера, на его лицо, губы немца складывались в отвратительную усмешку. Он был чисто выбрит и собой доволен, доволен властью над беззащитными. Но вот лицо его постепенно становится хмурым, он, вероятно, начинает понимать, что перед ним сидят не те люди, с которыми он раньше сталкивался, – это были не французы и не поляки. И все равно – сколько человеческих жизней было у него в руках. Захочет – голодом убьет, захочет – пулей, у него была власть и полное беззаконие.

Пленные сидели, низко опустив головы, даже не смея посмотреть друг на друга. Такого им еще не приходилось слышать. Мне было стыдно, горько и противно, что мне и всем остальным предлагают гнусную постыдную сделку – выдать товарищей за похлебку. И был убежден, что никто из нас не согласится на такое предложение, но офицер на это и рассчитывал: вдруг кто-то и сломается.

Не найдя предателя, офицер, солдаты и переводчик стали обходить сидящие шеренги, пытливо вглядываясь в лица.

В тяжелых раздумьях прошла бессонная ночь. К утру осадки прекратились, и сразу здорово похолодало, а мокрая одежда не согревала нас. От усталости подламывались ноги, было желание хотя бы присесть, но под ногами была грязь и вода. Так до утра и простояли, надрываясь в судорожном кашле и с одной мыслью: что будет дальше?

– ...Господин офицер будет говорить – соблюдайте тишину.

– Пленные, – начал офицер, а полицай с повязкой начал переводить слова немца. – Ваш любимый азиат Сталин бросил вас в пекло войны, напрочь забыв, что пленных надо кормить, лечить и содержать в хороших условиях. Но азиат не подписал международную конвенцию о статусе военнопленных. Мы не виноваты, что вы доходяги. А великая Германия не планировала для вашего содержания ни продовольствия, ни медикаментов.

Он протянул руку, и его палец указал в сторону помойки:

– А теперь посмотрите туда – там помойка! Идите и покопайтесь в ней. Что найдете – все ваше! – сказал с усмешкой.

Дул холодный пронизывающий ветер, и так хотелось теплого супа, чтобы согреть желудок, который казался окончательно окоченевшим. У котла стоит пленный русский парень лет двадцати пяти. Он видел наши голодные глаза, но старался быть веселым. Раздавая суп, он делился новостями, сообщал пленным о боях под столицей, у города Киева и у реки Невы. Это бодрило нас, вселяло надежду. Но задерживаться у телеги нельзя. Чуть зазевался – получишь удар палкой или зуботычину.

Наводил „порядок“ в очереди парень с белой повязкой на рукаве, он стоял с увесистой палкой в руке. Суп был сварен из мерзлой свеклы и капустных листьев – все было скользкое, сладковатое. Когда процедура кормления супом была закончена, всех снова посадили на землю. Потом, разделив колонну на несколько очередей, немцы приступили к обыску.

...Открыли ворота основного лагеря, и нам пришлось пройти через галдящий живой коридор. Когда крики толпы несколько утихли, на нас посыпались вопросы, в основном это были:

– Как там на фронте? Когда и где в плен взяли? Сам-то откуда?

Многие искали земляков – московских, рязанских. Находили и группировались по признакам землячества и товарищества. Вдвоем, втроем легче было преодолевать невзгоды. Дружба спасала людей от беды. Единоличники, думающие только о себе, больше и быстрее других погибали. Среди пленных встречались и отчаянные нытики, и отчаявшиеся. Таких людей презирали. Душевные муки плена болезненно отражались на людях, они были во много раз тяжелее физических страданий. Немцы, замечая, что маловвер и нытик ослаб и сломлен, начинали склонять к измене, к предательству.

Выбравшись из галдящей толпы, мы решили первым делом осмотреть лагерь. Куда ни кинешь взгляд – сидят, лежат тысячи изможденных, смертельно усталых людей.

... Раненый замолчал, вдруг вздрогнув, закашлялся – снова нам шепчет:

– Медицинской помощи здесь никакой нет, раненые умирают сотнями в день, дизентерия и инфекционные болезни сведут всех в могилу. С мертвых и умирающих снимают одежду.

Раненый продолжает:

– Вы хотели знать, какой порядок в лагере, так вот знайте. Рано утром один раз в день привозят баланду, но ее почти невозможно получить, пробиться к котлу. Мой вам совет: каждый день пленных немцы куда-то угоняют, а смелые бегут, а вы молодые, раны, я вижу, у вас несерьезные. Не теряйте времени зря, пока у вас есть на это силы, а потом это будет сделать намного трудней.

Лицо раненого искривилось от боли, он протяжно застонал.

– Вы-то давно в лагере? – поинтересовался я.

– С неделю. Меня под Вязьмой раненым взяли. Рана у меня серьезная и уже запущенная, которая здорово припахивает, а помощи получить неоткуда: нет врачей и лекарств, да и операция нужна, да и бесполезно уже что-либо сделать. Сил у меня уже никаких нет – ни встать не могу, ни пошевелиться, все печет внутри.

Раненый закрыл глаза, прошептал:

– Устал я... – Крупная скупая мужская слеза, скатившись по щеке, застряла в рыжеватой щетине; вдруг вздрогнув, он закашлялся и, дернув головой, застыл.

Посмотрел на его руки. Руки у него были слабые, с тонкой кожей, с синими мертвыми ногтями. Подумал: „Такими руками за жизнь не удержаться“.

Мы остановились у самой большой кучи конопляной шелухи. Ее чешуйки, серые и легкие, вероятно, они от самовозгорания курятся легкой дымкой. Возле нее мы увидели несколько обнаженных человеческих трупов. Я посмотрел на Алексея и высказал свою мысль:

– Есть возможность найти место в этой куче чешуек и отдохнуть в тепле, поспать и осмыслить пережитое и увиденное, решить, как быть дальше.

Ползли вверх, шелуха нас держит, но плохо – осыпалась, и трудно было удержаться на ногах, к тому же чувствовали, что топчем, идем по телам. Из сыпучей массы шелухи вначале появилась рука, а потом и голова. Мы уставились на нее, на человека, на его серое и грязное лицо, поросшее щетиной, которая была забита мельчайшими крошками шелухи. Его провалившиеся глаза смотрели на нас с укором, его губы шептали:

– Передвигайтесь только ползком, под вами будут попадаться тела людей – это доходяги и раненые. Найдете мертвое тело – скатывайте его вниз и занимайте место, так все делают.

– Я думаю, что подниматься нам выше не надо, так как внизу теплее, – высказал свое мнение Алексей. Он плашмя улегся и по-пластунски пополз. Так преодолев несколько метров, он остановился и начал копать, через минуту махнул мне рукой – и уже вместе принялись разгребать сыпучую массу.

Мертвый был в шинели, лежал он на боку, головой к вершине бугра. Лицо его было накрыто сероватой тряпкой, ее придерживала глубоко надвинутая на лоб пилотка. Гимнастерка на нем была разорвана до самого низа, под ней видны побуревшие от крови бинты. Глаза его были закрыты, по лицу ползает осиротевшее полчище вшей.

Алексей простонал:

– Пойдем отсюда, а то заразимся еще брюшным или сыпным тифом.

Вскоре мы были удивлены тем, как много ходячих пленных спешит к воротам лагеря. Пошли и мы. У ворот уже собралась большая толпа, которую сдерживали вооруженные палками полицаи. По другую сторону колючей проволоки, опустив низко головы, стояли две раненые небольшие лошадки.

– Этот спектакль нужен немецкой пропаганде, мол, смотрите – это же настоящие русские варвары, – послышался чей-то раздраженный голос.

Мы обернулись на голос и увидели: опершись на палку, стоит с изможденным лицом пленный, который продолжает:

– Немцы надумали на пленку заснять человеческое безумие и теперь терпеливо выжидают, когда можно будет пустить в ход свои фотоаппараты. Ждут, когда все будет готово. Ждут, когда офицер даст полицейским команду, и этих вот лошадок отдадут голодной толпе на растерзание. Такое я видел здесь.

Мы прозевали тот момент, когда животные оказались уже на территории лагеря. Скопление обезумевших голодных людей ринулись к животным. Они, опрокинутые человеческой массой и терзаемые ей, визгливо ржали. А когда этот визг смолк, стали слышны крики и ругань. Все слилось в один шевелящийся клубок.

Алексей показывает мне на ворота лагеря. Фоторепортеры старались вволю, а немец в пальто залез на ворота, он снимал колоритную сцену, пока не кончилась у него пленка. Вот таким „материалом“ он будет располагать для прессы и для потомков! Вот для чего был устроен этот спектакль! Мы были потрясены человеческим безумием.

Ночь выдалась холодная, спать не спали – кемарили, а потом пошли занимать очередь за приварком. К утру поднявшийся ветер принес снег, где-то, срываясь на лай, скулили овчарки. Пленные, собравшиеся для возможного получения пищи, вскоре были окружены полицаями и солдатами, которые принялись сгонять к воротам лагеря.

Колонну построили, и полицаи принялись считать, мимоходом торопливо раздавали зуботычины и колотили палками, а пленные, как могли, защищались, переминались с ноги на ногу и ежились, а холодный и порывистый ветер все усиливался, и колючий снег слепил глаза и нещадно драл уши. Затем снег повалил гуще, покрывая землю белым покрывалом, садясь нам на головы и на ссутулившиеся плечи.

Узкой лентой вилась по дороге бесконечная, пропадавшая за оставленными позади пригорками колонна военнопленных. Идут в прожженных и грязных шинелях с почерневшими от усталости и голодом лицами, брели в неизвестность. Онемевшие ноги от холода и сырости вязли в перемешанной со снегом грязи. Раненых, как только могли, поддерживали товарищи, и порой приходилось удивляться, откуда берется сила в измученном теле, чтобы и самому не растерять ее напрасно.

Путь колонны был обозначен страшными указателями – раздетыми голыми трупами, которых невозможно было пересчитать. Мертвые лежали по всему нашему пути. Стриженные головы, остекленевшие глаза и открытые рты. Лица все молодые, тела, как бумага, белые, остуженные морозом. Многие убитые были с разможенными черепами или со штыковыми ранами на груди и животе.

Мы видим их, костлявых, страшных...»^[124]

Согрин Александр Михайлович, Курганская область

Житель села Пивкино Щучанского района Курганской области А. М. Согрин был призван в армию в 1940 г. В 1941 г. участвует в Смоленском сражении Тяжелые бои, отступление, смерть товарищей. Под Вязмой в окружении попал в плен. Восемь дней находился в «Дулаге-184» на территории современного мясокомбината. Бежал, стал партизаном особого полка имени 24-й годовщины РККА. Партизаны называли его Сашка-Мельник (мастерил жернова для размола пшеницы местным жителям). После гибели партизанского отряда снова попал в плен. Месяцы лагерей. Вернулся на родину. Получил ветфельдшерское образование, двадцать пять лет работал в родном совхозе. Имел много наград за добросовестный труд, в том числе медаль участника ВДНХ в 1973 г. А. М. Согрина разыскивали следопыты 29-й смоленской школы, собирающие сведения о партизанском отряде. Долгие годы пытались они узнать, кто же скрывается в собранных ими материалах музея под прозвищем Сашки-Мельника. Партизанские друзья помогли раскрыть эту тайну. Бывая в Смоленске на встречах со своими партизанскими друзьями, А. М. Согрин выступал перед ребятами с воспоминаниями о тех страшных днях, учил их любви к Родине. Награжден Почетной грамотой «за большую проводимую в школе № 29 г. Смоленска работу по военно-патриотическому воспитанию учащихся». Приводим отрывки из книги Степана Шилова «Страшная одиссея солдата Согрина».

«Окружение»

Александр Михайловичу Согрину больно, мучительно трудно об этом вспоминать. Враг прорвался так стремительно, что полк не успел развернуться, штаб был смят, началось беспорядочное отступление. Личное оружие – карабин – пришлось бросить, к нему все равно не было патронов. Авиация врага утюжила, не давая поднять головы. Моторы прорвавшихся немецких танков слышались то справа, то слева. Никого из сослуживцев не осталось рядом. Лупили наших, куда ни сунуться. От отчаяния, что попадет в плен, младший сержант Согрин решил спрятать документы. Находясь в лесу, приметил высокое дерево и под его корнями закопал комсомольский билет. Достал из черного пластмассового пистончика-медальона узкую полоску бумаги со своими солдатскими сведениями и прикопал там же. Оставшись без документов и оружия, Александр Согрин стал отступать к Днепру. Чудом не наткнувшись на гитлеровские части, он вышел к своим и влился в нескончаемый поток из беженцев и разбитых советских подразделений, который тянулся по старой Смоленской дороге и был одержим лишь одним стремлением – дойти до Днепра и, переправившись, вырваться из образовавшегося котла. Все спешили к знаменитой Соловьевой переправе у с. Соловьево, по которой переправлялись через Днепр. Село стояло на возвышенном правом берегу реки, на старой Смоленской дороге, в пятнадцати километрах от Смоленска. В те дни 1941 г. эта переправа через Днепр неожиданно превратилась в единственную артерию для

двух наших армий, находившихся в полуокружении и испытывавших острую нехватку боевой техники, продовольствия и боеприпасов.

На правом берегу образовалось огромное скопление людей и техники. Все это надо было отправить по понтонному мосту на другой берег – вывести из-под удара немцев. Командовал переправой известный генерал М. Ф. Лукин, командарм 16-й армии. Но стояла полная неразбериха, и руководить такой переправой было трудно. Не успевали навести понтон, как его немедленно разбивала гитлеровская авиация. Саперы старались вовсю, и первый разрушенный понтон не успевал отплыть, сносимый днепровским течением, как саперы уже пытались наладить второй понтонный путь. Однако это было непросто: только сделают один пролет, как по реке, разбитый бомбами, уплывает другой. Да и сама обстановка страха, нервозности, неизвестности удручающе действовала на людей и заставляла спешить, создавать сутолоку. Люди и техника являли в своей совокупности гигантские мишени, по которым непрерывно вели огонь артиллерия и минометы врага, а с неба не прекращали пикировать десятки бомбардировщиков.

– Вот здесь, на Днестре, на Соловьевой переправе, мне, да и не только мне, но и всем, кто находился там в эти страшные дни, довелось увидеть и пережить самое страшное, – с волнением рассказывал Согрин. – Мне кажется, того, что происходило здесь в 1941 году, Днепр не видел за всю свою историю. Ужас что творилось! Деваться некуда! Все сдавлено – гигантское скопище войск, мирных жителей, скота, и все спешат на ту сторону Днестра, как будто там было спасенье.

Немцы день и ночь непрерывно бомбили переправу – небо так и кишело самолетами со свастикой. Уставая, они меняли друг друга: улетала одна группа – немедленно появлялась другая. И свист, и вой – паника. Не было порядка. Стоял сплошной грохот взрывов. Под бомбами, снарядами, пулями и осколками гибли сотни людей. Воздух был наполнен пороховой гарью, запахом горелого железа и человеческого мяса. Кругом была смерть. Смерть свистела. Смерть выла. Смерть ухала. Смерть падала с воздуха, ползла по земле. Это были самые, самые тяжелые часы и дни для тех, кто оказался в этой мясорубке.

Избежавшие плена и смерти на переправе, прорвавшиеся на левый берег солдаты не знали, что основные силы немецкой 9-й армии и 3-й танковой группы нанесли мощнейший удар со стороны Духовщины по ослабевшим боевым порядкам наших четырех дивизий Западного фронта. При поддержке своей авиации, которая, как казалось, никогда не покидала небо, танковый клин немцев пробил брешь в стыке 30-й и 16-й армий (генералы В. А. Хоменко и М. Ф. Лукин). Сминая все, гитлеровские моторизованные и танковые подразделения за день проходили от 15 до 30 километров. Используя численное превосходство, северная группировка немцев рвалась к Вязьме, опасно охватывая значительную часть наших войск Западного фронта. Спасение для вырвавшихся из соловьевской бойни бойцов по-прежнему оставалось далеко. Многие окрестные деревни на левобережье Днестра были захвачены стремительными немецкими разведывательными подразделениями или десантами.

7 октября 1941 г. Вязьма была захвачена, а части 16-й и 20-й армий Западного фронта и 24-й и 32-й армии Резервного фронта оказались в плотном окружении. Люди не знали этих страшных новостей и продолжали упрямо двигаться к Вязьме, не ведая, что их там уже поджидают гитлеровские части.

Наших солдат, еще не пришедших в себя после этого страшного боя, немцы быстро согнали в колонну и, окружив плотным конвоем, погнали вперед по дороге. За спинами оставалась чернеть груда трупов на расстрелянной танками поляне. Там продолжали вспыхивать автоматные очереди: немцы добивали раненых и умирающих. Пленных пригнали в Вязьму. Можно представить горечь и тяжесть разочарования людей, подавленных пленом, когда они узнали, что Вязьма, к которой они так упорно прорывались, где надеялись увидеть своих, захвачена немецкими войсками.

Вновь пригнанных пленных загнали в лагерь, расположенный на окраине города. Лагерь находился на открытом месте, на ровной площадке, предназначенной в довоенное время для

строительства какого-то завода. Площадь, обнесенная колючей проволокой, была до отказа набита людьми. Был октябрь, погода стояла промозглая, падал сырой снег, кругом слякоть. На столь маленьком пространстве пленных столпилось так много, что даже под открытым небом многим не хватало воздуха. От невероятной скученности люди задыхались.

Для того чтобы хоть как-то вдохнуть воздуха, приходилось опускаться на мокрую землю, выкапывать в раскисшей жиже ямку и, почти прижавшись к ней губами, дышать. Только после войны стало известно, что в Вяземском лагере находилось свыше 75 тысяч военнопленных! Ни есть, ни пить им не давали. В этом лагере я пробыл 8 суток. За все это время во рту не было ни крошки хлеба. Пили тухлую вонючую жижу из луж и канав. Раз в день на подводах привозили в лагерь мерзлый подгнивший картофель. Полиция открывают ворота, заезжают в гущу людей и совковыми лопатами разбрасывают картошку во все стороны. Что творилось в это время! Люди лезли, давили друг друга, втапывали в грязь слабых, совсем обессиленных. Смотрел я издали на эту жуткую картину, не пытаюсь достать хотя бы одну картофелину. Попью воды из лужи, и все. Голод не тетка. Жевали и пшеничную шелуху, которая лежала в больших кучах по краям лагеря. Я сильно ослабел, почти ослеп. Дым, гарь изъедали глаза. В них как будто кто-то насыпал песка.

На девятый день часть пленных стали выгонять из лагеря. Дубинки охранников-полицаяв рассекали воздух, крики, мат. Около ворот стояли ящики с нашими армейскими брикетами гречневой каши. Пленному торопливо совали в руку стограммовую пачку твердого, как камень, квадратика концентрата, и вслед, чтобы никто не задерживался и проходил быстрее, полицией наотмашь „давал добавок“ по спине дубинкой. Выгнали не одну тысячу пленных, и повели длиннейшей колонной по старой Смоленской дороге неизвестно куда.

Голодные, раненые, совершенно измученные люди брели весь день, взявшись за руки, в ряд по пять человек. Охраняли финны, ненавидевшие русских еще с финской войны. Наверное, каждый финский солдат вел счет, сколько убил русских. Чуть только ослабевший пленный качнется в сторону кювета, его тут же срезала очередь из автомата. До нас, поэтому же пути, и раньше гнали колонны пленных. На всей обочине дороги лежали трупы наших солдат. Под вечер загоняют в какую-нибудь топь. Конвоиры разжигают вокруг костры, греются. Лают овчарки, пулеметы расставлены. Стоишь всю ночь по колено в болотной воде и грязи. Конец октября, страшный холод. Кровь переставала обогревать тело. Не гнулись руки, коченели ноги, тянуло на сон. „Неужели не выживу?“ – думал я тогда. Страшно не хотелось так умереть. Через силу заставлял себя шевелиться на месте, чтобы прогнать опасную дрему и немного согреться. Я начинал тереть себе плечи, переминался с ноги на ногу, до тех пор, пока в теле не появлялось немного тепла. И так до рассвета.

Утром пленных, переживших пытку холодом и голодом, финны выгоняли стрельбой и собаками на дорогу и гнали дальше. Александр, свыше 10 дней не ев, измученный холодом и побоями, страдавший от ранения в ногу, старался попасть в первые ряды колонны. К концу дня долгого пути он все равно постепенно оказывался в самом хвосте. А там ждала верная смерть. Всех, кого оставляли силы, охрана немедленно и безжалостно пристреливала. Так и брел 20-летний младший сержант Александр Согрин, поддерживаемый руками товарищей»^[125].

Корытов Николай Васильевич (1920–1987), Владимирская область

Николай Васильевич Корытов – уроженец с. Бабаево Ставровского с/с Собинского р-на Ивановской (ныне Владимирской) области. Призван в армию в 1940 г., красноармеец. В списках лазарета № 1 «Дулага-184» г. Вязьмы числится умершим 18 января 1942 г. В Книге памяти Владимирской области числится умершим от ран в январе 1942 г. (том 6, с. 97).

Вернулся домой.

После войны Николай Васильевич – известный тренер по велоспорту в г. Суздале. Подготовил несколько мастеров спорта, много кандидатов и разрядников. До последнего дня принимал участие во всех велосипедных стартах. 1 мая 1987 г. на подъезде к праздничной

колонне остановилось его сердце. С тех пор каждое 1 мая в Суздале по инициативе его учеников и сына Олега проводится День памяти Николая Васильевича Корытова.

Воспоминания Н. В. Корытова сохранились в Вяземском историко-краеведческом музее.

«Девятнадцатого января 1942 г. из Кайдаковского „лазарета“ нас, тяжеложенных^[126] немцы выгнали на мороз, и погрузили на подводы, и повезли в Вязьму. Город был почти мертв и разрушен. Нас разместили по Шоссейной и Красноармейской улице в деревянных домиках. В помещении было темно, холодно и сыро.

На голых нарах, скорчившись, лежали, прижавшись друг к другу, раненные и больные. Я [в]стал, привалясь к косяку кухонной двери, рассматривая, где прилечь. Возле бокового окна, заткнутого тряпьем, было „свободное“ место.

Я пробрался туда, бросил в изголовье вещевого мешок и лег.

– Подадут ли ныне?.. – слышался чей-то голос в углу перед окнами. Я спросил:

– Это ты о чем, друг?

На вопрос мой тот не уронил ни звука.

„Бредит“, – подумал я.

Сосед мой лежал неподвижно, словно неживой. Я попытался его разбудить. Потряс его за плечо и спросил:

– Кто ты? – в ответ ни слова. Я положил руку на его лоб холодный. Мгновенно пронеслась мысль: „Мертвый“.

Проскрипела дверь, вошедший, шаркнув ногами, остановился в проходе между нар, сказал:

– Хлеба сегодня тоже не ждите, не будет.

В ответ на это сообщеение слышались вздохи тяжелого отчаяния, предчувствие неминуемой голодной смерти.

– Санитар, здесь мертвый, вынести бы, – сказал я.

– Удивил, – коротко ответил тот и вышел.

Под окнами проскрипела подвода и остановилась. Слышались шаги на ступеньках крыльца.

Раскрылась дверь, вошедший внес ведра, он зашел в свою комнату, зажег коптилку и поставил ее на полочку кухонной перегородки.

– Готовь посуду, – сказал санитар и крышкой литрового котелка стал раздавать „суп“, по одной крышке каждому – мутную, чуть присоленную водицу с рассыпанными зернами. Голодные сразу же осушали ее через край.

– Вот так три раза день из месяца в месяц кормят, – „доедая“ последние капли, тяжело вздохнув, сказал однорукый мужчина.

И опять тишина, тишина, страшная, невыносимая.

День клонился к концу, но я все еще не мог согреться, лежа на голых нарах между холодной стенкой и таким же холодным телом умершего. Я отодвинул труп и лег на его место. Сосед, залезший с головой под шинель, чуть дышал.

Под окнами слышался разговор немцев и скрип сапог. Санитар вбежал в комнату, схватил ведро и стремительно внес его, застыв у дверей. Я стал будить соседа, настойчиво трясти за плечи.

Чуть вижу, как многие приподнялись, но сосед мой продолжал неподвижно лежать. Я потряс его снова, еще, и снова молчит. Санитар зажег коптилку и приступил к раздаче. Наконец сосед пошевелился, что-то невнятно произнес. Я взял в его изголовье консервную банку и получил такой же, как и обед, суп.

– Товарищ, проснись, поешь, – настойчиво предлагал ему. Он с трудом приподнялся на локоть, бессмысленно шаря голодными глазами на полулежавших на нарах людей.

– Ешь, пока горячее, – подносил к его губам „хлебово“. Он взял в левую руку банку, отпил глоток, локоть его подкосился.

Отапливать помещение было нечем. Надверную пристройку давно сломали и сожгли; в доме день ото дня становилось холодней.

Слева холодное, ледящее душу тело, справа чуть живой человек. Мне в такой обстановке пришлось прокоротать ночь. К рассвету я очнулся среди двух мертвецов, не переживших войны и голода. Две семьи никогда не узнают, где их отец, сын или брат, они будут ждать их возвращения и не дождутся.

И так день за днем без перемен.

Второй мой сосед чувствовал себя получше, он мог разговаривать, назвал свою фамилию, семью, где и кем работал. Маслов, по профессии художник-маляр, отделывал библиотеку им. В. И. Ленина, метрополитен, павильоны Всесоюзной сельхозвыставки в Москве, был очень эрудированным человеком.

Скрипнула дверь, вошедший объявил:

– Хлеба совсем не будет, только „шумовка“, и то один раз в день.

– Пусть ничего не дают, гады позорные, – послышался страшный отверженный голос человека.

– Они могут сделать и так, – ответил санитар и вышел.

Пользуясь тем, что недалеко от ж/д станции разрушился маслозавод и там, в развалинах его, есть соевый жмых, я решил туда добраться, чтобы не умереть с голоду.

„Двум смертям не бывать, а одной не миновать“, – сказал я и, предупредив соседа Владимира Маслова, взял самодельный костыль, выбрался из помещения. Осмотревшись, шатаясь от слабости, пошел по улице по направлению к станции. Мороз до боли жег лицо, пробирал до костей. С трудом передвигаясь по пустынной заметенной улице, обходя трупы, падая и снова вставая, я шел в надежде достать хоть горстку жмыха. Всюду: по обочинам дорог, возле домов – трупы. Одни лежали вниз лицом, другие навзничь, а третьи упали, будто обо что-то споткнувшись.

Мела поземка. Сухой, колючий ветер, заметая несслежавшийся снег, забивает им складки шинели мертвецов, надувает около них белые холмики и скоро их скроет белым покрывалом.

... Растеряв последние силы, едва живой от холода, вернулся я обратно.

Стоило мне переступить порог, как ноги подкосились, и до своего места пришлось добираться на четвереньках»^[127].

Тетцов Александр Петрович (1925–1985), Тюменская область

Родился в селе Новая Заимка Заводоуковского района Тюменской области. Призван Ишимским РВК Омской области в 1940 г. Боец 3-го легкопереправочного парка 19-й армии, организатор госпиталя на оккупированной территории для советских раненых в д. Тихоново Вяземского района, узник «Дулага-184». После побега из плена – активный участник партизанского движения в Белоруссии под командованием офицеров госбезопасности майора Шибeko и старшего лейтенанта Владимирова-Вихрева, послужившего прототипом главного героя книги Юлиана Семенова «Майор Вихрь». Командир диверсионной роты спецгруппы НКГБ БССР, награжден орденами Красной звезды, Красного Знамени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, личным оружием. Неоднократно был ранен, вернулся домой, имея инвалидность. После войны приезжал в Вязьму Смоленск, искал своих боевых товарищей по военному времени.

Увековечен на Стене памяти воинов-тюменцев, созданной Тюменским областным поисковым объединением. Родственники найдены.

«Где ты, Клара, отзовись!»

(отрывки из статьи А. П. Тетцова)

«...Группу раненых, с которыми ехал я, привезли в вяземский лагерь военнопленных, который находился на территории нынешнего мясокомбината. Несмотря на вечернее время, в ограде было много народу. Я ехал на задней подводе. Когда заехали на середину ограды, немец-ездовой толчком ноги в спину столкнул меня с повозки. Я упал на мерзлую землю, ушиб колени и руки, но все же поднялся и, проклиная немца, пошел за повозкой раненых, но стоящие рядом пленные остановили меня, сказав, что туда, куда повезли раненых, во вторую зону, идти нельзя, оттуда никто не возвращается, и не пустили меня.

С первых часов пребывания в лагере я стал думать о побеге. Но утро принесло разочарование. Вся территория лагеря огорожена и обтянута колючей проволокой, кругом сторожевые вышки, на которых установлены пулеметы. Ворота охраняются большой группой немецких солдат с собаками, все входящие и выходящие из лагеря проверялись. Часов в 11 утра в двух походных кухнях привезли „обед“. Сотни истощенных, еле стоящих на ногах, умирающих с голоду людей встали в очередь, никто не пытался получить порцию без очереди. Найдя консервную банку, встал в очередь и я. Многие не могли стоять, садились на снег, двигались за очередью ползком, отдельные, упав, уже не могли подняться. Где-то через три часа повар влил в мою банку полулитровый черпак какой-то мутной жидкости, в которой я обнаружил две нечищенные картофелины с голубиное яйцо каждая. Суп был несоленым, пах гнилью и землей. Как ни голоден был я, но съесть его не мог, отдал рядом стоящему пленному, который с жадностью его выпил.

Когда уехала кухня, на машине привезли „второе“ – грязную мороженую кормовую свеклу. Каждый пленный имел право взять только одну штуку.

Того, кто брал две или больше, настигала плеть верзилы-полицейского, который бил „провинившегося“ до тех пор, пока он не бросит всю взятую свеклу. На конце плети был прикреплен металлический предмет, который рассекал лица пленных, пробивал шинели, валил их на землю.

Некоторое время я наблюдал за „работой“ предателя, а он посматривал на меня, уловив нужный момент, когда он отвернулся, я подскочил к нему, вырвал плеть и бросился в гущу военнопленных. Они сомкнули кольцо, и полицай меня не догнал.

Изучив порядок прохода через ворота, побег я совершил на третий день. Надел на руку повязку (санитарную), взял под руку молодого, раненного в голову, ослабевшего паренька и присоединился к группе вышедших военнопленных, из ворот вышли беспрепятственно и стали отставать. Конвоир хотел загнать нас в группу, но, увидав мою повязку, ушел. Пленный был настолько слабым, что я с трудом перевел его через улицу и посадил у дома, помогли две мимо проходивших женщины. Я им рассказал о побеге, они взяли и безоговорочно увели паренька, а я сразу ушел в Тихо-ново, где отдохнул у Гаврилова три дня, сходил к тайнику, который был у сарая в березе, но записки от окруженцев не было, и поэтому, забрав диплом об окончании медицинского техникума и комсомольский билет, которые хранились у Гавриловых, пошел на соединение с Красной армией, удачно добрался до Сычевки, но там меня схватили немцы и опять же в вяземский лагерь привезли. Принимал пленных тот полицай, у которого я отбирал плеть.

Он сообщил коменданту, что я был в лагере, меня избили и бросили в небольшую комнату, где уже сидело пять человек, которые сказали, что завтра всех нас будут казнить. У меня был небольшой запас продуктов, мы разделили его, поели последний раз в жизни. По очереди рассказывали про себя, все держались, не хныкали, не слюнявили. Решили перед казнью спеть песню о гибели „Варяга“. Где-то в 2–3 часа ночи в двери кто-то постучался, затем открылась дверь, и шепотом скомандовали, чтобы мы быстро выходили. От неожиданности у меня отказались двигаться ноги, и камеру смерти я покидал ползком.

Меня повел один из пленных, который сказал, что он знает о моем побеге, и попросил рассказать, как мне это удалось. Я рассказал все откровенно. Он увел меня в первый корпус, что у ворот, на второй этаж и велел быть на этом месте утром.

С рассветом пленных стали выгонять из бараков и строить, говорили, что, если не выдадут убежавших арестованных, будут расстреливать каждого десятого, но и не построили

и половины, как дали команду убирать умерших, наводить порядок на территории, затем накормили более путевой баландой, видимо, кто-то должен был приехать, но никто не приезжал.

После того как построение было прекращено, я пришел на условное место, вскоре пришел товарищ, который проводил меня в барак, мы с ним отошли в сторонку и сели, он еще раз попросил подробно рассказать о побеге, а затем сказал, что подпольной организации лагеря нужно выполнить одну важную операцию, и убедительно попросил меня отдать санитарную повязку. Я растерялся: отдать повязку – значит лишиться побега и погибнуть. Не знаю, сколько я, ошеломленный этой просьбой, молчал, но, придя в себя, повязку отдал. Из разговора я понял, что кому-то надо устроить побег, предлагали это сделать одному, затем второму, в общем, перебрали всех, каждый боялся „провалить дело“, так как был абсолютно не осведомлен в медицине. Они спросили, кто я такой, посмотрев комсомольский билет и диплом фельдшера, предложили мне из лагеря вывести одного товарища. Я согласился, но сказал, что у меня опасностей не меньше, может увидеть комендант, полицей и, наконец, солдаты, при которых меня снимали с машины и направляли в камеру. Поэтому нужно все хорошо изучить, провести тщательно подготовку к побегу. На подготовку ушло три дня, участвовало в ней не менее десяти человек. **В Вязьме нет никаких данных о том, что в лагере военнопленных была создана подпольная группа, но она была и действовала.**

Выйти из ворот мы должны были в период обеда. Со спутником меня познакомили где-то за час до ухода. Это был человек среднего роста, лет тридцати пяти-сорока, хотя и истощенный, но хорошо державшийся на ногах. Понятно, что была причина для волнения, но он был абсолютно спокоен. Одет он был в гражданскую одежду, ему забинтовали голову и повесили на повязку левую руку. На меня надели другое пальто и шапку. Мы пристроились к подходящей к воротам группе пленных, но охранник задержал колонну и заспорил с конвоиром, нам казалось, что он будет держать пленных бесконечно, но через 2–3 минуты, сказав „шнелль“, начал толкать людей в спины. Нас же он задержал и спросил меня, куда веду раненого. Я с удивленным лицом (как будто, почему он не знает) ответил:

– Как куда? В Лютовскую больницу.

Такие ответы мы слышали не раз, и после них пропускали. Пропустил и нас. Я оглянулся, но ворота закрыла подошедшая колонна, и своих спасителей не увидел, но верю, что кого-то увижу. Прочитав эту статью, кто-то из них обязательно откликнется.

Мы перешли улицу и простились с товарищем за тем же желтым домом, где я расстался с первым выведенным из лагеря пленным.

Говорить было некогда, поблагодарив меня, товарищ попросил меня назвать адрес и фамилию. Я повторил дважды, он пожал мне руку, заявив, что после войны мы встретимся, – ушел. Я же не знал, куда идти.

Немцы убеждали пленных, что Москва взята и громятся последние остатки советских войск. Но среди пленных шел настойчивый слух, что немцы отступают и скоро будет освобождена Вязьма. Конечно, я верил только последнему, но где фронт, куда идти? Чтобы хоть немножко изучить обстановку, я пошел в бараки с ранеными – филиал Лютовской больницы, кажется, возглавлял ее врач Филимонов^[128]. Встретившиеся медицинские сестры и фельдшеры приняли меня хорошо, даже отвели место для ночлега. Там я точно узнал, что немецкие войска под Москвой разгромлены и наши войска перешли в наступление – какая это была радость!

Через три дня мне пришлось из больницы уйти, так как о моем присутствии узнал немец-шеф и мне опять грозил концлагерь.

Я вновь пошел в Тихоново. После двухдневного отдыха у Гавриловых (дяди Алексея уже не было, и не знали, где он) я узнал, что двое мужчин едут в сторону г. Кирова (Песочная), сначала с ними, а затем пешком добрался до деревни Бережки, после кратковременного пребывания там у гр-на Новикова Ивана Артемьевича, оказав некоторую медицинскую помощь населению. 10 января 1942 г. я встретился с Красной армией и стал продолжать службу.

Заканчивая рассказ, прошу очень отозваться тех, кто знает что-то о Кларе, всех раненых нашего госпиталя, подпольщиков и узников вяземского концлагеря, медиков Лютовской больницы, всех тех, кто имеет отношение к этому рассказу.

В период войны я выполнял спецзадание в тылу врага, многие боевые друзья найдены, встречаемся, но о многих ничего не знаем, поэтому очень прошу откликнуться десантников и партизан опергруппы НКГБ БССР „Бывалые“ и „Вихрь“»^[129].

Борис Григорьевич Маковейчук (1913–1994), Винницкая область, Украина

Борис Григорьевич Маковейчук родился 13 марта 1913 г. в селе Мурованные Куриловцы Винницкой области в семье крестьянина. В школьные годы, будучи комсомольцем, принимал активное участие в ликвидации неграмотности на селе. На фронте он с июня 1941 г. – техник-интендант 2-го ранга при штабе артиллерии 193-й стрелковой дивизии 5-й армии. С октября 1941 г. начальник дивизионного пункта в составе 338-й сд 33-й армии. При выходе из окружения, будучи раненым, 29 июля 1942 г. попал в плен. Находился в вяземском «Дулаге-184». Пять недель пробыл в карцере за распространения известий об успехах Красной армии на фронтах под Москвой. После вяземского лагеря до 3 апреля 1943 г. находился в лагере смерти «Шталаг-340» (Даугавпилс). Там организовал побег 18 человек, в полном составе пришедших в партизанский отряд «За Родину» в Казанские леса Западной Белоруссии. С июня 1943 г. замполит отряда, затем начальник штаба отряда № 1 4-й Белорусской партизанской бригады.

После соединения с Советской армией с 28 июля по 27 сентября 1944 г. находился в распоряжении Центрального штаба партизанского движения Белоруссии в г. Минске. По окончании войны вернулся в Днепропетровск и участвовал в восстановлении завода им. Петровского, на котором и трудился до пенсии. Имел правительственные награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медаль «За оборону Киева», медаль «За оборону Москвы», медаль «Партизану Отечественной войны» I степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», медаль «20 лет Победы», медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», медаль «50 лет Вооруженных сил СССР», медаль «За доблестный труд». Б. Г. Маковейчуком написана книга «По дорогам войны и партизанским тропам», отрывки из которой приводятся.

«...Переводчик начал меня снова обыскивать. Ему, по всей вероятности, понравились мои часы. Так и было. Переводчик при обыске кругом оглянулся, видно, им было дано указание у пленных личных вещей не брать. Убедившись, что никого вокруг нет, он забрал у меня часы и обратно погнал в вагон. В вагоне нас продержали до вечера, а затем направили на станцию Вязьма. В вагоне невероятная духота, теснота и вонь.

Питание в вагоны не давали. Всю ночь мы томились в дороге, а под утро привезли нас на станцию Вязьма. К прибытию нашего состава немцы готовили усиленную охрану с собаками, а когда началась разгрузка, нас, как собак, швыряли с вагонов и прямо в строй, а затем конвоировали в лагерь для военнопленных. По пути в лагерь люди спотыкались и падали, так как был сильный дождь и дорога была очень скользкая.

В лагере началась сортировка. Офицерский состав – в один лагерь, а рядовой – через дорогу, в другой.

Что такое был лагерь. Это была территория, обнесенная в два ряда колючей проволокой, где стояла кирпичная коробка без окон, без дверей и крыши, ранее предназначавшаяся для военного завода. Внутри этой коробки были размещены двух- и трехъярусные деревянные нары. Сквозняки гуляли по всем уголкам здания. Нары были сырые, местами покрыты плесенью, образовавшейся после дождей.

В лагере свирепствовали тиф, голод и холод. По лагерю, чувствуя себя хозяевами, разгуливали полицейские русской национальности под командованием немцев. Сразу же по прибытии новой партии военнопленных эта лагерная полиция приступала к „генеральной чистке“, осмотру и грабежу имеющихся у пленных вещей. В специальную комнату, где

сидело по 3–4 здоровенных полицейских с повязками на рукавах и дубинками в руках, приглашались по 2–3 военнопленных, и там они подвергались тщательной обработке. Сперва предлагали добровольно отдавать часы, бритвы, ножи и другое снаряжение, комсоставское обмундирование, а если кто-либо из военнопленных выражал свое возмущение и недовольство, его тогда со всех сторон, начиная с головы и спины, били резиновыми дубинками. Избивали до потери сознания, а когда жертва была уже готова, все снимали и складывали в угол. Взамен – рваное тряпье.

Такой жертвой оказался и я.

Полицейский родом из Смоленска по имени Борис сумел мне отпустить 20 штук дубинок за то, что я не снял комсоставское обмундирование. После такого „душа“ я уже был почти готовый. С меня сняли обмундирование, облили холодной водой и одели в б/у обмундирование цвета хаки в заплатках.

Привезли меня в этот лагерь больным, так как ноги и руки были обморожены и кисти рук забинтованы.

Несмотря на болезни, истощение пленных и ненастную погоду, немцы выгоняли военнопленных из лагеря на разные работы. На эти работы старался попасть каждый, так как вне лагеря можно было достать у прохожих чего-либо покушать, а некоторым даже удавалось удирать от стражи и скрываться в лесах или у местного населения.

Однажды представилась и мне такая возможность – попасть на работу, где мы грузили пустые бочки из-под бензина в вагоны. Катить бочки к вагонам мне пришлось ногами, а в вагон грузили другие. Немец в защитном обмундировании, пожилого возраста, с красной повязкой с фашистской свастикой на рукаве, все время ходил рядом со мной и смотрел, как я катил бочки. Здоровых грузчиков не оказалось, все мы были больные, а некоторые еле-еле шевелили ногами.

Нас было около 75 человек. Немец, сопровождающий нас, военнопленных, на работу, помимо оружия, захватил с собой еще деревянный березовый квадрат размером 60 × 60 мм. Больных, которые плохо работали и медленно передвигались, немец избивал до смерти. Это был настоящий нацист-изверг. Так им было забито 2 военнопленных, трупы которых нам пришлось нести в лагерь. Более здоровые товарищи, видя такое издевательство, начали скрываться за бочками, вагонами и навсегда исчезали.

По окончании работы из 75 человек немец недосчитался 16 человек, в том числе 2 забитых им пленных. При сдаче военнопленных в лагерь полицейским немец-конвоир доложил о 2 трупах, что они умерли, а остальные удрали. С немца спроса было мало. Что дальше было с ним, неизвестно, но, надо полагать, что по голове не погладили.

В то время, когда я прибыл в Вязьму, за территорией лагеря уже было два больших сугроба из трупов, в которых жертвами оказались около 8000 бойцов и командиров. Питание в лагере было отвратительное.

На завтрак давали по 0,75 литра супа – баланду без хлеба. Баланда представляла собой не что иное, как помой. Картошка полугнилая, с землей и неочищенная, давалась на завтрак. Многие от такой пищи нашли себе могилу в немецком „раю“. На 100% была заболеваемость кровавым поносом. Кормили такой пищей 2 раза в день, а хлеба давали в сутки 150–200 гр., и то хлеб был из деревянных опилок и льняного семени.

За каждой крошкой хлеба следили и дрожали, чтобы не упала. Но когда этот хлеб бросали в суп-баланду, опилки и льняное семя всплывали на поверхность и создавали плотную, серого цвета пленку. И при такой пище гнали ежедневно на тяжелую физическую работу. Одним словом, это был лагерь смерти.

Все немецкие лагеря не отличались друг от друга своими невыносимыми пытками и издевательствами.

Заболел и я кровавым поносом. Желая исправить свой желудок, я суп менял на хлеб и на одном хлебе прожил около 2 недель, но это не помогло.

Однажды во дворе лагеря разожгли костер недалеко от колючей проволоки и начали варить суп из отбросов, доставшихся им во время работы в помойных ящиках и ямах. Через

некоторое время полицейский, заметивший костер, подошел к нам, костер потушил, пищу вылил, хлеб вышвырнул за проволоку и начал каждого избивать палкой. Затем всех „поносников“ построили в колонну, вывели из лагеря и погрузили в вагоны, и началась отправка. А куда? Неизвестно. Вагоны совершенно не оборудованы, даже параша отсутствовала. На полу вагона все плавало, и все мы были вынуждены ехать стоя, переступая с ноги на ногу. Это было тяжелой пыткой»^[130].

***Маркова (Зиновьева) Тамара Ивановна (14.05.1923 —?), г. Павловский Посад
Московской области***

В 1941 г. окончила Павлово-Посадскую среднюю школу № 3 с отличным аттестатом. В школе три года, с 1939-го по 1941-й, была секретарем комсомольской организации, членом горкома ВЛКСМ. С 22 июня, дня начала Великой Отечественной войны, по 14 июля училась на курсах медсестер для фронта. Добровольцем в 17 лет пошла на фронт, была санинструктором медсанбата 2-й сднo Сталинского района г. Москвы. Тяжелораненая и контуженая, во время прорыва дивизии из окружения под с. Богородицкое 10–11 октября попала в плен. Некоторое время находилась в «Дулаге-184» в Вязьме, где советские врачи сделали ей операцию. Прошла весь ужас немецко-фашистского плена, была освобождена в конце войны. После войны проживала в г. Павловский Посад. Помощь в подготовке текста воспоминаний Т. И. Марковой (Зиновьевой) оказал Александр Борисович Сумароков.

«С аттестатами в руках мы гурьбой вышли из школы. Когда подошли к стадиону то увидели большую толпу народа, которая стояла около столба, на котором висел репродуктор. Почти все женщины плакали. Когда мы подошли, то услышали голос Левитана:

– Внимание, внимание, говорит Москва. Работают все радиостанции радио Коминтерна!
И Вячеслав Михайлович Молотов объявил, что началась война, что фашистская

Германия напала на Советский Союз.

Мы стояли с аттестатами в руках, ничего не понимая: почему война? Ведь мы должны учиться дальше. И, не сговариваясь, всем классом побежали в горвоенкомат.

Военком был другом нашей семьи, полковник Гвоздев. Около военкомата стояла большая толпа людей, как на демонстрации. Я ворвалась к военкому и попросила, чтобы меня взяли добровольцем в Красную армию. Ведь в нашей семье не было братьев, а кто-то должен был защищать Родину.

На курсах медсестер я прозанималась до 14 июля, того дня, когда всех выпускников средних школ нашего города вызвали в горком комсомола и дали комсомольские путевки на трудовой фронт, и в ночь на 15 июля мы выехали на грузовиках по направлению к Смоленску. Привезли нас к реке Днепр, неподалеку от моста на шоссе Смоленск – Москва, расположили нас в колхозной конюшне на соломе, и мы уснули как убитые. Пока мы ехали по шоссе, часто приходилось делать остановки в лесу: вражеские самолеты бомбили шоссе.

Утром нас разбудили, дали нам в руки лопаты и повели на участок, где мы должны были копать противотанковые рвы. Лето было жаркое, Днепр манил к себе своей прохладой, и поле было покрыто большими белыми ромашками и крупными голубыми колокольчиками. Это был как будто ковер, вышитый искусными добрыми руками. Жалко было сбивать цветы лопатами, но мы должны были это делать, ведь нашу землю поганил враг, нужно помогать Родине, защищать ее. Много школьников и студентов из Москвы работали с нами бок о бок. Это студенты 1-го Медицинского и Архитектурного институтов. Мы копали рвы от светла до темна, наши руки покрылись кровавыми мозолями, но мы не ныли, мы были комсомольцами. Через три дня меня назначили табельщицей. Я должна была объезжать на слепой лошади Зорьке очень большое расстояние, доходящее до самого леса. Однажды, когда я выехала в лес, увидела девушек в военной форме. Неужели моя мечта сбудется? И я решила убежать с трудового фронта. На другой день я украдкой оседлала Зорьку, захватила свой небольшой вещмешок и засветло отправилась в лес. На лошади я хорошо ездил,

потому что, когда училась в 6-7-м классах, около школы находился конный двор, и я часто убегала с уроков, чтобы вместе с мальчишками гнать лошадей на водопой.

Когда подъехала к лесу, уже стало светать. Я вышла на поляну, где был расположен шалаш из веток, около которого за доской, прикрепленной к пням, сидел настоящий генерал. Оставив Зорьку около дерева, я подошла к генералу и сказала:

– Товарищ генерал, примите меня в армию.

Это был генерал-майор Вашкевич, командир 2-й стрелковой дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы, с которым был комиссар Крылов. Генерал улыбнулся и спросил:

– Откуда ты явилась, лесная фея? И что ты умеешь делать? Какие у тебя документы? Может, ты диверсант?

От обиды я заплакала, вынула из мешка комсомольский билет и справку о посещении курсов медсестер, показала пальцем на грудь, где висели значки „Ворошиловский стрелок“ и ГТО I степени. Я сказала, что из Павловского Посада и что сбежала с трудового фронта.

– Очень хочется на фронт? – спросил генерал.

– Конечно! Ведь у меня нет братьев.

Получила я и пилотку, о которой так долго мечтала. Мне выдали красноармейскую книжку и черную пластмассовую коробочку, в которой был записан мой посмертный паспорт: Зиновьева, Тамара Ивановна, 14 мая 1923 г. р., уроженка г. Павлово-Посада Московской области. Вот и все. Этот документ выдавался всем красноармейцам на случай гибели, чтобы сообщить родным.

Так я стала воином 2-й стрелковой дивизии ополчения Сталинского района города Москвы. Моя мечта сбылась: я в действующей армии, у меня есть фронтовой адрес: Действующая армия, ППС 929, медсанбат. Свои косы я аккуратно завернула в мешочек, кончики обрезала, чтобы послать маме.

Девчонки поздравили меня с принятием воинской присяги.

...1 сентября пришел приказ послать вместе с солдатами 133-й Сибирской дивизии медсестер и санинструкторов на передовую. Мы с санитарными сумками уселись в замаскированные грузовики и поехали на запад. Мы ехали лесными дорогами, покрытыми воронками из-под бомб, над головами пролетали фашистские самолеты, сбрасывая бомбы на шоссе, их истребители гонялись за каждым живым человеком, а в это время очень много беженцев шло по дорогам на восток, убегая от озверевших садистов, которые жгли населенные пункты, убивали женщин, детей, не щадили стариков. Они везли и несли свой небогатый скарб, гнали перед собой истощенный домашний скот, они были до того изнурены, что еле передвигали ноги. Шло много детей без родителей. Много раненых двигалось на восток, к Москве. И вот мы почувствовали запах гари и раскаленного железа, перед нами открылась панорама из огня, пламя, пепла и дыма. От огня ярко полыхало зарево. Мы прибыли к полемому госпиталю фронтовой полосы. Две недели не спавши, мы лазали по окопам и воронкам, вытаскивая и перевязывая раненых, затем перетаскивали их на себе к полемому госпиталю, где им оказывалась хирургическая помощь. Мы сдавали раненых и ползли обратно под пулями и минометными выстрелами, под грохот артиллерийских снарядов. Мы не знали усталости, какая-то неведомая сила влекла нас на помощь нашим родным защитникам. Две недели ползали мы по окопам и воронкам, вытаскивая раненых, откапывая заваленных землей; это мы, комсомольцы тридцатых годов, не щадя своих жизней, делали все возможное, чтобы спасти раненых. На вторую неделю я притащила своего раненого на шинели и упала у его ног. Я не могла больше двигаться, и под грохот орудийных выстрелов и свист летящих бомб я уснула как убитая.

Да, молодым все по плечу. Очень много раненых проходило через деревню, мы даже не могли всем сделать перевязки, а они все шли и шли на восток, к Вязьме. В их нестройных колоннах были красноармейцы всех родов войск – и молодые, и пожилые.

Мы проходили по 72 км в сутки, отступая к Вязьме. Фашисты без конца обстреливали нас с самолетов, раненых было очень много, я еле-еле успевала их перевязать. Не знаю, как хватило сил.

10 октября Вязьма была окружена, а вся 32-я армия (19-я армия), в которую входила наша 2-я стрелковая дивизия народного ополчения, попала в окружение, но мы продолжали бить фашистов, мы старались как можно дольше сдерживать противника, чтобы они не так быстро продвигались к нашей столице Москве.

Около деревни (с. Богородицкое) был намечен прорыв окружения. Ужас, что было в этом месте. Фашистские стервятники бомбили переправу, перемешивая на своем пути людей, лошадей и нашу технику. Воздух был накален до предела, земля была перемешана с кровью, отовсюду были слышны стоны и крики раненых. Наш батальон подошел к переправе, оставив тридцать человек заградотряда для прикрытия нашего отступления.

Вдруг! Из-за леса по нашему батальону стали стрелять из минометов, кругом свистели осколки. Я... почувствовала, как голова моя налилась свинцом, осколки около шейного позвонка и в левую лопатку сразили меня, снайперская пуля прошла мне обе колени. Я уже больше ничего не слышала и не видела. Мне показалось, что вокруг мертвая тишина, хотя бой еще продолжался.

Очнувшись я, лежа на соломе в каком-то сарае, рядом со мной лежала медицинская сестра с осколком снаряда в груди. Около нее сидел старший лейтенант – артиллерист. Он попрощался с ней и выбежал. Девушка прохрипела еле слышно, что она Люба Лебедева из Ленинграда, и, тяжело вздохнув, умерла на моих глазах, эта красивая молодая девушка. В сарае было много раненых и никакой медицинской помощи, и нечего было пить и есть. Почти все раненые были ополченцами.

Крыша сарая, да и весь сарай были в больших щелях, из которых хлопьями валил снег, и мы ловили эти снежинки ртами, чтобы хотя бы утолить жажду. Я часто теряла сознание из-за осколка в правом виске, я ощупывала рукой этот кусочек металла. Сапоги мои были наполнены кровью, и я не могла повернуть голову из-за большого осколка около шейного позвонка. Немцы ворвались в сарай в своих мышинных шинелях с металлическими бляхами на груди и с автоматами в руках. Они боялись даже раненых. Переводчик стал спрашивать, есть ли комиссары, политруки, командиры и евреи. Они снимали с раненых часы и сапоги. Любу Лебедеву выбросили из сарая на снег и еще человек шестнадцать, умерших от ран красноармейцев. Живых прикладами стали выгонять из сарая. Кто не мог встать – того пристреливали. Я еще поднялась, сапоги мои сняли, комсомольский билет ночью я, разорвав на мелкие кусочки, кое-как сумела проглотить. Нас погнали к Вязьме.

Колонну раненых вели солдаты фельджандармерии в черных кожаных плащах с капюшонами и собаками на цепях. Ноги мои еле передвигались. Легкораненые матросы понесли меня на руках. Многие раненые не смогли дойти до Вязьмы, их пристреливали, и они оставались лежать на дороге.

Когда мы приехали в Вязьму, вся центральная площадь была заполнена военнопленными, кругом светили прожекторы и играли немецкие марши. Около нас остановилась машина с киноаппаратом, немцы снимали документальный фильм. К повозке подошел немецкий офицер и крикнул: „Ауфштейн, кляйне югенд, шнель ауфштейн!“ („Встать, маленький мальчик, быстро встать!“) – и два солдата подняли меня с повозки. Площадь была покрыта снегом, который таял под ногами наших родных красноармейцев.

Офицер поставил меня в круг, сделанный из фашистских солдат, переводчик стал в рупор кричать, что скоро они займут Москву, что наших солдат больше нет, а воюют одни дети. Я закрыла лицо руками. Офицер стал отдергивать их, и я впилась зубами в его жирную руку. Он закричал от боли, ударил сапогом в живот, и я покатила под повозку.

Очнувшись я на территории военного госпиталя под лестницей инфекционного отделения, лежала на голом цементном полу. Кругом вонь. Много мертвых.

Сутки я провалялась. Наутро услышала знакомый голос комсорга нашего медсанбата Валентины Горбик. Я позвала ее, она попросила санитаров, меня положили на носилки и

понесли на второй этаж, в операционную. Профессор Попов удалил два осколка из головы и один большой около шейного позвонка. Он поцеловал меня и сказал, что я родилась „в рубашке“. Меня обработали, сделали перевязки и положили в палату на солому. Палата вся была заполнена до отказа ранеными красноармейцами. Большинство из них были народные ополченцы: молодые и совсем пожилые. У некоторых раненых были оторваны руки и ноги. Рядом со мной лежал молодой моряк из морской пехоты, левая нога его была ампутирована.

...Вечером в госпиталь ворвались гестаповцы с переводчиком. Четыре гестаповца во главе с обер-лейтенантом в черных формах со свастикой на руках встали около двери, а переводчик в нашей офицерской форме спрашивал, кто коммунист, комиссар, политработник или еврей. Он прислуживал этим холуям, как купеческий приказчик. Противно было смотреть на эту предательскую рожу.

Мы все молчали. Тогда он стал обшаривать гимнастерки. У моряка был комсомольский билет, и он тут же выстрелил в него из пистолета тремя пулями. Одного пожилого еврея схватили за ногу и поволокли во двор. Обойдя всех, переводчик оттолкнул от меня моряка, залез в карман гимнастерки и стал читать вслух: „Зиновьева Тамара Васильевна, 14 мая 1923 г. р., уроженка г. Павлово-Посад Московской области. Русская“. Он прочитал, немного подумал, поднял палец и громко произнес: „Каменев, Троцкий, Зиновьев были жидаы, и это жидовка“.

Перед моей фамилией был поставлен крест. Ночью Валентина вместе с санитарями вынесла меня со второго этажа, и мой комсорг, уложив меня на свою шинель, повезла меня подальше от госпиталя, недалеко от станции Вязьма, в разрушенный от бомбы двухэтажный дом, в подвал. Очнувшись в темноте, в сыром подвале, почувствовала, что на мое лицо каплют теплые капельки. Открыла глаза и увидела своего комсорга, но очень изменившегося, у нее были большие круги под глазами, а в волосах серебрилась седина. Я хотела спросить ее, где мы находимся, но из гортани вырвались только хрипы. Горло было сжато словно кандалами, я закрыла глаза и подумала, что мы с Валентиной мертвые и лежим в могиле, в сырой матушке-земле.

Ночью мы проснулись от сильного взрыва бомб. На нас с комсоргом сыпались кирпичи и песок, подвал двухэтажного разбитого бомбами дома находился недалеко от вокзала. Наши бомбардировщики делали заход за заходом, даже в подвале были слышны сильные разрывы. Бомбы падали одна за одной, а мы радовались и смеялись, как дети...»^[131]

Шинкарев Иосиф Федорович, Воронежская область

Иосиф Федорович Шинкарев – красноармеец 329-й стрелковой дивизии (с 29.01.1942 дивизия входила в состав 33-й армии. Действовала на левом фланге армии вдоль шоссе Юхнов – Вязьма. 10.02.1942 передана в состав 1 гв. кк., наступавшего на Вязьму с юга и юго-запада. Отдельная часть во главе с замкомдивом майором Ивановым продолжала вести боевые действия в составе 33-й армии до середины апреля. Расформирована 22.08.1942 как неподлежащая восстановлению (пр. НКО № 00180)).

Попал в плен в марте 1942 г. в ходе боев под Вязьмой. Нет сомнений, что совершил побег из фашистского плена, вновь воевал в рядах РККА. Ошибочно считался убитым в боях при освобождении Каунасского района Литвы (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 865). Но и здесь судьба была милосердна к нему. Остался жив! После войны приезжал в Вязьму, оставил воспоминания учащимся вяземской школы № 5.

«Вяземский концлагерь тоже встретил неласково. Обмерших^[132] красноармейцев, которые хотели погреться у печки, полицаи лагерные стали бить касками и угрожать на будущее. На нарах сидели бывшие военнопленные, на которых было страшно смотреть – живые скелеты. Сколько их погибло в эту зиму? Все кладовые были забиты шинелями погибших, которыми топили печки для поддержки тепла в бараке. Немцы еще надеялись покорить нашу Родину и вели себя нахально. С русским народом, а особенно с пленными, обращались хуже и жесточе^[133], чем римские рабовладельцы. Кормили баландой с порченной

гнилой картошкой, заправленной березовыми опилками-мукой, хлеб из семян льна, который не удержишь в руках, так как он рассыпался, как песок. Но и этого давали с очень маленькой нормой – один раз в день. Вот поэтому заключенные были очень истощенные и выходили из жизни. Работа была очень тяжелая. Немцы восстанавливали разрушенные здания железнодорожного депо.

Вот весь этот мусор, кирпич и должны были пленные грузить на железнодорожные платформы, которые увозили за город. Если не выполняли нормы, то для них применяли палки или резиновые шланги, от которых уже пострадавший был не жилец. За лето из нашей партии, которая была заключена в концлагерь, осталось 5 человек, истощенные, битые, но еще держались на ногах»^[134].

Фавстова (Травинова) Мария Алексеевна (1921–2004), г. Москва

Мария Алексеевна Фавстова (Травинова), 1921 г. р., – медсестра 38-го сп 13-й сдпо Ростокинского р-на г. Москвы, уроженка д. Пушкина Гора Юхновского района Калужской области. Попала в плен 11.10.1941 при прорыве из окружения под Вязьмой. Прошла лагеря смерти в Вязьме, Смоленске, Вильно. После удачного побега с группой товарищей из г. Вильно под Каунасом встретила советские войска. Проходила службу в рядах Советской армии в 203-м АЗСП 5-й армии в качестве медсестры ПМП. Участвовала в разгроме Японии. Демобилизовалась в ноябре 1945 г.

«Пошла в армию добровольно 7 июля 1941 г. В ночь на 10 октября 1941 г., вырываясь из окружения под г. Вязьмой, была ранена в левую руку с повреждением кости, потеряла много крови и попала в плен.

Находилась в вяземском, затем в смоленском лазарете военнопленных. Содержание было страшным, от обилия вшей шевелилась трава, умирали через одного.

Там переболела сыпным тифом, но не умерла. За попытку к побегу была направлена в штрафной лагерь в Вильно.

Там вторично пыталась бежать, но и на этот раз неудачно, и была заключена в тюрьму „Лукишки“ в Вильно. Там нам с группой товарищей удалось убежать, и мы встретили Советскую армию под городом Каунас»^[135].

Мошарев Павел Александрович (1901–2003), Архангельская область

(Воспоминания записаны сыном Александром Павловичем и внуком Павлом Александровичем Мошаревыми)

Мой дед, Мошарев Павел Александрович, был призван в сентябре 1941 г. в воздушно-десантные войска. После серьезной подготовки был заброшен в мае 1942 г. в составе минометной роты в тыл в Смоленскую область, недалеко от города Дорогобуж. Там после примерно недели боев был ранен и в скором времени попал в плен. Прошел много лагерей: в Дорогобуже, Вязьме, Двинске (современный Даугавпилс), Лодзи, Магдебурге, наконец, оказался в каменоломнях в местечке Зитлингхаус под Дортмундом, откуда бежал с двумя товарищами. Больше двух месяцев они пробирались в сторону Чехословакии, прошли около 600 километров, но были снова пойманы около города Хоф и отправлены в штрафной лагерь в город Вайден, где находились до прихода американцев. После войны еще долго оставался в армии и вернулся домой зимой 1946/47 гг.

Я хорошо помню деда: он умер всего три года назад в возрасте восьмидесяти девяти лет. До последних дней он сохранял ясное сознание, много читал и многим интересовался, имел большой авторитет у всех родственников, детей и внуков, придавал большое значение нашему воспитанию и образованию.

Дедушка не только рассказывал о войне сам, но изучал воспоминания других ветеранов и полководцев, советовал нам книги, которые, по его мнению, стоили прочтения. Например,

говорил, что про немецкий плен, пребывание в лагерях на территории Германии и подготовку к побегу хорошо и правдиво рассказано в книге М. П. Девятаева «Побег из ада».

Из-за своей бестолковости я дедушкины воспоминания никогда не записывал, но у меня есть тетрадка с его собственными записями и много записей, сделанных моим отцом. Для того чтобы рассказ оказался достаточно подробным, я постараюсь составить его из дедушкиных и папиных записей, которые все у меня есть в электронном виде.

Итак, из дедушкиной тетрадки:

«...Обучались десантному делу, военной подготовке и все остальное. Размещались в Малаховке, Силикатный завод и др. Здесь уже занимались по-настоящему. Изучали миномет, автоматы, парашюты, подрывное дело и взрывчатые вещества. Здесь совершали прыжки. Прыжки совершали на аэродроме Люберцы. Всего совершили 4 тренировочных прыжка с самолета ТБ-3 и ДБ-6.

Итак, в Москве мы обучались до половины мая 1942 года. Потом нас всех перевезли на аэродром Монино. Здесь произвели доукомплектовку обмундирования, снаряжения и питания. Подрулили самолеты ТБ-3. Показали, кому на какой самолет садиться, и мы, нагруженные до неповоротности, побежали к самолетам. У меня был самолет с номером „тройка голубая“. Снаряжение: парашют основной, запасной, вещмешок, карабин, подсумок, лопата саперная, плащ-палатка. Шинелей не было.

В сумерках мы вылетели. Судя по осколкам, ударяющим по самолетам, нас обстреливали зенитки. И так высадились, вернее, прыгали с самолетов на смоленской земле».

Здесь первая часть тетрадки заканчивается, дальше идет рассказ уже про побег из лагеря.

Я помню, дедушка говорил, что готовили их очень хорошо, и огорчился, что попал в плен и не смог применить все полученные умения: их учили и разведке, и одиночным диверсиям в тылу врага. Задачей десанта была помощь находившейся тогда в окружении конной армии генерала Белова. Конкретно бригада, в которой служил мой дед, должна была отвлекать немцев от основной высадки десанта и прорыва генерала Белова.

Высадка прошла успешно, немцев поблизости не было, десантники собрали и сложили вместе парашюты, подобрали сброшенное отдельно снаряжение и произвели марш-бросок в сторону села Алексино, где уже вступили в бой. Мины быстро закончились, минометы было приказано уничтожить (последнюю мину просто кидали в ствол вверх ногами, и она там взрывалась). После этого вели бои еще около недели (патронов к личному оружию было достаточно). Однажды немцы наступали и залегли. Дедушка, чтобы лучше видеть, встал за дерево, и в этот момент рядом разорвалась мина, осколком которой деда ранило в бок.

Дальше отрывок из записей моего отца:

«После ранения, с осколком в боку, с поля боя вывели отца „под руки“, а потом волоком и везли на лошади. <...> Привели в Алексино, где был медсанбат. Он находился в очень красивом доме, наверно, чьей-то усадьбе. Там сдал карабин, патроны, перевязали, накормили. Народу в медсанбате было много. Ночевал одну ночь в коридоре. А потом отправили на подводе в Озерище. Там лежали в школе. Было там раненых человек 30. Никто не ухаживал, не кормили. Вскоре наши ушли, всех раненых так и оставили там, сказали, что если кто может, добирайтесь в Починок, там, мол, есть аэродром и оттуда вас вывезут. Ходячих никого не было». Там встретился отцу земляк из г. Мезень Архангельской обл., Жданов Николай, тоже тяжелораненый. После того как их бросили, приходили несколько раз местные женщины. Давали воды и кое-чего поесть. Варили суп из крапивы и лебеды. Так как давно не ели, то в туалет не ходили, а для «малой нужды» использовали каски. Перед приходом немцев женщины собрали у всех документы и сожгли тут же в печке.

Примерно через два дня пришли фашисты. Вошли с автоматами, что-то покричали и ушли. Отец с земляком обнялись, простились, думали, что или гранатами закидают, или сожгут. Но все ушли. Через сутки подогнали подводы – одноколки «не деревенские, а немецкого образца, все одинаковые». Всех сгрузили на подводы и отвезли в Дорогобуж, где разместили в церкви на полу. Ни фамилий, ни имен никто не спрашивал. Не кормили. Еще через сутки вагоном отправили в Вязьму. Жданова после Дорогобужа не видал.

В Вязьме, где-то в пригороде, видимо, был отгорожен квартал сельских домов, в которых были сделаны нары, там и лежали раненые. Лечения почти не было. Ходили русские, видимо из полицаев, иногда перевязывали бумажными бинтами «как теперешняя туалетная бумага». Там же, в Вязьме, на шею надели веревки с железными жетонами из двух частей, который в случае смерти переламывался и одна часть хоронилась вместе с умершим (а их было много). Фамилий, имен опять никто не спрашивал. Теперь отец был № 1650.

В лазарете много не общались. Помнит Анисимова, но как звали и кто по званию, не помнит. <...> Отец как-то поправился. Видимо, деревенская закалка помогла или очень «счастливый» случай. Осколок не вырезали, рана затянулась, и его отправили на работы в Гжатск. Там в церкви тоже был небольшой лагерь. Спали прямо на полах, в чем есть. Гоняли на строительство какой-то железнодорожной ветки. Куда ветка, в памяти не сохранилось.

Отец к тому времени был уже «доходяга», да и рана от работы снова открылась, и его вернули снова в Вязьму, но уже не в лазарет, а в сам лагерь. Запомнилось трехэтажное здание, и как каждое утро со всех этажей вытаскивали крючьями умерших и складывали в кучу у выхода. В других лагерях, где привелось побывать отцу, для вытаскивания покойников были тележки, здесь выволакивали просто так... Кормить почти не кормили. Так было до конца августа, а в конце августа (или в самом начале сентября) 1942 года группу «доходяг» собрали, погрузили в вагоны и отправили в лагерь в г. Двинск (ныне Даугавпилс) на территории Латвии. По дороге один раз покормили баландой в Витебске. Из вагонов не выпускали...

...На этом тетрадь, записанная дедушкой в 2000 году, заканчивается. Я знаю, что дедушка с товарищами бежал, почти добрались до Чехословакии, пройдя за два с небольшим месяца около 600 километров. Наступила осень, стало холодно и сыро, и однажды они решили днем развести костер, дым которого их выдал. Их схватили и отправили в штрафной лагерь в городе Вайден, где они были до конца войны. Освободили деда американцы. Перед их приходом охрана лагеря, состоявшая в основном из местных жителей, разбежалась, а вскоре в лагерь ворвались два американских танка, помяли колючую проволоку и уехали дальше. Через несколько дней американцы на автомобилях вывезли освобожденных пленных в советскую оккупационную зону.

Всегда, когда я рассказываю про деда и дохожу до этого места, слушатели делают предположение: «ну, а дальше они пошли мотать лагерь уже в Советском Союзе, конечно же». Но с дедушкой и его товарищами этого не произошло. Он только вспоминал, что солдаты-фронтовики плохо относились к пленным и держали себя высокомерно. Но когда проверили, что по документам дедушка действительно служил в армии и пропал без вести, его снова вернули в строй...^[136]

Ермолаев Виктор Андреевич (19.08.1924-25.12.2011), г. Москва

Выпускник 1941 г. школы № 293 Ростокинского района г. Москвы. Вместе с товарищами-одноклассниками вступил в 13-ю Ростокинскую дивизию народного ополчения. Участвовал в боях. При прорыве из вяземского окружения попал в плен. С октября и до середины ноября 1941 г. находился в вяземском лагере военнопленных в Вязьме. Прошел немецкие лагеря смерти в Рославле, Смоленске... В Италии совершил дерзкий побег из плена и героически воевал в рядах итальянского Сопротивления до Победы. Автор воспоминаний об участии в войне «Кромсали их в мясо!». В октябре 1990 года по поручению Советского комитета ветеранов войны участвовал в X национальном конгрессе Ассоциации бывших политических заключенных концентрационных лагерей в Италии, в г. Прато-Палацо Коммунале.

После возвращения домой закончил Московский автодорожный институт, получив специальность инженера-механика по эксплуатации автомобильного транспорта. Работал на 9-й автобазе Мосавтотранспорта. Более 45 лет отдавал свои силы и знания строительству автомобильных дорог в Московской области, отмечен званием «Почетный работник автотранспорта России».

Награжден двумя Орденами Отечественной войны 2-й степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «За оборону Москвы», «Партизану Второй мировой войны в Европе», памятной медалью за активное участие в освобождении стран Европы от немецких оккупантов и в ознаменование 50-летия Победы над фашистской Германией, юбилейными медалями, а также Почетным знаком РКВВС – за активное участие в ветеранском движении. С 1995 по 2011 г. был председателем Совета ветеранов 13-й Ростокинской сдво г. Москвы.

«Я родился 19 августа 1924 года в городе Москве, на Новоалексеевской улице. По национальности – русский. Православный. Член КПСС с 1958 г., член ДОСААФ. В 1941 г. окончил школу № 293 в бывшем Ростокинском районе Москвы.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г., возвращаясь из парка „Сокольники“, где мы с моими школьными товарищами гуляли после выпускного вечера в нашей школе.

По призыву Московской партийной организации в районах столицы начали создаваться дивизии народного ополчения. Узнав об этом, я и мои друзья – Степанов Леонид и Вольвовский Виктор – записались добровольцами в народное ополчение.

Формировалось наше подразделение в нашей родной школе. Я был зачислен в отдельную роту связи при штабе 13-й дивизии Ростокинского района. Определенные воинские навыки мы уже имели, так как в школе с 8-го по 10-й класс преподавался особый предмет – „военное дело“. В программе предусматривалось изучение устройства винтовки, пулемета „максим“, правил защиты при воздушном нападении. Занимались строевой подготовкой и сдачей норм ГТО, участвовали в соревнованиях по стрельбе из мелкокалиберных винтовок, изучали правила по оказанию первой помощи раненым и т. д.

...Бывая в подразделениях нашей дивизии, я видел, как неустанно велись земляные работы, отрывались траншеи, строились дзоты, укрытия. На рубеже восточнее Вязьмы дивизия построила главную полосу обороны в кратчайшие сроки. Хотя непосредственного соприкосновения с противниками еще не имели, но дыхание фронта стало реальным. Вражеские самолеты регулярно обстреливали из пулеметов бойцов, проводивших оборонительные работы, передвигающиеся к линии фронта группы наших солдат и автомашины.

К сентябрю из полков дивизии всех малолетних, которым не было семнадцати лет, по приказу командира дивизии отправили домой. Мне повезло. Я, оставаясь при штабе дивизии, не был замечен и под этот приказ не попал, словом, продолжил свою службу.

...В ночь на 3 октября командир дивизии получил от генерала Болдина дополнительную информацию и ориентировку по обстановке. Стало известно, что немцы прорвали фронт и во многих местах значительными силами танков и мотопехоты глубоко вклинились в оборону войск Западного фронта. Дивизии ставилась задача: прикрыть и обеспечить отход войск оперативной группы и 19-й армии через реку Днепр. Не допустить выхода противника с севера от г. Холм-Жирковский в район между Днепром и его притоком р. Соля и в район южнее р. Вязьмы.

...Приказ был воспринят присутствующими как священный долг. Командование полка понимало, что долго сдерживать лавину врага, хорошо вооруженную техникой, невозможно. К этому времени была произведена перегруппировка частей в полку, созданы минные поля севернее р. Вязьма и западнее р. Днепр. Ополченцы совместно с саперами вырыли в промежутках минных полей щели для истребителей танков, которые располагались парами в одной щели с ручными гранатами и 10–15 бутылками с горючей жидкостью. Это мероприятие позволило ополченцам эффективно создать препятствие для наступающих фашистских танков.

3 октября после авиационной подготовки под прикрытием артогня силами двух батальонов при поддержке 7–8 танков фашисты атаковали позиции нашего 37-го полка на плацдарме у деревни Кошкино и ворвались в наши окопы. Резерв полка подошел вовремя, контратаковал врага и уничтожил прорвавшихся немцев. В этом бою пали смертью храбрых

большое количество ополченцев, большие потери понесли и фашистские захватчики. День 8 октября для дивизии был „черным днем“. Бой не прекращался ни на минуту. Авиация, артобстрел, танки яростно атаквали наши позиции. За день было отбито восемь атак. Ополченцы держались стойко. Подразделения дивизии истекали кровью, потери личного состава в ротах достигали 50% и выше. За период боев в районе Холм-Жирков-ский дивизия потеряла убитыми и ранеными 6000 ополченцев.

Во вражеском окружении оказались 4 армии Западного фронта. Лишившись боевого центра управления, они принимали все меры к выходу из окружения отдельными воинскими подразделениями. В одном направлении прорыва принимал участия и я, но вырваться из окружения мне, как и многим другим, не удалось. Я попал в плен. Большое количество военнопленных согнали в Вязьму и разместили в недостроенном здании мясокомбината^[137], обнесенном колючей проволокой в несколько рядов. Голод, холод, болезни и тысячи смертей. Варварское, бесчеловечное обращение к нам – пленным – трудно описать. Скопилось за этой изгородью, как в муравейнике, огромное количество военнопленных. Ни воды, ни еды. У кого-то в вещевых мешках были сухари и еще кое-что из еды; старались по возможности поделиться друг с другом. Однажды нам за изгородь кинули тюбики с сухим концентратом гречки, пшена. Но надо было видеть, как на это „угощение“ набросились голодные наши товарищи, кому-то досталось, а кому-то нет. Обессиленные тихо отдавали свою душу Богу.

Запомнилась мне такая история. Приезжают какие-то немецкие офицеры с отрядом солдат и проходят среди нас. Один из офицеров держит в руках тросточку и указывает на пленного. Охранник говорит: „Швайн, ком“ (свинья, ко мне), его берут и выводят за пределы лагеря, раздевают до белья и сажают в грузовую машину с открытым кузовом. Так в течение многих дней проходил отбор лиц „еврейского происхождения“. Сколько бойцов этой национальности были увезены из лагеря и расстреляны извергами-нацистами!

И вот в лагерь прибыл большой отряд немецких солдат на лошадях – началась эвакуация лагеря. Всех, кто мог двигаться, выгнали за пределы и большой цепочкой двинули в направлении на запад. С обеих сторон колонны – охранники на лошадях с автоматами. Колонна двинулась в путь. Страшно и больно было смотреть на всех тех, кто очутился в ней. Измученные, больные, раненые, разных возрастов они мало походили на людей. Тех, кто не мог двигаться, охранники пристреливали на месте. Гнали нас по большаку, вдоль которого осталось много разбитого трофейного снаряжения, убитых лошадей и трупов. На поле лежали остатки необранной капусты, картофеля и других овощей. Голод заставлял нас выбегать из колонны и хватать, что попадет. Одним удавалось, а другим за это приходилось расплачиваться своей жизнью. В считанные минуты от убитой лошади оставался лишь скелет, а кусок конины давал дополнительные силы. Нас не оставляла мысль, что необходимо как можно скорее бежать из колонны. Другие надеялись на Бога.

В районе Ельни Смоленской области немцы-охранники устроили ночлег для военнопленных. Вокруг разожгли костры. На территории было несколько сожженных домов, в один из них кидали умерших пленных и расстрелянных при побеге. В темноте мы, трое москвичей, незаметно пробрались в тот дом и спрятались под трупами. Утром колонна двинулась дальше, а мы после ее ухода выбрались на белый свет и двинулись в лес. Решение было принято: „Идти на Москву“. От деревни до деревни, через леса и поля, обходя немецкие части, мы двигались до тех пор, пока в одной деревне нас не заметили немцы и не бросили в сарай. К нашему счастью, а может, к несчастью, по этой дороге прогоняли другую колонну военнопленных, и нас немцы бросили в нее. Имея опыт побега, мы в районе г. Выходы вновь совершили побег...»^[138]

Мухамедшин Саяф (1910–2004), Республика Башкортостан

Саяф Мухамедшин, 1910 г. р., – красноармеец 532-го сп 111-й сд (Калининский фронт). До войны его семья проживала в д. Н. Кабаны Краснокамского р-на Башкирской АССР. Призван Краснокамским РВК 8 августа 1941 г. По данным военкомата считался пропавшим

без вести с июня 1942 г. По спискам лазарета № 2 «Дулага-184» умер 25 августа 1942 г. Но боец пережил и вяземский лагерь, и все другие на его многострадальном пути. Остался жив, вернулся домой, на Родину. Рассказ дочери Саяфа Мухамедшина записан по телефону.

«Наш папа находился в смертном лагере (он его так называл) в Вязьме, был очень слабый, находился в одном из лазаретов. Бежал, поймали, по непонятным причинам не расстреляли. Значит, суждено было жить.

Его спас надзиратель. Он подошел к отцу и сказал: „Я не немец, а австриец, меня не бойся, я тебя спасу. Сейчас немцы поедят и уйдут, ты приходи – я дам тебе еды. Ты очень слабый, по дороге не падай, а то застрелят“. Таким образом, отец смог подкормиться и еще спас 12–15 человек.

Выдавали хлеб – небольшой кусок, и жидкую баланду. Отец не пил и не курил. Менял табак на еду, но сам потом делился с другими.

Он говорил: „Из этого лагеря живым никто не выходил“.

Потом они бежали. После побега отец попал к нашим, воевал, затем находился в Монголии и вернулся домой в 1948 г.

У него родилось после войны шестеро детей.

Умер 7 лет назад...

Не много он о лагере рассказывал, но она была ребенком и не все помнит...»^[139]

Ковалев Климентий Семенович (1900–1986), г. Могилев

(из письма его сына Л. К. Ковалева, г. Могилев, Республика Беларусь)

«Путешествуя по просторам интернета, нашел сведения о работе по увековечению памяти узников лагеря военнопленных „Дулаг-184“, прочитав которые, вспомнил, что мой отец Ковалев Климентий Семенович рассказывал о том, что он был в плену в г. Вязьме.

Из его рассказов я помню, что лагерь был на территории завода. Он рассказывал, что условия содержания были ужасные: кормили тем, что привезут сами пленные с колхозных полей. Ставили бочки из-под бензина на кирпичи и пытались сварить в них что-то подобие супа из мерзлых брюквы или картофеля, но немцы не давали даже свариться овощам и приказывали раздавать похлебку по строго установленной очереди – не более одной порции в руки, во что попадет: в консервную банку, в котелок, в каску, кто что приспособит под посуду. За очередью следили и, если кто пытался получить еще, расстреливали. Отец говорил, что был свидетелем убийства охранником с вышки солдата-узбека за то, что тот встал еще раз в очередь за едой. Отец очень хорошо отзывался о военных врачах. Он говорил, что единственными, кто не снял офицерские гимнастерки, были военные врачи. Они, как могли, оказывали помощь раненым и больным – собирали продукты, приспособляли под перевязочный материал нателное белье солдат и даже собирали мочу для обмывания ран. Вспоминал, что одного из врачей, еврея, расстреляли при одном из построений: немец-офицер указал на него тростью и сказал: „Юде“. Приставал и к отцу, так как при призыве его не подстригли, и немец думал, что он офицер и снял свою гимнастерку, но каким-то образом помогли окружающие, подтвердили, что он рядовой солдат.

Отец вспоминал, что пробыл в лагере порядка десяти дней и понял, что если он останется в нем, то ему конец, обессилеет от недоедания. И хотя немцы всех, кого ловили при осуществлении побега, вешали тут же возле лагерного забора для устрашения, решил не оставаться: пан или пропал. Приняв решение о побеге, начал присматриваться к людям, нашел еще двух земляков из Шкловского района Могилевской области (к сожалению, не помню их фамилий) и предложил им бежать вместе. Один из земляков согласился, а другой струсил. Действуя дальше, отец с товарищем примкнули к группе таких же активных людей во главе с офицером (отец называл его Полковником). Под руководством этого офицера они сделали подкоп под стену и в одну из ночей ушли в составе группы не менее 50 человек. После побега Полковник приказал разделиться на мелкие группы по два-три человека и идти

туда, куда хотят солдаты, а сам пошел в сторону Москвы. Отец с товарищем-земляком пришел домой в деревню Окуневка Шкловского района Могилевской области, а товарищ его – в свою деревню. Им удалось благополучно пережить оккупацию, и в 1944 г. они снова были призваны в армию.

Отец закончил войну в Вене в 1945 г. Был награжден медалью „За отвагу“ и другими медалями, имел много благодарностей. Выжил и его товарищ, с которым они бежали из Вязьмы. А того, другого, который с ними не пошел, отец после войны не нашел, говорил, что он пропал без вести. Вот такие воспоминания нахлынули на меня после знакомства с результатами вашей работы.

К сожалению, отец мой умер в 1986 г. на 82-м году жизни, и теперь уточнить детали уже невозможно, но я уверен, что рассказывал он именно о лагере „Дулаг-184“^[140].

Лазареты «Дулага-184»

Лазареты «Дулага-184», как и вяземских пересыльных лагерей № 230 и 231, были лишены необходимых медикаментов, лекарств, перевязочного материала, элементарных гигиенических условий, питания. Исключение в первые месяцы после вторжения фашистов могли представлять оснащенные советские военные госпитали, захваченные вместе с ранеными и медперсоналом, на базе которых были созданы некоторые лазареты (в частности, лазарет № 1 на Красноармейском шоссе). В Вязьме, по рассказам старожилов, таких госпиталей до оккупации города было много, под них были приспособлены все больницы и школы города.

В захваченных госпиталях в Вязьме в условиях фашистского режима умерли от тяжелых ран красноармеец С. П. Заломов из д. Румянцево Кунцевского района Московской области («имелось письмо от товарища, что он был ранен и отправлен в госпиталь, после о нем ничего не знает»). Умер 5 января 1942 г. в лазарете № 1), младший лейтенант-танкист Г. И. Гончаренко, уроженец г. Краснодара («было одно письмо из Вязьмы. Его написала какая-то девушка, наверно, медсестра, Жориной маме, моей прабабушке, о том, что Георгий Иванович в госпитале, тяжело ранен, героически сражался под Смоленском. Обстановка в Вязьме очень тяжелая, немцы подходят, наши отступают...»), красноармеец Алексей Ильич Наумов из села Сметанино Санчурского района Кировской области («В последнем письме домой он сообщил, что ранен и лежит в госпитале. Уже значительно позже (после войны) бабушке сообщили, что госпиталь попал в окружение и дед, возможно, умер в каком-нибудь немецком лагере...»).

Многие пленные поступали в лазареты умирающими, в бессознательном состоянии, в состоянии агонии. По спискам лазаретов таких мучеников проходит 1 239 человек, о чем имеются многочисленные записи, в том числе из списков лазарета № 1:

– за 18 января 1942 г.: «8 человек умерли, фамилии неизвестны, а также и адреса. Начальник лазарета 1 Семко» (ЦАМО: ф. 58, оп. 18002, д. 1200, с. 570).

– за 1 февраля 1942 г.: «...8-59. Адресов нет. Санитар по уборке трупов Корюкин» (Там же. С. 393).

– за (неразборчиво) марта 1942 г.: «...Кроме того, умерло 19 человек. Фамилии, имена, отчества и их домашние адреса установить не удалось, т. к. они поступили в бессознательном состоянии и, кроме того, при отсутствии каких-либо документов. Нач. лазарета 1 (неразборчиво)» (Там же. С. 526).

– 23 сентября 1942 г.: «Неизвестный адрес, фамилия, прибыл в агонии. Нач. лазарета 1 Семко» (Там же. С. 52).

Из списков умерших больных лазарета № 2:

– за 30 января 1942 г.: «...3 обмороженных были доставлены в бессознательном состоянии, и скончались, не приходя в сознание. Документов при них не было. Главный врач лазарета № 2 д-р Чуловский» (Там же. С. 407).

– за 3 марта 1942 г.: «10 человек военнопленных, доставленных без сознания и без документов. Главный врач лазарета № 2 д-р Чуловский, 5.03.1942» (Там же. С. 532).

– за 5 марта 1942 г.: «...3 неизвестных военнопленных, доставленных в бессознательном состоянии и без документов. 7.3.1942, г. Вязьма. Главный врач лазарета № 2 д-р Чуловский» (Там же. С. 566).

– за 28 марта 1942 г.: «...Три человека неизвестных, прибывших 25 марта из Ржева транспортом в бессознательном состоянии и без документов. Главный врач лазарета № 2 д-р Чуловский» (Там же. С. 254).

Из списка умерших больных лазарета № 3:

«С 1.01. по 2.01.1942 умерло пять человек, доставленных в бессознательном состоянии, и установить их фамилии и другие данные нельзя было. Старший врач лазарета № 3 Филимонов» (Там же. С. 354)...

До наших дней благодаря документальной книге С. И. Анваер «Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички» сохранились подробные воспоминания о лазарете № 1, располагавшемся в зданиях вяземской городской больницы. Ее территория была окружена двойным рядом колючей проволоки, у ворот и по углам стояли вышки с немецкими солдатами. Раненые и больные размещались не только в переполненных зданиях больницы, но и вокруг них – сидели и лежали прямо на земле. Здание госпиталя не отапливалось, столбняк, газовая гангрена, эпидемические болезни ежедневно уносили десятки жизней. Советские военнопленные и мирные граждане, как пребывающие в основном лагере, так и в «лазаретах», были обречены на мучительную смерть.

СПИСОК

№ 4695

Умерших военнопленных лазарета № 2 27 марта 1942 г.

№ по списку	Фамилия, имя и Отчество	209 рожд-день	Воен. Знаки	Воен. Знаки	Постоянное место жительства	267 рожд. место
1	Турков Сергей Васильевич	1907	ряд	1839 г.	Орловск. обл. Мамонский р., д. Протасово	там же
2	Повинский Борис Иванович	1922	ряд	174 г.	Воронеж. обл. Дубовский р., д. Поддубье	там же
3	Потемкин Станислав Яковлевич	1912	✓	365 г.	Краснодарский край, Динский р., д. Дроздовское	там же
4	Тычков Григорий Иванович	1905	✓	256 г.	Курской обл. Новоборовский р., д. Поддубье	там же
5-8	4 неизвестных прибывших 20/3 и Ржева в бессознательном состоянии, без документов					

29. III. 42
Мамта

Д-р Чуловский
Chief Arzt Lazarett № 2

Списки умерших в лазарете № 2 27 марта 1942 г.

«В единственном двухэтажном здании кто на койках, кто прямо на полу – всюду лежали раненые и больные, – вспоминает С. И. Анваер, поступившая в лазарет № 1 большой гнойным стоматитом на фоне цинги, а затем с декабря 1941 г. по март 1942 г. работавшая там медсестрой. – Единственная женская палата на пять человек помещалась в бывшем

рентгеновском кабинете. Под головой у кого подушка, у кого – свернутая шинель. Укрыты все шинелями, только у одной одеяло. Эта девушка самая тяжелая. Крошечная ранка от пулевой пули на спине давно зажила, но явно перебит спинной мозг, полный паралич ног. Будь она и в нормальной больнице, это не пройдет никогда. И она это знает. Держится, говорит: „Зато ничего не болит“».

Медицинские работники, попавшие в плен вместе с ранеными, оказывали им всяческую помощь, но при отсутствии лекарств и оборудования усилия их оставались тщетным. *«Работать было невыносимо тяжело, – пишет С. И. Анваер, – ведь у нас почти ничего не было, чтобы помочь больным... Выжить в таких условиях могли только легко раненные пленные. Люди умирали, у раненых не заживали раны. Мертвых не успевали выносить из палат».*

Как и во всем лагере, в лазарете свирепствовал голод. *«В день пол-котелка баланды и маленькая круглая буханка на четверых. На вид аппетитная глянцевато-коричневая, но когда ее разрезали, то содержимое вытекало, и оставалась только безвкусная корка. Совсем плохо было в те дни, когда баланду варили из льняного семени; получалась тянущаяся за ложкой клейковина, проглотить которую было совершенно невозможно. Относительным подспорьем был льняной жмых. Он горкой лежал у одного из барачков».*

Кое-что из продуктов старались передать военнопленным местные жители.

Солдаты из охраны издевались над ранеными и выздоравливающими. Имеются свидетельства, что один раненый, умирающий от голода, на костылях подошел к окну, выходящему на Калужское шоссе, и попросил у прохожего еды, за что сразу же был расстрелян гитлеровским солдатом. В один из дней в госпитале зачитали приказ: «Во время погрузки продуктов некоторые русские позволили себе съесть несколько сухарей, за что были расстреляны, остальные строго предупреждаются».

Врачи жили в небольшом домике около ворот (бывшая «контора»). Две комнаты занимали врачи-мужчины, в совсем крохотной уютилась Софья.

Официальным комендантом лазарета, как пишет С. И. Анваер, был немец, старший лейтенант вермахта, пожилой человек в женском платке поверх пилотки, в русских меховых рукавицах, скрепленных, как у малых детей, шнурком, перекинутым за шею. *«Он ни во что не вмешивался, в корпуса не заходил, пленных ближе, чем на несколько шагов, не подпускал. Как только начинало темнеть, немедленно исчезал».* Фактически руководил лазаретом один из военнопленных, москвич, до войны сотрудник Госторга Борис Александрович («коренастый чернобородый человек в белом полушубке»): *«Он всем командовал, всегда очень толково, требовал порядка, ладил с главным врачом (тоже военнопленным). На коменданта лазарета никакого внимания не обращал. Когда же в лазарет являлись разные немецкие военачальники, держался с чувством достоинства, своим обычным голосом свободно говорил с ними по-немецки».* Фамилия этого человека осталась, к сожалению, неизвестной, за глаза военнопленные называли его «греком». Видимо, он вел какие-то хозяйственные дела в лазарете, в том числе подавал данные о количестве пленников, заказывая «питание». Имел отдельное отапливаемое помещение для работы – «контору». Каждый вечер медики сообщали ему сведения за сутки – о количестве больных, поступивших в лазарет, и количестве умерших, о том, какие произошли «ЧП». Все эти данные «грек» записывал. Количество умерших узников он регулярно уменьшал, чтобы увеличить довольствие для живых. Сводки об умерших подавал на несколько дней позже, чтобы подкормить особо нуждающихся – шел на явный смертельный риск.

Борис Александрович особенно тесно общался с военнопленными, работавшими в сапожной мастерской при лазарете. Официально сапожники чинили обувь немцам, и те расплачивались с ними продуктами. Однако, как сообщает С. И. Анваер, случайно узнав об этом, они чинили и обувь военнопленных «и через своих людей обували самых разутых. Помогали и с едой».

Видимо, «грек» вел подпольную деятельность, был связан с партизанами. Немцы схватили этого смелого мужественного человека и зверски расправились с ним, повесив его

около сапожной мастерской, запретив снимать его тело. «Сапожников арестовали и куда-то увезли», – сообщает С. И. Анваер.

Зимой 1942 г. «Дулаг-184», как и все лагеря для советских военнопленных, находящиеся на территории СССР и в странах Третьего рейха, охватила повальная эпидемия дизентерии и сыпного тифа. В лазарете № 1 поначалу была предпринята попытка изолировать сыпнотифозных больных в отдельном бараке, обнесенном двумя рядами колючей проволоки, на которую повесили табличку «Тифус» с нарисованными черепом с костями. С больными заперли молодую женщину-врача (по словам С. Анваер, она чудом выжила) и нескольких человек медперсонала. Из барака никого не выпускали, и слухи о нем ходили самые страшные. По воспоминаниям старожилов, таким «баракком» могло фигурировать самое непрезентабельное во всей довоенной больнице деревянное здание, где перед войной размещались больничный красный уголок и гинекология. Тем более что оно находилось в определенном отдалении от остальных зданий. Но тем не менее эпидемия распространилась по всей остальной территории лазарета.

«Смертность от сыпняка, – пишет С. И. Анваер, – была колоссальная. Больные старше 35–40 лет умирали все. Многие, уже перенесшие сыпняк, умирали от истощения. На лагерном пайке у них просто не хватало сил для восстановления после невольной голодовки во время болезни. Бывший сыпнотифозный барак уже не был изолирован от остальной территории лазарета, за время эпидемии весь лазарет стал сыпнотифозным»

Почти во всех воспоминаниях многих бывших узников «Дулага-184» сообщается о перенесенном ими в лагере сыпном тифе (воспоминания Г. А. Хольного, Е. Г. Посохина и др.). Минчанин А. М. Петербурцев в своих воспоминаниях также пишет: «В марте 1942 г. в центральном лагере военнопленных г. Вязьма, где я находился, всюду свирепствовал сыпной тиф. Через десять дней повторного пребывания в этом лагере заболел сыпным тифом и я. Меня отправили в изолятор для больных тифом военнопленных»^[141].

Немцы панически боялись массовых эпидемий, поэтому во всех трех лазаретах в Вязьме были созданы дезинфекционные камеры, изоляторы, инфекционные бараки. К Спискам погибших военнопленных приложены списки работников дезинфекционных камер 2-го и 3-го лазаретов – по 3–4 человека в каждом, в составе военфельдшера (зав. делопроизводством дезинфекционной камеры, зав. дезкамерой), санитар-дезинфектора, рабочих-дезинфекторов, дезинфектора-банщика^[142].

Список Приложение к № 1634

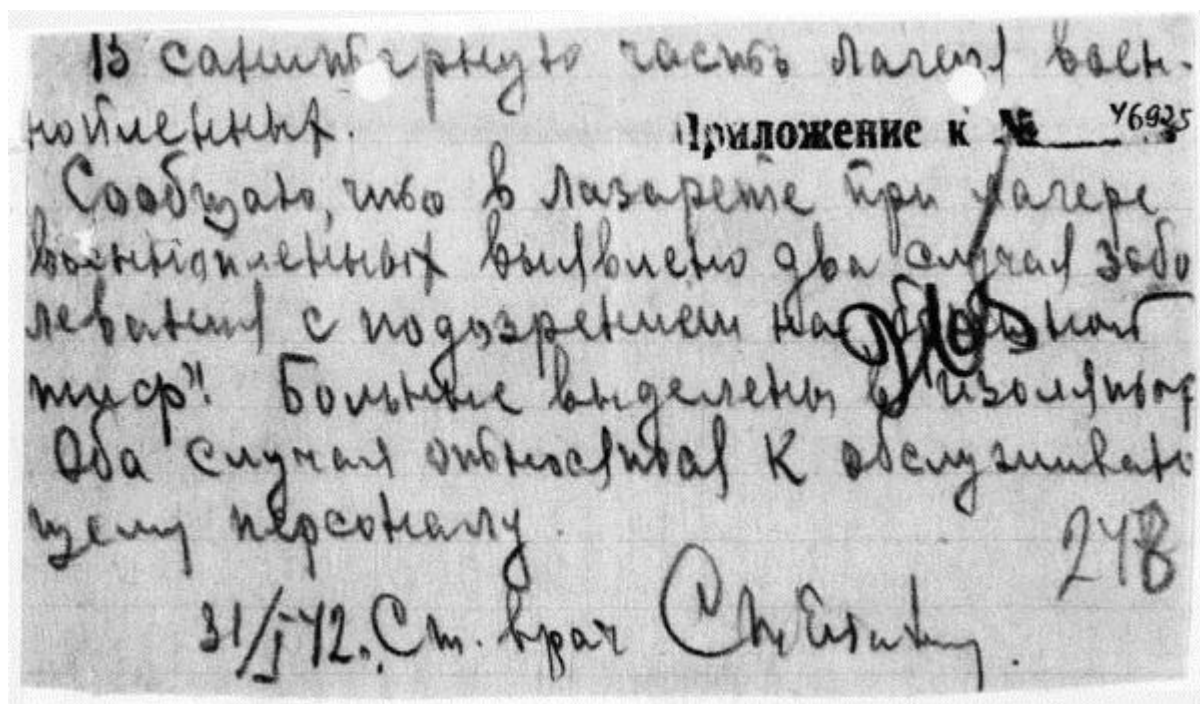
работников дезинфекционной камеры
лазарета № 3

1	Григорьев, Иван	Специалист	Выполняет работу
2	Атчисово		
3	Бессеев Фредер Бессеевич	Контроль формальдегид	Зав. камерой
4	Данюченко Дмитрий Иванович	Контроль работы	Работник камеры
5	Ромков Александр Павлович	Контроль работы	Работник камеры

А. М. Петербурцев
г. Вязьма

Список работников дезкамеры лазарета № 3. 14.03.1942 г

Врачи лазаретов сообщали немцам о случаях страшных болезней: «В санитарную часть лагеря военнопленных. Сообщаю, что при лазарете при лагере военнопленных выявлено два случая заболевания с подозрением на брюшной тиф. Больные выделены в изолятор. Оба случая относятся к обслуживающему персоналу. 31.01.1942. Ст. врач «фамилия врача неразборчива» лазарета № 1»^[143].

Сообщение о заболевании узников брюшным тифом в лазарете № 1. 31.01.42 г.

Обращает на себя внимание последняя строка донесения: несомненно, что первым попадал под угрозу заражения смертельными инфекционными болезнями медицинский персонал лазаретов – от врачей до санитаров.

Один из изоляторов, по воспоминаниям узников, находился в Вязме по соседству со сгоревшим маслобойным заводом. Военнопленные вспоминают: «В изоляторе нас, больных тифом, было человек 70. С нами находились два врача из советских военнопленных, тоже переболевшие тифом. Изолятор представлял собой обыкновенный барак с нарами. Лечения не было никакого, так как не было медикаментов. Врачи после болезни ослабли, но все время были на ногах, стараясь облегчить наши страдания, – подавали поесть, попить, укрывали, чем могли, поддерживали морально. А питание было такое же скудное, как и в лагере. Каждую ночь умирало по 3–4 человека»^[144].

Список умерших в лазарете № 1 в лагере № 328

(Полное наименование)

Д П О М Е С Я Ц А И Д Н Я 328

№ п/п	Имя	Дата рождения	Место рождения	Дата смерти	Место смерти	Всего за месяц	Итого за лагерь
1	Васильев А. П.	1891	г. Иваново	20.01.42	г. Иваново	1	1
2	Семенов И. И.	1904	г. Иваново	21.01.42	г. Иваново	1	1
3	Колесников А. А.	1904	г. Иваново	22.01.42	г. Иваново	1	1
4	Варюков П. П.	1908	г. Иваново	23.01.42	г. Иваново	1	1
5	Сидоров И. И.	1913	г. Иваново	24.01.42	г. Иваново	1	1
6	Захаров И. И.	1921	г. Иваново	25.01.42	г. Иваново	1	1
7	Домашнев И. И.	1909	г. Иваново	26.01.42	г. Иваново	1	1
8	Сидоров П. П.	1909	г. Иваново	27.01.42	г. Иваново	1	1
9	Корнилов И. И.	1890	г. Иваново	28.01.42	г. Иваново	1	1
10	Матвеев М. М.	1914	г. Иваново	29.01.42	г. Иваново	1	1
11	Васильев П. П.	1917	г. Иваново	30.01.42	г. Иваново	1	1

С Ч Е Т

П Р И Х О Д				Р А С Х О Д							
Дата поступления	От кого поступило	№ и дата фактуры	Количество	Расход по месяцам							
				1	2	3	4	5	6	7	8
Остаток на 1-е				I. Январь							
2	Ушинов С. С.	1903 г. р. ф.	общее изд. ор.								
3	Сидоров И. И.	1912 г. р. ф.	тоже								
4	Ушаков С. С.	1898 г. р. ф.	тоже								
5	Захаров И. И.	1908 г. р. ф.	тоже								
6	Мещеряков И. И.	1903 г. р. ф.	тоже								
7	Давыдов И. И.	г. р. ф. Кавказ	тоже								
8	Сидоров И. И.	1915 г. р. ф.	общее изд. ор. ф. ф.								
9	Ширшов С. С.	1913 г. р. ф.	тоже								
10	Сидоров И. И.	г. р. ф.	тоже								
				II. Февраль							
				III. Март							
				IV. Апрель							
				V. Май							
				VI. Июнь							
				VII. Июль							
				VIII. Август							
				IX. Сентябрь							
				X. Октябрь							
				XI. Ноябрь							
				XII. Декабрь							

Итого за месяц: 11

Итого за лагерь: 11

Списки узников, умерших 6 января 1942 г. в лазарете № 1

Бывшие военнопленные отмечают, что в инфекционных бараках также содержались крестьяне из деревень, находящихся в партизанских зонах. Их немцы забирали в тифозные изоляторы насильно, чтобы они не шли в партизаны.

Распространение эпидемического сыпного тифа в немецких лагерях военнопленных среди массы людей вызывали вши. Это был страшный омерзительный бич для несчастных людей, которые на протяжении длительного времени были лишены возможности помыться, постирать или сменить одежду. В некоторых лагерных документах в качестве одной из причин физической гибели человека наряду с истощением называется педикулез. Страшно представить! *«Поскольку с самого начала войны вот уже на протяжении пяти месяцев мы не имели возможности ни сменить нательное белье, ни постирать его (а на себя мы надевали все, что имели, чтобы спастись от холода), количество вшей в одежде было неисчислимо. Основным нашим занятием в изоляторе была борьба с насекомыми. С утра до вечера все мы, тифозники, кроме тех, кто еще был в кризисном состоянии, занимались одним делом – уничтожали вшей в одежде. Во второй половине марта 1942 г. меня вернули из изолятора в лагерь как выздоровевшего и имеющего возможность работать. Истощенный до предела, на подгибающихся от слабости ногах, без волос (они все выпали), я был на пороге голодной смерти»* (из воспоминаний А. М. Петербурцева) ^[145].

Сыпной тиф был не единственным инфекционным заболеванием в лагере: так, известно, что в лазарете № 3 было кремировано 6 заключенных с признаками гибели от холерного заболевания.

Еще одна новая причина болезни и гибели людей – обморожение: ранние жестокие холода, зимнее время, отсутствие какой-либо обуви и теплой одежды, губительная транспортировка и пешие перегоны по снегу, неотопливаемые ледяные помещения.

Но уже с января 1942 г. на первом месте по причинам смертности становятся не огнестрельные ранения и контузии, полученные в боевой обстановке, хотя они никуда не делись (люди по-прежнему поступали в лагерь с мест боев, продолжали умирать от незалеченных ран, заражения крови), не эпидемические заболевания, а крайнее истощение узников, связанные с этим тяжелые желудочные болезни, такие как колит, гемоколит, дизентерия, энтероколит – из-за многонедельного голода и нечеловеческих условий существования.

К сожалению, в вяземском лагере причины гибели людей в ежедневных списках умерших не указывались, как это практиковалось во многих других лагерях военнопленных на оккупированной территории СССР, в лагерях Германии, Финляндии и др. Видимо, этот запрет исходил от немецкого руководства «Дулага-184». Исключение составляют некоторые списки лазарета № 1, где военврачом Е. Г. Посохиним указывались **основные причины гибели людей**: так, 5 января 1942 г. в лазарете № 1 умерло: 17 человек от гемоколита и 5 – от общего истощения. 9 января 1942 г. в том же лазарете погибло 32 человека: общее истощение – 15, гемоколит – 8, сепсис (заражение крови) – 2, кахексия (общее истощение) – 5, колит, обморожение – 1, понос, кахексия – 1.

Среди документов лазарета № 2 было обнаружено письмо главного врача лазарета № 2 М. Ю. Чуловского немецкому «руководству» лагеря о необходимости улучшения питания больных: *«В „Дулаг-184“. На 30 августа в лазарете № 2 имеются 159 больных очень ослабевших, остро нуждающихся в дополнительном питании. Д-р Чуловский, Главный врач лазарета № 2. г. Вязьма, 30.8.42»* ^[146]. Письмо было написано доктором с риском для собственной жизни во имя спасения умирающих беспомощных людей.

15 Дулаг 1-84.
 Приложение № 46925
 На 30ое августа в лазарете № 2
 камерный 159 болевая ожег ослабевший
 остроконжающийся в доопишлвд 190
 мнжанин.
 В. Велька
 30.8.42.
 Главный врач лазарета № 2.

Записка М. Ю. Чуловского. 30.08.42 г

О медиках вяземских лагерей смерти, лазаретов «Дулага-184»

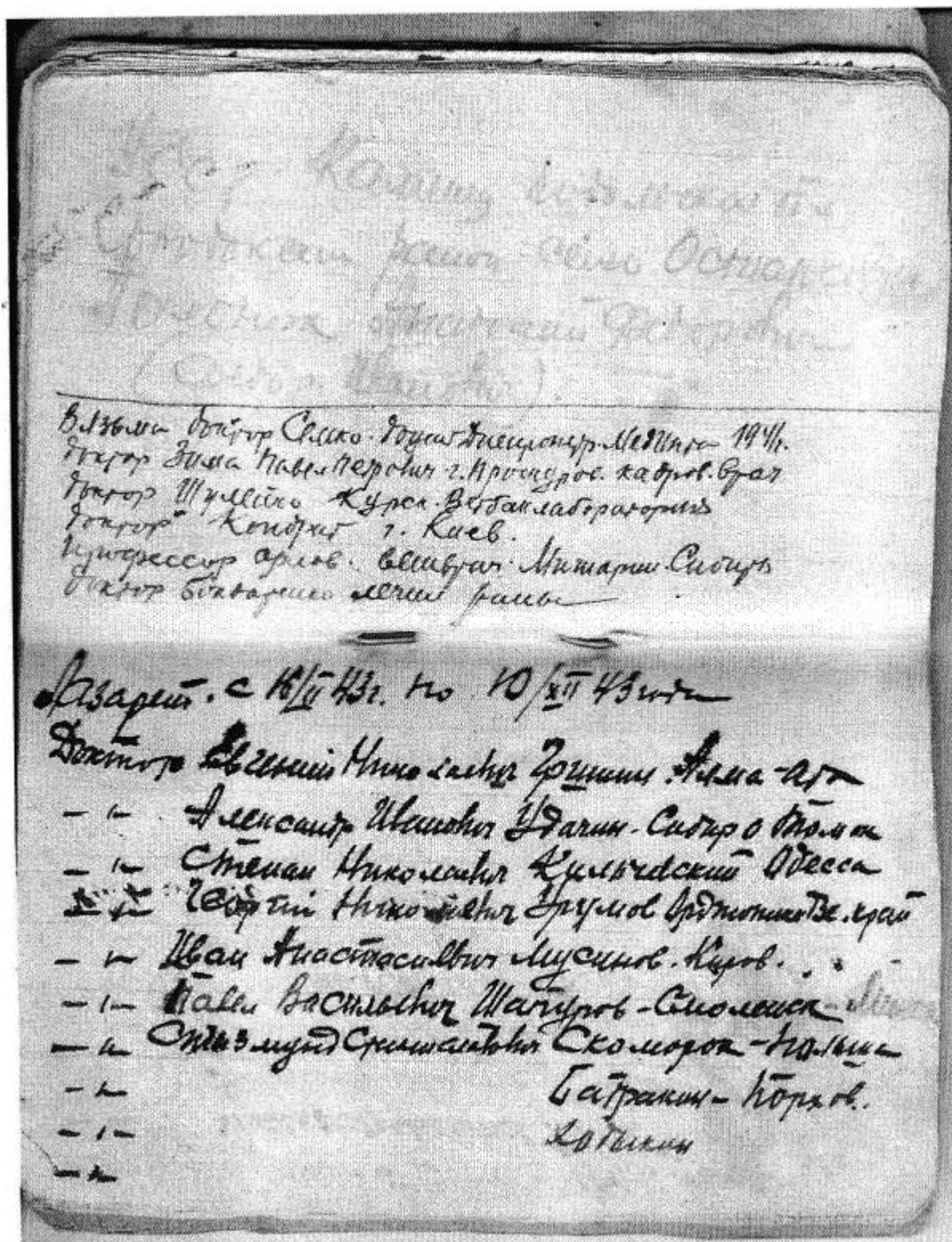
Главными врачами лазаретов, как удалось установить поисковикам, были: в лазарете № 1 – начальник операционного взвода 235-го медико-санитарного батальона 134-й стрелковой дивизии Илларион Иванович Семко (г. Днепропетровск), военврач 3-го ранга начальник эвакуприемника № 606 19-й армии Евгений Григорьевич Посохин (г. Омск), военврач 2-го ранга начальник заразного отделения 453-й полевой ветеринарной лаборатории Никифор Феокистович Шулейко (г. Курск). Еще несколько подписей главных врачей лазарета № 1 прочесть не удалось. Во 2-м – военврач 1-го ранга Михаил Юрьевич Чуловский (г. Москва), военврач 2-го ранга дивизионный врач 251-й сд 30-й армии Захарий Петрович Олещенко (г. Харьков). В лазарете № 3 – военврач 3-го ранга 84-го омсб 158-й сд Владимир Иванович Филимонов (Сталинградская область) и, как мы предполагаем, военврач 3-го ранга старший ординатор корпусного госпиталя 21-го стрелкового корпуса Николай Иванович Игнатов (г. Омск). По воспоминаниям военврача Е. Г. Посохина, в лагере военнопленных (видимо, так же, как и он, в лазарете № 1) находились: военврач 2-го ранга старший врач 791-го сп 131-й сд Павел Петрович Зима (г. Проскуров), военврач 214-го сп Георгий Дементьевич Кондрат (г. Киев), военврач I-го ранга хирург-консультант 19-й армии Западного фронта Алексей Федорович Орлов (г. Краснодар), «ветврач Мишанин, Сибирь; доктор Бондаренко, лечил раны»^[147] ^[148].

Часть имен медицинского персонала «Дулага-184» поисковикам удалось выяснить благодаря «расшифровке» подписей врачей под списками умерших, часто весьма неразборчивых, последующей работы с документами ОВД «Мемориал» и при скрупулезной проработке всего массива списков. Часть – при ознакомлении с документально-художественной и мемуарной литературой о лагерях военнопленных в Вязьме.

Кроме того, в руки поисковиков попали крайне редкие документы – дневники и воспоминания о вяземском и других лагерях военнопленных, через которые пришлось пройти, о своих товарищах в немецкой неволе военврача 3-го ранга Евгения Григорьевича Посохина из г. Омска. В вяземский лагерь он попал раненным в ноги при прорыве из окружения 19-й армии у с. Богородицкое под Вязьмой и с 9 октября 1941 г. по 10 мая 1942 г. находился в лазарете № 1. Был не только врачом, но и медицинским писарем – именно его

рукой написаны почти все списки умерших солдат, по которым продолжают работать поисковики. Исключительно благодаря дневникам Е. Г. Посохина удалось выяснить многие имена военврачей вяземских «дулагов».

Список военврачей лазарета № 1 из записной книжки Е. Г. Посохина

Также в распоряжении поисковиков оказались документы семейных архивов и личных дел некоторых военврачей, их автобиографии, воспоминания родственников.

При проработке архивных документов выяснилось, что в лазарете № 1 трагически окончили свои дни советские военные медики и работники лазарета:

– Пороховник Яков Григорьевич, врач-ординатор 136-го ППГ 61-го ск (детский врач до войны), 1886 года рождения. Госпиталь № 136 находился непосредственно в самой Вязьме, не успел или не смог эвакуироваться и был, по-видимому, захвачен фашистами. Я. Г. Пороховник умер 18.01.1942 г. в лазарете № 1 (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1220. С. 468).

– Самойлов Дмитрий Дмитриевич, 1907 г. р., уроженец с. Чанки Коломенского р-на Московской области – ст. военветфельдшер 5-й тд, помощник оперуполномоченного ОО НКВД Ветеринарный Центр 20-й армии Западного. Считался пропавшим без вести в октябре 1941. Умер 21.01.1942 г. в лазарете № 1. (Там же. Л. 451; Ф. 33. Оп. 11458. Д. 637. Л. 107).

– Тимашев (Тимашеев) Иван Васильевич, ст. военфельдшер 419-го отд. батальона связи 19-й Армии, 1894 года рождения, русский, уроженец г. Ростов-на-Дону. В КА с 1918 по 1937 г. и с 1941 г. Умер 28.01.1942 в лазарете № 1. (Там же. С. 419). Увековечен в Книге памяти Ростовской области (т. 14, кн. 1).

– Горлов Иван Петрович, 1923 года рождения, уроженец с. Азаровка Стародубского района Орловской области – военветфельдшер 925-го артполка 21-й гв. сд. По документам: «20.08.1942 не прибыл в вет. отдел из р-на дислокации 1-го эшелона 39-й армии». (Там же. Д. 62, Донесение о безвозвратных потерях № 27676 от 13.10.1942 Вет. упр. КА). Погиб 24 августа 1942 г. в лазарете № 1.

– Ильин Никита Андреевич, санинструктор 21-го запасного стрелкового полка, 1914 года рождения, уроженец дер. Лапушинка Шегарского р-на Новосибирской обл. Последнее письмо было написано им 30.09.1941 – Калининский фронт, г. Зубцов (входящее донесение 46925с-1947 г.). Погиб 12.01.1942 в лазарете № 1 (Там же. Д. 410. С. 36).

– Шишков Николай Петрович, 1902 года рождения, уроженец г. Твери (г. Калинин), по другим источникам – г. Казани, ст. военфельдшер санроты 501-го сп 162-й сд. Умер 24.01.1942 в лазарете № 1. Увековечен в Книге памяти Республики Татарстан (т. 13) и Книге памяти Тверской области (т. 1).

Из Российского военно-исторического архива получены сведения о военвраче 3-го ранга командире медвзвода начальнике медсанчасти 14-го медсанбата 14-й тд 20-й армии Мелентьеве Андрее Ивановиче, 1903 г. р.: «Находился в окружении в районе городов Дорогобуж и Вязьма с 06.10.1941 по 14.10.1941. В плену был с 14.10.1941 по 12.03.1943 в Вязьме и Рославле, работал в лазарете. С 12.03.1943, видимо после побега, жил на оккупированной территории до прихода Красной армии».

В документах Нюрнбергского процесса приводятся свидетельские показания советских врачей А. Н. Смирнова, А. Н. Лазунова, А. М. Демидова, А. С. Погребнова, в частности о чудовищном расстреле гитлеровцами осенью 1941 г. по дороге из Вязьмы в Смоленск тысяч перегоняемых военнопленных^[149]. Возможно, некоторые из этих врачей, попавших в плен при прорыве из окружения в октябре 1941 г., находились в одном из немецких пересыльных лагерей Вязьмы.

В газете «Известия» от 06.04.1943 в статье «Злодеяния над советскими военнопленными» упоминаются имена хирурга В. Н. Раздершина, военврача 3-го ранга, Евгения Александровича Михеева (г. Москва) и их свидетельства о положении узников «Дулага-184».

В лазарете № 1 с декабря 1941 г. по март 1942 г. работала медсестрой, как отмечалось выше, Софья Иосифовна Анваер. Ее напарницей в лазарете, как пишет Анваер, была зубной врач Маруся Карасик, позже отправленная фашистами в гетто, что означало только одно – смерть. В число медиков лагеря необходимо включить молодого фельдшера из Тюменской области Александра Петровича Тетцова, 1921 г. р., после войны не раз приезжавшего в Вязьму в поисках своих товарищей. А. П. Тетцов написал удивительные воспоминания о госпитале для советских раненых в д. Тихоново Вяземского района, где он с несколькими

медсестрами при поддержке местных жительниц *больше месяца* лечил оставленных в окружении раненых бойцов. После разгрома немцами госпиталя вместе с оставшимися ранеными А. П. Тетцов попал в Вяземский лагерь военнопленных, дважды бежал оттуда и впоследствии принимал самое активное участие в партизанском движении в Белоруссии, имел боевые ордена и медали.

По воспоминаниям председателя Совета ветеранов 2-й сдн г. Москвы Ирины Трифоновны Филатовой, в лагере работал военврач «Масепкин из Нижнего Новгорода» (следы его найти не удалось). Сама И. Т. Филатова – 18-летняя медсестра – попала в «Дулаг-184» контуженной, со штыковым ранением колена. Но девушка смогла бежать из колонны пленников при перегоне в Смоленск.

В «Дулаге-184» находилась Мария Алексеевна Фавстова (Травинова), 1921 г. р., медсестра 38-го сп 13-й сдн Ростокинского р-на г. Москвы.

Сохранились свидетельства о враче Никифорове, потерявшем рассудок от происходящего в лагере ужаса (Книга памяти мирных жителей (вступительный том). Солонское областное книжное изд. «Смядынь», 2004).

Только по лазарету № 1 нам стали известны имена более 20 медиков. И, как выяснилось, некоторые из них смогли вернуться из плена домой.

Все без исключения военврачи «Дулага-184», как видно из приведенных документов, – высококвалифицированные кадровые врачи, с большим стажем практической работы, призванные в армию из разных регионов Советского Союза, мужественные и сильные духом люди, спасавшие своих раненых и больных в невыносимых условиях сначала вяземского окружения, оборонительных боев Красной армии на Московском направлении, а затем фашистского плена, делавшие по возможности спасительные операции раненым, готовящие им побег или перемещение в другие лагеря.

Практически во всех воспоминаниях бывших узников «Дулага-184» говорится о самоотверженной работе медперсонала лазаретов «Дулага-184».

Борис Иванович Шлячков, в 1941 г. – семнадцатилетний боец 2-й сдн г. Москвы, оказавшийся в Вязме в одном из захваченных фашистами советских госпиталей в помещении школы с тяжелым ранением, рассказывал: *«Меня оперировали без наркоза. Несколько месяцев я лежал только на спине, не мог перевернуться даже на бок: нога была закована в гипс, как в валенке. Помирало в госпитале много солдат, особенно раненных в живот, грудь. Кто выживал – тех отправляли в лагерь военнопленных»*^[150]. Ногу врачи Борису Шлячкову спасли, и потом, уже в Чехословакии, ему удалось бежать из плена и воевать с гитлеровцами до конца войны.

Несмотря на отсутствие должных условий, лекарств и медикаментов, врачи тем не менее, как могли, выполняли свой профессиональный и человеческий долг. О напряженной работе военврачей и всего обслуживающего персонала можно судить на примере смоленского лазарета (смоленский лагерь военнопленных «Дулаг-126»). Хирург А. И. Чижов вспоминает, что медикам приходилось работать с 5 часов утра до 11 часов ночи. В конце декабря 1941 г. был день, когда пришлось сделать около 2000 перевязок. Количество хирургических больных колебалось от 200 до 4000. Порой хирургам приходилось проводить до 60 операций в день. В хирургические отделения поступали с наиболее тяжелыми ранениями: слепые и проникающие, сквозные ранения грудной клетки, ранения брюшной полости, ранения головы, глаз, лица, челюстные, с нарушением целостности костей и суставов и др.^[151]. Такая же напряженная работа по спасению раненых, насколько возможно, велась пленными советскими врачами в лагерях Вязьмы.

По воспоминаниям военврача санитарной роты 902-го сп 248-й сд Алексея Сергеевича Шубина, в «Дулаге-184» «советские медики создали подпольную группу для спасения пленных». Некоторые из них, в том числе и Алексей Шубин, владели немецким языком и поэтому старались обманывать своих врагов. Через лазареты проходили тысячи людей, и от врачей лазаретов во многих случаях зависела их дальнейшая судьба. Зная, кого немцы

собираются уничтожить, врачи меняли фамилии этим людям или писали в списках, что данный пленный уже умер – так удалось спасти десятки людей^[152].

В письме А. И. Микояну Германа Германовича Баумана, в 1941 г. студента истфака МГУ, с началом войны вступившего в ряды народного ополчения (975-й ап 8-й сдно Краснопресненского р-на г. Москвы), сообщается, в частности, что он за бегство из плена в 1942 г. отбывал наказание в штрафной роте (каторжное отделение) лагеря в г. Вязьме. «Только болезнь и перевод в санчасть (так спасали людей наши врачи) избавили меня от смерти»^[153]. Спасал от гибели людей главный врач лазарета № 2 М. Ю. Чуловский. Из рассказа сына М. Ю. Чуловского Олега Михайловича: *«Он, как мог, облегчал жизнь и страдания военнопленных, даже в тех условиях оперировал, лечил, при первой возможности записывал наших офицеров и солдат, которым грозила гибель, как умерших, а потом организовывались их отправка в другие лагеря, побеги»*^[154].

Известны факты отказа советских военврачей лечить немецких солдат. Так, по воспоминаниям Б. И. Шлячкова, этапированного немцами из вяземского лагеря в «шталаг» Молодечно (Белоруссия), в здании госпиталя в Вязьме, где он находился до этого, немцы хотели сделать ремонт и разместить там своих солдат. *«Всех неходячих вывезли и расстреляли, а врачей наших собрали и предложили им лечить немцев. Отказались наши. Немцы врачей тоже расстреляли, местные говорили»*^[155]. В Смоленском лагере военнопленных, куда после вяземского «Дулага-184» попал военврач 1-го ранга А. Ф. Орлов, ходила молва, воодушевлявшая наших бойцов: *«Здесь профессор Орлов, его немцы приглашают оперировать своих раненых, но он отказывается. В лагере возникла антифашистская группа, устанавливается связь со смоленским подпольем. В санпропускнике для тифозных больных, созданном военврачом Яковенко, пленные летчики собрали радиоприемник, и подпольщики тайно слушали и распространяли сводки Совинформбюро. По заданию группы Яковенко вместе с врачом А. П. Петровым разрабатывает план массового побега пленных из лагеря, который успешно осуществляется»*^[156].

В работах многих историков, в том числе немецких, отмечается, что наиболее благоприятные условия для сопротивления в лагерях давали именно лазареты, больничные бараки, а также рабочие команды – центры информации и очаги волнений.

Обращение с советскими пленными врачами в фашистских лагерях было ужасным, как и со всеми пленниками, – избиения, издевательства, расстрелы, передача в гестапо, болезни. Страшно читать в воспоминаниях М. М. Шейнмана слова: «немецким солдатом был избит врач Собстель», другой фашистский выродок садистски избивал «детского врача Беленького» из Москвы (доктор умер в «офлаге» в Кальварии, Литва). Или читать в воспоминаниях Е. И. Посохина перечень его страшных болезней в немецком плену – сыпной тиф, туберкулез легких, ишиас, артрит, ларингит, или зловещую приписку в 1944 г. в немецкой карте военнопленного врача М. И. Шипицына из г. Омска – после войны ведущего врача-онколога Сибири: «Инвалид, не годен к военной службе»...

Жестоко были избиты и брошены в карцер с бетонным полом после неудачного побега из смоленского «Дулага-126» военврачи А. Ф. Орлов, М. И. Яковенко и другие, затем заключенные в «дом смертников». Это не помешало им повторить побег и прорваться через линию фронта к своим.

Необходимо отдельно сказать о положении врачей-евреев. Из воспоминаний Михаила Шейнмана: «Среди немногих евреев, которых я встречал в плену, были врачи, попавшие в окружение вместе с госпиталями и ранеными. Некоторые попали в плен тяжелоранеными, истекая кровью, на поле боя. Военнослужащие-евреи знали, что у немцев их ждет мучительная смерть. И если, тем не менее, они попадали в плен, то лишь в силу чрезвычайных обстоятельств. В конце 1941 г. я находился в „госпитале“ для военнопленных в Вязьме. Как-то в декабре в палату пришел санитар и сообщил: „Немцы ищут евреев“». Недалеко от меня на нарах лежал военный врач, до войны начальник железнодорожной поликлиники в Калуге, доктор С. Лабковский^[157]. Он попал в окружение и, выходя из него,

отморозил обе ноги, так что пальцы на ногах отвалились. Его ноги представляли собой кровавые обрубки. Он не мог передвигаться даже на костылях. Немцы узнали, что он еврей. Вечером пришли шесть немцев и велели ему немедленно собраться, тяжелобольного, его увезли. В тот же день увезли всех больных, в которых немцы заподозрили евреев. Арестовали и увезли также врачей, фельдшеров и медицинских сестер – евреев. Все знали, что их ожидает: пытки, мучения, смерть»^[158]. Внучка С. Э. Лабковского Ольга Викторовна Мирошниченко (г. Харьков) со слов своего отца дополняет рассказ М. Шейнмана: «До войны мой дедушка работал начальником железнодорожной больницы в Калуге. Когда началась война, ему как врачу дали бронь. Его друг и коллега в то время, был болен, и дедушка отдал ему бронь, а сам добровольцем ушел на фронт...»^[159].

Большинству военврачей вяземских лагерей в 1941 г. было около 40–50 и даже более лет, некоторые из них прошли широкую медицинскую практику еще в годы Первой мировой и Гражданской войн, событий на Халхин-Голе, войны с Финляндией, были награждены правительственными наградами. Так, А. Ф. Орлов в 1938 г. был награжден орденом Ленина, медалью XX лет РККА. В Красной армии в 1918–1925 гг. и с 1932 г. Попал в немецкий плен при прорыве 19-й армии из вяземского окружения в октябре 1941 г. Два месяца работал в качестве хирурга в лазарете № 1 в Вязьме, затем в смоленском «Дулаге-126». После побега попал в партизанскую бригаду, был врачом, затем – старшим военфельдшером отдельного штурмового батальона. После спецпроверки – ведущий хирург госпиталей на Ленинградском и Белорусском фронтах. Награжден боевыми орденами и медалями^[160].

До войны имели самые мирные профили врачебной деятельности: А. Н. Игнатов, А. Ф. Орлов, М. М. Собстель, И. Ф. Шипицын – опытные хирурги, М. Ю. Чуловский – врач-гинеколог, Я. Г. Пороховник и М. Н. Беленький – детские врачи, Е. Г. Посохин имел высшее ветеринарное образование, А. Г. Олещенко и А. С. Шубин – врачи-терапевты. Многие из них уже до войны занимались научной работой.

Военврачи вяземского лагеря, чудом пережившие фашистский плен с самого начала войны и вернувшиеся на родину, успешно трудились в отечественной медицине, пользовались огромным уважением и любовью своих коллег и пациентов. Многие из них как в довоенное, так уже и в мирное время защитили научные диссертации, стали кандидатами и докторами медицинских наук, светилами отечественной медицины. Их имена упоминаются в Кратком биографическом справочнике «Военные врачи – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Алексей Сергеевич Шубин после войны успешно продолжил медицинскую карьеру. Вместе с выдающимся советским хирургом-онкологом академиком Николаем Николаевичем Блохиным стоял у истоков создания Института экспериментальной и клинической онкологии при Академии Медицинских наук СССР, где и проработал всю дальнейшую жизнь. Стал кандидатом медицинских наук. Одним из первых в СССР применил метод электронной микроскопии. По итогам выполненных исследований опубликовал 46 научных работ. Щедро передавал накопленный опыт другим. Михаил Михайлович Собстель с 1946 по 1953 гг. работал ассистентом на кафедре оперативной хирургии и топологической анатомии в Новосибирском медицинском институте. В 1954 г. в г. Томске защитил кандидатскую диссертацию, был избран на должность доцента кафедры анатомии. Алексей Федорович Орлов с января 1946 г. работал ассистентом кафедры общей хирургии Кубанского медицинского института в родном Краснодаре. Мстислав Владимирович Яковенко после войны возвратился к проблемам промышленной санитарии и своим самоотверженным трудом снискал авторитет видного деятеля отечественной медицины. Алексей Николаевич Игнатов с 1953 г. становится главным врачом Омского клинического онкологического диспансера. В этом же диспансере другой замечательный врач Иван Филиппович Шипицын заведовал хирургическим отделением и был главным онкологом Омской области, известным далеко за ее пределами. Много лет заведовал после войны кафедрой фармакологии Самаркандского медицинского института, а затем Кубанского медицинского института (с 1958 по 1974 г.) Иван Эммануилович Акопов (1906–1989), известный советский

ученый-фармаколог, доктор медицинских наук, профессор, исследователь лекарственной флоры СССР, автор сотен научных трудов, изобретатель новых лекарственных средств. Подготовил около 40 кандидатов и 10 докторов наук.

Продолжил работу в Москве во Всесоюзном институте акушерства и гинекологии на Пироговке в Москве выдающийся «женский врач» (или, как его называли, «женский бог») Михаил Юрьевич Чуловский. К нему ехали женщины с проблемами материнства со всей страны.

Алексей Григорьевич Посохин, вернувшись после войны в Омский научно-исследовательский ветеринарный институт, уже в 1948 г. успешно защитил в Москве диссертацию на степень кандидата ветеринарных наук. Работал в Красноярской научно-ветеринарной станции на должности старшего научного сотрудника, а позднее и заместителя директора по науке. Позднее, переехав по состоянию здоровья на юг, работал в должности заведующего отделом болезней птиц и заместителем директора по научной работе Ставропольской НИВС до ее закрытия. Затем – в Пятигорской межобластной ветеринарной лаборатории по борьбе с болезнями птиц, где со своими помощниками создал «экранный агглютиноскоп», который был внедрен в производство, за что получил авторское свидетельство государственного комитета по делам изобретений и открытий СССР. В Краснодарской ветеринарной станции занимал должность заместителя директора по науке. Список научных и литературных трудов Евгения Григорьевича Посохина насчитывает 48 пунктов, из них – две книги.

Имена врачей с благодарностью называли в своих воспоминаниях бывшие узники «Дулага-184». Из воспоминаний Михаила Шейнмана: «*В Вязьме врачи Редькин и Собстель укрывали меня, раненого и больного, от немецких ищущих, врач Шеклаков А. Д. (Москва), Цветаев Н. М. (Кизляр), а также полковник Куринин С. И. (Москва) и другие укрывали меня в госпитале среди туберкулезных больных*»^[161].

Светлая благодарная память военврачам сороковых годов на все времена!

Воспоминания родственников советских военврачей, медиков, работавших в лазаретах «Дулага-184»

Отец был для меня олицетворением честности и порядочности

(Из воспоминаний Натальи Евгеньевны Канцуровой, дочери военврача 3-го ранга Евгения Григорьевича Посохина, главного врача и медицинского писаря лазарета № 1 «Дулага-184»)

Отец был для меня олицетворением честности и порядочности. Я его любила и уважала за ум, образованность и интеллигентность. У нас с ним были очень теплые, доверительные отношения. С ним я могла поделиться самым сокровенным и в его лице всегда находила понимающего друга и советчика.

Отец мало рассказывал о войне – наверное, тяжело было вспоминать те страшные годы. Помню, рассказывал о том, как попал в плен под Вязьмой, где наши войска попали в окружение. Был ранен, потерял сознание – очнулся, а перед ним стоят двое немцев с автоматами. Подняться не смог – обе ноги были прострелены. Пулю из одной ноги так и не удалось извлечь. Под старость ранение дало о себе знать – нога стала болеть, ходил с палочкой.

От сталинских лагерей отца спасло то, что он сохранил на протяжении всего плена заглавную страницу своего военного билета, которую зашил под подкладку.

О том, что отец проходил многочисленные проверки в лагерях, я узнала только недавно из старых документов, которые, к счастью, сохранились, несмотря на многочисленные

переезды нашей семьи. В его автобиографии есть целый абзац под названием «Прохождение проверок», который насчитывает пять пунктов. Это лагеря, военкоматы и управления НКВД.

На Усть-Ишимской Актюбинской линии группы Визитан
в составе Марши в составе Карши На должности
капитана Эвекотураника Якушевского Якушевского
то Лазаря и СОВ. Во время подготовки выезда из
Восточной округы был пленен в обе ночи, подорван
в Самарканде, перевозку медсанбату находил с
Кабулом был пленен на территории Восточной. После
этого был переведен в ст. Восточная в Русском лагере
вместе пленного.

Этапы плена.

С Июля 1941 г. по 10 мая 1942 г. находился в Лазаревском
лагере пленного в ст. Восточная где и задержан решением
команды того же лагере русскими войсками и пленен в
лагере в этом лагере вместе с остальными пленными
русскими из лагеря Лазаря. Вскоре, началось восстановление
содержания пленного, а позднее отплыл в лагерь, Москва
1942 г. был эвакуирован в Германию.

С 15 мая по 17 июня 1942 г. находился в переселенческом лагере
в ст. Шиняе. (Лазаря). После чего эвакуирован далее
в лагерь в Германию.

С 17 июня по 3 августа 1942 г. находился в общем лагере вместе
пленными ХВ в таборской области Германии.

Из автобиографии Е. Г. Посохина

После окончания войны по возвращении отец снова поступил на работу в Омский научно-исследовательский ветеринарный институт на должность младшего научного сотрудника, где и работал до войны. А уже в 1948 году в Москве успешно защитил диссертацию на степень кандидата ветеринарных наук. Тем не менее позднее отца уволили из СибНИВИ как бывшего военнопленного.

Думаю, что два факта из биографии отца – происхождение (сын священника, репрессированного и расстрелянного в 1937 году) и немецкий плен – играли роковую роль на протяжении всей его жизни.

Мне было два года, когда семья была вынуждена переехать в Красноярск. Отца взяли на работу в Красноярскую научно-ветеринарную станцию на должность старшего научного сотрудника, а позднее и заместителя директора по науке. Бывший в то время директором Борис Израилевич Пантер очень ценил отца. Семье сразу предоставили квартиру в том же двухэтажном рубленном доме, где и находилась ветеринарная станция. Жили трудно, голодно. Помню сорокаградусные морозы, многочасовые очереди в магазинах и пустые полки перед

началом навигации. Все с нетерпением ждали, когда вскроется ото льда Енисей. Как правило, это происходило ночью и сопровождалось шумом от ледяных торосов. Все радовались, это было событием.

Чтобы не голодать, приходилось держать животных – свиней, корову. Поскольку отец был занят на работе с частыми командировками по краю (куда брал иногда и меня), маме приходилось самой заботиться и о животных, и о кормах.

Были и светлые моменты жизни в этом суровом краю. Помню, на рынке в ряд стояли кадки с солеными груздями, мешки с кедровыми орехами продавались чуть ли не на каждом углу. Помню незабываемую поездку на теплоходе в заповедник «Красные столбы», поросшие лесом берега Енисея. Красота и богатство сибирской природы навсегда остались в моей памяти.

Здоровье отца было сильно подорвано в плену. Дирекция НИВС иногда выделяла путевки для лечения в санаториях Кисловодска. А в 1956 г. представилась возможность переезда на юг, в город Пятигорск. Отец прошел по конкурсу в Ставропольскую НИВС на должности заведующего отделом болезней птиц и заместителя директора по научной работе. Для него это было новым делом, поскольку в Красноярске он занимался болезнями крупного рогатого скота. В этот период отец возглавлял практическую работу по ликвидации инфекционных заболеваний птиц на Северном Кавказе.

В Пятигорске отцу также предоставили ведомственную квартиру во дворе станции, где жили и другие сотрудники. Курорт, теплый климат, обилие продовольствия, фруктов, винограда, минеральные воды – все это способствовало восстановлению здоровья, потерянного за время плена и в тяжелых климатических условиях Красноярска. Несмотря на это, папа часто болел. В основном беспокоило сердце, мучил ишиас. Будучи очень ответственным и занимающим высокие посты, отец допоздна засиживался на работе – писал отчеты, научные статьи. В документах отца нашла список научных и литературных трудов Посохина Евгения Григорьевича – он насчитывает 48 пунктов, из них две книги. После закрытия НИВС, работая в Пятигорской межобластной ветеринарной лаборатории по борьбе с болезнями птиц, отец со своими помощниками создал «экранный агглютиноскоп», который был внедрен в производство, за что получил авторское свидетельство государственного комитета по делам изобретений и открытий СССР.

Отца всегда тянуло к искусству, он очень любил музыку. В Пятигорск каждый год летом приезжали на гастроли оркестры Ленинградской, Московской филармоний под руководством знаменитых дирижеров – Константина Иванова, Кирилла Кондрашина, Одиссея Димитриади. Концерты проходили в парке в Летнем театре. Мы с папой были неизменными слушателями этих концертов. Бывали и на концертах Кисловодского филармонического оркестра под управлением Курта Зандерлинга.

Еще в юности отец мечтал стать музыкантом. Даже купил виолончель – свой любимый инструмент – и хотел поступать в музыкальный техникум, но там не платили стипендию. Это было тяжелое время гражданской войны и разрухи. Родители не могли помочь материально – в семье священника было шестеро детей. Пришлось выбрать ветеринарный институт, где платили стипендию. Это обстоятельство повлияло на выбор профессии. Но любовь к музыке осталась на всю жизнь. Папа хорошо играл на гитаре. После войны в Омске участвовал в художественной самодеятельности, где он познакомился с моей мамой – Масленцевой Марией Михайловной. Это был второй брак отца, так как с первой женой после войны отношения не сложились. От первого брака осталась дочь Клара, 1929 года рождения, с которой папа поддерживал отношения и помогал до конца своих дней.

Живя в Пятигорске, семья много путешествовала по городам Кавказских Минеральных Вод. Часто бывали в Кисловодске, Железноводске, Ессентуках. Несмотря на благоприятный климат Пятигорска, здоровье отца по-прежнему вызывало опасения. Беспокоило сердце и тяжелые приступы астмы. Папа всегда носил с собой ингалятор, без него не мог пройти и квартал.

Когда лаборатория и НИВС были закрыты и пришлось опять искать работу, выбор пал на Краснодар, где приступы астмы не так мучили отца. Пройдя по конкурсу в Краснодарскую ветеринарную станцию, отец занял должность зам. директора по науке. А я, закончив музыкальную школу в Пятигорске, поступила в Краснодарское музыкальное училище. Первое время жили с отцом на частной квартире, а мама оставалась в Пятигорске в ведомственной квартире, которую нельзя было поменять и при переезде пришлось оставить. А когда отец получил в Краснодаре однокомнатную квартиру в «хрущевке», то сразу поменял ее на двухкомнатную коммуналку в центре, но без удобств, побоявшись, что в тесной квартире с низкими потолками приступы астмы учащаются. В этой коммуналке ему и суждено было дожить до конца своих дней. И хотя дирекция НИВС все время обещала дать полноценную квартиру, этого, к сожалению, не случилось. После очередного отказа с отцом случился инфаркт. После тяжелой болезни папе пришлось уйти на пенсию.

Несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, отец не был озлобившимся, доброжелательно относился к людям, имел много друзей среди коллег по работе. Он был человеком увлекающимся. Еще живя в Пятигорске, увлекся резьбой по дереву, делал мебель. Отреставрировал старый буфет, створки которого украсил резьбой. Выйдя на пенсию, отец увлекся скульптурой. Познакомился и подружился с профессиональным скульптором, который делился с отцом секретами своего дела. Руками отца были созданы скульптуры дочери Клары, бюст любимого им певца Ф. Шаляпина, барельеф П. И. Чайковского, автопортрет. Надо сказать, что профессиональным скульптором был младший брат отца – Олег Посохин, погибший во время войны в Венгрии и похороненный в братской могиле.

После тяжелой, продолжительной болезни 12 ноября 1977 года папа скончался на 70-м году жизни. Дорогие моему сердцу воспоминания об отце останутся со мной на всю жизнь.

«Отец всегда говорил, что предателей среди них не было!»

(Из воспоминаний Олега Михайловича Чуловского, сына военврача 1-го ранга Михаила Юрьевича Чуловского, главного врача лазарета № 2 «Дулага-184»)

На войну отец ушел в ночь с 22-го на 23 июня 1941 г. Пришла повестка, и сразу в военкомат, ему выдали военную форму. Прибегает он домой, а тут наш сосед по квартире (жили мы в Москве на Басманной, в коммунальной квартире), служивший в НКВД, увидел его и говорит: «Михаил Юрьевич, что за вид у вас, брезентовый ремень и х/б!». Пошел в свою комнату, нашел старую кожаную портупею, дал ему, а тот ремень отец оставил дома. К слову сказать, форма действительно не соответствовала званию – он военврач 1-го ранга, у него три шпалы в петлице, а это очень высокий медицинский чин.

Через месяц после того, как начали бомбить Москву, семьи командного состава эвакуировали в тыл, нас отправили по просьбе отца в Омск, где жили его двоюродные братья Чуловские, также потомственные врачи, у них мы и разместились. В Омск мама (санитарный инспектор) взяла с собой своего отца, доктора наук психиатра Гаврилу Васильевича Сороковикова. По возрасту он на фронт не подходил, но до последних дней работал, так и умер на приеме.

Приезжаем в Омск – там действительно встречают нас два врача Константин Иванович и Николай Иванович Чуловские. Константин Иванович в то время уже командовал госпиталями Омска. Николай Иванович потом ушел на фронт (а его сын Евстафий учился под Омском на летчика. 18 января 1945 г. не вернулся с боевого задания).

Мне тогда тоже много досталось: и кровь сдавал, Константин Иванович ставил меня в перевязочную (я не боялся вида крови), развозил раненых по палатам, и на разгрузку вагонов меня направляли. В этом госпитале в основном лежали с ампутированными конечностями, танкистов было много.

От отца пришло всего две открытки из-под Ельни. По его рассказам, он был назначен начальником ГЭП (головной эвакуопункт). ГЭП объединял несколько госпиталей, его основная задача – это организация отправки раненых в тыл. Санитары тогда были еще мужики, их еще хватало, мужиков-то (это потом перешли на женский персонал). В один из дней они были посланы в госпиталь под Ельней, а там едет порожняком колонна автомобилей по шоссе (машины уже разгрузились, может, патроны отвозили), гонят, не останавливаясь. Санитары пытались остановить машины, а у них и оружия-то не было, а они прут напролом. Санитары прибегают: «Михаил Юрьевич, что делать?». Отец достает пистолет, видит, в машине один человек – и выстрелил в лобовое стекло рядом с водителем. Колонну удалось завернуть к госпиталю и вывезти раненых в тыл.

О том, как попал в плен, отец сам вот так рассказывал: «Когда немцы уже заняли дорогу между Смоленском и Ельней, мы ушли в лес. В лесу к нам пристали несколько лейтенантов с „кубиками“ на воротничках на мотоциклах и предложили уходить лесом, так как все дороги заняты немцами. Решили заночевать в лесу, нашли там какой-то кордон. Я разместился на сеновале, утром просыпаюсь, слышу немецкую речь. Выглянул, стоит мотоциклетка, эсэсовцы уже шуруют, а наши командиры снимали рубашки и старались переодеться в форму рядовых. А я как был в форме с тремя шпалами и змеей в петлице, так и вышел – там моя медицинская семья и солдатики наши. Начал разговор по-немецки с эсэсовцем. Он мне и говорит: там полно ваших раненых и пленных, сможете там все организовать, я согласился, и немец посадил меня в коляску, отвез в Вязьму. Охрана в лагере уже была в основном из немецких рабочих, я, зная язык, сразу с ними смог договориться и общался (это помогло спасти не одну жизнь наших солдат и офицеров)».

Списки погибших в лазарете М. Ю. Чуловский писал собственноручно, подписывал листы и писал комментарии на немецком языке, иногда даже выделяя красным цветом свою роспись. Благодаря блестящему знанию немецкого языка пользовался уважением и определенным доверием лагерной охраны.

Именно отцу немецкие охранники однажды сказали: там-то убило лошадь. А мой отец много лет жил в Казани, общался с татарами, знал, как разделявать лошадь. Он взял с собой двух человек с топорами, и они отправились за мясом. Потом сварили конину и накормили умирающих от голода пленных.

Отец всегда говорил, что предателей среди них не было, а в плен попадали случайно. Он, как мог, облегчал жизнь и страдания военнопленных, даже в тех условиях – оперировал, лечил, при первой возможности записывал наших офицеров и солдат, которым грозила гибель, как умерших, а потом организовывалась их отправка в другие лагеря, побеги. Так, отец спас одного инженера, занимавшегося атомной энергией, а на войне он был в звании капитана, непонятно, как он оказался на фронте. Его сначала оформили как умершего, а потом переодели и помогли бежать. Этот инженер перешел линию фронта, успешно добрался до Москвы, сразу – на Лубянку, все подробно рассказал, НКВД тогда работал четко. А так как он занимался атомной энергией, его сразу направили в Артиллерийский комитет на Фрунзенской набережной, 44, в центре. После войны они с отцом несколько раз встречались.

Когда немцы перегоняли пленников из вяземского лагеря в другие лагеря, а отцу уже тогда было за 50, колонна долго шла, и отец, обессилив, падает (охраняли тогда их немцы и полицаи-предатели украинцы). Слышит, клацает затвор, а выстрела нет. Отец слышит удар прикладом, но бьют не его, а полицая. И немец говорит полицая: «Ты соображаешь? Это же доктор!». Отца положили на розвальни и повезли. Тогда он сильно обморозил ноги и потом всю жизнь страдал от боли, и ноги были синие...

«Доктор Гас»

(Из воспоминаний Натальи Панкратовой, внучки Александра Петровича Тетцова. Участвовала в поездке в Вязьму родственников погибших в дни 70-летия Великой Победы. Будучи сотрудницей телеканала «Мир», снимает документальный фильм о «Докторе Гасе»)

На оккупированной немцами территории русский студент-медик организовал госпиталь для раненых красноармейцев. Раненые звали его «доктором Гаазом», а деревенские попросту – «Гасом». «Доктор Гас» под носом немцев не только вылечил 40 раненых бойцов, но и сам умудрился остаться в живых.

Однажды перед 9 Мая мне позвонили из московского объединения поисковиков:

– Вы внучка Тетцова Александра Петровича? Доктора Гаса?

– Кого-кого?

– Да-да, так звали вашего дедушку когда он раненых солдат в окружении под Вязьмой лечил.

И тут в моей голове всплыла семейная быль, будто бы мой дед однажды написал статью и отправил ее из своего сибирского села в главную газету СССР – «Правду». Статья называлась: «Где ты, Клара?».

Я даже читала черновик этой статьи. Он и сейчас лежит у родителей в полиэтиленовом пакете вместе с другими бумагами деда. Листки от времени перепутались. Почерк у деда был не очень. Он был фельдшер, это профессиональное.

Я помню деда уже в восьмидесятые – после войны, двух концлагерей – немецкого и советского. Стены его кабинета в совхозной конторе были выкрашены голубой краской. Дед, в юности учившийся в медвузе, теперь работал парторгом в Новолоктинском совхозе Ишимского района Тюменской области.

История жизни деда – совершенно невероятная. Сколько я о ней рассказывала (и музею, и районным газетам, и просто знакомым), столько люди удивляются. В нее можно поверить, только если веришь в ангелов и чудеса. А как показала жизнь, у моего деда-коммуниста были неплохие отношения с ангелом-хранителем. И дважды в его жизни произошло нечто непостижимое.

Первый раз – в октябре 1941-го, когда он вместе десятками тысяч советских солдат оказался в Вяземском котле, в окружении у немцев. Небольшой группой они пробовали вырваться из окружения. Вот как писал об этом сам дед в своей статье в «Правду»:

«Где-то 18–19 октября 1941 г. мы перешли километрах в семнадцать от Вязьмы смоленский тракт и зашли в колхозный полевой сарай, стоявший на отшибе. Перед нами предстала страшная картина – на голой земле лежало около 200 раненых бойцов и командиров Красной армии, часть из них была без шинелей, босые. Больше половины оказались мертвыми, а в остальных еле-еле теплилась жизнь. Как выяснилось, они несколько дней лежали без воды, пищи и без какой-то медицинской помощи, немцы обрекли их на голодную смерть. Жители же окрестных сел не знали о них. Чтобы оказать помощь раненым, мы решили дальше не идти, остаться с ними. <...>

Метрах в 50–60 от сарая у тракта торчало несколько десятков березовых крестов, на которых были повешены немецкие каски. Однажды днем около них остановились две легковые автомашины, из которых вышли несколько немецких офицеров. <...> Группу офицеров охраняли два автоматчика, один встал возле меня, направив на меня ствол автомата, второй подошел к воротам сарая и заглянул внутрь. Среди подошедших офицеров был один старший по званию. И вдруг этот старший обращается ко мне на чистом русском языке и начинает задавать вопросы: кто я такой, что здесь делаю, откуда и куда иду?

Я ответил, что сам – студент-медик, отца взяли до войны по линии НКВД, идем от бабушки из-под Бреста домой, в Москву (это была легенда, заготовленная на случай, если нарвемся на немцев, выходя из окружения). При этом в Москве я никогда не бывал. И вот слышу вопрос: по какому адресу я проживаю в Москве? Называю наобум известную московскую улицу, наугад – номер дома. А офицер мне отвечает: „Какое совпадение, молодой человек. Я жил на улице рядом с вашей, так что мы соседи. Я тоже москвич, да, да, родился, вырос, стал офицером в Москве, а в 1917 г. пришлось эмигрировать в Германию“.

И вот этот офицер на именном бланке написал распоряжение коменданту и разрешил мне перевезти раненых в ближайшую деревню, чтобы я там организовал госпиталь „для проведения экспериментов над ранеными“ – так он пояснил свое распоряжение. И пообещал, что раненых немцы тревожить не будут. А потом уехал».

Целый месяц в доме старосты деревни Тихоново Вяземского района Смоленского области дед и несколько его спутников, среди которых были две девушки, лечили раненых. Под защитой таблички «Инфекционный экспериментальный госпиталь. Вход немецким солдатам и офицерам строго запрещен» они подняли на ноги человек 35–40.

Жители Тихоново кормили раненых по очереди. Их выхаживали, передевали в гражданское и отправляли к партизанам. Выздоровевшие раненые прозвали дедушку доктором Гаазом (так звали известного немецкого врача-филантропа, жившего в России в XIX веке и отличавшегося необыкновенным милосердием к людям независимо от их звания, сословия, национальности и веры). Деревенские же звали просто «Гасом». Немцы были уверены, что пациентов становится меньше, потому что «эксперименты» «доктора Гаса» заканчиваются смертями.

Вскоре их раскрыли. Деда предупредили, и он велел товарищам уходить. Всех выживших участников этих событий дед после войны нашел, кроме одной из девушек – Клары. Он долго ее искал, потому на свой страх и риск и писал в «Правду».

А сам дед уйти не успел и попал в немецкий «Дулаг-184» в Вязьме для пленных красноармейцев. Там и произошло второе чудо: дед сбежал из камеры смертников.

«Решили перед казнью спеть песню о гибели „Варяга“. Где-то в 2–3 часа ночи в двери кто-то постучался, затем открылась дверь, и шепотом скомандовали, чтобы мы быстро выходили. От неожиданности у меня отказались двигаться ноги, и камеру смерти я покидал ползком. Как потом выяснилось, нас выпустил человек из лагерного подполья».

Дед добрался до своих и партизанил почти год, а потом его забрали в лагерь НКВД для бывших военнопленных. Оттуда – вновь на фронт, в немецкий тыл в спецгруппе НКГБ БССР «Бывалые». Был командиром диверсионной группы.

Александр Петрович Тетцов награжден Орденом Красной Звезды, Орденом Красного Знамени, медалью «Партизан Отечественной Войны 1 степени».

Умер Александр Петрович в марте 1985 г.

Статью, которую Александр Тетцов написал 15 февраля 1975 г., в «Правде» так и не опубликовали.

Из боевой характеристики:

5 января 1944 г.

«Александр Петрович Тетцов, 1921 г. р., член ВЛКСМ, находился в тылу врага в спецгруппе НКГБ БССР „Бывалые“ с 18 августа 1943 г. по 1 декабря 1943 г. в должности командира диверсионной группы. В боях за Родину показал себя как мужественный и отважный десантник, партизан. Представлен к награде – ордену Красной Звезды. Начальник спецгруппы ЦКГБ БССР майор госбезопасности Шибeko».

10 июля 1944 г.

«Александр Петрович Тетцов, 1921 г. р., находился в спецгруппе „Вихрь“ НКГБ БССР в тылу врага. В боях за Родину товарищ Тетцов показал себя как храбрый и отважный десантник с большими организаторскими способностями. За мужество и отвагу, проявленные в боях за Родину, товарищ Тетцов представлен к правительственной награде – ордену Красного Знамени, медали „Партизану Отечественной войны“ I степени. Начальник спецгруппы НКГБ БССР „Вихрь“ старший лейтенант госбезопасности Владимиров. Заместитель начальника АХФУ НКГБ БССР майор госбезопасности Шибeko».

Из личного архива Александра Тетцова:

«Согласно приказу по части от 22.06.1944 за № 18/3 командир диверсионной роты спецгруппы НКГБ БССР Александр Петрович Тетцов за умелое руководство ротой, за храбрость и отвагу проявленные 21 июня 1944 г. в тылу врага, награжден личным оружием

за № 164166. Руководитель спецгруппы НКГБ БССР старший лейтенант госбезопасности Владимирова».

Источники

Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

О вяземском подполье. Побег из лагеря

Вязьма в годы немецкой оккупации

О деятельности подпольной организации в Вязьме, тесно связанной с лагерем военнопленных «Дулаг-184», сохранились свидетельства бывших подпольщиков, узников лагеря, местных жителей. Наиболее подробно о вяземском подполье рассказывается в книге «Тайна Шпыревского леса», написанной **Василием Ивановичем Ляпиным**, командиром партизанского отряда Темкинского района «Народный мститель», которым он командовал в течение шести месяцев. Отряд затем влился в 33-ю армию М. Г. Ефремова, а В. И. Ляпин в апреле 1942 г. был направлен командованием в Вязьму для ведения подпольной работы. Текст воспоминаний В. И. Ляпина был обработан **ветераном поискового движения Станиславом Дмитриевичем Митягиным**, посвятившим всю свою жизнь исследовательской работе по героической и трагической истории 33-й армии, в рядах которой воевал и погиб его отец.

«В Вязьме было особенно трудно создавать подполье, так как весь оккупационный период город считался прифронтовым, здесь располагались штабы двух гитлеровских армий (9-й и 3-й танковой), штаб жандармского корпуса, боевые и тыловые части противника. В районе находились десятки немецких частей и полицейских подразделений – до начала марта 1943 г. гитлеровское командование рассматривало Вяземский выступ как оперативный плацдарм наступления на Москву. Вязьма кишела гитлеровцами. На станцию ежедневно прибывали эшелоны с танками, пушками, боеприпасами и живой силой.

Однако в период оккупации, несмотря на трудности, в Вязьме действовала несколько таких патриотических групп.

Одну из них возглавил интендант 2-го ранга танкист Федор Васильевич Шолохов, уроженец Вязьмы, в октябре 1941 г. попавший в „вяземский котел“. В ноябре 1941 г. Ф. В. Шолохов поселился в городе у своих родственников с единственной целью – продолжать борьбу с врагом. Являлся членом подпольного штаба. В его группу входили Шпаковская Евдокия Ивановна, бывший председатель Ямского сельского совета (поселок на окраине Вязьмы, где в старину жили ямщики), также член штаба, Чеботарев Николай Иванович, перед войной учившийся на курсах нормировщиков, „комсомолец, боевой парень и отличный конспиратор, он не раз выполнял трудные задания и всегда добивался успеха“. Подпольная группа активно работала в Вязьме с декабря 1941 г. по декабрь 1942 г.

В группу подпольщиков входила Цецилия Ароновна Васкевич (1895–1942), военврач, капитан медицинской службы, которая устроилась на местожительство в Вязьме по документам Татьяны Александровны Таракановой. До прихода гитлеровцев, как указано в документах вяземского историко-краеведческого музея, воевала в ополченческой дивизии, работала в советском военном госпитале. Осталась в городе вместе с частью раненых. Госпиталь стал больницей для гражданского населения города. Ц. А. Васкевич была связной партизанского отряда. Проживала (снимала комнату) у жительницы Вязьмы Г. В. Тетцовой в одной квартире с немецкими офицерами, добывала важные сведения для партизан. Прекрасно знала немецкий язык. „Многих раненых поставила на ноги Васкевич, многим помогала уйти к линии фронта или к партизанам. Это Шолохов, Шпаковская и Васкевич в свое время вызволили из лагеря смерти 29 бойцов, которых К. И. Курчавов привел в декабре прошлого года в отряд «Народный мститель». Это они помогли Константину Ивановичу собрать нужные сведения, когда он по заданию М. Г. Ефремова в феврале этого года ходил в Вязьму“, – пишет В. И. Ляпин.

Ц. А. Васкевич выдавала справки о болезни, спасая молодежь от отправки на принудительные работы в Германию. С помощью патриотов-подпольщиков бежавшие из лагеря узники поселялись у местных жителей и обеспечивались необходимыми документами. В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится акт, в котором засвидетельствовано, что врачи А. П. Видринский, Т. А. Тараканова организовали побег группы военнопленных и бежали сами.

Василий Иванович Ляпин установил связь с группой Ф. В. Шолохова, поселился в Вязьме под именем Морозова Василия Романовича. Ему удалось устроиться столяром в немецкое похоронное бюро по изготовлению гробов для убитых фашистов. „Фашистская похоронка“ размещалась на Кронштадтской улице, около электростанции. Ежедневно в мастерскую из лагеря военнопленных присылали узников для рытья могил, погрузки гробов и пр.

В. И. Ляпин отмечает: „У нас была налажена хорошая связь с лагерем военнопленных. Через Павла Антипова, других заключенных, приходивших на работу в похоронное бюро, мы регулярно получали информацию о событиях за колючим забором. Через них же переправляли туда листовки. Однако создать там надежную подпольную группу не удавалось. Мы не могли найти в лагере хорошего организатора, хотя, несомненно, такие там были“. В „Дулаг-184“ был послан Александр Федорович Филатов со специальной миссией – организовать боевую группу среди заключенных, это и было сделано. Подпольная группа лагеря росла. Активисты поочередно включались в группу, предназначенную для работы в похоронном бюро. Подпольщиками проводилась разъяснительная работа среди заключенных, больные освобождались от работы, люди снабжались по мере возможности нормальной обувью, самое главное – из лагеря было организовано несколько удачных побегов, в том числе комиссара партизанского отряда „Народный мститель“ Николая Ильича Кирика, командира партизанского отряда Павла Ивановича Воронцова. В осуществлении одного из побегов принимал участие А. П. Тетцов».

Бывший военнопленный Анисим Михеевич Петербурцев в своих воспоминаниях описывает поразительный случай, очевидцем которого он являлся:

«В феврале 1942 г. произошло еще одно важное событие. Как-то вечером, между 8 и 9 часами, когда барак еще не запирался немцами снаружи, к нам в барак зашел человек в форме немецкого офицера. Поздоровался на чистом русском языке и спросил нас, как мы живем, как настроение. Мы не знали, что и думать. Не зная, что перед нами переодетый советский разведчик, мы ответили, что все в порядке, живем хорошо. Все мы приняли его за немца. Он задал еще пару вопросов и ушел. Доносчик из нашего барака догадался, что это не простой немецкий лейтенант, быстро вышел и пошел доносить в штаб. В нашем бараке появились немецкий полковник (начальник лагеря) и переводчик. Начальник лагеря начал на нас кричать, почему, мол, мы не задержали русского шпиона. С какой целью в наш барак заходил наш разведчик, мы так и не узнали. И только уже в семидесятые годы, читая книгу по истории Великой Отечественной войны, я узнал, что в это время руководством нашей армии готовилось наступление в районе Вязьмы. Работала наша разведка»^[162].

Подпольщиками было осуществлено несколько диверсий в городе и на железной дороге – взорвано полотно железной дороги у станции Гредякино и пущен под откос эшелон, в Вязьме произведены взрывы на городской электростанции, в немецкой столовой, велась разведка подходов к бензохранилищу. Во время ударов советских самолетов подпольщики ракетами и световыми сигналами указывали цели для бомбежки на железной дороге – однажды бомбы угодили в цистерны с бензином. Вспыхнул пожар. Три дня со станции Вязьма не мог выйти ни один поезд, все пути были разбиты. Помощь в приобретении взрывчатки, ракетниц оказывали чехи-антифашисты из конвоиров.

Под руководством Ф. В. Шолохова группа молодежи с улицы К. Маркса – Д. Шульгин, С. Добрышин, И. Гусаров и другие – собирали оставшееся на местах боев оружие, готовились уйти в лес к партизанам. Но осуществить этот замысел не удалось.

Судьба подпольной организации Ф. В. Шолохова полна героизма, но и очень трагична. В первых числах декабря в городе начались аресты подпольщиков, допросы в гестапо, казни... Из донесения Мюллера: «В Вязьме (территория контроля группы Б) была арестована диверсионная группа, состоящая из функционеров коммунистической партии. Среди них находился секретарь районного комитета партии Вязьмы, директор МТС Касни и другие коммунисты, бывшие сотрудники НКВД и милиции. Арестовано 7 человек. Готовится ряд дальнейших арестов. В общей сложности речь идет о примерно 15 человеках, которые в мае были посланы в Вязьму из Москвы для организации банд, подрывов железной дороги и шпионажа. Далее на территории группы Б удалось раскрыть нелегальную организацию в Смоленске и арестовать ее 31 члена. Организация в большинстве своем находилась в районе Рудни и Демидова, отдельные члены организации были в Смоленске. Руководитель организации, украинец Петр Новаченков, род. 1920, живет в Демидове, до своего ареста работал переводчиком в подразделении Вермахта полевая почта 46790 в Демидове (Kranken-Kraftwagen-Zug 330 – группа медицинских машин). Организация работала непосредственно по заданию 4-й русской армии...»^[163].

В первых числах декабря в городе начались аресты подпольщиков, допросы в гестапо, казни. В. И. Ляпин пишет: «Во всем этом чувствовалась рука провокатора. Мы в бессилии разводили руками, но найти виновника не могли. Беда, видно, случилась где-то в нижних звеньях наших пятерок. А там мы людей почти не знали. Фашисты торопились расправиться со всеми, кто был на подозрении. Во второй половине января 1943 г. был арестован Николай Чеботаренко, а потом и Ц. А. Васкевич. Через два дня была арестована Е. И. Шпаковская. В этот же день поздно вечером к дому, где проживал Ф. В. Шолохов, подкатила машина с гестаповцами. Федор не успел скрыться. Схватка была короткой. Четверо фашистов скрутили Шолохову руки. Его били, трепали за бороду и полуживого бросили в машину. Я не знаю деталей дальнейших пыток и допросов. Но уверен, что все мои боевые товарищи держались на допросах мужественно, как подобает патриотам. Никто из них не выдал тех, кто оставался на воле. В конце января на том же пустыре, где были расстреляны подпольщики Александра Сорокина и Анна Гуренкова с родителями, фашисты расстреляли Федора Васильевича Шолохова, Евдокию Ивановну Шпаковскую и Николая Чеботаренко. В

эти же дни и на этом же месте мужественно приняли смерть Николай Ильич Кирик и Мария Гуляева. Враг торжествовал победу. Ему удалось докопаться до вяземского подполья и почти полностью разгромить его. Но то, что успели сделать подпольщики, стоило их благородной крови. Не зря они отдали свои жизни. Они погибли в борьбе с врагом, внося посильный вклад в грядущую победу народа над ненавистными оккупантами. И люди никогда не забудут этого».

Тогда же на Новоторке была казнена Ц. А. Васкевич.

Похоронены патриоты на Екатерининском кладбище г. Вязьмы.

В. И. Ляпин пишет о том, что и в лагере военнопленных также прошла волна арестов. Многих узников стали отправлять в другие лагеря.

После освобождения Вязьмы в городе по приговору военного трибунала состоялись публичные казни пособников немецко-фашистских оккупантов, виновных в зверском истреблении мирных советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков, гибели героических подпольщиков.

...По воспоминаниям местных жителей, в октябре-ноябре 1941 г., ввиду огромного количества пленных в районе западнее Вязьмы и несовершенной системы охраны, определенному числу советских военнопленных удавалось бежать. Проще было совершить побег при наличии гражданской одежды, которую передавали советским воинам местные жители. Кроме этого, местные жители, в первую очередь вяземские женщины, часто спасали советских солдат тем, что во время конвоирования колонн называли отдельных пленных своими родственниками (мужьями, сыновьями и братьями) и умоляли конвоиров отпустить их домой, иногда это помогало, и некоторая часть пленных освобождалась. Имеются свидетельства, что отдельных пленных (в первую очередь из рядового состава, беспартийных и в какой-либо мере пострадавших от советской власти) гитлеровцы в предвидении скорой победы отпускали домой и даже выдавали пропуск по проходу до места жительства по оккупированной территории.

Новые факты о побегах военнопленных из «Дулага-184» удалось узнать из Розыскного списка Управления полевой полиции группы немецких войск, хранящегося в Российском военно-историческом архиве, куда краеведами А. Л. Какуевым и И. В. Долгушевым был в свое время направлен запрос. В списке по состоянию на 30.06.1943 имеется информация на ряд лиц, разыскиваемых немцами в связи с побегами из лагеря.

Из 20 участников побегов, указанных в списке, четверо бежало непосредственно из самого лагеря «Дулаг-184», еще четверо – из лазарета № 1, один – из лагеря «Вязьма-Норд» («Дулаг-230»). Остальные узники бежали при транспортировке из «Дулага-184» в другие лагеря. Так, пятеро советских офицеров бежали при транспортировке в г. Починок во время «переночевки с 24 на 25.02.1943 в Красно-Горы» (д. Красные Горы находится в 0,5 км к северо-востоку от г. Кардымова Смоленской области). Четверо бойцов совершили побег из «лагеря переночевки» в д. Леоново, двое – из лагеря в Борисово.

В списке указаны дата и место рождения бежавших, рост, цвет глаз и волос. У многих названы особые приметы: ранения, обморожения, «русская униформа» (у лейтенанта, бежавшего из лазарета № 1). Среди бежавших числится несколько человек, поступивших в лагере на «службу» к немцам, как видим, с целью возможного побега: охранник пекарни, шеф полиции, бухгалтер из Вязьмы, работавший «последнее время в армейском почтовом управлении 577, полевая почта № 07475» (номер немецкой части). Возможно, эти побеги были подготовлены подпольщиками с участием медперсонала лазаретов и партизан.

При работе с документами удалось установить сведения о дальнейшей судьбе нескольких человек. Так, 9 июля 1942 г. из лазарета № 1 совершил побег красноармеец Терехин Захар Матвеевич, 1915 г. р., из Башкирии. Его приметы были указаны в списках бежавших: «Среднего роста, ступни и пальцы ног обморожены, передвигается только на костылях». Попал в плен 28.01.1942 под д. Сычевка. Погиб в плену 26.01.1943 в «Шталаге-342» (Молодечно, Белоруссия), захоронен на лагерном кладбище Глыбокая. Семья Терехиных, жена Прасковья Федоровна проживали в БАССР (Иглинский район, д. Сосновск). Значит,

после побега из «Дулага-184» З. М. Терехин был снова схвачен и отправлен в не менее страшный лагерь – «Шталаг-342» в Молодечно. По некоторым данным, в Глыбоком содержались русские военнопленные-инвалиды^[164]. Имя Терехина Захара Матвеевича увековечено в Книге памяти Республики Башкортостан как умершего в плену (т. 11, с. 193).

Выяснилась судьба Давыдова Павла Семеновича, 1911 г. р., уроженца Сафоновского р-на Смоленской области (д. Юнишкино?), мл. политрука 940-го сп 262-й сд 31-й армии Калининского фронта. По Донесению политуправления фронта от 09.08.1942 № 19101 Давыдов П. С. 06.12.1941 был ранен, но вернулся в часть. 28.04.1942 снова был ранен, «остался на территории, занятой противником». 29.10.1942 бежал из лазарета № 1 «Дулага-184». Видимо, снова был схвачен. Пережил плен. По донесению об оказавшихся в живых Московского ГВК от 19.08.1946 № 4058 был освобожден из плена. Его семья проживала в Москве на Зубовском бульваре.

Источники

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 64; Там же. Оп. 818883. Д. 65; Там же. Ф. 33. Оп. 594258. Д. 84.

В списке бежавших значится лейтенант «Матешин (имя неизвестно), род. в 1905 г. в Ярославле, стреляная рана правого и левого плеча, русская униформа, бежал из лазарета 1 „Дулага-184“». При проработке документов: Матюшин Василий Никитич, 1904 г. р., уроженец д. Коровино Мещовского р-на Смоленской (ныне Калужской) области, проживал в г. Ярославле, Резинокомбинат. Призван Ярославским ГВК, мл. командир 311-го огмп 2-й сд. Умер от тяжелых ран в 91-м МСБ 18.09.1944. Первичное место захоронения – Латвийская ССР, Мадонский уезд, х. Вецдзелзкаяс, восточнее 1 км. Значит, после побега в 1942 г. из вяземского лагеря Василий Никитич Матюшин еще воевал и умер от боевых ран при освобождении Латвии в советском госпитале. Увековечен в Книге памяти Ярославской области в звании сержанта (т. 1, с. 236).

Источники

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 369. Книга учета умерших ХППГ 91 от 17.09.1944-29.07.1945.

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1006. Донесение о безвозвратных потерях № 85424 от 12.10.1944 Упр. 2-й сд.

...Существование подпольной организации в Вязьме и непосредственно в вяземских лагерях военнопленных подтверждают и воспоминания вязьмички Маргариты Степановны Бельтюковой (Кулагинной). После оккупации Вязьмы их семья ушла из города, поселившись в д. Ивлево у бабушки. В Вязьме остался только отец Кулагин Степан Николаевич. «Как я понимаю, – пишет Маргарита Степановна, – отец был оставлен для подпольной работы. Так до сих пор ничего о нем и не знаем». Следовательно, погиб.

Старший брат, шестнадцатилетний Кулагин Лев Степанович, ушел в 1942 г. из деревни Ивлево в партизаны. В разведке был ранен в ногу, схвачен фашистами и попал в «Дулаг-184». «Концлагерь находился там, где хлебозавод на улице 25 Октября, где ее пересекает Кронштадтская улица, на углу, где она переходит в Красноармейское шоссе. Было все обтянуто колючей проволокой. Мама брата увидела там. Пришла домой в деревню очень расстроенной». Забрать Леву из лагеря семье не удалось.

Лев Кулагин прошел весь плен, работал в шахте в Италии, где во время обвала получил еще и перелом раненой ноги. Вернулся в Вязьму в 1946 г. Но его огульно обвинили в предательстве, и на 8 лет он был отправлен в ссылку в Кемеровскую область. «Оказалось, что, когда он был в концлагере, там планировался побег военнопленных. Кто-то предал. А один из военнопленных случайно запомнил его по фамилии. Кто-то назвал его фамилию. После смерти Сталина его реабилитировали и отпустили. Но он к тому времени был уже очень болен, в 1969 г. он умер»^[165].

О побегах советских военнопленных как о подвиге пишет участник Великой Отечественной войны Юрий Дмитриевич Кузнецов (г. Москва):

«По неполным данным, из почти 4 тысяч лагерей на территории Германии и оккупированных вермахтом стран бежало около 450 тысяч советских военнопленных. Побегов такого масштаба не знала ни одна армия в мире. Бесспорно, это подвиг наших бойцов и командиров Красной армии, который войдет в историю Великой Отечественной войны. И наши дети, внуки и правнуки будут, должны гордиться этими смельчаками.

Однако надо отдать должное и такому факту, что успешных побегов, т. е. когда бежавшие достигали своей цели – либо попадали в партизанские отряды, либо добирались до Красной армии, – было очень мало. Большинство бежавших фашисты ловили и тут же казнили, если беглецу не удавалось уйти, а лучше уехать подальше от места побега. Труп убитого смельчака-беглеца старались показать всему лагерю. Я такую картину видел много раз. Но это не останавливало наших ребят. Побег продолжались, несмотря на фашистские репрессивные меры»^[166].

Дважды бежал из лагеря А. П. Тетцов, ставший героем разведывательно-диверсионных отрядов «Вихрь» и «Бывалые» в Белоруссии. Бежал из плена шестнадцатилетний Николай Скачков из с. Ленино Ленинского с/с Холм-Жирковского р-на Смоленской области, погибший в самом конце войны во время штурма Берлина. Бежал из плена уже в Чехословакии бывший узник «Дулага-184», героически воевавший в партизанском отряде, семнадцатилетний москвич-ополченец Борис Шлячков. Совершил побег из «Шталага-340» бывший узник «Дулага-184» Борис Григорьевич Маковейчук, организовавший группу в 18 человек, в полном составе влившуюся в партизанский отряд «За Родину» в Западной Белоруссии. Фантастический массовый побег из Смоленского лагеря смерти «Дулаг-126» после долгой подготовки совершили через заброшенную подземную теплотрассу, проложенную из бывшей котельной в зону концлагеря, около 40 советских военнопленных во главе с патриотами-военврачами М. В. Яковенко, А. П. Петровым, А. Ф. Орловым и др. Среди участников побега было 16 летчиков. Несколько участников побега были схвачены фашистами, но даже после жестоких допросов, камеры смертников они вновь бежали, дошли до своих, воевали в 14-й Смоленской партизанской бригаде П. Т. Вишнева. Партизаны пускали под откос вражеские эшелоны, устраивали засады, громили немецкие гарнизоны, собирали и передавали разведданные за линию фронта, вели бои с карателями.

Смогла при перегоне колонны из Вязьмы военнопленных укрыться в крестьянском доме медсестра 2-й сдво г. Москвы Ирина Трифонова Филатова, имея ранение и контузию. После войны возглавляла Совет ветеранов дивизии. Бывшая узница «Дулага-184» и «Дулага-126» медсестра Мария Фавстова бежала с группой товарищей из тюрьмы «Лукишки» в г. Вильно (ее второй побег), воевала до конца войны. Многие узники бежали во время работы за пределами лагеря. Вместе с товарищами дважды бежал из плена, пробился к французским франтирерам, боролся с оккупантами в партизанском отряде во французском Сопротивлении и после войны вернулся домой Степан Крутов.

Длительное время возвратившиеся (бежавшие) из немецкого плена советские люди сталкивались с ущемлением своих прав. На местах к ним часто относились с недоверием. Они могли отстраняться от участия в политической жизни, при поступлении в высшие учебные заведения на них смотрели с опаской, их не считали участниками войны. Даже после смерти Сталина мало что изменилось в положении бывших военнопленных. И лишь в

1956 г. была сделана попытка изменить отношение к тем из них, которые не совершали никаких преступлений.

К 1 марта 1946 года было репатриировано 4 199 488 советских граждан (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 1 846 802 поступило из зон действия советских войск за границей и 2 352 686 принято от англо-американцев и прибыло из других стран. Но из общего числа военнопленных, вернувшихся на родину после окончания войны, *репрессиям подверглись только 14,69%*. Как правило, это были власовцы и другие пособники оккупантов^[167].

Из Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», 14 января 1993 г.:

«Уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан. Увековечению подлежит память (...) погибших, умерших в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине».

Герои плена Федор Полетаев, Николай Бушманов

Федор Андрианович Полетаев, Герой Советского Союза, Национальный герой Италии, бывший узник «Дулага-184» (14.05.1909-02.02.1945)

Одним из самых, пожалуй, известных узников, прошедших «Дулаг-184» и отправленных дальше по фашистскому этапу, стал Федор Андрианович Полетаев – он же «Поэтан» – советский солдат, участник итальянского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, Герой Советского Союза, Национальный герой Италии, погибший в 1945 г. в бою у Канталупо.

Рядовой 28-го гвардейского артиллерийского полка Ф. А. Полетаев летом 1942 г. вместе со своей частью оказался во вражеском окружении, был взят в плен и находился в немецко-фашистских концлагерях, в том числе в Вязьме, затем в Польше, Югославии, Италии. Летом 1944 г. Полетаев бежал из лагеря, расположенного близ Генуи, и вступил в партизанский отряд Нино Франки бригады «Орест», входившей в партизанскую дивизию «Пинан Чикеро».

Федор Андрианович Полетаев родился в селе Катино на Рязанщине в крестьянской семье. Русский. Образование начальное. В 1923 г. уехал на заработки в Подмосковье, в поселок Электрорепаратура Павлово-Посадского района. Работал грузчиком на торфоразработках. Там же в 1929 г. женился на Марии Никаноровне Калининой. В 1931 г. Федор Андрианович с женой вернулся к себе на родину, где в мае у них родилась дочь Александра.

В том же году, осенью, он был призван в Красную армию, служил в артиллерийском полку Московской Пролетарской стрелковой дивизии. В армии освоил профессию кузнеца.

После демобилизации в 1933 г. Федор Полетаев вернулся в село, забрал жену с детьми (сын Миша родился в 1932 г.) и уехал на Кубань в станицу Старомышастовскую, где работал кузнецом. Однако в январе 1935 г. из-за болезни детей семья была вынуждена вернуться в село Катино. В том же году в семье Полетаевых случилось горе: дети заболели полиомиелитом. Сын Миша умер, а дочь Шура сумела перебороть болезнь, но навсегда осталась глухонемой. После этого они переехали в село Петрушино (ныне в составе Горловского сельского поселения Скопинского района Рязанской области), где осенью 1936 г. у них родилась дочь Валя, а потом – два сына: в 1938 г. – Николай, а в 1940 г. – Михаил.

В августе 1941 г. Федор Полетаев был мобилизован. Воевал в 28-м гвардейском артиллерийском полку 9-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. Участник битвы за Москву. Весной-летом 1942 г. воевал на Дону.

В июне части дивизии оказались в окружении. В июле 1942 г. в районе села Ленинка гвардии рядовой (по некоторым данным – сержант) Полетаев был тяжело ранен и ошибочно признан погибшим (согласно справке Архива МО СССР, он был похоронен в братской могиле в этом селе). С другой стороны, некоторое время Полетаев числился перебежчиком к немцам, его искал особый отдел дивизии, командира батареи допрашивал Смерш. И только после войны стало известно, что Полетаев попал в плен.

Судьба Федора Полетаева сложилась так: он был вынесен с поля боя своими боевыми товарищами, но из-за тяжелого ранения в ногу его пришлось оставить в одном из хуторов, где он три месяца лечился, а поправившись, решил идти к своим – или перейти линию фронта, или искать связь с партизанами. Он попал в плен, но той же ночью бежал. Пытался снова выйти к своим, но был пойман полицией.

Прошел лагеря военнопленных в Вязьме, Бердичеве, Мелеце. Попав в лагерь возле города Славонски-Брод, в марте 1944 г. он с группой военнопленных бежал, но вскоре был снова пойман и отправлен в рабочую команду на территории Италии, близ Генуи.

Летом 1944 г. с помощью итальянских коммунистов бежал и вступил в партизанский батальон под командованием Нино Франки бригады «Орест» дивизии «Пинан Чикеро». Среди партизан он получил прозвище «Поэтан».

Участвовал во многих боевых операциях итальянских партизан, совершавших нападения на гитлеровцев в районе автомагистрали Генуя – Серравалле-Скривия.

В начале 1945 г. немцы предприняли широкомасштабную карательную операцию против партизан в Лигурии. В операции принимали участие части так называемого Туркестанского легиона. В Долине молний Валле-Скривия возле городка Канталупо партизаны батальона вступили в бой с немецкими карателями и заставили их перейти к обороне. Но необходимо было заставить их сдаться до прихода подкреплений. Тогда Федор Полетаев поднялся в атаку и, ведя огонь из автомата, приказал немцам сдаваться. Следом подоспели партизаны. Немцы начали бросать оружие, но в последний момент один из них выстрелил в Полетаева. Пуля пробила горло.

Федор Полетаев был похоронен со всеми почестями на кладбище в местечке Рокетта. После окончания войны его прах был перезахоронен в Генуе на кладбище Стальено.

25 мая 1947 г. в Генуе советскому консулу были вручены для передачи семье Героя награды: золотая медаль «За военную доблесть» на синей муаровой ленте и бронзовая пятиконечная звезда – знак бойца Гарибальдийской партизанской бригады. На обратной стороне медали выгравировано имя – Федор Александр Поэтан. Эту награду Итальянского сопротивления в самой Италии получили немногие.

Только 26 декабря 1962 г. указом президиума Верховного Совета СССР Федору Полетаеву за героизм и мужество, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков в составе отряда итальянских партизан, было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Произошло это благодаря тому, что советский писатель и общественный деятель Сергей Смирнов, изучив документы и фотографии, доказал, что человек, носивший имя Федор Поэтан, является советским солдатом Федором Андриановичем Полетаевым^[168]. В этом ему помог соратник Ф. А. Полетаева по партизанской борьбе в Италии бывший летчик Николай Николаевич Петухов, почетный шахтер Донбасса, живший в поселке Белое Ворошиловградской области (ныне Луганская область, Украина). После публикации в декабре 1962 года в газете «Правда» статьи С. С. Смирнова «Рассказ о подвиге» о неизвестном русском герое в Италии Петухов направил С. С. Смирнову письмо, в котором назвал имя героя – Полетаев Федор Андрианович.

Сам Н. Н. Петухов попал в плен под Смоленском (в ночь на 25 августа 1942 г. его самолет ТБ-7 был сбит в воздушном бою)^[169], прошел лагеря военнопленных в Сафоново и Вязьме Смоленской области, затем в Польше, Югославии, Италии. В вяземском лагере, как свидетельствует Н. Н. Петухов, он познакомился с Федором Полетаевым и Николаем Кочкиным^[170]. В июле 1944 г., когда они оказались в лагере близ Генуи, им удалось бежать.

Все трое отважно воевали потом в 58-й гарибальдийской бригаде «Орест»: Полетаев и Кочкин – в отряде Нино Франки, Петухов – в отряде «Верардо». Именно письмо шахтера Н. Н. Петухова дало, по свидетельству С. С. Смирнова, ключ к разгадке тайны^[171].

Николай Степанович Бушманов (1901–1977)

Настоящим героем плена был бывший узник «Дулага-184» Николай Степанович Бушманов, советский офицер, полковник, кандидат военных наук, в плену – руководитель подпольной антинацистской организации «Берлинский комитет ВКП(б)» в Третьем рейхе.

Родился в селе Ольховское Озеро Ольховской волости Шадринского уезда Пермской губернии, в 1912 г. окончил церковно-приходскую школу. 18 февраля 1918 г. добровольно вступил в РККА. В 1918 г. Бушманов вступил в РКП(б).

... В апреле 1933 г. Бушманов был зачислен в Военную академию имени Фрунзе. 30 декабря 1935 г. ему было присвоено воинское звание «старший лейтенант». По окончании учебы в сентябре 1936 г. он оставлен временно в Академии для дальнейшей службы начальником учебной части специального факультета, ему было присвоено воинское звание «капитан». По окончании адъюнктуры в апреле 1937 г. Бушманов стал преподавателем тактики. С конца 1937 г. – старший преподаватель тактики специального факультета Академии в звании майора. Готовился к нелегальной разведывательной работе в Японии. «Бушманова готовили для замены Зорге в Японию, поэтому он как свой родной язык выучил немецкий и японский. Когда после фильма „Кто вы, доктор Зорге?“ я обсуждала свои впечатления с дядей Колей, он мне сказал, что лично с ним знаком, его представляли Зорге, когда он приезжал в Москву, что знает и его жену и много еще чего знает. Что его частые посещения всяких приемов, в которых участвовали японцы, как раз и связаны были с предстоящей работой», – пишет в воспоминаниях его племянница Людмила Ивановна Слинкова^[172].

31 декабря 1938 г. Бушманову было присвоено воинское звание «полковник», в 1939 г. он был награжден орденом Красной Звезды. С октября 1938-го по январь 1941 г. Бушманов был исполняющим должность начальника кафедры Истории гражданской войны, с января 1941 г. – начальник кафедры, кандидат военных наук. Владел четырьмя языками. Николай Степанович отличился в боях с войсками Колчака и Врангеля. Был трижды ранен, в том числе два раза – тяжело, дважды контужен. Участвовал в советско-финляндской войне. Был близко знаком по службе с Михаилом Фрунзе, Василием Блюхером и Михаилом Тухачевским^[173].

2 июля 1941 г. полковник Бушманов был назначен начальником штаба 7-й стрелковой дивизии, затем был переведен на должность начальника оперативного отдела штаба 32-й армии Резервного фронта. С сентября 1941 г. – начальник штаба 32-й армии.

В октябре 1941 г. 32-я армия попала в окружение около Вязьмы. Бушманов был взят в плен немецким патрулем 22 октября 1941 г. в деревне Бочкино. Он содержался в Вязьме в лагере военнопленных «Дулаг-184» с 22 октября по 16 декабря 1941 г., затем в смоленском лагере военнопленных, где пробыл до 8 февраля 1942 г., затем находился в «Шталаге-3В» в Фюрстенберге до 8 мая 1942 г.

Немцам стало известно, что Бушманов готовился для работы в разведке, он был заключен в тюрьму Моабит в Берлине, где с помощью уговоров, угроз и страшных пыток от него добивались сотрудничества. Советского разведчика «обрабатывали» 14 месяцев. Видя безвыходность сложившейся ситуации, полковник советского разведупра был вынужден согласиться на работу в ведомстве Гимmlера, полагая, что для Родины он будет полезнее живым. В конце концов Бушманов сделал вид, что готов к сотрудничеству, и был направлен на курсы пропагандистов в Вульгайде, где преподавал в течение 1942 г. После организации Дабендорфской школы РОА («восточный отдел пропаганды особого назначения») в феврале 1943 г. вместе с большой группой курсантов и преподавателей Вульгайде перешел на работу в нее и с марта 1943 г. занимал должность помощника начальника этой школы по строевой части.

Еще в лагере Вульгайде Бушманов создал подпольную антинацистскую организацию. К лету 1943 г. после установления контактов с советскими военнопленными и «остарбайтерами» она превратилась в разветвленную интернациональную подпольную организацию под названием «Берлинский комитет ВКП(б)», развернувшую активную работу по всей Германии. Через некоторое время была налажена связь с Москвой. Через группу Бушманова в Центр впервые были переданы данные об «оружии возмездия» – «Фау». Бушманов по заданию Москвы готовил ликвидацию генерала Власова. По ночам собственноручно записывал для передачи в концлагеря сводки Совинформбюро. Организация осуществляла саботаж и диверсии на немецких заводах. В частности, с организацией Бушманова был связан Муса Джалиль, числившийся в легионе «Идель-Урал», а также сын работавшего в Германии советского биолога Н. В. Тимофеева-Ресовского Дмитрий (оба были арестованы гестапо и погибли).

В августе 1943 г. связному Бушманова капитану РОА Алексею Богунову (он же Вальтер Краубнер, «Дедушка») удалось установить в Минске связь с советской разведгруппой майора Казанцева. Но еще раньше о подпольной организации Бушманова стало известно гестапо, и 30 июня 1943 г. он был арестован. Сначала содержался в берлинской тюрьме Моабит, а 3 ноября 1943 г. в статусе «смертника» был переведен в концлагерь Заксенхаузен. Там Бушманов помог пленному летчику Михаилу Девятаеву сменить статус «смертника» на «штрафника», благодаря чему Девятаев был направлен в Пенемюнде, откуда совершил дерзкий побег на угнанном бомбардировщике.

Избежал казни благодаря помилованию в связи с рождением ребенка у Геббельса. Перед освобождением Заксенхаузена советскими войсками был отправлен в «марш смерти» к побережью Балтийского моря в апреле 1945 г. и был освобожден американскими войсками. С 4-го по 23 мая Н. С. Бушманов проходил спецпроверку и 29 июля 1945 г. был осужден к 10 годам лагерей^[174]. Освобожден из заключения 5 декабря 1954 г. и до 25 октября 1955 г. находился в ссылке.

Был реабилитирован определением Военного трибунала Московского военного округа от 1 сентября 1958 г. Являлся персональным пенсионером Министерства обороны СССР. В 1960-е годы жил станции Юшала в Свердловской области, затем в Москве, где и умер 11 июня 1977 г. Хоронили Н. С. Бушманова на лафете, с залпами, с воинскими почестями. Урну с прахом поместили в колумбарии на территории Донского монастыря, рядом с урной с прахом его жены Ольги Николаевны.

**Воспоминания родных и близких
защитников Отечества, погибших в
вяземском лагере «Дулаг-184»
(Из архива Международной ассоциации
общественных поисковых объединений
«Народная память о защитниках
Отечества» и Оргкомитета «Вяземский
Мемориал»)**

И пусть не думают,
Что мертвые не слышат,
Когда о них живые говорят.

Николай Майоров^[175]

Всегда живой

Из воспоминаний Макаровой (Антроповой) Алевтины Николаевны, дочери лейтенанта Антропова Николая Ефремовича (05.12.1905-29.08.1942), умершего от ран и бесчеловечного обращения в немецком пересыльном лагере «Дулаг-184» (лазарет № 3) в г. Вязьма 29 августа 1942 г.

«Мне посчастливилось, если здесь уместно такое слово, почти через 70 лет узнать, что мой отец „нашелся“. Эту весть я сейчас же сообщила уже очень немногим близким людям, и, оторопев от новости, некоторые, видя мою радость, спрашивали: „Живой?“.

Конечно, не живой, живому ему сейчас было бы 105 лет!

Зимой 1942 г. моя мама Антропова Клавдия Петровна, получив извещение о том, что ее муж „пропал без вести“ 6 июля 1942 г., стала одинокой, но не вдовой, в 30 лет и оставалась в этом качестве до самой смерти 6 июля 2003 г.; правда, согласно Постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 18 апреля 1975 г. № 304, с 1980 г. маму признали вдовой военнослужащего и стали платить дополнительную пенсию и предоставлять положенные вдовам льготы.

Как теперь стало известно, папа не „без вести пропавший“, а раненый военнопленный, умерший 29 августа 1942 г. в лазарете № 3 „Дулага-184“ в г. Вязьма Смоленской области.

Это уточнение случилось благодаря труду неравнодушных настоящих *советских* людей, нашедших списки этих якобы „без вести пропавших“, изыскавших возможность опубликовать их, а также всех тех, кто так или иначе причастен к составлению этих списков в очень непростых трагических условиях лагеря. Пленные медицинские работники не только, как могли, помогали страдальцам, но сделали просто невозможное, рассказав о живых людях, прошедших плен, сохранив память о прошедших днях их жизни и позволив нам, живым, узнать об этом и помянуть любимых, помолиться о них, наконец, поставить свечу в храме. Они не пропали, они ушли в никуда в ужасных мучениях и страданиях, с думами о своих самых близких.

Призван в ряды РККА Свердловским Райвоенкоматом г. Горького 8 марта 1942 г. и зачислен на службу в 360 ЗПС.

Извещение: „ст. сержант Антропов Николай Ефремович 1905 г. рождения, уроженец г. Москвы, пропал без вести 6 июля 1942 г. Первомайский РВК г. Москвы 3-я часть 14.12.1942. № 3/1412“. (Основание извещения – МГВК № УЧ от 15.10.1942); МГВК финансовое отделение от 1.12.1942 № АГ 4281 с 1.08.1942 – пенсия дочери 180 рублей из штатного оклада 600 рублей (дело № АГ 4281).

Я, уже, будучи взрослой, после сопоставления и анализа появляющихся документов и дат всегда считала, что папа пропал (?) (погиб) под Ржевом (там же, кстати, погиб папин младший брат Борис Ефремович Антропов в августе 1942 г. и похоронен в с. Рамино Ржевского района; а также в феврале 1942 г. „пропал без вести“ старший из братьев – Антропов Павел Ефремович).

Я была недалеко от истины. О военных действиях начала 1942 г. вообще очень мало данных. Крупная неудача советских войск под Харьковом (май 1942 г.) оказала крайне неблагоприятное влияние на весь ход летней кампании 1942 г. В литературе есть упоминание о Ржевско-Сычевской операции, о боях под Воронежем и Калачом, в междуречье Дона и Волги на подступах к Сталинграду. Летом и осенью 1942 г. войска Западного фронта вели напряженные боевые действия на ржевском направлении, пытаясь предотвратить переброску армий „Центр“ к Сталинграду. Именно 28 июля вышел приказ Ставки и Верховного главнокомандующего „Ни шагу назад“. Харьков, Севастополь, Воронеж и т. д. были дальше от Вязьмы, чем Ржев и Сычевка, значит, скорее всего, папа попал в число огромного количества пленных (а только в июле 1942 г. их было 47 000) в районе Западного фронта на

участке Ржев – Сычевка – Вязьма. Я еще надеюсь, что получу уточнение своего предположения.

Вязьма, начало лета 1942 г. Советские военнопленные „Дулага-184“, попавшие в плен в районе Ржева. Фотография из личного архива И. Д. Музыченко, г. Вязьма

Как я теперь полагаю, после призыва 6 марта 1942 г. папа 2 месяца (?) учился на курсах сержантов (а к этому времени командного состава крайне не хватало – всех перебили) до середины – конца мая и был отправлен в действующую армию в самый неблагоприятный

период войны и, даже не пововав по-настоящему с гадами, при общей неразберихе и хаосе в войсках попал в плен (раненый? больной?) и умер в плену в конце августа, пережив все ужасы фашистского плена. Благодарю Бога нашего Иисуса Христа и нашу заступницу Богородицу (а 28 августа – праздник Успения Пресвятой Богородицы), что сократили папины страдания и позволили умереть в лазарете пересылочного лагеря на своей родной земле (правда, она до сих пор не стала „пухом“). Это для меня является, правда, слабым, но утешением в конце моей жизни. Мамошка до этого „утешения“ не дожидалась.

Теперь мои воспоминания о папе довоенном.

Моя мама родилась в 1912 г. в г. Солнечногорск. Семья Дмитриевых жила в деревне Пешки в 9 км от Солнечногорска на 56 км Ленинградского шоссе. Именно здесь и состоялось знакомство моих родителей. По рассказам мамы и моим детским воспоминаниям, папа был очень неплох собой, высокий стройный шатен с серыми добрыми внимательными глазами. Приезжал в Пешки верхом на лошади (другого транспорта тогда не было), естественно, в военной форме, при оружии, не влюбиться в него было просто невозможно. Это был уже достаточно зрелый, разбирающийся в жизни мужчина. В деревне к нему относились очень доброжелательно, я бы даже сказала, трепетно. Веселый, компанейский, всем рад помочь, грамотный, достаточно образованный, с каждым мог поговорить на интересующую собеседника тему, что-то объяснить, подсказать, дать совет в непростой обстановке тридцатых годов. Папа все это умел. Хорошие отношения складывались с родителями и старшими членами маминой семьи. Мамин старший брат был ровесник папы и уже жил и работал в Москве; деревенская семья маминой старшей замужней сестры обожала папу: я помню, когда папа уже со мной приходил в их дом, он был самым дорогим гостем, на стол выкладывалось все, что было в доме. Когда я, еще маленькая девочка, гостя у своей бабушки летом, ходила в их дом за молоком, мне обязательно полагался гостинец: или большое гусиное яйцо, или ржаная лепешка с картошкой, или белая с медом. Мне разрешалось поиграть с их собачкой, хотя устои в доме были строгие.

Хорошее отношение к папе в Пешках распространялось на меня по всей моей жизни, пока были живы люди, знавшие папу. Я постоянно бывала в Пешках до смерти маминой старшей сестры в 1998 г., и старые люди, встречая меня, спрашивали маму или тетю, так уважительно: „Это Ефремовича дочка?“.

Не знаю, долго ли продолжались встречи родителей, но 21 мая 1931 г. в Пешковском сельсовете был зарегистрирован брак Антропова Николая Ефремовича и Дмитриевой Клавдии Петровны.

В это время еще была жива папина мама – Александра Степановна Антропова (Телешова), отца не было в живых. Семья Антроповых жила в Торжке. Это два брата (старший уже был женат) и замужняя сестра. Папа привозил бабушку Александру в Москву на лечение и познакомил ее со своей будущей женой. Бабушка не одобрила папин выбор из-за молодости невесты: какая, мол, она жена, она же еще девочка. Вскоре бабушка умерла, и я ее знаю только по фотографиям.

После регистрации брака родители уехали в Москву (свадеб тогда не устраивали, тем более пышных). Как рассказывала мама, ей собрали корзинку с немногочисленными вещичками и отправили во взрослую замужнюю жизнь.

К этому времени папа получил комнату в новостройке 1-й Пятилетки в доме для военнослужащих. В 1931 г. был построен только один дом, восьмиподъездный пятиэтажный из красного кирпича, где папа занимал в трехкомнатной квартире комнату 18,5 м². Это был дом со всеми возможными тогда удобствами: с ванной, туалетом, центральным отоплением и т. д., не было только газа. К 1933 г. был выстроен, как бы сейчас сказали, целый микрорайон из 10 корпусов и с огромной школой. Наш адрес стал Госпитальный вал, дом 5, корпус 7, квартира 210 (вместо дом 5, кв. 36). Здесь мы с мамой прожили до 1973 г. без папы; в 1968 г. к нам поселился мой муж, и пять лет мы втроем жили в этой комнате, полученной папулей в 1930–1931 гг.

Так началась совместная жизнь моих родителей. Еще до моего рождения мама выезжала с папой в летние военные лагеря, где папа служил, ведая снабжением красноармейцев и отвечая за хозяйство вверенного ему войскового подразделения. Окружающие люди и красноармейцы называли папу уважительно „командиром“. К маме относились как к жене командира, к большому ее смущению (а ей-то всего 19 лет).

Я родилась в сентябре в роддоме у Покровского (Электроставского) моста на Яузе, теперь это ул. Н. Гастелло. Роддом стоит до сих пор. Папа был на службе, а когда узнал о рождении дочери, по пожарной лестнице добрался до окна, чтоб увидеть своих дорогих Кланечку и Алечку.

Жизнь шла своим чередом. Теперь уже мои собственные детские воспоминания о папе.

Как это ни покажется странным, мои первые детские, запомнившиеся мне события происходили тоже „на службе“ вместе с папой в летних военных лагерях (летом 1935 г. мне было около 3 лет, в 1936 г. – 3,5 года). Это было в Нахабино или Алабино. Я помню себя прогуливающейся по мосту, окружающему армейские склады (папино хозяйство), где я, позарившись на „красоту“, наелась красного горького перца и страшно потом орала. Красноармейцы обожали меня, думаю, дочке плохого командира не стали бы делать качели, доставать для нее собачку, играть с ней в свободное от службы время. Мои зимние московские воспоминания связаны чаще всего с праздниками, особенно новогодними, и когда приезжал папин „лучший друг“ (так было написано на обороте фотографии дяди Вани Хоменко, подаренной папе).

На Новый год папа устанавливал мне большую елку. Помню, что на ней было, кроме игрушек, много гостинцев: висели конфеты в красивых фантиках и мандарины, завернутые в серебряную бумажку, а главное – папа дарил мне „бомбу“. Это наподобие современного „киндер-сюрприза“ (все новое в плохом варианте – хорошо забытое старое). Это был шоколадный шар из настоящего шоколада диаметром 8-10 см, полый внутри и с деревянной игрушкой в этой полости (чашечка с блюдцем, самоварчик, чайничек или какая-нибудь зверушка). И пусть теперешние не говорят, что ничего не было в наше время, и едят каждый день „киндер-сюрпризовое“ подобие шоколада и играют с пластмассовой игрушкой в виде Гарри Поттера.

В доме у нас всегда царил добрая обстановка, дом был открыт для родных и друзей. Частыми гостями были мамы родители (дедушка Петр умер в 1936 г., бабушка Дарья – в войну). Папа был очень внимательным к ним. Бабушка перед войной заболела бронхитом. Папа из Пешек привез ее в Москву и вызывал профессора на дом для консультации и назначения лечения. Мама часто болела и лечилась в военном госпитале, впоследствии ей сделали операцию, и болезнь отступила. Часто бывал мамин старший брат дядя Миша, самая молодая мама сестренка Лизочка; папин младший брат дядя Боря был мамин ровесник, и они дружески относились друг к другу; приезжал папин двоюродный брат (он учился на летчика) – Телешов Николай, папина сестра Анна Ефремовна с мужем гостили у нас постоянно, и даже их первая дочка, моя тетка, родилась в Москве; также из-за сложных родов, т. е. у нас в Москве, рожала мама сестра своего сына. Папа был всем рад и никогда-никогда не отказывался помогать близким в любом деле, причем делал это с удовольствием, ничего не ожидая и, уж конечно, не требуя взамен.

Папа был политически грамотным человеком, у нас в доме была литература политических деятелей того времени, в том числе работы Ленина, Сталина и т. д., отдельные сочинения классиков марксизма. Я училась „читать“, в частности, и по этим книгам. Знала всех вождей по именам и называла их на картинках; папа учил меня петь революционные песни – „Каховку“, „Орленка“ и его любимую: „Полюшко-поле, полюшко, широко поле, едут по полю герои – это Красной армии герои“ (эту песню впоследствии замечательно исполнял американский певец Поль Робсон).

На день Великой Октябрьской революции папа обязательно водил меня смотреть иллюминацию, обычно к электроставу (м. „Электроставская“). По теперешним временам, когда каждый день иллюминация – да какая! – ночь превращена в день, а тогда это было

всего несколько лампочек на башенке здания завода. Это было лишь дважды в году, а воспринималось мною, да и всеми, как праздник души и единения со всеми, кто радовался вместе с нами.

В 1935 г. построили первую, Сокольническую, линию метро, и мы с папой ездили на станцию „Красные ворота“ („Лермонтовская“) кататься на лесенке-чудесенке (там был самый длинный эскалатор по тем временам).

На майские праздники папа брал меня с собой на демонстрацию. Помню, когда папа был „на гражданке“, мы ходили на демонстрацию от его работы. Это предприятие было на Ткацкой улице (м. „Сталинская“). Станцию построили в войну, а после переименовали в „Семеновскую“. Это предприятие после войны входило в систему ВПК, и там работал мой муж – Макаров Павел Дмитриевич.

Папа привил мне любовь к политическим наукам, но это неосознанное, детское восприятие сделало свое дело.

Я с 6-го класса и до достижения 30 лет постоянно на май и октябрь ходила на демонстрации и не представляла себе жизнь без этих праздничных, таких замечательных и запоминающихся мероприятий. Это тоже заслуга папули. Он был бы рад видеть меня такой, какая я есть. Я имею два высших образования – техническое и политическое. Правда, в этом огромная заслуга моей драгоценной мамули, добрых людей советской власти, но папин первоначальный вклад несомненен.

В праздники и в дни, когда у нас гостили и приезжали родные и друзья, было всегда весело. Папа играл на балалайке, в доме пели, танцевали, особенно мы бывали рады приезду дяди Вани Хоменко. Он был очень красивый, даже я могла это отметить. Он был военным служащим (может, учился с папой на „Выстреле“, и там познакомились?) и служил в то время в Узбекистане, у нас в доме он назывался „дядя Ваня из Ташкента“. Он приезжал к нам, обвешанный гостинцами и подарками. Это были решето с виноградом, тубетейки и хромовые сапожки для мамы и меня. Даже однажды дядя Ваня привез маме настоящие бурки. В доме царил веселье и смех, обстановка сердечной дружбы и взаимопонимания. Дядю Ваню я видела после войны году в 1948-1949-м, летом, он гостил у нас и все сокрушался, что о Коле так ничего и не известно. Меня одарил подарками, и очень кстати при нашей с мамой удручающей бедности.

Часто заходил к нам Жоржик (не помню фамилии), он был моложе папы и дяди Вани, но дружил с ними, он учился в Академии; мне он запомнился тем, что, когда в танцах ему не хватало „дамы“ (а это были мама или Лизочка), он танцевал со стулом.

Большим другом папы был наш сосед по квартире Николай Иванович Мокрицын, он был летчиком и погиб в первые месяцы войны, став Героем Советского Союза.

Папа любил меня, заботился о нас с мамой, баловал по возможности.

Осенью 1938 г. меня определили в детский сад. Это был замечательный детсад, как и все, что делалось для блага народа, а детей особенно, в то время. В 1939 г. летом нас отвезли на дачу (по-моему, в Голицыно). В родительский день меня навещали родители, но потом папа приехал еще раз, его на территорию, естественно, не пустили. Так он пробрался сквозь дыру в заборе и передал мне гостинцы и игрушку. Это был гуттаперчевый пионер, который кувырчался на турнике. Я, как всегда, плакала: хотела домой, и папа вскоре до срока забрал меня с дачи, за что ему попало от мамы. Моей последней игрушкой, которую я выпросила у папы лишь только потому, что такая была у моего приятеля, был надувной резиновый зеленый крокодил. Участь этого крокодила „ужасная“: его во время войны съели крысы.

На новый 1940 год папа купил мне лыжи, да не простые, а с креплениями, правда, мягкими; я на них мало каталась, одну зиму только, а потом их сожгли во время войны вместо дров.

Помню, как папа оформлял меня в школу: мы сдавали анализы и проходили врачебную проверку в замечательной больнице Десятилетия Октября. Это огромная пятиэтажная больница у метро Семеновская; к школе папа купил мне все, что необходимо первокласснику, тут я опять отличилась и потребовала вместо портфеля синий чемодан.

Папа, естественно, не устоял, но 1 сентября с синим чемоданом я оказалась в 435-й школе одна. Школа наша была построена в 1931 г., таких прекрасных школ сейчас не строят. Я окончила эту школу в 1951 г. Здание ее стоит и сейчас, но медленно разрушается, а жаль.

Училась я хорошо, папа мне во всем помогал, я только совершенно не могла рисовать, даже сыр из букваря и то не смогла изобразить в тетрадке, все закончилось слезами и сердечным утешением.

Летом после школы меня отправили к бабушке в Пешки, а 22 июня началась война, но меня она пока не коснулась, хотя в Москве уже начались бомбежки. В начале войны папу не призвали в действующую армию, все же возраст, да и на гражданке дел хватало, надо было быстро все переправить в тыл, да и армию снабжать всем необходимым.

В октябре папа привез и маму в Пешки и обустроил нас у бабушки. Никто никогда не мог и подумать, что, спасаясь от бомбежек, мы попадем в оккупацию, а фашисты окажутся в 20 км от нашей Москвы. Селяне и мы вместе с мамой и бабушкой селились в землянках в лесу между Ленинградским и Дмитровским шоссе, там же располагалась группа лиц, оставленных в тылу для организации сопротивления врагу. Мы оставались в оккупации 12–15 дней.

В середине декабря Солнечногорск был освобожден, и мы с мамой на открытой армейской машине были „заброшены“ в Москву нашими красноармейцами. Это было в первой декаде января 1942 г.

Папа был эвакуирован в Горький 4 января (?), т. е. мы разминулись. На столе в нашей комнате лежал черствый белый батон (мы его разрубили топором), в чайнике – замерзшая вода. Вся квартира стояла пустая.

Все – стали жить без папы и без вестей о нем.

Первая весточка от папы пришла 23 февраля из города Никологоры Ивановской области в ответ на мамино письмо (видно, папа оставил адрес, куда ему писать).

Папа писал, что рад нашему благополучному возвращению, и очень просил маму не предпринимать никаких шагов без согласования с ним. 24 февраля пришла другая открытка, тоже из Никологоры, папа сообщал маме, что пытается добиться переговоров с ней по телефону, передает привет всем маминим московским родным и просит „каким-то образом перетащить маму (т. е. бабушку) в Москву“. Потом были открытки от 5 марта и 28 марта 1942 г. (из г. Вязники), в которых папа писал, что „ваш папа пока жив и здоров, получил назначение в Москву, скоро, возможно, буду“.

Все открытки пронизаны теплом, заботой, тревогой, обеспокоенностью за нас с мамой. Папа знал, что мама молоденькая, неопытная, без специальности. Как она сможет прожить без поддержки одна с небольшим ребенком?

Что это было за „назначение в Москву“, мы узнали вскоре. Это была середина, скорее всего конец мая 1942 г.

В апреле мама устроилась на работу уборщицей в контору „Дормосттранспорт“ в буфет, где кормили шоферов. Шоферы были на казарменном положении, это означало, что после рейса они шли не домой, а спали на работе в общежитии до следующего рейса и тут же питались в буфете. В буфете в любое время дня и ночи теплился титан (это большой вроде бы самовар), и шоферы могли попить кипяточку, мама должна была натаскать дров и поддерживать тепло, мыть котлы из-под привозимой пищи, мыть полы и поддерживать чистоту в помещении, где содержалась пища, где питались шоферы. Ей, бедняжке, доставалось. Папуля не зря опасался за нас. Я почти всегда была предоставлена сама себе, даже школа до сентября 1942 г. не работала.

Однажды из домоуправления прибежала наш неизменный секретарь Мария Сергеевна и позвала маму к телефону: звонил папа, он сказал маме, что будет проездом в Москве, и объяснил, как его найти. Мама отпросилась с работы, и мы быстренько поехали, я плохо помню, как и куда мы ехали, мама тоже, мне кажется, плохо знала, как и куда ехать, несмотря на папины разъяснения по телефону. В общем, как я теперь представляю, это была одна из станций на Московской Окружной железной дороге в районе Красной Пресни на

Шелепихе или в районе теперешнего метро „Щукинская“. Мы долго искали нужное нам место, наконец, вышли на пустое, едва зазеленевшее и сыроватое поле, на железнодорожных путях которого стоял состав из закрытых теплушек с красноармейцами, отправляемыми на фронт. Папуля нас встречал, он расстелил на земле белый полушубок (такие же я видела на сложенных в штабеля убитых под Москвой красноармейцах, когда мы с мамой возвращались в Москву в декабре 1941 г.), вынес свой прибереженный, видно, для нас, паек – селедка и черный хлебушек, разодрал селедку, разломал хлеб, и мы вместе поели все. Папуле очень хотелось белого хлебушка, хоть 100 граммов, чтобы побаловать нас, но чего не было, того не было. Папа всегда очень хорошо и вкусно готовил. Когда мама куда-то уходила, а я, как всегда, ревела, папуля меня уговаривал: не плачь, мы будем с тобой жарить картошку. Она у него получалась отменная, помню до сих пор.

Долго ли мы были, о чем говорили, не помню, наверное, в эти короткие минуты можно сказать только главное, что и было, по-видимому, сказано. Я думаю, папа говорил с мамой обо мне, он волновался за мое будущее. Потом папа проводил нас до какого-то транспорта, наверное, на расстояние, на которое можно было отойти от теплушки, всю дорогу нес меня на руках, а я, длиннющая, худющая, вцепилась в него, а ноги бьют его по коленям; при прощании папа отдал все, что у него было, – тот самый белый полушубок (он нас очень выручил впоследствии). Больше мы папу не видели. На другой день с папиросами и белым хлебушком (маме поменяли черный на белый буфетницы) мы поехали на то место, но поезд ушел, и папы не стало, и писем тоже не было. Мы жили в полном неведении и страхе за папу.

Потом, уже зимой, маму вызвали в военкомат и вручили извещение, сказав при этом, что на папу был приказ о присвоении следующего воинского звания, т. е. если в извещении папа был ст. сержант, то он вроде бы пропал мл. лейтенантом – это уже считалось командирским званием, а в теперешних документах папа числился как лейтенант, но кому это теперь надо.

Папа не был забыт женой и дочерью, мама осталась ему верной до конца жизни. Даже „постаралась“ умереть с папой в один день (06.07.2003), как она думала, лежа в реанимации после сложной операции. Сразу после сообщения о папе мамуля целиком и одновременно поседела, так что я практически всегда видела маму седой.

Я в последние годы (1990–2010) посещала в дни поминовения Поклонную гору и церковь Георгия Победоносца; к памятнику „Пропавшим без вести. Солдатам без могил“, установленному к 50-летию Победы (в качестве подарка от Украины), приносила цветы. Эта была единственная для меня возможность помянуть папу. Официальное отсутствие данных о его судьбе не позволяло поминать его в церкви ранее.

Наша единственная, мною, покойным мужем и покойной мамой любимая названная дочка и внучка – Кочкина Мария Александровна – по моей просьбе постоянно искала среди появляющихся в интернете данных о пропавших участниках войны какую-либо дополнительную информацию об Антропове Николае Ефремовиче, пропавшем без вести 06.07.1942.

20.11.2010 в выложенных в интернете данных она нашла моего папу.

Антропов Николай Ефремович числился под № 1007 в найденных в 2005 г. списках умерших в фашистском пересыльном лагере „Дулаг-184“ (лазареты № 1, 2, 3), г. Вязьма Смоленской обл. в период I, II, III, VII, VIII, IX, X 1942 г.

21.11.2010 Маша привезла мне всю полученную информацию, касающуюся „Дулага-184“ в г. Вязьма.

В списке в отношении папы было допущено несколько ошибок, папа родился не в 1906, а в 1905 г.; в московском адресе вместо Госпитального вала записан Крымский вал; Машу смущала непонятная ей цифра 94 перед адресом, я же знала, это номер нашего почтового отделения – Е-94, так что никаких сомнений, что под № 1007 числился именно мой папа, а ее дедушка, не было.

В отдельном документе зафиксирована под № 46925 дата смерти лейтенанта Антропова Николая Ефремовича в лазарете № 3 „Дулага-184“ – 29.08.1942; в этом документе в написании те же ошибки о дате рождения, месте проживания и о воинском звании.

17.12.2010 я впервые познакомилась с работой Координационного совета Международного союза „Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств“, Международной ассоциации общественных поисковых объединений „Народная память о защитниках Отечества“. Для родственников воинов-москвичей, погибших в немецком плену, была организована встреча при поддержке города в Московском доме общественных организаций. На этом мероприятии, проходившем в торжественной обстановке, я впервые увидела фотографии того скорбного места, где прошли последние дни моего дорогого папы, познакомилась с рассказами таких же, как я, дочек и сынов, нашедших в разное время своих пропавших без вести отцов. Некоторые из них уже неоднократно были в Вязьме, мне только предстояло осуществить поездку на место папиной гибели весной.

К отцу через 68 лет... 30 апреля 2011 г

Такая поездка состоялась 30.04–01.05.2011. О впечатлениях, о поездке и состоянии дел по увековечению памяти погибших в лагере уже много написано в центральной прессе и в наших заметках.

Я, побывав на месте лазарета № 3, на котором сейчас стоит двухэтажный барак и огороды за ним, положила у дома белые булки, посыпала рис, а потом, нарыдавшись вдоволь за все прошедшие годы, за себя и за маму, набрала землячки с этого скорбного места (а Вязьма – вся в костях погибших) и привезла ее в Москву. Оформила документы и „захоронила“ землю в мамину могилку. В ней покоятся все, кто знал и любил папу. Там же будет захоронен и мой прах вместе с мамой, папой, бабушкой, тетями. Это место находится на Введенском кладбище около нашего дома № 5 на Госпитальном валу. Правда, дом наш уже снесен.

Это родное для нас всех место. Мы прожили там: папа – с 1930 по 1942 г., мама – с 1931 по 1973 г., я – с 1932 по 1973 г., Маша – с 1971 по 1976 г.

Вечная благодарная память всем страдальцам, положившим свою жизнь на алтарь Победы.

Жаль, что Родину, которую они защищали, мы не уберегли. Простите нас».

В продолжение темы

А. Н. Макарова

Пусть всех имен не назову —
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

С. П. Щипачев

С непередаваемой болью и великой скорбью 30 апреля 2011 г. вступили мы на вяземскую землю – место так называемых в истории Великой Отечественной войны «вяземских котлов» 1941–1942 гг.

Природа под Вязьмой изумительная: бескрайние зеленеющие поля, невысокие холмы, перелески, и, любуясь сегодня этой первозданной красотой, неотступно думаешь, как здесь, практически на открытом месте, сражались и стояли насмерть наши отцы и деды, даже зацепиться не за что, только прижаться к родной земле, уже не однажды политой русской кровью.

Но я не буду останавливаться на собственно военном аспекте этой трагедии, об этом уже много и подробно написано, и все, казалось бы, обсуждено и «справа» и «слева». Выяснено, кто прав, а кто ответственен за происшедшее.

Меньшее место в обсуждении этого трагического момента занимает, если так можно выразиться, сопутствующий и не менее трагический вопрос – о большом количестве попавших в этой «вяземской мясорубке» в плен красноармейцев, в том числе ополченцев, и об ужасном пересыльном лагере «Дулаг-184», устроенном фашистами в самой Вязьме. Через лагерь прошло огромное количество пленных, выжившие в Вязьме прошли все нечеловеческие муки в фашистских концлагерях в самой Германии и на территории стран-сателлитов (Польша, Чехословакия, Румыния, Австрия и т. д.).

Десятки тысяч защитников Родины, считавшиеся почти 70 лет пропавшими без вести, погибли непосредственно на территории «дулага».

А это значит, что почти 70 лет столько же осиротевших семей ничего не знали о судьбе своих близких. В лучшем случае родные получали извещения со стандартным текстом «Ваш сын, муж, брат, красноармеец, старший сержант 1905 г. р., уроженец города Москвы в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, пропал без вести (убит) 6 июля 1942 г. (в случае гибели примерное место захоронения)» Ну, хотя бы это, большинство близких вообще ничего не получало. Ушел человек на войну, и все.

Я сердечно благодарна людям, нашедшим и восстановившим имена и горькую судьбину более 4 тысяч ранее безымянных страдальцев, принявших мученическую смерть в «лазаретах» № 1, 2, 3 «Дулага-184» в январе, феврале, марте, июле, августе, сентябре и октябре 1942 г., и до настоящего времени ведущим непрекращающийся поиск родственников погибших воинов. Среди них и имя моего отца Антропова Николая Ефремовича, умершего в лагере 29.08.1942. В извещении, полученном моей мамой Антроповой Клавдией Петровной в конце 1942 г., папа числился пропавшим без вести 6 июля 1942 г.

«Счастье» знать, что папа пропал без вести – очень горькое счастье, это полная неизвестность, ничего: ни могилки, ни дальнейшей судьбы, ни даже возможности поставить

свечу на помин, ушел дорогой человек «в никуда», а для нас началась несчастная, безрадостная жизнь. Мама не дожидая до дня, когда стало известно очень приблизительное и очень неприглядное место «упокоения» ее горячо любимого мужа, которому она была верна всю свою жизнь с 1942 до 2003 г. и даже «сумела» умереть, как она думала, в один с ним день – 6 июля 2003 г., так и не узнав, что муж умер в другой день в фашистском «лазарете», где у этих нелюдей не было элементарных условий содержания и средств, чтобы помочь больным или раненым людям, а медперсонал из пленных же медработников подчас сходил с ума от бессилия что-либо сделать для страдальцев. Слава богу, она ничего этого не узнала.

Отдавая должное подвигу замученных красноармейцев, храня священную память о них, об их страданиях и муках в наших сердцах, я хотела бы добавить сюда не менее скорбные последствия, усугубляющие эту трагедию. Это безутешная на десятки лет боль не одного поколения многих и многих людей, так или иначе затронувшая и их судьбу.

За именами «нашедшихся» и оставшихся безымянными героев, брошенных и как попало закопанных на огромной территории «мемориального» мясокомбината, многочисленных строений, огородов, даже проезжей дороги, по которой снуют туда-сюда автомобили, стоят десятки, а скорее сотни тысяч исковерканных судеб, память о которых также должна жить постоянно в сердцах ныне живущих и будущих поколений. Иначе Россия просто погибнет, погрязнув в беспомощности.

Самая горькая участь досталась матерям, потерявшим своих дорогих деток, часто выращенных в тяжелых условиях. Их ждала близкая без поддержки и тепла старость, часто старики оказывались без должного внимания со стороны бездушного окружения, нередко осуждающего попавших в плен. Ладно бы пропал один сын, а не все сразу, но ведь были нередко и такие судьбы, когда мать, воспитавшая многих детей, теряла всех, а иногда еще и мужа, тоже ушедшего в ополчение вслед за сынами. Сколько бессонных ночей провели матери, надеясь: вдруг ошибка, вдруг вернется сын, пусть хоть искалеченный, но живой, лишь бы вернулся. Теперь их, долго ждавших и вопреки всему надевавшихся на чудо, уже давно нет в живых.

Далее – любящие и не дождавшиеся своих мужей вдовы, их тоже многие миллионы. Это они, оставшиеся наедине со своей бедой, глотая слезы (не показывая их осиротевшим детям), продолжали работать. Это они растили и учили детей, зная, что надо выжить в тяжелейших условиях войны, а потом возродить страну.

Фашисты оставили нам пустыню. Так и жили они в голоде, холоде, в старых обносках, без мужниной поддержки и любви, сосредотачивая свою нерастрченную женскую любовь на детях. Они жили, стараясь вырастить детей достойными их отцов, такими, какими те хотели бы их видеть.

Это тысячи и тысячи невест, коротающих свою жизнь в ожидании счастья и, как правило, проживающих ее в одиночестве.

Наконец, это дети-сироты. Уж поверьте, нам хорошо известно, что сиротство – страшная травма для небольшого еще ребенка. Что значит остаться без поддержки, заботы, внимания и совета взрослого умного человека, любящего доброго папы на всю жизнь?! Это тяжело и несправедливо. Часто на плечи сирот ложилась забота о матерях, тоже осиротевших, а часто и о младших членах семьи. Это множество совсем не детских забот и обязанностей, я уж не говорю, что сиротское детство очень безрадостное. Это не сиротство при живых родителях, что часто наблюдается в настоящее время, это горькое вынужденное сиротство, сразу оборвавшее наше детство; мы рано повзрослели.

Но мы были воспитаны в детские годы достойными людьми, и в дальнейшем окружали нас добрые, понимающие нашу боль люди, у нас были замечательные учителя и наставники, вырастившие поколение созидателей.

Мы работали и учились вечером, мы обустроивали разоренную фашистскими пришельцами страну и старались вывести ее на передовые рубежи, потому что ненавидели войну и знали, что только сильная богатая сплоченная страна может побеждать и жить, не опасаясь повторения 1941–1945 гг.

Это нашими руками заново созданы многие отрасли промышленности – электронная, атомная, ракетостроение, новое точное приборостроение; преобразилась наша металлургия, в том числе цветная, в стране получены чистый германий и чистые цветные металлы для полупроводниковых соединений. Осуществлен прорыв в переработке сульфидных материалов черной и цветной металлургии с применением высокоэффективных ресурсосберегающих автогенных процессов, позволяющих увеличить производство стали, меди, свинца, никеля и др. материалов, в том числе сопутствующих, редких.

Это нашими руками построен каскад крупнейших ГЭС в Сибири, поднята целина, построен БАМ и многое-многое другое, в результате чего СССР стал первой державой в Европе и второй в мире. Мы первые начали освоение околоземного пространства, запустили спутник, первым человеком в космосе стал Человек Мира Ю. А. Гагарин, парнишка все с той же Смоленщины.

Наши отцы и деды могут гордиться нами, мы их не подвели, а с честью продолжили ими начатое. Жаль вот только, страну, которую они защищали и за которую отдали свои жизни, не уберегли.

С годами горечь утраты не проходила и не проходит. Мы поздно узнали об участии своих близких, иначе мы бы никогда не допустили, чтобы бездушные чиновники оскорбляли беспамятством наших отцов и дедов, которые до сих пор не упокоены ни по людским, ни по божьим законам.

Иначе как надругательством над останками погибших воинов существующее в Вязьме положение назвать нельзя.

Нас, сирот войны, осталось всего ничего... Мы старые, больные, нищие люди и уже мало что можем сделать для увековечения памяти ушедших дорогих нам людей.

Будь мы моложе, мы на свои трудовые деньги построили бы мемориал, и тогдашняя страна бы нам помогла.

Жаль, что теперь наша страна, Российская Федерация, вместо того чтобы с почестями захоронить останки своих защитников, перечислив всех по возможности поименно, охотнее представляет русскую землю для кладбищ под захоронения чужестранцев, пришедших на нашу землю с оружием с целью поработить ее.

Внуки и правнуки! Помните о подвиге своей страны, подвиге наших отцов и ваших дедов и прадедов! И должны стоять мемориалы в память о павших защитниках Родины как напоминание о трагедии ныне живущим и как повод для размышления о будущем.

Манкурты будущего не имеют.

Чудеса на земле случаются даже через 66 лет...

Из воспоминаний Иксановой Сафии, дочери красноармейца 1188-го стрелкового полка 357-й стрелковой дивизии Айси Макжанова (1904-08.10.1942, лазарет № 2) и его внучки Низаметдиновой Рамили

«Наш дедушка Макжанов Айся родился в 1904 г. в д. Медяна Кзыл-Октябрьского района Горьковской области. Детство и юность прошли в деревне в обычной многодетной бедной татарской семье. Воспитание получил в строгих мусульманских традициях, никогда не пробовал спиртного и не курил. Трудился, помогая родителям с раннего детства. В 1923 г. женился на девушке по имени Медина, в татарских деревнях в те годы было не принято встречаться, поэтому их родители сосватали, обговорили детали свадьбы. Затем пришел мулла, прочитал свадебную молитву, состоялось мусульманское венчание, так образовалась их семья. Через некоторое время они переехали в столицу.

Жили в центре Москвы на Трубной площади в коммунальной квартире в небольшой комнате, всего у них родилось семеро детей, к сожалению, четверо умерло от болезней в младенчестве, остались две дочери Хасяне и Саня и сын Идрис. Работал дедушка в

торговле. В конце тридцатых годов их семья и еще несколько татарских семей переехали жить в Московскую область, станция Никольская. Их довоенная жизнь мало отличалась от жизни других, таких же простых людей, как они. Дедушка поступил на работу на фабрику „Рот-Фронт“, бабушка воспитывала детей. На войну дедушку забрали только в августе 1941 г. Призывался он Кировским РВК (в ополчение) по месту работы. Сын, а ему было еще 9 лет, так не хотел расставаться с отцом, что просил его отпустить бороду, все подумают, что он старый, и не возьмут его на войну. А он в ответ только смеялся, и шутил над ним, и говорил: по документам-то я молодой, и если я не пойду на войну, кто будет вас защищать от фашистов. Провожать дедушку на фронт пришла соседка бабушка Телепегина. Погода была очень теплая, было много цветов, она сорвала и принесла цветы, это были флоксы и золотые шары, и сказала: „Алексей (так его звали соседи), возвращайся с победой!“. Он взял младшую дочь на руки, и пошли на станцию. Сын взял в руки прутик и сказал, что убьет Гитлера, хотел пойти с папой на войну. По дороге купил детям мороженое, он их очень любил и немного баловал. Родители разговаривали, возможно, дедушка пытался поддержать бабушку, ведь она оставалась одна с тремя детьми на руках, и должен был появиться еще малыш.

Подождал поезд. Пообещав скоро вернуться с победой, он сел в поезд и уехал. Через некоторое время дедушка прислал письмо и сообщил, что их часть стоит под Наро-Фоминском, и бабушка с сыном поехала его туда навещать и повезла небольшой гостинец, она видела, как их обучали, все они катались на лыжах в белых маскировочных халатах. Она ему пообещала приехать на следующий день, он ответил, что завтра они уезжают, пока не знают куда. Это была их последняя встреча.

После его ухода на войну бабушка отправила дочерей в Горьковскую область к родственникам в деревню, а сама пошла работать на фабрику „Рот-Фронт“. Она работала в три смены, практически не бывая дома. Вскоре ей сообщили, что в деревне очень голодно и надо забирать детей домой, иначе они погибнут, привезти их домой согласилась дальняя родственница тетя Зина.

Добирались долго и тяжело, их пересаживали с поезда на поезд, во время одной из остановок их выбросили с поезда, и младшая Сафия, ей было всего 5 лет, потеряла валенок, и добрые люди намотали ей на ногу тряпки и нашли где-то старую галошу. У нее опухло лицо, глаз заплыл, потому что она сильно ударилась, падая из вагона поезда. Рядом стоял военный эшелон, и один солдат спросил, куда же они едут в такой холод с такой маленькой девочкой. Они ответили: домой, к маме, в Москву. Он посадил малышку на руки, угостил ее колотым сахаром, который она тут же съела, и дал им котелок с пшеничной кашей. Им пришлось идти несколько километров до другой станции, чтобы сесть на другой поезд. Всю дорогу они питались этой кашей, экономя по ложечке, даже угостили попутчиков в поезде, до которого они все-таки добрались. В поезде народу было мало, была в вагоне круглая печка, и они в тепле добрались до Москвы. Бабушка их встретила, и ей пришлось выхаживать детей, так как они были очень худые и слабые.

В 1945 г. пришло извещение о гибели дедушки, никто в доме не мог поверить в то, что нет больше их самого близкого человека. Бабушка всю жизнь его ждала, до самой смерти. Даже не верила в его гибель, после того как в 1946 г. к ним приехал дедушкин однополчанин и рассказал о том, что он погиб у него на глазах. Во время очередного боя сам видел, как дедушку ранили, и он упал, ему показалось, что он умер, и, чтобы на него никто не наступил, оттащил его в сторону под березу и накрыл или шинелью, или плащ-палаткой. Он хотел на обратном пути его похоронить, но по возвращении его на месте не оказалось. Остается только догадываться, что его, раненого, подобрала фашисты и отправили в лагерь военнопленных, где он умер от ран 8 октября 1942 г.

В 1947 г. государство выделило 700 рублей как семье погибшего, и бабушка купила на память самовар (он до сих пор хранится в нашей семье как реликвия). Один только бог знает, какие тяготы выпали на долю бабушки, растившей одной детей, но эта сильная женщина

смогла справиться со всеми тяготами послевоенной жизни, она всегда много работала и детей вырастила трудолюбивыми и честными.

Жили в очень холодной маленькой комнате. Сосед Ануфриев Серафим их пожалел и написал письмо Сталину о том, что они живут в очень тяжелых условиях. Через некоторое время пришел ответ по месту работы бабушки на фабрику „Рот-Фронт“ с распоряжением дать вдове и детям погибшего воина другую комнату. Им предложили вариант в другом подмосковном городе, но бабушка никуда не поехала, она сказала: отсюда ушел мой муж, и я никуда не поеду, вдруг он вернется, а нас нет. В 1970 г. нам как семье погибшего в Великой Отечественной войне выделили квартиру в центре г. Балашиха в новом доме, где мы до сих пор живем, и эта квартира нам дорога как память о нашем дедушке.

Каждый год 9 мая бабушка плакала и говорила: в этот день кто-то вернулся, а многие женщины так и не дождалась своих близких и любимых. Нам всегда было тяжело слышать эти слова, так как в них было столько боли и печали. Бабушка умерла в 1981 г., всего на 7 месяцев пережив своего единственного сына (он умер от тяжелой болезни), он был очень похож на своего отца. Они так и не узнали, что 1968 г. был открыт памятник воинам, погибшим в ВОВ, ушедшим на фронт из п. Дзержинский, ст. Никольское Московской области, и там была высечена фамилия их самого любимого человека.

Мы, внуки и дочери, с 1984 г. каждый год ездим к этому дорогому для нас месту 9 мая, 22 июня, 8 октября и возлагаем цветы, это семейная традиция, и наши дети принимают активное участие в поездках.

Долгие годы наша семья пыталась узнать о судьбе дедушки, где и как погиб, чтобы мы могли поехать и поклониться его праху. Теперь мы знаем, что чудеса на земле случаются даже через 66 лет. В сентябре 2008 г. наша жизнь перевернулась, нам позвонила Иванова Евгения Андреевна – председатель Международной ассоциации общественных поисковых объединений „Народная память о защитниках Отечества“. Она сообщила нам, что наш дедушка погиб в Смоленской области в г. Вязьма в немецком пересыльном лагере „Дулаг-184“ в лазарете № 2. Нам тяжело представить себе, что пережили люди, попавшие в это ужасное место, как они страдали, какие мучения выпали на их долю.

25-26 октября для нас, потомков воинов, погибших в этом лагере, была организована поездка в г. Вязьму к месту гибели наших близких. С тех пор Смоленская земля стала для нас самой родной, а место его гибели – священным, ведь там лежит самый дорогой и родной наш человек, которого нам никогда не суждено было увидеть, – наш дедушка. Низкий поклон всем тем, кто помнит подвиг наших дедов и отцов, отдавших жизнь за свою Родину, кто до сих пор разыскивает и находит родственников бойцов, погибших в Великой Отечественной войне».

Иксанова Сафия Айсиновна, дочь бойца Макжанова Айси:

«Мы провожали папу, и соседка сказала: „Алексей, возвращайся с победой!“.

Мама ждала его до последнего дня своей жизни, а папа вернулся в XXI веке благодаря поисковикам. Благодарим всей семьей и низко кланяемся».

Вязьма... «Дулаг № 184»... Гончаренко...

Из воспоминаний Шориной Татьяны Александровны, внучатой племянницы младшего лейтенанта Гончаренко Георгия Ивановича (1910-07.01.1942), умершего в немецком пересыльном лагере «Дулаг-184» (лазарет № 1) в г. Вязьма 7 января 1942 г.

«В каждой русской семье есть свои герои – те, кому на долю выпала война, кто в первых рядах ушел защищать свою Родину: кто-то прошел весь славный путь до Великой победы, кто-то сложил головы уже в первые дни войны, кто-то пропал без вести. Это – герои той страшной войны, помнить которых мы будем всегда.

С детства врезалась в память небольшая старенькая фотокарточка, которую бабушка бережно хранила: с нее на нас смотрел красивый молодой парень с упрямым подбородком и темными волнистыми волосами.

Мы с сестрой никогда не спрашивали, кто это, потому что твердо знали с самого рождения, что это дядя Жора, бабушкин младший брат, герой-танкист, воевал под Смоленском, пропал без вести.

Все братья Гончаренко сразу же оказались в самом пекле войны. Герасим – комвзвода, сержант 902-го краснодарского арtpолка 353-й стрелковой дивизии – погибнет, защищая Донбасс 27.01.42, похоронен в деревне Фащевка, Луганской обл. Матвей вернется контуженным, останется инвалидом, проживет недолгую жизнь.

А про Жору известно вот что: 29 июня 1941 г. он был призван в ряды РККА. Того же числа 112-й танковый полк 56-й танковой дивизии в составе 26-го механического корпуса погрузился в вагоны и направился на Запад. Именно 112-й танковый полк, 56-я танковая дивизия, в/ч 7532 считается последним местом службы Гончаренко Георгия Ивановича, урожденного г. Краснодара, 1910 г. р., апреля 23 дня, младшего лейтенанта, командира взвода, пропавшего без вести в ноябре 1941 г.

Мы до сих пор храним его последнюю открытку с фронта: „Сообщаю, что жив-здоров, скоро подойдем к станции, все у нас хорошо“, датированную 25 августа 1941 г., 201-я полевая почта, 102-й арtpолк, 3-я батарея. Изучая исторические карты и военные сводки, выяснили, что 102-я танковая дивизия сражалась за Ельнинский выступ. Операция началась наступлением нашей армии 30 августа. Ельнинская наступательная операция была одной из первых в Великой Отечественной войне, в ходе которой осуществлялись прорыв сильной очаговой обороны противника, разгром его группировки. Но силы были неравные, РККА отступала, Ельнинский выступ был ликвидирован 6 сентября.

У нас хранится заявление 1947 г. моей прабабушки, Жориной мамы, в районный военкомат с просьбой о розыске ее сына: в августе Георгий был ранен осколком в грудь и находился в госпитале в г. Вязьма. Сам Жора из Вязьмы не писал. Но, как нам рассказывала бабушка, было одно письмо из Вязьмы. Его написала какая-то девушка, наверное медсестра, Жориной маме, моей прабабушке, о том, что Георгий Иванович в госпитале, тяжело ранен, героически сражался под Смоленском. Обстановка в Вязьме очень тяжелая, немцы подходят, наши отступают; то ли девушка написала, что он умер в госпитале от ран, то ли что все уходят, а его оставляют в Вязьме тяжелораненого. Жаль, письмо это не сохранилось, оно бы многое прояснило. Умер в госпитале? Убили при отступлении? Кто? Немцы? Могли и наши убить, все-таки младший лейтенант, офицерам нельзя было в плен, даже тяжелораненым. Моя прабабушка, наверное, до конца своих дней так и считала, что ее сын умер от ран в госпитале Вязьмы. Просто могилы нет.

Очень долгое время на этом сведения заканчивались. Мы пытались установить место захоронения дяди Жоры – безрезультатно, везде числится „пропавшим без вести“, в Вязьме захороненным не зарегистрирован, по госпиталям не проходит. Мама всегда просила знакомых, которые ездили в Вязьму: поклонитесь нашему Жоре, он там где-то лежит.

И вот случай... совпадение... Конец апреля – вспоминаю, дяде Жоре в этом году 100 лет, первые теплые дни, сирень, ландыши, воздух победы, слезы и гордость за наших ребят, которые приняли бой, оставшись безымянными героями. А помнит ли страна своих героев? Суворов говорил: война заканчивается только тогда, когда будет похоронен последний солдат. А где же они – пропавшие без вести? Куда они пропали и почему?

Смотрю на календарь, приходит идея, звоню сыну: давай махнем в Вязьму на 9 Мая, поклонимся солдатам, там же где-то и наш дядя Жора. Знаю, что сын обожает поездки, раскопки, архивы, вижу: готов, хочет ехать. Начинаем изучать маршрут. Читаю о Вязьме, о войне, об ужасах вяземского котла, о „Дулаге-184“. Ужас – это не то слово. В Вязьме, в „дулаге“ было намного страшнее. Бедный дядя Жора, что же ему пришлось пережить! Тщательно изучаем информацию по вяземским госпиталям. Сын выходит на книгу „Долг памяти“ А. Л. Какуева и И. В. Долгушева со списками умерших в лазаретах „Дулага-184“, и

находим фамилию Гончаренко, умершего 7 января 1942 г. Никаких других сведений больше нет по этому военнопленному. Сердце замирает. Неужели нашли? После стольких лет? Плача, рассказываю сестре. Проверяем и сопоставляем еще и еще раз всю имеющуюся у нас информацию. Очень большая вероятность, что это именно он, наш Гончаренко Георгий Иванович. Нашли.

Рассылаю несколько писем разным людям на разные адреса с просьбой дать более подробную информацию о „Дулаге-184“. Утром открываю почту, меня ждет письмо от Ивановой Евгении Андреевны, президента Международной ассоциации общественных поисковых объединений „Народная память о защитниках Отечества“: „Срочно звоните, завтра мы едем в Вязьму, на место <Дулага-184>“. Бывает же такое!

Все, что я увидела, какие чувства испытала во время этой поездки, не могу передать: увидела места, где воевал дядя Жора, где размещался госпиталь в Вязьме, и, конечно, „дулаг“. Какой ужас, что до сих пор там нет достойного мемориала! Неужели столько людей, умерших и замученных, не достойны нормального захоронения?! Больно и стыдно. А ведь это же судьбы людей. Теперь моя семья считает делом чести достойно увековечить память героев, лежащих в Вязьме. Ведь среди них есть и наш без вести пропавший герой-танкист.

Очень благодарна всем за эту поездку! Был торжественный митинг: слезы, цветы, свечи, минута молчания. Подрстет немного внук – обязательно привезем его сюда, покажем место, где сражался и лежит его герой-прапрадед. Надеемся, страна услышит нас, родственников без вести пропавших героев, покоящихся безымянными на вяземской земле. Они заслужили лучшей участи. Они все герои. А герои не могут быть безымянными. Герои не могут пропасть без вести. Героев надо помнить и знать.

Старший брат Георгия, Герасим, писал в письме родителям по дороге на фронт: „Жора – наша общая гордость. Папа и мама, вы не очень уж сильно убивайтесь за нами, не подрывайте сразу свое здоровье. Я знаю, что мы для вас очень тяжелая и незабываемая утрата, но что будешь делать, такова, знать, наша судьба“.

Героев надо помнить, чтобы больше никогда и ничьи человеческие судьбы не были такими страшными. Светлая память героям».

Собрал детей, благословил их и пошел воевать

Из воспоминаний Архиповой Светланы Геннадьевны, внучки рядового 231-го санбата 380-й сд Матвея Алексеевича Гусева (1902-27.07.1942 г., лазарет № 2 «Дулага-184»).

«...Вот что известно о моем прадеде Гусеве Матвее Алексеевиче. Родился он в 1902 г. в Куйбышевской области, в Ульяновском районе, в деревне Семеновке в семье дьякона Гусева Алексея Ивановича и Созоновой Агафьи Тихоновны, был единственным сыном.

В 1924 г. в возрасте 22 лет женился на Фадеевой Александре Васильевне, в 1925 г. у них родился сын Гусев Николай Матвеевич, который также является участником Великой Отечественной войны, он до сих пор живет в городе Ульяновске, у него много наград, в том числе за взятие Берлина.

В 1928 г. в семье родилась дочь Гусева Мария Матвеевна, которая тоже жива и проживает в Кемеровской области, и в 1930 родилась младшая дочь Гусева Анна Матвеевна (моя бабушка, которая, к сожалению, умерла).

Когда младшей дочери Анне было 3 месяца, у Матвея умерла жена. И в возрасте 28 лет он остался один с престарелыми родителями и тремя детьми в возрасте 5 лет, 3 лет и 3 месяцев. Вообще жизнь у него была тяжелая, как и у многих людей того поколения. По характеру Матвей был очень спокойный, добрый. Несмотря на приход советской власти, вся его семья свято верила в Бога, соблюдала все посты и православные праздники. Семейные традиции у нас соблюдаются до сих пор, несмотря на то, что дедушка умер в возрасте 40 лет и воспоминания о нем до нас дошли только со слов его детей.

Много горя ему пришлось пережить за столь короткий жизненный путь. Работать приходилось с утра до ночи, чтоб как-то прокормить свою семью. Но такое ощущение, что неудачи преследовали его. После смерти жены в 1930 г. в 1934 г. случился пожар, в котором сгорел его дом. Матвей с родителями и детьми переселился к тетке. Был такой случай в его жизни: однажды перед ночью он пошел сторожить колхозные стога сена, вдруг началась сильная гроза, и Матвей увидел жуткую картину – тучи на небе расступились, и показался огненный крест. Только теперь мы понимаем, что этот крест была его судьба.

К 1940 г. прадедушка так и не женился (кому нужны трое детей в голодное время), жил с детьми и родителями. Когда началась война, ему было 38 лет. Повестку на фронт Матвей получил в самом начале войны. Он как будто чувствовал, что назад не вернется, даже паспорт не стал с собой брать. Собрал детей, благословил их и пошел воевать. В письмах он писал, что воюет на украинском фронте. В июле 1942 г. пришла повестка, что красноармеец Гусев Матвей Алексеевич пропал без вести 2 июля 1942 г. Так и поминали мы его все эти годы 2 июля. Лет десять назад моя мама, его внучка, подавала заявку в военкомат выяснить место гибели деда. Получили ответ: пропал без вести при форсировании Днепра в июле 1942.

Перед 65-летием Победы уже я, его правнучка, решила найти что-то новое о дедушке и в электронном архиве „Мемориал“ нашла документ о безвозвратных потерях от 2 июля 1942 г., в которых числился и мой прадед. И чисто случайно нашла информацию о вяземском „Дулаге-184“, в списках жертв которого числился Гусев Матвей Алексеевич.

Какая тяжелая, мучительная смерть! Мы все были в ужасе, плакали всей семьей, когда читали, в каких ужасных условиях содержались военнопленные. Оказывается, Матвей погиб 27 июля, а не 2-го. В течение 68 лет мы поминали его 2-го, а в этом году – 27 июля. Спасибо огромное и низкий поклон вам всем, кто занимается поиском погибших солдат».

И не встречаю ни в одном из списков фамилии и имени отца...

Из письма Драгунова Валентина Германовича, сына красноармейца Драгунова Германа Никитовича (1907-12.09.1942), Республика Татарстан.

«...Я в течение 8-10 лет по архивам искал своих родственников: дедушку по линии матери Воробьева Гурия Спиридоновича; дедушку по линии отца Драгунова Никиту Никифоровича; отца – Германа Никитовича Драгунова. Вы дали исчерпывающий ответ на мои вопросы по поводу отца. Еще раз огромное вам спасибо.

Теперь вкратце расскажу о нашей семье: отец моего отца (мой дедушка) Драгунов Никита Никифорович родился 27.05.1882, уроженец и житель села Большое Шемякино Тетюшского района РТ, крестьянин. Решением судебной тройки ГПУ Татарской АССР от 27.07.1934 по ст. 64 58-8-10 УК был заключен в лагерь на срок 5 лет, считая таковым с 06.04.1931, а семью выслали по 2-й категории (выписка из личного дела № 779). Куда он делся, куда пропал, где его документы с его личным делом?

На поставленные вопросы не мог ответить ни один из архивов.

Дедушка по матери Воробьев Гурий Спиридонович родился 18.07.1876. Умер 23.10.1964. Был раскулачен и выслан с семьей в Пермскую область. По состоянию здоровья был „списан“ в 1934 г. После этого прожил 30 лет. Это был человек величайшей мудрости, тонкого ума и широкого кругозора. Его отец (мой прадед) Воробьев Спиридон Васильевич прослужил солдатом 26 лет. Участник Русско-турецкой войны, после 20 лет службы женился. За полученных два года отпуска у него родились два сына. После этого он прослужил еще 5–6 лет. Вышел в отставку в 1875 г. За службу царь его наградил 300 рублями серебра и золотой чайной парой с пожизненной грамотой о том, что он назначен на государственную службу в Тетюшское уездное управление. После достижения 60-летнего возраста был переведен в село Большое Шемякино в волостное управление, умер в 1915 г. в возрасте 97 лет.

Теперь об отце: Герман Никитович Драгунов родился 08.03.1907. Всего у него родилось шестеро детей, двое из которых умерло. Старший сын – Николай Германович 1934 г. р., в настоящее время проживающий в Ростовской области; старшая сестра Евгения Германовна Салабайкина (Драгунова), 1927 г. р.; в 1939 г. родился я; младшая сестра родилась в 1941 г. Младшая и старшая сестра проживают в Алтайском крае.

Отец написал единственное письмо от 06.08.42, написанное на чувашском языке, на клочке тетрадного листа. Ксерокопию письма перевода высылаю вам. К письму прилагаю переписку с архивами МВД, министерства обороны, КГБ и другими архивами.

Кроме 15 документов высылаю 4 фотографии: отца, семейную фотографию 1949 года, фотографию дедушки – Воробьева Гурия Спиридоновича 1949 года.

С моим отцом служил во второй роте 1-го батальона 1323-го стрелкового полка односельчанин нашего отца – Алмазов Никифор Васильевич 1905 г. р.

По его рассказам, после написания письма от 06.08.1942 к нему приходил ночью наш отец и передал ему письмо для отправки домой и сказал, что на душе у него очень тревожно, на рассвете вся рота должна была идти в бой. Из всей роты ни один человек не вернулся. Вот такие воспоминания остались об отце его друга.

Как бы ни были мы озабочены и заняты, мы не имеем права забывать своих предков. В сегодняшнем шатком мире не все понимают, что такое семья, традиции, наследие поколения. Человек более стоек на ногах, когда знает историю своей семьи. Тогда не возникает у него чувство одиночества.

...Хочу завершить свое письмо с такими словами: „Читаю имена на обелисках, подолгу, от начала до конца, и не встречаю ни в одном из списков фамилии и имени отца!“».

Письмо Драгунова Германа Никитовича от 6 августа 1942 г.:

«Родной семье.

Добрый день, пусть будет вам всем счастье. С первой строки о моей любимой женушке вспоминаю. Мария, тебе пламенный привет посылаю. Дальше, любимой дочери – Жене – привет посылаю. Еще сыночку Николаю, Валентину сыночку, с желанием увидеть, любя огромный привет посылаю.

Еще дочери Зинаиде любя привет посылаю, дальше тещю, любя большой привет посылаю, дальше старой бабушке большой привет, еще дяде Николаю, семье, всем большой привет от меня. Дальше нашей тетушке и их семье большой привет.

Своей сестре Аннушке и ее семье большой привет. Всем родственникам привет от меня. Далее пишу, вы получили письмо от меня? Я от вас не получил ни одного письма. Или письмо писать забыли? Если получите от меня одно письмо, напишите мне три письма, может быть, одно из них дойдет до меня.

В письме так ничего не пишете. Я хочу знать, картошку посадили ли вы? Детям дают ли пособия? Сколько, какая сумма? Вам за меня, как за рабочего, должны давать 150 рублей, так сказал политрук.

В следующем письме вам справку вышлю, по этой справке хлопчите, получите пособие за меня детям, с первого дня, как меня забрали на войну.

Еще пишу, если жить тяжело, продайте все, что имеется, конечно, определите сами, что и как. Можете съездить и продать дом (это в Ярославль), без меня вы туда жить все равно не поедете. По продаже определитесь и посоветуйтесь с тестем.

Дальше пишу, Семен Ивановичу напишу, пусть поможет посадить огород, если он сам посадил, ему польза будет. Квартирные деньги получены по декабрь, за восемь месяцев, если будет оплата за квартиру, напишу дополнительно.

Пока заканчиваю. Будьте здоровы, пишете письма. Немножко адрес изменился: 38-я почтовая полевая станция, 1323-й стрелковый полк, 1-й б, 2-я рота.

Драгунов, 6 августа 1942 г.»

Мой долг перед тобой, отец мой

Из воспоминаний Иринцевева Александра Сократовича, племянника красноармейца 923-го ап 357-й сд Федора Иммитиловича Иринцевева (1910-03.09.1942, лазарет № 2 «Дулага-184»).

«Каждый человек рождается не просто топтать травку возле дома, либо, как у нас, на землях Сибири любят говорить, „не снег топтать“. У каждого человека, видимо, действительно заранее предначертана судьба. Я в это теперь свято верю, потому как сам, увы, прожил уже около 60 лет. Сказать трудно, но реальность жестока, мне кажется, я все еще молод, полон сил, а годы, оказывается, беспощадно идут вперед, прибавляя недели, месяцы и годы.

Каждому – свое, кому-то – воевать, кому-то – рожать, кому-то – творить. Закон жизни таков. Мне, кажется единственному из братьев, суждено было исполнить долг перед нашим отцом. Об этом подробнее.

Я – Иринцев

Я, Иринцев Александр Сократович, родом из улуса (села) Харагун Баяндаевского района Усть-Ордынского Бурятского округа, что в Иркутской области, возле священного озера-моря Байкал. Родился там в 1956 г. в семье родовитых бурят.

Мои родители – буряты, коренные жители этих мест, правда, раньше, в 40-50-60-х гг. район назывался Эхирит-Булагатский, Бурят-Монгольской Автономной Республики. Отец, Иринцев Сократ Имхелович, 1920 г. р., после окончания Иркутского сельскохозяйственного техникума, проработав некоторое время в Республике Бурятия, вернулся в свои края и прошел большой трудовой путь, от простого зоотехника до председателя крупного колхоза и ответственного окружного партийного работника. Он был средним из трех своих братьев.

Старший из них – Федор, 1915 г. р. По рассказам отца, он еще в 1940 г. по призыву ушел в Красную армию и в первые годы Великой Отечественной войны пропал без вести под Москвой, был не женат.

Младший – Константин, 1926 г. р., до донца своей жизни проработал на трудовом фронте, имел трех детей: Елена, Михаил и Неля.

Моя мама – Ханхасыкова Мария Хаглуевна, 1929 г. р., заслуженный ветеран потребкооперации Иркутской области, округа и района, ветеран труда и тыла, почетный гражданин Баяндаевского района, дала нам своим детям достойное воспитание и возможность получить всем высшее образование; умерла на 81-м году жизни, имея 10 внуков и 11 правнуков!!!

Нас в семье было четверо детей: старший брат Федор, 1951 г. р., которому дали имя без вести пропавшего на войне дяди, умер в этом году, имел двух детей: Сашу и Люду. Старшая сестра Людмила, 1953 г. р., медицинский работник, отдав всю свою сознательную жизнь любимой работе и выйдя на заслуженную пенсию, сейчас живет и продолжает работать в районной больнице села Баяндай, родила и вырастила трех детей: Анатолия, Андрея и Алену. Младший брат Владимир, 1962 г. р., после окончания Иркутского сельскохозяйственного института работал по своей специальности, также на ответственных государственных должностях Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, имел двух сыновей: Владимира и Михаила, погиб в автокатастрофе.

Таким образом, из трех сыновей Сократа Имхеловича Иринцевева остался на сегодняшний день я один. В свое время после окончания Восточно-Сибирского технологического института в городе Улан-Удэ в 1979 г., проработав год в родном районе на комсомольской ниве, выехал в Якутию, где долгие годы проработал в сфере народного хозяйства.

В данное время тружусь главным инженером Госкинохранилища Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия). Обзавелся семьей: супруга, по национальности саха, Евдокия Семеновна, 1962 г. р., известный журналист, автор четырех книг, главный редактор республиканских детских газет „Кэскил“ и „Юность Севера“.

Старший сын Александр – учитель иностранных языков, младший Аюр – студент медицинского института Северо-Восточного Федерального университета имени М. К. Аммосова.

Дядя Федор

О родном дяде, Федоре Имхеловиче, я знал с маленьких лет, когда старцы, близкие и родные рассказывали о прошедшей страшной войне, которая унесла много жизней, оставив сиротами их родителей, детей и родственников. Сколько помню деда и бабушку, они до конца своих дней ждали старшего сына с войны. До последнего, кажется, теплилась в их сердцах догорающая искорка надежды увидеть и обнять сына.

Сколько себя помню, селяне вспоминали, обязательно подчеркивая, каким он парнем был, высоким, статным, умным и обаятельным. В моем детском понимании создавался яркий образ красивого и видного, физически очень крепкого, всесторонне развитого и образованного моего дяди. Вроде и мой отец, и дядя Костя были внешне весьма заметными мужчинами, завидными трудягами, успешными работниками, которых ставили везде и всюду в пример, дед Имхэл все равно считал пропавшего Федора самым-самым.

У стариков осталась одна-единственная фотография дяди, которая была сделана в довоенное время, когда его призывали в ряды Красной армии. Этот снимок был священным, он висел высоко на главной стене над обеденным столом в обрамлении красивой рамочки под стеклом в родовом доме улуса (села) Харагун, и никому не позволялось дотрагиваться до него. Мы, шумные сорванцы-ребята, проходя мимо этого места, вольно-невольно подтягивались тут же, приводили себя в порядок, краешком глаза поглядывая на фотографию своего дяди в военной форме. Им мы очень гордились, часто пересказывая то, что слышали от людей и родных. Единственная обида и досада охватывала нас, детей, во время ежегодного празднования Дня Победы.

– Ваш дядя пропал без вести, – тихо говорил нам отец, не скрывая свое огорчение и объясняя, что это может значить.

В числе погибших он не значился, поэтому поклониться могиле и то невозможно. Искать? А сколько он запросов делал в разные инстанции, все тщетно. Время от времени, особенно долгими зимними вечерами, при свете свечек он долго сочинял различного содержания письма в Москву в надежде хоть на этот раз получить радостную весть. Но чудом так и не было. Был только один ответ: нет данных, не числится, считается без вести пропавшим.

Его не успокаивало даже то, что у самого рос мой брат Федя. Тоже шустренький, умненький, физически сильный мальчик, которого обожали в деревне. Потом, после окончания школы, он самостоятельно поступил в Новосибирский электротехнический институт связи, который окончил блестяще, с красным дипломом. Стал связистом-профессионалом и до ухода на пенсию работал в сфере связи.

Отец рано ушел из жизни, попав в аварию. Но он никогда не скрывал ни от нас, ни от близких, что не перестает ждать своего брата. Поэтому, наверное, и в нас поселилось желание непременно разузнать что-либо о судьбе дяди Федора. Я переехал в Якутию почти сразу после смерти отца. Но и вдали от дома, от родных мест, меня не покидала мысль о поисках дяди. Конечно, в девяностые годы затеять что-то подобное не пришлось, время было другое, новое, сложное. Позже по-тихой начал задумываться, изредка наводя справки.

И вот в этом году, нужно считать, что мне крупно повезло. Интернет наконец выдал ту самую ценную информацию, где указывается место гибели и даже место захоронения – город Вязьма, что в Смоленской области, чуть более 200 километров от Москвы. А ведь всего-то набрал ФИО дяди! Первое, что пришло в голову, и это удивительно, – как ребенку, захотелось подбежать к отцу, обнять и крикнуть: „Папа, твой брат нашелся!“.

Но, увы, я сам уже прилично давно дед, а тех самых близких дяди Федора – его родителей и братьев – давно нет в живых. Прошло слишком много времени. Слишком много воды утекло за 73 года. Но благодаря наказам отца, страданиям близких и тем рассказам

односельчан мы считаем, что нашли свою потерю. Теперь его имя будет жить в памяти наших детей и внуков. Хоть и не было своей семьи и собственных детей у Федора Имхеловича Иринцева, но потомков оставили его родные братья. Им сегодня нести вахту памяти своего дяди.

Велика Россия. Необъятна наша страна. Но сколько ее граждан разных национальностей защищали эту удивительную страну, которую все называли Родиной. В том числе и мой дядя, который пал в самом пекле, в самом начале Великой Отечественной войны.

Мой долг перед отцом, считаю, выполнен. Но долг моих детей, близких, родственников – помнить доброе имя своего дяди и донести до своих потомков. Ради мира на Земле. Ради Жизни и процветания.

Спасибо вам за нашего дядю

2014 г. был для нас особенный. В апреле этого года к нам „вернулся“ дядя Федор, который пропал без вести еще в самом начале войны, в 1941 г. Он ушел служить в Красную армию в 1940 г., вскоре родители получили от него красивую фотографию, где снимались трое: он и двое его сослуживцев. А потом началась война, и он ушел защищать Родину. Все, больше от него не было ни писем, ни сообщений. Никто его не видел и ничего о нем не слышал. И вот с помощью Международной ассоциации общественных поисковых объединений „Народная память о защитниках Отечества“ было установлено место захоронения Иринцева Федора Имхеловича, который попал в окружение в Вяземском котле, где был пленен и через год скончался в лазарете № 2 немецкого пересыльного лагеря „Дулаг-184“, располагавшегося в городе Вязьма.

Осенью 2014 г. я приезжал в Москву. Познакомился со всеми ответственными лицами. Вели детальный разговор об установлении портрета нашего дяди на мемориальном комплексе в городе Вязьма при активном содействии Российского военно-исторического общества в лице Мединского Ростислава Игнатьевича.

И вот прошло всего-то полгода – и тут радостная весть. Портрет Иринцева Федора Имхеловича, воина – защитника Родины, как обещано, уже установлен на мемориале. На торжественный митинг по случаю празднования 70-летия Великой Победы в Городе воинской славы Вязьма я привез всю семью: супругу и двоих взрослых сыновей. Миссия очень личная, но в то же время и политическая, и историческая, так как ведь молодым же нужно помнить и знать истинную историю из уст поисковиков, изучавших дела, подняв тела убитых и павших на войне воинов. Им суждено бороться за мир и дружеское сосуществование, вести интернациональную и межнациональную политику в своей жизни, духовно обогащаться и развиваться, не забывая подвиг павших прародителей.

Очень волновался перед поездкой. Мысленно перебирал все моменты трагедии родителей дяди, которые так и не дождалась сына, а мой отец – старшего брата. Ведь это передалось и мне, хотя никто меня не учил и не просил помнить, вот почему я всю жизнь тоже искал его. Теперь, когда я узнал место упокоения его души, счел нужным обязательно привезти сыновей. Потому как на бронзовом портрете высечена моя, т. е. их фамилия – Иринцев. Это означает, что в те тягостные года все народы страны встали на борьбу с немецкими захватчиками: и якуты из далеких снежных краев, и буряты из Байкальских окрестностей.

Очень душевные и глубокие по содержанию торжественные мероприятия, митинг на мемориале, встреча в Литературном салоне, поездки по лазаретам – одним словом, все организовано на высоком уровне. Я благодарю всех за истинную поддержку и помощь, беспокойство и чуткость.

Земной вам поклон!

Александр Иринцев, племянник Иринцева Федора Имхеловича Усть-Орда Иркутской области – Республика Саха (Якутия)»

В Антиповском помнят Андрея Зенкова

Из письма Валуховой Ларисы Николаевны, члена Ростовского областного клуба «Память-Поиск», зам. командира поискового отряда «Звезда» Неклиновского района Ростовской области.

«7 февраля в местной газете было опубликовано наше объявление с просьбой откликнуться родственников старшего сержанта Андрея Евстафиевича Зенкова, погибшего в годы Великой Отечественной войны.

На заметку о военнослужащем почти сразу пришли отклики. В редакцию пришла Наталья Николаевна Канаева. Жительница хутора Дубровского рассказала, что Андрей Евстафиевич Зенков – родной дядя ее мужа. Сестра солдата Канаева Мария Евстафиевна (1921 г. р.) 44 года проработала учителем. Ветеран труда и заслуженный учитель, бабушка Маша умерла в 2011 г. А мать солдата звали Ермакова Агафия Фолегонтъевна. Сохранилось свидетельство об окончании ею церковно-приходской школы. Работала Агафия заведующей пекарней, на собраниях была первой, грамотной и пробивной казачкой. В семье Зенковых было пять детей: старший Андрей (1916 г.), Евдокия (1917 г.), Мария (1921 г.), Александра, Михаил (1928 г.). Жили они в хуторе Нижне-Ермаковском, сейчас это хутор Антиповский Шолоховского района.

В последнем письме Андрей Зенков писал: их часть везут на поезде по направлению к Вязьме. Больше от Андрея не было ни весточки. Уже после войны встретили родные в Дударевке ветерана, который видел старшего сержанта Андрея Зенкова, попавшего в окружение со своим отделением – 15 солдатами. Андрей вскочил к знакомому хуторянину на подножку машины: „Голодный я. Мы попали в окружение, нет у тебя чего-нибудь поесть?“. Тот отдал ему свой хлеб. И потерялась ниточка. Мать так и не узнала ничего об участии сына, но много лет ждала его, надеялась, что остался жив ее первенец.

Сохранилась фотография 1940 г. с надписью: „Сестричке Шуре от Андрея“. Судя по надписи, танковая часть РККА, где служил наш земляк, стояла в г. Калинин (теперь это Тверь). Это было еще во время срочной службы. А потом была война.

Уже намного позже прочитали родные в Книге памяти, что числится Андрюша без вести пропавшим. А о том, что 26-летний солдат погиб в немецком плену под Вязьмой в начале 1942 г., они узнали только из нашей газеты. После появления объявления о розыске родных солдата еще несколько хуторян звонили Наталье Николаевне Канаевой: в Антиповском помнят Андрея Зенкова. Младший брат солдата, Михаил Евстафьевич Зенков (1928 г. р.), живет в ст. Вешенская у дочери, Фроловой Натальи Михайловны».

«Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...» – это песня о нашем доме...

Из воспоминаний Крапивской Беллы Элевны, дочери ополченца 18-й сдво Ленинградского района г. Москвы Крапивского Эли-Идла Овсевиича (1908–1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Мне хотелось бы поделиться воспоминаниями о близких и родных моему сердцу людях. Прошло столько лет со времени окончания Великой Отечественной войны, а душа болит до сих пор.

Особенно душа всколыхнулась, когда побывала 25–26 октября 2008 г. в г. Вязьме Смоленской области на месте немецкого пересыльного лагеря, где в невероятных условиях умирали от холода и голода наши военнопленные, которых оккупанты пригнали в город. Наши бойцы сражались с фашистами до последней возможности. Вечная слава погибшим героям! Пусть земля им будет пухом.

Было очень тяжело находиться на Смоленщине, но я рада, что побывала там и узнала горькую правду о том, как сражался и как погиб мой отец.

Я, Крапивская Белла Элевна, родилась 30 января 1941 г., коренная москвичка, жила с родителями на Большой Бронной улице в доме № 21 в прекрасной коммуналке, где было 70 соседей, 22 комнаты, огромный коридор, печка, дрова, один туалет, одна большая кухня. Двери не закрывались. Замечательные люди жили! Дом у нас был легендарный. В доме жил композитор Эшпай с семьей. Его песня „Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...“^[176] – это песня о нашем доме, просто для рифмы взята Малая Бронная.

А через двор в доме напротив жил Исаак Осипович Дунаевский с семьей. Жили дружно, весело, хотя и бедно, делились последним.

Мама с отцом поженились в 1939 г., а в 1941 г. началась проклятая война. Мне было 5 месяцев, когда отец 23 июня 1941 г. ушел на фронт – с народным ополчением, красноармейцем. В фильме „Офицеры“ комэск говорит замечательные слова: „Есть такая профессия – Родину защищать!“

Мама с грудным ребенком была эвакуирована в г. Стерлитамак, в Башкирию. Ей так не хотелось уезжать из Москвы, она говорила: „А вдруг отец заедет?“ И как чувствовала! В июле 1941 г., когда мы уехали в Башкирию, отец прибежал домой на Большую Бронную. Он был легко ранен в голову. Соседи сказали ему, что мы эвакуированы. Отец взял наш адрес и написал нам три письма: „Вернусь с Победой! Береги доченьку!“ Но случилось несчастье – у мамы украли сумку, где были карточки и письма отца.

А в декабре 1941 г. мы получили извещение, что отец пропал без вести. Моя мама – очень мужественный человек. Как она, бедная, пережила такое горе, а я была грудным ребенком...

Жили в эвакуации очень трудно, мама работала в колхозе, голодали, я много болела – диспепсией, трахомой, все говорили, что ребенок умрет. Мама меня выходила. В 1944 г. мы выехали в Душанбе к сестре мамы. Мама везла меня и большой мешок соли.

После войны в 1945 г. мы вернулись домой. Соседи сохранили нам комнату. Мы с мамой очень долго искали отца, ждали, писали С. С. Смирнову, автору книги „Брестская крепость“. Ответ был один: „Пропал без вести“.

Мама была два года замужем, а осталась солдаткой навсегда. Очень любила отца. Мы его ждали и надеялись, что он вернется.

Тогда по улице Горького (теперь Тверская) еще ходил трамвай. А вокруг памятника Пушкину ходил огромный игрушечный черный кот, и звучали пушкинские строки: „У Лукоморья дуб зеленый...“ В начале Большой Бронной в магазине „Прага“ продавались такие вкусные вещи! Мы покупали котлеты по 6 копеек – а запах!

Весь коридор их ел, они были вкусные, как и французские булки. А во дворе дома был рынок – там продавалась ряженка, картошка, которая пахла картошкой, если это была курица, то она пахла курицей, а охотничьи колбаски, а ледяная рыба из Елисеевского магазина, или дунайская селедка с жирной спинкой, такая нежная... Все имело свой вкус.

Мы с мамой очень дружили, гуляли, беседовали, ходили в театр. Мама работала переплетчицей в типографии, в полуподвальном помещении, приходила с окровавленными от клея руками. Работая на конвейере, она не могла ни на минуту отойти, чтобы поесть и питалась практически одним хлебом. В 1959 г. маме первой было присвоено звание ударника коммунистического труда. И работала мама с 1945 по 1963 г., до оформления пенсии. Но никогда не унывала!

У мамы было шестилетнее образование, но, несмотря на это, никто не верил, что у нее не было высшего образования. Потому что она было образованным эрудированным человеком. Маму очень любили. Она для меня живой пример верности и памяти. Когда я слышу песню „Темная ночь“, я всегда плачу и вспоминаю своих родителей.

Я закончила педучилище, пединститут, 45 лет отдала народному образованию, являюсь „отличником народного просвещения“, учителем высшей категории, ветераном труда. Когда я болела, мама помогала мне писать лекции.

В 1963 г. наш дом на Большой Бронной сломали, а нам дали комнату в коммунальной квартире на ул. Обручева на Ленинском проспекте. И только в 1979 г. мы, как семья

погибшего, получили однокомнатную квартиру в Чертаново. В 1986 г. мама умерла из-за небрежности врачей. Прошло столько времени, а я не могу ее забыть. Это был умный, добрый, светлый человек.

...А к 60-летию Победы мне прислали газету „Вечерняя Москва“, где было сказано, что мой отец Крапивский Эля-Идл Овсеевич погиб в г. Вязьме под Смоленском. В 2008 г. мне удалось побывать на Смоленщине и узнать горькую правду о том, как погиб мой отец, которого я знаю только по фотографиям и рассказам мамы и близких родных.

Я выражаю большую благодарность за эту незабываемую поездку, за теплый радушный прием поисковикам и нашим дорогим ветеранам.

Большое спасибо за их колоссальный труд в поиске погибших воинов, отдавших жизнь за Родину! Дай Бог им здоровья и терпения, низкий им поклон!»

Нам небезразлична судьба наших дедов

Из письма Ширинян Галины Романовны, невестки красноармейца Шириняна Арташеса Маркаровича (1913-02.02.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«...Ширинян Арташес Маркарович родился в 1913 г. в очень крепкой, дружной и многодетной семье. Его отец, Ширинян Маркар Мартиросович, и мать, Ширинян Кехецик, воспитывали, кроме своих пятерых детей, еще и семерых детей своего убитого бандитами брата. Самый старший брат – Хачехпар Маркарович 1909 г., сестра – Агавни Маркаровна 1910 г., брат – Торос Маркарович 1915 г., самый младший брат и наш дедушка – Ширинян Мартирос Маркарович 1921 г.

Семья была очень трудолюбивой. У них были кони, бараны, коровы. Их лошади участвовали в скачках, а самый старший брат Хачехпар был жокеем (он был небольшого роста и весил мало). Отец, Маркар Мартиросович, умер рано (примерно в 55 лет). На плечи старших братьев и матери легли заботы о младших.

Когда началась война, все три брата ушли с первых же дней защищать Родину.

Старший брат воевал до конца войны и вернулся живым. Он женился, у него родились дети, есть внуки и правнуки.

Младший брат, Мартирос, попал на фронт во время службы в армии, участвовал в параде на Красной площади в Москве 07.11.1941. Был тяжело ранен и комиссован, являлся инвалидом ВОВ II группы. Отмечен наградами, медалями. Прожил долгую жизнь, имел троих детей, пятерых внуков, восьмерых правнуков.

Торос и Арташес не вернулись и считались пропавшими без вести. У Тороса осталась дома молодая жена и сын Маркар, а Арташес так и не успел обзавестись семьей. Арташес был очень хорошим трактористом. Его в колхозе „Свобода“ не отпускали на войну, как тогда говорили – „бронь“. Но у всех братьев было чувство ответственности за Родину, и они исполнили свой долг сполна.

В 1942 г. родным пришло известие, что Ширинян Арташес Маркарович пропал без вести. Потом нашелся сослуживец Арташеса Маркаровича – Наноян Асвадур Калустович, 1913 г. р. Он рассказал, что они устроили привал. Спать легли в скирдах соломы. Началась бомбежка, командир скомандовал: „По машинам!“ Вот тогда они многих и недосчитались, в их числе и Арташеса Маркаровича.

Наш Мясниковский район потерял многих своих сыновей во время Великой Отечественной войны. Многих судьба неизвестна.

Родственники ждали и ждут хоть какой-то весточки о них. С каждым годом ветеранов становится все меньше. Нет уже и братьев Арташеса Маркаровича – Хачехпара и Мартироса. Стали умирать уже и дети. Нет уже и сына Мартироса Маркаровича – Шириняна Маркара Мартиросовича (и нашего отца). Как он был бы рад узнать что-нибудь о братьях своего отца! Но есть мы: дети, внуки и правнуки. Нас очень много. Нам тоже небезразлична судьба наших

дедов. Вот стихотворение правнучки Мартироса Маркаровича – Наталии. Не судите строго, ей было тогда 7 лет, и оно было написано прямо в зале на вечере памяти ветеранов ВОВ, но от всей души, поэтому не редактировали:

В этот день поминаем людей —
 Дедов и прадедов, родных.
 Нет, не надо говорить об этом скорей,
 Ведь шли они в бой за потомков своих.

Чтоб жилось хорошо и спокойно,
 Не в плену у фашистов – врагов,
 Шли на смерть они добровольно
 Для продолжения многих родов.

Должны с уважением помнить всегда
 Спасителей нашей судьбы.
 Кто не погиб в боине едва,
 А кто был все же убит.

Все равно вспоминайте героев, друзья!
 Ведь благодаря им сегодня живет ваша семья!!!

Мы все присоединяемся к этим словам и готовы помогать во всем. Спасибо вам, что находите архивы и сообщаете родственникам. Это очень важно!!!»

Извещения «Пропал без вести», и больше ничего...

Из воспоминаний Талановой Татьяны Михайловны, внучки красноармейца Пантаева Леонтия Петровича (1902-19.08.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Мой дед Леонтий Петрович Пантаев, уроженец села Вечкусово Смирновского района Горьковской области, 1902 г. р., был призван 1 марта 1942 г.

До этого 28 октября 1941 г. умерла его жена Екатерина. Остались шестеро детей, младшему было всего три месяца: Григорий родился 12 июля 1941 г. Старшей дочери Надежде шел восемнадцатый год, и она работала в г. Горьком на оборонном заводе. Нашей маме – 12 лет. Остальные – Константин, Иван, Николай и Григорий – мал мала меньше.

Когда умерла бабушка, деда не было дома. Он был, как тогда говорили, на окопах. Рыли окопы где-то под г. Горьким. Он приехал, а жену уже похоронили. И даже старшая дочь не смогла приехать на похороны, потом уже приехала насовсем и взвалила всю эту ношу на свои плечи. Вырастили всех. Надежда с рано повзрослевшей сестрой Анной поднимали мальчишек. Пережили все лишения военных лет, и голод, и нужду. Их тетя Степанида, у нее не было своих детей, взяла на воспитание Николая. Всех вырастили добрыми, честными и очень хорошими людьми.

Нет уже Надежды и Константина. Но потомков у деда уже 45 человек. Четверо детей живы, а самому младшему, Григорию, в этом году исполнилось 70 лет. Внуки, правнуки и много праправнуков. В родном селе стоит памятник погибшим в Великой Отечественной войне односельчанам. Больше двухсот дворов было тогда в селе, много ушло на фронт людей и много не вернулось. На памятнике более 170 имен. Имя нашего деда тоже там. И в

День Победы есть куда положить цветы и склонить голову. Но дети всегда хотели знать, где он похоронен.

Призван дед был 1 марта 1942 г., единственное письмо от него пришло в июне. Письмо сгорело вместе с его домом в 1958 г. Текст письма хорошо не запомнили, но помнят, писал он, что находится на Смоленско-Калининском рубеже, тяжелые бои, и не явно, но поняли они: прощался. И больше ничего, кроме извещения „Пропал без вести“. Оно тоже сгорело с домом. Тетя Надя и мама пытались узнать, где он погиб, хотя бы братская могила или местность. Но им посоветовали, что лучше не искать. Если найдется, сообщат им. Люди они деревенские, православные, им хотелось, если он погиб, все исполнить по традициям православным. Беспокоились, что без отпевания, без предания земле душа не успокоится. Но „пропал без вести“, не погиб, а вдруг живой. Долго ждали вестей.

Однажды его старшей сестре приснился сон. Она встретила его во сне в какой-то незнакомой местности – поле, перелесок, недалеко лес, ложбинка, но не овраг, лето, трава сочно-зеленая, ни жилья, ни людей, а он в солдатском обмундировании со скаткой за спиной. Окликнула его: „Что ты здесь делаешь?“ Он ответил: „Просто хожу, нас здесь много, и мы все ходим полями и лесами вокруг, а я, – говорит, – ищу Катю (жену) и не могу ее найти“. И тогда они поняли, что он мертв, и заказали ему в церкви отпевание. Это мне рассказала моя мама. Но надежду найти и узнать, как и где он погиб, они никогда не теряли. В интернете до 2010 г. не было о нем ничего.

Но благодаря неравнодушным людям, низкий им поклон и благодарность, мы знаем, где погиб наш дед. Это город Вязьма Смоленской области. В августе 1942 г. раненый дед с поля боя попал в лазарет № 1 „Дулага-184“, в хирургическое отделение, и умер там, и закопан недалеко на территории. Нас привезли на это место. Поездка семей погибших была организована Оргкомитетом „Вяземский мемориал“ 26–27 ноября 2011 г. Мы благодарны всем: кто нашел документы в архиве, кто поместил данные в сеть, кто организовывал поездку, кто нам рассказывал о событиях, всем-всем большая благодарность.

Но впечатление было совершенно испорчено, мы были просто морально убиты от того, что увидели на месте захоронения умерших в лазарете солдат. Мусор, поваленные деревья, грязь – и больше ничего. И это в черте города. Вокруг жилые дома. Местный житель нам рассказал, что раньше здесь был мемориальный скверик, что здесь его торжественно принимали пионеры, был памятник, был обозначен овраг, куда немцы закапывали погибших. В последние годы все разрушено, заброшено и завалено мусором. И рядом уже строят дома, прямо на костях наших дедов. Мемориал на месте „Дулага-184“ – тоже зрелище не для глаз потомков, которые 70 лет искали могилы своих близких, ушедших на защиту своей Родины. С тяжелым сердцем вспоминая эту долгожданную для нашей семьи поездку, еще раз без перечисления имен благодарим всех, кто, не жалея своих сил, времени, нервов, занимается поиском пропавших без вести, чужих для них людей. Не могу не упомянуть о детях, которые сопровождали нас в поездке. Это дети из поискового отряда имени Сергея Сергеевича Смирнова ДЮЦ „Пресня“ и дети из школы-интерната № 11 г. Москвы.

Хочется сказать, восхищаясь: „Есть же Люди!“

И учитывая двойственные ощущения от поездки: „А есть людишки“».

Помним деда

Из воспоминаний Смирновой Розы, внучки красноармейца Хасанова Сагидуллы Валиулловича (1907-25.09.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«О нашем дедушке – Хасанове Сагидулле Валиулловиче – мы знаем очень мало. Даже его дочери немного помнят о нем. Когда он уходил на фронт, им было менее 7 лет. Только кое-что из бабушкиных воспоминаний осталось в памяти. По ее рассказам, это был очень веселый и светлый человек. Возле него всегда было много людей. А дом напоминал вокзал,

потому что все, кто ехал из его родной деревни в Уфу, делали остановку на ночлег у них, т. к. за один день нельзя было управиться. Сам он был из большой крестьянской семьи, рано остались без матери. Работал при райисполкоме, и земляки его очень хорошо помнили. В сорок первом году основную часть мужчин села отправили на фронт. Их отъезд был самым многочисленным. Было несколько машин. Какое-то время они находились, как говорила бабушка, на пересыльном пункте (это километров 70 от нас). Бабушка уговорила женщин, собрали продукты, табак, теплые вещи, несколько раз навещали своих мужей. Но потом им сказали, чтобы больше не приходили, т. к. их отправляют на фронт.

От дедушки было одно письмо, где он сообщил, что будет воевать на защите Москвы. А потом только извещение, что он пропал без вести. А где, когда?.. Это было долгой тайной. Ни один военкомат, архив не давали никаких результатов, одна отписка – пропал без вести.

И только 2009 год принес долгожданную весть. Жаль, не дожила бабушка до этого дня. Она до последнего дня его ждала. День Победы она всегда ждала с большим трепетом: это был ее праздник – она была вдовой участника войны. Этот праздник и для всех нас стал любимым. А в этот год – год 70-летия Победы – особенным. Ведь мы, потомки этого солдата, внуки, правнуки, праправнуки, смогли посетить место, где провел свои последние дни и месяцы жизни наш дедушка. Это город Вязьма Смоленской области. „Дулаг-184“. Страшное место. 2-го и 3 мая 2015 года мы (большая семья потомков Хасанова С. В.) посетили места нахождения лазаретов (дедушка умер в лазарете № 2). Почтили память всех погибших возле мемориала, который воздвигнут с помощью Российского военно-исторического общества. Поездка была очень трогательной. Она оставила глубокий след в наших сердцах и навсегда останется в нашей памяти. В дальнейшем также хотелось бы участвовать в этих поездках (у нас есть кого еще возить – внуки и правнуки подрастают). Огромное спасибо организаторам поездки. И вот еще:

Деревянный дом, наличники резные,
Голубые ставни, ступенчатый порог...
В доме за столом сидят мои родные,
Вспоминая деда и сорок первый год.

Сельский клуб, машины, провода и слезы.
В рупор объявляют фамилии на фронт.
Дед с семьей простился около березы.
Грянул марш „Славянки“, и тронулся весь взвод...

Обелиск у клуба, музыка играет.
У подножья павшим возложены цветы.
В списке дед Хасанов, мы стоим, рыдаем.
Он не возвратился с той проклятой войны.

Деревянный дом, наличники резные,
Голубые ставни, ступенчатый порог
В доме за столом сидят мои родные,
вспоминая деда и сорок первый год».

Я не успела увидеть отца

Из письма Шахворостовой Юлии Степановны, дочери красноармейца Екимова Степана Степановича, красноармейца 510 ГАП РКК (1913-09.03.1942), г. Астана.

«...Мой отец, Екимов Степан Степанович был призван в армию 7 июля 1941 г. из с. Малые Бутырки Мамонтовского района Алтайского края. Я родилась 8 июля 1941 г. в с. Малые Бутырки. В октябре 1941 г. мать получила похоронку, где было сообщено, что он пропал без вести.

Я никогда не видела ни отца, ни похоронку (она была у бабушки), а отец не узнал, что я родилась.

В 1949 г. мать переехала со мной в Казахстан, и с тех пор до сего времени я живу в г. Алма-Ате, где училась, работала, вышла замуж, похоронила своего мужа в 1979 г., вырастила двоих детей: дочь Ольгу, 1965 г. р. и сына Дмитрия, 1972 г. р. Сейчас я на пенсии, я инвалид II группы, у меня онкология. Мать моя Косилова Анна Михайловна ушла из жизни в 2007 г. Ей было 85 лет.

Хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы делаете, разыскиваете погибших и их родных. Я несколько раз порывалась обратиться в архивы, чтобы хоть что-нибудь узнать об отце, но не знала, как это сделать, и не решалась, так как таких, как я, очень и очень много, просто смирилась. Я не знаю, что еще написать, я очень волнуюсь, простите, может, вы найдете время и напишете мне или сообщите какие-либо подробности, я буду очень вам благодарна...»

Остались только женщины и дети

Из воспоминаний Мочаловой Зинаиды Михайловны, дочери красноармейца 155-й сд Михаила Павловича Мочалова (1910-27.09.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»). Родственники найдены группой «Архивариус» Пектубаевской СОШ Республики Марий Эл (руководитель Т. И. Голиченко).

«Отца моего взяли на войну в 1941 г. Мне тогда был год. Моя мама, Мочалова Мария Андреевна, осталась одна со мной на руках. Дом, в котором мы жили, был наполовину выкуплен. Другую половину маме пришлось выплачивать одной в годы войны. В деревне остались только женщины с детьми. Самим приходилось пахать и сеять. Почти все делали вручную, а за зерном приходилось ходить в Пектубаево и носить его на себе за 18 км.

Зимой в домах было холодно. Чтобы я не замерзла, пока мамы не было, она привязывала меня к печке за шесток. Когда мне исполнилось три года, она стала меня брать в лес за дровами с собой, так как боялась одна ходить в лес.

Ходила в лаптях. Когда приходила домой, снимала лапти и обмотки, они настолько замерзали, что стояли, как сапоги.

На меня она получала в месяц 40 рублей, а лапти стоили 80 рублей. Чтобы прожить, ей пришлось научиться плести лапти.

Часто не было хлеба. В муку добавляли лебеду, гнилую картошку. Так и жили...»

Мой дед

Из воспоминаний Ижболдиной Надежды Федоровны, старшей дочери красноармейца Петра Федоровича Набатникова (1908-01.02.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Мой дед Набатников Петр Федорович призывался на фронт летом 1941 г. из города Лебедяни Липецкой (бывшей Рязанской) области.

Провожали новобранца его сестры, вся улица Вторые Пушкири, где жила семья, четверо его любимых детей Лидочка (1931 г. р.), Шурик (1933), Люся (1937), Женечка (1939) и 31-летняя жена Варвара, уже носившая под сердцем пятого.

Дети, кто на руках, кто уцепившись за юбки взрослых, а взрослые – в горячих слезах, смотрели на марширующий строй солдат по Первым Пушкарям – мощной улице, которая вела к железнодорожной станции. Именно это навсегда запечатлелось в памяти средней дочки, четырехлетней Люси. Эта горькая трагическая картинка всю жизнь сопровождает Людмилу Петровну, недавно отметившую свое 80-летие.

К сожалению, не суждено было отцу Петру Федоровичу узнать о рождении пятого ребенка – сына, не знала жена его Варвара Ильинична – куда сообщить о новорожденном, которого в семье ласково звали и зовут до сих пор Толюшкой.

Десять довоенных лет счастливо прожили вместе моя бабушка Варвара Ильинична со своим красавцем мужем Петром Федоровичем, которого в воспоминаниях и рассказах всегда называла Петюшкой. Силы он был недюжинной, работал в „Заготзерно“ на элеваторе. И до последнего дня своего (не стало ее в 1986 г.) не переставала ждать его, и говаривала мне – старшей из внуков: „А вдруг вернется? Ведь возвращались же и после ранений, плена, госпиталей и даже после полученных похоронок?“.

И правда, возвращались мужчины – мужья и отцы – в соседние дома во Вторых Пушкарях, где осталась жить моя бабушка со своими детьми. И как же радовалась этому вся улица, будто праздник этот пришел и к ним в дом. Но, увы, не суждено было этому празднику постучаться в дом Набатниковых. И осталась Варвара, как говорили, „сама шеста“ с пятью детками. Жить надо было ради них. И кормить каждый день, и учить, и отогревать, и поднимать.

Собирать коровьи лепешки для топки печки, а для еды – остатки мерзлой картошки на колхозных полях – это была работа для старших детей Лиды и Шурика. А пройдет немного времени и уже Шурик, взгромоздившись на подставленный специально для него ящик, встанет к заводскому станку. „И неизвестно, что бы было со всеми нами, – вспоминает Людмила Петровна, – если бы не мамыны родители Илья Михайлович и Прасковья Александровна Волковы. На их плечи лег нелегкий труд помогать поднимать детей дочери Варя. А плечи у Ильи Михайловича были сильные – кузнецом проработал всю свою жизнь, работать умел, и уважали его за это во всей Кузнецкой слободе“.

Сохранила моя бабушка Варя всех своих пятерых детей, вырастила, поставила на ноги. И, к чести их, не посрамили дети память отца своего. Все пятеро выучились, вышли в люди, прожили достойную жизнь, много и успешно работали, были уважаемыми грамотными специалистами на всех участках работы.

Сегодня из пятерых детей хранят память о тех годах только двое – Людмила Петровна и Анатолий Петрович, а также семеро внуков Надежда, Виталий, Олег, Ирина, Галина, Игорь, Александр, у которых есть свои дети – 14 правнуков рода Набатниковых, есть уже и праправнуки. Слава Богу, жизнь продолжается. Но помнить о корнях своих, чтить память погибших – это главное дело для нас, живущих сегодня.

И в день 72-й годовщины Победы 9 Мая 2017 г. в „Бессмертном полку“ портрет моего деда Набатникова Петра Федоровича пронесли его дочь Людмила Петровна и правнучка Елена».

Детство было тяжелым

Из воспоминаний Яценко (Пузейкиной) Надежды Петровны, дочери красноармейца Петра Акимовича Пузейкина (1909-15.01.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Семья наша жила в д. Скачково. В 1930 г. переехали в Ярцево: перевезли сруб, хату поставили, но внутри так и не доделали – были пригодны для жизни две комнаты, началась

война. Отец был плотник, работал на Ярцевской ткацкой фабрике, и имеется у меня одна маленькая справочка, где написано: Пузейкин Петр Акимович, работал с 1930 г. по 24 июня 1941 г. – по день ухода в РККА. Семья была бедная, с нами жили еще мамыны родители – дедушка и бабушка. Мама мало рассказывала об отце, так как мы ее практически не видели дома. Она работала от зари до зари; а во время войны мы постоянно жили под страхом и при отступлении прятались в лесу, в подполье дома, на чердаке.

После освобождения г. Ярцева началось его восстановление, и она работала на стройке, потом уборщицей и прачкой вечером. Так и прошло наше бедное детство.

У мамы было 4 детей, но один умер в 1942 г., Юра, ему был один год.

Троих же детей мама выучила: старшая сестра получила высшее образование – преподаватель иностранного языка. Я закончила энерготехникум, отработала в энергетике и на Кольской АЭС (31,5) 46,5 лет. Брат окончил мореходное училище...»

Я помню папу как во сне

Из воспоминаний Кочановой (Протасовой) Риммы Михайловны, дочери красноармейца Михаила Степановича Протасова (1906-02.02.1942, лазарет № 2 «Дулага-184»).

«Что мне написать про отца, я даже не знаю, я его помню как будто бы во сне. Знаю одно, что мой отец был не пьяница, был красивый, трудолюбивый. Работал на ДОКе „Красный Октябрь“ краснодеревщиком, делал столы, стулья, шифоньеры. Перед войной выехали в деревню, там жили его мать, братья. Он устроился в промартель „Красные зори“: делали сани, телеги и все прочее. Вечерами они для колхоза делали ульи для пчел, кадки и бочки для соленья. Мебель дома была сделана вся его руками. Когда приехали из Тюмени, купили дом, корову, овечку. Жили они очень дружно, в достатке. Больше ничего не могу сказать о своем отце. Знаю одно, что был трудяга и хороший. А вот о матери я могла бы написать целую поэму. Мама всю жизнь прожила одна, все думала, что отец может вернуться.

Когда отца взяли, мама устроилась в промартель, где работал мой отец. Описать нашу тяжкую жизнь не хватит целой книги. Мама была не колхозница, меня не приняли в ясли, я сидела дома одна под замком. Один раз угорела чуть не до смерти, ладно мама пришла домой, никуда не уехали. Они на быках ездили за заготовками на сани и телеги. Дрова, сено заготавливали за 8 км, переходили три болота. Вода холодная. Не представляю, как моя мама прожила 91 год. Я помогала маме всегда, ходила за скотиной, вечерами окучивали картошку, поливали – по полведра на куст. Потому что была засуха. Жили на картошке и на молоке. Вечерами шили кальсоны, рубашки, фуфайки, я помогала их стежить, мама строчила, а я пуговицы пришивала.

... Я инвалид детства, простыла, операция левого уха, встроена пластинка, не хожу, не прошу никакую инвалидность, боялась, что не допустят к работе. У мужа отец тоже погиб, осталось четыре рта. Он и родился без отца. Вот и живем, два горемыки. Жизнь прожита, хоть ничего и не видели, кроме работы. Вот сейчас жить бы маме, кушать есть чего.

Сироты и есть сироты. Одно нам название – безотцовщина.

Вот и вся моя длинная жизнь без отца, как и всех миллионов людей, у которых погибли отцы. Сейчас уж не живать, как хотелось бы...»

Отец для нас был примером

Из воспоминаний потомков красноармейца 1261-го сп 381-й сд Северина Петра Григорьевича (1904-25.08.1942, лазарет № 2 «Дулага-184»).

«Война!!! Это страшное слово каждый воспринимает по-разному, но для всех оно наводит ужас. Что касается словосочетания „Великая Отечественная война“, то с этим многих из нас связывает одно – боль потери и иных переживаний. Нашу семью война 1941–1945 гг. не обошла стороной. Наш дед по линии папы в 1941 г. был призван на фронт, воевал в 1261-м стрелковом полку, а с 1942 г. считался пропавшим без вести. Благодаря поисковой группе „Вяземский мемориал“ нам стала известна судьба нашего дорогого дедушки Петра Григорьевича Сиверина.

А мы, в свою очередь, хотим рассказать то, что мы сами знаем о нем. Семья Сивериных жила в д. 1 Мая Макушинского р-на Челябинской области. У Петра Григорьевича выросло два замечательных сына: Михаил, 1926 г. р., и Юрий, 1941 г. р.

К сожалению, на данный момент старшего сына уже нет в живых. Умер он в 1994 г. Судьба у него была тоже не из легких. Но о своей семье рассказал нам младший сын Петра Григорьевича – Юрий Петрович Сиверин.

„Отца призвали в армию, и поэтому я его не знал, да и он даже и не знал о моем появлении на свет 5 декабря 1941 г. Но я помню, как о нем отзывались мужики-соседи и вообще те, кто его хорошо знал. Добросовестный, ответственный, очень любил работать, никогда не сидел сложа руки, любил свою жену Александру. К воспитанию старшего сына относился очень строго, хотел, чтобы из него получился настоящий мужик, который не боится трудностей... А мама всегда говорила, что будет рада, если мы будем такими как наш отец, и он когда вернется с войны, будет нами гордиться.

Мы остались на руках матери – двое сыновей. Конечно, Михаил был старше меня на 16 лет, и он помогал матери. Но в 1942 г. он, как и многие парни, ушел на фронт добровольцем, был дважды ранен.

Я с 6 лет работал в колхозе. Мать всю жизнь работала в животноводстве. После работы ездили с мамой в лес за дровами, собирали валежник, сухостой, пилили с ней дрова ручной пилой, силы не было, только что за пилу держался. Летом мать после утренней дойки сразу отправлялись на сенокос, а в осеннюю пору, во время уборки урожая после вечерней дойки, работали в ночную смену на зернотоке. Зерна тогда не давали никому, все было для фронта. Помню, принесет мать горстку зерна ночью, разбудит меня, чтобы я на жерновах его молот, а потом добавим лебеды, и хлеб сам стряпал. Очень выручал свой огород, на котором выращивали картофель, помидоры, огурцы, т. е. все необходимое. Вот так и питались, в основном картошкой.

С 8 лет я пошел учиться в школу. Закончил 7 классов. Зимой учились, а летом работали в колхозе, сгребали сено на конных граблях, а когда рост стал позволять, то и разрешили косить на сенокосилке.

После окончания 7 классов пошел работать на трактор, затем от военкомата был направлен на обучение по специальности „шофер“. В 1960 г. был призван на службу в ряды Советской армии. Отслужил 3 года и вернулся обратно в родное село, в родной колхоз.

Сначала работал шофером, потом перешел механизатором и так до самой пенсии и проработал механизатором.

Таким образом, крестьянскую жизнь познал не понаслышке, а самостоятельно с малолетства.

Старший брат Михаил после войны остался жить в Белоруссии в г. Гродно. Там женился, у них с женой родились две дочки, но судьбе было так угодно, чтобы Михаил с женой расстались.

По путевке Михаил уехал на строительство Братской ГЭС. Там познакомился со своей второй женой Марией. У них народилось трое прекрасных детей: старшая дочка Светлана, сын Вячеслав, сын Юрий.

Мы же с братом встретились только на нашей с Валентиной свадьбе в 1965 г. До этого времени мы с ним не виделись.

В 1967 г. мы похоронили маму Александру Наумовну Сиверину. До конца своих дней она жила надеждой, что все-таки муж вернется. Не верила она, что такой человек, как ее муж, мог пропасть без вести...

Брата Михаила похоронили в г. Братске в 1994 г. И остался я из нашей семьи один...

Но, конечно, я очень благодарен своей любимой жене Валентине и моим прекрасным дочерям: Елене, Надежде и Марине. Ни они, ни наши 5 внуков никогда не оставляют нас без внимания. И эту информацию о моем отце и их дедушке мы переживали всей семьей.

Спасибо вам, уважаемые работники поисковой группы. Ведь недаром есть слова «Никто не забыт и ничто не забыто...».

Я горжусь своим отцом!!! Я благодарен своей семье! И низкий поклон вам!!!“»

И все ждала, ждала своего Митю...

Из воспоминаний Сапиги Ольги Владимировны, внучки красноармейца Рузина Дмитрия Михайловича (1904-20.03.1942, лазарет № 3 «Дулага-184»).

«Мой дедушка, Рузин Дмитрий Михайлович, родился в 1904 г. в селе Холм Можайского района Московской области. Семья была большая, как и положено в русских селеньях, сыновья – Григорий, Алексей, Николай, Дмитрий, Василий и дочь Наташа. Жили дружно, женились, растили детей. И с женой своей Пелагеей дедушка Дмитрий познакомился в селе. Родом она была из деревни Большое Клыпино Рузского района, а там оказалась совершенно случайно. Старшая сестра вышла замуж, пошли дочки-сыночки, справляться ей было сложно, вот и выписала к себе сестренку младшую. Так и оказалась Поля с семи лет в няньках.

После свадьбы недолго молодые жили в селе. И в 1931 г. переехали в Москву. Остановились у Сергея, брата Пелагеи, который работал истопником, вот в котельной и нашли себе пристанище на первое время. Дмитрий устроился на завод „Газоаппарат“, что был недалеко от Даниловского кладбища, а бабушка – на кожгалантерейную фабрику на улице Лестева. У деревенского парня все в руках спорилось. Работал на совесть. Однажды и для дома подарок сделал. Половник. Большой такой, пятнистый. Он и сейчас у нас в ходу. Сколько новые да современные ни покупали, а руки все равно к старому дедовскому тянутся.

Однажды сказал Дмитрию товарищ, что в Коломенском можно снять комнату. Это сейчас там музей-заповедник, а в те времена было большое село.

Так и перебрались из котельни в бывшую конюшню, переделанную хозяевами под жилье. Комнатушка 8 метров, в такую и печку не втиснешь, приходилось все время керосинкой отапливать. Так и жили себе тихо-мирно. Мечтали о большой семье, да, видно, не суждено было. Первый ребеночек умер, и только спустя несколько лет, в 1937 г., родилась моя мама, поздний ребенок, долгожданная Наденька. И жить бы да радоваться, но рухнуло счастье в один день, когда суровый голос Молотова оповестил страну о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз...

Ушел Дмитрий на фронт в августе 1941 г. Мама только и запомнила, как нес он ее на руках вдоль берега Москвы-реки. Ни лица не запомнила, ни слов никаких, только тепло больших широких рук, крепко прижимавших ее к груди.

Стали жить вдвоем. Сложно было. Ребенок маленький, а работать надо. Бывало, закроет бабушка Надю на ключ, а сама на работу, на деревообрабатывающий завод. Работа была очень тяжелая, огромные бревна таскали на себе маленькие хрупкие женщины, да мальчишка-подросток на подхвате. Однажды поднимали бревна на пилораму, да кто-то не удержал, выпустил его, и одному богу известно, как бабушка осталась жива...

Когда выпадала ночная смена, Пелагея в перерыв прибежала домой, постоит под дверью, послушает – не плачет ли дочка, и снова на работу. Весной раскопала небольшой огород, на том месте сейчас стоит кинотеатр „Орбита“, и сажала немного картошки, моркови, свеклы.

Этим и перебивались. Еще собирала на полях сныть и сдавала в колхоз, за это выдавали немного сушеных яблок.

От Дмитрия не было ни весточки. А потом пришла казенная бумага с одной только фразой – пропал без вести...

Не верила бабушка этому извещению, надеялась, что вернется муж домой, ведь сколько бывало таких случаев. Но чуда не произошло. Приехал как-то к дедушкиной сестре солдат, да с плохим известием – умер Дмитрий в плену от тифа...

Братья Дмитрия, Николай и Василий, тоже не вернулись с войны. Николай в составе 110-й сд в марте 1943 г. освобождал Вязьму, отомстил за погибшего брата. Сам сложил голову под Ельней в 43-м, был награжден орденом Красной Звезды. А старший лейтенант замполит 1055-го сп 297-й сд Рузин Василий дошел до Венгрии, похоронен на гражданском кладбище Топиоселле, посмертно награжден Орденом Отечественной войны I степени.

Прожила Пелагея 82 года, была очень верующей, ни словом, ни полсловом не роптала на жизнь. Вырастила дочку, а потом и внучек растила. И все ждала. Ждала своего Митю...

Р. С.: 2013 год. Короткое письмо на электронную почту: „Здравствуйте Ольга. Ваш дед проходит по спискам военнопленных Вязьмы по Московской области. Инициатор розыска родственников – общественная организация «Вяземский мемориал». Ими организуются поездки на место захоронения военнопленных в Вязьму. Напишите, пожалуйста, им“.

Так началось мое знакомство с людьми, которые, не жалея сил, времени и здоровья, возвращают домой солдатиков, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. В списках, найденных в военном архиве, 5430 человека, на сегодняшний день найдено более 500 семей. Теперь уже и мы – одна большая семья. В 2014 году благодаря Российскому военно-историческому обществу замечательный скульптор Салават Александрович Щербаков создал необычайно пронзительный мемориал, посвященный военнопленным фашистского пересыльного лагеря „Дулаг-184“, нашим родным и близким...

А поиск продолжается. Вот и сегодня пришла радостная весточка из глубинки. Нашли сына!!! Значит, еще один солдатик вернулся домой...»

Как это она не поедет? Хоть дождалась!..

Из воспоминаний Блохиной Марии Алексеевны, дочери Алексея Степановича Блохина (1903-14.03.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»), записано с ее слов Лидией Викторовной Касьяненко, внучкой А. С. Блохина.

«У дедушки Алексея, когда началась Великая Отечественная война, было пятеро детей, мал мала меньше. Маме моей было девять лет, старшей Нине – 11 лет, Коле было 8 лет, Томе было 5 лет, Наде – два года. Жили они в селе Холм Можайского района Московской области. Перед войной держали скотину: корову, поросенка, овец, кур. Огород был большой, более 40 соток, как и у всех. Сажали картошку, морковь, лук...

Наше село стоит на большом холме, церковь там была очень красивая, деревянная, из больших обтесанных бревен, и обшита досками. Около церкви с двух сторон было кладбище. Рядом пруд. В 2 км от деревни был лес. Большой, можно заблудиться. В Холме и соседней деревне Шебаршино работали школы, теперь они закрыты и детей возит автобус в д. Климентьево.

17 октября 1941 г. в село со стороны д. Шебаршино двумя большими танковыми колоннами вошли фашисты. В центре деревни они устроили немецкий штаб.

В 1941 г. дедушку в армию не взяли, так как он не проходил по слуху. Когда в деревню пришли немцы, то всех мужиков, которые оставались дома, забрали в плен^[177]. Местных мужчин и подростков фашисты также загнали в колонну пленных. Предал их местный полицай. Колонну погнали через лес в Вязьму за 126 км. В лесу люди бросились бежать,

семерых из них немцы расстреляли. Их тела жители нашли только спустя год. Когда фашисты пришли в наш дом, дед лежал на печке, детки все к нему прильнули, хотели спрятать его, но полицай указал на него немцам: „Слезай, Алексей, а то расстреляем всю семью“. Вместе с Алексеем забрали в плен и его младшего брата Илью.

Немцы ограбили всю деревню. Нашу корову и поросенка увели. Своих овец семья успела зарезать, а тушки попрятать в снег. Весной бабушка Пелагея Яковлевна тушки эти откапывала, тайком варила и кормила детей. Мама со своими сестрами и братом собирали в поле конский щавель („кочетки“ их называли), толкли их в больших гильзах от снарядов (диаметром с двух-трехлитровую банку) деревянной ступочкой. Добавляли туда мох, который сначала сушили на печке и превращали в муку, клали крапиву, лебеду. И пекли лепешки. Какие были получше, ходили продавать в Можайск за 15 км. Бабушка любила все делать красиво и говорила: „За вкус не ручаюсь, а красоту сделаю“.

Жили они очень плохо. Маленькая Томочка умерла от голода. Похоронили ее у церкви в Холме.

Немцы искали оружие, которые остались от наших солдат при отступлении. В д. Шебаршино у шестнадцатилетнего Володи Грузинова и его друзей нашли спрятанные винтовки. Ребят схватили, долго допрашивали. Заставляли нырять в ледяную прорубь, доставать оружие. Володю Грузинова немцы убили, стреляли в спину. Он летом на каникулы приезжал в Холм к своей бабушке. Похоронить внука его бабушке немцы не давали под угрозой расстрела. Только весной, когда сошел снег и село освободили, Володю похоронили на Холмском кладбище. Но никто к его могилке из родных так и не пришел. Родственников в деревне у него не осталось. Учительница Людмила Николаевна и наша семья ухаживаем за могилкой, поставили оградку. Но могилка стоит пока неучтенная.

Однажды в Холм еще при немцах из вяземского плена тайком пришел Феклисов Борис Михайлович, наш односельчанин. Он с риском для жизни бежал из Вязьмы, в какой-то деревне переделался в женскую одежду и добрался до дома. Борис сказал нам, что оба брата, Алексей и Илья, заболели в лагере тифом и умерли. Но точно этого никто не знал. На сайте ОБД „Мемориал“ в документе написано, что Алексей Степанович Блохин бежал, добрался до Белоруссии, воевал в партизанском отряде и там пропал без вести...

В ночь на 19 января 1942 г. немцы согнали все население села в церковь, заперли снаружи на крепкие засовы и зажгли село со всех концов. Храм был набит людьми до отказа. Даже в алтаре, куда никогда, кроме священника, никто не заходил, негде было встать. Люди стояли и в церковном сарае, в доме напротив. Большая группа детей, женщин и стариков ждала своей участи на улице. Немцы собрались сжечь людей живьем. Но не успели. Со стороны Шебаршино подоспели бойцы Красной армии. Ненавистный враг бежал.

После прихода нашей армии в Холме вдруг объявился тот самый полицай-предатель, фамилия его Шкарин Алексей. Как только деревенские бабы узнали об этом, решили запороть предателя вилами. Да сбежал Шкарин ночью, огородами, канавами, оврагами, когда узнал об этом. Дальнейшая судьба его неизвестна. Сына его, говорят, полковника, разжаловали.

Мы очень долго искали сведения о нашем дедушке Алексее, о судьбах родных. Писали в архивы, ходили в военкомат. Бабушка наша Пелагея Яковлевна умерла. И вот осталась одна моя мама Мария Алексеевна дожидаться известий о своем папе – нашем дедушке Алексее...

Своего первенца я назвала в честь деда Алексеем. Алеша рано ушел из жизни, но дед искал до последнего. Он первым и нашел сведения о нем на сайте ОБД „Мемориал“. Потом за поиск взялся второй мой сын Женя. Он нашел в интернете еще одно донесение о том, что наш дед Алексей Степанович Блохин умер 14 марта 1942 г. в лазарете № 1 „Дулага-184“. Об Илье – сведений никаких.

А как только мы узнали о „Дулаге-184“, сразу собрались и поехали в Вязьму всей семьей. Это было 3 ноября 2017 г. Моей маме Марии Алексеевне уже под 90 лет. Но мы ее даже не отговаривали от поездки – столько лет она ждала любой весточки об отце, узнать хотя бы о его последнем месте. Поклониться, поплакать... В Вязьму мы привезли горсть родной

можайской земли, положили ее возле мемориала. А из Вязьмы тоже увезли горсть земли. Весной положим ее на могилы бабушки Пелагеи Яковлевны, вдовы Алексея Степановича, и моего сына Алеша.

Очень хотим, чтобы портрет нашего Алексея Степановича Блохина был рядом с другими портретами на этом прекрасном памятнике».

Яснов Виктор. Без вести пропавший...

Из воспоминаний Егорова Юрия Викторовича, племянника ездового 396-го сп 135-й сд Виктора Герасимовича Яснова (1923-06.09.1942, лазарет № 2 «Дулага-184»).

«„В-и-и-тя...“

Ух ты! словно стрела со свистом вонзилось в голубоватую вату облака, прожгла его и улетела дальше в синее небо. „Витя, вставай. Царство небесное проспишь“. Голос мамы, тихий (еще малыши проснутся), но настойчивый, окончательно развеял утренний сон. „Да, пора вставать. Нас ждут великие дела в виде длинных-предлинных грядок. Пора за лопату браться...“

В Никулино – селе, что километрах в пяти от Москвы-реки и немногим больше от подмосковных Бронниц, – почти все более-менее взрослые майские дни начинали с самого ранья на огородах. Сажали картошку. Раннюю, на продажу. До начала рабочего дня успевали много нашагать и лопатой намахаться. А то ведь когда потом? Некогда. Работа, колхоз да фабрика. С посадкой, если упустишь время, не наверстаешь. Благо окрестные почвы песчаные, копать не особо трудно, прогреваются быстро, а с навозом и урожаем богатый.

Сажали картошку рано, чтобы первыми отвезти ее в Москву и продать. Не стал исключением и май 41-го. Погода стояла ясная, с раннего утра работалось легко и споро. Правда, к обеду Виктор подустал, да и то с матерью намотали, поди, с десяток километров. Грядки от задов дома уходили ровными холмиками далеко вниз к пруду. „Вот бы лето все такое было – теплое, солнечное. Чтоб и поработать, и отдохнуть, и накупаться. Долго его ждешь, а тут считанные деньки остались“, – подумалось Виктору.

Лето обещало быть жарким. По всем признакам, и не только погодным. Забот по хозяйству прибавилось. Отец с утра уходил на работу на переправу а старший сын, Виктор, оставался за главного мужика в доме. И дом большой, и семейство большое. Старшая сестра Шура (Витя вторым за ней родился) уже бригадирствовала в колхозе и нет-нет, а то и частенько отрывала брата на колхозные работы.

Из воспоминаний Егоровой (Ясновой) Нины Герасимовны, сестры Виктора:

„Он тихий был. Мне перед войной четырнадцатый год шел. Мать меня все больше за младшими присматривать оставляла, за Верой и Володькой. А сама уже на сносях была с Борькой. Поэтому я той весной и началом лета все больше дома сидела. А Виктор то матери помогал, то в колхозе. Дома он не особо заметен был. Может, потому, что малыши все мое внимание забирали. Хотя тихий он был всегда. Я не помню, чтобы он ватажилась с ребятами, гулял. Да и девушки у него не было. Короче, домашний парень. Мать нас заставляла помогать ей скатерти плести. С фабрики давали заготовки, а по домам плели и готовые на фабрику сдавали. Так всю оснастку и челноки Витя нам сам делал. И, бывало, сядет и смотрит, как мы плетеные узоры выводим. Хорошие получались скатерти. Картинки.

Война ворвалась в их размеренную жизнь, как смерч разметающий. Собрался отец – Герасим. Проводы, слезы, надежда на скорое возвращение. А за ним подошла очередь и старшего сына. Виктора определили рыть окопы под Смоленском. Очень уж яростно и быстро враг наступал. Послали его крепить оборону Москвы на дальних западных подходах.

Первый месяц вестей от него не было. И вдруг в конце лета приехал. Худой, обжаренный солнцем, как смоль. Мать как его увидела, только руками взмахнула. На порог дома не пустила, повела на зады. Там на соломе велела всю одежду (да какая там одежда – лохмотья) снять. Наготовила горячей воды, дала мыла.

Да, это надо было видеть. Витя наш так завшивел, что страшно представить. И когда с себя эту заразу смыл, словно серую пленку с тела содрал. Мать потом вшивую солому керосином облила и сожгла. Вот так я и узнала, как оно на войне-то. Грязь, голод, вши. И страх. Витя рассказывал: фашисты, когда наступали, так их огнем поливали, что невозможно было голову из окопа поднять. Вот так, сами эти окопы рыли и сами в них и спасались.

Недолго довелось ему погостить в родном доме. Забрали вскоре на фронт. Я уже поступила в техникум, в Москву. Домой приезжала на выходные, поесть, с собой картошки взять. Пайка не хватало. В Никулине и прочитала первое письмо от Вити. Писал он, что направили его в школу, на сержанта учиться. Писал: буду командовать отделением. Вот так командовать ему-то тихому...

Второе письмо я матери читала уже зимой. Брат писал, что сидит с бойцами в подвале какого-то кирпичного дома. А по дому фрицы лупят снарядами без остановки. Грохот, дым, пылица. Выйти страшно и оставаться страшно, того и гляди засыплет. Такие вот ужасы“.

Когда оно пришло, это второе письмо, Нина Герасимовна точно не помнит. То ли в конце 41-го, то ли в начале 42-го. А только после писем от Виктора не было. Лютая тогда зима встала. И как ее бедные наши новобранцы пережили, как врага от Москвы отбросили, родные не знали, не ведали.

А ближе к лету отец в московский госпиталь с ранением попал. Подлечили его, ходить стал. Упросил врачей отпустить домой на краткосрочную побывку. „Мол, дома с родными быстрее поправлюсь“. Отпустили. Повидался с женой, родственниками, детей попестовал, воздухом домашним в полную грудь надышался и вернулся в Москву на выписку.

„Если бы мы знали, что видим отца в последний раз, если бы знали. Он ведь ко мне в общежитие приезжал после дома. Повидаться. Картошки привез домашней. Посидели вместе. Про военное житие мало говорил. Запомнила только один его рассказ, как, когда они в атаку шли, фашисты их минометным огнем встретили. Свалился он в свежую воронку, вжался в землю. А рядом свист, грохот, чьи-то крики и стоны. И вдруг в эту воронку, как цыплята, молодежь необстрелянная посыпалась. Набились тесно. Дрожат, к отцу жмутся. Отец их давай гнать, бегите, говорит, по одному в другие воронки, а то мы приметные, нас много здесь, в первую очередь и накроют. Обошлось. Живы остались. Отец рассказывал о воевавшей с ним молодежи, а я Витю нашего вспомнила, как он там?“

Ушел отец опять на войну и не вернулся. Так случилось, что на отца и Витю похоронок не было, а получили мы бумаги на них с одинаковым текстом: «Пропал без вести».

После войны стали наводить справки об отце и брате. Может статья, живы. Помню, вызывает меня мастер, я уже тогда на заводе работала, и говорит: «Тебя военком вызывает». Что такое? Зачем? Отпустили с работы. Пошла. Встретил меня военком по-доброму, в кресло усадил. «На ваш запрос, – говорит, – пришел ответ, что отец и брат ваш пропали без вести». А потом он как бы мимоходом, как бы сам с собой разговаривая, добавил: «Брат ваш Виктор, по всей видимости, в плену погиб». Я как-то на эту мимоходную фразу внимания не обратила или не хотела обращать. Не верилось, что Витя так вот погиб, в плену. А оно верно оказалось. Почти шестьдесят лет спустя открылось, что погиб мой братик в концлагере в Вязьме. Если бы не поисковики, спасибо им, так и не узнали б его судьбу“.

...Как далека и как близка та страшная война. Далека, потому что прошли десятилетия, затянулись шрамы рвов и окопов на теле земли. Близка, потому что никак не заживают, не затягиваются раны в сердцах наших людей. Так как в каждой семье есть погибшие. Долго, долго еще будет помниться война... Ибо страшно себе представить, что пережил, что чувствовал перед смертью наш Витя. Этого представить невозможно. Какие он терпел муки, на что надеялся. И видел ли сон, в котором раннее майское утро и голос мамы: „Ви-и-тя, вставай...“.

Мы, сегодняшние от корня Ясных, близкие и дальние родственники, низко кланяемся тем, кто открыл нам место упокоения нашего Виктора. У нас теперь есть место, куда мы можем приехать поклониться и помянуть нашего погибшего родственника Виктора – молодого русского парня, жизнь положившего за нас, будущих. Вечная тебе память!»

Ушел бить фашистов, несмотря на «белый билет»

Из воспоминаний Отставных Марии Константиновны, дочери красноармейца Константина Ксенофонтовича Отставных (1904-12.03.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»), записанных его внуком новосибирским поэтом Александром Кнолем.

«...В моей памяти сохранился на всю жизнь момент, когда моя мама Отставных Анастасия Прокопьевна собирала своего мужа, т. е. моего отца, Отставных Константина Ксенофонтовича, 1904 г. р., на фронт. Хотя у моего отца была бронь, он был шахтер, но дома сказал: „Надо идти бить фашистов!“ Хотя нас у матери оставалось шестеро детей: Анна, 1928 г. р., ей было в то время тринадцать лет, Василий, 1930 г. р. (одиннадцать лет), Константин, 1933 г. р. (восемь лет), Анатолий, 1935 г. р. (шесть лет), я – Мария, 1938 г. р. (три года), Витя, 1940 г. р. (один годик). Самый младший, Витя, умер в 1942 г., потому что нечем было кормить, умер с голоду.

Я помню, как мой отец на прощанье достал из своей сумки вареное яичко и дал мне. А в 1941 г. отец погиб под Москвой, на Волоколамском направлении, и нам было извещение о его гибели:

„Погиб смертью храбрых в бою по защите столицы нашей Родины Москвы“.

В военные годы было очень трудно жить. А жили мы в то время в Рязанской области, Милославский район, Кочугуро-Высельский сельсовет. Дом у нас был кирпичный, большой. Был сад, яблони – корней пятнадцать, вишни. А с другой стороны дома был огород, где садили картошку и всякую мелочь. А за огородом была река. Летом она такая светлая. Казалось, небольшая, а весной разливалась – затапливала все огороды. По ней во время войны сплавляли лес – бревна, а работали пленные. Их почему-то мама называла „австрийцами“, иногда „германцами“. Вечерами они сидели на скамейках, показывали фотокарточки своих детей, жен и все говорили: „Скоро домой“. Уж очень они хотели к себе на родину.

Вот мы жалуемся на жизнь, а сейчас живут – с голоду не умирают. А по сравнению с тем, что пережила наша мама...

Затем мы стали подрастать. После войны по приказу Сталина Иосифа Виссарионовича всем, у кого погибли отцы, оказали помощь деньгами, вещами и выдали всем нетелей стельных. Закупили в Канаде. Когда появилась маленькая телочка, мы ее назвали Дусей. Пасли Дусю на лужайке, в один день она заболела, и ее зарезали. Мы, дети, так ревели, что сбежались все соседи.

„...Давайте помянем моего отца, вашего дедушку, Константина Ксенофонтовича! Саш, сынок, из архива, из Подольска, пришел ответ на наш запрос. Помнишь, ты по депутатской линии отправлял через общественную приемную президента? Оказывается, мой отец, ваш дед, погиб... в общем, сам сейчас посмотришь“.

Мама достала из шкафа какую-то бумагу и протянула мне: „Читай, сынок“. Внезапно охрипшим от волнения голосом я прочитал: „Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России). Центральный архив. 142100, г. Подольск, Московская область. 14 апреля 2009 г. № 9/85298. Архивная справка. По документам учета безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской армии установлено, что... стрелок, рядовой Отставных Константин Ксенофонтович, 1904 г. р., уроженец Рязанской области, Милославского района, Кочугуро-Высельского сельсовета, призван Милославским РВК, погиб... 30 октября 1941 г., место захоронения не указано...“

– Мам, так ведь сегодня 30 октября! Девчонки! Мама! Это что же получается? Ровно шестьдесят восемь лет назад погиб наш дед, твой отец? Вот это да!

– Да, ребяташки. Помню, как мы получили похоронку. Там было сказано, что „погиб смертью храбрых, защищая столицу нашей Родину – Москву“. Все ревели, ой как ревели... Мама там вся, ой... А я маленькая была – три года всего, ничего еще не понимала, думаю: „Чего они все плачут?“. А похоронку мама потом за божничкой хранила. Долго хранила! А каждый вечер доставала и читала. Лампу керосиновую зажжет – еле-еле огонек горит, и читает, читает... Я с печки смотрю: ничего не слышно, только губы у нее шевелятся. И плачет все, плачет... Она, эта похоронка, от ее слез-то, наверно, вся потом и рассыпалась. Ой, ребяташки, не приведи Господь такое пережить. Сынок, ты про дедушку Константина тоже напиши стихотворение! Обязательно! Он хороший был! Давайте, помянем! Выпьем за моего отца, вашего деда! Вечная ему память! Саш, обещай, что обязательно отыщешь могилу, где он похоронен. Это где-то под Москвой! Помнишь, Олег, тетя-Анин сын, говорил, что вроде нашел могилу? Надо съездить, начала запрос еще сделать бы!

– Обещаю, мама! Не плачь, все будет хорошо! Все сделаем!

– Обязательно отыщем могилу! На машине поедем, да, Саш?! К моим в Тюмень как раз заедем! – поддержала меня Оля.

– Я с вами! Не дай бог без меня уедете! – вскричала Таня.

– Тань, да куда мы без тебя!?

– Давайте, ребяташки! Молодцы! И я с вами поеду! Выпьем! За нашу Родину! За Победу! За тех, кто воевал, за тех, кто погиб. За моего отца – вашего деда! А вы не забывайте его. И мать свою не забывайте. Любите нашу родную землю, детей и внуков любите! А в Москву я обязательно поеду! Вместе поедем! Живы будем – не помрем! У нас еще вся жизнь впереди!...»

Они под Вязьмой полегли,
А сколько точно, кто же знает?
Стояли насмерть, как могли,
Москву собою заслоняя.

В кровавом Вяземском котле
Той осенью, в том сорок первом,
Не оставалось на земле
От взрывов мест живых, наверно.

Им вышла страшная судьба —
Лежать и зарастать травой,
Была не слышна их мольба,
Ведь окруженцы не герои.

И до сих пор, и до сих пор
Мы каждый год в лесах находим
Бойцов, достреленных в упор,
И все хороним, все хороним...

И русская берет тоска
От боли этой, как от хмеля...
Простите, братцы, что пока

Не всех мы вас найти сумели.

Игорь Михайлов, поисковик, г. Вязьма

Подвиг дедушки

Из воспоминаний Веринной Любови Александровны, внучки красноармейца Шмелева Ивана Алексеевича (1920-16.03.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Закончился XX век, унесший в лету многие свои события. Только вот память о Великой войне с фашистами до сих пор живет в сердцах людей. Не одно поколение успело вырасти уже с тех пор. Но эхо войны мы слышим и сегодня. Память о тех, кто воевал, ушел и не вернулся, болью отдается в наших душах. Памяти моего дедушки Шмелева Ивана Алексеевича посвящается мой рассказ. Чтоб знали и помнили дети, внуки, правнуки и никогда не забывали, что такое война...

Это стихотворение написано правнуком Ивана Алексеевича, Сергеем Веринным, который только по рассказам своего дедушки Верина Ивана Филипповича, участника войны, по книгам да фильмам знал о войне.

Сколько лет Луна с небес светит,
Но не стало на Земле тише.
О войне шумят дети,
А потом всерьез кричат. Слышишь?

А потом, как снег весной тает,
Будут их покой беречь свечи.
Ветер души соберет в стаи
И подарит облаков вечность.

Почему жестоки так люди
И куда от злобы нам деться?
А война, она всегда будет,
Ведь играем в нее с детства.

Иван Алексеевич Шмелев родился в 1920 г. в простой рабочей семье в г. Кулебаки Горьковской области. Его отец Шмелев Алексей Иванович работал на металлургическом заводе. Мать, Мария Ивановна, занималась хозяйством. В семье было трое детей: старший сын Павел, Иван и младшая сестра Настя. С детства дети приучались к труду. Сыновьям приходилось делать все, потому что семья была большая и одной матери было не справиться, отец работал. Семья жила дружно. Иван рано повзрослел и вместе со старшим братом Павлом помогал матери по хозяйству. Сначала женился старший брат, а в 1938 г. женился и Иван. Его жена Алясьева Елизавета Васильевна стала жить в доме родителей мужа. В 1939 г. родилась первая дочь Вера, в 1941 г. – младшая Нина.

Шел 1941 год. В первые дни войны уходит на фронт старший брат Павел. С фронта он не вернулся. Пропал без вести в августе 1941 г.

Некоторое время Иван продолжал трудиться вместе со своим отцом на заводе. В годы войны Кулебакский металлургический завод выпускал снаряды для фронта. Работать приходилось день и ночь. Рабочих рук не хватало, поэтому Ивану дают бронь. В то время это

означало, что ты остаешься в тылу. Но Иван сам отказывается от брони и осенью 1941 г. уходит на фронт.

Боевой путь красноармейца Шмелева Ивана Алексеевича оказался очень коротким: начался в 1941 г. и уже в начале 1942 г. закончился. Шмелев Иван Алексеевич участвовал в боях за Москву, в зимнем наступлении Красной армии 1941–1942 гг. В ходе боев раненым был взят в плен, находился в Вяземском концлагере. Умер 6 марта 1942 г. от ран.

Из воспоминаний дочери Казаковой (Шмелевой) Веры Ивановны:

„Когда началась война, мне было всего три года. Войну я практически не помню. Но из рассказов мамы, Шмелевой Елизаветы Васильевны, помню, что отец присылал домой несколько писем. Долгое время у нас хранилось последнее письмо с фронта – солдатский треугольник. Испытывая трудности в послевоенные годы, мы обратились за помощью в газету «Красная Звезда», куда были вынуждены отправить это единственное подтверждение о том, что Шмелев Иван Алексеевич был красноармейцем и сражался, защищая Родину. В своем последнем письме отец писал: „... Ухожу на боевое задание. Не знаю, останусь жив или нет...“. После этого письма известий от него не было.

Шли годы. Мы жили в ожидании хоть какой-то весточки. Но известий не было до конца войны.

Известие о гибели отца, Ивана Шмелева, пришло 13 июля 1945 г. из РВК. Это была похоронка“.

В 1945 г. радостная весть о Победе разлетелась во все уголки страны. Но для семьи Шмелевых эта радость была „со слезами на глазах“. С войны не вернулись оба сына Алексея Ивановича и Марии Ивановны – Павел и Иван. От младшего Ивана писем не было долгих три года.

Сразу после окончания войны начались поиски места, где погиб Иван Алексеевич. Из похоронки было известно, что красноармеец Шмелев Иван Алексеевич, находясь в плену в г. Вяхма, умер 6 марта 1942 г. Позднее удалось выяснить, что лагерь находился в г. Вязьма Смоленской области. Теперь стало известно и о самом концлагере „Дулаг-184“, в котором умер от ран Шмелев Иван Алексеевич, уроженец Горьковской области, г. Кулебаки. Оказалось, что с октября 1941 г. по март 1943 г. в городе Вязьме находился пересылочный лагерь „Дулаг-184“, лазареты № 1, 2, 3, организованные фашистами. Территория концлагеря была огорожена колючей проволокой. Военнопленные находились под открытым небом. В нем ежедневно умирали военнопленные и гражданские лица, здесь же их хоронили.

67 лет мы ничего не знали о месте захоронения Шмелева Ивана Алексеевича. Мы с бабушкой (женой Шмелева И. А.) неоднократно пытались найти г. Вяхму, но тщетно. Не знаем почему, наверное, кто-то давным-давно допустил ошибку, а возможно, и просто опечатку всего лишь в одном слове! Дело в том, что в похоронке было написано г. Вяхма. Оказалось: г. Вязьма! Уже давно нет в живых родителей Ивана Алексеевича, в 1990 г. умерла его жена Елизавета Васильевна, так и не посетив могилу своего мужа. Сегодня в семье Шмелевых остался живым единственный очевидец событий тех лет – его дочь, Вера Ивановна Казакова, которая и поныне проживает в г. Кулебаки. Ей недавно исполнилось 70 лет. Другая дочь Ивана умерла в войну от воспаления легких, когда ей было всего лишь 4 месяца. Да пожелтевшая от времени похоронка напоминает нам о той ужасной войне 1941–1945 гг., о красноармейце Шмелеве Иване Алексеевиче, который храбро сражался, защищая Родину от фашистских захватчиков, раненый попал в плен, но не сломался.

Теперь, спустя 67 лет, мы знаем место, где покоится прах Ивана Алексеевича Шмелева. И очень жаль, что нет на этом месте ни одной солдатской могилы. Историю нельзя стереть! Историю надо помнить, потому что история – это люди, это жизни!»

Спасибо РВИО за памятник!

Из воспоминаний Наумова Александра Николаевича, внука красноармейца Наумова Алексея Ильича (1908-09.10.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Мой дед – Наумов Алексей Ильич, 1908 г. р., уроженец села Сметанино Кировской области Санчурского района, из крестьян. У меня, к сожалению, информации о его семье нет, так как во времена, когда была жива бабушка, мы почему-то ничем не интересовались, а теперь и спросить не у кого. Знаю, что у него был брат Яков, которого я видел один раз в далекие семидесятые годы. Связь с ним и его семьей потеряна. Дед Алексей до войны работал на пекарне. В семье было пятеро детей – три сына и две дочери. В настоящее время в живых остались мой отец Николай, дочери Зоя и Галина. Они были очень маленькие, когда дедушка ушел на фронт, и ничего, к сожалению, не помнят. Ни писем с фронта, ни документов о его гибели не осталось, сгорели очень давно при пожаре. По рассказам моей бабушки Наумовой Евдокии Гавриловне помню, что в начале было сообщение, что он без вести пропал. В последнем письме он сообщил, что ранен и лежит в госпитале. Уже значительно позже (после войны) бабушке сообщили, что госпиталь попал в окружение и дед, возможно, умер в каком-нибудь немецком лагере. Поисками в то время никто не занимался. И только теперь, спустя много лет, когда мы стали более сентиментальными, мы попытались найти следы своего деда. Не обошлось, конечно, без посторонней помощи, и теперь есть официальный документ о его смерти 09.10.1942 в немецком лагере. Так мы узнали о существовании „Дулага-184“ и о том, какую мученическую смерть принял наш дед и где покоятся его останки.

Как вы уже поняли, внуков, правнуков и даже праправнуков у нашего деда сейчас много. Все мы, конечно, обязательно хотим посетить те места, где нашел покой наш дед Алексей. Наконец-то пришло время, когда вспомнили о павших в концлагерях! Они поплатились самой дорогой ценой – своей жизнью – за чужие ошибки. Очень жаль, что не пришлось мне быть лично на открытии мемориала, но там были наши московские родственники. Есть теперь достойное место, где можно склонить голову и возложить цветы...»

Дед Михаил до сих пор член нашей большой семьи. Всегда с нами!

Из письма Гетманской Марии Ивановны, вдовы Гетманского Григория Михайловича, сына погибшего красноармейца Гетманского Михаила Ивановича (1903-26.09.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«...Получили ваше письмо заказное, за которое огромное спасибо. Теперь мы узнали, что дедушка Ивана, а мой свекор Гетманский Михаил Иванович погиб на Смоленщине. До сих пор все мы не знали, где его захоронение. У нас сохранилось извещение из Кантемировского РВК, что он числится и как без вести пропавший, и как погибший в августе 1942 г., число не указано, а в вашем письме сообщается, что он погиб 26 сентября 1942 г., ну здесь разница небольшая. Я прожила со своей свекровью 25 лет. У нее было четверо детей – три сына и одна дочь. Двое детей умерли от голода – сын Петя и дочь Катя, а два сына были живы – сын Гетманский Григорий Михайлович, 1936 г. р., который уже умер 10.01.2007, вот я и есть его теперь вдова Гетманская Мария Ивановна, я 1941 г. р. (5 детей).

Второй сын, Гетманский Илларион Михайлович, 1934 г. р., проживает в настоящее время по адресу: Краснодарский край.

Вы пишете за дочь Поспелову Матрену Михайловну, 1929 г. р., ей вот в ноябре будет 80 лет, она уже старенькая. Мы ей это все сообщим, она проживает со своей дочерью в с. Криуловке Кантемировского р-на Воронежской области.

Ей было 1,5 месяца, когда ее мать Гетманская Елизавета, отчества не знаю – это первая жена погибшего Гетманского Михаила Ивановича, а Матрены Поспеловой родная мать, – умерла. Он женился на второй жене Зубко Марии Андреевне, а у вас написано, что жена Михаила Ивановича – Гетманская Мария Ивановна, может, глава администрации ошибся в отчестве.

Так что дочь Михаила Ивановича, Матрену Михайловну, воспитывала моя свекровь Гетманская Мария Андреевна, 1912 г. р., которая уже умерла в 1990 г. в 78 лет. Она мне помогала воспитывать 5 детей – ее внуков и Михаила Ивановича, а теперь уже у них 9 правнуков. Вот такая у нас сейчас большая семья. Когда все собираемся, за столом сидит 21 человек.

У нас есть фотография погибшего Михаила Ивановича, но, к сожалению, она слишком большая по размеру. Раньше ходили фотографы по домам, чтобы увеличить фото на память, и жена его, Мария Андреевна, увеличила, а маленького фото не осталось, так что выслать вам фото нет возможности, да и, наверное, поехать в Вязьму у нас не будет возможности. Пенсия у меня три тысячи, у моих детей – дети маленькие, и воспитывают они их сами, без бабушек, так что, если бы раньше несколько лет назад, может, бы и поехали...»

С «белым билетом» на фронт

Из воспоминаний Абузаровой (Шестаковой) Надежды Ивановны, дочери Шестакова Ивана Николаевича (1904–1942), красноармейца 7-й Дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы, и его внучки Рожнецовой Елены Анатольевны.

«Летом 2014 г. мама (Надежда Ивановна Шестакова) прилетала из Канады в Москву, чтобы попасть на открытие мемориала работы скульптора Салавата Щербакова. Утром, 21 июня, мы собрались на Поклонной горе, чтобы со всеми другими родственниками, прибывшими со всех концов нашей необъятной Родины и из ближнего и дальнего зарубежья, поехать в Вязьму, где наши деды и отцы сложили свои головы, защищая подступы к Москве. Для моей мамы это была очень важная поездка, она в буквальном смысле ехала на встречу со своим отцом.

На открытии памятника она очень волновалась, тем более ей было доверено перерезать ленточку. Мама до сих пор вспоминает эту поездку по всем памятным местам и братским захоронениям, очень благодарна всем людям, которые помогли организовать эту поездку, и РВМО, которое финансировало создание этого замечательного, такого долгожданного памятника.

Мой отец, Шестаков Иван Николаевич, ушел добровольцем на фронт, имея „белый билет“, в первых числах июля 1941 г.

Мне тогда было 8 лет. Я помню, как 22 июня, во время завтрака, из черного репродуктора раздавался голос Молотова, который сообщил о начале войны с Германией. Меня должны были в этот день отправить в пионерский лагерь, но отправили в лагерь на неделю позже, под Можайск. Через неделю моего пребывания в лагере мы узнали, что немецкие лазутчики подошли буквально к самому лагерю. Поэтому родители, кто мог, приезжали забирать своих детей из лагеря.

За мной приехала мама, и мы добирались до Москвы целые сутки на подводе, на грузовых машинах и пешком. Вечером, в 20:00, мы были на Охотном ряду, нас проверил патруль и пропустил пройти через Красную площадь, чтобы мы смогли дойти до дома, который находился на улице Пятницкой (Старый Толмачевский пер.).

Не доходя 100 метров до дома, нас остановили милиционеры, так как к тому времени уже наступил комендантский час и ходить по улицам гражданским было нельзя.

Нас оставили ночевать прямо в здании милиции, мы с мамой спали на стульях, и отпустили нас только в шесть утра.

Когда мы вошли в нашу коммунальную квартиру, папы уже не было, и соседка сказала, что он ушел в пять утра. Папа специально так устроил, отправив мою старшую сестру на дачу в Лопасню, а маму за мной, чтобы мы не знали, что он уходит в ополчение и не хочет долгих и трудных прощаний.

Мы вошли в пустую комнату и на подоконнике увидели прощальную записку, прислоненную к стакану. Когда мама взяла записку, стакан упал и разбился на мелкие кусочки. Мама сказала: „Все. Папу мы больше не увидим“.

Но в первые дни мы получали от папы треугольные письма, в которых он нам писал, что у него все хорошо и мы обязательно победим фашистов. Вот одна фраза, которую я почему-то запомнила: „Шурик, я здесь как на курорте, сплю на подушечке, которую ты вышивала“. Последнее письмо, датированное 3 октября 1941 г., было адресовано мне, его любимой младшей дочери. Он меня хвалил, что я занимаюсь школьными предметами самостоятельно, так как школы к тому времени уже не работали.

А в декабре 1941 г. мы получили уведомление о том, что „ваш муж, Шестаков И. Н., пропал без вести“...»

Расти большая, сестренка!

Из воспоминаний Терентьевой (Петровой) Матрены Захаровны, сестры красноармейца Петрова Алексея Захаровича (1921-20.01.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Петров Алексей Захарович родился в 1920 г. в с. Ивашкино Первомайского района Татарской АССР. В Книге памяти Республики Татарстан не учтен. Погиб 20.01.1942 в лазарете № 1. Родственники: сестра Терентьева (Петрова) Матрена Захаровна, 1934 г. р., в настоящее время проживает в с. Старое Ильмово Черемшанского района Республики Татарстан.

Матрена Захаровна рассказала о своей семье.

Отец – Захар Григорьевич Петров – был колхозником, плотником, мастером на все руки, жена его, Татьяна Ефимовна, тоже работала в колхозе. Семья большая, четверо детей: два сына и две дочери. Братьев Матрена Захаровна помнит совсем немного. Старшим был Алексей, который до призыва в 1940 г. являлся комсоргом колхоза и работал заведующим избы-читальни. Алексей был 1921 г. р., а в военкомате сказал, что с 1920-го. Так хотелось ему быстрее стать взрослым, пройти армейскую жизнь. „Расти большая, сестренка!“ – сказал Алексей, высоко поднимая над своей головой маленькую Матрену. Вот эти слова и ясный взгляд юного и сильного брата запомнила она на всю жизнь. Отец Захар Григорьевич ушел на фронт в 1941 г., потом брат Николай. Домой вернулся только отец. Оба брата погибли. Извещения, которые пришли, были скупы на слова: „Пропал без вести“. И все...»

(Воспоминания записаны поисковиком Ларисой Валуховой, Ростовская область.)

Вот он сейчас придет, и я должна его встретить!

Из воспоминаний Пчелякова Юрия Николаевича, племянника десантника Николая Дмитриевича Сухова (1923-07.09.1942, лазарет № 2 «Дулага-184»).

«С большим волнением прочитал в газете о Сухове Николае Дмитриевиче из д. Ивановка, 1923 г. р. Это мой дядя по матери. О гибели дяди Коли в лагере „Дулаг-184“ (Вязьма) в годы Великой Отечественной войны я узнал из интернета в 2011 г. благодаря открытию архивов упомянутого выше лагеря. Архивы были захвачены в ходе операции по освобождению г. Вязьма разведчиками Смерша. Теперь мы, родственники, знаем дату гибели дяди Коли, в этот день поминаем его.

Расскажу то, что я знаю о нем. Мать его, Сухова Александра Ильинична – моя бабушка – никогда не верила в гибель сына до самого последнего своего часа. А умерла она в 1976 г. в возрасте 86 лет. Его фотография, электронную версию которой я вам сегодня высылаю, висела в доме бабушки на самом видном месте. Воспоминания детства меня трогают и вызывают слезы до сих пор: ранее утро, бабушка сидит на крыльце и всегда смотрит в начало нашей улицы: вот он сейчас придет, и я должна его встретить!

Из его самых близких родственников к настоящему времени осталась только его сестра, моя мама, Пчелякова (Сухова) Клавдия Дмитриевна, ей сейчас 86 лет, она тяжело больна. Отец его, Сухов Дмитрий Павлович, был призван в 1941 г. и в 1942 г. погиб, защищая Москву.

Дядя Коля перед призывом на фронт закончил ветеринарное училище в Алатыре, был комсомольцем, отличался хорошим здоровьем, был спортивным человеком. Видимо, эти обстоятельства и сыграли решающую роль в направлении его в десантные войска.

Призван он был в марте 1942 г. через Кувакинский военкомат, деревня наша тогда относилась к Кувакинскому району. Уже в мае, по сведениям его однополчанина, который прислал письмо его матери, он был в составе отряда десантирован в район города Смоленска. В этом же месяце связь с ним прекратилась. Как рассказывала мне бабушка, до этого дядя Коля написал с фронта несколько писем. Письма были полны оптимизма, уверенности в полной победе над врагом. „Мама, прошу тебя, обо мне не беспокойся. Побьем фашистов, и я вернусь!“ – такие строки были в его письмах. К величайшему сожалению, письма не сохранились.

После того как связь потерялась, несмотря на тяжелейшую сиротскую жизнь, мать и родственники обращались с розыском сына в военкомат, пытались узнать подробности его гибели. Вот что мне рассказала моя мама.

После окончания войны оставшийся в живых сослуживец дяди Коли из д. Шадриха, Порецкого района, рассказал следующее. Отряд был выброшен на помощь 33-й и 39-й армиям, ведущим бои в тылу у немцев под Смоленском. Обстановка была очень сложной и неясной. Где свои? Где немцы? После десантирования отряд скрылся на местности. Командир послал первую разведку – она не вернулась. Командир решает послать вторую разведку, уже из добровольцев. Будучи комсомольцем, дядя Коля вызывается идти. Уходит вторая разведка. Засада. Плен. Казнь и смерть в плену.

Вот так наш дядя Коля отдал свою жизнь за то, чтобы жили мы, наши дети и внуки. Но, говорят, человек живет до тех пор, пока жива память о нем. Мы будем помнить его всегда и передавать память о нем нашим детям и внукам. У его братьев (их было двое) и сестры родились дети. Наверное, не случайно его братья назвали своих сыновей Николаями».

Их пару называли «Два тополя»

Из воспоминаний Боговой Натальи, правнучки красноармейца Тюкаева Ивана Осиповича (1912-14.01.1942).

«...Тюкаев Иван Осипович – мой прадед (дедушка моей мамы). Наша семья очень рада, что уважаемые поисковики нашли его, а нам эта информация стала известна сравнительно недавно, потому что до этого момента наш прадед считался пропавшим без вести. И теперь еще один солдат вернулся домой. Это счастье.

В Вязьму накануне 22 июня ездил мой папа (он работает водителем дальнего рейса). Он и прикрепил фотографию на забор мясокомбината, куда ему удалось попасть.

В этих местах он сделал несколько фотографий для нас, чтобы все родственники, которые не могут поехать, смогли бы все увидеть.

Я сейчас сижу, смотрю на фотографии, присланные вами, и плачу. Это слезы радости и скорби одновременно. Спасибо вам!

Я тоже искала информацию о лазарете, в котором погиб наш дедушка, но ничего не нашла. Возможно, была искажена фамилия, потому что в разных источниках она писалась и читалась по-разному.

Я очень счастлива, что есть такие люди, которым не все равно, которые вкладывают сейчас частичку своей души и сердца за подаренную когда-то победу и жизнь, жизнь без зла, ненависти и фашизма. Это очень благое и нужное дело.

Семейных воспоминаний осталось очень мало, а фотография и вовсе одна, которая была сделана незадолго до начала войны. Знаю точно, что Иван Осипович и Наталья Григорьевна были очень работящими людьми, жили в деревне и брались за любую, даже самую сложную работу. В деревне их пару называли „Два тополя“, потому что оба были очень высокие, худощавые. Необыкновенно добрые, веселые, честные, скромные и просто хорошие люди.

У Ивана Осиповича было еще четыре брата, один из которых тоже не вернулся с войны. Но Ивана Осиповича они искали до самой смерти... Не было никаких данных, все, что было известно: „Пропал без вести в октябре 1941 года“.

А Наталья Григорьевна была однолюбом (для современных женщин это редкое качество), она до последних дней своих ждала Ивана Осиповича и верила, что он вернется с войны. Замуж она больше не выходила и посвятила всю жизнь единственному сыну Алексею Ивановичу (моему дедушке, что запечатлен на фотографии в виде чудного малыша) и племяннице Шурочке, которую вырастила с пеленок. К сожалению, я не застала ее и не была лично знакома, сейчас я бы многое отдала за встречу с таким замечательным человеком. Наталья Григорьевна умерла совсем рано от рака, который не щадит никого».

Надеялись, верили, а вдруг найдется?

Из воспоминаний Храпутских Александры Георгиевны, снохи красноармейца 381-й сд Храпутских Григория Акиловича (1910-16.03.1942).

«...В голодный 1920 год из белорусской деревни Крупец Добружской волости Гомельской губернии выехала на Урал большая семья Храпутских Акилы Васильевича и Ефросиньи Ефимовны. В семье было четыре сына – Трофим, Василий, Васк, Григорий и две дочери: Пелагея и Александра. Родители и две дочери обосновались в Вознесенке (позднее колхоз „Красная Нива“) Аршинского сельского совета Челябинской области. Младший Григорий тоже остался жить с родителями, а старшие братья уехали в Кусу.

Григорий обучился сапожному ремеслу: шил сапоги и женские туфли. В 20 лет он женился, прожил с Александрой Павловной 10 лет, а детей все не было. Долгожданный сын Виктор родился 7 сентября 1941 г., а через полмесяца, 22 сентября, отец был призван на фронт. Заболела тифом мать, и малыша, и сноху выхаживали родители, с которыми они вместе жили. Никаких известий от Григория не было, потом пришло сообщение, что пропал без вести. Но родители и жена продолжали ждать, надеялись, верили, а вдруг найдется. Шли годы, у мамы-свекрови появилась новая семья, но надежды они не теряли. Теперь уже ждали весточку о том, где погиб и где похоронен. Так и не дождались его родители и Александра Павловна. Отец Акила Васильевич умер в 1950 г., а мать Ефросинья Ефимовна в 1956 г. Жена Александра Павловна дожила до 1985 г. и умерла после тяжелой болезни.

Сын Виктор вырос, завел семью. В семье два сына и дочь. Жизнь прошла в труде, семейных заботах и радостях. Умер он в 2002 г., так и не узнав о судьбе своего отца. Для него он так и остался пропавшим без вести.

И вот 70 лет спустя солдат вернулся!

Если бы была жива Александра Павловна, она бы умылась слезами, узнав о такой кончине своего мужа, а у сына Виктора, наверно, сердце разорвалось бы от радости, что нашелся отец, и от горя, когда осознал, что пришлось ему перенести, раненому, в немецком пересыльном лагере „Дулаг-184“.

У Григория Акиловича большая семья, сына уже нет, но выросли внуки Сергей, Наталья, Алексей, правнучка Людмила, правнуки Дмитрий, Константин, Антон, Данила, праправнучка Милания. Теперь внуки и правнуки знают, где погиб их дед и прадед, где можно положить цветы и склонить голову.

Подлая война унесла миллионы жизней, осиротила миллионы детей, которые недоиграли, недолюбили. 1418 дней и ночей надо было выстоять, пешком, бегом, по-пластунски... Конца не было ни дорогам, ни смертям. Какой ценой далась победа! И в этом есть тоже заслуга нашего Григория Акиловича.

Вечная память всем павшим!»

Вон смотрит на меня папа. Всю жизнь смотрит...

Из воспоминаний Зинаиды Афанасьевны Калашниковой, дочери красноармейца Корчагина Афанасия Кузьмича (1914-10.01.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»). Воспоминания записала поисковик Лариса Надервель, Московская область.

«Изобильненский район. Село со специфическим названием Птичьё. Май 1941 г. Тогда еще край не носил название Ставропольский, а был Орджоникидзевский.

В семье Корчагина Афанасия Кузьмича полным ходом идут сборы, провожают его, главу семьи, в Красную армию. На руках у жены, Агафьи Ивановны, остается маленькая дочка, Зиночка, которой и года нет.

Собственно говоря, остаются одни женщины – еще мать и сестра.

– Я совсем была маленькой, на руках еще у мамы, когда нам пришла весть от отца, что состав, в котором они поедут из Ставрополя, где были сборы, пройдет мимо Изобильного, что можно будет встретиться.

– Как рассказывала мама, – продолжает Зинаида Афанасьевна Калашникова (Корчагина), – пошли пешком из Птичьёго, где жила семья, на станцию, в Изобильный.

Много было там земляков. Все прощались. Мужчины отправлялись на службу.

В воздухе витали разговоры о беспокойном положении, отслужившие финскую помалкивали, но родне говорили, что война не за горами. Чувствовалось приближение беды.

От этого и прощания были более эмоциональным, нежели в предыдущие призывы, да и пожелания сердечнее – жены и матери это ощущали сердцем и душой.

Мама мне всю жизнь повторяла, что отец был очень ласковым, любил нас. Двух предыдущих детей мама не смогла выносить. Поэтому я была такой желанной, долгожданной и любимой.

– „Не обижайте мое дитя“ – так, говорят, наставлял всех мой отец, взяв на перроне меня на руки. Не обижайте... И правда, всю свою жизнь я прожила в окружении ласки и любви, – вспоминает Зинаида Афанасьевна. – Да, так вот, когда отец ушел в армию, мы остались жить все вместе. Мама отца, его сестра и мы с матерью.

Беда пришла в дом вместе с войной. Все жили ожиданием. Никаких известий, никаких вестей и сообщений.

– А мы все ждали. Уж и война закончилась. Помню, – продолжает дочь, – мама рассказывала, увидят женщины, что идет солдат, кидали всю работу, да бегом. Не по дороге,

а через огороды... бурьян... ноги в кровь, добегали, чтобы спросить, не видел ли кого, не встречал, не слышал?

На нашей улице, в Птичьем, 50 дворов. Только два хозяина вернулись...

А после войны мы уже получили известие об отце.

Я все это так ярко запомнила. Хоть и малая была, но до сих пор помню тот день.

Когда бабушка, папина мать, прочитала извещение, упала без чувств, я помню. Как кричала на всю улицу его сестра. Тоже помню. Мне это так запомнилось, потому что я испугалась за бабушку и тетю. Мама, сама еле живая, их приводила в чувства. А выли, считай, в каждом дворе, когда получали похоронки.

Так нам стало известно, что папа погиб в немецком лагере в Вязьме. Об этом было написано.

Стали мы получать по 28 рублей. Я и моя бабушка. Правда, потом бабушка все деньги перевела на меня.

Всю жизнь я читала про Смоленскую область, узнавала про Вязьму. Знала, что там похоронен мой папа.

Мы еще долго разговаривали с дочкой Афанасия Кузьмича Корчагина, она вспоминала эпизоды жизни, кстати, и о том, как рассказывал один шофер из соседнего села, что сам лично похоронил их отца. И все это с подробностями, которые заключались в рассказе об эшелоне, о бомбежке, о том, как ранило смертельно в живот их отца, как просил передать все семье.

Мы и не знали, кому верить.

– Зинаида Афанасьевна, есть ли у вас фотография папы? Нам она очень нужна для книги, – не успела я и договорить.

– Так вот он, на стене висит портрет его большой. После войны все женщины стали отдавать карточки мужей и братьев. Ну, родных, которые не вернулись. И мама моя, Агафья Ивановна, тоже отдала. Фотограф жил у нас по соседству, через два двора. Пошла я как-то к ним, к своей подружке, мы заигрались, вбежали в комнату, а там ее папа и сказал мне, что готова фотография, и показал ее.

Я же побежала прямо босиком, не надев обувь, домой, чтобы сообщить всем, что можно фотографию забрать. Вбегаю, кричу:

– Мама, бабушка, там папа... – ну и... бабушка упала без чувств опять. Как тогда, когда пришла похоронка. Все выбежали на улицу, потом опять ко мне, никто ничего понять не может. Решили, что папа вернулся, что я его первой увидела. Я ведь про фотографию сказать хотела, что портрет готов.

Так папу своего я никогда не увидела. Мама замуж больше не вышла. Мы все жили памятью о нем.

Доча, спасибо вам всем, что про отца моего вспомнили. Как вы мне и сказали, буду писать о нем и нашей жизни. И портрет закажу, только чтобы поменьше сделали карточку... Вон смотрит на меня папа. Всю жизнь смотрит...»

Семья получит два письма...

Из воспоминаний Колосова Александра Емельяновича, сына красноармейца Колосова Емельяна Васильевича (1913-05.03.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

Из почты поисковиков (Лариса Надервель):

...«Вяземские мученики» – по-иному и не могу назвать этих людей, волею судьбы попавших в переплет военных событий времени, где местом смерти стала Вязьма, лагерь военнопленных.

Безусловно, все они обязаны быть в памяти нашей... чьи-то деды, отцы, дяди... И панихидой по ним будут не только молитвы, но и наши поступки, которые позволяют воскресить прошлое, вспомнить об этих людях... найти их родных и близких.

И не забывать, не дать потомкам забыть о том, что это было.

Поклон всем тем, кто «вытащил» эти вяземские списки, кто работает в этой теме. Уважаемые коллеги, сил вам и упорства.

Итак, читаем все вместе. Это – наша история.

«Что мне известно об отце Колосове Е. В.

Колосов Емельян Васильевич родился 1 августа 1913 г. в хуторе Надзорном, ныне селе Надзорном Ставропольского края Кочубеевского района. По социально-имущественному происхождению из крестьян-середняков (в то время требовалось давать такую оценку). В хуторе Надзорном прошло его детство, обучение в 4-классной школе и начало трудовой деятельности.

Трудовую деятельность он начал в 17 лет в местном колхозе, где проработал более 5 лет. В 1935 г. вблизи села проводились изыскания по проекту, и началось строительство Невинномысского оросительного канала (Кубань – Егорлык). На этой стройке отец начал работать с 3 октября 1935 г. в 1-й инженерно-геологической партии «Терстроя» рабочим по бурению и шурфованию, а затем с 9 июня 1937 г. чернорабочим на участке № 3 строительной организации «Ставропольстрой». В августе 1939 г. поступил на курсы шоферов Ворошиловского автотоклуба в г. Ставрополь, которые успешно закончил, и в феврале 1940 г. вернулся на стройку, где прошел трехмесячную практику стажером, а затем трудился в качестве шофера на автомобиле ГАЗ-АА до 24 июня 1941 г.

В июне 1941 г. был призван Невинномысским РВК и направлен на фронт Великой Отечественной войны. С фронта от отца получено только два письма: жене (Колосовой Марии Ивановне) и брату (Колосову Михаилу Васильевичу), датированные 17-м и 28 августа 1941 г. Из этих писем стало известно, что находился он в это время в Смоленской области, его адрес был: 196-я полевая почта, 103-й полк, подразделение 46, а также то, что он был водителем автомобиля и служил вместе с односельчанами.

В дальнейшем об отце ничего не было известно до лета 1946 г., когда пришла так называемая похоронка, в которой сообщалось о том, что он умер в плену. По этой бумаге мне была оформлена пенсия, и я ее получал до 1960 г. (до окончания учебы в техникуме и призыва в армию).

Прилагаю фотоматериалы об отце: копии и тексты писем с фронта; фото выпуска шоферов; фото с друзьями и др.

Немного о себе: Колосов Александр Емельянович, родился 23 апреля 1941 г. в селе Надзорном Кочубеевского района Ставропольского края. В 1960 г. окончил Первый Ростовский-на-Дону автомобильно-дорожный техникум и получил специальность техника-строителя. В 1960–1963 гг. проходил действительную службу в инженерно-строительных частях пограничных войск КГБ СССР. После демобилизации в январе 1964 г. переехал для дальнейшей работы и проживания в г. Южно-Сахалинск. В 1970 г. окончил заочный факультет Хабаровского ИИЖТ и получил квалификацию инженера-строителя. Трудился на различных инженерных должностях в строительстве Сахалинской области. В 2003 г. вышел на пенсию и переехал для дальнейшего проживания в г. Люберцы Московской области.

9 февраля 2013 г.

А. Е. Колосов»

А впереди – дорога на фронт и два письма, которые получит семья. И все...

Расшифровка письма, прочтение произведены сыном бойца Александром Емельяновичем Колосовым. И нам легче прочитать, да и чтобы сохранилось зрительно написанное его отцовским почерком.

Адрес на треугольнике:

«Орджоникидзевский край, Невинномысский район, хутор Надзорный.

Колосовой Марии Ивановне.

196-я полевая почта, 103-й полк, подразделение 46, Колосов Е. В.

Письмо от известного твоего мужа Е. В. Первым долгом моего письма я тебе сообщаю о том, что я в настоящий час пока жив и здоров и посылаю вам боевой горячий привет, а сыночку Шуру поцелуй.

Маруся, я сейчас шел за обедом, и мой товарищ получил от тебя письмо, из которого я узнал, какое твое здоровье и Шуры и как вы живете.

Маруся, теперь я узнал, как тебе помогают мои родные, но ничего, ты не волнуйся, я все понял, это я все сделаю, а бы был жив.

Маруся, пойдешь до брата Ваньки и моим словом скажешь, что я сказал: нехай отдаст машинку (швейную), и никаких разговоров не может быть, потому что она тебе надо. А если ему надо, то пусть придет и возьмет или попросит. Вот все, и нечего меня тревожить, мне не до этого. А няня нехай тоже не радуется, что меня убьют, я ей ничуть не мешаю в этом. Зачем тревожить меня, у нее есть машинка, и хватит с ней, пусть отдадут без разговору.

Теперь велосипед – это жив будет Шура, это его, никаких денег. Теперь за брюки, кто тебе говорил, то скажи ей, что я сказал: когда я приеду, тогда куплю ей брюки. Как ей не стыдно за брюки с тебя спрашивать, не помогут тебе, а с тебя. Маруся, ты с ними поговори по-хорошему, как, мол, мне теперь жить. Обо мне не беспокойтесь, а сын кому нужен, если вам не нужен, а кому чужим нужен.

Маруся, я им напишу тоже письмо. Я им писал и еще напишу. Маруся, ты пишешь за одежду, получила все или нет, не написала. Маруся, теперь за квартиру, если можешь там жить, то живи. А если нет, то поищи там, где можно. Теперь, Маруся, смотри сама, если можешь прожить зиму, а то надо работать тебе, где удобно тебе и можно. Маруся, смотри сама, на меня не надейся. Сама знаешь, что враг коварен и силен.

Но, в общем, я тебе советую жить и смотреть за сыном, не обижай его. Маруся, ты пишешь, что в каком направлении Смоленск. Маруся, я напишу записку брату Ивану, а ты понесешь, лично отдашь ему.

Маруся, тебе видней, как надо жить, а на меня не надейся, потому что могу только дать совет, пока жив я, Маруся, передай брату М. В., А. Е. и В. А. от меня привет. А также передай привет всем своим и Дуне Захарехе.

Маруся, не сиди, как сидела, а надо ворочаться и быть живой.

Пока до свидания. Пиши чаще письма и отписывай новости, и как и кого взяли.

Мой адрес: 196-я полевая почта, 103-й полк, подразделение 46, получатель Колосов».

Мы всем обязаны нашим отцам, дедам, прадедам!

Из воспоминаний Карпенко (Емельяновой) Лидии Андреевны, дочери красноармейца Емельянова Андрея Ефимовича (1909-11.03.1942, лазарет № 1).

«Мой отец, Емельянов Андрей Ефимович, родился в 1909 г. в Смоленской области в деревне Хорошилова. Семья была многодетная, было у родителей пять детей, а Андрей был самым старшим. Он помогал родителям по хозяйству. Бабушка моя, Варвара Васильевна, мать Андрея, мне говорила, что сын ее был трудолюбивым, прилежным, добрым, уважаемым на селе, всем всегда помогал, кому было трудно.

Когда Андрей вырос, то работал с отцом, Емельяновым Ефимом Емельяновичем, плотником в деревне, они строили дома.

В 1933 г. Андрей женился на Прасковье Ивановне, 1912 г. р. Родилось у них трое детей: дочь и два сына. В 1939 г. Андрей Ефимович воевал с финнами, по окончании войны вернулся домой.

В 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, в июне всех мужчин деревня провожала на фронт. Встал в строй мой дед, Ефим Емельянович (погиб зимой 1941 г. среди партизан), мой отец, Андрей Ефимович, его брат, Сергей Ефимович, 1915 г. р. (погиб под Ленинградом), младший брат, Василий Ефимович (погиб в первые дни войны на западной границе, так как проходил службу в танковых войсках). Помню, что в первые дни войны

отец забегал к нам на пять минут попрощаться, их часть проходила мимо нашей деревни, он был ранен, у него была перевязана рука.

В сентябре 1941 г. мы попали в оккупацию и ни о ком ничего не знали. В апреле 1942 г. нашу деревню Хорошилово сожгли, одних жителей отправили в Германию, а наша семья попала в Польшу. Взрослые работали на хозяина на его земле, выращивали овощи. Марии было 16 лет, Николаю – 14 лет, а моей маме, Прасковье Ивановне, было 29 лет. В марте 1945 г. мы вернулись домой, жить нам было негде, мы расположились в лесу, там остались блиндажи. Жить было очень тяжело, мы были голодные, холодные, но самое главное – дружные.

По приезде нам принесли письмо, датированное концом 1941 г., из сельсовета от Сергея, в котором он сообщал, что Андрей ранен и лежит в госпитале, но адреса не было. Вскоре мы получили две похоронки на Сережу и Василия и извещение на Андрея, что он пропал без вести. Мы ждали и надеялись, что Андрей жив, три раза подавали заявки на розыск, но безрезультатно. На отца приходили извещения о том, что военнослужащий „пропал без вести“.

Большое спасибо исследовательской группе, которая нашла нашего отца. Мы узнали, что Емельянов Андрей Ефимович погиб в немецком лагере смерти „Дулаг № 184“ 11 марта 1942 г. в г. Вязьме. Каждый год со своей семьей мы приезжаем в г. Вязьму к Вяземскому мемориалу „Дулаг-184“, чтобы поклониться за Победу им. Счастьем жить мы обязаны нашим отцам, дедам, прадедам».

Расстреляли в госпитале

Из воспоминаний Таубкина Давида Ароновича, троюродного брата красноармейца Бененсона Оскара Григорьевича (1914-04.01.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

Из почты поисковиков (Елена Жилинская, Ольга Смольянинова):

«Среди архивных документов Вяземского лагеря для военнопленных „Дулаг-184“, а именно списков умерших в лазаретах солдат, был указан красноармеец Бенитсьян Оскар Григорьевич, 1913 г. р., погибший от истощения в лазарете № 1. Дата смерти – январь 1942 г. Национальность – армянин, адрес проживания семьи – г. Киров, ул. Большевиков, 42.

После проверки данных о погибшем в базе ОБД „Мемориал“ было установлено, что по донесениям о безвозвратных потерях в Книге памяти Москвы (т. 2), Книге памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом (т. 1), числится Бененсон Оскар Григорьевич, 1914 г. р., призванный на фронт из Москвы Тверским ОВК, адрес семьи: г. Москва, пер. Старопименовский (между Тверской ул. и Малой Дмитровкой), 14–23. Считался пропавшим без вести в октябре 1941 г. В Книге же памяти Кировской области (т. 15 – Бенитсьян... умер от ран 4.01.1942 в вяземском лазарете)...

Поняв, что где-то кроется ошибка в фамилии погибшего, мы решили проверить данные в военкомате призыва и найти возможных родственников.

Тверской военкомат г. Москвы подтвердил призыв и адрес Бененсона Оскара Григорьевича в Москве. По домовою книге по адресу проживания О. Г. Бененсона уточнили имена родителей – все сошлось, и кировский адрес, куда они выбыли в войну в эвакуацию.

На сайте музея Яд Вашем в Израиле обнаружили лист свидетельских показаний за 2001 г., присланный троюродным братом О. Г. Бененсона.

Связались с ним в Израиле. **Таубкин Давид Аронович** поделился с нами воспоминаниями о Бененсоне Оскаре Григорьевиче и его семье. Вот что он рассказал:

„Мне известны следующие обстоятельства гибели О. Г. Бененсона. Он служил в артиллерийских войсках, был тяжело ранен, у него были перебиты ноги, и он попал в госпиталь, который захватили немецкие войска. Для проверки раненых в госпиталь прибыл представитель гестапо и, обнаружив Оскара, застрелил его прямо на больничной койке. Эти сведения сообщил после войны родителям вернувшийся из плена сослуживец брата.

Мама бойца, Софья Давидовна, по линии и по поручению профсоюза ведала патронажем детей и матерей. Отец, Бененсон Григорий Моисеевич, был не только интересным человеком, он был основателем российской лесопромышленности. С его книгами и статьями в этой области можно познакомиться в интернете, набрав его фамилию, имя и отчество. Писатель Леонид Леонов по материалам Г. М. Бененсона создал роман «Русский лес».

Мы очень были дружны с Бененсонами. В пору моей юности мы часто общались, и он содействовал моему гражданскому становлению. Оскар был их единственным сыном...».

Бабушка искала его до самой смерти

Из письма Дорошина Алексея, внука красноармейца Василия Васильевича Бздюлева (1901-20.01.1942, лазарет № 3 «Дулага-184»).

«...Мой дед Бздюлев В. В., 1901 г. р., пропал без вести в конце 1941 г., всю свою жизнь его искала моя бабушка, теперь моя мама с сестрами. И вот недавно я просматривал ваш сайт со списками военнопленных лагеря „Дулаг-184“, честно сказать, я был поражен, но, более того, данные одного бойца практически сходятся с данными моего деда. Я живу в г. Первоуральске Свердловской области, откуда и призывался мой дед. У нашей семьи к вам очень большая просьба – по возможности уточнить точную фамилию: № 4343 Бездолин Василий Васильевич 1901 г. р., рядовой, Свердловская обл., Первоуральский район, Вольгорский рудник, дом 32.

Я, в свою очередь, уточняю, что в Первоуральском р-не названия Вольгорский рудник никогда не было, есть Гологорский рудник, где до войны и работал мой дед плотником.

Мой дед Бздюлев Василий Васильевич, 14.08.1901, его жена, моя бабушка, Двоглазова Анастасия Павловна, 13.12.1902, оба уроженцы Кировской области, Татауровского р-на, д. Селюнинцы. Проживали там до 1933 г., почему переехали на Урал, никто, к сожалению, не помнит. В 1933 г. приехали на Урал в г. Свердловск. С 1935 г. стали проживать в городе Первоуральске Свердловской области в пос. Гологорка, д. 32. Дед до войны строил бараки для рабочих авторемонтного завода и работал пыльщиком, потом на шахте Гологорского рудника, где добывали руду для завода, вел плотницкие работы. Бабушка работала приемщицей продукции там же, на шахте Гологорского рудника. Когда началась война, шахту затопили. Деда забрали на войну с этого предприятия – Гологорский рудник, город Первоуральск Свердловской области. Дед был призван в августе 1941 г. Последнее письмо его пришло в декабре 1941 г. с дороги.

И больше от него вестей не было.

Бабушка его искала всю жизнь до самой смерти, но поиски результатов не дали. У них в семье было семь человек детей: Иван, Пелагея, Антонина, Любовь, Тамара, Анна и Нина. В живых на данный момент Скрябина Пелагея Васильевна (1927), Шишина Тамара Васильевна (1938), Дорошина Анна Васильевна (1940), моя мама и Тюленева Нина Васильевна (1942). К сожалению, воспоминания скудные, так как они были еще маленькие и толком ничего не помнят. К сожалению, письма деда и фото не сохранились, есть одно фото, но оно очень плохое, и я попытаюсь его восстановить – по инету отправлять бесполезно, так как очень маленькое.

Ну а начал я его искать после разговора с мамой как-то после 9 Мая, пока и не наткнулся случайно на списки погибших в „Дулаге-184“. Это просто чистая случайность, а может, и нет, хотя и запрос в ЦАМО отправлял, но ответ был один. И когда просматривал списки погибших, наткнулся на уже, можно сказать, деда, так как фамилия была не его, а остальные данные – наши. Но я вначале уточнил у мамы, а потом уже связался с Ларисой, за что ей очень благодарен, да и всем вам, которые занимаются столь нелегким трудом в поисках родственников и в установлении имен погибших бойцов. Мы все живем в городе Первоуральске Свердловской области. Если что-то нужно добавить, я постараюсь расспросить родных, конечно, но не думаю, что сильно добавят.

Знаю, что эшелон на войну простоял еще сутки на станции Хромпик г. Первоуральска, а после чего их отправили в Еланские лагеря на подготовку и потом на фронт. Но это не точно, все со слов и воспоминаний. Установить, в какой дивизии или полку служил дед и как попал в плен в Вяземском котле, не представилось возможным, хотя в исторических документах все написано, что там был просто ужас, и очень много армий было в окружении...»

И сын, и дочь похожи на него...

Из письма Мелентьевой Галины Ивановны, педагога, командира поискового отряда «Подвиг» г. Юрга Кемеровской области.

«Нашему поисковому отряду посчастливилось найти дочь нашего земляка Курнокова Владимира Емельяновича, погибшего в „Дулаге-184“ 2 февраля 1942 г. в лазарете № 1. Его дочь Екатерина Владимировна Теминдарова проживает в селе Логовое Юргинского района Кемеровской области. Узнав о цели нашего визита, она охотно согласилась встретиться с нами.

Родился ее отец в 1901 г. в деревне Онищенко Елецкого района Орловской области (ныне Липецкая). В армию призывался 8 августа 1941 г. Юргинским РВК. С фронта он не вернулся.

Письмо было только с дороги.

По рассказам его односельчанина, с которым он призывался, Владимир Емельянович погиб при налете вражеских самолетов на их поезд при подъезде к передовой линии фронта.

Следовательно, Владимир Емельянович был ранен или контужен при бомбежке, взят в плен фашистами, попал в лазарет № 1 Вяземского лагеря военнопленных, где, не пережив страшную зиму 1942 г., ушел из жизни.

Когда началась война, его дочери Екатерине не было и четырех лет. Детские годы навсегда запечатлели маленькие, но самые добрые воспоминания об отце: он очень любил сына и дочь, похожую на него.

Жили в деревне Верхний Шалай, а на работы он ходил каждый день на Юрга-2 на крупозавод.

В свободное время он занимался изготовлением валенок.

По рассказам мамы, он был высокого роста, „чубатый“ и очень добрый.

Документы и фотографии В. Е. Курнокова не сохранились, но Екатерина Владимировна передала в наш музей копию своего свидетельства о рождении, где есть запись об отце: Курноков Владимир Емельянович».

Возрождена нить семейной памяти

Из воспоминаний Поленникова Виктора Михайловича, сына красноармейца 791-го сп 135-й сд Поленникова Михаила Васильевича (1901-30.09.1942, лазарет № 2).

«Мой отец Поленников Михаил Васильевич – один из многих, чей портрет увековечен на стеле вяземского мемориала. Отец родился в 1901 г. в селе Сырское, недалеко от города Липецка. Он был первенцем в дружной трудолюбивой семье. В семье были еще четыре девочки. Времена были нелегкие, и, чтобы выжить, приходилось работать с ранних лет. После гибели отца семейства на фронте Первой мировой войны он стал единственным помощником, опорой и защитником в семье.

После службы в армии Михаил Васильевич создал свою семью, не забывая при этом о своих младших сестрах. В семье родилось девять детей, восемь из которых по разным причинам ушли из жизни. Уходя на фронт в сентябре 1941 г. зрелым, физически крепким, с большим жизненным опытом, Михаил Васильевич оставил жену, сына и сестер. Они не дождались его с фронта и, конечно, не знали, что он в течение года выдерживал нечеловеческие истязания плена. Он активно помогал и поддерживал своих более молодых бойцов.

Михаил Васильевич не мог знать в год своей гибели, что у него родился десятый сын (автор этих строк). В 1944 г. ушла из жизни его любимая жена, оставив двух сыновей семи- и двухлетнего возраста на попечение его сестер. Сестры к этому времени имели свои большие семьи. Никто из них не дождался своих мужей с войны.

Мне пришлось два года быть в спецдоме матери и ребенка и четырнадцать лет – в детском доме. Далее учеба в ремесленном, военном училище, военной академии, адъюнктуре и служба в вооруженных силах в течение 32 лет. Мы с братом всегда думали о родителях – хорошее воспитание в детском доме позволило не комплексовать по поводу нашего сиротства.

В мой семидесятилетний юбилей благодарными и неутомимыми поисковиками – моей землячкой Ольгой Ивановной Смольяниновой из Липецка, Ивановой Евгенией Андреевной и другими – была возрождена нить семейной памяти. Очень прискорбно, что ни мой старший брат, ни тетушки не дожили до этого дня. Но осталось у наших родителей четыре внука, семь правнуков. У всех свои семьи, своя жизнь. Памяти наших родителей достойна наша общая служба в армии – более девяноста лет. У нашего отца-прадеда три старших офицера и активно работающие потомки. Мы будем крепить и делать долговечной память о наших семейных традициях».

Стараюсь брать в Вязьму своих внуков

Из воспоминаний Лавровой Александры Степановны, дочери красноармейца 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы Степана Ивановича Крицына (1915–1942).

«К началу войны мне не было и 9 месяцев, поэтому отца своего не помню. На фронт он ушел 20 августа 1941 года. Из рассказов матери и соседей узнала о его отношении ко мне, как носил меня маленькую за пазухой. Заботился обо мне. Было ему 26 лет.

На сохранившемся первом письме с фронта стоит календарный штампель с датой 28 августа и местом отправки – город Вязьма, Смоленской области. В этом письме он пишет свой почтовый адрес и примерное местоположение. Больше писем не было. Мама моя несколько лет разыскивала его. И, наконец, в 1946 году мы получили извещение, где было указано, что мой отец числится пропавшим без вести в декабре 1941 года.

Со школьных лет я мечтала побывать в местах, где погиб мой отец. И в 2008 г. мне это удалось. Мне посчастливилось встретиться с Евгенией Андреевной Ивановой. От нее я узнала о Вяземском котле, „Дулаге-184“, об общественной работе группы родственников, краеведов и поисковиков по увековечению памяти о погибших на вяземской земле.

Первая моя поездка в город Вязьму состоялась в 2008 г. В этой поездке я услышала рассказы свидетелей событий тех страшных лет, которые оставили особенно тяжелое впечатление. Мы и не представляли, что испытали наши отцы, наши защитники. И с тех пор я ежегодно посещаю город Вязьму, чтобы почтить память отца. Стараюсь брать с собой своих внуков, чтобы память об ужасах войны, о судьбах защитников не иссякала, а жила вечно в сердцах людей, чтобы не было повторения событий тех страшных лет.

Вечная память защитникам нашей Родины!»

Из письма рядового Крицына Степана Ивановича:

«Добрый день, Маруся.

В первых строках моего письма я вам хочу сообщить о том, что я жив и здоров, чего вам желаю. Всего хорошего. Во-вторых, я вам посылаю свой горячий привет. Привет своей Шуре. Я вас целую заочно.

Мы приехали на фронт, но пока находимся в каких-то 26 километрах от фронта. Находимся на Ельнинском направлении. Возможно, вы будете слушать по радио. Теперь я вам, Маруся, хочу написать и допросить у вас, как вы себя чувствуете. Маруся, вы мне пропишите что-либо. <...>

Описывать все, что я видел, это не стоит. От Смоленска находимся недалеко.

«...» Вот что я вам хотел написать. Целую свою дочку Шуру и Марусю.
 Мой адрес: Действующая армия, Полевая почтовая станция № 303, Третий стрелковый полк, Первая армейская батарея, Крицыну Степану Ивановичу».

В долгу мы ВЕЧНОМ перед вами

Из письма Гольшевой Марины Алексеевны, внучки красноармейца Можайского Тимофея Трофимовича (1912-25.01.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Низкий поклон всем, кто ведет поиск погибших воинов и их родственников.

Из архива МО нам переслали запрос 44 от поисковиков МАОПО „Народная память о защитниках Отечества“, из которого я узнала, что мой дедушка Можайский Тимофей Трофимович, 1912 г. р., трагически погиб 25.01.1942 г. в немецком пересыльном лагере – „Дулаге № 184“ в г. Вязьма. Когда и откуда он был мобилизован.

Моя бабушка, Можайская Анна Назаровна, после войны подавала в розыск. Ответ был такой, что дедушка пропал без вести. Знаю, что и потом, спустя годы, дети обращались в архив г. Подольска, но ничего нового они не узнали.

Сейчас из его четверых детей в г. Домодедово проживает его младшая дочь (моя мама), 1940 г. р., Овчинникова Галина Тимофеевна. Два брата и сестра мамы уже в другой жизни.

И русское родное поле приносит ветром имена...

Когда отец ушел на войну, маме было всего 7 месяцев. Бабушка очень любила нашего дедушку. Он был добрым, заботливым, трудолюбивым, красивым, под два метра ростом. Мы удивлялись, как он мог полюбить малышку 146 см. До войны они жили в г. Кашира на

квартире, а работал он на авиационном заводе в г. Ступино. Была у него бронь, но он пошел на войну добровольцем. Потом семья переехала в г. Домодедово к брату жены.

Говорят, что было письмо месяца через три-четыре, и все...

Семья наша так в г. Домодедово и проживает. Дочь – 72 года, 4 внучки, 6 правнучек, один правнук, 2 праправнучки и 3 праправнука.

Мало что знаю о деде, но гордилась всегда им. Высылаю фото. Надеюсь, что найдется место в книгах, которые вы издаете в память о погибших...

Как много было тех героев,
 Чьи неизвестны имена.
 Навеки их взяла с собою
 В свой край неведомый война.
 Мы помним, помним это горе.
 Осталась в памяти война,
 И русское родное поле
 Приносит ветром имена...
 Когда на бой смертельный шли вы,
 Отчизны верные сыны,
 О жизни мирной и счастливой
 Мечталось вам среди войны.
Вы от фашизма мир спасли,
Вы заслонили нас сердцами.
 Поклон **вам** низкий до земли,
 В долгу мы **ВЕЧНОМ** перед **вами**...»

Я обязательно расскажу своему сыну о подвиге прадеда

Воспоминания Чернецкого Вадима, правнука Буланова Сергея Федоровича (14.09.1899-11.03.1942), ополченца 13-й сдпо Ростокинского р-на г. Москвы.

«О своем прадеде я мало знаю. Сохранились пара фотографий, пожелтевшие письма с фронта, переданные сослуживцем и гостившей в расположении жены однополчанина. Последнее письмо датировано 4 октября 1941 г. В начале октября началось окружение немецкими войсками наших армий и дивизий Западного и Резервного фронта в районе г. Вязьма. Он писал, что их дивизия стоит на передовой линии фронта, а его часть – в дер. Орешки около ст. Семлево в 25 километрах от Вязьмы. Также сохранилось несколько справок:

- о том, что Буланов С. Ф. является студентом Московского текстильного института;
- о том, что состоит на службе в Оргтекстиле инженером;
- о том, что тов. Буланов С. Ф. в должности зам. начальника планово-производственного отдела аппарата 1-го Главмосхлоппрома призван в народное ополчение в июле 1941 г.;
- справка от 11 ноября 1941 г., выданная его жене Поляковой Т.П., о том, что муж ее призван в ополчение. На оборотной стороне справки стоит пометка „В магазин. Выдайте муку. 16/ХП“. Дед в это время почти два месяца уже был в плену.
- ответ на запрос о местонахождении, полученный в 1944 г., что сведений не имеется и ни в каких списках (убитых, умерших от ран и пропавших без вести) Буланов С. Ф. не значится.

Последняя справка дана дочери Раисе 21 ноября 1964 г. в том, что, по учетным данным райвоенкомата, ее отец погиб на фронте в 1941 г.

Также есть заявление деда в отдел массово-производственного обучения, которое дает основание предполагать, что он занимался преподавательской деятельностью со студентами заочного отделения Текстильного института.

Итак, родился мой прадед 14 сентября 1899 г. в местечке Струнино Ивановской области. По моим предположениям, в Москве он оказался, приехав в 1923 г. поступать в Московский текстильный институт, расположенный по адресу: ул. Донская, д. 60–62. Прабабушка моя, Полякова Татьяна Петровна, жила по адресу: ул. Донская, д. 62. Так, видимо, они и познакомились. В 1930 г. у них родилась дочь Раиса, моя бабушка. Она мало рассказывала о своем детстве, которое пришлось на 1930-е гг., полные трагических событий для советского народа в виде массового голода и репрессий, и военные 1940-е, страшные годы ВОВ. Единственное, что она мне рассказала, что в письмах отец писал, что оружия практически нет, на пятерых солдат одна польская винтовка, и та стреляет не туда, куда нужно. Из разных источников я примерно представляю, насколько плачевным было обеспечение армии оружием и провиантом в тот период.

26 июля 1941 г. Буланов Сергей оказался в рядах 13-й дивизии народного ополчения, которая сформировалась в первых числах июля в Ростокинском районе столицы. В документах указывается, что он был в рядах 142-й стрелковой дивизии. Но в ходе изучения фактов я понял, что это ошибка. 142-я сд была сформирована в 1939 г. и до января 1943 г. относилась к 23-й армии Ленинградского фронта, а с сентября 1944 г. была в составе 2-го Белорусского фронта под командованием К. Рокоссовского. 140-я же стрелковая дивизия 2-го формирования была создана на базе управления 13-й сд Московской армии народного ополчения 4 июля 1941 г. 26 сентября того же 1941 г. переименована из 13-й в 140-ю сд и включена в состав регулярных войск, по 9 октября участвовала в Вяземской оборонительной операции в составе 32-й армии Резервного фронта. С 9-го по 12 октября дивизия входила в оперативную конно-механизированную группу Болдина. 140-я стрелковая дивизия попала в окружение северо-западнее Вязьмы, вела бои в неполном составе, бойцы группами выходили из окружения. Приказом НКО № 00131 от 22.12.41 дивизия исключена из списков Красной армии и расформирована как погибшая на фронте. Ошибся ли сотрудник „шталага“, заполнявший документы, или мой прадед осознанно назвал неверный номер дивизии при взятии в плен, теперь уже не узнать...

Несмотря на то, что Вяземскую оборонительную операцию, направленную на сдерживание врага, оправданно называют катастрофой из-за огромного количества погибших, раненых, взятых в плен и пропавших без вести советских солдат, материальных потерь и тактических ошибок, очевидно, что эти жертвы не были напрасными. Больше месяца защитники сдерживали превосходящие по численности и обеспечению немецкие формирования, командование которых рассчитывало в короткое время овладеть столицей СССР.

Я неоднократно предпринимал попытки что-либо узнать о судьбе своего прадеда, но часто получал ответ, что о народном ополчении практически нет никакой информации.

Для начала, перерыв весь семейный архив, я нашел чудом сохранившиеся записки и справки, информацию о которых передал своему знакомому историку Сергею Садовникову. Параллельно в интернете на разных форумах и сайтах искал данные о судьбе 13-й Ростокинской ДНО. Почти одновременно я получил и от Сергея, и на форуме ответ, что некоторая информация, да еще и подкрепленная документально, имеется. Я узнал, что дед был пленен 22 октября 1941 г. в районе дер. Богдановка близ Вязьмы. Как мы знаем, эти территории с 7 октября 1941 г. были так называемым Вяземским котлом, образовавшимся в результате наступления на Москву группы немецких армий „Центр“.

Спустя короткое время мне позвонила Евгения Андреевна Иванова и предоставила достаточно подробную информацию. Из копий документов, сделав некоторые логические выводы, я узнал, что дед мой попал изначально в пересыльный лагерь „Дулаг-184“ в г. Вязьма, а затем с обморожением нижних конечностей в феврале 1942 г. был переведен в

постоянный лагерь для военнопленных „Шталаг-342“ в г. Молодечно в Белоруссии, где, согласно документам, 11 марта 1942 г. скончался и был похоронен в „единой могиле № 3“.

Мне выслали фото документов, дали направление в поисках информации, подарили книги о Ростокинской дивизии, о Вяземской операции, а также „Книгу памяти г. Москвы. Том 20“, в которой упомянут и мой дедушка.

В июне 2016 г. я посетил белорусский городок Молодечно. Там в годы войны располагался один из первых и крупнейших лагерей постоянного содержания военнопленных на территории Советского Союза, „Шталаг-342“, где погибло более 33 150 человек. На месте лагеря сейчас по одну сторону мемориала расположена воинская часть, по другую – помещения станкостроительного завода.

Мрачное место, мрачные мысли... Но такие места должны быть. В назидание потомкам. Как вечное напоминание о „человеческой бесчеловечности“.

Очень хочется верить, что таким понятиям, как концентрационные лагеря, больше не может быть места в современном мире. Я обязательно расскажу своему сыну о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., о трагической судьбе его прапрадеда. Чтобы знал и помнил...»

Отец ушел на фронт через несколько дней, одним из первых

Из воспоминаний Рогановой Юлии, правнучки красноармейца Роганова Василия Ивановича (1905-16.03.1942, лазарет № 3 «Дулага-184»).

«Добрый день Люба, мама и Левчик. Во-первых, спешу уведомить что жив и здоров, чувствую себя прекрасно. Люба, особо обо мне не волнуйтесь, храните себя и семью. Особенно себя не обременяй. Старайтесь усилить питание. Жив вернусь – все будет. Левчика запиши в школу и следи за его учением. Левчик, сынок, меньше бегай – больше занимайся, слушайся маму и бабушку.

Люба, плохо я сделал, что не взял брюки и гимнастерку. Хорошо, что взял подушку-думку. С ней мне лучше.

Сильно не скучайте, может, скоро вернусь. Роганов В. И.»

21 июня 1941 г. маленькому Левчику исполнилось десять лет. Они с отцом шли по улице, когда по громкоговорителю сообщили, что началась война. Отец ушел на фронт через несколько дней одним из первых. Из-за хромоты он не был пригоден к строевой службе, но его взяли санитаром в Полевой передвижной госпиталь. Сначала письма приходили часто. В них Василий Иванович спрашивал о здоровье жены Любы, интересовался успехами сына Левчика и просил его писать чаще, волновался о подготовке к зиме и совсем немного рассказывал о своей жизни.

«21/VII 41 Москва Барнаул

Привет, Родина.

Добрый день, дорогая семья: Люба, мамаша и сыночек Лева. Люба, я еще в пути. Пока стоим в Москве. Ночью на Москву налетели немецкие самолеты. Семнадцать вражеских самолетов... Но все ничего. Налет продолжался 5 часов. Пока стоим под Москвой, где будем, не знаю».

«30/VIII 41

Построили две избушки, но спать в них не пришлось. В одной только покурили. Сейчас их уже не найдешь.

Люба, я пишу вам 5-е письмо. Ну так хочется узнать о вас. Если б мне предложили три дня хлеб не есть, только бы письмо прочесть, я бы был рад. Но до свидания. Надо торопиться укрыться, а то над нашей головой вражеские самолеты кружат. Люба, читай газету, ты будешь знать о нашей жизни, обращай внимание на Смоленское направление».

«7/IX 41 г. 2 часа ночи. Лес. Кусты.

Пиши чаще, а я отвечу по возможности. Работаю старшим санитаром в операционной. Работы много, так что спим очень мало. Салтаев со мной спит вместе. Сами сделали избушку такую, какую Левчик делал в Ташкенте.

Люба, в случае недостатка все продай, но баян оставляй».

«Без даты

Любочка, поздравляю вас с днем вашего рождения. В честь ваших именин высылаю вам подарок. Это денежный подарок в сумме 200 руб. На эти деньги купите козу и корову. Козу доите, а корову едите. А если не хватит, то добавьте».

«15/IX 41

Люба, вы пишете, что я редко пишу письма. Должен сказать, что я использую каждую минуту, к некоторым письмам я приступаю раз 4–5. Люба, я бываю свободен с 2 часов ночи до 6 утра, а частенько и напролет. Люба, я нахожусь в Смоленском направлении недалеко от Вязьмы в лесу. Насчет не дожидайтесь – это я написал в момент переездки, и мы были в восемнадцати километрах от фронта. А потом опять переехали. Сейчас наши части с каждым днем вытесняют врага и тем самым движутся вперед, занимая все новые и новые рубежи. Наверное, и мы переедем».

«Без даты. Привет всем-всем-всем. Целую вас. Ждите на Октябрьские. До свидания».

Но на Октябрьские Василий Иванович не вернулся. Он никогда не вернулся. Последнее письмо было отправлено 29 сентября 1941 г. А потом тишина. Райвоенкомат сначала сообщал, что красноармеец Роганов В. И. пропал без вести, потом – о том, что он погиб в плену в марте 1942 г. Но где, какой земле поклониться родным, осталось тайной на долгие семьдесят три года.

Маленький Левчик вырос настоящим мужчиной, достойным сыном своего отца. Он стал военным летчиком и охранял границы своей страны, создал прекрасную семью, вырастил сына, прожил долгую жизнь. Только одна мечта так и не исполнилась: всю жизнь Лев Васильевич хотел найти место, где похоронен отец.

Лев Васильевич не дожил всего два года до того дня, когда наша семья узнала о судьбе Василия Ивановича. Он умер в лазарете № 3 «Дулага-184» 16 марта 1942 г.

Но память бессмертна – и теперь хранить ее будет младший потомок Василия Ивановича, праправнук, тезка его сына, маленький Левчик.

Всю жизнь ищу прадеда, Алексея Андреева

Из письма Исаевой (Леоновой) Ольги, жительницы г. Вязьмы.

«Родился мой прадед в 1894 г., уроженец ли он Вязьмы или приезжий, не знаю. Известно, что он был военным. Из рассказов прабабушки, знаю, что он лично был знаком с Климентом Ворошиловым.

В первый год войны (1941 г.) мою прабабушку (Андрееву Федору Трофимовну, 1904 г. р.) вместе с шестью детьми эвакуировали в Башкирию, прадед остался воевать в Вязьме. После освобождения города от немецко-фашистских захватчиков прабабушка с детьми вернулась в Вязьму и якобы из рассказов очевидцев узнала вот такую историю.

Зима, 1941 г., в Вязьме располагался лагерь для военнопленных (на ул. Панино), идут два немца и везут на санках наполовину живого, полураздетого солдата с вырезанными на спине звездами... Кто-то в толпе крикнул: „Господи, да это же Алеша Андреев! Алеша, Алексей!“ . А дальше ничего, никакой ниточки, никакой зацепочки, никто не знает, где их расстреляли и похоронили. Вот и все.

Была у нас в Вязьме одна блаженная – Настенька, прабабушка к ней пошла, спросить. Только подошла, она ей и говорит: „Уходи, ничего не скажу тебе, ты мне не поверишь, уходи, ничего тебе не скажу“. Ну что ж, пришлось уйти. Стала на зеркале гадать... Вышел он к ней весь в крови и бинтах...

Фотография, к сожалению, сохранилось одна и нечеткая...»

Писал письма домой почти каждый день

Из воспоминаний Коньковой Елены Олеговны, внучки московского ополченца Дмитрия Васильевича Конькова (1901-09.01.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Я являюсь внучкой красноармейца-ополченца Москвы – Конькова Дмитрия Васильевича, погибшего в „Дулаге-184“, 4(9) января 1942 г. Сейчас проживаю в г. Серпухове Московской области. Дед проживал по адресу: Москва, Б. Серпуховская улица, д. 46, корпус 17, кв. 445, м. „Добрынинская“.

Трудно описать словами наши чувства в тот день, когда мой сын Коньков Владислав Владимирович на сайте ОВД „Мемориал“ в списках погибших советских воинов лазарета № 1 немецкого пересыльного лагеря „Дулаг № 184“ нашел фамилию моего деда и своего прадеда Конькова Дмитрия Васильевича. Произошло это 24 декабря 2014 г. С первых дней войны, а именно 26 июня 1941 г., с Октябрьского вокзала Дмитрий Васильевич ушел защищать Москву, свою семью, свою Родину, и лишь спустя 73 года мы наконец узнали, где он погиб, а до этого для всех нас он считался „без вести пропавшим“.

Мой отец, Коньков Олег Дмитриевич, всю жизнь до самой смерти искал любые факты о судьбе отца, но, к сожалению, так ничего и не узнал о нем. В нашей семье бережно хранятся фронтовые письма деда. Мой отец любил их перечитывать, ведь в них больше всего Дмитрий Васильевич упоминает его, своего сыночка, „любимого мальчика“. Отцу было тогда всего два годика. Дмитрий Васильевич писал письма почти каждый день. Я хочу всех познакомить с выдержками из этих писем.

Первое письмо от 27.06.1941, в котором пишет: „Мы из Москвы отправились 26.06.1941 ровно в 7 утра, сейчас отъехали 500 км, но едем, не знаем, куда попадем“. Далее он пишет о том, что они находятся в городе Калинин (Тверь), что им до 4 июля 1941 г. не выдавали форму. До этого они ходили во всем своем и спали где придется. 4.07.1941 выдали форму, но ночуют они все время в лесу. Он в это время очень просит свою супругу Анну Степановну не забывать о нем, почаще вспоминать его и всех защитников родной Москвы, помнить о них. Письма приходилось писать в лесу, после боя. Говорит, что если бы не взял с собой денег, то „пропал бы совсем“. Но это было уже ближе к Вязьме. Он с товарищами покупал молоко и яйца, пишет, что в Смоленской Губернии народ очень жадный на деньги, „так и норовят ободрать нашего брата“. Во всех письмах передает свой привет и тысячу воздушных поцелуев своим детям: сыну Олегу и дочке Валентине, а также „отцу, матери и сестрам Марии, Таське и брату Кольке и зятьям Николаю и Илье и всем племянникам и всем знакомым“. Пишет, что очень обижен на то, что ко всем приехали жены в Калинин, а к нему никто. Так ему было тяжело. Просит свою супругу не писать в письмах „Красная армия“ (видимо, нельзя было). Далее в письмах он пишет, что его 3.08.1941 ранили в левую ногу, ранили ночью, почувствовал только утром, что ногу поднять не может. Пишет родственникам, успокаивает их, что рана не очень опасная, хотя изначально он ходил на костылях, а затем с палочкой. В это время он находится в полевом госпитале, все время спрашивает: „почему вы мне не пишете?“ Адрес был такой: Действующая армия, полевая почтовая станция № 41, штаб армии Г. Э. П. № 33. Он все время вспоминает о Москве, жалеет, что нельзя ничего узнать о том, что там творится. Спрашивает про бомбежку Москвы, пишет, что им ничего не говорят об этом, „пешком каждый день делаем 95 км, так что прошли 4 дня. Сейчас нахожусь на огневой точке боя“. Пишет о том, что им выдали урны (в письме так написано) на свой прах, он заполнил все данные на свою супругу Анну Степановну, а вещи свои на сына Олега. И когда его убьют, то эту урну пришлют семье. „Нюра, прошу вас, не бросай сына Олега и Валю. Пускай растут, как-нибудь проживете. Они будут за меня получать. Как-нибудь проживут, может, и я вернусь, тогда жизнь пойдет

по-другому“. Пишет, что находится на Западном фронте Смоленской области. Просит передать привет всем печатникам Московской печатной фабрики „Гознак“: Жильцову, Козлову, Яковлеву, Сказихину, Корноухову, Астахову, Александрову, Котову, р. (рабочему) Тарасову, Астахову, Александрову и начальнику цеха Медведеву. А также накладчицам: Насте Хлоповой и Т. Степановой. Может, родственники погибших из Москвы узнают своих родных среди этих фамилий.

Моя бабушка, Бакунина Анна Степановна, супруга Дмитрия Васильевича, тоже всю жизнь проработала на фабрике „Гознак“ помощницей печатника. В письме от 20.08.1941 он пишет, что „здоровье стало хорошее, стал ходить, наверно, скоро опять на свою позицию фронта“. Его адрес: полевая почта № 871, станция эвакуатор № 33. Очень переживает Дмитрий Васильевич, что нет ни одного ответного письма из Москвы. „Меня очень интересуют, Нюра, ваши земляки. Рязанских очень много я встречаю“. В письме от 02.09.1941 сообщает, что из госпиталя выехал 01.09.1941 в штаб батальона выздоравливающих (неразборчиво), „стою пока город Вязьма, но, наверно, немного постою, и отправят на фронт. Адрес после отъезда стал: Действующая армия, полевая почтовая станция № 871, почтовый ящик № 28 № 09“. В письме от 15.09.1941 его адрес: Смоленская область, г. Вязьма, Кировская улица, городок № 2, д. № 5. И вот, наконец, 19.09.1941 Дмитрий Васильевич получает письма от жены и детей от 25.08.1941, они где-то задержались, „ввиду того, что война“. В письме от 26.09.1941 получает перевод на посылку из дома и телеграмму от семьи, „как раз ко дню моего рождения“. Очень это поднимает ему боевой дух и настроение, и все же ему было обидно, что он на фронте три месяца, а получил только первые несколько писем. „Но и на этом огромное спасибо. Как только получил посылку, сразу почуял Москву“. В это время он находился в госпитальном батальоне, ждал комиссию, чтобы отправили в свою часть, „в г. Вязьма, наверно, еще пробуду дней 26. Так что думаю попасть сержантом, тогда останусь учиться здесь, а если врач не пропустит, тогда придется попасть в свою часть. Мой адрес: военная полевая станция № 873/550 Э. Г. Г.“. Приписка на обороте письма: „Малая Полянка, д. 7., кв. 9., Тарасовой Р.“. Последнее письмо получено от 23 октября 1941 года из Лосьмино. Пишет, что находится за Москвой. Когда он стоял на станции по Белорусской железной дороге, около кладбища, хотел побывать, „но не пришлось ввиду того, что попал в наряд, это было 19.10.1941. Когда мы шли по Ярославской, спешили очень, нигде не мог найти ни одной папироски. Неужели все увез Гитлер? Сейчас нахожусь на фронте, по проверочной комиссии нас из техникума увезли ночью 21.10.1941. Так что проезжал два раза Москву и не мог повидать, но, наверно, моя судьба такова. Нюра, прошу вас, передай привет всем моим родным и знакомыми и скажи, что я опять на фронте нахожусь и всем шлю свой привет и целую много раз, жму всем руки, остаюсь ваш друг Д. В. Коньков“.

Обращаясь к „дорогой супруге“, просит сказать зятю Илье Семеновичу, что от его деревни остались (неразборчиво) камни, что он „в ней был, когда шел из Вязьмы“.

Больше писем от Дмитрия Васильевича никто не получал.

Дальше, судя по всему, были ожесточенные бои в окружении, плен и страшная смерть от голода и мучений в немецком „Дулаге-184“. Я пишу все это в надежде, что, может, можно еще найти других родственников Конькова Дмитрия Васильевича.

Большое спасибо поисковикам и всем, кто занимается поиском погибших советских солдат, без вести пропавших, умерших в немецком плену от ран и мучений. Мы, родственники наших зверски замученных отцов и дедов, хотим сказать, что смерть в плену — это подвиг, они умирали, но не сдавались! И мы все хотим, чтобы место их гибели было достойно увековечено!»

Погиб недалеко от родной деревни...

Из воспоминаний Ефимовой (Борисенковой) Прасковьи Васильевны, старшей дочери Борисенкова Василия Филипповича (1910-20.03.1942, лазарет № 2), красноармейца 613-го

стрелкового полка 91-й стрелковой дивизии. Воспоминания прислала внучка Овчинникова Елена, Челябинская область.

«Родился Борисенков Василий Филиппович в январе 1910 г. на Смоленщине в деревне Дмитровка Екимовичского района в семье крестьян. В его семье были четыре брата и сестра. До 1940 г. там и жил, женился, родили троих детей: Прасковью, Зинаиду, Анатолия. В августе 1940 г. целый состав спецпереселенцев прибыл на Урал. Семья Борисенковых попала в деревню Гагарье Увельского района Челябинской области. Самому Василию Филипповичу пришлось пожить здесь всего год. В августе 1941 г. его призвали на фронт.

Помню этот день очень хорошо. Мне тогда 12 лет было. На фронт уходило трое мужиков из нашей деревни. До военкомата из деревни 15 км. И вот мы, все три семьи, и шли пешком всю дорогу вдоль железной дороги по путям. Было лето, август, жарко, мама была беременна четвертым ребенком. Он (Николай) родился в октябре 1941 г., так и не увиделись они с отцом. Весь путь почти молча прошли – знали, куда отца провожаем. Потом только одно письмо – фронтовой треугольник – от него получили. И хотя письмо не сохранилось, помню его очень хорошо. Листок был проткнут в нескольких местах карандашом, всего пять строк: „Пишу вам письмо на пеньке перед боем. Со мной все хорошо. Не переживайте. Я в огне не сгорю и в воде не потону...“.

Помню еще строки из песни, которую отец, гармонист, часто пел: „Вот умру я, умру, похоронят меня, и никто не узнает, где могилка моя...“. Вот только через 70 лет мы узнали, где погиб и похоронен наш отец. Оказалось, совсем рядом от своей малой родины».

Дед – наша гордость!

Из воспоминаний Фоминова Евгения Тимофеевича (Витебская область, Беларусь), внука брата красноармейца Фоминова Порфирия Петровича (1921–1942, лазарет № 2).

«Я внук родного брата Порфирия Фоминова, Фоминова Тимофея Петровича. Спасибо огромное за то, что нашли брата моего дедушки!!! Столько лет он был пропавшим без вести. Жаль, дед не дожил до этого дня, ведь у него пропало без вести на этой проклятой войне три родных брата. Из пятерых остались в живых мой дедушка и его сестра бабушка Домна. Дед говорил, что его видели, когда пленных солдат вели фашисты, куда их вели, никто не знал. Еще раз спасибо, планируем в этом году поехать в Вязьму на место захоронения. Жаль, не нашли раньше, у нас и фотография его есть, могла тоже на памятнике быть, жаль. Он погиб в лазарете № 2.

Фоминов Порфирий Петрович, 1921 г. р., в 1939 г. был призван в ряды вооруженных сил, последнее письмо получили, в котором он написал: отступаем, будем проходить около дома, зайду.

Деревня Осиновка, откуда он родом, находится около Витебска на трассе в Оршанском направлении, т. е., в направлении Москвы.

Видимо, он попал в плен в районе Витебска, раз домой не зашел, или не было возможности зайти. Этот район настолько полит кровью солдат, что на каждом километре братские могилы, а сколько лежит безымянных – неизвестно.

У моего дедушки было три брата и сестра, только мой дедушка и сестра остались живы.

Один брат, Фоминов Яков Петрович, был пленен в Витебске, находился в немецком лагере „Пятый полк“, где, видимо, и был расстрелян (считается пропавшим без вести), Фоминов Порфирий Петрович погиб в Вязьме (тоже считался пропавшим без вести), Фоминов Николай Петрович в 17 лет пошел на фронт во время освобождения Беларуси, был разведчиком, так как в оккупации выучил немецкий и свободно на нем разговаривал.

Последнее письмо прислал из Прибалтики, написал, что бьем фашистов и что представлен к ордену Славы (пропал без вести).

Съездили мы тогда в Вязьму, не знаю, как сказать, хорошо или плохо, мы ведь ездили почтить память дедушки, которого так долго искали. Сына моего зовут Тимофей, ему поездка понравилась.

Единственное, не понимаю отношение властей Вязьмы к благоустройству захоронения около госпиталя, не очень большие деньги нужны, чтобы спланировать эту территорию, оградить и хотя бы посеять траву, и установить культурную мемориальную табличку, если нет денег. Или давайте проведем акцию, соберем родственников, приедем с лопатами и сами наведем порядок, ну нельзя же, чтобы на костях наших воинов был такой бардак, не для того они жизни свои положили, чтобы их потомки так относились к их праху.

По поводу массовых захоронений защитников страны я думаю – их не только нельзя забывать, о них надо всегда помнить и поддерживать в надлежащем состоянии.

У страны, не знающей своего прошлого, нет будущего. Надо нашим детям, внукам показывать это все, чтобы они знали, что такое война и как это страшно.

У меня сын, когда начинает ныть, я ему говорю: вот ты в тепле, сытый, обутый, и ноешь, а прадеды твои в концлагерях военных на снегу спали, и бураки гнилые ели, и не ныли. Знаете, действует на него: что он, хуже своих предков, потерпеть не может?

У жены дедушка тоже ведь в концлагере погиб в 1942 г., „Шталаг-17А“, Кайзерштайнбрук, его сынок родился в конце 1941 г., а его отец погиб в феврале 1942 г., и он даже не знал, что у него сын родится. Он попал в плен в Гомеле в июле 1941 г., сразу был в „Шталаге-318“, Ламсдорф, потом перевели в „Шталаг-17А“.

Кстати, австрийцы поддерживают в порядке это захоронение, никто ничего не пытается уничтожить. Они могут поддерживать порядок на могилах наших солдат, а мы не можем...

По поводу Фомина Якова Петровича его сын рассказывал, что до войны он работал на аэродроме в Витебске, где его и взяли в плен. Самое интересное то, что под конвоем он приходил домой, его водил вроде бы литовец, его уговаривали, прибай ты этого конвоира и беги, на что он ответил – если я не вернусь в лагерь, немцы уничтожат всю деревню, попрощался и ушел в лагерь на смерть.

Поражаюсь, насколько сильные люди!

Про младшего сына Николая Фомина дед рассказывал: тот ничего не боялся, отчаянный был парень. Пришли немцы, собрали молодежь, отправили в полицию работать, и он попал, собрали обоз зерна, немца зарезал и с обозом в партизаны ушел.

Побыл в партизанах, пришел домой и говорит: что это за партизаны, днем спят, а ночью своих грабят. И оттуда ушел.

Это ему было лет 16–17, а когда Белоруссию освобождали, соврал, что ему 18 лет, ушел с нашими войсками добровольцем.

Мало в моей семье и по папиной линии, и по маминой кровь проливали на этой войне (мама моя родом из Рязанской области, Скопинского района, ее отец, мой дед Терехин Михаил Григорьевич – инвалид войны, был ранен в бою, оторвало щеку ему и ранен был в бедро, нога одна была короче на 7 см).

И женился я на внучке ветеранов войны – один инвалид, на mine подорвался, ослеп, другой дед ее в концлагере погиб.

Ее дядя, тещин брат двоюродный был командиром 1-го партизанского отряда первой партизанской бригады Белоруссии, Григорий Иванович Сысоев, он и люди его отряда договорились о переходе волго-татарского батальона, который привезли было для уничтожения партизан, к ним в партизанский отряд!

Он же потом через Суражские ворота переправил и раненого деда жены в госпиталь.

Нам есть кем гордиться!»

Глубоко волнует судьба воинских захоронений «Дулага-184»

Из письма Галкина Александра, внука Галкина Пантелея Дмитриевича (1918-03.09.42, лазарет № 1 «Дулага-184»), красноармейца 681-го сп 133-й сд.

«Я – Галкин Александр Александрович, живу в г. Барнаул Алтайского края. В апреле 2010 г. случайно обнаружил данные моего деда – Галкина Пантелея Дмитриевича, 1918 г. р., в списках воинов, умерших в лазарете Вяземского пересыльного лагеря для советских военнопленных (дата смерти 03.09.42). Галкин П. Д. призван Артемовским (Артемьевским) РВК Красноярского края в июле 1941 г., до апреля 1942 г. воевал в составе 275-го олб 54-й армии на Ленинградском фронте. Затем воевал на Западном фронте в 681-м сп 133-й сд (в районе г. Зубцова Тверской обл.).

Официально он числился погибшим 25.08.42 и похороненным у д. Табаково Зубцовского р-на, семья получила похоронку. Родственники моего деда ездили в г. Зубцов после войны, куда перезахоронили погибших в Зубцовском районе воинов, но официально в списках захоронений его не было, поэтому посчитали, что Галкин П. Д. захоронен в числе неизвестных бойцов.

В семье говорили, что сестра моего деда после войны переписывалась с женщиной-медсестрой из 133-й сд, которая якобы видела его, раненого, в медсанбате. К сожалению, ни письма, ни данных этой женщины у меня нет. Да и официальные ответы на запросы семьи после войны дополнительных сведений не дали.

Мой отец, Галкин Александр Пантелеевич, 1939 г. р., по возможности, если позволит здоровье, планирует посетить место гибели своего отца.

Если можно, напишите про перспективу дальнейшего благоустройства захоронения на месте вяземского „дулага“, хочется быть в курсе событий... Буду благодарен за любой ответ.

... Вот думаю, написать про проблемы Вязьмы на сайт президенту или не стоит, все равно передадут в Минобороны? Тем более уже было такое обращение. В общем, эта тема меня глубоко волнует, поэтому прошу по возможности держать меня в курсе событий.

Спасибо за вашу работу».

По зову сердца!

Воспоминания Моториной Елены Николаевны, внучки Ивана Ивановича Егорова, погибшего в немецком пересыльном лагере «Дулаг-184» (1906–1942).

«Наш дедушка Егоров Иван Иванович, 1906 г. р. – уроженец д. Селиваново Семлевского уезда (в настоящее время это Кайдаковское поселение Вяземского района Смоленской области). Был он высоким, крепким, красивым человеком. Все горело в его руках. В 1927 г. женился на Базановой Софье Васильевне. В семье росли дети – Василий, тринадцати лет, Николай, одиннадцати лет, и Татьяна, пяти лет.

До начала Великой Отечественной войны Иван Иванович работал в Вязьме в локомотивном депо столяром, а затем бригадиром. В годы войны он воевал с конниками П. А. Белова, попал в окружение.

По воспоминаниям моего отца Николая Ивановича, Ивану Ивановичу Егорову удалось скрыться от врага в своей родной деревне Селиваново. Но случилось страшное. Житель деревни Маслов перешел на сторону врага, служил старостой и сдал отца фашистам. Зимой 1942 г. Иван попал в „Дулаг-184“. Семья очень тяжело переживала то, что отец находится в плену. И вот бабушка узнала от людей, что ее Ивана расстреляли. Рискуя жизнью, она решила во чтобы то ни стало предать тело мужа земле. Вместе с братом Арсением, рискуя собой, ночью они нашли тело отца в расстрельной яме, перевезли на санях и тайно захоронили его на Екатерининском кладбище близ церкви. Точное место могилы Ивана

Ивановича сегодня никто из нас не знает, так как все тогда происходило ночью и очень быстро. Но бабушка Софья Васильевна указала нам предположительное место захоронения.

В Книге памяти Смоленской области Иван Иванович числится пропавшим без вести в феврале 1944 г.

Закончилась война. Софья Васильевна осталась одна с тремя детьми на руках. Дом сгорел. Жили в землянке. Но жизнь продолжалась. Софья Васильевна работала путевой обходчицей, дети росли, помогая матери. В деревне Мельзино построили дом. Василий и Николай служили в армии. Дочь Татьяна получила высшее образование в Ленинграде, диплом врача-ветеринара, вышла замуж и переехала в г. Брянск. Сыновья вернулись после армии в родную деревню.

Старший сын Василий работал шофером. Женился, вырастил дочь Наталью. Проживает в д. Мельзино Вяземского района. Орешникова Наталья Васильевна, 1956 г. р., проживает в г. Вязьме, сейчас на пенсии. Ее дети Олег и Мария получили высшее образование и работают по специальности.

Дочь Татьяна вырастила троих детей. Ее семья проживает в г. Брянске. В 2016 г. Татьяна Ивановна умерла. Ее дети продолжают жить и трудиться: дочь Светлана, сыновья Игорь и Дмитрий сохраняют светлую память о матери.

Мне, как автору этой статьи, ближе всех судьба моего отца Николая Ивановича Егорова. Мой отец, отслужив в армии, вернулся домой к матери в деревню. Получил образование в школе машинистов в г. Могилеве, женился на моей маме Зинаиде. Стали жить большой семьей: бабушка Соня, мои родители и мы, их дети, Любовь, Татьяна и Елена. Мы выросли, переехали жить в г. Вязьму. Гришенкова Любовь Николаевна, 1953 г. р., ее дети Александр и Марина получили высшее образование. Марина – педагог по образованию, работает в школе заместителем директора. Горчакова Татьяна Николаевна, 1957 г. р., работает инженером, ее дети Ольга и Светлана получили высшее образование и работают по специальности. Я, Елена Николаевна Моторина, работаю заведующей детским садом, являюсь депутатом Вяземского районного Совета. Моя дочь Наталья уже пять лет служит в следственном комитете в Смоленске, она – следователь по уголовным делам, старший лейтенант.

...Наша бабушка Егорова Софья Васильевна умерла в 1996 г. Эта настоящая русская женщина, которая сохранила верность мужу, воспитала детей и нас, внуков. В 2008 г. умер и мой отец... Низкий поклон моему отцу и любимой бабушке за то, что вложили в нас те замечательные качества, что присущи русскому человеку. Потомки Егорова Ивана Ивановича крепко стоят на ногах, потому что знают – их отцы смотрят на нас и верят, что мы будем верны своей Родине.

Счастье не только в радости. Счастье во всем: и в горе, и в скрежете зубном, и в отрешенности, и в покаяниях, в ошибках... Счастье – в познании, в понимании... Только узнавая жизнь во всех ее проявлениях – в скорби и радости... во всем, можно быть счастливым...

Раздумья, оплаченные кровью. Не малой, а большой; не чужой, а своей. Чтобы победить войну, надо знать о ней правду! Правду, какой ценой досталась Победа.

Низкий поклон всем, кто занимается увековечением памяти защитников Отечества.

Мы, родственники Егорова Ивана Ивановича, просим установить его фото на мемориале „Дулаг-184“ в г. Вязьма».

Заполнены пустующие страницы биографии нашей семьи

Из воспоминаний внучки красноармейца Якова Никифоровича Рябкова (1908–1942) Роговских Натальи Владимировны (Новосибирская область).

«Рябков Яков Никифорович, род. 15.04.1908.

Жена: Рябкова Елизавета Степановна, род. 11.04.1909.

Дети: Александра (01.10.1929), Анна (1931 г., умерла в 17 лет от пневмонии)

Петр (14.11.37), Лидия (1.12.39).

На фотографии деду Якову 23 года, бабе Лизе 22 года, ребенок, моя мама, первенец. Моя бабушка Лиза прожила до 70 лет. Одна вырастила троих детей. Замуж больше не вышла, хотя к ней сватались – у нее был Яша. Ждала несколько десятков лет: „Мало ли, вдруг найдется. Вот в деревне к кому-то через 17 лет вернулся“.

У Якова Никифоровича Рябкова

– 6 внуков (4 внучки и 2 внука);

– 9 правнуков;

– 4 праправнука.

Воспоминаний немного. Дети остались без отца маленькими: 1,8 месяца, 4 года и 12 лет.

Старшей была мама (Александра). С ее слов отец (Яков) много работал, играл на гармошке, пел, плясал, был очень сильным. Силу унаследовал от отца.

Прадед (отец Якова) Никифор славился силой. О нем воспоминаний сохранилось больше, потому что с ним дети выросли.

Много раз Петр вспоминал историю с отцовским ремнем. Уходя на фронт, Яков оставил 4-летнему сыну свой кожаный ремень. Позже, купаясь в реке, Петр случайно его потерял в воде. Долго искал, но так и не нашел. Прячась от всех, плакал. По-детски связал эту потерю с тем, что отец не вернулся.

Дорогие поисковики! Мы, большая семья Рябкова Якова Никифоровича, глубоко признательны вам за кропотливый, тяжкий труд. Благодаря вашим усилиям заполнены пустующие страницы нашей семейной жизни.

Примите нашу искреннюю благодарность за предоставленную возможность побывать на месте захоронения нашего родственника, за теплоту, с которой вы приняли внучку Якова Никифоровича. Любовь Владимировна привезла волнующие впечатления не только о местах захоронения, услышанной информации о лагерной жизни, но и от общения с вами.

Ваши дела благородны, результаты осязаемы. Низкий вам поклон, здоровья, успехов! Ваши деяния, непременно, будут отмечены Богом!

Мы счастливы знакомству с вами!

Семьи: Рябковых, Плотниковых, Маняновых, Михайловых, Коваль, Гавриленко, Роговских, Медведевых (Новосибирская обл., Куйбышевский р-н, с. Епанешниково)».

Ищу своего прадеда Андрея Степанова из дер. Алексеевка Вяземского района

Из письма жительницы г. Вязьма Елизаветы.

«Я недавно начала искать своего прадедушку Степанова Андрея, погибшего в вяземском „Дулаге-184“. Нашла в списках под № 2336 данные – Степанов Андрей Григорьевич, 1903 г. р., русский, Смоленская обл., Вяземский р-н, дер. Алексеевка 10.03.42. Скорее всего, это он, как это подтвердить, я не знаю. Я, к сожалению, слишком поздно взялась за поиски, точных данных о нем у меня нет – ни отчества, ни даты рождения. Знаю только, что он был председателем Гармоновского сельского совета Вяземского района. Где был этот сельский совет, не знаю. Ищу, не могу найти никаких сведений. И дер. Алексеевка – также не знаю, где находилась. В общем, точно я знаю только то, что он был расстрелян именно в „Дулаге-184“ и погребен где-то во рвах, что были на ул. Кронштадтская, его искали, но не нашли, потому что было просто невозможно.

К сожалению, моя бабушка – его дочь, которая хоть что-то могла рассказать о нем, умерла, я знаю, что у нее хранились документы, и похоронка, и метрики, но не могу их найти. Слишком поздно, наверное, я спохватилась, но мы становимся мудрее с годами, чем старше становишься, тем больше начинаешь ценить память. Я вот теперь и не знаю, как узнать, точно мой ли это прадедушка или нет, или уже нет шансов, т. к. мало информации?»

Записался добровольцем

Из воспоминаний Девяткина Владислава Георгиевича (г. Москва), правнука командира взвода 11-го запасного кавалерийского полка Уральского военного округа Ловчикова Николая Николаевича (1894-26.09.1942, лазарет № 1 «Дулага-184»).

«Мой прадед Ловчиков Николай Николаевич родился в 1894 г. Проживал в городе Троицк Челябинской области. Потомственный казак. Кавалерист. Происходил из известного казачьего рода Ловчиковых. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на Южном Урале (в том числе участвовал в знаменитом рейде Блюхера). Командовал казачьей сотней.

К началу Великой Отечественной войны занимал высокие посты в городе Троицк. Имел жену и четверых детей. После того как оба сына ушли на фронт, посчитал невозможным остаться в тылу и также записался добровольцем. Сперва осуществлял подготовку новобранцев, в последующем добился отправки на фронт в качестве командира взвода 11-го запасного кавалерийского полка.

Предположительно попал в плен в июле 1942 г. в составе 11-го кавалерийского корпуса при выходе из окружения под Вязьмой. Со слов сослуживцев, которых удалось отыскать после войны, последний раз его видели тяжело раненным в живот, лежащим на подводе. Умер в лазарете № 1 26 сентября 1942 г.

Из сыновей Николая Николаевича один погиб под Керчью в мае 1942 г., второй вернулся тяжело раненным».

«Прими, солдат, поклон земной...»

Из письма Колесниковой Татьяны Геннадьевны, внучки Ложкина Галактиона Владимировича (1908 – март 1942, лазарет № 3 «Дулага-184»).

Прими, солдат, поклон земной
И благодарности слова
За легендарный подвиг твой,
За то, что родина жива!

Слова из песни Николая Мозгового

«Я очень благодарна за труд поисковиков МАОПО „Народная память...“. Ведь благодаря обществу, работе поисковиков я узнала о незавидной судьбе моего деда Ложкина Галактиона Владимировича, 1908 г. р. Моя бабушка (жена деда) умерла, когда мне было 4 года, мой папа трагически погиб, когда мне было 10 месяцев. И о деде я ничего не знала до последнего времени, кроме фамилии и редкого имени – Ложкин Галактион (папу звали Геннадий Галактионович). Даже отчества деда не знала.

Благодаря книге А. Л. Какуева и И. В. Долгушева „Долг Памяти“ я узнала, что мой дед родился в деревне Новые Какси, Удмуртия, что призвался в Армию сразу на третий день войны, что служил он рядовым санитаром в ППГ 571 (военный полевой госпиталь). Что служил он вместе с медсестрой Ниной Шелановой, которая в своей повести „Тетрадь Нины“ описала с документальной точностью весь военный путь ППГ 571. Только она, к счастью, дошла с госпиталем до Берлина, а мой дед при очередной бомбежке госпиталя попал в плен, и оказался в пересылочном лагере для военнопленных „Дулаг-184“ в Вязьме.

Там он от голода, холода, ран и болезней умер в лазарете № 3 в марте 1942 года. А было ему всего-то 33 года.

Еще узнала, что в пос. Вавож в Удмуртии сейчас проживает его внучатая племянница Алевтина Анатольевна, а это для меня радостная весть, т. к. я считала, что родственников у меня не осталось.

21 июня 2014 г. я съездила в Вязьму на открытие мемориала в честь погибших военнопленных. Поздравляю жителей г. Вязьмы и всех ветеранов с таким торжественным событием. Хочу пожелать всем родственникам узников „Дулага-184“ здоровья, долгих лет жизни, благополучия, голубого мирного неба, и чтобы никогда больше на Смоленщине не пролилась солдатская кровь, и не был замучен ни один боец нашей Армии! Особую благодарность выражаю сотрудникам РВИО, поисковикам, Оргкомитету „Вяземский мемориал“.

Большое спасибо народному художнику РФ, скульптору, автору памятника Салавату Щербакову! Как он точно предал состояние узников концлагеря в камне! Такие они усталые, изможденные, измученные голодом и холодом, но не сломленные. А текст записки Степана Крутова без слез не прочесть...

Колесниковы Татьяна и Владимир, г. Тула»

Из писем родственников

«Мой дед Поляков Николай Адамович родился в 1897 году в Белоруссии. В 1927 семья переехала на хутор Рождественское Павшинской волости Московского уезда (ныне г. Красногорск Московской области). 23 июня 1941 года мой дед был уже в рядах Красной армии в звании лейтенанта. Воевал в 18 СД, 11 Гвардейской СД под Москвой. Но 8 ноября 1941 года командир отделения Поляков Николай Адамович пропал „без вести“ в бою вблизи деревни Никулино Истринского района Московской области. С тех пор родные и близкие ничего не знали о его судьбе. Только много лет спустя, благодаря поисковикам, людям, которые все свое свободное время посвящают поиску „без вести пропавших“ и их родственников, стало известно, что Поляков Николай Адамович, раненый, попал в плен и 28 марта 1942 года умер от ран в лазарете № 3 „Дулага-184“ г. Вязьма Смоленской области. Сейчас на месте захоронения Героев, умерших и замученных в „Дулаге-184“ стоит мемориал, а у меня и моих потомков есть место, куда можно приехать и возложить Цветы Памяти. Спасибо и Вечная память, Вам Герои, павшие ради того, чтобы жили мы.

Честнова Ольга, внучка Полякова Николая Адамовича»

«Самошкин Егор Васильевич родился в 1904 г. в Рязанской области, в селе Проне-Городище. Рос в многодетной семье, где было 8 детей, он был старший. Сразу после школы начал работать на колхозной пасеке. Когда началась война, он ушел на фронт в возрасте 37 лет, дома у него осталась семья, жена и трое маленьких детей. В начале октября 1941 г. от него пришло последнее письмо...

2-3 мая 2015 года я с братом и двумя бабушками ездила в город Вязьму на место бывшего „Дулага-184“, где погиб мой прадедушка...

Корниенко Яна, правнучка Самошкина Егора Васильевича, г. Москва»

«...Отца-деда мы вспоминаем часто. Он был для нас эталоном во многих жизненных ситуациях. Он редко вспоминал о личной жизни во время войны, но писал, пытался опубликовать книгу „Пережитое“. Рассказывал о докторе, который был в его лазарете, когда они поголовно болели брюшным тифом, и который сказал отцу: „Николай, если ты останешься жив, тебе не будут страшны никакие инфекции“. У отца болело только сердце... Он прошел две войны: Финскую и Великую Отечественную... Немногие знали об

инвалидности Николая Васильевича, да на него и не подумаешь, только раны не спрячешь...».

Олег Николаевич Корытов, сын красноармейца Н. В. Корытова (г. Суздаль Владимирской области)

«...Ранее все говорили, что наш Степан Борисович Зеленый погиб на Калининском направлении, но теперь его дети узнали более точную информацию. Что можно сказать об этом великом человеке: обладал организаторскими способностями, пел, танцевал. После его ухода на фронт в семье его остались дети: Семен и Михаил от первого брака Евдокии Фомовны и совместные: Галя (по документам Анна), Женя, Петр, Степан, Анатолий и Валя (умерла от голода). Выросли его дети самостоятельными. Мама моя с 1927 г., в годы Великой Отечественной войны работала трактористкой. В 1946 г. встретила свою любовь – Чернеева Дмитрия Тимофеевича, фронтовика, полного кавалера орденов Славы трех степеней. В 1939 г. его призвали в армию, в 1946 г. вернулся домой. В семье нас пятеро детей, все получили высшее образование. Виктор, 1947 г. р., Людмила, 1948 г. р., Нина, 1953 г. р., Валя, 1957 г. р., Таня, 1961 г. р.

Низко кланяемся вам! Если есть возможность, вышлите нам фотографию мемориала. Живем мы в небольшом селе, в девяностые годы был здесь совхоз-миллионер, а сейчас поля зарастают травой, нет хозяина, он есть в г. Москве.

Поздравляю вас с праздником весны и Днем Победы. Желаю вдохновения, здоровья, радости в жизни.

С уважением, Валентина, внучка Зеленого Степана Борисовича»

Р. С. Валентина побывала на могиле деда (лазарет № 1), горсть земли с места его гибели увезла на свою далекую сибирскую родину.

«...О прадедушке, о Баторжине Хамзе Хусамутдиновиче, мы не слышали более 60 лет. И, конечно, я счастлива, что приехала сюда, что мы нашли, что можем помолиться за него здесь, что знаем, что он погиб, защищая родину, защищая нас. Низкий поклон всем людям, которые помогли, разыскали его, и всем вязьмичам, которые помнят, ухаживают, наверное, за солдатскими могилами».

Внучка красноармейца Баторжина Х. Х. Талия Невлютова, педагог, ст. Рузаевка, Мордовия

«Бабушка всю жизнь надеялась, что он жив. Может, был ранен и где-то остался жить. Теперь мы знаем место его гибели и привезли горстку родной земли. Низкий поклон поисковикам...»

Дочь и внучка бойца Дмитрия Николаевича Обрезкова, г. Ульяновск

«Когда я впервые позвонила Шамшиной (Хмельковой) Евгении Яковлевне из п. Саккулово Сосновского района Челябинской области, то услышала следующие слова: „... Вы меня просто воскресили!!! Хоть мне и 78 лет, я готова ехать к месту гибели папы, тем более сейчас, когда пришла такая новость, хоть завтра!!!“ – ее слова по телефону. Я ее попыталась отговорить от поездки, что, мол, трудно успеть, но она сказала, что все успеет и настроена ехать без сомнения! Внуки также сказали, что она активна и не по возрасту очень энергична! Действительно – голос бодрый и четкий, несмотря на слезы и потрясение. С тех

пор Евгения Яковлевна – постоянный участник поездок в Вязьму, а в день открытия Мемориала вместе с ветеранами разрезала ленточку...»

Ирина Яркова, поисковик, г. Тюмень

«...В списках „Дулага-84“ я нашла брата моего отца (моего дяди): Анацкий Александр Георгиевич (Егорович), 1912 г. р., Северо-Осетинская АССР, Моздокский р-н, станция Луховская (а правильно Луковская), жена Анацкая Любовь.

Все эти данные точно указывают на наше родство. Сейчас получается, что единственными родственниками нашего погибшего дяди являемся мы, его племянники и племянницы, двоюродные внуки и внучки. Хоть нас всех разбросало по разным уголкам страны, но мы поддерживаем связь и уже всем сообщили такую новость.

Благодарим вас всех, здоровья, счастья вам и вашим детям на тысячи лет...

Р. S. Мне сейчас 62 года и я вдвое старше своего дяди, погибшего в плену. Ему было 30: „Он был в составе колонны, которая везла на передовую «горючку». С воздуха их обстреляли немцы. Было страшное пожарище, никто не выжил, не ищите...“ – эту историю рассказал старшему брату моего отца однополчанин Александра. В каком состоянии Александр попал в плен, в лазарет № 1 – страшно представить... Время и моей жизни подходит к своему логическому завершению, сколько нам осталось, никто не знает: я работала, родила двоих детей, вырастила их нормальными, хочу верить, хорошими людьми, и моя задача выполнена, осталось только понять, что происходит с нами, людьми, с нашей страной, с нашей историей, с нашей памятью?..»

Коршунова Татьяна Ивановна, г. Новомосковск Тульской области

«Семья Закабуниных – Эллада Филипповна, Юрий и Олег Закабунины – с великой благодарностью прочитала ваше письмо. Действительно! Теперь можно ставить свечку за упокой нашего героического деда – Закабунина Ильи из с. Логиновка Дорогобужского р-на Смоленской обл. Спасибо вам за великую работу по увековечению фамилий солдатиков-героев, вечная им память за их подвиг. Это письмо прочитала Эллада Филипповна Асыллова, отец которой также с первых дней войны ушел защищать Отечество. То есть мой дед – Асыл Филлип Иванович. Так вот: она читала и плакала, ведь в больших мучениях солдатики гибли...»

Закабунин Юрий, г. Клайпеда, Литва

«Пленные медицинские работники не только, как могли, помогали страдальцам, но сделали просто невозможное, рассказав о людях, прошедших плен, сохранив память о днях их жизни и позволив нам узнать об этом».

Внучка лейтенанта Н. Е. Антропова Конкина Мария, г. Москва

«Какие вы молодцы, что так все достойно организовали, – безграничная вам благодарность! Смотрела на снимки, текли слезы, и не переставала восхищаться духу наших простых людей, которые за такие сжатые сроки изыскали возможность приехать на место гибели своих близких... А они, солдаты той страшной войны и того жуткого плена, какие красивые, молодые, бесстрашно смотрящие в объектив, не ведая, что это их последний в жизни снимок... И теперь их дети вдвое стали старше их... Конечно, ни в коем случае нельзя допустить, чтоб о них забыли и чтоб они покоились безымянными... И так они пролежали

кошмарно долго не погребенные по-человечески, и виноваты в этом люди, ныне живущие, а если точнее, то чиновники!!!»

Ирина Яркова, поисковик, г. Тюмень

«...Мы подготовили и провели в школе урок мужества „Это нашей истории строки!“, посвященный воинам – военнопленным „Дулаг-184“. Учащиеся нашей школы слушали очень внимательно, а затем некоторые школьницы подошли с просьбой рассказать более подробно, и я их ознакомила с документами и информацией, которые вы мне помогли собрать, успехов вам, процветания и всего самого наилучшего».

Марина Пенькова (Сиверина), г. Красноярск

«Мой прадед Куваев Фёдор Васильевич, 1899 года рождения, проживал в селе Надеждино (хутор Куваевский) Покровского района Башкирской АССР. У него было четверо детей: дочь Настя, 1919 года рождения, сын Пётр, 1922 года рождения, сын Василий, 1930 года рождения (умер в возрасте 3-х лет), дочь Лидия, 1939 года рождения. В 1941 году отец и сын Пётр ушли на фронт, мама осталась с двумя дочками, беременная. В июле 1942 года родилась дочь Валентина. Жилось очень трудно. Мужчины с войны не вернулись. Помню, мама говорила, что отец погиб, а брат пропал без вести.

Фёдор Васильевич и его сын Петр в начале войны служили на военных катерах на Тихоокеанском флоте. А потом, видимо, были переброшены на защиту Москвы и Ленинграда...»

Константин Горбунов, г. Уфа, Башкортостан

«Моя двоюродная сестра Бодягина Людмила переслала мне материал о пропавшем без вести дедушке Зюзине Николае Дмитриевиче. Я и моя семья живем на Урале, в Екатеринбурге. Мы очень хотим присоединиться к списку родственников и способствовать сохранению имен наших дедов в истории России.

Дедушка – отец моей мамы Зюзиной Валентины Николаевны. Очень жаль, что мамы уже нет в живых. Будем благодарны за Ваш ответ и разъяснения о том, что лично мы сможем для этого сделать. Будем рады любым сообщениям по электронному адресу, почтовому адресу, телефону.

Из видеоклипов мы поняли, что уже установилась традиция встреч родственников. Возможно, помимо 9 Мая, существуют какие-то другие дни. Будем рады любым известиям. СПАСИБО!!!!» *Внучка Н. Д. Зюзина Лариса Коваленко, г. Екатеринбург*

«Дулаг-184» кровоточит по сей день...

Впечатления Агафьи Еремеевны Захаровой (г. Якутск, Республика Саха (Якутия)), племянницы Захарова Алексея Андреевича, от поездки 2–3 мая 2015 г. в преддверии 70-летия Великой Победы в Вязьму на места гибели родных, мученически погибших в немецком пересыльном лагере «Дулаг-184».

«Уважаемые жители Вязьмы, Якутска, россияне! Я простой человек, родственник советского солдата-якута, раненного в тяжелых боях под Вязьмой и попавшего в плен в немецкий пересыльный лагерь „Дулаг-184“, пишу по зову сердца эту статью от имени нашей

большой семьи Захаровых из г. Якутска Республики Саха (Якутия) в знак глубокой благодарности тем, кто нашел спустя 70 лет моего дядю Захарова Алексея Андреевича, установил его портрет на мемориале в г. Вязьме Смоленской области 2–3 мая в честь 70-летия Великой Победы. Прежде всего, наша семья искренне благодарна Российскому военно-историческому обществу (председатель Мединский В. Р.), скульптору, народному художнику России С. А. Щербакову и его творческому коллективу, Международной ассоциации общественных поисковых объединений „Народная память о защитниках Отечества“, всем поисковикам – за их отзывчивость, неравнодушие и большое сердце, за их благородный труд. Они настоящие патриоты России, не на бумаге, а на деле, которые в кратчайшие сроки в течение нескольких месяцев 2015 г. помогли найти нашего родственника А. А. Захарова (1905–1942) и установить его портрет на этом мемориале рядом с такими же великомучениками.

Эта поездка в г. Вязьму перевернула мое представление о Великой Отечественной войне, о той ужасающей трагедии, которую пережили наши молодые родственники, ушедшие на фронт в первые дни войны, но так и не вернувшиеся домой. В нашей семье не осталось никого из старшего поколения, кто бы помнил сегодня эти страшные годы войны на фронте и в тылу. Но мы, пока живы, помним их, потому что об этом постоянно рассказывали наши родители и старшие родственники в семье, до конца жизни горевавшие о них, пропавших без вести. О войне нам рассказывали родственники, вернувшиеся с фронта живыми.

Из нашей большой семьи Захаровых ушло на войну пять человек: 1) Захаров Алексей Андреевич (1905–1942?), его отец Андрей Захаров и мой родной дедушка Степан Захаров были родными братьями; 2) Захаров Семен Степанович (1916–1943?), младший брат моего отца Еремея Степановича Захарова; 3) Захаров Георгий

Петрович (1910–1973), его отец Петр Захаров и мой дедушка Степан Захаров также были родными братьями; 4) Захаров Петр Петрович (1917–1996), младший брат Георгия Петровича; 5) Сергеев Петр Михайлович, его мать Февронья Сергеевна и моя родная бабушка Елена Сергеевна были родными сестрами. Петр Михайлович был призван в начале войны, будучи студентом Финансового техникума, пропал без вести. Из них вернулись только двое: Георгий Петрович, был призван в 1941 г., учитель математики и физики, служил на Втором Украинском фронте, участник битв на Курской дуге, освобождения Праги, Лейпцига, Дрездена, обороны Ленинграда, награжден тремя медалями „За отвагу“, вернулся в 1946 г.; его брат Петр Петрович, был призван в 1943 г. и вернулся в 1947 г., служил в пехоте, был рядовым. Все они родились в Онерском наслеге Усть-Алданского района Якутской АССР. Захаров Семен Степанович был призван Усть-Алданским РВК, Сергеев Петр Михайлович был призван Якутским РВК.

Захаров Алексей Андреевич до сих пор считался без вести пропавшим. Он работал в Якутском книжном издательстве редактором, его вдова Татьяна Степановна Протождяконова работала там же корректором. У них не было детей. Когда она была жива, летом во время отпуска приезжала к нам и отдыхала, когда я училась в младших классах.

Каждый из нас, зная, что никогда не найдет тела своего родственника в этих многочисленных рвах, канавах, где не по-человечески захоронены наши солдаты, все равно хотел увидеть и найти то место, где можно склонить голову перед их памятью, возложить цветы... В этом плане нам, родственникам погибших в лазарете № 2, повезло. По якутскому обычаю, я привезла на предполагаемую могилу Алексея Андреевича в мешочке горсть земли из его родной деревни, выбрала одну яблоню и совершила якутский обряд.

Когда мы посещали территорию лазарета № 2, шел проливной дождь, как будто вместе с нами, живыми, оплакивала природа их, не нашедших покоя в земле.

2 мая после городского митинга нас повезли на территорию лазарета № 1, там все еще стоит здание лазарета, как безмолвный памятник, но рядом, на большом пустыре, где лежат кости тысяч наших солдат, пустота, ничего нет. Родственники бросают на землю гвоздики, и они на черной земле лежат, как капли крови тех погибших, души которых до сих пор не нашли покоя. Жуткая по своей необъяснимости картина...

Когда 2 мая мы приехали в Вязьму из многих регионов России почтить память погибших родственников и проезжали в автобусе по городу, меня не покидало ощущение того, что этот город очень знаком, хотя я в нем никогда не бывала. И только вечером, во время встречи в Литературном салоне, у меня оформилось в сознании это впечатление от города и осознание того ощущения, которое не покидало целый день. Несмотря на то, что прошло 70 лет, г. Вязьма напоминал, оказывается, город из кинохроник военных лет, которые я когда-то видела в детстве...

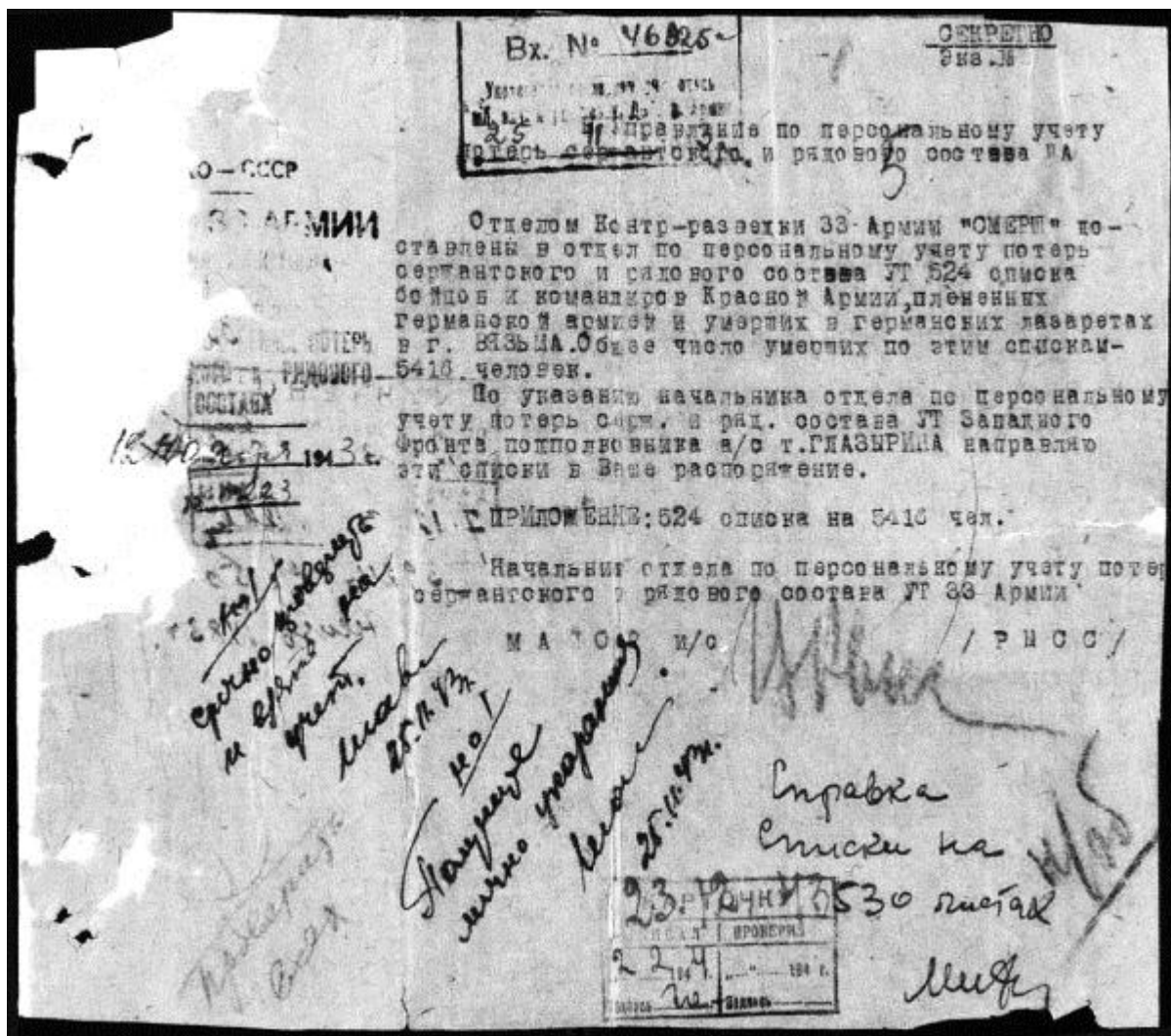
Территория воинских захоронений занимает в городе такую большую площадь, что создается впечатление, будто г. Вязьма стоит на костях погибших солдат...

Чтобы понять и осмыслить масштабы Вяземского котла, нужно обратиться к книге Л. Н. Лопуховского „1941. Вяземская катастрофа“. В ней говорится о том, что по своим масштабам Вяземский котел был сравним с Киевским котлом в первые дни войны. В окружение под Вязьмой попали 4 армейских управления, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РКК, только безвозвратные потери Красной армии превысили 380 000 человек. После вяземской катастрофы судьба Москвы висела на волоске.

Переосмысливая эту чудовищную катастрофу, приходишь к мысли о том, что такая масштабная трагедия касается не только одной Вязьмы и даже не одной Смоленской области. Это касается всей России и стран СНГ. Об этом должны знать во всем мире, во всех регионах России и странах СНГ будущие поколения. Для этого должно быть принято решение правительства г. Москвы и РФ о большом Вяземском мемориале замученным солдатам и гражданскому населению в назидание будущим поколениям. Он должен быть таким, как это сделано в Освенциме, Дахау и других концентрационных лагерях. К мемориалу жертвам „Дулага-184“ должны приезжать поклониться со всех концов России, СНГ и всего мира».

«Пусть всех имен не назову...»

В Списках, захваченных Смершем 33-й армии в г. Вязьме, в которых содержались сведения о советских военнопленных и гражданском населении, умерших мучительной смертью в лазаретах № 1, 2, 3 «Дулага-184» за семь неполных месяцев 1942 г., всего насчитывается 524 списка на 5 430 человек (после корректировки поисковиками).

Главные врачи лазаретов («главный врач», «старший врач», «начальник лазарета»), как это было заведено во многих немецких лагерях, с помощью медперсонала вели учет умерших военнопленных, ежедневно составляли лично или подписывали уже подготовленные списки умерших с указанием их имен, даты рождения, национальности, домашнего адреса, даты смерти. Как сообщалось выше, в списках 3-го лазарета указывалось воинское звание военнопленных, в списках 2-го лазарета – воинское звание и наименование воинской части. Списки писались в день смерти узников или на несколько дней позднее. В лазарете № 1, как вспоминала Софья Анваер, сводки об умерших в лазаретах подавались врачами позже на 2–3 дня, для того чтобы за счет «неписанных», но уже погибших людей хоть как-то подкормить живых, особенно тех, кто в этом крайне нуждался.

Обращает на себя внимание то, что списки узников, умерших в лазаретах «Дулага-184», написаны четкими разборчивыми почерками образованных людей, профессиональных медиков. Некоторые из них знали немецкий язык, подписывали списки и иногда писали к ним комментарии на немецком языке (М. Ю. Чуловский, Н. И. Игнатов, В. И. Филимонов, А. С. Шубин, А. Ф. Орлов и другие).

Военврачи лагеря не могли не отдавать себе отчет в том, что списки погибших воинов-великомучеников – единственная возможность донести до «большой земли», прежде всего до семей узников, достоверные сведения об их судьбе и местах захоронений – данные о погибших записывались по возможности с максимальной точностью. Исключительно благодаря этим спискам стали известны имена военнопленных, прошедших через «Дулаг-184» в 1942 г., большинство которых умерло в его лазаретах.

К сожалению, значительная часть таких ежедневных списков утрачена: так, например, в июле 1942 г. в лазаретах № 1, 2, 3 списки погибших имеются соответственно только за 12, 14 и 8 дней. За октябрь 1942 г. списки погибших сохранились: в лазарете № 1 – только за 8 дней, в лазарете № 2 – за 9 дней, в лазарете № 3 – за 10 дней.

Из 213 календарных дней, приходящихся на семь месяцев 1942 г., дошедшие до нас списки умерших узников были составлены: в лазарете № 1 – за 160 дней, в лазарете № 2 – за 163 дня, в лазарете № 3 – всего за 132 дня. Списки, оставленные врачами за остальные дни, были, скорее всего, уничтожены гитлеровцами перед отступлением.

Количество погибших в лазаретах «Дулага-184» подсчитано по дням и месяцам, выведены суммарные данные. Больше всего узников в 1942 г. погибало в зимние месяцы – в январе и феврале, а также в марте и сентябре. Особенно большие потери были в лазаретах № 1 и 2.

Сводные данные о количестве умерших узников в лазаретах «Дулага-184» (январь, февраль, март, июль, август, сентябрь, октябрь 1942 г.)

Месяц	Лазарет № 1		Лазарет № 2		Лазарет № 3	
	Кол-во учетных дней	Кол-во умерших	Кол-во учетных дней	Кол-во умерших	Кол-во учетных дней	Кол-во умерших
Январь 31	30	1934	28	118	23	49
Февраль 28	24	583	22	64	22	53
Март 31	29	626	30	190	26	141
Июль 31	12	38	14	102	8	14
Август 31	29	140	31	362	20	43
Сентябрь 30	28	224	29	443	23	69
Октябрь 31	8	73	9	126	10	29
ВСЕГО:	160 дней из 213	3618 человек	163 дня из 213	1405 человек	132 дня из 213	398 человек

Таким образом, всего погибло по трем лазаретам 5430 человека: по Спискам – 5421 человек, 9 человек – по Ausweis.

* * *

Поисковики провели анализ возрастных данных узников «Дулага-184».

В списках погибших, чей год рождения в них указан, числится 3933 человека (без учета повторов имен узников, выживших в плену или погибших в дальнейших боях с врагом после побегов). Из них составляют:

Старший возраст (от 52 до 74 лет) – 46 человек;

Зрелый возраст (от 43 лет до 51 года) – 450 человек, в том числе шесть женщин;

Зрелый возраст (от 27 до 42 лет) – 2688 человек;

Молодой возраст (от 18 до 26 лет) – 709 человек;

Подростки (от 15 до 17 лет) – 48 человек;

Дети – 3 человека.

О судьбах подростков от 15 до 17 лет – узников «Дулага-184»

В лагере погибали не только мужчины призывного возраста, но и совсем молодые ребята, подростки 16–17 лет, в основном жители Смоленской и Тверской областей. По Спискам большинство из них проходит не как военнослужащие, а как гражданские лица (в Смоленской области из 21 человека – 11 гражданских, в Тверской из 13–11 гражданских). Вместе с взрослыми они оказывали сопротивление захватчикам, многие были связаны с партизанами.

Так, семнадцатилетний Дмитрий Григорьевич Сиватов (Севашов), 1925 г. р., из д. Городище Знаменского р-на, считавшийся, по данным Книги памяти Смоленской области (Угранский район, Темкинский район, с. 313), пропавшим без вести, входил в партизанский полк Жабо^[178]. Погиб 05.10.1942 в лазарете № 2^[179]. В том же лазарете 09.09.1942 погиб Алексей Гаврилович Петраков, 1925 г. р., из д. Полнышево Знаменского р-на, в свои 17 лет – красноармеец 1239-го сп 373-й сд, которая вела кровопролитные бои под Ржевом и Сычевской^[180].

Тяжелые и героические испытания выпали на долю Николая Скачкова, 1926 г. р., из с. Ленино Ленинского с/с Холм-Жирков-ского р-на. По спискам военнопленных он числится погибшим 01.09.42 в лазарете № 3 (в 16 лет)^[181]. Но с помощью врачей ему удалось бежать! Был призван в Красную армию в 1944 г. Витебским РВК Витебского района Белоруссии, возможно, участвовал в операции «Багратион» по освобождению братской республики. Николай – один из немногих узников вяземского лагеря военнопленных, которым выпала судьба пройти с победными боями до самого Берлина, мстить фашистам за разоренную и сожженную смоленскую землю, за злодеяния гитлеровцев. В составе 1154-го легкого артиллерийского полка 184-го ЛАЛКПр 29-й арт. дивизии прорыва РГК он участвовал в Берлинской операции. Погиб 29.04.1945 в дни тяжелых боев на подступах к Берлину за три дня до его падения, похоронен на братском кладбище в Германии Берлин-Тоипити, д. Кляйн-Керне (г. Кляйн-Керис)^[182]. 20 июня 1945 г. его матери Скачковой Марии Васильевне было вручено извещение Холм-Жирков-ского райвоенкомата Смоленской области о гибели сына. Увековечен в Книге памяти Смоленской области^[183].

О погибших в лагере пожилых людях

В Списках их числится около 50 человек – от 52 до 76 лет, среди них, согласно Спискам, пять гражданских лиц, один эвакуированный. Больше всего из Московской области (9 человек). Из Тверской области и г. Москвы – по 3 человека. Остальные – из разных городов и сел СССР. Отсутствие в Списках имен граждан пожилого возраста непосредственно из Смоленской области неудивительно, видимо, просто не попали в списки. Так, во время нашей поездки в д. Лосьмино местный житель перечислил нам имена около десяти своих односельчан, погибших в вяземском лагере военнопленных, которые в списках лазаретов «Дулага-184» не значатся. Жаль, что не собраны и не обобщены по сей день сведения о жителях Вязьмы, Смоленщины, замученных в вяземских лагерях смерти.

В лазаретах «Дулага-184» погибло шесть женщин

Дырьянова Елена Васильевна, 1902 г. р., из г. Ржева, цивил. Умерла 24 сентября 1942 г. в лазарете № 3^[184].

Седова Александра Егоровна, 1891 г. р., из г. Ржева, пи-вил. Умерла 8 октября 1942 г. в лазарете № 2^[185].

Силинская (Жилинская) Людмила Николаевна, 1891 г. р., из Новосибирска. Умерла 12 сентября 1942 г. в лазарете № 1^[186].

Цветкова Елена Сергеевна, 1896 г. р., из д. Шуклово Цысоковского р-на Калининской обл., цивил. Умерла 30 сентября 1942 г. в лазарете № 3^[187].

Ефимова Евдокия Давыдовна, 1866 г. р. (76 лет), из г. Ржева, цивил. Умерла 12 сентября 1942 г. в лазарете № 3^[188].

Ольга, душевнобольная. Умерла 20 января 1942 г. в лазарете № 1^[189].

В «Дулаге-184» погибали дети

В Списках погибших узников числится трое малолетних детей.

Это русский мальчик Толя, 1931 г. р. (11 лет), умерший 5 октября 1942 г. в лазарете № 1. В списках приведен его домашний адрес: г. Ржев, Ленинградское шоссе, д. 29^[190].

В том же лазарете 19 января 1942 г. умер 12-летний Сергей Урядников, 1929 г. р., из д. Дорохово Пуповского с/с (ныне Относосовское с/п) Вяземского р-на^[191].

7 января 1942 г. умер в лазарете № 1 Подмазов Василий Ст., 1934 г. р., из д. Василюво Холмского района Смоленской обл.^[192]

Книга памяти. Смоленская область. Сычевский район, Холм-Жир-ковский район. С. 562: Подмазов Василий Степанович, д. Новоселки Батурицкого р-на Смоленской области. Умер от ран 07.01.42 г. Вяземский лазарет р/в пленных № 1. Дата рождения не указана.

Национальный состав военнопленных

(без учета проработанных впоследствии материалов)

В Списках погибших в графе «**национальность**» у 1929 человек указана их национальность (учет велся только в 1-м и 3-м лазаретах). Если учесть, что в СССР проживало более 100 наций и народностей, то в данных Списках представлено более четвертой их части – 30 национальностей! В том числе почти полностью – народы Европейской части СССР и Сибири, Средней Азии и Закавказья. Приведем эти данные: в списках погибших в лазаретах числится русских – 1841 человек, украинцев – 170, татар – 74, белорусов – 31, чувашей – 12, башкир – 11, удмуртов – 9, мордвы – 8, марийцев – 7 человек. Погибло по одному человеку от национальностей – бурят, зырянин (старинное название народа коми), кабардинец, карел, якут. По два человека от национальностей – еврей, калмык, латыш, нанаец. Из народов республик Закавказья в лазаретах погибло: грузин – 13, армян – 11, азербайджанцев – 3, дагестанцев – 3, лезгин – 1, осетин – 1, абхазцев – 1. Из республик Средней Азии: узбеков – 9, казахов – 9, киргизов – 8, таджиков – 2, туркмен – 1.

«Родину защищала вся огромная многонациональная страна – Советский Союз. Вместе плечом к плечу наши отцы, деды и прадеды в 1941–1945 гг. шли в смертельный бой с фашистами, вместе они лежат в одних могилах Вяземского лагеря военнопленных. Такое нельзя забывать. Погибшие объединяют и нас, ныне живущих, в единую многонациональную семью. Почти десять лет мы вместе приходим поклониться их братским могилам за не дождавшихся весточек матерей и вдов, положить цветы. Пока мы помним, и мы есть одна семья, в каких бы отдаленных уголках страны люди ни жили» (Л. В. Шлепова, родственница ополченца 6-й сдво г. Москвы К. А. Виталья).

Также были проанализированы указанные в Списках сведения графы «военное звание» (эти сведения содержались только в Списках лазаретов № 2 и 3). Воинское звание указано у 1723 погибших.

Больше всего погибло в лазаретах рядовых – 1423 красноармейца, а также: мл. сержантов – 1, сержантов – 38, ст. сержантов – 7, старшин – 5; имели звание мл. лейтенанта – 11 человек, лейтенанта – 22, старшего лейтенанта – 3, майора – 1 (Сигаев Иван Васильевич, штаб 20-й армии, лазарет № 2). Техников-интендантов (воентехников, техников, в том числе 1 и 2 рангов) в списках значится 6 человек, медицинских работников: фельдшеров (военфельдшеров) – 4, санинструкторов – 1. По лазарету № 3 в списках проходят два «унтер-офицера» – так в старой армии называли младших офицеров.

В этой же графе указано значительное количество гражданских лиц («цивильный», «гражданский»), погибших в лазаретах наряду с военнослужащими, – их 143 человека, большей частью из Смоленской и Тверской областей, и один эвакуированный. Это может означать и то, что в лагерь загоняли местных жителей для устрашения населения, за связь с партизанами. Жестокость карателей не знала предела. Местные жители в плену нередко

изменяли свое имя и место проживания, опасаясь репрессий фашистов. Так, в списках погибших числится красноармеец Иванов Сергей Иванович, житель д. Авдеево Борисовского с/с Вяземского р-на Смоленской обл. – *«после пленения и избиения немцами умер 07.09.1942 в плену в лагере № 3»* г. Вязьма. В списках он сознательно искажает свое имя, называет неправильный домашний адрес. Вяземский райвоенком полковник Васильев 16.07.1952 писал: *«Доношу, что умерший в Германском плену 7 сентября 1942 г. красноармеец Родинков Сергей Иванович, уроженец Смоленской обл., Вяземского р-на, Борисовского с/с, д. Авдеево, извещение прислано вами в сентябре 1945 г., по документам оказался не Родинковым С. И., а Ивановым С. И.»*^[193].

Скудные сведения в списках лазаретов о «военных званиях» военнопленных и их военных специальностях дополняются результатами дальнейших исследований при проработке архивов.

Почти полное отсутствие в Списках военнопленных имен офицеров высоких званий ни о чем не говорит. Никто в той трагической обстановке не был застрахован от гибели, ранения, плена: ни генерал, ни рядовой. Попав в плен, многие офицеры вынужденно скрывали свои воинские звания под угрозой немедленной смерти. Немцы выискивали и расстреливали комиссаров и командиров как своих первых врагов, готовых организовать сопротивление узников. При поступлении новых партий военнопленных в вяземские пересыльные лагеря немцы проводили так называемую «сортировку», отделяя офицерский состав от рядового. Офицеров постоянно искали среди вяземских узников. Об этом пишут в своих воспоминаниях бывшие военнопленные С. Анвар, В. Шимкевич и многие другие.

При документальной проработке Списков выясняются имена офицеров, погибших в «Дулаге-184». Так, например, в списках умерших 25.01.1942 в лазарете № 1 значится Стекольщиков И. С, 1893 г. р., из г. Костромы. После работы с документами ОВД «Мемориал» узнаем, что это был начальник связи 19-й армии полковник Стекольщиков Иван Северьянович, 1893 г. р., считавшийся пропавшим без вести «не позднее 08.11.1942». В Книге памяти Костромской области (т. 1, с. 294) увековечен как член партии, призванный в 1936 г. Костромским РВК, полковник, погибший в плену 25.01.1942. Однако, как установили поисковики, И. С. Стекольщиков был переправлен из Вязьмы в «Шталаг-352» (д. Масюковщина, Минск), где погиб 04.04.1942^[194].

Другой пример – Смирнов Илья Ильич, 1900 г. р., погибший 3 августа 1942 г. в лазарете № 1, являлся «интендантом 1-го ранга, начальником 2-го отдела арт. снабжения управления нач. артиллерии 39-й армии». Увековечен в Книге памяти г. Москвы как умерший от ран 03.08.1942 без указания вяземского лагеря военнопленных (том 12, с. 88)^[195].

В вяземском лагере некоторое время находился оказавшийся в плену в бессознательном состоянии командующий 19-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, помещенный в немецкий госпиталь в Вязьме, где ему ампутировали выше колена правую ногу. Была изувечена рука. Позднее Лукин был перевезен на излечение в Смоленский лагерь военнопленных, прошел по многим немецким лагерям до своего освобождения.

С 22 октября по 16 декабря 1941 г. в лагере содержался начальник штаба 32-й армии полковник Николай Степанович Бушманов, позднее создавший в Третьем рейхе в плену разветвленную интернациональную подпольную организацию под названием «Берлинский комитет ВКП(б)», развернувшую активную работу по всей Германии.

Наименования советских воинских частей (подразделений), в которых служили военнопленные, фиксировались только в списках лазарета № 2 в графе «воинская часть». В списках лазаретов № 1 и 3 графа «воинская часть» отсутствовала.

Всего по спискам погибших во 2-м лазарете (главный врач – доктор М. Ю. Чуловский) учтено 1 119 человек, у которых указаны наименования воинских соединений и частей (подразделений). Так, в списках упоминаются номера 6 армий (11 человек); 35 стрелковых дивизий (51); 401 стрелкового полка (873); 34 артиллерийских полков (35). В кавалерийских частях служил 21 человек, в воздушно-десантных частях – 12, в других частях и подразделениях – 129.

К сожалению, неизвестно, при каких именно обстоятельствах Списки погибших пленников, составленные за семь неполных месяцев 1942 г., попали в руки Смерша 33-й армии. Где страшные отчеты за остальные месяцы существования «Дулага-184», списки умерших в других пересыльных лагерях в Вязьме (если они велись в той обстановке)? Как и кем были сохранены Списки вяземского лагеря «Дулаг-184»?

Военнопленных фашисты успели вывезти из Вязьмы до прихода Красной армии в другие лагеря военнопленных, в том числе находящиеся в странах Третьего рейха. Перед отступлением из города в марте 1943 г. фашисты взорвали все лагерные постройки и заминировали подходы к лагерю. Город практически сожгли. Директор вяземского дома культуры рассказывал: *«Когда сюда вошла Красная армия, город было невозможно узнать. С 11-го на 12 марта немцы подорвали все. Улицу за улицей. Дом за домом. Весь город можно было видеть насквозь. Вязьмы не было. Из пяти с половиной тысяч домов в конце остался 51 дом. Солдаты даже отравили колодцы. Насыпали туда цианиды. Вокруг Вязьмы было найдено 23 массовых захоронений!»* (Из книги Пауля Коля «Война немецкого вермахта и полиции 1941–1944. Воспоминания выживших советских граждан», 1995).

Еще раз напомним, что в настоящее время Списки погибших узников хранятся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (г. Подольск): 9 отдел, дело 101-1555-1 за 1943 г. (входящий № 46925с за 1943 г.; Донесение о потерях – ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1220).

История братских захоронений и современное состояние памятных мест в Вязьме

Для погребения военнопленных, умерших на основной территории размещения узников «Дулага-184», в лазаретах, на территории города и др., из числа военнопленных были созданы особые санитарные команды «могильщиков» или группы по уборке трупов. Учитывая то, что лагерь располагался на большой территории и погибших было огромное количество (десятки тысяч за 17 месяцев существования лагеря), таких групп было много. Бывшие узники вспоминали: *«...каждое утро со всех этажей вытаскивали крючьями умерших и складывали в кучу у выхода. В других лагерях, где привелось побывать отцу, для вытаскивания покойников были тележки, здесь выволакивали просто так. Некоторые еще шевелились, но всех потом вывозили куда-то хоронить. Занимались этим бригады из заключенных»* (П. А. Мошарев). В зимнее время тела погибших складывались около лагерного забора, чтобы весной эти огромные груды человеческих тел «захоронить».

До нас дошли списки узников «Дулага-184», умерших в январе-феврале 1942 г., составленные и подписанные «санитаром по уборке трупов Корюкиным» (так он подписывался под списками погибших), как правило, с весьма неполными данными о них. Из 248 листов со списками погибших в лазарете № 1 И. А. Корюкиным написаны 46 (почти пятая часть от общего количества). Это означает, что списки вели не только врачи в лазаретах, но и санитары-могильщики. Сам Иван Алексеевич Корюкин, 1898 г. р., уроженец Ивановской области, красноармеец, умер 21 сентября 1942 г. в лазарете № 1. Поэтому имена людей, указанных в его списках, ориентировочно причисляем к спискам погибших в лазарете № 1. Могилы для погребения рыли сами военнопленные под охраной полицаяв.

Умерших за 15.01.42 ^{Степи} Приложение к № V6925

№	Фамилия	И. О.	Род	Адрес
1.	Куряев	Я. Т.	✓	Омской об. С. Павлово
2.	Будачев	И. С.	✓	Сарапульская об.
3.	Резанов	В. А.	✓	Камышевская об.
4.	Михайлов	А. И.	✓	
5.	Бухарин	И. И.	✓	
6.	Полухин	П. П.	✓	Камышевская об. Стопотки
7.	Тавришин	Ф. Я.	✓	Москов. об. Ново-Дружеск
8.	Будачев	И. И.	✓	Краснодар. кр.
9.	Маврин	С. И.	✓	
10.	Антонов	Т. И.	✓	Камышевская об. Д. Мисково
11.	Михайлов	И. Я.	✓	Камышевская об.
12.	Шутов	А. Т.	✓	Кубовская об. Д. Владим
13.	Павлов	А. Н.	✓	Кубовская об. Козьмоград 14
14.				
15.				
16.				
17.				
18.				
19.				
20.				
21.				
22.				
23.				
24.				
25.				
26.				

Нет адресов

Санитар по Моравии
Уборка митинг:

Списки умерших 15.01.42 г. Составлены санитаром Корюкиным И. А.

На фотографиях вяземского лагеря, сделанных во время его существования, видны страшные картины захоронений умерших военнопленных и гражданского населения. Фотографии были представлены советской стороной на Нюрнбергском процессе в качестве обвинения фашистским извергам в уничтожении советских людей.

Kopierschutz

Kopierschutz

Kopierschutz

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Указ предусматривал, что в задачу ЧГК входит «полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству, установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области». Комиссии предоставлялось право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к преступным действиям оккупантов и их сообщников на территории СССР. Акты и сообщения ЧГК стали одним из важнейших доказательств обвинения в Нюрнберге.

В марте 1943 г. сразу после освобождения Вязьмы было проведено обследование территории «Дулага-184» с массовыми захоронениями военнопленных *по Кронштадтской улице*, а также захоронения гражданского населения *на Фроловском и Еврейском кладбищах*. Как следует из официального акта от 20 марта 1943 г. о зверствах фашистов на территории Вяземского района, подписанного 157 жителями города, только в районе пересечения улиц Репина и Кронштадтской было обнаружено и вскрыто 45 погребальных рвов, 100 метров длиной и 4 метра шириной. В акте сообщалось, что «такие же рвы были обнаружены на Фроловском и Еврейском кладбищах», однако там количество рвов в акте не указывалось. При вскрытии могил на Фроловском кладбище было установлено, что только в одной могиле похоронено свыше 3000 человек, в том числе много женщин и детей. Трупы носят на себе явные следы пыток.

В акте было названо примерное количество советских людей (военнопленных и мирных граждан), погибших в г. Вязьме от рук оккупантов, подтвержденное примерно через год в акте от 19 июня 1944 г. о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в период временной оккупации г. Вязьмы, составленном на основании тех же свидетельских показаний 157 жителей г. Вязьмы, – более 30 тысяч человек^[196].

В 1945 г. данные по общему числу погибших советских военнопленных и мирных граждан в г. Вязьме были неожиданно уточнены Смоленской областной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. В отчете комиссии называется новая цифра: в Вяземском лагере военнопленных истреблено 15 тыс. человек, в два раза меньше, чем констатировалось в первых двух актах^[197].

Длительное время многие вязьмичи, а особенно приезжие люди, воспринимали данные о количестве военнопленных и мирных граждан, погибших в нацистских лагерях Вязьмы, как должное. Были официальные акты от 20 марта 1943 г. и 19 июня 1944 г. о зверствах фашистов на территории Вяземского района. И все было бы тихо и ладно, пока приехавшие в 2008 г. в Вязьму поклониться могилам своих отцов и дедов родственники павших не увидели на огромном пустыре лишь символическую памятную стелу с колоколом возле облезлого бетонного забора мясокомбината. Напрашивался естественный вопрос: куда делись масштабные захоронения?

У памятника по ул. Репина. Вязьма, 27.11.2011

У Закладного камня монумента памяти фронтовых концертных бригад, погибших в вяземском котле. Вязьма, 27.11.2011

Через три года такой же вопрос прозвучал у бывшего лазарета № 1 на Красноармейском шоссе, куда родственники и поисковики пришли осенью 2011 г. По документам вяземского городского архива на 1952 г. там было зафиксировано 37 погребальных рвов. На местах массовых захоронений великомучеников не было даже символического памятника. Только бурьян и городская свалка.

На месте погребальных рвов на Красноармейском шоссе, октябрь 2011 г

Утрачены были братские могилы на ВЗСП, где размещался лазарет № 2.

Помня и скорбя о судьбах защитников Отечества, принявших мученическую гибель от рук фашистских нелюдей, мы *повторно приведем* некоторые свидетельства бывших узников и очевидцев, в том числе свидетельства с немецкой стороны, о массовой гибели военнопленных и мирных жителей в вяземских лагерях смерти.

Дитер Польш, немецкий историк (книга «Управление Вермахта»): *«В конце октября 1941 года в лагере содержалось 27 тысяч военнопленных, а к началу ноября – 34 тысячи красноармейцев. Несмотря на постоянную отправку военнопленных в стационарные лагеря и уходящие колонны, количество военнопленных в этом лагере было слишком большим. Ежедневно умирало от 60 до 100 военнопленных, что составляло примерно 2 процента»*^[198].

В «госпиталь», по воспоминаниям М. М. Шейнмана, находившегося в вяземском «госпитале» «Дулага-184» с ноября 1941 г. по 12 февраля 1942 г., попадали немногие – большинство гибло в лагере. *«По свидетельству врачей, работавших тогда в „госпитале“ и в лагере, – пишет М. М. Шейнман, – за зиму 1941/42 года в Вяземском лагере умерло до семидесяти тысяч человек»*^[199].

У бывшего лазарета № 1 «Дулага-184». Фотография И. В. Долгушева, 2016, Вязьма

Бывший узник «Дулага-184» А. М. Согрин свидетельствует: *«Только после войны стало известно, что в вяземском лагере находилось свыше 75 тысяч военнопленных!».*

«Могил было много, и клали людей сотнями. Они тянутся от мясокомбината до Кронштадтской улицы» (из воспоминаний вязьмички Кашиной Валентины Александровны).

Алексей Кислицын: *«Количество военнопленных, прошедших через „Дулаг-230“, судя по документам, – огромно. Около двухсот тысяч человек»* (по немецким архивным материалам 4-й танковой армии).

Из статьи В. Антонова «Вязьма сегодня» в газете «Известия» за 20.04.1943: *«Каждый день из лагеря выносили множество трупов, а часто вместе с трупами бросали в яму еще живых людей. Голод и холод косили пленников не хуже немецкой пули... Молча обходим мы с Сергеем Алексеевичем полуразрушенные корпуса... Спускаемся в подвальное помещение. Под ногами хлюпает вода. В этой воде заживо гнили пленные. Попавшие в страшный подвал через неделю, самое большее через две переселялись на кладбище. Оно тут же рядом, на пустыре. Огромные насыпи, метров десять-пятнадцать шириной и метров шестьдесят-сто в длину...».* Эти свидетельства более чем соответствуют сведениям акта от 20 марта 1943 г. о зверствах фашистов в районе пересечения улиц Репина и Кронштадтской в Вязьме, огромных погребениях погибших.

«Лагерь для военнопленных был превращен в лагерь смерти, откуда ежедневно вывозилось по 200–250 трупов» (из воспоминаний Елены Константиновны Ширшиной работавшей в «русской больнице» в оккупированной Вязьме).

«Кто устроился где-то в уголке, многие прямо под окнами – замерзали, погибали сотнями» (из воспоминаний Г. А. Хольного).

«В Вязьме были жуткие условия, период неопикуемых страданий, голод, холод, издевательство, массовые заболевания среди военнопленных и огромная смертность. Ежедневно хоронили по 200–250 человек... В Вязьме в тот момент было больше 25 тысяч наших пленных» (из воспоминаний И. А. Ивкина на октябрь 1941 г.).

«Медицинской помощи здесь никакой нет, раненые умирают сотнями в день, дизентерия и инфекционные болезни сводят всех в могилу. С мертвых и умирающих снимают одежду» (из воспоминаний В. Н. Шимкевича).

Предполагается, что самая высокая смертность была в лагере в период с октября по декабрь 1941 г., когда, по некоторым сведениям, в нем ежедневно погибало до тысячи человек в сутки.

При ознакомлении с воспоминаниями бывших военнопленных выясняется, что загнанные в Вязьму узники находились в Вяземских лагерях до «эвакуации» на запад как минимум от 7–9 дней (при полном отсутствии питания и воды, острой медицинской помощи) до полутора-двух и более месяцев^[200]. В условиях ранней холодной зимы 1941/42 гг. и в последующие месяцы это приводило к массовой смертности людей непосредственно в самой Вязьме. Тем более что большинство военнопленных были тяжело ранены, контужены, больны.

Пусть окончательную цифру погибших в нацистских лагерях Вязьмы никогда не назвать. Но о количестве человеческих потерь в Вязьме за историков говорят сами люди. Выжившие бывшие пленники. Местные жители военного и первого послевоенного времени. Сами немцы в своих официальных документах и книгах. Количество погибших в вяземских лагерях смерти, по нашему мнению, *значительно* превышает цифру в 30 тысяч человек. Оценка истинных потерь требует детального изучения и экспертизы историков-профессионалов.

В свете демонстративного игнорирования солдатских могил в Вязьме особенно неуместным выглядит создание на смоленской земле в Духовщине на площади более пяти гектаров крупнейшего в России, а в будущем – и в мире, сборного немецкого кладбища. Только из Вязьмы туда под гранитные плиты были перезахоронены эксгумированные останки сотен немецко-фашистских захватчиков, имена которых сохранились в документах вермахта.

Александра Степановна Лаврова, председатель Оргкомитета родственников «Вяземский мемориал», с горечью отмечает: *«Нас, родственников защитников Отечества, оскорбляет то, что рядом на Смоленщине идут преобразования. В Духовщинском районе обустроили сборное кладбище немецких солдат. В то время как в Вязьме лежат десятки тысяч наших защитников – советских воинов, могилы которых никак не обозначены, а то и попораны. Пример тому – территория немецкого пересыльного лагеря „Дулаг-184“, транзитных лагерей № 230 и 231».*

Защитите защитников!

Ветром горьким повеяло над полями седыми.
Что ты с нами наделала, ах, Россия, Россия.
Мы ложились десятками под фонтанами пыли.
Мамы плакали, плакали, а внуки забыли?

Мы не стали героями, не успели мы просто.
Двадцать лет только пройдено от рожденья к погосту.
Из Москвы и из Питера, из Рязани, Сибири...
Нас на фронт гнали литеры... Ах, Россия, Россия.

А теперь что же? Пройдены, как глава на уроке?
 Что ты делаешь, Родина? ЧТО стоит на пороге?
 ЗАЩИТИТЕ ЗАЩИТНИКОВ! Не в Эстонии, право,
 Сапогами политиков бьет по лицам держава.

ДА! Мы кости... мы прошлое... но мы были, МЫ БЫЛИ!
 Эх, грошовое... пошлое... Эх, Россия, Россия.

Алексей Кислицын

1 ноября 1945 г., в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов СССР», разрушенный, обезлюдивший город Вязьма был включен в число 15 городов, подлежащих первоочередному восстановлению. Город поднимали в прямом смысле слова из руин. Учетом воинских захоронений при этом занимался Вяземский отдел городского коммунального хозяйства.

Однако после завершения работы Чрезвычайной государственной комиссии в Вязьме официально не было создано ни одной строгоохранной зоны в местах массовых погребений узников лагеря. Это привело к тому, что на местах захоронений практически сразу началась интенсивная жилая застройка, проведение городских пешеходных и проезжих дорог. К сожалению, такое положение было характерно и для многих других освобожденных от захватчиков городов и других населенных пунктов России.

В это же время с 1944–1945 гг. начал свою работу вяземский мясокомбинат, поначалу размещенный в автомобильном гараже недостроенного авиационного завода по ул. Репина: в тех же помещениях, где страдали и умирали пленные защитники Родины, были организованы загоны для передержки скота, скотобойня, мясожировой цех и пр. Несомненно, принятие такого решения исходило из необходимости немедленно запустить производство, нужное для воюющей Красной армии, населения городов, а других помещений в разрушенной Вязьме, видимо, не было. Однако впоследствии, когда такие возможности появлялись, кошунственная ситуация не менялась.

Тем не менее вопрос увековечения памяти защитников Отечества не сходил с повестки дня, поднимался вяземским райвоенкоматом, обсуждался на заседаниях исполкома городского Совета народных депутатов трудящихся и горкома ВКП(б). Так, в Вяземском городском архиве краеведом И. Д. Музыченко несколько лет назад были найдены документы за 1952–1954 гг.: в материалах отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся обнаружилась папка «Материалы по состоянию воинских братских кладбищ (схемы и списки захороненных) за 1952 г.»^[201]. Прилагался перечень захоронений воинов, погибших при обороне и освобождении города, и военнопленных, отмечалось неблагоприятное состояние братских могил. Давались распоряжения по благоустройству захоронений, прилагались схемы их расположения (сохранилась только одна из схем захоронений – на ВЗСП)^[202].

В дальнейшем, вплоть до 1980 г., территория незастроенных и не попавших под частные огороды мест массовых захоронений узников «Дулага-184» и других немецких транзитных лагерей в Вязьме благоустраивалась. У мясокомбината, лазаретов № 1 и 2 братские могилы были облагорожены, установлены памятники, разбиты клумбы, посажены деревья. Учащиеся вяземских школ № 2 и № 5, коллективы предприятий, горожане ухаживали за братскими могилами. Возле памятников на улице Репина и Красноармейском шоссе проводились торжественные памятные мероприятия, школьников принимали в пионеры. В Вязьму из далеких мест приезжали бывшие узники, подпольщики, партизаны: рассказывали о пережитом в фашистских лагерях смерти, встречались с жителями района и города, с которыми вместе плечом к плечу боролись с захватчиками. В Вяземском краеведческом

музее хранятся письма бывших военнопленных и партизан, адресованные детям и молодежи г. Вязьма.

Памятник на территории мясокомбината к 20-летию Победы

Приходили к братским могилам в горьких слезах и местные жители – осиротевшие дети, вдовы, матери, сестры, у которых родные погибли в вяземских лагерях.

С исключительной ответственностью шефствовала над захоронениями у мясокомбината средняя школа № 2, директором которой была участница Великой Отечественной войны Нина Ивановна Кобзарь. Руководила всеми работами старшая пионервожатая школы Валерия Евгеньевна Гаврилова, возглавлявшая движение вяземских красных следопытов, создательница школьного музея. Школьники вместе с учителями ухаживали за братскими могилами, пропалывали траву, сажали цветы, совершенно преобразив это полузаброшенное место. Велась обширная переписка с ветеранами.

Однако осенью 1980 г. произошло чудовищное. В соответствии с так называемым генеральным планом развития и благоустройства города руководство г. Вязьмы принимает решение о перезахоронении останков погибших военнопленных и мирных граждан (десятков тысяч!) из братских могил на пересечении ул. Репина и Кронштадтской и у 1-го лазарета на Красноармейском шоссе на городские Фроловское и Екатерининское кладбища, что формально и состоялось с 20-го по 25 октября 1980 г. Памятники защитникам снесли, братские могилы разровняли бульдозерами. Старожилы Вязьмы свидетельствуют: *«Прислали солдат, поверхностно вскрыли две-три могилы и в нескольких гробах условно „перезахоронили“ все кладбище (у лазарета № 1). Затем бульдозерами переутюжили оставшиеся могилы (более 30). Кости и черепа валялись везде, останки размывались дождями...»*^[203].

Все это вызвало резкий протест жителей города, у многих из которых там были погребены родные, ветеранов войны, образовательных коллективов.

Жительница г. Вязьмы Галина Ниловна Люзина вспоминает: *«Мой отец, Аюзин Нил Дмитриевич, 1917 г. р., участник Великой Отечественной войны, инвалид I группы (воевал на Кавказе и на Украине, был ранен и контужен), присутствовал при этом варварском уничтожении воинского кладбища и всячески пытался остановить вакханалию. После этого ему вызывали „скорую“. На следующий день он позвонил горвоенкому и спросил его: „За что вы так поступили с захоронениями солдат?“. На что получил ответ: „Что ты беспокоишься, ведь там лежат предатели“. Этот ответ так возмутил отца, что он стал писать во все инстанции с требованием восстановить захоронения. Благодаря его обращениям в Вязьму из Смоленска приезжала комиссия – разбирались, фотографировали. Выяснилось, что землю с массовыми погребениями защитников Отечества планировалось отвести под строительство пятиэтажного дома. Глумление... Вернувшись в Вязьму в 2004 г. после длительного отсутствия и разбирая домашний архив, я нашла эту переписку и стала расспрашивать мать о тех событиях. Затем пошла и посмотрела, что осталось от захоронений. И мне стало нехорошо. Я увидела настоящую помойку, заросли, там выгуливали собак, вешали белье – и все это на солдатских костях!.. В 2009 г. я была на приеме у мэра города Семейкина В., но грамотного и внятного ответа не получила, одни отписки... Возникает вопрос: кто же мы? Почему 30 лет позволяем глумиться над останками советских солдат? И это все происходит в Городе воинской славы? Почему мы любим выступать, обещать и ничего не делать? Ошибки, даже чужие, надо уметь исправлять. Иначе мы не люди, а нелюди»^[204].*

Об этом же писал и Николай Иванович Романов, старожил Вязьмы: *«Школа № 5 следила за захоронением, там принимали в пионеры и т. д. Но в 1979 г. стали строить магазин № 36 и бульдозером братскую могилу снесли, черепа покатались, и пацаны давай играть в футбол... Люди повозмутились, а потом написали в газете, что снесли братскую могилу в общую братскую могилу на Фроловское кладбище... Это сейчас Лютовский овраг засыпан, а так каждый год и школьники, и с производства ходили перезахоранивать трупы»...^[205]*

«Перезахоронение» и ликвидация памятника павшим у мясокомбината вызвали такой протест жителей, особенно коллектива школы № 2, что властям пришлось установить на месте снесенного памятника другой (две стелы с колоколом), без внесения его в городской реестр памятников истории и культуры. Однако захоронения узников там до сих пор не обозначены.

На территории ВЗСП также было проведено чисто символическое перезахоронение останков погибших. Акты всех проведенных перезахоронений отсутствуют.

В настоящее время места размещения военнопленных и мирных жителей в немецких лагерях Вязьмы в годы войны, расположения массовых захоронений узников находятся, согласно воспоминаниям старожилов и краеведов:

1. У мясокомбината (ныне ООО «Супрема-Агро») в районе улиц Репина и Кронштадтская, где на месте недостроенного авиационного завода находилось центральное место содержания военнопленных в Вязьме. 21.07.2014 силами РВИО установлен мемориал.

2-4. На территории современных предприятий города, где предположительно до войны также строились корпуса авиазавода: машиностроительного завода (места захоронений утрачены, установлена часовня), автотранспортного предприятия «Автоколонна 1134» и вяземского хлебозавода^[206].

5. У бывшего лазарета № 1 (между ул. Маяковского и Красноармейским шоссе, в районе современного здания железнодорожной СЭС). На этой же территории находятся, кроме погребений военнопленных и мирных жителей – жертв вяземских пересыльных лагерей, могилы воинов, умерших от ран в работавшем до прихода фашистов советском госпитале.

6. На территории бывшего маслозавода № 3 (ныне Вяземский завод синтетических продуктов – ВЗСП), где находился в годы оккупации лазарет № 2. В 2009–2016 гг. на территории предприятия установлена часовня, оформлено место для возложения цветов.

7. Возможно, на территории сквера С. Савицкой – предполагаемом месте расположения лазарета № 3.

8-9. На территории довоенных предприятий города – льночесальной фабрики, кожевенного завода. Возможные захоронения утрачены.

10. В районе бывших военных складов взрывчатых веществ (ул. Ленина, Воинов-интернационалистов, Строителей, вероятно, дома инвалидов и Вяземского Выставочного центра (бывший льнокомбинат). Старожилы пишут: *«...там работали советские военнопленные, но в чем-то они провинились, и много пленных расстреляли и похоронили на Воскресенском кладбище в братской могиле. Но памятник увезли, а кладбище бульдозерами в карьер спихнули, построили дома. Это напротив тюрьмы»*. Захоронения утрачены.

11. На территории бывшего лагеря военнопленных «Дулаг-230» («Вязьма-Норд», Nord-Bahnhof – «Северный вокзал») в районе улиц Новоторжская, Зеленая. Захоронения утрачены.

12. Здесь же, на станции Новоторжская, в 3 км от Вязьмы, с 7 июля по 5 октября 1941 г. до оккупации располагался первый сортировочный эвакогоспиталь Западного фронта № 290. В двух больших складских помещениях были организованы перевязочные: для ходячих раненых и для носилочных. Операционный блок располагался в здании довоенного гарнизонного госпиталя рядом с маслозаводом. Неподалеку находились госпитальные захоронения, в которых похоронены, возможно, сотни наших воинов, умерших от ран в госпитале. Медики работали в сложнейших условиях под бомбежками вражеской авиации. Только за август 1941 г. госпиталь принял 64 тысячи раненых!^[207] В 2013 г. места захоронения погибших были указаны членам Оргкомитета «Вяземский мемориал» старожилами Новоторки, о чем было написано руководству г. Вязьмы. Но никаких дальнейших действий не последовало.

В период оккупации полуразрушенные строения, где размещался СЭГ № 290, были использованы для размещения военнопленных. Места их погребения также утрачены.

13. На въезде в Вязьму со стороны трассы Москва – Минск с левой стороны под открытым небом размещался временный лагерь военнопленных^[208].

14. Фроловское кладбище. Установлен памятный знак в честь погибших и умерших военнопленных и мирных жителей в годы немецкой оккупации Вязьмы.

15. Бывшее Воскресенское кладбище. Улица Парковая, 1-й, 2-й, 3-й Северные переулки. Территория находится под жилой застройкой.

16. Бывшее Еврейское кладбище. Улица Новоторжская. Территория не обозначена.

Данные сведения могут корректироваться с выявлением других мест погребений защитников Отечества.

Нельзя не назвать места содержания военнопленных и мирных граждан в ближайших от Вязьмы деревнях, в первую очередь в д. Лосьмино (в 17 км от Вязьмы) Кайдаковского с/п, где пленники содержались в здании местной церкви, в школе и в районе ж/д станции Лосьмино, там же рядом находились их братские могилы. Лагеря военнопленных существовали близ дер. Волково Масловского (ныне Андрейковского) с/п под открытым небом в чистом поле; в деревне Комягино Новосельского с/п – в совхозных конюшнях. Возможные захоронения утрачены.

Плановое обследование территории Вязьмы с целью выявления мест братских погребений в городе не проводилось. Исключение – состоявшаяся в 1999 г. в районе мясокомбината Межрегиональная «Вахта памяти», в ходе которой поисковиками под бетонным забором мясокомбината было обнаружено захоронение погибших. На отчетной схеме поисковиками отмечены и другие погребения. В ходе работ были эксгумированы останки 153 узников. Останки во рвах находились в органическом состоянии из-за большой глубины и плотности захоронений, наличия грунтовых вод. Вяземским поисковым отрядом «Поиск» (командир Никитин) был обнаружен смертный медальон красноармейца Дронова Антона Васильевича, 1919 г. р., уроженца Тульской области, «р-н Тепло-Огаревский, с/с

(Д?)». Призывался Московским РВК («Сокол»). Московский адрес семьи: «Зуева Ида Васильевна, г. Москва, (Бот) р-н, улица, дом № (2/3)». К сожалению, родственников Антона Дронова найти пока не удалось. Эксгумированные останки 153 человек были захоронены возле бетонного забора в двух могилах у символического памятника с колоколом. На момент приезда родственников погибших воинов в 2008 г. эти могилы находились в полузаброшенном состоянии.

В 2011 г. после обращения к властям г. Вязьмы родственников погибших местные поисковики в присутствии представительницы администрации вновь частично обследовали *все ту же территорию вокруг стелы-памятника*. Наличие захоронений подтвердилось^[209].

Куликов Л. С.
Директор
05.12.

**ДЕПАРТАМЕНТ СПОРТА, ТУРИЗМА И МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ЦКУ «Смоленский областной центр героико-патриотического
воспитания и социальной помощи молодежи «Долг»**

215116 Смоленская область, г. Вязьма, ул. Пушкина, 24
Тел/факс (48131) 6 11 63 Smoldolg@mail.ru www.center-dolg.ru

№ 583 исх. от 01.12.2011.

Отчет о проведении поисковых работ

3 октября 2011 г. бойцами Вяземского районного поискового отряда «Долг» в составе трех человек А.А. Пронин, А.А. Чекед, И.В. Морозов в присутствии сотрудника администрации Вяземского городского поселения Л.С. Жуковой были проведены поисково-разведывательные работы на территории бывшего концлагеря Дулаг 184.

Цель работ: выявление неизвестных захоронений военнопленных концлагеря.

Обследовалась территория в районе памятного знака Дулаг 184:

- вдоль ограждения Мясокомбината с обеих сторон (в т.ч. и на территории комбината);
- от мемориала до частного сектора, выходящего на улицу Кронштадтская (приусадебных огородов);
- заросшего пустыря за мемориалом параллельный ул. Репина.

Работы проводились исследованием грунта на однородность и наличие костных останков шупами. Было также заложено 15 шурфов.

В результате работ обнаружено не менее 12 захоронений на глубине от 30 см до 180 см (указаны на схеме). Костные останки в них определены, как человеческие.

Выводы и предложения:

1. Необходимо обследовать более тщательно территорию на пустыре за мемориалом, т.к. там не найдены захоронения, но нет твердых доказательств их отсутствия. Работа осложнена наличием в земле большого количества бытового и строительного мусора.
2. Организовать в мае 2012 года экспедицию по подъему и перезахоронению останков военнопленных совместными усилиями

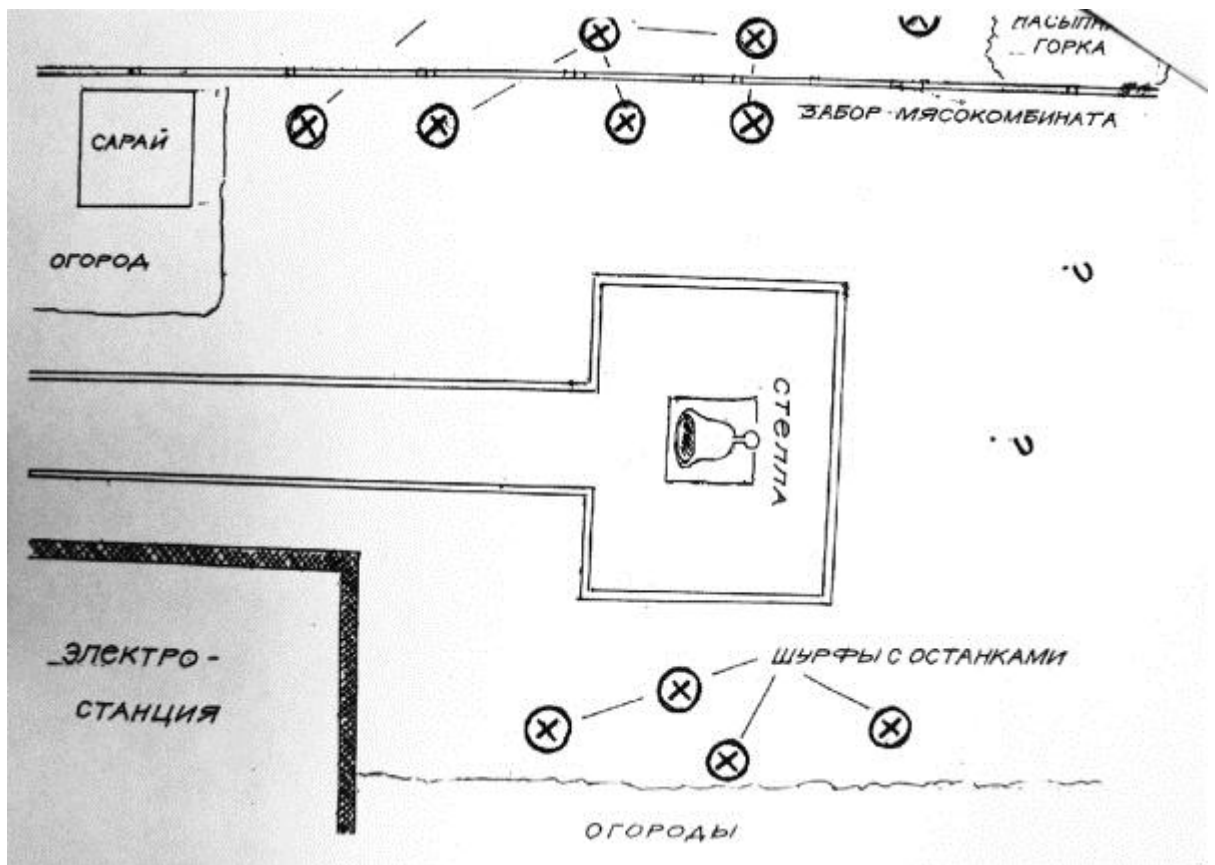
К отчету прилагается схема с указанием найденных захоронений.

Директор Смоленского областного центра «Долг» *Куликов Л. С.*

ПОСТУПИЛО
в Администрацию
Вяземского городского поселения
№ 433410101-08
05.12. 2011г.

Отчет о проведении поисковых работ близ памятника по ул. Репина

Схемы найденных захоронений

Забытый полк. Плакат на бетонной стене мясокомбината, врытой в захоронение пленников. Фотография В. В. Зателепина, осень 2015 г.

С воссозданием в 2012 г. указом президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Российского военно-исторического общества пробить лед равнодушия удалось советнику председателя Общества Р. И. Мединскому.

В 2014 г. после обращения родственников и поисковиков в РВИО в Вязьме был установлен единственный в своем роде памятник жертвам вяземских транзитных лагерей – мемориал, созданный трудами Российского военно-исторического общества под председательством министра культуры РФ Владимира Ростиславовича Мединского и установленный накануне Дня памяти и скорби 21 июня 2014 г. Автором мемориала является замечательный скульптор, Народный художник России, академик Российской академии художеств Салават Александрович Щербаков. Работы производили его заместитель М. Ю. Лапин, архитекторы Г. А. Ишкильдина, А. Г. Канавец и Н. Р. Воронова, устанавливал постамент и обустроивал прилегающую территорию А. В. Сокрутницкий (г. Гагарин).

Литье для памятника осуществлялось в подмосковном Жуковском, гранитная плита заказана в Санкт-Петербурге, бетонные основания – в Смоленске, фундамент – в Вязьме, а бронзовый рельеф – в Москве. Все элементы конструкции весят около 20 тонн!

Монумент в память о жертвах немецкого пересыльного лагеря под Вязьмой получился документальным: три бетонные стелы высотой 3–4 метра. На центральной стеле в бронзовом рельефе застыла группа людей – солдаты, мирное население, все, кто погиб здесь. Позади просматриваются ели, лагерная вышка, и все это обрамляют рассыпанные летящие снимки людей – 60 подлинных фотопортретов погибших.

По словам С. А. Щербакова, «У этого памятника есть возможность развития. Очень важно, чтобы родственники это понимали. Этот монумент возник довольно быстро. Мы встретились с теми, кто эту тему хорошо знает, чтобы понять, как это должно быть. Мы погружались в чувства этих людей. Такие памятники нужны не столько тем людям, которые здесь захоронены, они нужны нашим детям, внукам. Я бы хотел сказать большое спасибо тем, кто эту память десятилетиями вытаскивал, сохранял и донес до сегодняшнего дня. Хочу сказать спасибо от нашего творческого коллектива за оказанную нам честь. Очень важно вспомнить сегодня всех этих людей, потому что это мы с вами и есть – только 70 лет назад».

Выполненная Российским военно-историческим обществом работа – это только первый этап возвращения дани памяти безвременно ушедшим людям. Благоустройство мест массовых захоронений пленных лагеря «Дулаг-184» в г. Вязьме должно продолжаться. А пока растут горы живых цветов, возлагаемых к мемориалу людьми всех возрастов – от малого до старого.

Списки военнопленных и мирных жителей, погибших в немецком пересыльном лагере военнопленных «Дулаг-1 84»

Нет, без вести я не пропал,
Я ранен был и в плен попал.
И я не сдался, видит Бог!
Сражался я, покуда мог!

И. А. Медведков, узник фашистских концлагерей

Ниже впервые публикуются списки жертв немецкого пересыльного лагеря военнопленных «Дулаг-184», составленные по конкретным местам их трагической гибели в лазаретах № 1, 2, 3 «Дулага-184» и погребения.

Списки подготовлены для дальнейшего их размещения на мемориальных плитах Вяземского мемориального комплекса Ольгой Смольяниновой (г. Липецк).

Информация о погибших в данном случае дается минимальная – фамилия, имя, отчество человека, год его рождения и наименование территории, откуда он был призван на защиту Родины в годы Великой Отечественной войны.

Персональные данные погибших установлены поисковиками в результате многолетней кропотливой работы с архивными документами ОВД «Мемориал».

1239 человек в лазаретных записях значатся *«неизвестными»*, так как были доставлены в бессознательном состоянии и без документов. Эти сведения также будут отражены в списках мемориальных плит по каждому лазарету.

В списки не включены имена узников, погибших позднее в других немецких лагерях военнопленных, бежавших из плена и продолжавших сражаться с фашистами в составе партизанских отрядов и частей РККА. Не включены имена бывших узников «Дулага-184», которым посчастливилось, не смотря на все пережитые лишения, вернуться на родину, к своим родным и близким.

Таких выявлено двадцать один человек. Среди них уроженцы Республики Башкортостан (из пяти человек вернувшихся четверо после побега из плена воевали в рядах РККА), Чувашской и Удмуртской Республик, Республики Хакасия, Пермского края, Белгородской, Владимирской, Ивановской, Кировской, Московской, Рязанской, Свердловской, Тамбовской, Тверской областей.

Десять человек, занесенных врачами «Дулага № 184» в списки умерших узников, бежали из фашистских застенков, отважно воевали в составе партизанских отрядов и частей РККА на территории Смоленской и Брянской областей, на территории Белоруссии, на Южном фронте, в самой Германии. Погибли в боях с захватчиками.

Четырнадцать человек, указанных в похоронных списках лазаретов, пройдя страшный мученический путь, погибли от истощения и болезней в других немецких лагерях военнопленных, в том числе в «Шталаге-336» (Каунас-Кальвария, Литва), «Шталаге-342» (г. Молодечно Минской обл.), «Шталаге-352» (Масюковщина, под Минском), «Шталаге-ХI В» (Фаллингбостель, Германия). Красноармеец 612-го стрелкового полка 144-й стрелковой дивизии Храповицкий Михаил Семенович из д. Могилево Пречистенского (ныне Духовщинского) р-на Смоленской области, в ноябре 1941 г. раненым попал в плен под г. Звенигородом Московской области, был внесен в списки лазарета № 2 как умерший 30 января 1942 г. Однако после вяземского лагеря он прошел еще несколько лагерей смерти – находился в лагере Нюрнберг-Лангвассер, в «Шталаге-IX В» (близ города Бад-Орб, земля Гессен, Германия). Умер 19 февраля 1945 г. в «Шталаге-IX В» (Дибург), совсем немного не дожив до окончания войны и освобождения. Среди погибших *в других немецких лагерях смерти* уроженцы Республик Башкортостан и Татарстан, Владимирской, Кировской, Костромской, Липецкой, Московской, Пензенской, Рязанской, Смоленской, Тверской областей, Туркменистана и Узбекистана.

Имена всех этих людей были намеренно внесены врачами лазаретов «Дулага № 184» в списки умерших с целью их возможного спасения в дальнейшем. Но судьбы мучеников складывалась по-разному.

Полные сведения о погибших в лазаретах «Дулага № 184» будут опубликованы в последующем книжном издании, а также размещены на сайте Российского военно-исторического общества. Но уже сегодня на сайтах «Люди и война» и «Солдат. ру» можно ознакомиться с большим объемом информации, связанной с исследовательской работой по пересыльным лагерям военнопленных и мирных граждан в Вязьме. Там можно увидеть все региональные списки погибших с полными данными и со ссылками на первоисточники.

И не было б весны у 45-го
Без тех, из 41-го, солдат...

Надежда Лучкина, командир поискового отряда «Память», Тверская область

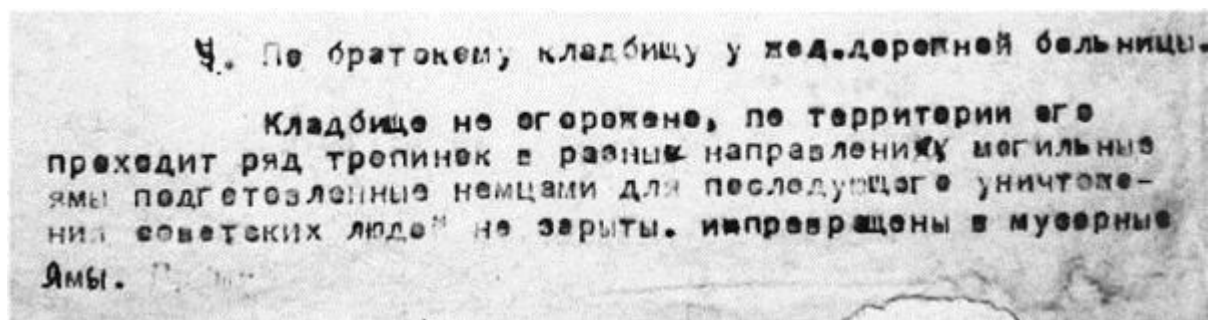
Лазарет № 1: г. Вязьма, Красноармейское шоссе

Немецкий лазарет № 1 «Дулага-184», как уже сообщалось, располагался в зданиях старинной, начала XX века, больницы, построенной на средства знаменитых купцов-фабрикантов Лютовых. В годы Первой мировой войны «Лютовская» больница принимала раненых с фронта.

Во время Великой Отечественной войны до оккупации города захватчиками в зданиях больницы размещался действующий до самого прихода немцев советский военный госпиталь, захоронения умерших от тяжелых ран солдат и офицеров находились неподалеку, списки погибших, возможно, сохранились в областном и районном военкоматах.

В период оккупации с октября 1941 г. по март 1943 г. здесь находился лазарет № 1 вяземского лагеря военнопленных, где умерли от ран и истощения, невыносимых условий тысячи советских людей. Немцы хоронили их в огромных рвах-траншеях, а также в глубоком и длинном так называемом Лютовском овраге, находящемся недалеко от корпусов. В документах вяземского городского архива в материалах отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся, в папке «Материалы по состоянию воинских братских кладбищ (схемы и списки захороненных) за 1952 г.» (фонд № 260, оп. 1, ед. хр. 52а), сохранились свидетельства о местах и состоянии захоронений советских военнопленных в Вязьме.

Согласно документам, после освобождения г. Вязьмы в районе лазарета № 1 находилось 37 погребальных рвов с останками погибших. Состояние их длительное время было неблагополучным. Вяземский военком полковник Васильев в своем письме от 2 июня 1952 г. № 1-1141 в адрес председателя Вяземского горисполкома о состоянии братского кладбища у железнодорожной больницы с беспокойством сообщает: *«Проверкой на местах военных кладбищ и могил офицерами РВК обнаружено следующее: ...4. По братскому кладбищу у жел[езнодорожной] больницы. Кладбище не огорожено, по территории его проходит ряд тропинок в разных направлениях, могильные ямы, подготовленные немцами для последующего уничтожения советских людей, не зарыты и превращены в мусорные ямы. Прошу немедленно заровнять ямы и не допускать кладбище к засорению нечистотами. Приложение: схемы две штуки только председателю горисполкома, Вяземский райвоенком – полковник Васильев».*

Выдержка из письма военкома г. Вязьма полковника Васильева

В последующем воинское кладбище было благоустроено, долгое время за ним ухаживали вязьмичи, особенно большую работу по уходу за захоронениями проводил коллектив школы № 5. Старожилы рассказывают: «Кладбище здесь было огромное. После войны умершим в лазарете воинам установили обелиск, облагородили могилы, была определена территория захоронений, посажены деревья. Шефство над захоронением взяла на себя вяземская школа № 5. На все праздники школьники возлагали к могилам цветы, проводили линейки, детей здесь принимали в пионеры. Родственники погибших могли приехать к могилам, отдать дань памяти... Было здесь зелено, чистенько, аккуратно. Как в школьном саду...» (Г. Н. Люзина).

Однако в 1980 г. решением Вяземского горисполкома в целях благоустройства города воинское кладбище было уничтожено, часть останков погибших формально была перезахоронена на Фроловское кладбище г. Вязьмы.

После протестов и обращений жителей Вязьмы по поводу сноса в 1980 г. воинских кладбищ было принято постановление администрации Вяземского района от 08.06.1998 г. № 302 «О создании в Вяземском районе мемориальных зон» за подписью главы администрации В. Атрощенко. В реестре мемориальных зон значится и район Красноармейского шоссе. Но только в 2012 г. принимается постановление Вяземской районной администрации о предоставлении муниципальному образованию «Вяземское городское поселение» земельной территории площадью 3970 кв. м по Красноармейскому шоссе, рядом со зданием ж/д СЭС (бывший «лазарет» № 1) для воссоздания мемориальной зоны, «размещения и обслуживания места массового погребения советских воинов, умерших от ран в госпитале».

Но вопрос о восстановлении и благоустройстве мемориальной памятной зоны так и не решен.

Списки военнопленных и мирных граждан, погибших в лазарете № 1 «Дулага-184»

(по неполным Спискам погибших за январь, февраль, март, июль, август, сентябрь, октябрь 1942 г.)

Согласно Спискам умерших в лазарете № 1 советских военнопленных и гражданских лиц, в лазарете № 1 погибло 2372 человека. Из них призванных из России – 1931 человек, из Украины – 251, из Белоруссии – 71, из Казахстана – 47, из Киргизии – 28, из Абхазии – 2, из Армении – 2, из Таджикистана – 4, из Туркменистана – 5, из Азербайджана и Грузии – по 9 человек, из Узбекистана – 13.

Наибольшее количество погибших в лазарете № 1, отмеченных в Списках лазарета № 1, составили призывники Москвы (143 человека), Московской области (124), Тверской области (104), Смоленской области (104), Нижегородской области (74), Республики Башкортостан (69)... Без адреса приведены имена 130 пленников.

Абдулганеев Ахмед, 1900 (Республика Башкортостан)
 Абдулин (Нижегородская область)
 Абдуллин Абдулхак, 1909 (Республика Татарстан)
 Абдульманов Алтарей Абдульманович, 1907 (Республика Башкортостан)
 Абрамов Георгий Ильич, 1901 (Украина)
 Абросимов Семен Иванович, 1907 (Курганская область)
 Абсаматов Акатай (Казахстан)
 Авакумов Е. П. 1921
 Авдеев Иван Тихонович, 1909 (Воронежская область)
 Авдонин Федор Тимофеевич, 1910 (Вологодская область)
 Аверьянов А. М. (Саратовская область)
 Авраменко Артем Семенович, 1909 (Ростовская область)
 Агальцов, 1914 (Саратовская область)
 Агапитов Герман Алексеевич, 1914 (Кировская область)
 Агафонов Алексей Михайлович, 1901 (Белгородская область)
 Агафонов Василий Иванович, 1921 (Московская область)
 Агафонов Михаил Федотович, 1918 (Казахстан)
 Агибалов Георгий Андреевич, 1913 (Саратовская область)

Адамцевич Александр Александрович, 1907 (город Москва)
Азанчеев Петр Борисович, 1896/1902 (город Москва)
Аистов Сергей Лаврентьевич, 1917 (Свердловская область)
Аймединов Шакир (Республика Татарстан)
Акимичев С. П.
Акимов Николай Васильевич, 1914 (Рязанская область)
Акимов П. А., 1919 (город Москва)
Акимов П. Н., 1909 (Владимирская область)
Аксенов Дмитрий Матвеевич, 1898 (Пензенская область)
Акулинин Алек. Васильевич, 1922 (Московская область)
Акулович Иосиф Станиславович, 1919 (Белоруссия)
Алдашков Николай Петрович, 1907 (Орловская область)
Александров Алексей Александрович, 1909 (Чувашская Республика)
Алексеев Алексей Алексеевич, 1924 (Смоленская область)
Алексеев Алексей Сергеевич, 1922 (Тверская область)
Алексеев Б. И.
Алексеев Егор Васильевич, 1908 (Удмуртская Республика)
Алексеев Илья Николаевич, 1910 (Тамбовская область)
Алексеев Константин Николаевич, 1890 (Смоленская область)
Алексеев М. А., 1917 (Ивановская область)
Алексеев Яков Федорович, 1908 (Украина)
Алемасов Прокопий Павлович, 1922 (Тюменская область)
Алехин Василий Александрович, 1916 (Тамбовская область)
Алешин И. А., 1904
Алиев Зубайру, 1906 (Республика Дагестан)
Аликбаев Мингат, 1923 (Оренбургская область)
Аликин Григорий Павлович, 1901 (Пермский край)
Алимов Хасян, 1913 (Нижегородская область)
Алферов Яков Степанович, 1914 (Омская область)
Алымов Николай Афанасьевич, 1924 (город Москва)
Альмяшов Николай Иванович, 1916 (город Москва)
Аминев Бадретдин Мухаметович, 1904/1909 (Республика Башкортостан)
Анацкий Александр Георгиевич, 1912 (Республика Ингушетия)
Андреев Андрей Андреевич, 1917 (Иркутская область)
Андреев Владимир Андреевич, 1926 (Тверская область)
Андреев Захар Андреевич, 1904 (Республика Марий Эл)
Андреев Николай Андреевич, 1897 (Московская область)
Андреев Павел Федорович, 1920 (Новгородская область)
Андреев Спиридон Аникович, 1911 (Тюменская область)
Андреев Степан Иванович, 1904 (Омская область)
Андреев Ф. А. (Смоленская область)
Андрей Степан Андреевич, 1914 (Белгородская область)
Андронов Дмитрий Михайлович, 1909 (Красноярский край)
Андрюков Г. Е. (Самарская область)
Аникин Егор Егорович, 1903 (Московская область)
Аникин Михаил Андреевич, 1907 (Казахстан)
Анисимов Иван Михайлович, 1882 (Московская область)
Аносмаев Павел Михайлович, 1907 (Челябинская область)
Антипов Александр Иванович, 1907 (город Москва)
Антипов Василий Петрович, 1903 (Оренбургская область)
Антонов Г. И., 1900 (Тверская область)
Антонов Георгий Федорович, 1915 (Смоленская область)

Апарин Георгий Сидорович, 1921 (Саратовская область)
Апрелов Иван Николаевич, 1904 (Ярославская область)
Аринин Антон Захарович, 1915 (Липецкая область)
Арсентьев Архип, 1912 (Казахстан)
Арсентьев Петр Арсентьевич, 1907 (Новгородская область)
Арсеньев Михаил Алексеевич, 1905 (Смоленская область)
Артамкин Андрей Ильич, 1916 (Республика Башкортостан)
Артемов Иван Иванович, 1909 (Воронежская область)
Артов Николай Иванович, 1907 (Смоленская область)
Артюхов Захар Петрович, 1910/1916 (Белоруссия)
Артюхов Степан Ильич, 1900 (Белоруссия)
Архипов Иван Ефимович, 1908 (Оренбургская область)
Асауленко Алекс. Иванович, 1922 (Украина)
Аскиназин В. И., 1920
Астратов Сергей Григорьевич, 1919 (Ленинградская область)
Атаков Базар, 1915 (Туркменистан)
Афанасьев Илья Николаевич, 1923 (Украина)
Афанасьев Михаил Алексеевич, 1923 (Тверская область)
Афанасьев Фрол Афанасьевич, 1882 (Смоленская область)
Афиногенов В. И., 1922 (Московская область)
Ахматов Яков Михайлович, 1901 (Воронежская область)
Ахметдян Хашим, 1902 (Республика Татарстан)
Ахметов С. Т., 1922 (Казахстан)
Ахтянов Е., 1911 (Республика Башкортостан)
Ахунбаев Дж., 1924 (Казахстан)
Бабасинов Агоп Габриэлович, 1905 (Ростовская область)
Бабацинский Сергей Алексеевич, 1919 (Тверская область)
Баберня И. Я., (Белоруссия)
Бабин Илья Федорович, 1910 (Новосибирская область)
Бабич Павел Петрович, 1919 (Украина)
Бабушкин Василий Иванович, 1904 (Кировская область)
Баженов Серафим Савельевич, 1919 (Республика Бурятия)
Базар Худай-Назар, 1910/1917 (Туркменистан)
Базаров Антон Федорович, 1911 (Воронежская область)
Базиллов Павел Афанасьевич, 1918 (Свердловская область)
Базлов Михаил Васильевич, 1913 (Ивановская область)
Байгун Турабай, 1918 (Кыргызстан)
Байжигитов Мурзагул, 1922 (Казахстан)
Баклан Никита Илларионович, 1901 (Украина)
Бакуров Спиридон Афанасьевич, 1912 (Воронежская область)
Балакирев Алексей Николаевич, 1925 (Тверская область)
Балаткин Владимир Михайлович, 1924 (Смоленская область)
Балуев Виктор Николаевич, 1924 (город Москва)
Балыков Валентин Васильевич, 1903 (Новосибирская область)
Балясников Е. Т., 1923
Банцинкин В. Ф.
Баньков Прохор Семенович, 1916 (Смоленская область)
Барабанов Вл. Спир..., 1909 (Ярославская область)
Бараев Виктор Николаевич, 1923 (Тверская область)
Баранов Семен Ефимович, 1907 (Кировская область)
Баранов Федор Петрович, 1920 (Брянская область)
Барматов В. А.

Барношенко И. Г., 1911 (Калужская область)
Барышев Василий Иванович, 1904 (Алтайский край)
Басов Илья Григорьевич, 1898 (Ростовская область)
Басыров Шакур Закирович, 1910 (Республика Башкортостан)
Батрон
Батырназаров Сангаджи, 1915 (Кыргызстан)
Батычко Иван Кузьмич, 1913 (Оренбургская область)
Баукин Георгий Иванович, 1909 (Московская область)
Баушкин Василий Миронович, 1916 (Республика Мордовия)
Бахромкин Василий Григорьевич, 1922 (город Москва)
Бахтин Михаил Арсентьевич, 1908 (Кировская область)
Башев Г. К., 1912
Баширов Мурза Батырович, 1902 (Республика Башкортостан)
Башлыков Владимир Ильич, 1910 (Оренбургская область)
Беденко Александр Степанович, 1919 (Украина)
Безруков Ал. Васильевич, 1905 (Воронежская область)
Белаш Мефодий Лукьянович, 1902 (Казахстан)
Беликов Иван Иванович, 1905 (Ставропольский край)
Белобородов Иван Иванович, 1908/1919 (Курганская область)
Белобрицкий Федот Николаевич, 1920 (Ростовская область)
Белов А. В., 1903
Белов В. Т., 1907 (Воронежская область)
Белов Тихон Герасимович, 1905 (Пензенская область)
Белоглазов Андрей Иванович, 1901/1907 (Свердловская область)
Белозеров Николай Львович, 1923 (Московская область)
Белонос Фелипп Герасимович, 1902 (Свердловская область)
Белоус Фелипп Федорович, 1895 (Украина)
Белоусько Петр Авксентьевич, 1906 (Украина)
Беляев Аркадий Иванович, 1902 (Вологодская область)
Беляев Василий Степанович, 1909 (Тамбовская область)
Беляев Гаврил Иванович, 1914 (город Москва)
Беляев М. С. (город Москва)
Беляев Павел Семенович, 1903 (город Москва)
Беляев С. Г. (Республика Карелия)
Беляков Алексей Николаевич, 1911 (Тверская область)
Беляков Леонид Викторович, 1919 (Ивановская область)
Белянин Владимир Дмитриевич, 1905 (Оренбургская область)
Бененсон Оскар Григорьевич, 1913 (город Москва)
Березин Павел Михайлович, 1907 (Нижегородская область)
Березняков Н. С.
Береснев Василий Федорович, 1915 (Кировская область)
Береснев Петр Васильевич, 1900 (Кировская область)
Берташ
Беспалов Николай Сергеевич, 1923 (Пензенская область)
Бикмаев Атаул, 1903/1907 (Владимирская область)
Бирюков Петр Иванович, 1923 (Московская область)
Бисикало Петр Емельянович, 1903/1911 (Украина)
Близнюков Максим Николаевич, 1910 (Белгородская область)
Блинов Борис Васильевич, 1918 (Кировская область)
Блохин Алексей Степанович, 1903 (Московская область)
Блохин З. Е., 1901
Блохин Михаил Петрович, 1918 (Рязанская область)

Блыскин Федор Ефимович, 1898 (Рязанская область)
Бобин Александр Иванович, 1910 (Нижегородская область)
Боболев Федор Николаевич, 1905 (Томская область)
Бобров Николай Мамонтович, 1908 (Удмуртская Республика)
Богатов Иван Васильевич, 1902/1907 (Украина)
Богачев Василий Александрович, 1915 (Костромская область)
Богачев Дмитрий Павлович, 1912 (Ставропольский край)
Богданов Давид Пахомович, 1915 (Брянская область)
Богданов Ефим Германович, 1905 (Украина)
Бодунов Николай Семенович, 1919 (Украина)
Боженев Е. Е., 1911 (Красноярский край)
Бойко Иван Трофимович, 1903 (Украина)
Бойков Алекс. Алекс, 1911 (город Москва)
Бокай Л., 1900 (Рязанская область)
Болотников Григорий Васильевич, 1912 (Омская область)
Болотов Иван Павлович, 1923 (Челябинская область)
Болотов Федор Григорьевич, 1898 (Нижегородская область)
Больбат Иван Протасович, 1893 (Украина)
Большенов Н. Н., 1920 (Ярославская область)
Бондарев Иван Егорович, 1908 (Белгородская область)
Бондаренко В. Ф., 1923
Бондаренко Иван Демьянович, 1912 (Воронежская область)
Бондаренко Сергей Иванович, 1912 (Украина)
Бондатьяк А. Ф., 1903 (Белгородская область)
Борзенко, 1897 (Московская область)
Борзов Алексей Порфирьевич, 1905 (Ивановская область)
Борисенко Даниил Владимирович, 1907 (Оренбургская область)
Борисов Ефим Иванович, 1902 (Владимирская область)
Борисов Иван Степанович, 1899 (Нижегородская область)
Борко Николай Иванович, 1912 (Украина)
Боровин С. П., 1912 (Украина)
Борович Д. М.
Бороденко Алексей Егорович, 1914 (Брянская область)
Борщ Павел Иванович, 1917 (Украина)
Борщев Василий Иванович, 1914 (Украина)
Боряев Семен Иванович, 1898 (Нижегородская область)
Бословяк Никита Федорович, 1914 (Брянская область)
Ботякин И. О.
Бочаров Б. А., 1923 (Тверская область)
Бочаров Михаил Сергеевич, 1910 (Московская область)
Бочкарев Павел Ильич, 1910 (Республика Башкортостан)
Бочкарев Федор Григорьевич, 1901 (Ульяновская область)
Бояршинов Степан Андреевич, 1904/1907 (Пермский край)
Брагин Александр Федорович, 1898 (Костромская область)
Братищев Тимофей Афанасьевич, 1897 (Челябинская область)
Брильчук Аким Игнатьевич, 1921 (Украина)
Брызгалов Михаил Максимович, 1901 (Красноярский край)
Брянцев Федор Григорьевич, 1903 (Белгородская область)
Бугрин Александр Степанович, 1900 (Пермский край)
Буданов Иван Савельевич, 1913 (Саратовская область)
Будков В. П., 1910 (Белгородская область)
Був Павел Михайлович, 1905 (Вологодская область)

Буев Степан Григорьевич, 1910 (Кировская область)
Бузин (Липецкая область)
Бузынин Михаил Федорович, 1914 (Рязанская область)
Буканов Иван Никитич, 1902 (Московская область)
Букин Константин Яковлевич, 1898 (Московская область)
Булавкин Владимир Степанович, 1908 (Омская область)
Булатов Павел Николаевич, 1920 (Республика Крым)
Булатов Семен Алексеевич, 1892 (Новгородская область)
Булганов П. М., 1914 (Украина)
Булетов Иван Федорович, 1909 (Казахстан)
Бунеев Петр Константинович, 1906 (Саратовская область)
Буратов Юлдаш, 1918/1922 (Узбекистан)
Бурдин (Ярославская область)
Бурдман М. М.
Бурдюгов Василий Яковлевич, 1920 (Волгоградская область)
Буржинский Тимофей Иосифович, 1907 (Калужская область)
Бурлачко Артемий Захарович, 1913 (Челябинская область)
Буров Александр Романович, 1898 (Рязанская область)
Буров Анатолий Иванович, 1920 (Архангельская область)
Бурсаков М. М., 1921 (Краснодарский край)
Бутмистров Сер. Сер., 1914 (Белоруссия)
Бухаленков Александр Степанович, 1921 (Чувашская Республика)
Бушуев Павел Дмитриевич, 1907 (Новосибирская область)
Быков Александр (Смоленская область)
Быков Алексей Архипович, 1901 (Свердловская область)
Быков Герасим Григорьевич, 1915 (Пензенская область)
Быков Илья Матвеевич, 1909 (Узбекистан)
Быков Семен Семенович, 1906 (Смоленская область)
Бырянов И. Т. (Ярославская область)
Бычков Дмитрий Александрович, 1907 (Курская область)
Бычков Сергей Никифорович, 1906 (Владимирская область)
Вагин Иван Иванович, 1894 (Тверская область)
Валиев Гал., 1913 (Республика Башкортостан)
Валиуллин Хадый, 1895 (Рязанская область)
Валиуллин Хадый, 1898 (Республика Башкортостан)
Валов Василий Петрович, 1914 (город Москва)
Варавин Алексей Григорьевич, 1899/1903 (Алтайский край)
Варанкин Андрей Евстигнеевич, 1912 (Кировская область)
Василевич Мечислав Петрович, 1910 (Белоруссия)
Василенко И. В.
Василенко Николай Степанович, 1916 (Белоруссия)
Василенко Федор Тимофеевич, 1905 (Республика Адыгея)
Василенко Фома Васильевич, 1904 (Нижегородская область)
Василь Н. И. (Тверская область)
Васильев Алек. Васильевич, 1896 (Тверская область)
Васильев В. И., 1900 (город Москва)
Васильев Василий Ник., 1919 (Смоленская область)
Васильев М. С.
Васильев Павел Иванович, 1911/1914 (Курганская область)
Васильков Парф. Иванович, 1900 (Белоруссия)
Васин Дмитрий Трофимович, 1907 (город Москва)
Васютин Иван Назарович, 1923 (Воронежская область)

Вахрушев Кузьма Васильевич, 1901 (Удмуртская Республика)
Вахтеров Д. Р., 1904 (Московская область)
Вдовин Павел Степанович, 1915 (Кировская область)
Ведерников Яков Ст., 1906 (Свердловская область)
Велижанцев, 1908 (Омская область)
Венжега Константин Иванович, 1910 (Алтайский край)
Веретенников Иван Васильевич, 1903 (Белгородская область)
Веселов Григорий Неофитович, 1907 (Республика Марий Эл)
Веселкин Прокофий Родионович, 1907 (Челябинская область)
Ветошкин Александр Платонович, 1920 (Республика Коми)
Викотов Иван Антипович, 1910 (Украина)
Вилесов Филипп Никитович, 1902 (Пермский край)
Вильи́й Дмитрий Петрович, 1909 (Ставропольский край)
Виноградов Иван Емельянович, 1920 (Рязанская область)
Витебский Ар. Григорьевич, 1891 (Украина)
Вишняков Александр Петрович, 1898/1903 (Тверская область)
Вишняков Леон. Дмитриевич, 1919 (Украина)
Владимиров Василий Егорович, 1905 (город Москва)
Власенко Афанасий Егорович, 1902 (Белоруссия)
Власенко Иван Александрович, 1906 (Украина)
Власенко Ф. Е., 1900 (Кыргызстан)
Власенко Федор Павлович, 1921 (Краснодарский край)
Власкин Николай Дмитриевич, 1906 (Рязанская область)
Власов Леонид Петрович, 1907 (город Москва)
Власов Михаил Родионович, 1908 (Красноярский край)
Власов Павел Максимович, 1910 (Украина)
Внуков Кузьма Леонтьевич, 1893/1905 (Орловская область)
Вовк П. Ф., 1919 (Ставропольский край)
Войнаровский Бронислав Францевич, 1920 (Украина)
Войтенко Леонтий Васильевич, 1911 (Украина)
Волков Василий Исаевич, 1909 (Удмуртская Республика)
Волков Николай Иванович, 1918 (город Москва)
Волбуев Тимофей Федорович, 1903 (Курская область)
Вологжанин Федор Миронович, 1907 (Кировская область)
Волынцев Григорий Васильевич, 1897 (Томская область)
Воробель Кирилл Дмитриевич, 1917 (Украина)
Воробьев Иван Павлович, 1895 (Смоленская область)
Воронин Константин Семенович, 1923 (Украина)
Воронин Федор Александрович, 1910 (Кировская область)
Воронин Яков Захарович, 1909 (Курская область)
Воронков Серафим Петрович, 1915 (Тамбовская область)
Воронов Федор Егорович, 1896 (Тверская область)
Воронов Федор Яковлевич, 1901 (Новосибирская область)
Воронцов Геннадий Степанович, 1908 (Костромская область)
Воронцов Михаил Павлович, 1893 (город Москва)
Воропаев Николай Сергеевич, 1906 (Воронежская область)
Вохминцев Иван Яковлевич, 1909 (Нижегородская область)
Врубаевский Петр, 1907 (Украина)
Всеволодов Иван Петрович, 1906 (Кировская область)
Выскуб В. М.
Высоцкий Илья Леонтьевич, 1902/1911 (Омская область)
Высоцкий Павел Мартынович, 1904 (Кемеровская область)

Вычегин Василий Федорович, 1918 (Пермский край)
Вычугжанин Илья Федорович, 1902 (Кировская область)
Вьюник Моисей Григорьевич, 1911 (Украина)
Вядиров А. Я., 1920 (Свердловская область)
Вязников Петр Федорович, 1913 (Смоленская область)
Вяткин Александр Михайлович (Удмуртская Республика)
Вяткин Иван Антонович, 1904 (Новосибирская область)
Габдуллин Габдерауф Габдуллоевич, 1920 (Республика Татарстан)
Гаврилов А. И., 1917 (Свердловская область)
Гаврилов Алексей Иванович, 1921 (город Москва)
Гаврилов Василий Дем., 1901 (Волгоградская область)
Гаврилов Иван Григорьевич, 1915 (город Москва)
Гаврилов Степан Иванович, 1901 (Республика Мордовия)
Гаврилов Федор Алексеевич, 1899 (Московская область)
Гаврилов Федор Михайлович, 1906 (Московская область)
Гагарин Кузьма Иванович, 1902 (Удмуртская Республика)
Гадюка Павел Варфоломеевич, 1918 (Украина)
Газизов Каюм Газизович, 1909/1915 (Республика Татарстан)
Гайдуков Андрей Николаевич, 1909 (Смоленская область)
Гайнетдинов
Гайсин Закир Низалович, 1916 (Оренбургская область)
Галеев Газиз, 1907 (Республика Башкортостан)
Галий Мор., 1911 (Таджикистан)
Галкин Александр Иванович, 1913 (Липецкая область)
Галкин Василий Иванович, 1906 (Республика Мордовия)
Галкин Константин Яковлевич, 1915 (Ивановская область)
Галкин Пантелей Дмитриевич, 1918 (Красноярский край)
Галкин Тимофей Тимофеевич, 1915 (Украина)
Галошин Петр Александрович, 1907 (Тюменская область)
Галынчик Михаил Филимонович, 1913 (Белоруссия)
Гальцов И. Н.
Галяков Петр Арсентьевич, 1922 (Тверская область)
Гамзюков Илья Леонтьевич, 1908 (Алтайский край)
Ганичев Григорий Иванович, 1912 (Псковская область)
Гараев Гумер, 1901 (Республика Башкортостан)
Гараев Павел Александрович, 1914 (Оренбургская область)
Гаранцев Василий Алексеевич, 1901 (Костромская область)
Гарбузов Семен Александрович, 1914 (Белоруссия)
Гарифуллин Хасан Гарифуллович, 1915 (Республика Татарстан)
Гаршинов Григорий Григорьевич, 1903 (Казахстан)
Гафуров Абдул Латип, 1910 (Нижегородская область)
Гашкин И. Ф., 1900 (Орловская область)
Гвардейцев Иван Васильевич, 1925 (Тверская область)
Гвозденко Михаил Моисеевич, 1900 (Воронежская область)
Генкин Аркадий Маркович, 1903 (Украина)
Герасименко Иван Васильевич, 1920 (Украина)
Герасимов Василий Андреевич, 1897 (Тульская область)
Гетманов Трофим Алексеевич, 1915 (Свердловская область)
Гетманский Михаил Иванович, 1903 (Воронежская область)
Гетманчук Семен Еремеевич, 1916 (Украина)
Гетмишов М. Т., 1913 (Кабардино-Балкарская Республика)
Гибабдулин Хабир Габдулович, 1910 (Республика Башкортостан)

Гилазетдинов Низ. (Республика Татарстан)
Гимранов Галимзян Шакирович, 1916 (Тюменская область)
Гиниятуллин Хайрулла Файзуллович, 1910/1913 (Республика Башкортостан)
Глазков Гавриил Лукьянович, 1908 (Республика Башкортостан)
Глуховцев Николай Ермолаевич, 1901/1914 (город Москва)
Глушков Иван Маркович, 1902 (Воронежская область)
Глуценко Василий Нестерович, 1905 (Украина)
Гнева Василий Петрович, 1913 (Украина)
Гнутов Ефим Васильевич, 1905 (Ростовская область)
Говолев М. Т.
Гогин Григорий Степанович, 1912 (Свердловская область)
Гоглачев Григорий Федорович, 1903 (Курганская область)
Годунов Василий Артемьевич, 1907/1914 (Московская область)
Головачев Кузьма Васильевич, 1912 (Курская область)
Головнюк Як. Ар., 1921 (Украина)
Голубев Иван Дмитриевич, 1904 (Тверская область)
Гомеров Борис Владимирович, 1906 (Иркутская область)
Гончаренко
Гончарик Вл. Ал., 1906 (Белоруссия)
Горбунов Андрей Кириллович, 1906 (Новосибирская область)
Горбунов Борис Григорьевич, 1924 (Московская область)
Горбылев Василий Павлович, 1915 (Смоленская область)
Гордиенко Д. Г., 1905 (Украина)
Горев Ал. Ник., 1913 (Нижегородская область)
Горев Иван Петрович, 1916 (Тульская область)
Горелов, 1912
Горечкин Илья Самсонович, 1898 (Саратовская область)
Горин Г. И. (Украина)
Горин И. Я. (Тверская область)
Горинаров Халит, 1916 (Республика Башкортостан)
Горланов Егор Михайлович, 1906 (Курганская область)
Горлов Иван Петрович, 1923 (Брянская область)
Городов Сергей Павлович, 1921 (Белгородская область)
Горох Василий Григорьевич, 1918 (Украина)
Горский Александр Михайлович, 1911 (Тверская область)
Горцев Иван Васильевич, 1909/1914 (Ростовская область)
Горчаков Геронтий Степанович, 1923 (Чувашская Республика)
Горшков Михаил Павлович, 1914 (Тверская область)
Горюшан Алексей Тимофеевич, 1914 (Омская область)
Гоцумей Ив. М., 1908 (Украина)
Грабовый Кирилл Григорьевич, 1893/1898 (Украина)
Гралубоев С.
Гребенщиков Иван Афанасьевич, 1910 (Кыргызстан)
Гребенкин Константин Денисович, 1918 (Белгородская область)
Гребенкин Михаил Матвеевич, 1907 (Белгородская область)
Гребнев Федор Федорович, 1898 (Казахстан)
Гречин Мих. Ан., 1911 (Кыргызстан)
Гречишников Макар Лаврентьевич, 1908 (Пензенская область)
Гриб Иван Савельевич, 1923 (Белоруссия)
Грибков Николай Александрович, 1914 (город Москва)
Григораш Василий Иванович, 1920 (Украина)
Григорчук Иван Лукьянович, 1920 (Украина)

Григорьев А. Л., 1912 (Оренбургская область)
Григорьев Егор Григорьевич, 1912 (Чувашская Республика)
Григорьев Егор Иванович, 1897 (Челябинская область)
Григорьев Иван Григорьевич, 1900 (Чувашская Республика)
Григорьев Федор Григорьевич, 1922 (Новгородская область)
Гридин Николай Васильевич, 1909 (Кировская область)
Гриднев Алексей Кузьмич, 1909 (Московская область)
Грицевич Иван, 1903 (Белоруссия)
Грицко Дмитрий Григорьевич, 1900 (Белоруссия)
Гришин Алексей Тихонович, 1900 (Орловская область)
Гришин Михаил Клавдиевич, 1911 (Воронежская область)
Гришин Николай Иванович, 1922 (Рязанская область)
Гротовский А. Н., 1917
Грозов К. Х., 1902 (Республика Татарстан)
Громов Павел Егорович, 1898 (Рязанская область)
Грошевский Анисим Васильевич, 1900 (Кемеровская область)
Груздев Л. В., 1918 (город Москва)
Груздев Николай Николаевич, 1917 (Нижегородская область)
Грузинский Иван Александрович, 1909 (Московская область)
Грязнов Сергей Петрович, 1893 (Омская область)
Губанов А. В., 1912 (Московская область)
Губанов Василий Филиппович, 1911 (Республика Башкортостан)
Губенко Федор Афанасьевич, 1905 (Украина)
Гудков Иван Спиридонович, 1903/1912 (Московская область)
Гудков Петр Алексеевич, 1925 (Московская область)
Гужов Степан Венедиктович, 1904 (Курганская область)
Гульев Василий Иванович, 1903 (Смоленская область)
Гуркович И. И., 1914 (Смоленская область)
Гусак Яков Семенович, 1919 (Украина)
Гусев Александр Григорьевич, 1909 (Ярославская область)
Гусев Алексей Дмитриевич, 1912 (город Москва)
Гусев Григорий Васильевич, 1902 (Рязанская область)
Гусев Иван Ерофеевич, 1909 (Владимирская область)
Гусев Ник. Анд., 1919 (Казахстан)
Гусев Разум Яковлевич, 1914 (Пермский край)
Гусев Сергей Яковлевич, 1910 (Московская область)
Гуськов Николай Павлович, 1907 (город Москва)
Гут Федор Гаврилович, 1907 (Белоруссия)
Гутов Николай Родионович, 1906 (Украина)
Гуянов Иван Фомич, 1918 (Смоленская область)
Дабаев В. Г., 1905 (Республика Башкортостан)
Давыдов Борис Тимофеевич, 1912 (Волгоградская область)
Давыдов Владимир Васильевич, 1922 (Тверская область)
Давыдов Григорий Яковлевич, 1922 (Пензенская область)
Данилин П. Мих., 1917 (Тверская область)
Данилин Яков Константинович, 1914 (Красноярский край)
Данилов Алек. Сид., 1919 (Рязанская область)
Данилов Алек. Тимофеевич, 1913 (Московская область)
Данченко Константин Алексеевич, 1915 (Саратовская область)
Дараков Дмитрий Иванович, 1920 (Украина)
Даричев В. П.
Даутов Муса Гайсинович, 1904 (Республика Башкортостан)

Дашко Федор Дмитриевич, 1908 (Кыргызстан)
Дворников Павел Иванович, 1895 (город Москва)
Девятьяров Григорий Васильевич, 1900 (Кировская область)
Дедков Самсон Федорович, 1892 (город Москва)
Дедов Марк Емельянович, 1906 (Украина)
Деев Николай Николаевич, 1914 (город Москва)
Дементьев Алексей Иванович, 1921 (Тверская область)
Дементьев Андрей Николаевич, 1904 (Красноярский край)
Демешкин Александр Корнилович, 1912 (Курганская область)
Демитраш И. Я., 1910 (Украина)
Демченко Алексей Андреевич, 1908 (Украина)
Демченко Павел, 1918 (Орловская область)
Денисенко Семен Харитонович, 1901 (Украина)
Денисов Куприян Тимофеевич, 1900/1906 (Казахстан)
Денисов Ник. Васильевич, 1907 (Республика Татарстан)
Дербин Иван Алексеевич, 1902 (Ярославская область)
Дербышев Василий Александрович, 1907 (Свердловская область)
Дерюшев Григорий Иванович, 1903 (Удмуртская Республика)
Дерябин В. Е., 1907
Дерябин Сергей Андреевич, 1908 (Новосибирская область)
Демин Георгий Захарович, 1918 (Орловская область)
Джумабеков Ную, 1907 (Иркутская область)
Джумбаев Гарай, 1907 (Казахстан)
Джумбаев Серпай, 1896 (Казахстан)
Дзюба Афанасий Савельевич, 1918 (Красноярский край)
Дикарев Михаил Ефимович, 1902 (Липецкая область)
Дмитренко Н. М.
Дмитриев Алексей Гаврилович, 1910 (Саратовская область)
Дмитриев Александр Николаевич, 1916 (Саратовская область)
Дмитриев Федор Константинович, 1915 (Самарская область)
Добреля Е. (В.) С, 1901 (Брянская область)
Добролюбов Николай Николаевич, 1922 (Московская область)
Долгих Трофим Евграфович, 1902 (Липецкая область)
Долиянц Иосиф Саркисович, 1908 (Грузия)
Домашев Иван Петрович, 1909 (Кыргызстан)
Домрачев Алексей Ефимович, 1911 (Курганская область)
Домрачев Андрей Кузьмич, 1903 (Республика Марий Эл)
Донцов Петр Федорович, 1922 (Чеченская Республика)
Доронин Василий Алексеевич, 1912 (Самарская область)
Доротько Иван Иванович, 1907/1917 (Украина)
Дорофеев Дмитрий Яковлевич, 1916 (Липецкая область)
Дорофеев Иван Егорович, 1904 (Московская область)
Доценин Лавр Федорович, 1884 (Смоленская область)
Дралин Александр Дмитриевич, 1905 (Ульяновская область)
Дранников Василий Сергеевич, 1921 (Московская область)
Дробышев Константин Филиппович, 1906 (Воронежская область)
Дроздов Е. П., 1921
Дронин Алексей Васильевич, 1905 (Ульяновская область)
Дронов Григорий Федорович, 1905 (Республика Башкортостан)
Дружинин Иван Тимофеевич, 1904 (Тамбовская область)
Дубик Гаврил Павлович, 1905 (Украина)
Дубинин Филипп Сергеевич, 1910 (Кемеровская область)

Дубровский Константин Михайлович, 1913 (Калужская область)
 Дубровский Серафим Александрович, 1910 (Казахстан)
 Дудин Аркадий Семенович, 1909 (Пермский край)
 Дуткин С. Я. (Воронежская область)
 Дутов Кузьма Степанович, 1907 (Белгородская область)
 Душенко Федор Иванович, 1911 (Украина)
 Душин Георгий Иванович, 1917 (Кировская область)
 Душкин Петр Денисович, 1906 (Воронежская область)
 Дьяконов Семен Иванович, 1903 (Кемеровская область)
 Дьяченко Николай Григорьевич, 1906/1914 (Алтайский край)
 Дьяченко Н. И. (Курская область)
 Дьяченко Павел Иванович, 1911 (Украина)
 Дюбкачев Александр Евсеевич, 1914 (Белоруссия)
 Дядюра Федор Степанович, 1905 (Украина)
 Дякин Илья Сергеевич, 1911 (Тамбовская область)
 Дятлов П. П.
 Евдокимов К. И.
 Евсеев Иван Алексеевич, 1902 (Московская область)
 Евстигнеев Иван Николаевич, 1902 (Самарская область)
 Евфарестов Петр Афанасьевич, 1891 (Смоленская область)
 Егоров Александр Иванович, 1921 (Курганская область)
 Егоров Александр Терентьевич, 1921 (Казахстан)
 Егоров Григорий Степанович, 1908 (Костромская область)
 Егоров Егор Федорович, 1915 (Тверская область)
 Егоров Степан Семенович, 1913 (Ивановская область)
 Ежков Семен Власович, 1900 (город Москва)
 Ежов Василий Леонидович, 1910 (Республика Татарстан)
 Ежов Никита Андреевич, 1910 (Пензенская область)
 Ежов Сергей Иванович, 1916 (Нижегородская область)
 Елисеев Александр Васильевич, 1911 (Кыргызстан)
 Елисеев Иван Васильевич, 1922 (Смоленская область)
 Елистахов
 Елмашев Вениамин Никитович, 1923 (Удмуртская Республика)
 Еловилов Василий Константинович, 1906 (Тверская область)
 Емельянов Андрей Ефимович, 1909 (Калужская область)
 Емельянов Григорий Емельянович, 1901 (Республика Татарстан)
 Емельянов Петр Яковлевич, 1903 (Республика Татарстан)
 Емец Николай Александрович, 1908 (Омская область)
 Емошин Ф. И., 1911 (Белоруссия)
 Емшанов Анатолий Сергеевич, 1907 (Удмуртская Республика)
 Ендальцев Николай Георгиевич, 1914 (Кировская область)
 Енин Николай Григорьевич, 1899/1910 (Омская область)
 Епиров Фрол Андреевич, 1912 (Республика Башкортостан)
 Ерганджиев Нерсис Тарасович, 1901 (Московская область)
 Еремеев Иван Данилович, 1909/1916 (Свердловская область)
 Еременко Николай Павлович, 1918 (Украина)
 Ермаков Александр Михайлович, 1905 (Удмуртская Республика)
 Ермаков Алексей Данилович, 1901 (Алтайский край)
 Ермаков Григорий Данилович, 1902 (город Москва)
 Ермаков Конон Иванович, 1894 (Белоруссия)
 Ермаков Максим Феоктистович, 1917/1920 (Украина)
 Ермилов Александр Алексеевич, 1904 (Московская область)

Ермолаев Алексей Тимофеевич, 1903 (Тамбовская область)
Ермолаев Арсентий Ермолаевич, 1909 (Чувашская Республика)
Ермолаев Николай Миронович, 1905 (Красноярский край)
Ершов Иван Николаевич, 1909 (Курганская область)
Ершов С. А., 1905 (город Москва)
Есяян Сережа Хачатурович, 1920 (Армения)
Ефанов Алексей Федорович, 1922 (Липецкая область)
Ефимов Даниил Васильевич, 1911 (Воронежская область)
Ефимов Павел Ефимович, 1911 (Псковская область)
Ефремов Иван Александрович, 1900/1910 (Республика Башкортостан)
Ефремов Николай Михайлович, 1914 (Владимирская область)
Жадан Р. С.
Жандаров Яков Федорович, 1922 (Смоленская область)
Жданов Дорофей Давидович, 1902 (Московская область)
Жевагин Семен Дмитриевич, 1922 (Казахстан)
Жевлаков Федор Еф., 1921 (Курганская область)
Желтухин Федор Васильевич, 1911 (Воронежская область)
Живов Павел Ефимович, 1899 (Тверская область)
Живцов Пантелей Петрович, 1911 (Украина)
Жигулин Алексей Петрович, 1916 (Липецкая область)
Жиленко Михаил Федорович, 1911 (Омская область)
Жилин Никита Феокистович, 1899 (город Москва)
Жилинская Людмила Николаевна, 1891 (Новосибирская область)
Жильцов В. И., 1919 (город Москва)
Жильцов Иван Андреевич, 1912 (Смоленская область)
Житник Никифор Васильевич, 1905 (Украина)
Житник Степан Иванович, 1921 (Украина)
Жубанов Рысбай, 1919 (Казахстан)
Жуков Анатолий Васильевич, 1909 (Ивановская область)
Жуков Н. А., 1912 (Владимирская область)
Журавин Игорь Ал., 1922 (Вологодская область)
Журавлев Андрей Алексеевич, 1906 (Смоленская область)
Журавлев Андрей Степанович, 1897 (Московская область)
Журавлев Иван Васильевич, 1900 (Орловская область)
Журавлев Иван Петрович, 1907 (Туркменистан)
Журавлев Яков Т. (Омская область)
Журихин Иван Григорьевич, 1900 (Воронежская область)
Журкин И. П., 1903 (Томская область)
Жучкин Иван Егорович, 1899 (Республика Башкортостан)
Заболотный И. В., 1907 (Украина)
Забродин
Завадский Евстафий Васильевич, 1900 (Украина)
Завьялов Василий Иванович, 1896 (Омская область)
Завьялов Михаил Михайлович, 1908 (город Москва)
Завьялов Сер. Евд., 1908 (Тверская область)
Загоринский Александр Трофимович, 1902 (Самарская область)
Загоруйко Трофим Захарович, 1921 (Украина)
Задорожный В. О., 1907 (Тульская область)
Задуба Дмитрий Тимофеевич, 1906 (Украина)
Заев И. Е., 1919 (Белгородская область)
Заимских Иван Павлович, 1907 (Свердловская область)
Зайцев, 1907 (Нижегородская область)

Зайцев Ал. Ал., 1911 (Ярославская область)
Зайцев Михаил Иванович, 1923 (город Москва)
Зайцев Павел Александрович, 1911 (Смоленская область)
Закиев Тариф, 1910 (Республика Татарстан)
Закуткин Александр Иванович, 1914 (город Москва)
Закутский Николай Петрович, 1918 (Белгородская область)
Заломов Семен Петрович, 1913 (город Москва)
Заломушкин Николай Федорович, 1918 (Московская область)
Залукаев Михаил Емельянович, 1911 (Тамбовская область)
Заморин Алексей Николаевич, 1901 (Костромская область)
Запорожец Иван Яковлевич, 1910 (Украина)
Зараменских Григорий Михайлович, 1904 (Кировская область)
Зарешан (Зерадин), 1910
Заренов Ибрагим, 1909 (Республика Татарстан)
Зарубин Николай Филиппович, 1896 (Тверская область)
Зарубин Фадей Алексеевич, 1894 (Алтайский край)
Заруцкий Константин Артемович, 1912 (Ростовская область)
Заткин Степан Дмитриевич, 1908 (Пензенская область)
Захаров
Захаров Арташес Григорьевич, 1908 (Грузия)
Захаров Владимир Григорьевич, 1920 (Ивановская область)
Захаров М. Ф., 1919 (город Москва)
Захаров П. П., 1901 (Тульская область)
Захаров-Пугачев Михаил Алексеевич, 1915 (Нижегородская область)
Зацепин Тимофей Иосифович, 1906 (Липецкая область)
Заярный Василий Филиппович, 1917 (Ростовская область)
Зверев Алексей Васильевич, 1913/1917 (Саратовская область)
Зверев Афанасий Григорьевич, 1905 (Саратовская область)
Звягин, 1918 (Самарская область)
Здутов Павел Лукич, 1920 (Хабаровский край)
Зеленев Михаил Кириллович, 1909 (Липецкая область)
Зеленый Степан Борисович, 1904 (Алтайский край)
Зенин Дмитрий Михайлович, 1915 (Нижегородская область)
Зенкин Тимофей Васильевич, 1903 (Рязанская область)
Зенков Андрей Евстафьевич, 1916 (Ростовская область)
Зенков Николай Яковлевич, 1910 (Саратовская область)
Зенов Сергей Ильич, 1912 (Тамбовская область)
Зимеев Василий Дмитриевич, 1900 (Республика Марий Эл)
Зимин М. И., 1901 (Чувашская Республика)
Зиновьев Григорий Андреевич, 1911 (Смоленская область)
Зиновьев Михаил Кириллович, 1899 (Тверская область)
Злобин П. А., 1909 (Новосибирская область)
Золотарев Николай Николаевич, 1914 (город Москва)
Золотов Иван Семенович, 1913 (Московская область)
Золотухин О. З.
Зольников Иван Степанович, 1909 (Пензенская область)
Зорин Владимир Николаевич, 1923 (Чувашская Республика)
Зорков Иван Терентьевич, 1891/1902 (Самарская область)
Зотов Александр Антонович, 1902 (Липецкая область)
Зотов Василий Иванович, 1905 (Владимирская область)
Зотов Ефим Васильевич, 1908 (Рязанская область)
Зотов Николай Иванович, 1919 (Республика Мордовия)

Зотьянов Владимир Николаевич, 1912 (Тульская область)
 Зуб Василий Петрович, 1911 (Ставропольский край)
 Зубарев Александр Петрович, 1906 (Алтайский край)
 Зубков, 1910 (Свердловская область)
 Зубков Петр Андреевич, 1919 (Рязанская область)
 Зубов Вл. Ефр., 1897 (Тверская область)
 Зуев К. И., 1916 (Московская область)
 Зырянов Николай Иванович, 1906 (Казахстан)
 Зырянов Яков Михайлович, 1904 (Тюменская область)
 Зюзин Николай Дмитриевич, 1908 (Московская область)
 Зябликов Дмитрий Яковлевич, 1900/1915 (Калужская область)
 Ибриев Максим Григорьевич, 1899 (Республика Мордовия)
 Иванищев Евдоким Евдокимович, 1907 (Кыргызстан)
 Иванов, 1910 (город Москва)
 Иванов А., 1920 (Казахстан)
 Иванов Ал. Иванович, 1906 (Псковская область)
 Иванов Александр Семенович, 1912 (Тюменская область)
 Иванов Борис Александрович, 1921 (Липецкая область)
 Иванов Василий Георгиевич, 1901 (город Москва)
 Иванов Георгий Федорович, 1909 (Курганская область)
 Иванов Иван Александрович, 1908 (Тверская область)
 Иванов Иван Никифорович, 1914 (Украина)
 Иванов Игнат Николаевич, 1921 (Республика Коми)
 Иванов П. А., 1910 (Украина)
 Иванов П. З., 1903 (Ленинградская область)
 Иванов Петр Иванович, 1911 (Республика Башкортостан)
 Иванов Петр Николаевич, 1921 (Псковская область)
 Иванов Петр Федорович, 1906 (Курганская область)
 Иванов С. И., 1901 (Самарская область)
 Иванов Семен Петрович, 1900/1920 (Кемеровская область)
 Иванов Т. И., 1904 (Московская область)
 Иванов Фед. Иванович, 1908 (Тверская область)
 Иваненко Георгий Ефимович, 1910 (Новосибирская область)
 Иванцов Иван Иванович, 1894/1902 (Курская область)
 Иванченко Иван Маркович, 1913 (Украина)
 Иванюшин Тимофей Ильич, 1910 (Брянская область)
 Ивахненко Сер. Семенович, 1903 (Украина)
 Ивлев Василий Ал., 1920 (Смоленская область)
 Игнатов
 Игнатов Николай Степанович, 1900 (Белгородская область)
 Игумнов Иван Афанасьевич, 1921 (Республика Бурятия)
 Игумнов Семен Филиппович, 1903 (Рязанская область)
 Извеков Д. С., 1920 (Орловская область)
 Икуленко Григорий Семенович, 1900 (Украина)
 Ильин Александр Алексеевич, 1911 (Нижегородская область)
 Ильин Алексей Николаевич, 1891 (Московская область)
 Ильин Григорий Иванович, 1907 (Украина)
 Ильин Иван Степанович, 1899 (Тверская область)
 Ильин Иван Филиппович, 1916 (Псковская область)
 Ильин Михаил Петрович, 1924 (Московская область)
 Ильин Никита Андреевич, 1914 (Томская область)
 Ильченко Николай Гаврилович, 1916 (Украина)

Имамов Шамсут, 1913 (Курская область)
Ипатов Михаил Иванович, 1900/1909 (Удмуртская Республика)
Ипполитов Василий Григорьевич, 1896 (Московская область)
Ипполитов Сер. С, 1903 (Московская область)
Исаев Иван Егорович, 1926 (Смоленская область)
Исаков Касьян, 1900 (Воронежская область)
Исламов Алексей Семенович, 1909 (Республика Мордовия)
Исокин Александр Николаевич, 1914 (Тверская область)
Исупов Аркадий Васильевич, 1918 (Кировская область)
Исупов Сергей Трофимович, 1910 (Пермский край)
Исхаков Шакир Зиннурович, 1916 (Республика Башкортостан)
Ичан Ф. И., 1906 (Курская область)
Ищенко Иван Павлович, 1914 (Украина)
Кабанов
Кабанов Александр Иванович, 1910 (Московская область)
Кабанов Николай Иванович, 1907 (Курская область)
Кабанов Николай Иванович, 1914 (Белоруссия)
Кавчинко Иван Захарович, 1906 (Воронежская область)
Кадочников Павел Карпович, 1900 (Тюменская область)
Кадочников Петр Герасимович, 1906 (Свердловская область)
Кадышев Иван Васильевич, 1923 (Пензенская область)
Казаков Иван Васильевич, 1890 (Смоленская область)
Казенцев А. К., 1909 (Алтайский край)
Казанцев Анатолий Дементьевич, 1913 (Новосибирская область)
Казбаев Ергаш, 1919 (Узбекистан)
Казулин Н. Ф., 1906 (Белоруссия)
Кайдин Устин Иванович, 1913 (Украина)
Кайкин Андрей Матвеевич, 1916 (Кыргызстан)
Кайсин Иосиф Никитич, 1906 (Кировская область)
Калабишкин Алексей (Смоленская область)
Калашников Виктор Захарович, 1905 (Удмуртская Республика)
Калимулин Н., 1913 (Оренбургская область)
Калинин Александр Петрович, 1907 (Московская область)
Калининский А. В., 1907 (Тверская область)
Калчанов Николай Иванович, 1914 (Смоленская область)
Калюжный Александр Кузьмич, 1915 (Казахстан)
Камалов Багаутдин, 1907 (Республика Башкортостан)
Камальдинов Мингали Камальдинович, 1913 (Чувашская Республика)
Камелев Александр Игнатьевич, 1905 (Калужская область)
Камышев Василий Степанович, 1909 (Смоленская область)
Камышин Григорий Парахом., 1903 (Белоруссия)
Капустин Василий Григорьевич, 1910 (Архангельская область)
Капустин Иван Васильевич, 1915 (город Москва)
Карамов Михаил Карамович, 1919 (Узбекистан)
Караульный Павел Ефимович, 1909 (Кемеровская область)
Карев Петр Дмитриевич, 1905 (Украина)
Карелин Ник. Павлович, 1914 (Нижегородская область)
Каретников Андрей Борисович, 1910 (Калужская область)
Каримов Темир, 1922 (Республика Татарстан)
Карлов Григорий Павлович (Тульская область)
Карнаев Василий Ильич, 1914 (Томская область)
Карпов Константин Федорович, 1894 (Республика Башкортостан)

- Карпов М. С, 1921 (Тверская область)
 Карпушин Дмитрий Устинович, 1906 (Ульяновская область)
 Картанов С. М., 1919 (Казахстан)
 Карташов Алексей Иванович, 1921 (Казахстан)
 Карфидов Александр Павлович, 1909 (Свердловская область)
 Карх Леонтий Федорович, 1914
 Касаткин Александр Алексеевич, 1913 (Челябинская область)
 Касимов Хузя Идаятович, 1907 (Удмуртская Республика)
 Каскин Митрофан Семенович, 1908 (Воронежская область)
 Каскуев Иван Семенович (Украина)
 Катышев Алексей Андреевич, 1922 (Ивановская область)
 Каунов Иван Никанорович, 1898 (Украина)
 Кацай Афанасий Антонович, 1913 (Кыргызстан)
 Качан Федор Софронович, 1912 (Украина) Качевский Леонид Николаевич, 1922
 (Тульская область)
 Качура Семен Иванович, 1903 (Украина)
 Качуров Сергей Васильевич, 1914 (Ростовская область)
 Каша Архип Николаевич, 1901 (Украина)
 Кашин В. Е.
 Каширин Н. П., 1918
 Кашицын Михаил Павлович, 1911 (Нижегородская область)
 Квартенко Василий Михайлович, 1901 (Белгородская область)
 Кенарев Павел Николаевич, 1923 (Смоленская область)
 Кечуткин Андрей Андреевич, 1919 (Республика Мордовия)
 Кийченко Гаврил Васильевич, 1911 (город Москва)
 Килимбаев Николай Килимбаевич, 1915 (Республика Башкортостан)
 Кильдикеев Андрей Кильдикеевич, 1901 (Республика Башкортостан)
 Киляев Ирбулат Киляевич, 1921 (Республика Башкортостан)
 Кимирилов Алексей Терентьевич, 1921 (Республика Башкортостан)
 Киприянов Михаил Васильевич, 1905 (Челябинская область)
 Кирашук Андрей Федорович, 1918 (Тульская область)
 Кирийчук Павел Алекс, 1925 (Украина)
 Кирилин Владимир (город Москва)
 Кирхадзе Илья, 1902 (Грузия)
 Кирюхин Гаврил Кузьмич, 1905 (Тульская область)
 Киселев Аким Сергеевич, 1900 (Рязанская область)
 Кисельников Алексей Павлович, 1912 (Тюменская область)
 Кислов Иван Савельевич, 1921 (Краснодарский край)
 Китайский Петр Иванович, 1904 (Московская область)
 Кишкинов
 Климентов Борис Николаевич, 1900 (Кировская область)
 Климкин Ник. Данилович, 1917 (Липецкая область)
 Климкин Павел Петрович, 1915 (Курская область)
 Клочков Валентин Александрович, 1922 (Нижегородская область)
 Клочков Василий Васильевич, 1909 (Тульская область)
 Клыков Алексей Александрович, 1898 (город Москва)
 Клятов Т. С. (Тверская область)
 Клячин Андрей Григорьевич, 1905 (Курская область)
 Князев И. И., 1901 (Самарская область)
 Князев Иван Васильевич, 1912 (город Москва)
 Князев Петр Николаевич, 1900/1905 (Тверская область)
 Князев Сергей Филиппович, 1912 (Тамбовская область)

Кобзарь Максим Савельевич, 1911 (Тамбовская область)
Кобынов Б. Ю., 1915
Ковалев Александр Никитович, 1903
Ковалев Алексей Федорович, 1910 (Белоруссия)
Ковалев Иван Федорович, 1904 (Костромская область)
Ковалев Павел, 1905 (Воронежская область)
Коваленко Александр Иванович, 1918 (Воронежская область)
Коваленко Н. И., 1912
Коваленко Н. С, 1918 (Украина)
Коваленко Ст. С, 1912 (Смоленская область)
Ковальчук Михаил Степанович, 1890/1895 (Украина)
Ковальчук Трофим Кириллович, 1923 (Украина)
Ковпинец Никифор Юстинович, 1912 (Украина)
Ковшиков Иван Михайлович, 1919 (Вологодская область)
Когутенков Фед. Иванович, 1906 (Тамбовская область)
Кожухов Иван Фед., 1907 (Свердловская область)
Козак
Козаченко Степан Иванович, 1918 (Ставропольский край)
Козиев
Козик Феодосий Трофимович, 1913 (Украина)
Козин Василий Степанович, 1909 (Нижегородская область)
Козинец Степан Андреевич, 1908 (Владимирская область)
Козлов Ник. Алекс, 1908 (Украина)
Козлов Н. Т., 1908
Козлов П. П., 1918 (Тверская область)
Козлов П. Ф., 1919 (Курская область)
Козлов Степан Лаврентьевич, 1915 (Смоленская область)
Козырев Александр Иванович, 1909 (Украина)
Козырев Викентий Михайлович, 1903 (Вологодская область)
Козырев Николай Иванович, 1910 (Самарская область)
Козырь Иван Дмитриевич, 1913 (Украина)
Койчуев, 1920 (Украина)
Кокорев Алексей Степанович, 1909 (Ярославская область)
Кокшаров Афанасий Васильевич, 1902 (Вологодская область)
Кокшаров Григорий Максимович, 1912/1919 (Свердловская область)
Кокшаров Дмитрий Егорович, 1900 (Челябинская область)
Кокюшков И. И., 1903 (Воронежская область)
Колбасенко Иван Алексеевич, 1903 (Белгородская область)
Колдомов Иван Михайлович, 1900 (Пермский край)
Колесников Владимир Матвеевич, 1907 (Смоленская область)
Колесников Петр, 1907 (Оренбургская область)
Колесников Сергей Леонтьевич, 1909 (Белоруссия)
Колесов Александр Иванович, 1917 (Нижегородская область)
Колин Василий Евдокимович, 1903 (Рязанская область)
Колмыков Василий Иванович, 1921 (Украина)
Колодкин Сергей Иванович, 1903 (Курганская область)
Колосов Василий Николаевич, 1904 (город Москва)
Колосов Емельян Васильевич, 1913 (Ставропольский край)
Колоцей Федор Романович, 1891 (Белоруссия)
Колпаков Михаил Нилович, 1922 (43)
Колпаков Николай Васильевич, 1912 (Туркм.)
Колпащиков Василий Прокопьевич, 1912 (Кировская область)

Колупаев Дмитрий Никифорович, 1920 (Курская область)
Колупаев Порфирий Павлович, 1907 (Белоруссия)
Колупаев Степан Николаевич, 1904 (Кировская область)
Кольцов Григорий Семенович, 1906 (Тверская область)
Колякин Василий Федорович, 1905 (Рязанская область)
Комаров Владислав Григорьевич, 1914 (Нижегородская область)
Комаров Егор Трофимович, 1903 (Воронежская область)
Комаров Иван Яковлевич, 1921 (Республика Адыгея)
Комаров С. С., 1900 (Тверская область)
Комаров Семен Алексеевич, 1921 (Костромская область)
Комков П. М., 1907 (Белоруссия)
Компаниец Николай Васильевич, 1914 (Украина)
Конаткин К. Н. (Краснодарский край)
Кондратов Андрей Павлович, 1923 (город Москва)
Кондратьев Александр Александрович, 1904 (город Москва)
Кондратьев Алексей Михайлович, 1912 (Красноярский край)
Кондратьев Владимир Петрович, 1910 (Костромская область)
Кондрашев Владимир Алексеевич, 1910 (город Москва)
Кондрук Ан. Иосифович, 1922 (Украина)
Конеев Сер. Изотович, 1921 (Азербайджан)
Конешев Хамзя Инятуллович, 1905 (Республика Мордовия)
Коновалов И. М. (Томская область)
Коновалов Марсий Степанович, 1898 (Казахстан)
Коновалов Я. И.
Кононенко Николай Герасимович, 1910 (Республика Башкортостан)
Конопля Петр Емельянович, 1894/1900 (Украина)
Константинов Михаил Николаевич, 1903 (Свердловская область)
Константинов Петр Дмитриевич, 1908 (Оренбургская область)
Конторский Василий Тимофеевич, 1920 (Чувашская Республика)
Коньков Дмитрий Васильевич, 1901 (город Москва)
Копанев Василий Андреевич, 1905 (Свердловская область)
Копанев Павел Алексеевич, 1902/1912 (Алтайский край)
Копков Иван Николаевич, 1910 (Томская область)
Копченко П. П.
Корешков Петр Семенович, 1903 (Республика Башкортостан)
Коржавый Иван Ильич, 1908 (Алтайский край)
Корженков Сергей Леонтьевич, 1896/1919 (Ивановская область)
Корзинкин Иван Петрович, 1911 (город Москва)
Коркин Роман Лукьянович, 1909 (Тюменская область)
Корнеев Михаил Яковлевич, 1923 (Рязанская область)
Корниенко И. Н., 1908 (Украина)
Коробейников Михаил Давыдович, 1898 (Удмуртская Республика)
Коробкин З. Н., 1900 (Украина)
Коробов П. Н., 1907 (Ярославская область)
Коровин Михаил Васильевич, 1906 (Липецкая область)
Королев Андрей Васильевич, 1912 (Тверская область)
Королев Г. В., 1910 (Курганская область)
Королев Д. Н., 1917 (Нижегородская область)
Короткое Владимир Романович, 1921 (Украина)
Короткое Иван Михайлович, 1915 (Тульская область)
Короткое Петр Спиридонович, 1917 (Нижегородская область)
Коротченко Андрей Иванович, 1903 (Новосибирская область)

Корчагин Афанасий Кузьмич, 1914 (Ставропольский край)
Коршунов Михаил Иванович, 1917 (Воронежская область)
Коршунов Н. К., 1913 (город Москва)
Корюкин Иван Алексеевич, 1897 (Ивановская область)
Корягин В. П., 1894 (город Москва)
Косиев Т. М., 1902 (город Москва)
Косицын Владимир Иванович, 1908 (Хабаровский край)
Косов Прокофий Николаевич, 1900/1909 (Владимирская область)
Косогоров Павел Ал., 1895 (Ленинградская область)
Косперчук Леонид Дементьевич, 1910 (Украина)
Костенков Николай Иванович, 1919 (Смоленская область)
Костень Михаил Емельянович, 1903 (Украина)
Костин Михаил Митрофанович, 1921 (Украина)
Костков В. П., 1901 (Кемеровская область)
Костовлетов Кабдус, 1919 (Казахстан)
Косточенко Степан Иванович, 1908 (Брянская область)
Кострома Кузьма Федорович, 1900/1901 (Белоруссия)
Костылев Александр Сергеевич, 1904 (Ивановская область)
Костюк Еремей Никифорович, 1905 (Украина)
Костючик Лукьян Михайлович, 1919 (Украина)
Косых Михаил Николаевич, 1911 (Липецкая область)
Косычев Иван Акимович, 1903 (Алтайский край)
Котков Михаил Васильевич, 1908/1914 (Нижегородская область)
Котляров Виктор Михайлович, 1912/1918 (Ростовская область)
Котов Александр Васильевич, 1919 (город Москва)
Котомкин Иван, 1920 (Тамбовская область)
Кочар С. М., 1903 (Украина)
Кочетков Андрей Ксенофонтович, 1898 (Владимирская область)
Кочетков Георгий Матвеевич, 1910 (Пензенская область)
Кочкомазов Михаил Васильевич, 1911 (Чувашская Республика)
Кошули Х., 1904 (Узбекистан)
Кравцов И. М., 1919 (Челябинская область)
Красноруцкий А. Б., 1921 (Украина)
Красуцкий Григорий Максимович, 1916 (Белоруссия)
Крат Яков Яковлевич, 1919 (Украина)
Кратов Петр Егорович, 1912 (Кыргызстан)
Крейдель Давид Аронович, 1919 (Удмуртская Республика)
Крепак Д. С., 1895 (Украина)
Крепков Николай Константинович, 1898 (Белоруссия)
Крестьянов Иван Андреевич, 1917 (Краснодарский край)
Криворуков Иван Поликарпович, 1919 (Костромская область)
Кривченков Игнат Яковлевич, 1915 (Рязанская область)
Крисов Василий Антонович, 1919 (Кировская область)
Криштопин Сергей Сергеевич, 1906 (Ростовская область)
Кромцев Григорий Петрович, 1908 (город Москва)
Кротов И. С. (город Москва)
Круглов Василий Евгеньевич, 1909 (Алтайский край)
Круглов Е. С., 1911 (Тверская область)
Кружков В. Д. (Калужская область)
Крупиков Павел Степанович, 1896 (Смоленская область)
Крупнов Иван Иванович, 1909 (Кировская область)
Крускин Василий Петрович, 1903 (Нижегородская область)

Кругов Михаил Михайлович, 1910 (Владимирская область)
Крыжов Михаил Никифорович, 1891/1897 (Белоруссия)
Крылов Ал. Иванович, 1916 (Тверская область)
Крылов Виктор Петрович, 1908 (Московская область)
Крылов Дмитрий Фомич, 1913 (Тверская область)
Крылов Николай Иванович, 1910 (Смоленская область)
Крылов Николай Павлович, 1897 (Московская область)
Крысков И. П. (Алтайский край)
Крышка Сергей Архипович, 1902 (Белгородская область)
Крючков Михаил Васильевич, 1894 (Московская область)
Крючков Михаил Никитович, 1906 (Владимирская область)
Кряжкин Михаил Ст., 1896 (город Москва)
Кторов Василий Филиппович, 1918 (Новосибирская область)
Кудрявцев Валентин Петрович, 1915 (Кировская область)
Кудрявцев Иван Антонович, 1913 (город Москва)
Кудряшев Иван Фадеевич, 1901 (город Москва)
Кудряшов Осип Сергеевич
Куз емин Иван Петрович, 1909 (Ростовская область)
Кузкин В. П. (город Москва)
Кузмин П. А. (Свердловская область)
Кузнецов Александр Неофитович, 1913 (Удмуртская Республика)
Кузнецов В. А., 1910
Кузнецов Валентин Алексеевич, 1910 (Ростовская область)
Кузнецов Василий Иванович, 1919 (Самарская область)
Кузнецов Иван Васильевич, 1903 (Костромская область)
Кузнецов Иван Иванович, 1910 (Московская область)
Кузнецов Иван Макарович, 1903 (Липецкая область)
Кузнецов Иван Петрович, 1900 (город Москва)
Кузнецов Иван Петрович, 1901 (Республика Башкортостан)
Кузнецов Николай Васильевич, 1924 (Московская область)
Кузнецов Павел Андреевич, 1913 (Московская область)
Кузнецов Петр Иванович, 1904 (Нижегородская область)
Кузнецов Петр Михайлович, 1911 (Новосибирская область)
Кузь Семен Степанович, 1919 (Украина)
Кузьмин А. А., 1920
Кузьмин Григорий Иванович, 1916 (Смоленская область)
Кузьмин Евгений Кузьмич, 1870 (Смоленская область)
Кузьмин Захар Максимович, 1899 (Удмуртская Республика)
Кузьмин Петр Иванович, 1896 (Тверская область)
Кузьмин Семен Васильевич, 1904 (Рязанская область)
Кузьмин Семен Павлович, 1924 (Украина)
Кузьминых Григорий Степанович, 1906 (Курганская область)
Кузьмичев Василий Ан., 1907 (Новосибирская область)
Кузьмичев Семен Артемьевич, 1912 (Томская область)
Куклев Николай Иванович, 1893 (Московская область)
Кулагин Василий Сергеевич, 1892 (город Москва)
Кулагин Сергей Сергеевич, 1901 (Ульяновская область)
Кулагин Тимофей Захарович, 1903 (Нижегородская область)
Кулешов Константин Гаврилович, 1895 (Смоленская область)
Куликов Александр Ильич, 1904 (Красноярский край)
Куликов Михаил Петрович, 1904 (город Москва)
Кулич Михаил Николаевич, 1914 (Украина)

Кунин С. Ф.
 Куниченко И. П., 1902 (Казахстан)
 Купенов Садвакас, 1911 (Казахстан)
 Куприенков Александр Петрович, 1903 (Смоленская область)
 Куприянов Федор Семенович, 1910 (Кыргызстан)
 Куракин Иван Иванович, 1919 (Тверская область)
 Курахтанов Алексей Васильевич, 1907 (Воронежская область)
 Курашов Георгий Ермолаевич, 1905 (Московская область)
 Курбатов Азбай, 1920 (Узбекистан)
 Курганов Василий Семенович, 1885 (Московская область)
 Курдин Андрей Семенович, 1911 (Курская область)
 Куренков А. Н. (Московская область)
 Курик Георгий Павлович, 1914 (Ленинградская область)
 Курилов Петр Андреевич, 1915 (Тульская область)
 Курнаков Владимир Емельянович, 1901 (Кемеровская область)
 Курносос Иван Ильич, 1903 (Московская область)
 Курочкин
 Курочкин Анатолий Логинович, 1910 (Нижегородская область)
 Курсеков Константин Николаевич, 1907 (Волгоградская область)
 Кутелин Макар Фед., 1911 (Московская область)
 Кутепов Филипп Александрович, 1906 (Челябинская область)
 Кутин С. Ф., 1906 (Орловская область)
 Кутюгов А. И., 1911 (Казахстан)
 Кушлин Н. Д. (Ставропольский край)
 Кушнарев Борис Петрович, 1909 (город Москва)
 Кушнер А. Ф., 1907 (Украина)
 Лавров Василий Григорьевич, 1902 (Свердловская область)
 Лавров Иван Кузьмич, 1897 (Рязанская область)
 Ладин Василий Владимирович, 1910 (Пермский край)
 Ладонин Валентин Филиппович, 1916 (Ростовская область)
 Ладыгин Герасим Иванович, 1908 (Республика Башкортостан)
 Лазарев
 Лалиашвили Козьма Захарович, 1916 (Грузия)
 Лапаев Григорий Семенович, 1911/1915 (Пензенская область)
 Лапин Василий Герасимович, 1901 (Нижегородская область)
 Лаптев Иван Григорьевич, 1897 (Воронежская область)
 Лапухин Степан Лукич, 1906 (Псковская область)
 Лапшин Александр Васильевич, 1907 (Республика Марий Эл)
 Ларин Тимофей Иванович, 1906 (Украина)
 Ларкин Сергей Григорьевич, 1913 (Липецкая область)
 Лебедев Василий Павлович, 1905 (Смоленская область)
 Лебедев Владимир Алексеевич, 1916 (Костромская область)
 Лебедев Иван Федорович, 1907 (Тверская область)
 Лебедев Михаил Иванович, 1916 (Республика Башкортостан)
 Лебедев Петр Федорович, 1922 (Брянская область)
 Лебедев Сергей Тимофеевич, 1896 (Казахстан)
 Лебеденко Иван Кузьмич, 1920 (Кыргызстан)
 Левидов Михаил Михайлович, 1912 (город Москва)
 Левин Михаил Александрович, 1904 (Свердловская область)
 Левицкий Станислав Иванович, 1919 (Украина)
 Левченко Павел Алексеевич, 1910 (Воронежская область)
 Лежнев Василий Петрович, 1911 (Московская область)

Лемтюгин Петр Данилович, 1903 (Челябинская область)
Ленгер Ш. Ж. (Казахстан)
Ленский Егор Семенович, 1917 (Белоруссия)
Леонов Иван Тимофеевич, 1911 (Московская область)
Леонов Н. Л., 1900 (Тверская область)
Леонтьев Василий Васильевич, 1902 (Удмуртская Республика)
Леошин И. К. (Московская область)
Лесников Степан Трофимович, 1902 (Удмуртская Республика)
Летовальцев Иван Яковлевич, 1899 (Вологодская область)
Летуновский Иван Михайлович, 1921 (Липецкая область)
Лещенко Павел Егорович, 1910 (Воронежская область)
Левкин Иван Дмитриевич, 1919 (Саратовская область)
Липатов Андрей Алексеевич, 1901 (Пензенская область)
Липатов Василий Мак., 1906 (Хабаровский край)
Литвин Николай Романович, 1900 (Украина)
Литвиненко Петр Ильич, 1906 (Украина)
Литвинов Иван Васильевич, 1908 (Белгородская область)
Литвяк Константин Романович, 1907 (Краснодарский край)
Лифанов Василий Иванович, 1907 (Республика Татарстан)
Лифанов Василий Ксенофонтович, 1912 (город Москва)
Лобанов Сергей Прокопович, 1904 (Новосибирская область)
Лобанов Устин Созонович, 1900 (Алтайский край)
Лобибин Анатолий
Лобковский П. В., 1917 (Белоруссия)
Ловчиков Николай Николаевич, 1894 (Челябинская область)
Логвинов Василий Михайлович, 1906 (Воронежская область)
Логинов Николай Сидорович, 1921 (Тюменская область)
Логинов Тарас Андреевич, 1899 (Белгородская область)
Лодочников Михаил Потапович, 1906 (Удмуртская Республика)
Лозбичев Федор Иванович, 1908 (Московская область)
Лойлев Ирифий, 1918 (Азербайджан)
Локтев Егор Лотович, 1909 (Казахстан)
Ломакин И. И.
Ломакин Сергей (город Москва)
Лопатин Тихон Иванович, 1903 (Белгородская область)
Лосев Иван Николаевич, 1907 (Белоруссия)
Лосев Николай Иванович, 1902 (Ивановская область)
Лосьоян Сергей Л., 1890 (Украина)
Лоуманов Л. В., 1900
Лох Иван Лазаревич, 1906 (Кемеровская область)
Лошаков Георгий Данилович, 1908 (Удмуртская Республика)
Лощенко Иван Назарович, 1902 (Новосибирская область)
Луговцов Федор Васильевич, 1907 (Красноярский край)
Лужников Иван Петрович, 1918 (Тверская область)
Лукашевский, 1919
Лукашенко Федор Емельянович, 1903 (Курганская область)
Лукинов Василий Васильевич, 1908 (город Москва)
Лукинов Сер. Ал., 1909 (Московская область)
Лукьянов Григорий Владимирович, 1907 (Московская область)
Лукьянов Иван Степанович, 1915 (Смоленская область)
Лукьянов Илья Илларионович, 1914 (Республика Мордовия)
Лученка Петр Еф., 1921 (Украина)

Лучкин Митрофан Максимович, 1901 (Брянская область)
Лучков Михаил Иванович, 1911 (Рязанская область)
Лылов Николай Павлович, 1910 (Нижегородская область)
Лынов Н. И. (Московская область)
Лысенко Алексей Миронович, 1903 (Украина)
Лысенко Иван Савельевич, 1914 (Украина)
Лысенко Кирилл Моисеевич, 1921 (Украина)
Лысенко Константин Амосович, 1923 (Украина)
Лысиков Виктор Трофимович, 1924 (Московская область)
Лыхин Иван Тимофеевич, 1910 (Кировская область)
Любимов Петр Дмитриевич, 1898 (Нижегородская область)
Люднышев Савелий Ефремович, 1899 (Белоруссия)
Ляпов П. И. (город Москва)
Лятин Аким, 1913 (Республика Татарстан)
Лях Павел Михайлович, 1911 (Республика Башкортостан)
Ляшенко Петр Иванович, 1909 (Украина)
Ляшко Ник. Ал., 1913 (Украина)
Магерамов Мамед, 1902/1909 (Азербайджан)
Магницкий Павел Владимирович, 1898 (Тверская область)
Мадьянцев Василий Яковлевич, 1909 (Белоруссия)
Мазурец Ульянов Маркович, 1918 (Украина)
Макаренко Владимир Емельянович, 1920 (Белоруссия)
Макаров Ал. Иванович, 1902 (Самарская область)
Макаров Сергей Иосифович, 1906 (Республика Татарстан)
Макаров Сергей Осипович, 1917 (Смоленская область)
Макеев
Макеев Иван Григорьевич, 1918 (Пермский край)
Макеев Михаил Карпович, 1903 (город Москва)
Макитренко Григорий Федосеевич, 1911 (Новосибирская область)
Максимов Александр Кириллович, 1905 (Пермский край)
Максимов Ибрагим Максимович, 1909 (Республика Дагестан)
Максимов Иван Иванович, 1911 (Ивановская область)
Максимов Иван Прохорович, 1907 (Новосибирская область)
Максов Захар Евсеевич, 1887 (Смоленская область)
Малахов Алексей Гаврилович, 1900 (город Москва)
Малахов Василий Петрович, 1906 (Краснодарский край)
Малашенко Георгий Васильевич, 1918 (Узбекистан)
Малашенков Петр Илларионович, 1908 (Смоленская область)
Маленкин В. С., 1898
Малиновский, 1921 (Смоленская область)
Малоок Григорий Кириллович, 1908 (Украина)
Малоушкин Федор Федорович, 1910 (Тверская область)
Малых Иван Григорьевич, 1911 (Республика Коми)
Малышев Петр Алексеевич, 1921 (Нижегородская область)
Мальцев Андрей Яковлевич, 1906 (Алтайский край)
Мальцев Петр Иванович, 1904 (Пермский край)
Мальцев Федор Петрович, 1911, 1917 (Кыргызстан)
Малютин Петр Васильевич, 1910 (город Москва)
Малявкин Степан Александрович, 1904 (Новосибирская область)
Мамбетов Фарли, 1913 (Кыргызстан)
Мамедов Мусалим Аскер, 1896/1905 (Азербайджан)
Мамонов Павел Семенович, 1906 (Нижегородская область)

Мамонов Петр Константинович, 1918 (Саратовская область)
Мананников Иван Матвеевич, 1900/1907 (Кыргызстан)
Маненок Вл. Романович, 1921 (Белоруссия)
Манин Петр Федорович, 1919 (Кировская область)
Манихин Иван Федорович, 1911 (Свердловская область)
Манушенков Михаил Ефимович, 1908 (Тверская область)
Маньков Г. М., 1904
Марагулин, 1902 (Кировская область)
Марадуда Георгий Васильевич, 1913 (Белгородская область)
Маркин Иван Герасимович, 1913 (Калужская область)
Маркин Кузьма Андреевич, 1906 (город Москва)
Марков Мак. Фил., 1904 (город Москва)
Марков Федор Александрович, 1902 (Кировская область)
Марков Яков Иванович, 1914 (Алтайский край)
Марковой Андрей Иванович, 1916 (Украина)
Маркушов Андрей Андреевич, 1892 (Рязанская область)
Мартынов Александр Владимирович, 1916 (Алтайский край)
Маруашвили Дм. С, 1911 (Грузия)
Маруков Александр Савельевич, 1905 (город Москва)
Марусяк Н. Ю., 1919 (Украина)
Марушкин Антон Яковлевич, 1899 (Омская область)
Марченко Сергей Парфенович, 1923 (Белоруссия)
Марьин Кузьма Егорович, 1902 (Рязанская область)
Маслов Иван Васильевич, 1909 (Курганская область)
Мастеров Николай Ильич, 1904 (Московская область)
Мастихин Василий Андреевич, 1910 (Курская область)
Мастюлев Николай Федорович, 1900 (Брянская область)
Матвеев Василий Демидович, 1908 (Республика Башкортостан)
Матвеев Владимир Кузьмич, 1920 (Владимирская область)
Матвеев Игнатий Васильевич, 1909 (Республика Башкортостан)
Матвеев Семен Матвеевич, 1914 (Тверская область)
Матерухин Иван Фомич, 1908 (Нижегородская область)
Матов Яков Степанович, 1915 (Украина)
Матуа Константин Идрисович, 1917 (Абхазия)
Матулян Яков Федорович, 1914/1922 (Украина)
Маханов Кузьма Тарасович, 1915 (Рязанская область)
Махмутов Миргасим Валиуллович, 1904 (Республика Татарстан)
Махров Фома Степанович, 1910 (Новосибирская область)
Маянцев Александр Андреевич, 1923 (Республика Татарстан)
Медведев Федор Васильевич, 1912 (Пермский край)
Межуев В. В., 1900 (Московская область)
Мезенков Сергей Степанович, 1923 (Владимирская область)
Мезенцев Григорий Иванович, 1921 (Пермский край)
Мезин Александр Николаевич, 1905 (Республика Татарстан)
Мельников Андрей Сафронович, 1905
Мельников Максим Ефремович, 1908 (Удмуртская Республика)
Мельшаков Георг. Аре, 1904 (Ярославская область)
Меньшиков Анатолий Михайлович, 1924 (Воронежская область)
Мерзляков Василий Маркович, 1908 (Удмуртская Республика)
Меркуриев Прокопий Карпович, 1905 (Свердловская область)
Меркушев Иван Николаевич, 1920 (город Москва)
Месяцев Василий Федорович, 1910 (Новосибирская область)

Мещеряков Александр Сергеевич, 1914 (Республика Татарстан)
Мизавцев Петр Никитич, 1908 (Белоруссия)
Микрюков Сергей Наумович, 1903 (Удмуртская Республика)
Милюков Иван Яковлевич (город Москва)
Милютин Петр Михайлович, 1912 (Алтайский край)
Минаев Иван Федорович, 1906 (город Москва)
Миналго М. С.
Миндияров Заки Миндиярович, 1905 (Республика Башкортостан)
Минеев Н. А.
Минин Александр Иванович, 1897 (город Москва)
Минин Владимир Михайлович, 1921 (Ленинградская область)
Минкин Иван Аксенович, 1891 (Смоленская область)
Миноковец С. Я. (город Москва)
Морозов Иван Анд., 1921 (Белгородская область)
Миронов Алексей Кузьмич, 1900 (Тверская область)
Миронов В. П., 1910 (Белгородская область)
Миронов Петр Трофимович, 1895 (Белоруссия)
Мирошенко, 1920
Митричев Д. А., 1917 (Республика Калмыкия)
Михайлин Иван Ефремович, 1902 (Астраханская область)
Михайлов В. М., 1905 (Псковская область)
Михайлов Виктор Яковлевич, 1923 (город Москва)
Михайлов Иван Александрович, 1901 (Новосибирская область)
Михайлов М. П., 1902 (Кемеровская область)
Михайлов Максим Алексеевич, 1910 (Алтайский край)
Михайлов Никита Михайлович, 1903 (Тверская область)
Михайлов Николай Егорович, 1897 (Ярославская область)
Михайлов Николай Иванович, 1912 (Кировская область)
Михайлов Николай Николаевич, 1917 (Псковская область)
Михайлов Степан Васильевич, 1902 (Республика Татарстан)
Михалев Василий Степанович, 1899 (Самарская область)
Михалицын Иван Николаевич, 1904 (Кировская область)
Михальцов Яков Дмитриевич, 1919 (Белоруссия)
Михеев Василий Михайлович, 1912 (Чувашская Республика)
Михеев Иван Савельевич, 1900 (Смоленская область)
Михеев Иван Сергеевич, 1912 (Воронежская область)
Михеев П. А., 1905 (город Москва)
Михеев Петр Павлович, 1922 (город Москва)
Мишанин С. Г. (Тамбовская область)
Мишенков Егор Федорович, 1896 (Смоленская область)
Мишин Александр Григорьевич, 1914 (Смоленская область)
Мишин Кузьма Семенович, 1901 (город Москва)
Могильников Ермолай Тимофеевич, 1902 (Красноярский край)
Модин Иван Петрович, 1920 (Нижегородская область)
Можайский Тимофей Трофимович, 1912 (Липецкая область)
Можаров Василий Иосифович, 1909 (Смоленская область)
Мозгов Федор Андреевич, 1901 (Калужская область)
Мозолин Сергей Владимирович, 1914 (Владимирская область)
Моисеев Алек. Алек., 1922 (город Москва)
Моисеев Александр Александрович, 1912 (Кировская область)
Моисеенко Максим Корнеевич, 1899 (Украина)
Моисейков Григорий Петрович, 1909 (Новосибирская область)

- Мокрушин Г., 1909 (Алтайский край)
 Молодцов Василий Федорович, 1901 (Владимирская область)
 Монахов
 Морозов Александр Николаевич, 1905 (Тверская область)
 Морозов Алексей Павлович, 1917 (Украина)
 Морозов Иван Матвеевич, 1915 (город Москва)
 Морозов Иосиф Игнатьевич, 1913 (Калужская область)
 Морозов Максим Федорович, 1908 (город Москва)
 Морозов Федор Степанович, 1913 (Республика Башкортостан)
 Мосейчук Максим Макарович, 1910/1917 (Томская область)
 Москаев Кузьма Егорович, 1917 (Самарская область)
 Мотров Сергей Андреевич, 1908 (город Москва)
 Мочалов Иван Семенович, 1902 (Пензенская область)
 Мочалов Михаил Павлович, 1910 (Республика Марий Эл)
 Мошков А. И., 1906 (Орловская область)
 Мужин Николай Иванович, 1895 (Ивановская область)
 Мукишев Анисим Гаврилович
 Муравьев Василий Алексеевич, 1911 (Смоленская область)
 Муравьев Владимир Павлович, 1910 (Нижегородская область)
 Муравьев Иван Иванович, 1915/1920 (Чувашская Республика)
 Муравьев Осип Михайлович, 1901 (Чувашская Республика)
 Муратов Мубаракша Давлетович, 1911 (Удмуртская Республика)
 Мурсалимов Пари, 1902 (Омская область)
 Мурзарахимов Абд., 1913 (Казахстан)
 Мусатов Осип Васильевич, 1905 (Московская область)
 Мусияченко Павел Афанасьевич, 1912 (Украина)
 Мустаев Кагир, 1919 (Республика Татарстан) Мухаметов Мустафа Мухаметович, 1907
 (Республика Башкортостан)
 Мухин Иван Потапович, 1917 (город Москва)
 Мучкин Егор Григорьевич, 1908/1921 (Челябинская область)
 Мчедlishvili Давид Михайлович, 1910 (Грузия)
 Мылов Василий Федотович, 1903 (Пензенская область)
 Мыщенко Петр Трофимович, 1919 (Украина)
 Мягков Всеволод Дмитриевич, 1915 (Тамбовская область)
 Мясищев Василий Матвеевич, 1902 (Кемеровская область)
 Мясников Александр Иванович, 1908 (Кировская область)
 Мясников С. И.
 Мясников Яков Иванович, 1911 (Нижегородская область)
 Набатников Петр Федорович, 1906 (Липецкая область)
 Набиуллин Мунир, 1907 (Республика Татарстан)
 Нагих Николай Иванович, 1909/1919 (Тамбовская область)
 Надточий Василий Петрович, 1891 (Украина)
 Назаренко Иван Прокофьевич, 1906 (Украина)
 Назаренко Михаил Маркович, 1913 (Украина)
 Назаренко Петр Яковлевич, 1920 (Украина)
 Назаров Василий Васильевич, 1920 (город Москва)
 Назаров Тимофей Павлович, 1919 (Тверская область)
 Назимов Василий Иванович, 1906 (город Москва)
 Найденов Иван Сергеевич, 1909 (Краснодарский край)
 Нартоджиев Мамадали, 1917 (Кыргызстан)
 Нарядов Виктор Александрович, 1913 (Ивановская область)
 Насыров Салих Ибрафилович, 1910 (Республика Башкортостан)

Наумов Александр Васильевич, 1910 (Вологодская область)
Наумов Алексей Ильич, 1908 (Кировская область)
Наумов Василий Петрович, 1913 (Нижегородская область)
Наумов Семен Андреевич, 1910 (Пермский край)
Нашатырев Ф. Ф., 1908 (Московская область)
Негуляев Василий Гаврилович, 1903/1910 (Тамбовская область)
Нежнов В. Я., 1902 (Краснодарский край)
Нейланд Иван Петрович, 1868 (Тверская область)
Некрасов Василий Алексеевич, 1907 (Архангельская область)
Некрасов Петр Константинович, 1912 (Удмуртская Республика)
Немерин Александр Иванович, 1923 (Ярославская область)
Ненюков Иван Григорьевич, 1908 (Оренбургская область)
Непомнящий, 1916
Нерослов Юрий Федорович, 1924 (Пермский край)
Несенюк Василий Григорьевич, 1917 (Украина)
Несмашный Д. И.
Нестеров Василий Алексеевич, 1900 (Нижегородская область)
Нестеров Василий Владимирович, 1900 (Вологодская область)
Нестеров Иван Тимофеевич, 1914 (Вологодская область)
Неустроев Борис Алексеевич, 1908 (Владимирская область)
Нефедченко Павел Иванович, 1914 (Кыргызстан)
Никаноров Алексей Никитич, 1908 (Брянская область)
Никашев Григорий Иванович, 1913 (Московская область)
Никин Алексей Павлович, 1913 (Пензенская область)
Никитин А. Д. (Свердловская область)
Никитин И. Я., 1906 (Тверская область)
Никитин Иван Иванович, 1906 (Московская область)
Никитин Илья Алексеевич, 1898 (Украина)
Никитин Константин Петрович, 1916 (город Москва)
Никитин Николай Николаевич, 1909 (Пермский край)
Никитин Федор Николаевич, 1907 (Чувашская Республика)
Никитков Владимир Николаевич, 1907/1913 (Московская область)
Никифоров, 1895 (Тверская область)
Никифоров Алексей Петрович, 1921 (Тверская область)
Никифоров Василий Федорович, 1918 (Костромская область)
Никифоров Кузьма Никифорович, 1902/1908 (Чувашская Республика)
Никифоров Максим Трофимович, 1904 (Новосибирская область)
Никифоров Николай Васильевич, 1890 (Смоленская область)
Николаев Александр Иванович, 1901 (город Москва)
Николаев Александр Николаевич, 1905 (Московская область)
Николаев Иван Иванович, 1905 (Московская область)
Николаев Яков Николаевич, 1914 (Псковская область)
Николенко Герасим Игнатьевич, 1909 (Белгородская область)
Никулин Василий Иванович, 1914 (Новгородская область)
Нитченко Михаил Григорьевич, 1905 (Курская область)
Новиков Александр Карпович, 1915 (Рязанская область)
Новиков Афанасий Алексеевич, 1900 (Красноярский край)
Новиков Василий Иванович, 1902 (Воронежская область)
Новичков Евгений Иванович, 1911 (Тамбовская область)
Новожилов Александр Иванович, 1924 (Московская область)
Ногаев Герман Мих., 1910 (Оренбургская область)
Номакинов Ф. Вл., 1907 (Красноярский край)

Носов Иван Егорович, 1910 (Новосибирская область)
 Носов Федор Иванович, 1898 (Пензенская область)
 Нугуманов Гиладжетдин, 1911 (Республика Башкортостан)
 Нуйкин Петр Иванович, 1914 (Ульяновская область)
 Нурисламов Харис, 1906 (Республика Татарстан)
 Нуруллин Нусратулла, 1904 (Курганская область)
 Ободовский Петр Трофимович, 1922 (Украина)
 Обоев Василий Кузьмич, 1902 (Рязанская область)
 Оборин Федор Васильевич, 1912 (Свердловская область)
 Обрезков Дмитрий Николаевич, 1909 (Ульяновская область)
 Обухов Александр Кузьмич, 1921 (Новосибирская область)
 Овсиевский Анатолий Михайлович, 1892 (город Москва)
 Овсянников Михаил Васильевич, 1906 (Калужская область)
 Овсяный Григорий Федорович, 1910 (Украина)
 Овчинников Александр Лаврентьевич, 1914 (Новосибирская область)
 Овчинников Виталий Семенович, 1912 (Тверская область)
 Овчинников Павел Иванович, 1903 (Оренбургская область)
 Оглезнев Федор Семенович, 1920 (Алтайский край)
 Огородников Егор Терентьевич, 1901 (Кировская область)
 Огурцов Влад. Исаевич, 1908 (Московская область)
 Ожегов Михаил Григорьевич, 1906 (Забайкальский край)
 Ожиреев Тимофей Ан., 1908 (Брянская область)
 Озаров А. В., 1905 (Белгородская область)
 Озенко Я. Т.
 Ознобихин Афанасий Иванович, 1900 (Украина)
 Окопов Кар. Маид., 1920 (Республика Калмыкия)
 Олекса Егор Акимович, 1915 (Украина)
 Олейников
 Опарин Сергей Леонтьевич, 1900 (Владимирская область)
 Оприщенко Михаил Федорович, 1912 (Украина)
 Оразалиев Яков, 1913 (Кыргызстан)
 Оразов Ташмамед, 1920 (Туркменистан)
 Орехов Александр Михайлович, 1922 (Тверская область)
 Орехов М. В., 1919 (Пензенская область)
 Орел Иван Михайлович, 1908 (Кемеровская область)
 Орлов Александр Иннокентьевич, 1909 (Иркутская область)
 Орлов Александр Семенович, 1901/1906 (Ивановская область)
 Орлов Кирилл Андреевич, 1916 (Алтайский край)
 Орлов С. Д., 1909
 Орлов Сергей Петрович, 1902 (Костромская область)
 Орлов Юрий Николаевич, 1913 (город Москва)
 Орлова А. Л.
 Осинцев Федор Николаевич, 1907 (Свердловская область) Осипенко П. Я.
 Осипов
 Осипов Александр Иванович, 1897 (Вологодская область)
 Осипов Иван Сергеевич, 1906 (Республика Башкортостан)
 Осипов Игнат, 1884 (Смоленская область)
 Осипов Тихон Николаевич, 1902 (Удмуртская Республика)
 Осколков Семен Николаевич, 1909 (Тюменская область)
 Осокин Александр Николаевич, 1892/1898 (Московская область)
 Останин Константин Афанасьевич, 1903 (Пермский край)
 Остапенко Иван Сергеевич, 1910 (Украина)

Осташов К. И., 1900 (Республика Татарстан)
Остренко Иван Яковлевич, 1901 (Украина)
Остриков Павел Семенович, 1918 (Владимирская область)
Отроков Павел Семенович, 1921 (Украина)
Отставных Константин Ксенофонтович, 1904 (Рязанская область)
Отченев Архип Романович, 1917 (Белоруссия)
Охрименко Иван Григорьевич, 1898 (Украина)
Ошев Афанасий Петрович, 1920 (Пермский край)
Ощепков Александр Ильич, 1921 (Пермский край)
Паберз Андрей Иванович, 1906 (Псковская область)
Павленко Василий Николаевич, 1911 (Ростовская область)
Павличенко К. Л., 1906 (Белоруссия)
Павлов Алексей Иванович, 1911 (Московская область)
Павлов Владимир Васильевич, 1900 (Алтайский край)
Павлов Гурий Павлович, 1910 (Чувашская Республика)
Павлов М. И., 1907 (Воронежская область)
Павлов М. И., 1909 (Пермский край)
Павлов Николай Григорьевич, 1917 (Ставропольский край)
Павлов Яков Васильевич, 1912 (Воронежская область)
Павловский Петр Григорьевич, 1921 (Украина)
Павлюченко Николай, 1926
Пальчиков Агей Яковлевич, 1907 (Воронежская область)
Пальчиков Дмитрий Евдокимович, 1901 (Брянская область)
Панин Павел Михайлович, 1901 (Республика Башкортостан)
Панов Иван Иванович, 1904 (Республика Башкортостан)
Панков Сергей Т., 1915/1919 (город Москва)
Панковец Пантелей Терентьевич, 1907 (Украина)
Панкратов Виктор Григорьевич, 1918 (Украина)
Пантаев Леонтий Петрович, 1902 (Нижегородская область)
Панферкин Василий Иванович, 1921 (Пензенская область)
Паньков Алексей Мартынович, 1907 (Курская область)
Панюк Дмитрий Емельянович, 1918 (Белоруссия)
Панюшкин Сергей Алексеевич, 1909 (Тамбовская область)
Парамонов Петр Васильевич, 1912 (Московская область)
Парис Дмитрий Устинович, 1917 (Белоруссия)
Пархоменко Григорий Дмитриевич, 1908 (Украина)
Пархоменко Сергей Филиппович, 1909 (Алтайский край)
Пархоменко Степан Андреевич, 1909 (Украина)
Пасерб Григорий Матвеевич, 1912 (Алтайский край)
Паскун И. А., 1906
Пасютин Михаил Александрович, 1922 (Орловская область)
Пахотин Степан Иванович, 1916 (Украина)
Пашаев Кани, 1917 (Азербайджан)
Пашенцев Семен Тимофеевич, 1907 (Новосибирская область)
Пашков Степан Федосеевич, 1902 (Курганская область)
Паюл Никифор Никитович, 1913 (Казахстан)
Пелевин Анатолий Михайлович, 1915 (Ивановская область)
Пенкин Петр Кузьмич, 1916 (Воронежская область)
Пентюшков Иван Иванович, 1915 (Красноярский край)
Пенчук И., 1905 (Белоруссия)
Пеньковский Иван Васильевич, 1912 (Краснодарский край)
Переславцев Яков Порфирьевич, 1910 (Воронежская область)

Периков Егор Прокопьевич, 1910 (Смоленская область)
Перминов Григорий Яковлевич, 1904 (Московская область)
Перов Дмитрий Кузьмич, 1907 (Казахстан)
Першин Алексей Константинович, 1905 (Удмуртская Республика)
Пестов Терентий Григорьевич, 1905/1911 (Кировская область)
Петин Иван Иванович, 1904 (Рязанская область)
Петр И. К., 1913 (Смоленская область)
Петров
Петров А. Г., 1896 (Ярославская область)
Петров Алексей Захарович, 1920 (Республика Татарстан)
Петров В. А.
Петров Григорий Зиновьевич, 1920 (Челябинская область)
Петров Иван Михайлович, 1907 (Новосибирская область)
Петров Иван Петрович, 1896 (Чувашская Республика)
Петров Иван Федорович, 1918 (Псковская область)
Петров М. И. (Тверская область)
Петров Николай Васильевич, 1926 (Смоленская область)
Петров П. П. (Тверская область)
Петров Павел Петрович, 1895 (Тверская область)
Петухов Никифор Петрович, 1902 (Липецкая область)
Петушков Иван Васильевич, 1908 (Саратовская область)
Печенкин Николай Григорьевич, 1908 (Пермский край)
Печников Павел Семенович, 1910 (Смоленская область)
Пешков Александр Герасимович, 1917 (Курганская область)
Пивоваренко, 1918 (Украина)
Пиланов А. И.
Пиркин Гайфи Яруллоевич, 1911 (Республика Татарстан)
Пирогов Степан Антонович, 1911 (Казахстан)
Пичулев П. В., 1909 (Республика Марий Эл)
Пищаев Павел Васильевич, 1911 (Нижегородская область)
Пищальников Александр Савельевич, 1911 (Пермский край)
Плакунов Андрон Андреевич, 1919 (Ростовская область)
Платико Михаил Ильич, 1920 (Украина)
Платонов Егор Платонович, 1892 (Тверская область)
Платонов Федор Александрович, 1913 (город Москва)
Плашенко Михаил Федорович, 1908 (Украина)
Плетнев Федор Игнатьевич, 1911 (Кемеровская область)
Плешанков Семен Филимонович, 1907 (Воронежская область)
Плотников Никифор Петрович, 1902 (Кировская область)
Плохих Алексей Кузьмич, 1913 (Нижегородская область)
Плуталов Лаврентий Григорьевич, 1909 (Саратовская область)
Плясов Бурган Насибович, 1907 (Республика Татарстан)
Погосян Герасим Маргарович, 1910 (Армения)
Подлечай Р.
Подлинский Федор Иванович, 1913 (Кемеровская область)
Подмазов Василий Ст. (Смоленская область)
Подмосковное И. Е., 1921 (Волгоградская область)
Подорванный Иван Афанасьевич, 1908 (Смоленская область)
Пожарнов Степан Евдокимович, 1891 (Московская область)
Пожарский Тимофей Алекс, 1900 (Республика Татарстан)
Поздеев Дмитрий Савельевич, 1901 (Удмуртская Республика)
Покровский Ал. Петрович, 1912 (Нижегородская область)

Полдомасов Михаил Николаевич, 1897 (Республика Мордовия)
Полещук Николай Гаврилович, 1907 (Украина)
Полиглотов Борис Федорович, 1915 (Томская область)
Половиши Петр Павлович, 1907 (Смоленская область)
Полтавец Андрей Тимофеевич, 1918 (Украина)
Полтев Евдоким Афанасьевич, 1905 (Брянская область)
Полуаршинов Павел Степанович, 1898 (Омская область)
Полухин Михаил Михайлович, 1909 (Алтайский край)
Полухин Трофим Яковлевич, 1900 (Курганская область)
Полуэктов Антон Антонович, 1923 (Украина)
Поляков Александр Иванович, 1905 (Тверская область)
Поляков Григорий Аф., 1919 (Московская область)
Поляков Григорий Михайлович, 1903 (Смоленская область)
Поляков Степан Михайлович, 1894 (Тверская область)
Поляруш Иван Васильевич, 1918 (Украина)
Понамаренко Е. Е., 1913 (Украина)
Понамарев Г. Ф., 1922
Понамарев М. Д.
Понамарев Н. С.
Понарин Яков Николаевич, 1913 (Новосибирская область)
Пономаренко Ефим Павлович, 1910 (Украина)
Пономарев Яков Иванович, 1908 (Пермский край)
Пономарчук Дмитрий Григорьевич, 1919 (Краснодарский край)
Попков Матвей Николаевич, 1904 (Московская область)
Попов А. Ф.
Попов Борис Иванович, 1923 (Кировская область)
Попов Герасим Филиппович, 1907 (Кировская область)
Попов Григорий Дмитриевич, 1901 (Саратовская область)
Попов Дмитрий Фед., 1912 (Рязанская область)
Попов И. Т., 1914 (Саратовская область)
Попов Марк Степанович, 1913 (Тамбовская область)
Попцов Николай Петрович, 1896 (Кировская область)
Порадько Василий Степанович, 1919 (Украина)
Породин Павел Васильевич, 1906 (Рязанская область)
Пороховник Яков Григорьевич, 1886 (город Москва)
Портнягин Георгий Платонович, 1917 (Камчатский край)
Порточенко Иван, 1913 (Смоленская область)
Посконный Никита Сергеевич, 1915 (Брянская область)
Потапов Иван Спиридонович, 1905 (Брянская область)
Почекин Григорий Михайлович, 1918 (Вологодская область)
Правдин Кузьма Васильевич, 1908 (Тульская область)
Прасолов Александр Иванович, 1918 (Алтайский край)
Працевский М. Н. (Воронежская область)
Прещепа Александр Прохорович, 1911 (Ростовская область)
Привалов Илья Степанович, 1909 (Свердловская область)
Пригоршнева Григорий Васильевич, 1912 (Нижегородская область)
Приданов Петр Иванович, 1915 (Самарская область)
Прилип Василий Лаврентьевич, 1907 (Омская область)
Принцев Петр Селиверстович, 1903 (Тверская область)
Приступка Николай Антонович, 1908 (Краснодарский край)
Притвин Николай Иванович, 1919 (Украина)
Приходченко Никанор Гордеевич, 1903 (Украина)

Приходько Михаил Филиппович, 1901 (Украина)
Проворов Николай Федорович, 1914 (Ростовская область)
Прокопенко Василий Антонович, 1891 (Смоленская область)
Прокопенко Григорий Петрович, 1906 (Украина)
Прокофьев Николай Прокофьевич, 1895 (Новгородская область)
Прокудин Петр Кузьмич, 1911 (Тамбовская область)
Пронин А. К. (Кыргызстан)
Пронин Максим Максимович, 1919 (Пензенская область)
Пронькин Данил Федосеевич, 1918 (Смоленская область)
Проскурин Як. Яковлевич, 1903 (Белгородская область)
Протасов Михаил Степанович, 1906 (Тюменская область)
Прохоров Василий Дмитриевич, 1888 (Московская область)
Прохоров Дмитрий Васильевич, 1894 (Псковская область)
Прохоров Иван Михайлович, 1904 (Московская область)
Прохоров Петр Алекс, 1901 (Украина)
Прошкин Егор Иванович, 1922 (Смоленская область)
Прудчевский Степан Петрович, 1915 (Смоленская область)
Пруидзе Григорий Михайлович, 1914 (Краснодарский край)
Пруц Александр Иванович, 1906 (Украина)
Пряхин Алексей Степанович, 1896 (Ивановская область)
Птушкин Андрей Федорович, 1886 (Смоленская область)
Пугачев Иван Ермолаевич, 1909 (Московская область)
Пузейкин Петр Акимович, 1909 (Смоленская область)
Пузенко (Смоленская область)
Путилов Сергей Петрович, 1922 (Амурская область)
Пучка Иван Васильевич, 1904 (Украина)
Пушин Михаил Федорович, 1901 (Удмуртская Республика)
Пчелин Михаил Иванович, 1916 (Нижегородская область)
Пчелкин Вениамин Иванович, 1921 (Республика Марий Эл)
Пшеничкин Исай Филиппович, 1906 (Тульская область)
Пшеничных Петр Иванович, 1909 (Воронежская область)
Пыщев Иван Петрович, 1914 (Липецкая область)
Пьяных Егор Иванович, 1903 (Курская область)
Пятаев А. Н. (Самарская область)
Рагулин Данил Терентьевич, 1918 (Белгородская область)
Разгоняев Тимофей Дмитриевич, 1894 (Самарская область)
Разуваев П. Н., 1915 (город Москва)
Раина Иван Петрович, 1914 (Республика Башкортостан)
Ральников Василий Макеевич, 1912 (Удмуртская Республика)
Рассолодов Николай Григорьевич, 1921 (Смоленская область)
Рассохин Евгений Борисович, 1922 (город Москва)
Ратников Степан Сергеевич, 1902 (Ульяновская область)
Рафиков Хасан, 1903 (Республика Башкортостан)
Рахимбаев Трофим, 1905 (Казахстан)
Рахманов Иван Павлович, 1919 (Владимирская область)
Рахметов Кандали, 1902 (Саратовская область)
Резинкин Алексей Елисеевич, 1912 (Новосибирская область)
Резник Филипп Гаврилович, 1913 (Украина)
Решетников Л. И. (Смоленская область)
Рифин Г. (Республика Татарстан)
Рогачев Е. А.
Родин Ал. Ал., 1906 (Нижегородская область)

Родин Василий Николаевич, 1909 (Калужская область)
Родионов Иван Иванович, 1920 (Украина)
Рожин Петр Евсеевич, 1909 (Ростовская область)
Рожков Александр Архипович, 1914 (город Москва)
Розанов Серафим, 1909 (Московская область)
Рой Иван Михайлович, 1908 (Украина)
Романенко Никифор Евтихиевич, 1904 (Брянская область)
Романков Ефим Иванович, 1902 (Воронежская область)
Романов Григорий Петрович, 1911 (город Москва)
Романов Ефим Иванович, 1901 (Курская область)
Романов Н. А., 1912
Ромахин Ефим Иосифович, 1898 (Курганская область)
Росликов Ф. И., 1908 (Белоруссия)
Россихин Анатолий Владимирович, 1922 (Рязанская область)
Рощев Михаил Антонович, 1884 (Смоленская область)
Рубайлов Андрей Семенович, 1910 (город Москва)
Рубан Михаил Васильевич, 1902 (Томская область)
Рубовик П. А.
Рубцов Владимир Иванович, 1904 (город Москва)
Рубченков Петр Яковлевич, 1905 (Московская область)
Рудаков Ф. Д., 1907
Рудьков Ф. Д.
Ружников Евгений Наумович, 1907 (Архангельская область)
Румянцев Василий Ларионович, 1925 (Смоленская область)
Румянцев Виктор Иванович, 1919 (Украина)
Русаков Дмитрий Кириллович, 1901 (Тверская область)
Русанов Владимир Андреевич, 1908 (город Москва)
Русанов К. А. (Тверская область)
Русин Петр Петрович, 1901 (Томская область)
Руслев Степан Васильевич, 1917 (Брянская область)
Русских Федор Кузьмич, 1904 (Удмуртская Республика)
Рыбальченко И. В. (Нижегородская область)
Рыбин Виктор Тр., 1923 (Белоруссия)
Рыжих М. Ф. (Курская область)
Рыжков Иван Васильевич, 1891 (город Москва)
Рябец Максим Алексеевич, 1895 (Украина)
Рябко Петр Платонович, 1911 (Украина)
Рябков Яков Никифорович, 1908 (Новосибирская область)
Рябков Яков Павлович, 1914 (Нижегородская область)
Рябов И. С., 1913 (Орловская область)
Рябокоть А. Ф., 1905 (Украина)
Рябухин Алексей Иванович, 1909 (Нижегородская область)
Рябухин Василий Федорович, 1912 (Рязанская область)
Рябцев Иван Терентьевич, 1912 (Красноярский край)
Рябцов Иван Лукич, 1912 (Московская область)
Рядинский Ф. Д.
Рязанов И. М.
Рязанов Петр Александрович, 1911 (Нижегородская область)
Сааков Александр Айрапетович, 1911 (Ставропольский край)
Сабиров Гали Сабирович, 1912 (Республика Башкортостан)
Сабисов В. П., 1913 (Кыргызстан)
Сабитов Абдулла Файзрахманович, 1908 (Республика Татарстан)

Саблин Александр Иванович, 1922 (Ленинградская область)
Саблин Федор Васильевич, 1911 (Алтайский край)
Савельев Петр Александрович, 1922 (Смоленская область)
Савельев Сергей Николаевич, 1920 (Московская область)
Савелов Александр Михайлович, 1916 (Алтайский край)
Савкин Иван Алексеевич, 1910 (Калужская область)
Савченко Иван Иванович, 1911 (Украина)
Садатов Агахан, 1919 (Азербайджан)
Садовый Н. И., 1919 (Белоруссия)
Сазанов Петр Павлович, 1918 (Воронежская область)
Сазонов Федор Михайлович, 1907 (Саратовская область)
Саидханов Музафар Умарович, 1917 (Узбекистан)
Сайнаков Михаил Климентьевич, 1909 (Томская область)
Саламатов Григорий Андреевич, 1905 (Кировская область)
Салихов Ибрай, 1908 (Республика Татарстан)
Салов Илья Лукьянович, 1905 (Краснодарский край)
Салов Леонид Андреевич, 1912 (Ивановская область)
Салтов Сахибарт, 1910 (Оренбургская область)
Салтыков Николай Дмитриевич, 1913 (Нижегородская область)
Сальников Петр, 1911 (Украина)
Сальников Петр Семенович, 1908 (Воронежская область)
Самарин Н. И. (Воронежская область)
Самигуллин Сагит, 1914 (Республика Башкортостан)
Самоделов Захар Васильевич, 1906 (Псковская область)
Самойленко Федор Ефимович, 1906 (Челябинская область)
Самойлов Дмитрий Дмитриевич, 1907 (Московская область)
Самошкин Егор Васильевич, 1904 (Рязанская область)
Самсиани Сирбисто Бесарионович, 1922 (Абхазия)
Самсонов А. И., 1912 (Томская область)
Самсонов Д. Л., 1909 (Кыргызстан)
Самсонов Н. К., 1911 (Московская область)
Самсонов Николай Васильевич, 1923 (Липецкая область)
Самсонов Павел Николаевич, 1902 (Костромская область)
Сапин Николай Петрович, 1919 (Алтайский край)
Сапожников Арсений Тимофеевич, 1911 (Тверская область)
Сапронов Ф. К. (город Москва)
Сарбасов Султан, 1896 (Казахстан)
Саркисов Аршавир Мовсесович, 1920 (Азербайджан)
Сарочин Аверьян Антонович, 1909 (Красноярский край)
Сарычев Алексей Тарасович, 1909 (Московская область)
Сатвалдинов Балтабай, 1902 (Казахстан)
Саушкин Иван Ст., 1907 (Смоленская область)
Сафин Габдрахман Сафинович, 1904 (Республика Татарстан)
Сафонов Алексей Павлович, 1921 (Липецкая область)
Сафонов Василий Прохорович, 1902 (Тульская область)
Сафонов Иван Ефимович, 1900/1918 (Республика Башкортостан)
Сафонов Иван Ил., 1912 (Воронежская область)
Сафров Кузьма Тарасович, 1919 (Курганская область)
Сафронов Иван Федорович, 1902 (Тульская область)
Сафронов Николай Иванович, 1902 (город Москва)
Сафронов Тимофей Павлович, 1913 (Нижегородская область)
Сахаров Андрей Трофимович, 1907 (Республика Башкортостан)

Сахаров Николай Максимович, 1903 (город Москва)
Сахаров Николай Павлович, 1921 (Ярославская область)
Светличный Иван Петрович, 1906 (Воронежская область)
Свириденко Гр. Ан., 1905 (Оренбургская область)
Свиридов Я. В., 1900 (Украина)
Свистунов, 1906 (Белоруссия)
Свистунов Иван Федорович, 1916 (город Москва)
Севастьянов Иван Петрович, 1909 (город Москва)
Сединин Федор Иванович, 1914 (Пермский край)
Седов Константин Константинович, 1903 (Ивановская область)
Селиверстов Александр Никитич, 1902 (Республика Марий Эл)
Селиверстов Андрей Васильевич, 1909 (Нижегородская область)
Селиверстов Василий Иванович, 1905 (Ульяновская область)
Сельдимешев Никифор Степанович, 1918 (Республика Хакасия)
Семейкин Иван Григорьевич, 1913 (Курганская область)
Семенюк Василий Арефьевич, 1903 (Украина)
Семенов Александр Семенович, 1907 (Тюменская область)
Семенов Василий Агафонович, 1915 (Удмуртская Республика)
Семенов В. М. (Кировская область)
Семенов Дмитрий Михайлович, 1915 (Орловская область)
Семенов Ник. Яковлевич, 1902 (Московская область)
Семенов Николай
Семенов Семен Герасимович, 1903/1913 (Московская область)
Семенов Степан Ефимович, 1902 (Пермский край)
Семидетков Василий Васильевич, 1919 (Украина)
Семиколенов Иван Кузьмич, 1903 (Оренбургская область)
Семко Иван Иванович, 1911 (Воронежская область)
Семов Ал. Петрович, 1914 (Московская область)
Семькин Михаил Иванович, 1905 (Воронежская область)
Сенднер В. А., 1920 (Украина)
Сенин Валентин Ефимович, 1919 (Республика Мордовия)
Сергеев Иван Иванович, 1923 (город Москва)
Сергеев Иван Яковлевич, 1921 (город Москва)
Сергеев Михаил Иванович, 1906 (город Москва)
Сергеев Михаил Павлович, 1912 (Владимирская область)
Сергеев Николай Степанович, 1910 (Московская область)
Сергеев Сергей Филиппович, 1902/1912 (Новосибирская область)
Сергунин Михаил Васильевич, 1913 (Нижегородская область)
Серебряков Александр Максимович, 1913 (Ивановская область)
Середа Захар Корнеевич, 1920 (Украина)
Сержантов Яков Васильевич, 1909 (Московская область)
Серов В. И.
Сибац Андрей Сергеевич, 1907 (Украина)
Сивашин Ф. (Оренбургская область)
Сигутин Иван Петрович, 1912 (Калужская область)
Сидвор Н. К., 1901
Сиделев Борис Александрович, 1918 (Республика Башкортостан)
Сидоренко Трофим Карпович, 1909 (Украина)
Сидоров Константин Васильевич, 1918 (Тверская область)
Сидоров Николай Алексеевич, 1918 (Удмуртская Республика)
Сидоров Николай Васильевич, 1927 (Смоленская область)
Сидоров Петр Петрович, 1914 (Рязанская область)

Сидоров Я. И., 1907
Сизов Николай Иванович, 1916 (Нижегородская область)
Силантьев Василий Дмитриевич, 1902 (Нижегородская область)
Силин Сергей Алексеевич, 1898 (Московская область)
Симагин Иосиф Иосифович, 1911 (Калужская область)
Симонов Александр Васильевич, 1910 (Ростовская область)
Симонов И. В., 1903 (Курганская область)
Симонов К. П., 1903 (Тульская область)
Симонов П. С., 1903
Симонов Степан Данилович, 1907 (Удмуртская Республика)
Синегубов Михаил Сергеевич, 1904/1912 (Московская область)
Сипетов Георгий Васильевич, 1895 (Тверская область)
Сисаури Николоз Биджанович, 1900 (Грузия)
Ситников (Украина)
Скаков Михаил Петрович, 1908 (Алтайский край)
Скачилов Иван Никифорович, 1908 (Томская область)
Склярченко Михаил Яковлевич, 1922 (Украина)
Скобеев Василий Георгиевич, 1919 (Астраханская область)
Скоблин Гаврил Федорович, 1913 (Рязанская область)
Скопинцев Виктор Дмитриевич, 1909 (Саратовская область)
Скорина Ефим Степанович, 1909 (Украина)
Скоробогатов Сергей Иванович, 1915 (Смоленская область)
Скрыпников Григорий Васильевич, 1910 (Казахстан)
Скуратов Павел Дмитриевич, 1897 (Алтайский край)
Скурыгин Николай Иванович, 1914 (Владимирская область)
Славин Федор Алексеевич, 1900 (Московская область)
Слободенюк Василий Иванович, 1920 (Украина)
Слюсарев Иван Родионович, 1905 (Воронежская область)
Сметанин Петр Васильевич, 1915 (Челябинская область)
Смирнов Алексей Федорович, 1915 (Тверская область)
Смирнов Василий Мокеевич, 1911 (Костромская область)
Смирнов Георгий Семенович, 1918 (Ярославская область)
Смирнов И. Д. (Казахстан)
Смирнов И. М., 1909 (город Москва)
Смирнов Иван Васильевич, 1910 (город Москва)
Смирнов Иван Егорович, 1901 (Московская область)
Смирнов Иван Павлович, 1909 (Смоленская область)
Смирнов Иван Павлович, 1909 (Томская область)
Смирнов Иван Тихонович, 1918 (Ярославская область)
Смирнов Иван Фед., 1905 (Московская область)
Смирнов Илья Ильич, 1900 (город Москва)
Смирнов Николай Дмитриевич, 1914 (Нижегородская область)
Смирнов Петр Иванович, 1909 (Московская область)
Смирнов Ф., 1904 (Тверская область)
Смолин Михаил Анисимович, 1921 (Кемеровская область)
Смурыгин Василий Иванович, 1905 (Ярославская область)
Смышляев Иван Иванович, 1902 (Свердловская область)
Собирин И. Е. (Воронежская область)
Соболев
Соболев, 1916 (Тамбовская область)
Соковиков Яков Григорьевич, 1909 (Удмуртская Республика)
Сокол Иван Николаевич, 1910

Соколов Андрей Семенович, 1912 (город Москва)
Соколов Дмитрий Борисович, 1904 (Московская область)
Соколов И. И., 1912 (Смоленская область)
Соколов Иван Алексеевич, 1911 (Республика Татарстан)
Соколов М. К., 1913
Соколов П. М., 1900 (Московская область)
Соколов П. Н., 1903
Соколов Петр Андреевич, 1918 (Тверская область)
Соколов Сергей Никифорович, 1919 (Липецкая область)
Соколов Яков Дементьевич, 1902 (Алтайский край)
Солдатенко В. И. (Республика Мордовия)
Солкин Леонтий Максимович, 1909 (Республика Мордовия)
Соловцов Павел Дмитриевич, 1915 (Московская область)
Соловьев Василий Михайлович, 1920 (Московская область)
Соловьев И. К., 1910 (Пензенская область)
Соловьев Иван Петрович, 1905 (Тверская область)
Соловьев Н. Н., 1905 (Тверская область)
Соловьев Сергей Семенович, 1904 (Кировская область)
Соловьев Степан Николаевич, 1906 (Кировская область)
Соломатин Василий Данилович, 1911 (Курская область)
Солонец Роман Кондратьевич, 1907 (Челябинская область)
Солуянов Сергей Иванович, 1901 (Самарская область)
Сорокин Михаил Иванович, 1907 (Тверская область)
Сорокин Федор Максимович, 1900 (Челябинская область)
Сорокожердьев Михаил Герасимович, 1897 (Кировская область)
Сосин Петр Никифорович, 1904 (Ульяновская область)
Сосновских Яков Филиппович, 1901 (Свердловская область)
Сосоров Бадма Балданович, 1917 (Республика Бурятия)
Сотский Сергей Васильевич, 1917 (Украина)
Софьин Иван Васильевич, 1900 (Курганская область)
Сохин Василий Михайлович, 1906 (Воронежская область)
Спесивцев Никодим Иванович, 1901 (Белгородская область)
Срыбный И. П., 1905 (Новосибирская область)
Стадник Иван Михайлович, 1903 (Украина)
Стариков Николай Иванович, 1910 (Владимирская область)
Старово... Алек. Ефимович, 1911 (Пермский край)
Старовойтов, 1892 (Белоруссия)
Стародубцев Артемий Петрович, 1908 (Алтайский край)
Старостин Петр Дмитриевич, 1903 (город Москва)
Статов Дмитрий Степанович, 1907 (Белоруссия)
Степанов
Степанов Андрей Анисимович, 1907 (Республика Башкортостан)
Степанов Андрей Григорьевич, 1903 (Смоленская область)
Степанов Василий Степанович, 1913 (Чувашская Республика)
Степанов Иуда Степанович, 1911 (Удмуртская Республика)
Степанов Пантелеймон Лаврентьевич, 1915 (Казахстан)
Степанов Яков Иванович, 1917 (Кемеровская область)
Степашкин Виктор Семенович, 1914 (Нижегородская область)
Стефанишин Иван Яковлевич, 1923 (Украина)
Столбовой Роман Яковлевич, 1912 (Кыргызстан)
Столяров Иван, 1882 (Смоленская область)
Стопов

Стрелков Иван Прокопьевич, 1905 (Кировская область)
 Стрельцов Михаил Федотович, 1917 (Ростовская область)
 Студеникин Иван Митрофанович, 1902 (Воронежская область)
 Ступико Андрей Ефимович, 1910 (Украина)
 Суворов Николай Михайлович, 1909 (Челябинская область)
 Судаков Василий Федорович, 1901 (Тверская область)
 Судариков Александр, 1925 (Тверская область)
 Судариков Леонид Николаевич, 1915 (Владимирская область)
 Сузин Иван Антонович, 1910 (Воронежская область)
 Сулейманов Шилай, 1915 (Чувашская Республика)
 Султанов Бетал, 1918 (Азербайджан)
 Султанов Гата Халитович, 1918 (Республика Башкортостан)
 Сулялин Павел Федорович, 1914 (Кировская область)
 Сундуков Александр Николаевич, 1905 (Пензенская область)
 Суриков Алексей Петрович, 1905 (Рязанская область)
 Суровский Иосиф Денисович, 1908 (Украина)
 Суслин Василий Федорович, 1919 (Тамбовская область)
 Суслин Максим Афанасьевич, 1909 (Тамбовская область)
 Суслов Александр Петрович, 1923 (город Москва)
 Суханов Леон. Ник., 1916 (Казахстан)
 Суханов Михаил Григорьевич, 1912 (Тверская область)
 Сухарев Вениамин Ал., 1921 (Курская область)
 Сухинин Михаил Леонтьевич, 1904 (Белгородская область)
 Сухотский Гавриил Семенович, 1908 (Алтайский край)
 Сыртланов Тимеркай, 1898 (Республика Башкортостан)
 Сырыгин Василий Григорьевич, 1901 (Удмуртская Республика)
 Сычев Иван Васильевич, 1902 (Нижегородская область)
 Тагаев Трум, 1916 (Узбекистан)
 Тазиахметов Мирза, 1909 (Республика Татарстан)
 Такташов Шариф, 1900 (город Москва)
 Талюкин Алексей Алексеевич, 1920 (Алтайский край)
 Тарарыкин Ф. А., 1907 (Воронежская область)
 Тарасенко, 1907 (Украина)
 Тарасов Александр Михайлович, 1903 (Республика Башкортостан)
 Тарасов Матвей Матвеевич, 1902 (Свердловская область)
 Татиев Тем., 1914 (Казахстан)
 Твердохлебов Павел Семенович, 1918 (Украина)
 Твердый Николай Михайлович, 1914 (Белоруссия)
 Телепиев Вильгельм Архипович, 1922 (Белоруссия)
 Тельных Прокопий Вуколович, 1914 (Липецкая область)
 Темко Ал. Данилович, 1919 (Украина)
 Теплоухов Петр Михайлович, 1918 (Курганская область)
 Теплухин Рюрик Петрович, 1923 (город Москва)
 Тердунов Анатолий Тимофеевич, 1920 (Архангельская область)
 Терентьев Виктор Терентьевич, 1904 (Чувашская Республика)
 Терентьев С. Н. (Казахстан)
 Теренчев Михаил Иванович, 1911 (Воронежская область)
 Терехин Ил. Кузьмич, 1915 (Ульяновская область)
 Терешко Александр Данилович, 1905 (Белоруссия)
 Терновой Иван Захарович, 1920 (Саратовская область)
 Терских Степан Степанович, 1910 (Республика Хакасия)
 Тетирко Иван Васильевич, 1912 (Украина)

Теубежев Ислам Салихович, 1908 (Республика Карачаево-Черкесия)
Тимашев Иван Васильевич, 1894 (Ростовская область)
Тимофеев Алекс. Тимофеевич, 1910 (Тверская область)
Тимофеев Василий Тимофеевич, 1901 (Удмуртская Республика)
Тимофеев Влад. Арк., 1920 (город Москва)
Тимофеев Иван Алексеевич, 1892/1914 (Нижегородская область)
Тимофеев Иван Тимофеевич, 1913 (Псковская область)
Тимченко Михаил Иванович, 1911 (Волгоградская область)
Титерин Василий Алексеевич, 1905 (Тверская область)
Титов Кон. Прокопьевич, 1910 (Смоленская область)
Титов Константин, 1906 (Чувашская Республика)
Титов Леонид Петрович, 1917 (Красноярский край)
Титов Н. В., 1921 (Тверская область)
Титов Федор Прокопьевич, 1911 (Омская область)
Тихомиров Дмитрий Степанович, 1902/1912 (Тверская область)
Тишабаев Сулейман, 1920 (Узбекистан)
Ткач Денис Сергеевич, 1901/1907 (Украина)
Ткаченко В. Г., 1909
Ткаченко Григорий Кузьмич, 1907 (Украина)
Ткачук Емельян Лазаревич, 1921 (Украина)
Токарев Роман Павлович, 1914 (Алтайский край)
Токаренко Петр Иосифович, 1920 (Украина)
Толканев Григорий Андреевич, 1913 (Алтайский край)
Толмачев Василий Федорович, 1921 (Тамбовская область)
Толобин Павел Евдокимович, 1912 (Украина)
Толобов Александр Васильевич, 1907 (Ивановская область)
Толстопят Николай Григорьевич, 1903 (Украина)
Толстых Платон Иванович, 1900 (Алтайский край)
Топорище Егор Васильевич, 1915 (Калужская область)
Тотьмянин Яков Егорович, 1911 (Пермский край)
Тоцкий Роман Михайлович, 1904 (Республика Башкортостан)
Трахтенбрайт Абрам Давидович, 1897 (Свердловская область)
Треногин (Пермский край)
Трескин Иван Андреевич, 1913 (Республика Татарстан)
Третьяков Давыд Федорович, 1903 (Красноярский край)
Третьяков Степан Ефимович, 1908 (Тюменская область)
Тришин Дмитрий Алексеевич, 1903 (Рязанская область)
Трофимов Александр Иванович, 1907 (Тверская область)
Трофимов Николай Васильевич, 1905 (город Москва)
Трофимов Федор Михайлович, 1909 (Волгоградская область)
Трошан Николай Яковлевич, 1903/1921 (Украина)
Трубкин Михаил Сергеевич, 1924 (Смоленская область)
Трусов Алексей Сергеевич, 1913 (Тверская область)
Трусов Иван Николаевич, 1910 (Тверская область)
Трусов Трофим Федорович, 1900 (Республика Хакасия)
Трухин Иван Павлович, 1917 (Кировская область)
Тульнов Николай Иванович, 1922 (Тверская область)
Туляков Александр Иванович, 1902 (Вологодская область)
Тумасов Аркадий Аркадьевич, 1920 (Азербайджан)
Турецкий Василий Алек., 1921 (Ленинградская область)
Турецкий Семен Алексеевич, 1904 (Московская область)
Турик Иван Илларионович, 1897 (Смоленская область)

Турин Н. В., 1919 (Тверская область)
 Тухтаев Халим, 1920 (Узбекистан)
 Тырбулев Анатолий Петрович, 1915 (Республика Хакасия)
 Тысяцкий Сергей Алексеевич, 1914 (Тверская область)
 Тюкаев Иван Осипович, 1912 (Нижегородская область)
 Тюлькин Алек. Михайлович, 1908 (Украина)
 Тюменцев Егор Егорович, 1910 (Алтайский край)
 Уваров Михаил Петрович, 1917 (Пензенская область)
 Удалов Борис Николаевич, 1920 (Тверская область)
 Удальцов Петр Дмитриевич, 1913 (Тюменская область)
 Удачин Александр Егорович, 1922 (Тверская область)
 Узбеков Айсабек, 1902 (Казахстан)
 Улитин Ал. Е., 1912 (Тюменская область)
 Уличкин Тихон Борисович, 1901 (Брянская область)
 Ульянов Григорий Кириллович, 1902 (город Москва)
 Ульянов Федор Иванович, 1915 (Липецкая область)
 Улюмджиев Сангаджи-Гаря Насунович, 1910 (Приморский край)
 Умнов Филипп Леонтьевич, 1905 (Самарская область)
 Ундрицов Яков Васильевич, 1902 (Чувашская Республика)
 Уразбаев Рахмет Хамзович, 1913 (Оренбургская область)
 Урядников Сергей Александрович, 1927 (Смоленская область)
 Усачев Федор Васильевич, 1900/1913 (Удмуртская Республика)
 Усачев Михаил Матвеевич, 1904 (Саратовская область)
 Усенко Павел Васильевич, 1921 (Украина)
 Усков Дмитрий Андреевич, 1912 (Челябинская область)
 Усманов Роман Ганилович, 1919 (Челябинская область)
 Ухарский Дмитрий Андреевич, 1901 (Московская область)
 Ушаков Аркадий Иосифович, 1909 (Кировская область)
 Ушаков Григорий Прокопьевич, 1911 (Украина)
 Ушаков Семен Васильевич, 1908 (Тверская область)
 Ушаков Степан Кузьмич, 1900 (Свердловская область)
 Ушенов
 Уютов Василий Егорович, 1900/1912 (Ивановская область)
 Фарин Иван Дмитриевич, 1889 (Нижегородская область)
 Фархатдинов Абдурахман, 1898 (Республика Татарстан)
 Фатеев Никита Яковлевич, 1902 (Свердловская область)
 Фахретдинов Лутфрахман Файзрахманович, 1913 (Республика Башкортостан)
 Фахурдинов, 1913
 Федин Егор Дмитриевич, 1908 (Владимирская область)
 Федоренко Федор Васильевич, 1896 (Белоруссия)
 Федорков Ф. И., 1902 (Украина)
 Федосеев Владимир Алексеевич, 1921 (Ивановская область)
 Федосов Михаил Васильевич, 1892 (город Москва)
 Федяев Михаил Кузьмич, 1913 (Рязанская область)
 Федянин Сергей Илларионович, 1922 (Кыргызстан)
 Феоктистов Федор Ал., 1893 (Ярославская область)
 Фещенко Петр Макарович, 1920 (Украина)
 Федоров Алексей Михайлович, 1912 (город Москва)
 Федоров Алексей Николаевич, 1914 (Красноярский край)
 Федоров Антон Анисимович, 1911 (Белоруссия)
 Федоров Василий Степанович, 1908 (Красноярский край)
 Федоров Василий Федорович, 1910 (Владимирская область)

Федоров Дмитрий Васильевич, 1900 (Новгородская область)
Федоров Н. Ф., 1887
Федоров Яков Сергеевич, 1914 (Украина)
Фиалковский Яков Андреевич, 1902 (Красноярский край)
Филатов Лаврентий Васильевич, 1896 (Республика Башкортостан)
Филин Егор Григорьевич, 1909 (Калужская область)
Филиппов Георгий Яковлевич, 1917 (Республика Татарстан)
Филиппов Григорий Лукич, 1915 (Ивановская область)
Филиппов Федор Михайлович, 1899 (Самарская область)
Филиппов Фрол Иванович, 1912 (Самарская область)
Филирчук Василий Михайлович, 1896 (Украина)
Финота Петр Иванович, 1906 (Украина)
Фирсов Александр Ник., 1923 (город Москва)
Фирсов Алексей Дмитриевич, 1909 (город Москва)
Фодин Ф. И., 1909 (Узбекистан)
Фоменко Андрей Петрович, 1911 (Узбекистан)
Фомин Кормен, 1902 (Нижегородская область)
Фомин Максим Федорович, 1918 (Алтайский край)
Фомин Нефед Данилович, 1915 (Алтайский край)
Фомин Сергей Иванович, 1910 (Белгородская область)
Фомин Яков (Омская область)
Фоминых Иван Евтеевич, 1913 (Алтайский край)
Фомичев Сергей Андреевич, 1919 (Тульская область)
Фридман Константин Алекс, 1904 (Таджикистан)
Фролов
Фролов И. Д., 1910 (Пензенская область)
Фролов Николай Александрович, 1919 (Смоленская область)
Фролов Сергей Сергеевич, 1923 (Тамбовская область)
Фролов Федор Васильевич, 1906 (Саратовская область)
Хабибулин Асхат, 1917 (Республика Татарстан)
Хабибуллин Гиният, 1922 (Кировская область)
Хаблов Алексей Николаевич, 1913 (Украина)
Халимов Магомед, 1915 (Республика Дагестан)
Халов Ахмет, 1909 (Республика Башкортостан)
Хандриков Николай Михайлович, 1901/1907 (Ярославская область)
Ханов Георгий Константинович, 1908 (Республика Башкортостан)
Хаминич Александр Яковлевич, 1912 (Украина)
Хананов Харис, 1905 (Таджикистан)
Хара Федор Александрович, 1903 (Украина)
Харитонов Василий Павлович, 1902 (город Москва)
Харитонов Николай Иванович, 1913 (Нижегородская область)
Харченко И. Е.
Хасанов А. (Республика Башкортостан)
Хасанов Хабибрахман Хасанович, 1916 (Республика Башкортостан)
Хатенков Сергей Федорович, 1913 (Орловская область)
Хатиашвили Иван Герасимович, 1903 (Грузия)
Химаков Михаил Васильевич, 1906 (Белоруссия)
Хлебцевич Фед. Кон., 1904 (Украина)
Хлыстов Федор Дмитриевич, 1908 (Московская область)
Хмарин Николай
Хмыщенко С. С, 1908 (Белоруссия)
Ходжер Николай Кайнович, 1911 (Хабаровский край)

Холодильников Василий Семенович, 1920 (Калужская область)
Хомяков Иван Петрович, 1900 (Смоленская область)
Хомянок Фаня Ив., 1926 (Белоруссия)
Хорошилов Михаил Прокофьевич, 1905 (Саратовская область)
Хорьков Александр Трофимович, 1900 (Свердловская область)
Хорьяков Павел Митрофанович, 1905 (Белгородская область)
Хохлов Константин Михайлович, 1897 (Смоленская область)
Хренов Алексей Сергеевич, 1912 (Тверская область)
Хрипунов Михаил Матвеевич, 1907 (Нижегородская область)
Хромов Егор Никитич, 1886 (Московская область)
Хромов Тимофей Андреевич, 1915 (Калужская область)
Хромов Федор Сергеевич, 1904 (Московская область)
Хромушкин Николай Алексеевич, 1901 (город Москва)
Хрупин Василий Данилович, 1905 (Воронежская область)
Хрюкин Н. П., 1907 (Воронежская область)
Хряков Л. Г.
Хрянин Константин Ал., 1909 (Пензенская область)
Худяков Андрей Гаврилович, 1905 (Курганская область)
Хурсенко Антон Моисеевич, 1896 (Украина)
Хуртин Алексей Петрович, 1906 (Оренбургская область)
Хуснулин Каюм, 1918 (Республика Татарстан)
Цалуй Иосиф, 1891 (Украина)
Царев Анатолий Иванович, 1905 (Костромская область)
Царев Василий Степанович, 1911 (Костромская область)
Царев Федор Васильевич, 1903 (Пензенская область)
Цветков Василий Павлович, 1919 (Красноярский край)
Цветков Евгений Сергеевич, 1899 (Смоленская область)
Цветков Федор Никанорович, 1914 (Тверская область)
Цеба Николай Саввич, 1912 (Украина)
Цекунов Алексей Кузьмич, 1916 (Смоленская область)
Цепков А. П. (Челябинская область)
Чайкин Захар Антонович, 1903 (Алтайский край)
Чаркин Виктор Михайлович, 1914 (город Москва)
Чекалин Андрей Григорьевич, 1909 (Липецкая область)
Чекулаев Иван Николаевич, 1903 (Воронежская область)
Челбашов Александр Григорьевич, 1914 (город Москва)
Чемезов Ефим Иванович, 1900 (Свердловская область)
Чепкасов Павел Михайлович, 1901 (Удмуртская Республика)
Черевков Федор Константинович, 1899 (Удмуртская Республика)
Черенев Терентий Федорович, 1912 (Пермский край)
Черенко Федор Романович, 1905 (Украина)
Черепов Федор Владимирович, 1909 (Ярославская область)
Черепушкин Михаил Федорович, 1903 (город Москва)
Черкашин Федор Петрович, 1915 (Алтайский край)
Чермашенцев Петр Дмитриевич, 1911 (город Москва)
Чернецкий Семен Шлемович, 1905 (Украина)
Черноскутов Афанасий Иванович, 1909 (Свердловская область)
Черношей Иван Федорович, 1893 (Белоруссия)
Черноштан Мирон Емельянович, 1909 (Украина)
Чернухин Федор Борисович, 1918 (Белгородская область)
Черных Ал. Степанович, 1914 (Тамбовская область)
Черных Федор Петрович, 1903 (Курская область)

Черняев Виктор Васильевич, 1920 (город Москва)
Чесноков Дмитрий Александрович, 1895 (город Москва)
Чесноков Николай Игнатьевич, 1921 (Республика Татарстан)
Чешегоров Сергей Максимович, 1906 (Омская область)
Чигринов Иван Иванович, 1919 (Краснодарский край)
Чижов Василий Михайлович, 1922 (Вологодская область)
Чирик Иван Карпович, 1910 (Украина)
Чистяков
Чистяков Ф. И., 1917 (Ивановская область)
Чишенин Иван Егорович, 1905 (Московская область)
Чуб Григорий Яковлевич, 1910 (Ростовская область)
Чубаков Илья Порфирьевич, 1905 (Пензенская область)
Чубаров Андрей Кузьмич, 1898 (Белоруссия)
Чувашов Михаил Васильевич, 1907 (Кировская область)
Чугунов Прокопий Иванович, 1907 (Алтайский край)
Чулков Г. А., 1905 (Костромская область)
Чумаков Виктор Константинович, 1908 (Ростовская область)
Чумичев Егор Прохорович, 1903 (Московская область)
Чумичев Петр Иванович, 1912 (Тамбовская область)
Чуркин Владимир Иванович, 1911 (Нижегородская область)
Шабанов Алексей Васильевич, 1912 (Саратовская область)
Шабанов Иван Афанасьевич, 1921 (Челябинская область)
Шабанов Федор Иванович, 1907 (Вологодская область)
Шабунин Ефим Семенович, 1907 (Воронежская область)
Шадрин Иван Федорович, 1902 (Волгоградская область)
Шадрин Петр Афанасьевич, 1899 (Челябинская область)
Шадрихин А. Н., 1900
Шаймарданов Мубарак, 1922 (Республика Башкортостан)
Шайхинов Сахан, 1905 (Московская область)
Шакарашвили Илья, 1899 (Грузия)
Шакиров Фуат Закирович, 1924 (Республика Татарстан)
Шалепов С. А.
Шалимов Мухамед, 1911 (Самарская область)
Шалопутов Сергей Яковлевич, 1906 (Кыргызстан)
Шамшеня Дмитрий Емельянович, 1919 (Белоруссия)
Шамшурич Влас Порфирьевич, 1911 (Челябинская область)
Шамыкаев Зенат, 1900 (Республика Башкортостан)
Шанов П. А.
Шаньгин Иван Иванович, 1908 (Архангельская область)
Шапаренко Петр Алексеевич, 1911 (Оренбургская область)
Шапилов Иван Иванович, 1910 (Челябинская область)
Шапиро Илья Григорьевич, 1908 (Белоруссия)
Шапров Александр Васильевич, 1912 (Ярославская область)
Шарапов, 1921 (Смоленская область)
Шарапов Михаил Петрович, 1914 (город Москва)
Шаронов Александр Ефимович, 1910 (Челябинская область)
Шарый Ефим Николаевич, 1902 (Украина)
Шаталов Игнат Тимофеевич, 1913 (Алтайский край)
Шафигуллин Халим, 1915 (Кировская область)
Шафранов Федор Степанович, 1907 (Пермский край)
Шахалиев Сайт, 1912 (Республика Дагестан)
Шахиджанян Георгий М., 1903 (Таджикистан)

Шахов Иван Григорьевич, 1917 (Челябинская область)
Шахов Павел Федорович, 1922 (Республика Коми)
Шашанов Илья Кузьмич, 1912 (Республика Мордовия)
Шван Генрих Генрихович, 1923 (Смоленская область)
Швед Алексей Леонтьевич
Швед Назар Григорьевич, 1905 (Украина)
Швец И. К., 1902 (Украина)
Шевцов В. Т., 1919 (Самарская область)
Шевченко Иван Андреевич, 1913 (Краснодарский край)
Шевченко Мих. Васильевич, 1908 (Украина)
Шевчук Дмитрий Ник., 1913 (Украина)
Шейкин Иван Васильевич, 1902 (Пензенская область)
Шелкаев Иван Степанович, 1923 (Самарская область)
Шелопов
Шемякин Федор Васильевич, 1923 (Ярославская область)
Шепель Федор Иванович, 1893 (Украина)
Шерков А. В., 1918 (Московская область)
Шестаков Николай Иванович, 1902 (Республика Башкортостан)
Шибиков Алексей Кириллович, 1912 (Пермский край)
Шилгы Доза, 1900 (Кыргызстан)
Шилин Алексей Васильевич, 1902 (Московская область)
Шилов Алексей Иванович, 1915 (Кировская область)
Шильников Иван Васильевич, 1902 (Кировская область)
Шипилов И. Д.
Шипилов Иван Иванович, 1917 (Челябинская область)
Ширингин Григорий Дмитриевич, 1919 (Украина)
Ширинян Арташес Маркарович, 1913 (Ростовская область)
Широков Василий Анисимович, 1900 (Нижегородская область)
Ширма Афанасий Иванович, 1908 (Новосибирская область)
Шитов И. В. (Воронежская область)
Шитов Иван Петрович, 1910 (Рязанская область)
Шишаев Иван Ал., 1906 (Московская область)
Шишков Николай Петрович, 1902 (Тверская область)
Шиязев Алексей Федорович, 1903 (Удмуртская Республика)
Шкрамада Иван Николаевич, 1920 (Украина)
Шкулаев, 1919 (Томская область)
Шкуратов Павел Иванович, 1915 (Смоленская область)
Шлыгин Е. П., 1904
Шлюев Петр Александрович, 1899 (Тверская область)
Шлюков Сергей Иванович, 1912 (Белоруссия)
Шляконов Иван Сергеевич, 1907 (Владимирская область)
Шляпоков Е. А., 1922 (Ленинградская область)
Шляхтов Василий Николаевич, 1908 (Украина)
Шляхтов Григорий Федорович, 1908 (Красноярский край)
Шмаков Григорий Михайлович, 1901 (Курганская область)
Шмаков Николай Михайлович, 1913 (Кировская область)
Шмарин Филипп Григорьевич, 1909 (Пензенская область)
Шмелев Сергей Григорьевич, 1901 (Московская область)
Шмыков Матвей Артемьевич, 1900 (Красноярский край)
Шпинева Павел Федорович, 1901 (Псковская область)
Штылев Герасим Наумович, 1902 (Смоленская область)
Шувалов Н. К., 1901 (Самарская область)

Шулимов В. И. (Нижегородская область)
Шульга Василий Иванович, 1921 (Краснодарский край)
Шульга Михаил Сергеевич, 1915 (Белоруссия)
Шумеев Василий Федотович, 1912 (Курская область)
Шумейко Иван Григорьевич, 1912 (Краснодарский край)
Шуменков Трофим Федорович, 1904 (Белоруссия)
Шуметьев Ник. Ник., 1913 (Кировская область)
Шумилин А. А.
Шумилкин Борис Александрович, 1918 (Смоленская область)
Шумов Василий Кузьмич, 1914 (Смоленская область)
Шуров Анатолий Григорьевич, 1911 (город Москва)
Шутков Александр Герасимович, 1915 (Самарская область)
Шутов И. И., 1891 (Ивановская область)
Шушков П. Ф. (Ленинградская область)
Щербаков Григорий Иванович, 1906 (Нижегородская область)
Щербаков Михаил Никифорович, 1917 (Московская область)
Щербань Федор Тимофеевич, 1912 (Украина)
Щербина Борис Остапович, 1914 (Украина)
Щербино В. П., 1923 (Украина)
Щетинкин Г. П., 1912 (Пензенская область)
Щетинкин Николай Федорович, 1904 (Свердловская область)
Щигарев Егор Иванович, 1900 (Кемеровская область)
Щукин Федор Григорьевич, 1914 (Ульяновская область)
Эльгеев Иларион Максимович, 1911 (Чувашская Республика)
Юльчиев Ташмухамед Тагирович, 1920 (Казахстан)
Юрасов, 1903 (город Москва)
Юргин Сергей Васильевич, 1903 (Кировская область)
Юрин Сер. Иванович, 1890 (Московская область)
Юрков Александр Тимофеевич, 1911 (Кемеровская область)
Юрлов Николай Дмитриевич, 1902 (Кировская область)
Юровский Григорий Васильевич, 1914 (Новосибирская область)
Юрпалов Аркадий Иванович, 1924 (Кировская область)
Юсов Александр Васильевич, 1923 (Московская область)
Юсупов Жамал, 1906 (Нижегородская область)
Юсупов Каримджан, 1920 (Узбекистан)
Юшин Григорий Александрович, 1914 (Новгородская область)
Якин Никита Абрамович, 1902 (Украина)
Яков Петр Федорович, 1912 (Волгоградская область)
Яковлев Аким Яковлевич, 1907 (Чувашская Республика)
Яковлев Иван Ефимович, 1921 (Кемеровская область)
Якунин Иван Алексеевич, 1910/1915 (Курганская область)
Якушин К. В., 1918
Ямашин И. Е.
Ямщиков Павел Иванович, 1916 (Кировская область)
Яницкий (Нижегородская область)
Янишевский Фед. Иванович, 1918 (Украина)
Янушкин Емельян Иванович, 1911 (Республика Башкортостан)
Яппаров Ханафей Яппарович, 1914 (Республика Татарстан)
Ятченко Степан Михайлович, 1913 (Белоруссия)
Яшин Павел Алексеевич, 1920 (Республика Татарстан)
Ященко Александр Иванович, 1915 (Украина)
...ев, 1912 (Волгоградская область)

...инков Александр Тихонович, 1926 (Смоленская область)
 ...ов В. В., 1892 (Тверская область)
 ...конин Василий Ипатович, 1912 (Оренбургская область)
 ...шичев Василий Никифорович, 1911 (Смоленская область)
 ...тров Гаврил Сергеевич, 1904 (Республика Марий Эл)
 ...кшин Григорий Иванович, 1914 (Смоленская область)
 ...ов Иван Иванович, 1902 (Новосибирская область)
 ...утято Михаил (Белоруссия)
 ...иков Толя, 1931 (Тверская область)
 ...И. В., 1925 (Московская область)
 ...И. И., 1909 (Саратовская область)
 ...Н. К., 1921 (Курская область)
 ...Ольга

Лазарет № 2 «Дулага-184»: г. Вязьма, ул. 25 Октября, 55

Лазарет № 2 «Дулага-184» находился на территории бывшего маслозавода № 3 г. Вязьмы, эвакуированного перед приходом немецких оккупантов в Среднюю Азию, в полуразрушенных фашистами зданиях предприятия. Умерших советских военнопленных хоронили здесь же во рвах.

В настоящее время на территории бывшего маслозавода находится ОАО «Вяземский завод синтетических продуктов» (производство сырья для косметической и фармацевтической промышленности и товаров бытовой химии): г. Вязьма, ул. 25 Октября, 55.

В Вяземском городском архиве сохранились документы о местах захоронений военнопленных и мирных граждан на территории бывшего маслозавода № 3, в которых приведена схема расположения семи пронумерованных братских могил погибших узников, обелиска и двух больших цветников, в центре которых были установлены бюсты Сталина и Молотова.

Отдел коммунального хозяйства и жилищного хозяйства
 Вяземского городского Совета депутатов трудящихся

ДЕЛО

Фонд №260
 Опись 1
 Вд.кр. 52а

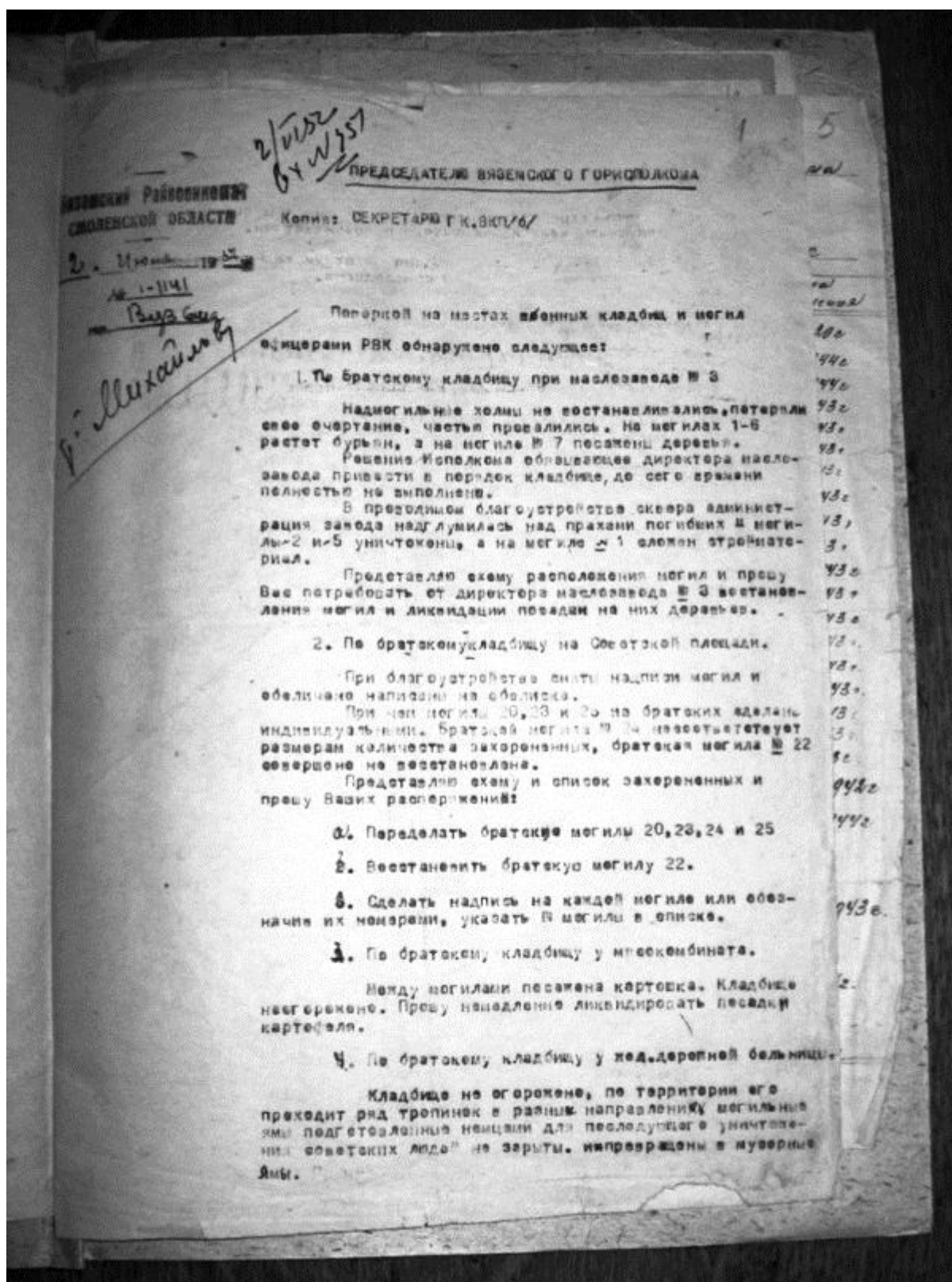
№ _____

Материал по состоянию
воинских брачных отношений
(схемы и списки заключенных)
 за 1952 год

Начато _____ 19 ____ г.

Окончено _____ 19 ____ г.

На 12 листах

Перечень захоронений военнопленных в г. Вязьма на 1952 г.

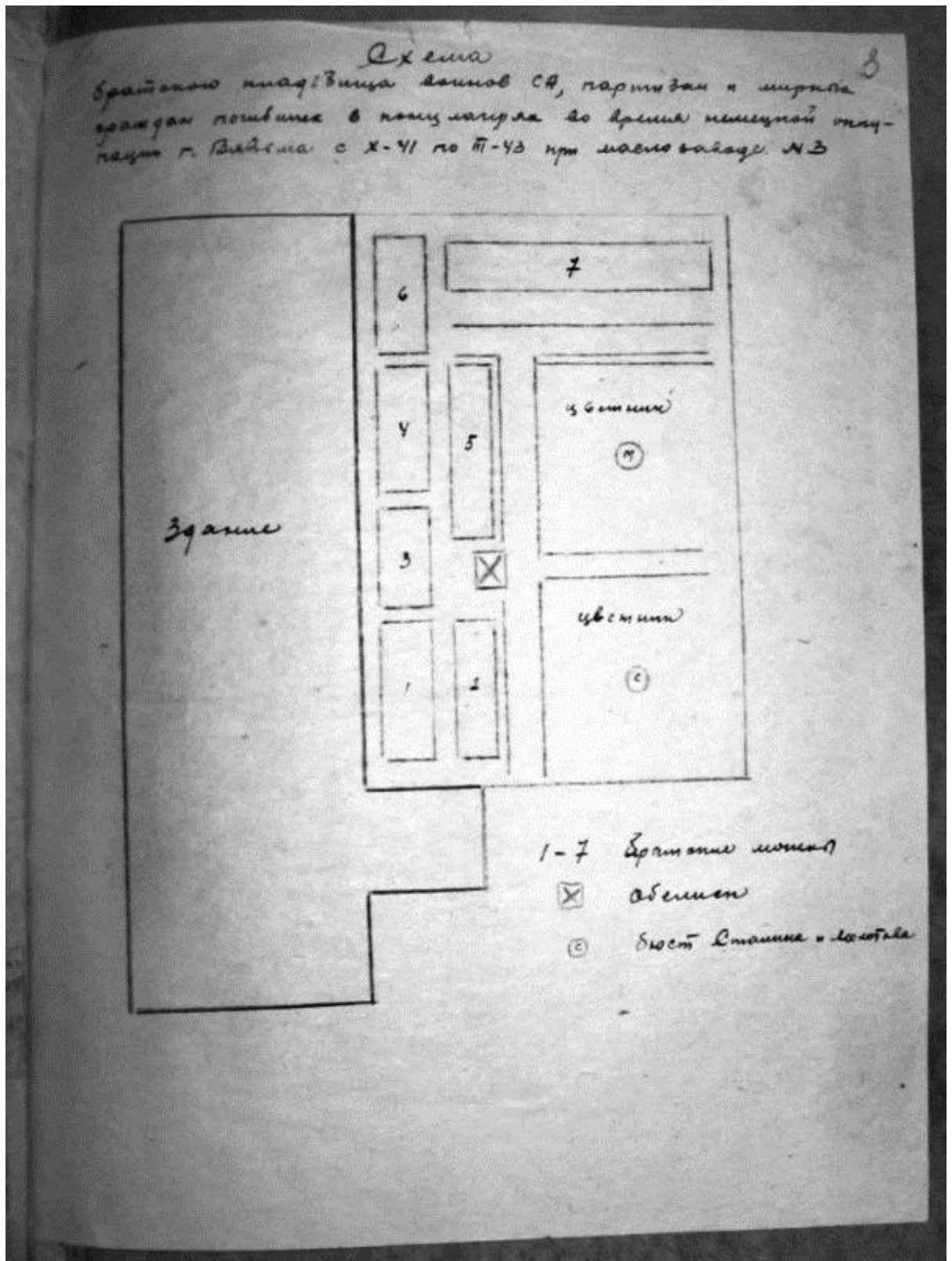

Схема захоронений на маслозаводе, 1952 г.

Однако в письме вяземского военкома полковника Васильева № 1-1141 от 2 июня 1952 г. председателю Вяземского горисполкома сообщалось:

«Проверкой на местах военных кладбищ и могил офицерами РВК обнаружено следующее. По Братскому кладбищу при маслозаводе № 3. Надмогильные холмы не восстанавливались, потеряли свое очертание, частью провалились. На могилах 1-6 растет

бурьян, а на могиле 7 посажены деревья. Решение исполкома, обязывающее директора маслозавода привести в порядок кладбище, до сего времени полностью не выполнено. В проводимом благоустройстве сквера администрация завода надглумилась над прахами погибших – могилы № 2 и № 5 уничтожены, а на могиле № 1 сложен стройматериал. Представляю схему расположения могил и прошу вас потребовать от директора маслозавода № 3 восстановления могил и ликвидации посадок на них деревьев...».

Тем не менее работы по восстановлению и обеспечению сохранности захоронений защитников Отечества проведены не были. Через 15 лет, в 1967 г., при строительстве новых зданий и проведении железнодорожной ветки на территории завода рабочие наткнулись на утраченные массовые погребения военнопленных. Были вызваны представители вяземского горвоенкомата. Часть останков погибших была символически в четырех гробах перезахоронена, предположительно, на Юбилейное кладбище г. Вязьмы. Акта о перезахоронении в военкомате и архивах города и предприятия нет. Большая часть останков воинов-великомучеников осталась лежать под вновь построенными зданиями завода, засыпана строительным мусором, залита бетоном.

В 2009 г. осенью в Вязьме для родственников военнопленных, приехавших со всей России посетить могилы своих родных, впервые было организовано посещение Вяземского завода синтетических продуктов.

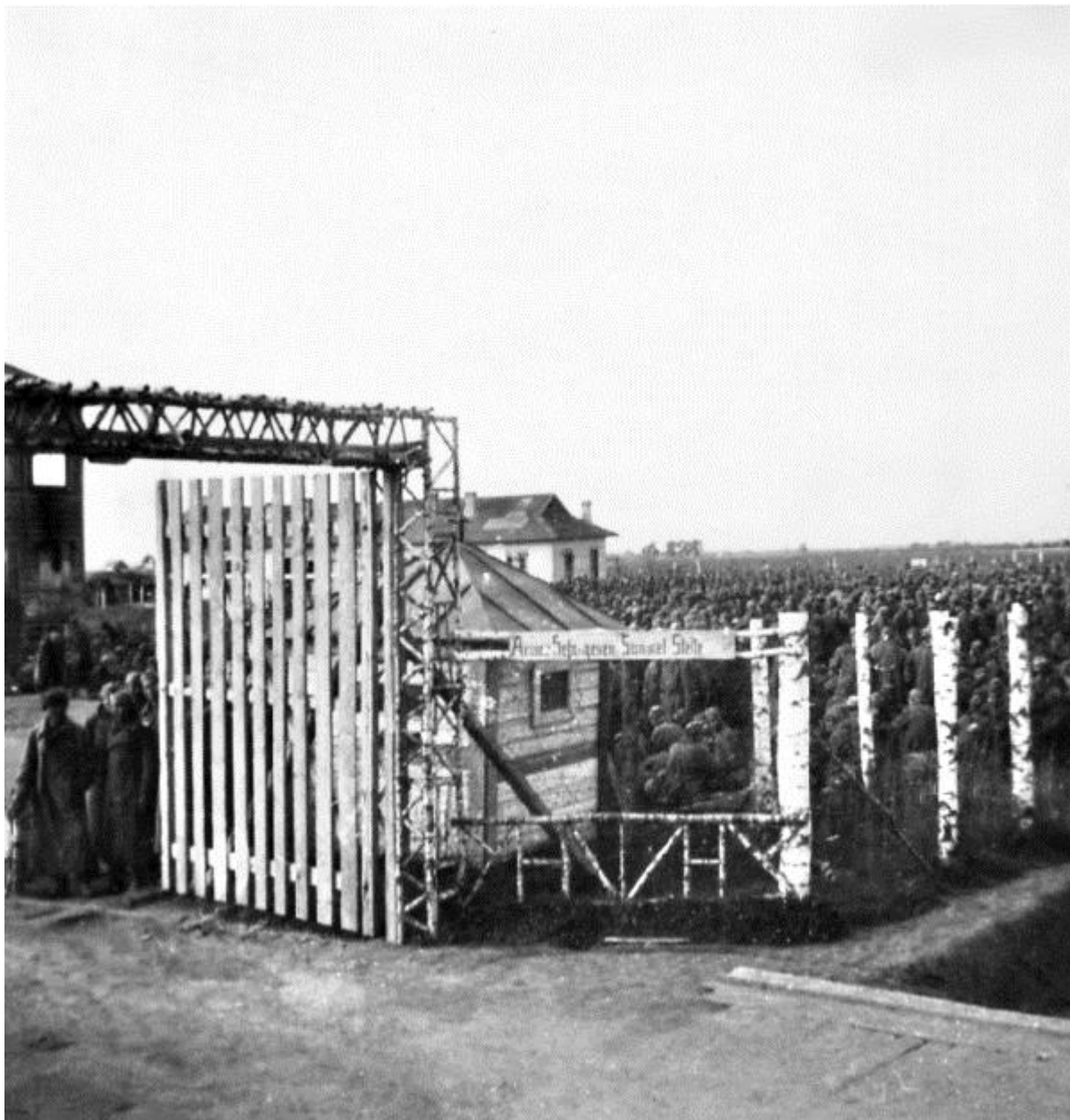
К настоящему времени на ВЗСП по инициативе прежнего директора предприятия Владимира Петровича Короля возведена часовня Покрова Пресвятой Богородицы в память о советских военнопленных, «тех, кто испытывал здесь душевные и физические муки, кто погиб под Вязьмой», освященная епископом Смоленским и Вяземским Феофилактом 9 января 2011 г., разбит яблоневый сад, оборудовано памятное место для возложения цветов и венков в память о павших.

Часовня Покрова Пресвятой Богородицы возведена на территории ВЗСП в память о погибших советских военнопленных и мирных гражданах

Руководством ВЗСП, его новым директором Гончаренко Евгением Витальевичем принято решение о продолжении в 2015–2018 гг. работы по увековечению памяти защитников Родины, мученически погибших в немецком лазарете № 2. В частности, о реставрации старинной («лютовской») проходной на окраине ВЗСП, через которую военнопленные попадали на территорию лагеря, о создании небольшого музея с материалами, собранными поисковиками и родственниками.

Вязьма, осень 1941 г. Предположительно фотография сделана на территории маслозавода (ныне ВЗСП). Фотография из личного архива И. Д. Музыченко, г. Вязьма

Списки военнопленных и мирных граждан, погибших в лазарете № 2 «Дулага № 184»

(по неполным Спискам погибших за январь, февраль, март, июль, август, сентябрь, октябрь 1942 г.)

Согласно Спискам, в лазарете № 2 погибло 1282 советских военнопленных и гражданских лиц. Из них из России – 1057 человек, из Украины – 83, из Белоруссии – 27, из Казахстана – 47, из Киргизии – 12, из Азербайджана – 10, из Армении – 2, из Грузии – 21, из Туркмении – 7, из Узбекистана – 15.

Абаимов Павел Васильевич, 1904 (Нижегородская область)
 Абакаров Гаджи, 1899 (Республика Дагестан)
 Абакумов Алексей Федорович, 1923 (Ярославская область)
 Абдрахманов Василий Абдрахманович, 1903/1905 (Республика Башкортостан)
 Абдуллаев Иса, 1890/1901 (Азербайджан)
 Абдуразанов Абжар, 1911 (Узбекистан)
 Абдухвабу Сабиржан, 1919 (Узбекистан)
 Абжандадзе Василий Малакеевич, 1895/1899 (Грузия)
 Абрамов Петр Иосифович, 1904 (Пензенская область) Абсадиев Сунагат Абсадиевич,
 1908/1909 (Республика Башкортостан)
 Аверьянов Александр Дмитриевич, 1902 (Алтайский край)
 Авров Владимир Сергеевич, 1911 (Узбекистан)
 Агаев Абдулгамид Кесум, 1906/1917 (Азербайджан)
 Агейкин Андрей Степанович, 1909 (Курская область)
 Аданцев Исман, 1916 (Республика Башкортостан)
 Адейшвили Гази, 1899 (Грузия)
 Айдаров Дюсенбай, 1909 (Узбекистан)
 Акимов Рахмет, 1918 (Узбекистан)
 Акнаев Тихон Васильевич, 1905/1908 (Удмуртская Республика)
 Акулов Иван Сергеевич, 1901 (Курская область)
 Алдашев Мусар, 1896 (Казахстан)
 Алдошин Семен Фролович, 1920/1923 (Тульская область)
 Александров Николай Иванович
 Алексеев Иван Алексеевич, 1908 (Удмуртская Республика)
 Алексеев Иван Федорович, 1909 (Ульяновская область)
 Алексеев Иван Прохорович, 1901 (Белоруссия)
 Алексеев Михаил Александрович, 1897 (Республика Башкортостан)
 Алексеев Павел Прокофьевич, 1925/1926 (Смоленская область)
 Алписов Даир, 1913 (Казахстан)
 Алшинов Мусакан, 1892 (Казахстан)
 Аманбек Исхак, 1900 (Казахстан)
 Андреев Александр Никифорович, 1915 (Тверская область)
 Андреев Алексей Васильевич, 1922 (Ленинградская область)
 Андреев Егор Данилович, 1909 (Республика Марий Эл)
 Андреев Петр Андреевич, 1899 (Республика Марий Эл)
 Андреев Федор Петрович, 1899 (Казахстан)
 Андриянов Прокопий Дмитриевич, 1908 (Республика Башкортостан)
 Андрусишин Николай Осипович, 1915 (Украина)
 Андрущук Федор Степанович, 1918 (Украина)
 Аникин Георгий Васильевич, 1921 (Воронежская область)
 Анисимов Яков Петрович, 1909 (Пермский край)
 Анишин Федор Федорович, 1910 (Владимирская область)
 Анкушин Василий Николаевич, 1918/1920 (Свердловская область)

Антоненко Илья Филиппович, 1915 (Украина)
Ануфриев Яков Степанович, 1898 (Алтайский край)
Апальков Алексей Андреевич, 1914 (Курская область)
Апостолов Фрол Кузьмич, 1900 (Воронежская область)
Аристов Иван Тимофеевич, 1903 (Ульяновская область)
Артюхов Илья Александрович, 1904 (Украина)
Архипов Федор Архипович, 1898 (Костромская область)
Арютин Григорий Иванович, 1906 (Республика Мордовия)
Асманов Амаляри, 1920 (Киргизия)
Астахов Иван Николаевич, 1907 (Воронежская область)
Атякшев Матвей Филиппович, 1914 (Московская область)
Афонин Иван Иванович, 1912 (Республика Татарстан)
Ахмедьянов Ахкям, 1922 (Киргизия)
Ахметдинов Минахмет, 1903 (Казахстан)
Ахметзянов Сабирзян, 1903 (Республика Татарстан)
Ахметшин Миннахмет, 1913 (Республика Татарстан)
Ашир Мухат, 1907 (Туркмения)
Ашурков Иван Григорьевич, 1900 (Тамбовская область)
Бабич Яков Сергеевич, 1913 (Украина)
Бабкин Андрей Павлович, 1905 (Вологодская область)
Бабукин Алексей Евтихиевич, 1895 (Ярославская область)
Бабурин Петр Николаевич, 1902 (Московская область)
Бабышкин Сергей Иванович, 1902 (город Москва)
Бадретдинов Пермамед, 1893 (Казахстан)
Бажан Иван Федорович, 1908 (Украина)
Баженов Александр Павлович, 1902 (Украина)
Баженов Сергей Абрамович, 1909 (Владимирская область)
Базанов Михаил Осипович, 1903 (Пензенская область)
Байдиков Федор Ефремович, 1904 (Омская область)
Байдулит Умирзак, 1914 (Казахстан)
Байков Василий Степанович, 1896 (Тверская область)
Баймагамбетов Абдигали, 1905 (Казахстан)
Байрамов Суюм, 1893/1906 (Азербайджан)
Бакшеев Михаил Кириллович, 1908 (Нижегородская область)
Балаба Тихон Спиридонович, 1910 (Омская область)
Балакин Иван Васильевич, 1918 (Брянская область)
Балахнин Петр Петрович, 1902 (Свердловская область)
Балашов Павел Иванович, 1905 (Кемеровская область)
Балтабаев Дуржан, 1894 (Туркмения)
Балянов Василий Михайлович, 1904 (Республика Башкортостан)
Банев Александр Николаевич, 1912 (Архангельская область)
Баранов Дмитрий Михайлович, 1907 (город Москва)
Баранов Константин Николаевич, 1906/1912 (Республика Мордовия)
Баранов Федор Петрович, 1902 (Чувашская Республика)
Барбашов Владимир Матвеевич, 1924 (Тверская область)
Барейшин Павел Васильевич, 1923 (Смоленская область)
Басалаев Петр Федорович, 1905 (Кировская область)
Баторшин Хамзя Хуснетдинович, 1897 (Республика Мордовия)
Бахатов Арфамин, 1902 (Республика Башкортостан)
Бахматов Н. Е. 1903 (Киргизстан)
Башкатов Иван Ильич, 1907/1908 (Омская область)
Бедбаев Сулейман, 1921 (Узбекистан)

Безгодов Александр Федорович, 1902 (Свердловская область)
Безденежных Егор Ефимович, 1904/1912/1913 (Кировская область)
Безденежных Григорий Павлович, 1903 (Кировская область)
Беленцов Николай Васильевич, 1910 (Ярославская область)
Белов Евгений Лаврентьевич, 1893/1895 (Белоруссия)
Белолипский Константин Федорович, 1906 (Новосибирская область)
Белоусов Павел Васильевич, 1907 (Ростовская область)
Беляков Виктор Иванович, 1915 (Кемеровская область)
Бердбеков Саит, 1916 (Узбекистан)
Бердибаев Осман, 1902 (Узбекистан)
Березин Николай Александрович, 1923 (Московская область)
Березин Петр Филиппович, 1912 (Республика Мордовия)
Берестов Александр Константинович, 1922 (Ярославская область)
Берков Николай Александрович, 1899 (Белоруссия)
Берков Сергей Кузьмич, 1906 (Московская область)
Бештомов Степан Иванович, 1901/1904 (Республика Башкортостан)
Бирюк Осип Михайлович, 1903
Бздулев Андрей Михайлович, 1900 (Кировская область)
Бисембаев Тасбулат, 1898 (Казахстан)
Блохин Григорий Иванович, 1922 (Пермский край)
Бобров Василий Андреевич, 1898 (Алтайский край)
Богачев Александр Михайлович, 1921/1922 (Тульская область)
Богданов Иван Дмитриевич, 1901 (Удмуртская Республика)
Богданов Николай Иванович, 1910 (Самарская область)
Богомолов Василий Иванович, 1910 (Вологодская область)
Бодров Алексей Федорович, 1897 (Тверская область)
Бодров Василий Григорьевич, 1920 (Республика Мордовия)
Бойков Александр Александрович, 1902/1904 (Костромская область)
Болгов Филипп Павлович, 1900 (Воронежская область)
Болеев Василий Васильевич, 1911 (Пензенская область)
Болкисев Серапион Николаевич, 1906 (Удмуртская Республика)
Болотов Павел Васильевич, 1923 (Пермский край)
Болушевский Михаил Петрович, 1904 (Рязанская область)
Большат Григорий Трофимович, 1909/1910 (Украина)
Большаков Петр Васильевич, 1902/1909 (Челябинская область)
Бордиев Сулейман, 1921 (Узбекистан)
Борисенко Иван Максимович, 1897/1898 (Омская область)
Борисенков Василий Филиппович, 1910 (Челябинская область)
Борисов Иван Данилович, 1900 (Алтайский край)
Борщев Алексей Максимович, 1906 (Смоленская область)
Бочкарев Анатолий Иванович, 1900 (Ярославская область)
Бочкин Иван Егорович, 1906 (Владимирская область)
Брагин Федор Иванович, 1901 (Смоленская область)
Бугров Михаил Алексеевич, 1911 (Саратовская область)
Будай Иван Киприанович, 1905 (Белоруссия)
Будин Василий Федорович, 1897/1898 (Удмуртская Республика)
Буедин Алексей Андреевич, 1914 (Саратовская область)
Буланов Николай Георгиевич
Булатов Ахмед Абдрахманович, 1901 (Республика Татарстан)
Булкин Александр Степанович, 1897/1904 (Тверская область)
Бураков Павел Гаврилович, 1912 (Воронежская область)
Бурков Мирон Павлович, 1904 (Волгоградская область)

- Буров Василий Сергеевич, 1920 (Смоленская область)
Буров Михаил Тихонович, 1899 (Кировская область)
Бурунов Сергей Иванович, 1915 (Московская область)
Бутаков Дмитрий Власович, 1915 (Кировская область)
Бучнев Петр Григорьевич, 1923 (Тверская область)
Бушмакин Василий Семенович, 1901 (Удмуртская Республика)
Быков Егор Иванович, 1905 (Белгородская область)
Бычков Михаил Филатович, 1906 (Кировская область)
Валевин Федор Гаврилович, 1919 (Московская область)
Валиев Ахмед, 1915 (Республика Татарстан)
Валиев Закир, 1900/1909 (Республика Татарстан)
Валиев Кали, 1906 (Омская область)
Ванеев Алексей Яковлевич, 1913 (Тамбовская область)
Ванин Алексей Абрамович, 1912 (Архангельская область)
Вараконин Степан Иванович, 1903 (Вологодская область)
Вартанян Багдасар Аветисович, 1898 (Армения)
Варыгин Семен Евстафиевич, 1904 (Хабаровский край)
Васадзе Теофил Дмитриевич, 1900 (Грузия)
Василенко Иван Андреевич, 1909 (Курская область)
Васильев Анатолий Михайлович, 1909 (Республика Башкортостан)
Васильев Гавриил Васильевич, 1893/1897 (Тверская область)
Васильев Григорий Федорович, 1905 (Казахстан)
Васильев Захар Васильевич, 1903 (Республика Марий Эл)
Васильев Мирослав Михайлович, 1920 (Украина)
Василькин Николай Герасимович, 1923 (Нижегородская область)
Васин Андрей Борисович, 1904 (Смоленская область)
Вахонин Петр Прокофьевич, 1913 (Московская область)
Вахрушев Василий Александрович, 1896 (Удмуртская Республика)
Вашакмадзе Терентий Ираклиевич, 1889/1905 (Грузия)
Веретенников Прокопий Семенович, 1904 (Кировская область)
Веров Виктор Борисович, 1923 (город Москва)
Вершинин Василий Гаврилович, 1903 (Нижегородская область)
Вехов Павел Константинович, 1897 (Республика Мордовия)
Вещев Николай Тимофеевич, 1897/1898 (Кировская область)
Викулов Петр Алексеевич, 1902 (Оренбургская область)
Владимиров Леонид Михайлович, 1908 (Красноярский край)
Власенков Филипп Федорович, 1895 (Смоленская область)
Власов Яков Филиппович, 1895 (Смоленская область)
Волков Иван Васильевич, 1913 (Пензенская область)
Волков Павел Григорьевич, 1911 (Московская область)
Волков Павел Поликарпович, 1900 (Удмуртская Республика)
Волков Петр Андреевич, 1908 (город Москва)
Волков Филипп Иванович, 1905 (Ярославская область)
Волостных Даниил Дмитриевич, 1904 (Московская область)
Вольсков Александр Васильевич, 1890 Воробьев Сергей Михайлович, 1925 (Калужская область)
Воронин Иван Петрович, 1917 (Нижегородская область)
Воронцов Сергей Иванович, 1923 (Смоленская область)
Воронцов Сергей Степанович, 1922 (Смоленская область)
Воротилин Василий Петрович, 1897 (Рязанская область)
Вотяков Михаил Афанасьевич, 1923 (Республика Татарстан)
Вьюрков Василий Андреевич, 1901/1904 (Пензенская область)

Габбасов Мунарбай, 1904 (Казахстан)
Габдрахманов Хабибрахман, 1899/1901 (Республика Башкортостан)
Гавеков Магомет, 1908 (Республика Бурятия)
Гаврилин Николай Николаевич, 1916 (Московская область)
Гаврилов Федор Иванович, 1914 (Республика Марий Эл)
Гаврилюк Василий Кузьмич, 1908 (Украина)
Гаврилюк Павел Алексеевич, 1919 (Украина)
Гаврилюк Федор Павлович, 1923 (Казахстан)
Гагулашвили Михаил, 1895 (Грузия)
Газиев Абулат, 1907 (Республика Дагестан)
Газин Александр Венедиктович, 1914 (Липецкая область)
Гайворонский Павел Васильевич, 1901 (Саратовская область)
Гайдук Семен Яковлевич, 1902 (Самарская область)
Гайнутдинов Галимзян Гайнутдинович, 1923 (Республика Татарстан)
Галкин Сергей Алексеевич, 1908 (Воронежская область)
Гальмутдинов Абзал, 1905 (Республика Башкортостан)
Гальцов Иван Феофанович, 1913 (Алтайский край)
Гамизеев Тейдом, 1894 (Армения)
Ганашин Сергей Михайлович, 1923 (Владимирская область)
Ганин Павел Николаевич, 1912 (Владимирская область)
Гараев Карим Гараевич, 1898/1909 (Республика Башкортостан)
Гарин Иван Алексеевич, 1918 (Узбекистан)
Гвоздев Александр Иванович, 1912 (Московская область)
Гелашвили Пармен Николаевич, 1907/1917 (Грузия)
Герасимов Ефим Кириллович, 1903 (Белгородская область)
Герасимов Иван Семенович, 1898 (Тверская область)
Герасимов Филипп Герасимович, 1898 (Республика Татарстан)
Гильпанов Шайхудин, 1912 (Республика Татарстан)
Гимаев Муслим, 1907 (Казахстан)
Гладких Егор Иванович, 1901 (Республика Башкортостан)
Глазырин Степан Николаевич, 1904 (Свердловская область)
Глушаков Федор Степанович, 1912 (Смоленская область)
Гнатенко Максим Семенович, 1893 (Украина)
Гобяков Магомед, 1911 (Азербайджан)
Гоголев Иван Васильевич, 1907 (Удмуртская Республика)
Гоголин Сергей Петрович, 1912 (Московская область)
Годяев Андрей Степанович, 1897 (Республика Мордовия)
Голиков Александр Степанович, 1915 (Воронежская область)
Голиков Василий Петрович, 1894 (Забайкальский край)
Головин Андриян Васильевич, 1909 (Республика Мордовия)
Голубев Иван Михайлович, 1923 (Ивановская область)
Голубев Сергей Иванович, 1925 (Тверская область)
Голяков Степан Михайлович, 1900 (Свердловская область)
Горбачев Григорий Петрович, 1910 (Воронежская область)
Горбунов Емельян Алексеевич, 1906 (Самарская область)
Горбунов Константин Трифонович, 1902 (Республика Башкортостан)
Горбунов Павел Алексеевич, 1901 (Волгоградская область)
Горбушин Михаил Иванович, 1898 (Владимирская область)
Городилов Сергей Сергеевич, 1907 (Удмуртская Республика)
Горохов Тимофей Савватиевич, 1904 (Алтайский край)
Гостенин Петр Федорович, 1902 (Пензенская область)
Грабийчук Николай Иванович, 1919 (Украина)

Гранкин Алексей Степанович, 1904 (Украина)
Гревцов Семен Тихонович, 1900 (Оренбургская область)
Грецкий Александр Макарович, 1920 (Белоруссия)
Гречушкин Павел Михайлович, 1912 (Московская область)
Григоров Михаил Семенович, 1907 (Курская область)
Григорьев Михаил Семенович, 1916 (Московская область)
Григорьев Петр Афанасьевич, 1921
Гринев Владимир Матвеевич, 1900 (Смоленская область)
Гришанов Григорий Иванович, 1907 (Нижегородская область)
Грищенко Иван Афанасьевич, 1898 (Белоруссия)
Грищенко Никита Лазаревич, 1900 (Украина)
Груздев Александр Андреевич, 1917 (Кировская область)
Грухин Федор Васильевич, 1904 (Кировская область)
Губайдуллин Монтай, 1912 (Республика Башкортостан)
Гузов Григорий Иванович, 1906 (Украина)
Гузев Дмитрий Ильич, 1908 (Украина)
Гуков Павел Иванович, 1899 (Волгоградская область)
Гуня Иван Иванович, 1917/1918 (Омская область)
Турецкий Бронислав Фелицианович, 1914 (Белоруссия)
Гуркин Петр Григорьевич, 1907 (Тамбовская область)
Гусаков Илья Иосифович, 1914 (Ростовская область)
Гусаров Сергей Алексеевич, 1919 (Тверская область)
Гусев Иван Матвеевич, 1902 (Московская область)
Гусев Матвей Алексеевич, 1902 (Ульяновская область)
Гусейнов Гусим, 1896 (Азербайджан)
Гусейнов Минадж Азай, 1901/1902 (Азербайджан)
Гущеваров Егор Андреевич, 1911 (Томская область)
Давидчук Михаил Прокофьевич, 1919 (Приморский край)
Давыдов Иван Николаевич, 1913 (Рязанская область)
Давыдов Иван Степанович, 1911 (Смоленская область)
Данилов Александр Семенович, 1902 (Удмуртская Республика)
Данилов Сергей Васильевич, 1910 (Республика Татарстан)
Двоглазов Тихон Федорович, 1906 (Пермский край)
Дворянцев Владимир Константинович, 1910 (Оренбургская область)
Девянин Иван Михайлович, 1907 (Липецкая область)
Девярых Алексей Иванович, 1896 (Вологодская область)
Денисенко Иван Федорович, 1898 (Казахстан)
Денисов Семен Николаевич, 1915 (Московская область)
Депутатов Михаил Алексеевич, 1903 (Самарская область)
Деревягин Филипп Иванович, 1905 (Курская область)
Дервянкин Василий Ильич, 1901 (Кыргызстан)
Дерюгин Николай Александрович, 1909 (Калужская область)
Демин Иван Евдокимович, 1910 (Смоленская область)
Демин Федор Федорович, 1911 (Алтайский край)
Джапаров Абдула, 1903 (Республика Дагестан)
Джикидзе Михаил, 1899 (Грузия)
Джумаев Байсен, 1912 (Казахстан)
Джунабаев Ахмет, 1897 (Кыргызстан)
Дмитриев Кузьма Степанович, 1905 (Липецкая область)
Дмитриев Федор Кириллович, 1906 (Новгородская область)
Дмитрошенко Тимофей Филиппович, 1902 (Белоруссия)
Докторов Илья Яковлевич, 1909 (Московская область)

Долженко Иван Дементьевич, 1911 (Республика Башкортостан)
Донитов Жамбал-Доржо Эрдынеевич 1902/1903 (Республика Бурятия)
Допяна Павел Иванович, 1904 (город Москва)
Дорофеев Афанасий Васильевич, 1920/1921 (Украина)
Дорофеев Ефим Сидорович, 1908 (Брянская область)
Дорохов Николай Семенович, 1896 (Московская область)
Драгунов Герман Никитич, 1907 (Республика Татарстан)
Дроботенко Иван Петрович, 1911 (Новосибирская область)
Дроздов Василий Егорович, 1916 (Московская область)
Дроздов Михаил Осипович, 1920 (Владимирская область)
Дроздов Яков Петрович, 1899 (Смоленская область)
Дудин Николай Андреевич, 1907 (Новосибирская область)
Дудкевич Иван Васильевич, (Белоруссия)
Дунаев Николай Алексеевич, 1899 (Казахстан)
Душаев Антон Тимофеевич, 1905 (Пензенская область)
Дюсенбаев Кожибай, 1904 (Казахстан)
Дявкин Хусаин, 1900 (Казахстан)
Евдокимов Григорий Иванович, 1909 (Кировская область)
Евлампов Александр Александрович, 1909 (Псковская область)
Евстафьев Евстафий Иванович, 1910 (Свердловская область)
Евстигнеев Николай Матвеевич, 1895 (Вологодская область)
Евтихов Артемий Парфенович, 1904 (Смоленская область)
Егоров Василий Пантелеевич, 1911 (Краснодарский край)
Егоров Виктор Иванович, 1914 (город Москва)
Егоров Иван Иванович, 1914 (Рязанская область)
Егоров Иосиф Павлович, 1914 (Тверская область)
Егоров Михаил Егорович, 1924 (Московская область)
Егоров Федор Иванович, 1899 (Республика Башкортостан)
Егорычев Владимир Александрович, 1907 (Республика Мордовия)
Екимов Степан Степанович, 1913 (Алтайский край)
Елемесов Оспан, 1896 (Казахстан)
Елисеев Василий Михайлович, 1910 (Тамбовская область)
Елфимов Максим Александрович, 1905 (Орловская область)
Ельченко Мухан, 1895 (Казахстан)
Емельянов Дмитрий Иванович, 1901 (Тверская область)
Еремеев Василий Еремеевич, 1903 (Чувашская Республика)
Еременко Андрей Григорьевич, 1915 (Украина)
Ермаков Александр Иванович, 1902 (Смоленская область)
Ермаков Василий Иванович, 1903 (Тверская область)
Ерохин Иван Григорьевич, 1904 (Курганская область)
Ершов Александр Петрович, 1906 (Ярославская область)
Ершов Павел Андреевич, 1919 (Кемеровская область)
Есжанов Кадир, 1914 (Казахстан)
Ескин Сергей Николаевич, 1899 (Украина)
Ефимов Илья Ефимович, 1906 (Ростовская область)
Ефимов Петр Николаевич, 1908 (Красноярский край)
Ефимов Федор Ефимович, 1897 (Чувашская Республика)
Ефремов Федор Семенович, 1918 (Смоленская область)
Жантасов Шакир, 1896 (Казахстан)
Жаукеев Касен, 1898 (Казахстан)
Желтков Герасим Петрович, 1923 (Новгородская область)
Жигло Харитон Гаврилович, 1902 (Новосибирская область)

- Жидков Егор Алексеевич, 1896 (Калужская область)
Жирков Алексей Захарович, 1921 (Казахстан)
Жмурин Петр Алексеевич, 1911 (Московская область)
Жулинский Иосиф Иванович, 1901/1906 (Украина)
Жумабаев Ахметбек, 1897 (Казахстан)
Журавлев Георгий Яковлевич, 1907 (Владимирская область)
Журавлев Иван Михайлович, 1907 (Московская область)
Журавлев Кирилл Павлович, 1900/1907 (Кировская область)
Журавлев Михаил Феофанович, 1897 (Московская область)
Журавлев Николай Аверьянович, 1903 (Удмуртская Республика)
Заболотский Федор Семенович, 1907 (Республика Марий Эл)
Загитов Нуритдин Загитович, 1915 (Республика Башкортостан)
Зайнетдинов Исхак, 1902/1909 (Нижегородская область)
Зайнетдинов Хафис, 1909 (Нижегородская область)
Зайцев Иван Алексеевич, 1908 (Владимирская область)
Зайцев Захар Самойлович, 1922 (Новосибирская область)
Закиев Давлетша Закиевич, 1909 (Удмуртская Республика)
Залесов Трофим Иванович, 1923 (Кировская область)
Заречный Михаил Игнатьевич, 1903/1909 (Украина)
Зарин Анатолий Иванович, 1900 (Краснодарский край)
Зарипов Закир, 1907 (Республика Татарстан)
Зарипов Шарифулла, 1906 (Республика Татарстан)
Захаров Алексей Андреевич, 1905 (Республика Саха (Якутия))
Захаров Аркадий Александрович, 1907 (Республика Татарстан)
Захаров Виталий Ильич, 1915 (Смоленская область)
Зверев Федор Михайлович, 1896 (Республика Татарстан)
Зейналов Гариб Мустафа, 1908/1914 (Азербайджан)
Зенников Василий Михайлович, 1918 (Орловская область)
Зимин Антон Федорович, 1904/1914 (Нижегородская область)
Зиновьев Николай Александрович, 1907 (Тверская область)
Зленко Григорий Тихонович, 1913 (Алтайский край)
Зобнин Василий Васильевич, 1904 (Новосибирская область)
Зоренко Иосиф Ефимович, 1905 (Воронежская область)
Зорин Федор Федорович, 1904/1907 (Удмуртская Республика)
Зубков Михаил Семенович, 1903 (Республика Марий Эл)
Зубров Василий Михайлович, 1905 (Чеченская Республика)
Зыкин Федор Данилович, 1904/1907 (Кировская область)
Зяблицев Роман Алексеевич, 1898 (Республика Марий Эл)
Ибрагимов Магомед, 1908 (Республика Дагестан)
Ивайкин Петр Тимофеевич, 1897 (Республика Татарстан)
Иваница Григорий Максимович, 1902 (Украина)
Иванов Александр Митрофанович, 1903 (Республика Башкортостан)
Иванов Андрей Тихонович, 1911 (Республика Адыгея)
Иванов Антон Андреевич, 1900/1903/1910 (Омская область)
Иванов Владимир Семенович, 1898 Иванов Дмитрий Михайлович, 1911 (Брянская область)
Иванов Иван Васильевич, 1924 (Смоленская область)
Иванов Иван Дмитриевич, 1909 (Московская область)
Иванов Сергей Иванович, 1902 (Московская область)
Иванов Степан Иванович, 1914 (Удмуртская Республика)
Иванов Николай Иванович, 1915 (Ярославская область)
Иванченко Владимир Федорович, 1915 (Украина)

Иванчин Прокопий Яковлевич, 1895/1900 (Пермский край)
Ивинских Иван Степанович, 1923 (Пермский край)
Иевлев Иван Григорьевич, 1912 (Ленинградская область, Украина)
Ижболдин Василий Егорович, 1911 (Республика Северная Осетия – Алания)
Измайлов Михаил Ефимович, 1918 (Чувашская Республика)
Илларионов Михаил Михайлович, 1902 (Воронежская область)
Ильин Павел Николаевич, 1903 (Самарская область)
Ильин Прокопий Ильич, 1905 (Тверская область)
Ильметов Закир Ахметзянович, 1907 (Республика Башкортостан)
Ильяви Иван Мелитонович, 1914 (Грузия)
Имерлишвили Владимир Дмитриевич, 1894 (Грузия)
Инчевский Николай Елисеевич, 1899/1900 (Смоленская область)
Инякин Григорий Иванович, 1910 (Тамбовская область)
Ипатов Иван Тимофеевич, 1897/1899 (Вологодская область)
Ипполитов Николай Ипполитович, 1900 (Тверская область)
Иринцев Федор Имхелович, 1910/1915 (Иркутская область)
Исаев Идзи, 1911/1915 (Республика Дагестан)
Исаров Автека, 1898 (Казахстан)
Исенов Желгайда, 1918 (Новосибирская область)
Исламгулов Сабир Газизянович, 1921 (Республика Татарстан)
Исхаков Танирберген, 1910 (Казахстан)
Ишанов Василий Николаевич, 1913 (Липецкая область)
Кабаков Александр Николаевич, 1904 (Свердловская область)
Кавышкин Илья Михайлович, 1911 (Республика Мордовия)
Казаев Семен Леонтьевич, 1903 (Республика Татарстан)
Казakov Степан Алексеевич, 1904 (Республика Татарстан)
Казанцев Алексей Макеевич, 1903/1905 (Алтайский край)
Казанцев Григорий Иванович, 1905 (Алтайский край)
Казанцев Михаил Никифорович, 1910 (Кировская область)
Каледин Сергей Андрианович, 1900 (Новгородская область)
Калинин Иван Иванович, 1907/1916 (Республика Марий Эл)
Калинин Иван Никитич, 1906 (Омская область)
Калинин Константин Иванович, 1903 (Воронежская область)
Калинин Михаил Иванович, 1903 (Украина)
Калиниченко Анаст. Панк., 1899 (Украина)
Калмычков Михаил Алексеевич, 1910 (Самарская область)
Камальян Багиш Аршакович, 1895/1903 (Грузия)
Камуйбеков Имургак, 1921 (Кыргызстан)
Канатов Александр Евграфович, 1903 (Нижегородская область)
Кандалов Григорий Васильевич, 1911 (Курганская область)
Канылин Петр Васильевич, 1902 (Чувашская Республика)
Канюков Алексей Антонович, 1916 (Пермский край)
Капавалов Никадий Петрович, 1907 (Воронежская область)
Капин Павел Иванович, 1909 (Ивановская область)
Капитов Иван Михайлович, 1897 (Республика Татарстан)
Капустин Михаил Сергеевич, 1921 (Ярославская область)
Карабаев Сабар, 1922 (Кыргызстан)
Каримов Ахмадулла Сахипзадович, 1901 (Республика Башкортостан)
Карпачев Гавриил Власович, 1910 (Алтайский край)
Карплюк Захар Прокопьевич, 1897 (Казахстан, Украина)
Карьев Хасим, 1898 (Республика Башкортостан)
Каусов Михаил Сергеевич, 1912 (Рязанская область)

Кацаримов Берген, 1906 (Казахстан)
Качайкин Пантелей Осипович, 1912 (Республика Мордовия)
Кашеваров Степан Константинович, 1896 (Нижегородская область)
Кашин Александр Иванович, 1901 (Пермский край)
Каштанов Иван Григорьевич, 1912 (Оренбургская область)
Каюков Григорий Андреевич, 1898 (Белгородская область)
Кимарханов Имам, 1921 (Казахстан)
Кипкаев Дмитрий Григорьевич, 1913 (Нижегородская область)
Киреев Дмитрий Иванович, 1916 (Челябинская область)
Кирилишин Петр Иванович, 1899/1901 (Украина)
Кириллов Лаврентий Яковлевич, 1915 (Республика Татарстан)
Кириллов Степан Кириллович, 1906 (Чувашская Республика)
Кириченко Иван Кириллович, 1893/1907 (Воронежская область)
Киселев Афанасий Васильевич, 1909 (Воронежская область)
Киселев Сергей Иванович, 1917/1919 (Архангельская область)
Киселев Федор Логвинович, 1900 (Республика Татарстан)
Кисин Андрей Афанасьевич, 1918 (Кировская область)
Кислый Василий Иванович, 1907 (Украина)
Кичатов Сергей Игнатович, 1899 (Оренбургская область)
Кишков Павел Иванович, 1914 (Ленинградская область)
Клименко Василий Борисович, 1902 (Украина)
Климин Михаил Николаевич, 1903 (Чувашская Республика)
Климов Борис Тихонович, 1906 (Украина)
Климцов Федор Степанович, 1904 (Рязанская область)
Клипов Василий Никитич, 1910 (Кировская область)
Клочков Роман Порфирьевич, 1898 (Воронежская область)
Ключников Дмитрий Иванович, 1907 (Ставропольский край, Грузия)
Князев Александр Георгиевич, 1905 (Челябинская область)
Кобаладзе Галактион Евгеньевич, 1912 (Грузия)
Ковалев Гавриил Родионович, 1903 (Белоруссия)
Ковалев Иван Наумович, 1927 (Смоленская область)
Ковалев Михаил Игнатьевич, 1904 (Смоленская область)
Кодацкий Дмитрий Дмитриевич, 1913 (Украина)
Коденский Владимир Яковлевич, 1898 (Астраханская область, Украина)
Козлов Евгений Яковлевич, 1915 (город Москва)
Козлов Николай Федорович, 1904 (Кировская область)
Козлов Степан Афанасьевич, 1902/1912 (Кировская область)
Козлов Василий Григорьевич, 1912 (Калужская область)
Козловцев Павел Лукич, 1913 (Воронежская область)
Козорез Павел Федорович, 1905 (Саратовская область)
Кокоткин Семен Матвеевич, 1899/1909 (Тамбовская область)
Кокшаров Василий Васильевич, 1923 (Пермский край)
Колбашин Иван Федорович, 1908 (Московская область)
Колемасов Иван Никифорович, 1909/1910 (Республика Мордовия)
Колков Александр Иванович, 1917 (Смоленская область)
Коломоец Семен Маркович, 1908 (Украина)
Колосков Иван Данилович, 1913 (Белгородская область)
Колоток Григорий Николаевич, 1921 (Украина)
Колпаков Василий Иванович, 1896 (Липецкая область)
Колпаков Василий Матвеевич, 1919 (Московская область)
Колупаев Илья Иванович, 1902 (Белгородская область)
Комарницких Василий Васильевич, 1900/1902 (Оренбургская область)

Комаров Иван Павлович, 1913 (Пензенская область)
Комаров Илья Иванович, 1911 (Нижегородская область)
Комиссаров Тимофей Иванович, 1906/1907 (Белгородская область)
Комко Иван Викентьевич, 1918/1919 (Белоруссия)
Комолов Алексей Евстафиевич, 1909 (Ивановская область)
Кондауров Петр Иванович, 1893 (Саратовская область)
Кондратьев Василий Архипович, 1922 (Тверская область)
Кондрашкин Василий Михайлович, 1923 (Смоленская область)
Коновалов Александр Павлович, 1903 (Кировская область)
Коновалов Анатолий Степанович, 1921 (Чувашская Республика)
Коновалов Николай Иванович, 1892/1895 (Саратовская область)
Кононов Иван Никифорович, 1926 (Смоленская область)
Константинов Афанасий Платонович, 1903 (город Москва)
Константинов Григорий Константинович, 1899/1909 (Республика Марий Эл)
Коньков Петр Николаевич, 1896 (Чувашская Республика)
Копкин Александр Сергеевич, 1912 (Алтайский край)
Копылов Василий Герасимович, 1903 (Алтайский край)
Корж Александр Андреевич, 1920 (Украина)
Корнилов Андрей Степанович, 1910 (Московская область)
Коробко Андрей Ильич, 1902 (Украина)
Коробков Владимир Иванович, 1922 (город Москва)
Коробов Борис Дмитриевич, 1903/1907 (Кировская область)
Коровянский Иван Григорьевич, 1913 (Белгородская область)
Королев Иван Григорьевич, 1891 (Тверская область)
Королев Иван Моисеевич, 1898 (Тверская область)
Корольков Петр Иванович, 1914 (Тверская область)
Корташов Тимофей Кирсанович, 1905 (Свердловская область)
Корчагин Василий Григорьевич, 1914 (Алтайский край)
Косенков Александр Сергеевич, 1921 (Брянская область)
Косин Зиновий Михайлович, 1894 (Краснодарский край)
Косоногов Иван Григорьевич, 1898 (Курганская область)
Котиков Николай Васильевич, 1907 (Ивановская область)
Котилевский Григорий Яковлевич, 1919 (Омская область)
Котляров Степан Яковлевич, 1912 (Московская область)
Котов Андрей Федорович, 1906 (город Москва)
Котов Василий Романович, 1918 (Курская область)
Котов Федор Степанович, 1904 (Тамбовская область)
Кочегаров Тимофей Иванович, 1900 (Омская область)
Кочикин Николай Васильевич, 1918 (Ленинградская область)
Кочубей Иван Гордеевич, 1897 (Украина)
Кошылев Александр Тимофеевич, 1900 (Московская область)
Кравченко Моисей Иванович, 1900 (Украина)
Крапивский Эли-Идл Иосифович, 1908 (город Москва)
Красивов Николай Иванович, 1909 (Украина)
Краснов Андрей Николаевич, 1899 (Республика Татарстан)
Краснопер Александр Степанович, 1917 (Украина)
Крашенинников Борис Павлович, 1910 (Владимирская область)
Кружков Иван Федорович, 1908 (Московская область)
Кручинин Павел Петрович
Крылов Иван Михайлович, 1900 (Московская область)
Крылов Яков Иванович, 1902 (Вологодская область)
Крюков Михаил Иванович, 1914 (Ивановская область)

Кряжевских Илья Михайлович, 1912 (Алтайский край)
Ксенофонтов Петр Иванович, 1907 (Московская область)
Куваев Федор Васильевич, 1899 (Республика Башкортостан)
Кудайбергенов М. (Казахстан)
Кудашев Григорий Степанович, 1902 (Кировская область)
Кудинов Дмитрий Ильич, 1900 (Пензенская область)
Кудрявцев Яков Семенович, 1905 (Республика Марий Эл)
Кудряшов Иван Артемьевич, 1891/1893 (Липецкая область)
Кузенков Тихон Иванович, 1903 (Воронежская область)
Кузин Василий Федорович, 1906 (Ярославская область)
Кузнецов Александр Николаевич, 1921 (Новгородская область)
Кузнецов Григорий Константинович, 1912 (Тверская область)
Кузнецов Петр Степанович, 1897 (Алтайский край)
Кузнецов Сергей Гаврилович, 1898 (город Москва)
Кузнецов Сергей Иванович, 1898 (город Москва)
Кузнецов Федор Филиппович, 1895/1899 (Республика Марий Эл)
Кузьмин Иван Кузьмич, 1907 (Чувашская республика)
Кузьмин Сергей Григорьевич, 1915 (Тульская область)
Кузьмишкин Иван Евменович, 1901 (Смоленская область)
Кузьяев Федор Илларионович, 1915 (Рязанская область)
Куковеров Максим Данилович, 1896 (Кировская область)
Кукушкин Василий Михайлович, 1908 (Тверская область)
Кулаков Василий Михайлович, 1918 (Саратовская область)
Кулигин Федор Евтеевич, 1903 (город Москва)
Кулиев Мурат, 1899 (Туркменистан)
Кулик Василий Алексеевич, 1893 (Украина)
Кулик Парамон Терентьевич, 1923 (Украина)
Куликов Василий Андреевич, 1921 (Белгородская область)
Куликов Иван Петрович, 1911 (Нижегородская область)
Куликов Иван Петрович, 1918 (Самарская область)
Кумарин Дмитрий Романович, 1905 (Хабаровский край)
Кунаев Василий Анисимович, 1902 (Удмуртская республика)
Куница Авксентий Афанасьевич, 1910 (Республика Крым, Украина)
Купянский Иван Яковлевич, 1908 (Украина)
Куранов Василий Николаевич, 1911 (Ивановская область)
Курбатов Степан Алексеевич, 1904 (Московская область)
Куриленко Кузьма Захарович, 1901 (Украина)
Кутаков Дмитрий Иванович, 1911 (город Москва)
Лабазанов Ахмед, 1907 (Республика Дагестан)
Лавлинский Матвей Матвеевич, 1898/1903 (Ростовская область, Беларусь)
Лаврентьев Алексей Васильевич, 1902 (Ивановская область)
Лаврентьев Петр Иванович, 1903 (Челябинская область)
Лаврик Дмитрий Артемович, 1914 (Ростовская область)
Лавриненко Даниил Федотович, 1907 (Новосибирская область)
Лавров Иван Михайлович, 1898 (Беларусь)
Лагуткин Андрей Тимофеевич, 1905 (Кировская область)
Лазарев Григорий Степанович, 1897/1898 (Омская область)
Лаптев Петр Михайлович, 1906 (Вологодская область)
Лапшин Федор Григорьевич, 1922 (Республика Мордовия)
Ласьков Даниил Сергеевич, 1916 (Смоленская область)
Лебедев Михаил Сергеевич, 1913 (Ивановская область)
Лебедев Никифор Федорович, 1899 (Белоруссия)

Лебедьков Николай Никифорович, 1916 (Республика Башкортостан)
Левагин Владимир Дмитриевич, 1910 (Тверская область)
Левадович Михаил Иванович, 1895 (Белоруссия)
Левенков Иван Павлович, 1903 (Республика Татарстан)
Левченко Николай Михайлович, 1913 (Украина)
Лейвиков Захар Михайлович, 1899 (город Москва)
Лементович Доминик Людвигович, 1918 (Белоруссия)
Лемчугов Федор Прокофьевич, 1908 (Оренбургская область)
Ленько Федор Иванович, 1920 (Украина)
Леонтьев Михаил Федорович, 1898 (Республика Татарстан)
Леушканов Николай Михайлович, 1908 (Пермский край)
Литвиненко Иван Михайлович, 1895/1898 (Украина)
Литвинов Михаил Семенович, 1906 (Рязанская область)
Лихачев Тимофей Иванович, 1912 (Республика Мордовия)
Лицкевич Павел Давыдович, 1895/1899 (Республика Башкортостан, Белоруссия)
Лицуков Павел Яковлевич, 1896 (Оренбургская область)
Лобаскин Иван Маркович, 1910 (Алтайский край)
Лобов Борис Лаврентьевич, 1900 (Свердловская область)
Логачев Николай Яковлевич, 1905 (Белгородская область)
Логинов Алексей Николаевич, 1923 (Смоленская область)
Лопатин Иван Кирсанович, 1901 (Удмуртская республика)
Лопатин Илья, 1904 (Чувашская Республика)
Лопухин Иван Никифорович, 1902 (Кировская область)
Лось Ефим Дмитриевич, 1921 (Украина)
Лужбин Данил Михайлович, 1905 (Удмуртская республика)
Лузинов Константин Иванович, 1916 (Костромская область)
Луковкин Александр Иванович, 1906 (Иркутская область)
Лукьянченко Прокофий Ильич, 1912 (Украина)
Лункин Иван Николаевич, 1907 (Московская область)
Лутай Григорий Васильевич, 1921 (Украина)
Лысенко Иван Васильевич, 1923 (Архангельская область)
Магданов Николай Павлович, 1916 (Республика Татарстан)
Магомедов Шихвали, 1910 (Республика Дагестан)
Магрицкий Яков Федорович, 1902 (Воронежская область)
Мажирин Иван Васильевич, 1900 (Челябинская область)
Мазин Михаил Иванович, 1912 (Воронежская область)
Майзеров Семен Филиппович, 1905 (Архангельская область)
Макаренко Павел Павлович, 1914 (Брянская область)
Макаров Борис Алексеевич, 1905 (Белгородская область)
Макаров Иван Ильич, 1921 (Узбекистан)
Макаров Роман Константинович, 1907 (Республика Марий Эл)
Макаров Семен Захарович, 1908 (Республика Татарстан)
Макаров Тимофей Кириллович, 1886/1892 (Московская область)
Макжанов Айся, 1904 (город Москва)
Макин Александр Никитович, 1922 (Тверская область)
Маковеев Илья Уварович
Маковский Аркадий Евдокимович, 1903 (Пермский край)
Маколкин Филипп Павлович, 1914 (Республика Татарстан)
Максимов Тимофей Никитович, 1904 (Тамбовская область)
Малахов Лев Иванович, 1899 (Республика Башкортостан)
Малахов Петр Прохорович, 1908 (Смоленская область)
Малдабаев Абдикарим, 1904 (Кыргызстан)

Малин Федор Васильевич, 1914 (Омская область)
Малиненков Семен Ефимович, 1903 (Смоленская область)
Мальгин Петр Иванович, 1918 (Ленинградская область)
Мальцев Афанасий Федорович, 1923 (Пермский край)
Мальцев Николай Алексеевич, 1911 (Пермский край)
Маматов Михаил Иванович, 1909 (Казахстан)
Мамедов Дашдамир, 1899 (Азербайджан)
Маньлов Игнатий Гаврилович, 1899/1905 (Кировская область)
Маньлов Семен Игнатьевич, 1911 (Кировская область)
Манько Иван Ильич, 1896/1903 (Украина)
Марач Максим Афанасьевич, 1900 (Белоруссия)
Маркевич Антон Герасимович, 1904 (Новосибирская область)
Маркин Федор Андреевич, 1909 (Московская область)
Марков Александр Иванович, 1907
Марков Яков Иванович, 1906 (Украина)
Марковников Демьян Васильевич, 1903 (Смоленская область)
Мартаков Павел Андреевич, 1923 (Воронежская область)
Мартыненко Никита Антонович, 1895/1905 (Оренбургская область)
Мартьянов Михаил Александрович, 1923 (Кировская область)
Марулин Гали, 1908 (Челябинская область)
Марченко Петр Никифорович, 1916 (Казахстан)
Марченков Михаил Иванович, 1896 (Ивановская область)
Маслов Аким Иванович, 1902 (Забайкальский край)
Матвеев Василий Варлаамович, 1918 (Смоленская область)
Матвеев Василий Матвеевич, 1909 (Удмуртская республика)
Матвеев Егор Егорович, 1911 (Брянская область)
Матыгуллин Салават Матыгуллович, 1896 (Чувашская республика)
Матюшин Ефим Ефимович, 1899 (Рязанская область)
Махамбетов Булат, 1897 (Казахстан)
Машинин Иван Николаевич, 1905 (Ярославская область)
Машичев Леонтий Николаевич, 1895/1900 (Украина)
Машков Василий Семенович, 1900 (Липецкая область)
Медведев Ефим Ерофеевич, 1901 (Владимирская область)
Медведев Иван Матвеевич, 1902 (Удмуртская республика)
Медведев Федор Артемович, 1901 (Ростовская область)
Межеделов Даниил Иванович, 1898 (Рязанская область)
Мельников Николай Николаевич, 1919 (Тверская область)
Менщиков Андрей Яковлевич, 1908 (Курганская область)
Менщиков Степан Егорович, 1900/1902 (Курганская область)
Меньших Василий Сергеевич, 1899 (Липецкая область)
Местаков Федор Андреевич, 1912 (Тюменская область)
Метлюк Аркадий Нестерович, 1906 (Омская область)
Меховов Андрей Павлович, 1906 (Республика Башкортостан)
Мешалкин Михаил Иванович, 1900 (город Москва)
Мигранов Музахит, 1900 (Удмуртская республика)
Милосердов Андрей Константинович, 1902/1904 (Тамбовская область)
Миляев Андрей Владимирович, 1897/1901 (Липецкая область)
Мингалев Сергей Григорьевич, 1898/1905 (Курганская область)
Минеев Петр Васильевич, 1901 (Московская область)
Мифтахов Сагди Багаутдинович, 1908 (Новосибирская область)
Михайлов Гавриил Михайлович, 1891 (Тверская область)
Михайлов Георгий Матвеевич, 1915 (Тверская область)

Михайлов Петр Михайлович, 1901 (Республика Татарстан)
Михайлов Петр Михайлович, 1913 (Орловская область)
Михайлов Семен Ефремович, 1901 (Республика Башкортостан)
Михалевский Егор Филиппович, 1907 (Омская область)
Михеев Иван Борисович, 1892 (Калужская область)
Михеев Николай Яковлевич, 1904 (Кировская область)
Михеев Сергей Михайлович, 1923 (Нижегородская область)
Михеенко Иван Иванович, 1906 (Смоленская область)
Мишенков Яков Абрамович, 1896 (Смоленская область)
Моисеев Иван Петрович, 1922 (Республика Мордовия)
Молдокматов Торобай, 1922 (Кыргызстан)
Морносов Павел Тимофеевич, 1920 (Смоленская область)
Мороз Василий Иванович, 1918 (Украина)
Морозов Георгий Архипович, 1913 (Московская область)
Морозов Иван Кириллович, 1902/1911 (Кировская область)
Морозов Николай Федорович, 1914 (Липецкая область)
Морозов Семен Александрович, 1897 (Кировская область)
Мосеевский Федор Петрович, 1901 (Архангельская область)
Моссовсков Саген, 1917 (Казахстан)
Мохов Василий Николаевич, 1912 (Костромская область)
Мочалов Федор Кириллович, 1895/1898 (Кировская область)
Мошкин Николай Иванович, 1898 (Свердловская область)
Мубараков Салих, 1903 (Республика Татарстан)
Муравьев Илья Яковлевич, 1908 (Республика Татарстан)
Мухаметлатыпов Ахмет, 1898 (Республика Башкортостан)
Мухин Мирон Александрович, 1922 (Московская область)
Набиев Зариф, 1906 (Республика Татарстан)
Набиуллин Сафар, 1899 (Республика Татарстан)
Надтока Степан Михайлович, 1900 (Украина)
Назаров Василий Иванович, 1921 (Костромская область)
Назаров Павел Макарович, 1899 (Костромская область)
Назаров Федор Алексеевич, 1907 (Московская область)
Назин Александр Варламович, 1902 (Оренбургская область)
Найденов Марк Максимович, 1906 (Воронежская область)
Накхуваев Шамар, 1897 (Казахстан)
Налепков Антон Иванович, 1911 (Архангельская область)
Нартдинов Галихан Нартдинович, 1907 (Республика Башкортостан)
Настоныров Александр Николаевич, 1917 (Саратовская область)
Насыбуллин Сибгат, 1896 (Республика Татарстан)
Натов Сергей Петрович, 1897 (Тамбовская область)
Наумов Василий Прокопьевич, 1900/1907 (Казахстан)
Наурызбаев Карыбай, 1907 (Казахстан)
Наурызбаев Рахимбай, 1904 (Казахстан)
Нафтали Киржан, 1918 (Азербайджан)
Наянов Александр Николаевич, 1909 (Нижегородская область)
Негода Павел Фомич, 1907 (Оренбургская область)
Негодяев Василий Михайлович, 1910 (Тамбовская область)
Негодяев Федор Николаевич, 1922 (Кировская область)
Некрасов Тихон Матвеевич, 1902 (Алтайский край)
Неменко Павел Федорович, 1897 (Украина, Тверская область)
Неретин Василий Андриянович, 1903 (Московская область)
Несин Дмитрий Иванович, 1901 (Украина)

Нестеров Михаил Семенович, 1913 (Ульяновская область)
Неустроев Илларион Васильевич, 1904 (Свердловская область)
Никандров Александр Никанорович, 1901 (Тверская область)
Никешкин Александр Егорович, 1915 (Удмуртская республика)
Никитин Алексей Яковлевич, 1915 (Тверская область)
Никитин Василий Федорович, 1918 (Оренбургская область)
Никитин Владимир Августович, 1925 (Смоленская область)
Никитин Павел Николаевич, 1900 (Рязанская область)
Николаев Егор Николаевич, 1903 (Московская область)
Николаев Иван Николаевич, 1900/1904 (Чувашская Республика)
Никулин Дементий Миронович, 1899 (Казахстан)
Нинкин Емельян Павлович, 1911 (Смоленская область)
Новиков Михаил Николаевич, 1892 (Тверская область)
Новицкий Борис Пантелеевич, 1922 (Воронежская область)
Новожилов Василий Степанович, 1912 (Ленинградская область)
Нуренко Алексей Петрович, 1908 (Украина)
Овчинников Иван Иванович, 1917
Овчинников Дмитрий Дмитриевич, 1900 (Рязанская область)
Овчинников Сергей Семенович, 1901/1906 (Курганская область)
Огородов Иван Антипович, 1900/1902 (Удмуртская республика)
Озеров Григорий Иванович, 1910 (Ярославская область)
Омаров Алимжан, 1906 (Казахстан)
Орлов Александр Васильевич, 1889 (Украина)
Орлов Василий Никифорович, 1895/1905 (республика Марий Эл)
Осипов Анатолий Афанасьевич, 1900/1910 (Самарская область)
Осипов Афанасий Иванович, 1897 (Вологодская область)
Осипов Константин Осипович, 1907 (Чувашская республика)
Осипов Николай Иванович, 1912 (Республика Башкортостан)
Османов Караходжа, 1897 (Кыргызстан)
Осюнин Иван Петрович, 1909 (Пензенская область)
Павлов Конон Павлович, 1917 (Чувашская республика)
Павлов Федор Иванович
Павлов Яков Павлович, 1900/1905 (Смоленская область)
Пайчадзе Алпер, 1899 (Грузия)
Пакулин Петр Иванович, 1899/1901 (Кировская область)
Панарин Захар Федорович, 1924 (Тверская область)
Панин Иван Иванович, 1899 (Нижегородская область)
Панкратов Василий Кузьмич, 1908 (Нижегородская область)
Паньков Зиновий Аполлонович, 1899 (Вологодская область)
Папанин Николай Петрович, 1909 (Московская область)
Пастухов Михаил Макарьевич, 1897 (Украина)
Пастухов Павел Семенович, 1915 (Омская область)
Патрикеев Николай Иванович, 1909 (Тверская область)
Пашкевич Петр Романович, 1901 (Омская область)
Певцов Иван Егорович, 1912 (Свердловская область)
Пекин Николай Федорович, 1908 (Саратовская область)
Пенкин Василий Сергеевич, 1902 (Республика Башкортостан)
Переышин Семен Иванович, 1906/1908 (Пермский край)
Перечев Дмитрий Иванович, 1915
Перминов Сергей Алексеевич, 1899/1900 (Кировская область)
Пермяков Иосиф Васильевич, 1904 (Челябинская область)
Петин Виктор Павлович, 1921 (Новгородская область)

Петраков Алексей Гаврилович, 1925 (Смоленская область)
Петрашов Александр Михайлович, 1914 (Ярославская область)
Петренко Андрей Тихонович, 1900/1902 (Украина)
Петров Василий Афанасьевич, 1903 (Вологодская область)
Петров Геннадий Павлович, 1923 (Ярославская область)
Петров Дмитрий Дмитриевич, 1900/1901 (Удмуртская республика)
Петров Павел Петрович, 1908 (Чувашская республика)
Петров Сергей Петрович, 1904/1906 (Чувашская республика)
Петрунин Федор Андреевич, 1906 (Нижегородская область)
Петрушевский Василий Иванович, 1912 (Ростовская область)
Петухов Василий Федорович, 1902 (Калужская область)
Пехенько Дмитрий Петрович, 1897 (Брянская область)
Пивманет, 1903 (Кыргызстан)
Пилигримов Иван Родионович, 1911 (Курганская область)
Пирожков Яков Трофимович, 1923 (Беларусь)
Плетнев Афанасий Федорович, 1908 (Курганская область)
Плотников Семен Васильевич, 1897 (Удмуртская республика)
Плотников Сергей Васильевич, 1897 (Кировская область)
Побочин Степан Федорович, 1915 (Рязанская область)
Поваляев Константин Митрофанович, 1898 (Украина)
Повышев Василий Емельянович, 1896 (Кировская область)
Погорелый Кирилл Ефимович, 1910 (Украина)
Подберезный Федор Иосифович, 1923 (Украина)
Подвальный Прокофий Анисимович, 1918 (Новосибирская область)
Подкопаев Нестор Анисимович, 1899 (Брянская область)
Поздняков Михаил Васильевич, 1902 (Московская область)
Поленников Михаил Васильевич, 1901 (Липецкая область)
Поленов Даниил Степанович, 1908 (Хабаровский край)
Поленов Николай Андреевич, 1912 (Нижегородская область)
Полетаев Иван Николаевич, 1895 (Псковская область)
Половов Иван Дмитриевич, 1915 (Ульяновская область)
Полозенко Семен Артемович, 1909 (Украина, Алтайский край)
Полосин Иван Алексеевич, 1905 (Саратовская область)
Полтарев Петр Ефимович, 1896 (Брянская область)
Полушев Георгий Федосеевич, 1909 (Республика Башкортостан)
Поляков Александр Захарович, 1903 (Смоленская область)
Поляков Александр Павлович, 1919 (Самарская область)
Поляков Антон Григорьевич, 1897 (Пензенская область)
Полянский Василий Алексеевич, 1906/1907 (Ростовская область)
Поникаровский Иван Петрович, 1907 (Вологодская область)
Пономарев Алексей Романович, 1916 (Ярославская область)
Пономарев Павел Степанович, 1915 (Пермский край)
Пономарев Петр Федорович, 1911 (Тульская область)
Попенко Сергей Степанович, 1923 (Украина)
Попков Константин Михайлович, 1900 (Республика Башкортостан)
Попков Леонид Иванович, 1922 (Ярославская область)
Попов Алексей Дмитриевич, 1914/1916 (Свердловская область)
Попов Валериан Александрович, 1920 (Ярославская область)
Попов Георгий Леонтьевич, 1901 (Тверская область)
Попов Дмитрий Аксенович, 1902 (Тамбовская область)
Попов Никита Андреевич, 1898 (Смоленская область)
Попов Николай Иванович, 1908 (Республика Башкортостан)

Породько Кузьма Акакиевич, 1899/1909 (Украина)
Потемкин Василий Архипович, 1919 (Белоруссия)
Потемкин Константин Иванович, 1913 (Ленинградская область)
Праччин Николай Федорович, 1922 (Ростовская область)
Привалов Исай Аверьянович, 1898 (Смоленская область)
Примак Василий Федотович, 1917/1919 (Белоруссия)
Приходько Панкрат Антонович, 1898 (Украина)
Прокопенко Антон Иванович, 1905 (Украина)
Просвиркин Михаил Петрович, 1901 (Самарская область)
Проскурнов Федор Семенович, 1910 (Волгоградская область)
Протасов Сергей Митрофанович, 1892 (Смоленская область)
Прохоров Михаил Иванович, 1900/1905 (Вологодская область)
Пугачев Иван Григорьевич, 1913 (Новосибирская область)
Пупенков Иван Андреевич (Смоленская область)
Пупынин Михаил Степанович, 1922 (Красноярский край)
Пустохин Иван Павлович, 1907 (Вологодская область)
Путятин Егор Степанович, 1899 (Алтайский край)
Пухов Михаил Федорович, 1903/1906 (Владимирская область)
Пучков Сергей Васильевич, 1907 (Орловская область)
Пушков Александр Иванович, 1913 (Тверская область)
Пчелкин Сергей Данилович, 1893 (Калужская область)
Пылев Виктор Иванович, 1901 (Смоленская область)
Пыров Василий Сергеевич, 1882 (Смоленская область)
Пытляк Яков Осипович, 1904 (Иркутская область)
Пярых Василий Иванович, 1906 (Курганская область)
Рабинович Лев Израилевич, 1906 (Ростовская область)
Разгоняев Данил Семенович, 1906 (Ярославская область)
Разин Иван Семенович, 1923 (Тверская область)
Рамин Роман Прокофьевич, 1910 (Пензенская область)
Рассоха Дмитрий Николаевич, 1908 (Алтайский край)
Рачев Николай Владимирович, 1917 (Пермский край)
Ревин Михаил Михайлович, 1904 (Ульяновская область)
Ремизов Александр Ник., 1908 (Республика Марий Эл)
Ретунцев Сергей Иванович, 1899 (Алтайский край)
Решетько Александр Яковлевич, 1897 (Алтайский край)
Роганин Василий Анисимович, 1913 (Белгородская область)
Рогаченко Василий Михайлович, 1918 (Украина)
Роголин Константин Лукич, 1921 (Челябинская область)
Родин Дмитрий Борисович, 1908 (Рязанская область)
Родионов Иван Ефремович, 1923 (Тверская область)
Родькин Василий Сергеевич, 1923 (Нижегородская область)
Рокунов Дмитрий Васильевич, 1905 (Нижегородская область)
Романов Николай Павлович, 1894 (Кировская область)
Романов Степан Васильевич, 1911 (Воронежская область)
Ромашкин Михаил Петрович, 1900/1906 (Рязанская область)
Ромашков Василий Григорьевич, 1907
Ромашов Василий Григорьевич, 1917/1918 (Челябинская область)
Ронжин Григорий Архипович, 1908 (Костромская область)
Ротанов Владимир Павлович, 1888 (город Москва)
Рошин Сергей Николаевич, 1920 (Ярославская область)
Руднев Иван Ильич, 1907 (Воронежская область)
Русаков Прокопий Лаврентьевич, 1903/1905 (Омская область)

- Рыбаков Егор Васильевич, 1891 (Смоленская область)
 Рыбин Иван Павлович, 1910 (Костромская область)
 Рыбин Михаил Федорович, 1899/1900 (Нижегородская область)
 Рыбников Григорий Степанович, 1905 (Удмуртская республика)
 Рыбьяков Евгений Егорович, 1903 (Пермский край)
 Рымарев Александр Григорьевич, 1900 (Омская область)
 Рымаренко Иван Леонтьевич, 1913 (Хабаровский край)
 Рябинин Петр Тимофеевич, 1904 (Пензенская область)
 Рябухин Андрей Захарович, 1901 (Республика Башкортостан)
 Рязанов Петр Власович, 1914 (Тюменская область)
 Саблин Василий Иванович, 1920 (Волгоградская область)
 Саблин Егор Васильевич, 1919 (Липецкая область)
 Сабодаж Григорий Осипович, 1901 (Новосибирская область)
 Сабуров Виталий Александрович, 1913 (Костромская область)
 Савастьянов Василий Федорович, 1910 (Республика Марий Эл)
 Савин Дмитрий Иванович, 1904 (Московская область)
 Савушкин Николай Михайлович, 1921 (Нижегородская область)
 Савцов Илья Петрович, 1908 (Саратовская область)
 Сагнахметов Ахмет, 1907 (Оренбургская область)
 Садыков Баракбай, 1920 (Казахстан)
 Садыков Камал, 1914 (Кыргызстан)
 Сазонов Евгений Емельянович, 1914 (Смоленская область)
 Сазонов Иван Никитович, 1912 (Алтайский край)
 Саитов Галим Саитович, 1913/1917 (Республика Башкортостан)
 Сайдаков Алексей Савельевич, 1911 (Удмуртская республика)
 Салагашу, 1901 (Чувашская республика)
 Сальников Андрей Михайлович, 1887 (Омская область)
 Сальников Афанасий Кириллович, 1901 (Московская область)
 Самохин Иван Яковлевич, 1908 (Республика Башкортостан)
 Самочернов Василий Афанасьевич, 1923 (Свердловская область)
 Сапелкин Иван Дмитриевич, 1901/1907 (Пензенская область)
 Саргисян Джалал Жавадович, 1900/1902 (Азербайджан)
 Сатеев Евдоким Григорьевич, 1908 (республика Марий Эл)
 Сатрин Казим, 1910 (Узбекистан)
 Сафиуллин Марафат Сафиуллович, 1897 (Республика Башкортостан)
 Сафиуллин Фахрутдин, 1897 (Республика Башкортостан)
 Сафронов Николай Иванович, 1902 город Москва Сбитнев Константин Данилович, 1913
 (Кемеровская область)
 Свалов Иван Николаевич, 1913 (Свердловская область)
 Сведенцов Николай Александрович, 1897/1901 (Кировская область)
 Свиринов Василий Тихонович, 1898 (Рязанская область)
 Седельников Иван Егорович, 1915 (Алтайский край)
 Седов Георгий Георгиевич, 1900 (Тулльская область)
 Седова Александра Егоровна, 1891 (Тверская область)
 Сейсенгалиев Каиф
 Селин Даниил Иванович, 1906 (Воронежская область)
 Семаков Афанасий Андреевич, 1910 (Кировская область)
 Семенко Александр Владимирович, 1906 (Белгородская область)
 Семенов Андрей Федорович, 1908 (Республика Марий Эл)
 Семенов Павел Семенович, 1891 (город Москва)
 Семенов Степан Петрович, 1897 (Саратовская область)
 Семенов Филипп Степанович, 1899 (Омская область)

Семич Иван Степанович, 1902 (Оренбургская область)
Семков Николай Яковлевич, 1923 (Пермский край)
Сенин Николай Иванович, 1922 (Владимирская область)
Сениченков Алексей Егорович, 1904 (Тверская область)
Сергеев Александр Васильевич, 1919 (Тверская область)
Сергеев Николай Дмитриевич, 1905
Сергеев Петр Михайлович, 1895/1897 (Республика Башкортостан)
Серебряков Аким Леонтьевич, 1897 (Оренбургская область)
Серов Иван Иванович, 1920/1923 (Тверская область)
Сероев Семен Вавилович, 1903 (Кировская область)
Семин Борис Николаевич, 1908 (Саратовская область)
Сиватов Дмитрий Григорьевич, 1925 (Смоленская область)
Сиверин Петр Григорьевич, 1900/1904 (Курганская область)
Сигаев Иван Васильевич, 1902 (Рязанская область)
Сидоров Алексей Федорович, 1908 (Ивановская область)
Сидоров Дмитрий Романович, 1900 (Липецкая область)
Сидоров Иван Александрович, 1922 (Кировская область)
Сидоров Иван Владимирович, 1909 (Смоленская область)
Сидоров Тимофей Трофимович, 1895 (Удмуртская республика)
Сизов Николай Лаврович, 1904 (Республика Татарстан)
Сильченко Иван Ильич, 1903 (Смоленская область)
Симаков Михаил Кириллович, 1900 (Удмуртская республика)
Симкин Федор Иванович, 1914 (Республика Мордовия)
Синеоков Илья Иванович, 1894 (Воронежская область)
Сисенко Петр Капитонович, 1902 (Алтайский край)
Скляр Иван Васильевич, 1921 (Ставропольский край, Украина)
Скорыходов Алексей Федорович, 1917/1919 (Тюменская область)
Скуратович Владимир Викентьевич, 1903 (Белоруссия)
Сливкин Федор Павлович, 1892 (Воронежская область)
Смирнов Анатолий Николаевич, 1909 (Свердловская область)
Смирнов Василий Васильевич, 1900 (Смоленская область)
Смирнов Григорий Михайлович, 1914 (Ярославская область)
Смирнов Евгений Васильевич
Смирнов Иван Дмитриевич, 1904 (Костромская область)
Смирнов Иван Михайлович, 1896/1897 (Костромская область)
Смирнов Михаил Иванович, 1920 (Ленинградская область)
Смирнов Петр Яковлевич, 1896 (Ярославская область)
Смирнов Прохор Борисович, 1904/1909 (Тюменская область)
Смирнов Сергей Петрович, 1914 (Тамбовская область)
Смолов Николай Алексеевич, 1920/1923 (Чувашская Республика)
Соболев Александр Николаевич, 1914 (Волгоградская область)
Собский Василий Елизарович, 1923 (Оренбургская область)
Соколов Алексей Платонович, 1900 (Костромская область)
Соколов Владимир Константинович, 1922 (город Москва)
Соколов Захар Семенович, 1903 (Смоленская область)
Соколов Николай Павлович, 1900 (Вологодская область)
Солдатенков Михаил Леонович, 1904 (Смоленская область)
Соловьев Владимир Николаевич, 1925 (Тверская область)
Соловьев Михаил Михайлович, 1905 (Удмуртская Республика)
Солодин Борис Дмитриевич, 1918 (Пермский край)
Соломатин Иван Александрович, 1910 (Рязанская область)
Сонин Дмитрий Петрович, 1909 (Липецкая область)

Сорокин Павел Иванович, 1905 (город Москва)
Сорокин Семен Прохорович, 1903/1905 (Чувашская Республика)
Сошников Петр Федорович, 1896 (Тульская область)
Спиридонов Владимир Иванович, 1909 (город Москва)
Спицын Степан Павлович, 1905 (Республика Адыгея)
Стариков Николай Михайлович, 1917 (Оренбургская область)
Старов Александр Иванович, 1901 (Украина)
Старожилов Ефим Иванович, 1911 (Иркутская область)
Старожилов Иван Григорьевич, 1923 (Иркутская область)
Старостин Александр Абрамович, 1908 (Нижегородская область)
Стасик Яков Власович, 1922 (Украина)
Степан Петр Григорьевич, 1914 (Челябинская область)
Степанов Егор Николаевич, 1902 (Самарская область)
Степанов Антон Егорович, 1914 (Республика Татарстан)
Степанов Николай Алексеевич, 1917 (Ивановская область)
Степанов Николай Антонович, 1900 (Алтайский край)
Стеханидзе
Стрелков Андрей Дмитриевич, 1914 (Ивановская область)
Строганов Виктор Ник., 1912 (Ярославская область)
Строгов Михаил Андреевич, 1908 (Московская область)
Студеникин Иван Васильевич, 1923 (город Москва)
Ступин Франц Альфович, 1898 (город Москва)
Сузюмов Николай Андреевич, 1912 (Узбекистан)
Сулимов Владимир Павлович, 1922 (Тверская область)
Сунцов Михаил Миронович, 1900 (Удмуртская Республика)
Супряков Иван Федорович, 1906 (Республика Мордовия)
Сурейкин Петр Архипович, 1909
Суслов Василий Дмитриевич, 1903 (Свердловская область)
Суханов Михаил Иванович, 1900 (Самарская область)
Сухов Николай Дмитриевич, 1923 (Чувашская Республика)
Сухорук Архип Денисович, 1897 (Украина)
Сьянов Егор Григорьевич, 1896 (Воронежская область)
Сюлин Михаил Тихонович, 1910 (Алтайский край)
Табатадзе Леонтий Спиридонович, 1903 (Грузия)
Таджибаев Раимжан, 1903 (Узбекистан)
Таиров Петр Антипович, 1900 (город Москва)
Таланов Павел Петрович, 1903 (Нижегородская область)
Тарасов Василий Иванович, 1900 (Тверская область)
Тарасов Николай Иванович, 1925 (Тверская область)
Таскаев Аркадий Александрович, 1897 (Забайкальский край)
Татаринцев Павел Васильевич, 1900 (Тамбовская область)
Татьянин Иван Петрович, 1906 (Республика Татарстан)
Ташлиев Мухей, 1908 (Туркменистан)
Тедорадзе Семен Александрович, 1896 (Грузия)
Тележкин Павел Филиппович, 1902 (Тверская область)
Телицын Александр Афанасьевич, 1907/1911 (Удмуртская Республика)
Телков Петр Егорович, 1906 (Тульская область)
Телушкин Иван Арсентьевич, 1911 (Белгородская область)
Теренин Алексей Ипполитович, 1901 (Республика Башкортостан)
Терещенко Дмитрий Ильич, 1920 (Краснодарский край)
Терновой Иван Захарович, 1920 (Саратовская область)
Теслев Ефим Капсимович, 1907 (Республика Бурятия)

Тимошенко Прокофий Семенович, 1907 (Белгородская область)
Титов Иван Егорович, 1894 (Московская область)
Тиунов Егор Федорович, 1901 (Пермский край)
Ткач Иван Степанович, 1900/1903 (Алтайский край)
Токарев Алексей Родионович, 1904 (Удмуртская Республика)
Толкушкин Николай Андреевич, 1905 (Нижегородская область)
Толошко Егор Титович, 1911 (Белоруссия)
Толстобров Григорий Иванович, 1896 (Кировская область)
Толстопятов Николай Андреевич, 1914/1917 (Удмуртская Республика)
Томничев В.
Торгашов Максим Григорьевич, 1904 (Республика Мордовия)
Травкин Федор Степанович, 1906 (Смоленская область)
Трепоп Николай Константинович, 1923 (Новосибирская область)
Трифонов Григорий Петрович, 1908 (Свердловская область)
Тришин Андрей Федосеевич, 1897 (Рязанская область)
Тропин Прокопий Иванович, 1916 (Красноярский край)
Трофимов Иван Трофимович, 1897 (Чувашская Республика)
Трупов Дмитрий Алексеевич, 1911 (Новосибирская область)
Труфанов Михаил Федорович, 1904 (Красноярский край)
Тужинский Евгений Дмитриевич, 1909 Тураев Нурмухамед, 1902 (Туркменистан)
Турок Константин Харитонович, 1909/1910 (Белоруссия)
Турупцев Василий Лукич, 1896 (Костромская область)
Турчин Виктор Михайлович, 1920 (Украина)
Тябин Василий Кузьмич, 1904 (Оренбургская область)
Угарин Иван Петрович, 1906 (Чувашская Республика)
Ульмаров Степан Павлович, 1901 (Вологодская область)
Ульянович Василий Никодимович, 1907 (Республика Башкортостан)
Умегашвили Георгий Гаврилович, 1900 (Грузия)
Уразашвили Естаты, 1899 (Грузия)
Урашвили Стараим, 1895 (Грузия)
Урывский Иван Федорович, 1900 (Воронежская область)
Усманов Саду, 1908 (Оренбургская область)
Усов Василий Петрович, 1910 (Иркутская область)
Уханов Михаил Федорович, 1902 (город Москва)
Ушаков Артемий Григорьевич, 1896/1898 (Удмуртская Республика)
Ушаков Василий Андреевич, 1922 (Владимирская область)
Ушаков Николай Васильевич, 1902/1904 (Владимирская область)
Фадеев Тимофей Семенович, 1905 (Республика Башкортостан)
Фаизов Мухамед, 1908 (Челябинская область)
Фаламеев Михаил Иванович, 1902 (Тамбовская область)
Фарбаков Матвей Васильевич, 1911
Фаррахов Ибрагим, 1915 (Республика Татарстан)
Фатин Александр Александрович, 1923 (Рязанская область)
Фаттахов Исхак Фаттахович, 1904 (республика Татарстан)
Фаттахов Сахат, 1904 (Украина)
Федоренко Сергей Игнатъевич, 1896 (Новосибирская область)
Федосеев Виктор Михайлович, 1923 (Нижегородская область)
Федулов Иван Егорович, 1922 (Тверская область)
Феокистов Григорий Кузьмич, 1910 (Пензенская область)
Фефилов Павел Егорович, 1898/1902 (Удмуртская Республика)
Федоров Даниил Федорович, 1900 (Республика Марий Эл)
Федоров Федор Е., 1897 (Забайкальский край)

Федоров Филипп Федорович, 1909 (Чувашская Республика)
Филатенков Александр Иванович, 1903 (Вологодская область)
Филатов Александр Григорьевич, 1919 (Саратовская область)
Филатов Андрей Андреевич, 1906 (Смоленская область)
Филимонов Андрей Герасимович, 1899/1900 (Кировская область)
Филимонов Владимир Павлович, 1923 (Смоленская область)
Филиппов Алексей Филиппович, 1909 (Республика Марий Эл)
Филиппов Гавриил Ефремович, 1902/1911 (Тюменская область)
Фильянов Петр Егорович, 1896 (Рязанская область)
Финогенов Василий Максимович, 1903 (Московская область)
Фоминов Порфирий Петрович, 1921 (Белоруссия)
Фонов Петр Ильич, 1910 (Воронежская область)
Фошин Петр Егорович, 1909 (Республика Мордовия)
Фроленко Виктор Сысоевич, 1890 (Смоленская область)
Фролков Иван Константинович, 1922 (Курганская область)
Фролов Денис Васильевич, 1897 (Рязанская область)
Фырин Павел Николаевич, 1902 (Московская область)
Хабарин Антон, 1900 (Грузия)
Хаджанов Акмухамед, 1902 (Туркменистан)
Хали Какаджан, 1899 (Туркменистан)
Халуев Николай Федорович, 1905 (Удмуртская Республика)
Хамандритов Павел Иванович, 1902 (Удмуртская Республика)
Хаматов Бек Юнусович, 1912 (Республика Татарстан)
Ханбиков Шагизян Халиуллович, 1914 (Республика Татарстан)
Ханин Николай Иванович, 1897 (Курганская область)
Ханмагомедов Ахмед, 1916 (Республика Дагестан)
Харасов Галимьян Харасович, 1896/1898 (Республика Башкортостан)
Харин Константин Иванович, 1902 (Удмуртская Республика)
Харитонов Иван Петрович, 1914 (Владимирская область)
Хасанджанов Акзам, 1891 (Ульяновская область)
Хасанов Сагидулла Валиуллович, 1907 (Республика Башкортостан)
Хасанов Хусаин Хасанович, 1896/1897 (Республика Башкортостан)
Хаустов Петр Устинович, 1910 (Московская область)
Хачиянц Аркадий Мартынович, 1910 (Узбекистан)
Хилько Владимир Демидович, 1921 (Украина)
Хисматуллин Шаехмулла Хисматуллович, 1896/1900 (Республика Башкортостан)
Хлобыстов Павел Александрович, 1911 (Кировская область)
Хмельков Яков Никифорович, 1899 (Курганская область)
Ходырев Семен Семенович, 1899/1900 (Кировская область)
Хозин Федор Петрович, 1920 (Брянская область)
Холодов Николай Яковлевич, 1912 (Пензенская область)
Хоменко Роман Васильевич, 1908/1914 (Украина)
Хохленков Кондратий Тимофеевич, 1904/1906 (Саратовская область)
Хохорин Дмитрий Федорович, 1912 (Московская область)
Храпин Семен Николаевич, 1895 (Курская область)
Храпутских Григорий Акилович, 1910 (Челябинская область)
Хренов Яков Михайлович, 1909 (Тверская область)
Худайберганов Хасан, 1895 (Республика Башкортостан)
Худяков Иван Петрович, 1909 (Самарская область)
Хуснуллин Сагит, 1907 (Республика Башкортостан)
Цветков Иван Семенович, 1925/1926 (Смоленская область)
Цивилашвили Владимир Константинович, 1922 (Грузия)

Цурган Михаил Алексеевич, 1913/1918 (Украина)
Цыренов Митып, 1900/1906/1907 (Республика Бурятия)
Чеглецов Виталий Николаевич, 1912/1913 (Республика Коми)
Чекмарев Тимофей Никанорович, 1899 (Оренбургская область)
Чепурных Николай Свиридович, 1924 (Курская область)
Чепуров Максим Ефимович, 1913 (Республика Башкортостан)
Черезов Иван Ильич, 1911 (Кировская область)
Черемискин Афанасий Семенович, 1903/1905 (Кировская область)
Черепанов Николай Петрович, 1907 (Удмуртская Республика)
Черемушников Петр Федотович, 1896 (Омская область)
Чернавский Степан Николаевич, 1898 (Алтайский край)
Чернов Абрам Григорьевич, 1882 (Смоленская область)
Чернышов Александр Николаевич, 1901 (Кировская область)
Чернышов Георгий Зотович, 1922 (Свердловская область)
Чернышов Емельян Иванович, 1895 (Кировская область)
Чесалин Трофим Владимирович, 1901 (Саратовская область)
Чибииков Василий Макарович, 1897 (Смоленская область)
Чикин Алексей Христофорович, 1901 (Алтайский край)
Чистяков Иван Павлович, 1898 (Алтайский край)
Чубаров Александр Егорович, 1911 (Тверская область)
Чубаров Иван Никанорович, 1901 (Республика Татарстан)
Чувашов Иван Игнатъевич, 1913 (Кировская область)
Чудов Александр Михайлович, 1903 (Тверская область)
Чужбинин Георгий Павлович, 1925 (Тверская область)
Чульжанов Корнил Михайлович, 1910 (Республика Хакасия)
Чумаков Николай Кузьмич, 1911 (Украина)
Чумин Иван Захарович, 1899 (Смоленская область)
Чуненков Василий Алексеевич, 1906 (Тверская область)
Чурилов Семен Павлович, 1914 (Красноярский край)
Шабанов Михаил Семенович, 1899 (Курская область)
Шавкунов Михаил Парамонович, 1913 (Кировская область)
Шагаров Михаил Андреевич, 1897 (Самарская область)
Шаймарданов Карим, 1905 (Республика Башкортостан)
Шакерянов Галяс, 1902 (Республика Татарстан)
Шалагин Марк Ательевич, 1905 (Свердловская область)
Шамонов Емельян Тихонович, 1881 (Смоленская область)
Шамсутдинов Фатхелбаян Шамсутдинович, 1905 (Республика Башкортостан)
Шангилов Иван Семенович, 1908 (Белоруссия)
Шаповалов Марьян Демьянович, 1904 (Украина)
Шарипов Аухадия Шарипович, 1912 (Республика Башкортостан)
Шахмагамбетов Малабай, 1905 (Казахстан)
Шварц Владимир Ильич, 1923 (Архангельская область)
Шведов Дмитрий Иванович, 1896 (Нижегородская область)
Швецов Михаил Петрович, 1905 (Кировская область)
Шевчук Тимофей Яковлевич, 1912 (Тюменская область)
Шелест Алексей Федорович, 1910 (Украина)
Шелест Яков Павлович, 1899 (Алтайский край)
Шепелев Федор Иванович, 1898 (Казахстан)
Шеповалов Василий Александрович, 1902 (Тверская область)
Шестаков Семен Герасимович, 1901 (Алтайский край)
Шестеркин Иван Кузьмич, 1914 (Республика Мордовия)
Шибанов Василий Прохорович, 1897 (Удмуртская Республика)

Шильдеев Михаил Ахмедянович, 1922 (Казахстан)
 Шитов Семен Егорович, 1910 (Рязанская область)
 Шихалев Михаил Дмитриевич, 1915 (Алтайский край)
 Шиховский Федор Петрович, 1913 (Свердловская область)
 Шишанов Федор Львович, 1893/1895 (Тверская область)
 Шишкин Федор Семенович, 1897 (Республика Башкортостан)
 Шкляков Иван Иванович, 1908 (Архангельская область)
 Шлаков Иван Иванович, 1908 (Рязанская область)
 Шмелев Александр Иванович, 1895/1903 (Ивановская область)
 Шмоткин Иван Романович, 1908 (Тамбовская область)
 Шошин Алексей Тимофеевич, 1910 (Архангельская область)
 Шповда Петр Иванович, 1918 (Белоруссия)
 Штыков Федор Дмитриевич, 1902 (Самарская область)
 Штылев Федор Алексеевич, 1894 (Смоленская область)
 Шубин Александр Григорьевич, 1923 (Свердловская область)
 Шубладзе Василий Порфиорович, 1906/1911 (Грузия)
 Шумилов Петр Ермолаевич, 1907 (Республика Башкортостан)
 Шутов Василий Григорьевич, 1899 (Тверская область)
 Щекалев Емельян Николаевич, 1902 (Свердловская область)
 Щербаков Алексей Андреевич, 1917 (Краснодарский край)
 Щетинин Василий Иванович, 1911 (Ярославская область)
 Щирий Поликарп Иванович, 1900 (Украина)
 Щукин Михаил Леонтьевич, 1903 (Вологодская область 35)
 Эльмурзаев Реза, 1920 (Узбекистан)
 Юдин Николай Ефимович, 1916 (Казахстан)
 Юркин Василий Сергеевич, 1904 (Курганская область)
 Юртаев Петр Прокопьевич, 1913 (Алтайский край)
 Яковлев Алексей Семенович, 1900 (Удмуртская Республика)
 Яковлев Николай Викулович, 1898/1900 (Кировская область)
 Яковлев Степан Иванович, 1916 (Кировская область)
 Яковлев Федор Яковлевич, 1900 (Кировская область)
 Якутии Егор Алексеевич, 1901 (Калужская область)
 Якшамкин Иван Николаевич, 1922 (Республика Мордовия)
 Янбуев Нандат, 1917 (Республика Бурятия)
 Январев Василий Васильевич, 1901 (город Москва)
 Янченков Филипп Иосифович, 1890 (Рязанская область)
 Яранцев Федор Дмитриевич, 1918/1919 (Чувашская Республика)
 Яснов Виктор Герасимович, 1923 (Московская область)
 Яхин Зия Яхинович, 1909 (Республика Башкортостан)
 Ячков Николай Степанович, 1920
 Яшин Василий Григорьевич, 1911 (Калужская область)
 ...маза А. Хан., 1907 (Республика Татарстан)
 ...В. М., 1918 (Кировская область)

Лазарет № 3 «Дулага-184»

Лазарет № 3 немецкого пересыльного лагеря военнопленных «Дулаг-184» находился непосредственно на площадке содержания и сортировки Durchgangslager-184: предположительно, на территории между улицами 25 Октября, Репина и Загородным переулком, напротив ООО «Супрема-Агро». В настоящее время здесь находится сквер Светланы Савицкой, летчицы-космонавта, дважды героя Советского Союза. По предположению вяземских краеведов, территория, примыкающая к лазарету, возможно, продолжалась до МОУ СОШ № 2 включительно.

Ни памятного знака, ни памятника на данной территории никогда не было. В настоящее время территория находится под жилой застройкой, здесь создан торговый комплекс, возможные погребения узников за послевоенные десятилетия утрачены.

Списки военнопленных и мирных граждан, погибших в лазарете № 3 «Дулага-184»

(по неполным Спискам погибших за январь, февраль, март, июль, август, сентябрь, октябрь 1942 г.)

Согласно спискам умерших в лазарете № 3 советских военнопленных и гражданских лиц, в нем погибло 383 человека. В том числе из России 336 человек, из Украины – 25, из Белоруссии – 7, а также из Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Туркмении и Узбекистана.

Абрамов Анатолий Андреевич, 1909 (Ленинградская область)
 Абрамов Кузьма Семенович, 1913 (Кемеровская область)
 Аверкиев Петр Федулович, 1898 (Костромская область)
 Аверьянов Тихон Семенович, 1920/1923 (Тульская область)
 Агеев Матвей Яковлевич, 1913 (Калужская область)
 Агеев Павел Никитович, 1914 (Калужская область)
 Алексеев Федор Михайлович, 1902/1907 (Самарская область)
 Алексеенко Фома Прокофьевич, 1903 (Украина)
 Алферов Евгений Семенович, 1921 (Украина)
 Алчебаев Иван Михайлович, 1900/1904 (Челябинская область)
 Алянчиков Николай Васильевич, 1914 (Владимирская область)
 Андреев Алексей Иванович, 1909 (город Москва)
 Андриянов Иван Андреевич, 1899 (г. Москва)
 Андрусь Иван Яковлевич, 1911 (Украина)
 Аниченко Кузьма Николаевич, 1889 (Московская область)
 Антонов Арсений Васильевич, 1913 (Тверская область)
 Антонов Павел Егорович, 1909 (Республика Башкортостан)
 Антропов Николай Ефремович, 1906 (г. Москва)
 Апарин Константин Михайлович, 1909 (Омская область)
 Аршуков Борис Савельевич, 1915 (Красноярский край)
 Афанасьев Кузьма Васильевич, 1919 (Курская область)
 Афанасьев Николай Пантелеевич, 1918 (Алтайский край)
 Бабанов Семен Михайлович, 1912 (Свердловская область)
 Бабурин Федор Герасимович, 1905/1913 (Нижегородская область)
 Бабуров... Федорович, 1902 (Смоленская область)
 Баранов Иван Андреевич, 1906 (Тульская область)
 Барашкин Захар Тарасович, 1902 (Пензенская область)
 Барчугов Николай Петрович, 1910 (Нижегородская область)
 Барыченков Петр Панкратович, 1926 (Смоленская область)
 Бздюлев Василий Васильевич, 1901 (Свердловская область)
 Богатырев Василий Андреевич, 1922 (Новосибирская область)
 Бодренков Александр Ильич, 1925/1926 (Тверская область)
 Борисов Алексей Григорьевич, 1900 (г. Москва)
 Борисов Петр Николаевич, 1910 (Московская область)
 Бородин Дмитрий Ксенофонович, 1919 (Тюменская область)
 Боченков Павел Ильич, 1893 (Тверская область)
 Бочков Павел Никитич, 1915 (Тамбовская область)
 Будник Егор Филиппович, 1906 (Белоруссия)
 Булгаков Иннокентий Павлович, 1905 (Саратовская область)

Бунь Дмитрий Васильевич, 1917/1918 (Украина)
Бургаев Алексей Андреевич, 1907 (г. Москва)
Бурков Александр Григорьевич, 1918 (Кировская область)
Бушков Алексей Петрович, 1907 (Кировская область)
Валдайцев Михаил Нилович, 1910 (Красноярский край)
Валиев Мирзахан Валиевич, 1908 (Республика Татарстан)
Валов Василий Сергеевич, 1905 (Новосибирская область)
Васильев Алексей Григорьевич, 1903 (Московская область)
Васильев Андрей Никитич, 1913 (Украина)
Васильев Василий Васильевич, 1925 (Тверская область)
Васильев Григорий Алексеевич, 1911 (Республика Башкортостан)
Васильев Григорий Артемович, 1915 (Смоленская область)
Васюков Василий Александрович, 1902 (Вологодская область)
Васюков Илья Егорович Васютин
Вашин Петр Семенович, 1902 (Украина)
Ветров Игнат Васильевич, 1916 (Смоленская область)
Виноградов Константин Александрович, 1906 (Костромская область)
Власов Матвей Федорович, 1895/1902 (г. Москва)
Волков Алексей Агеевич, 1907 (07?)
Кабардино-Балкарская Республика
Волл Борис Яковлевич, 1908 (Ростовская область)
Волчков Леон Григорьевич, 1905 (Смоленская область)
Воронин Василий Ан., 1912 (Тульская область)
Воронин Василий Петрович, 1907 (г. Москва)
Воронин Михаил Петрович, 1897 (Ярославская область)
Воскресенский Василий Иванович, 1916 (Рязанская область)
Гаврилов Николай Гаврилович, 1897 (Смоленская область)
Гавришин Ф. Д., 1903 (Московская область)
Гадалов Владимир Тимофеевич, 1914 (Владимирская область)
Галанов Василий Григорьевич, 1899 (Удмуртская Республика)
Галиев Зайнулла Галиевич, 1911 (Республика Башкортостан)
Ганин Максим Иванович, 1911 (Ярославская область)
Гвоздев Степан Никанорович, 1920 (Красноярский край)
Геланов Андрей Филиппович, 1922 (Курская область)
Герасимов Семен Андреевич, 1922 (Орловская область)
Голубев Илья Федорович, 1923 (Ивановская область)
Горбунов Афанасий Васильевич, 1913 (Пермский край)
Городилов Иван Николаевич, 1912 (Кировская область)
Горохов Леонид Иванович, 1906 (Костромская область)
Горюнов Василий Гаврилович, 1908 (Смоленская область)
Григорьев Алексей Григорьевич, 1902 (Ярославская область)
Гринченко Николай Иванович, 1915 (Ростовская область)
Гриценко Павел Иванович, 1892 (Украина)
Гультяев Егор Кондратьевич, 1913 (Тюменская область)
Гусев Николай Степанович, 1909 (Тверская область)
Даллакян Артем Степанович, 1914 (Азербайджан)
Данилов Степан Григорьевич, 1905 (Алтайский край)
Дембовский Федор Дмитриевич, 1914 (Брянская область)
Демидов Иван Артемович, 1912 (Украина, Курская область)
Денисов Николай Иванович, 1902 (Ульяновская область)
Дибак Василий Иванович, 1918 (Украина)
Дзялошинский Ефим Михайлович, 1902 (г. Москва)

Добрынин Василий Георгиевич, 1913 (Оренбургская область)
Докукин Александр Никифорович, 1905 (Красноярский край)
Долгушин Сергей Алексеевич, 1896 (Оренбургская область)
Доронин Иван Алексеевич, 1918 (Калужская область)
Дроботенко Николай Игнатьевич, 1903 (Воронежская область)
Дубровин Степан Семенович, 1900 (Новосибирская область)
Дырьянова Елена Васильевна, 1902 (Тверская область)
Дьяконов Андрей Иванович, 1905 (Рязанская область)
Егорчев Никита Ильич, 1902 (Рязанская область)
Емельянов Павел Иванович, 1909 (Тверская область)
Ерофеев Василий Васильевич, 1921 (Ленинградская область)
Ермилин Иван Прокопьевич, 1877 (Смоленская область)
Ефимова Евдокия Давыдовна, 1866 (Тверская область)
Ефременков Григорий Герасимович, 1890 (Смоленская область)
Желяев Василий Владимирович, 1906 (Оренбургская область)
Жижин Александр Николаевич, 1907 (Ярославская область)
Жижин Василий Иванович, 1902/1908 (Ярославская область)
Жуковец Тихон Никифорович, 1908/1911 (Украина)
Жулеев Иван Парфенович, 1908/1912 (Смоленская область)
Жулькин Никита Артемьевич, 1905 (Московская область)
Журавлев Николай Семенович, 1914 (Омская область)
Забелин Александр Степанович, 1910 (Костромская область)
Зайцев Михаил Михайлович, 1921 (г. Москва)
Закабунин Илья Васильевич, 1905 (Смоленская область)
Запрудин Александр Георгиевич, 1904 (Свердловская область)
Захарков Трофим Иванович, 1915 (Нижегородская область)
Захаров Д. И., 1899 (Московская область)
Звягин И. Т., 1912 (Московская область)
Земляков Александр Дмитриевич, 1906/1910 (Ярославская область)
Зибченко Михаил Иосифович, 1910 (Красноярский край)
Зимин Иван Константинович, 1923 (Костромская область)
Зиновьев Василий Семенович, 1913 (Пензенская область)
Зубцов А. Г., 1914 (Московская область)
Зяничкин Иван Венедиктович, 1909 (Воронежская область)
Иванников Александр Архипович, 1914 (Липецкая область)
Иванов Алексей Федорович, 1912 (Удмуртская Республика)
Иванов Иван Иванович, 1909 (Белгородская область)
Иванов Иван Кузьмич, 1921 (Астраханская область)
Иванов Николай Яковлевич, 1925 (Тверская область)
Ивановский Даниил Федорович, 1915/1916 (Белоруссия)
Игнатенков Василий Александрович, 1904 (Смоленская область)
Иконников Сергей Кондратьевич, 1901 (Московская область)
Ильин Николай Ильич, 1906 (Республика Марий Эл)
Ищенко Степан Иванович, 1910 (Украина)
Калашников Дмитрий Емельянович, 1913 (Ростовская область)
Калинин Иван Никитич, 1904 (Московская область)
Калязин Федор Матвеевич, 1914 (Тверская область)
Каманин Александр Иванович, 1897 (Московская область)
Каплунов Сергей Архипович, 1925 (Смоленская область)
Карачев Александр Васильевич, 1900/1901 (Кировская область)
Карлуков Петр Трофимович, 1908 (Смоленская область)
Касьянов Филипп Касьянович, 1891 (Смоленская область)

Кедрин Дмитрий Иванович, 1900 (Рязанская область)
Кизирян Товмас Артемович, 1913 (Армения)
Кириллов Николай Никифорович, 1914 (Алтайский край)
Кириянов Николай Алексеевич, 1902 (Тверская область)
Киселев Федор Николаевич, 1909 (Смоленская область)
Клименков Иван Макарович, 1905 (Смоленская область)
Клябин Иван Петрович, 1907 (Смоленская область)
Князев Геннадий Михайлович, 1923 (Удмуртская Республика)
Князев Николай Андреевич, 1921 (Хабаровский край)
Ковалев Александр Павлович, 1905 (Казахстан)
Ковальков Анатолий Константинович, 1923 (Архангельская область)
Ковынев Алексей Яковлевич, 1923 (Узбекистан)
Козловских Егор Степанович, 1913/1918 (Кировская область)
Коковихин Андрей Владимирович, 1909/1919 (Кировская область)
Колин Михаил Борисович, 1913 (Омская область)
Колчанов Егор Александрович, 1901 (Кировская область)
Корзов Иосиф Иванович, 1895 (Смоленская область)
Коробейников Василий Васильевич, 1908 (Нижегородская область)
Корольков Василий Егорович, 1908 (Костромская область)
Костин Андрей Дмитриевич, 1903 (Орловская область)
Костылев Степан Иванович, 1911 (Московская область)
Котисов Андрей Петрович, 1923 (Смоленская область)
Кравченко Прокофий Васильевич, 1904 (Республика Башкортостан)
Крамаренко Дмитрий Федорович, 1924 (Казахстан)
Красников Сергей Иванович, 1900/1901 (Липецкая область)
Краснов Андрей Константинович, 1918/1922 (Оренбургская область)
Кривошеев Петр Маркелович, 1908 (Пензенская область)
Кудинов Александр Абрамович, 1913 (Омская область)
Кузнецов Степан Никитич, 1913 (Тверская область)
Кузьмин Михаил Осипович, 1926 (Смоленская область)
Кузьмичев Андрей Иванович, 1909 (Московская область)
Куницкий Алексей Ефимович, 1908 (Белоруссия)
Курзин Хута Пеузэр, 1911 (Грузия)
Курилин Григорий Ильич, 1892 (Смоленская область)
Лазарев Василий Егорович, 1915 (Московская область)
Лазарев Егор Николаевич, 1892 (Тверская область)
Лаптев Осип Васильевич, 1900 (Республика Башкортостан)
Латырев Николай Григорьевич, 1908 (Республика Бурятия)
Лебедев Александр Федорович, 1907 (Тверская область)
Лебедев Василий Васильевич, 1887 (Московская область)
Леонов Иван Васильевич, 1904 (Тамбовская область)
Левкин Николай Васильевич, 1923 (Тверская область)
Ливенцов Антон Ефимович, 1909 (Волгоградская область)
Лисин Игнатий Сергеевич, 1908 (Нижегородская область)
Логинов Иван Гаврилович, 1912 (Тверская область)
Ложкин Галактион Владимирович, 1908 (Удмуртская Республика)
Лугов Василий Тимофеевич, 1899 (Владимирская область)
Лукошков Петр Иванович, 1902/1922 (Архангельская область)
Лутовинов Федор Дмитриевич, 1897 (Тамбовская область)
Лысовой Иван Филиппович, 1905 (Ростовская область)
Любушкин Александр Николаевич, 1903 (Пермский край)
Мавленко Петр Иванович, 1920 (Смоленская область)

Макаров Алексей Васильевич, 1900 (Московская область)
Маньолов Николай Абрамович, 1904 (Кировская область)
Матенко Алексей Артемович, 1908 (Тюменская область)
Маташков Евгений Васильевич, 1904/1906 (Кировская область)
Мелешкин Иван Васильевич, 1925 (Тверская область)
Мельников Александр Константинович, 1924 (Новосибирская область)
Менибаев Хафиз Сайфутдинович, 1909 (Республика Мордовия)
Мерута Семен Павлович, 1918 (Украина)
Микушкин Иван Григорьевич, 1914 (Республика Марий Эл)
Мирошкин Иван Никифорович, 1920 (Рязанская область)
Митрохин Николай Андреевич, 1909/1910 (Новосибирская область)
Митяев Иван Михайлович, 1897 (Республика Мордовия)
Михайлов Андрей Иванович, 1906 (Ивановская область)
Моисеев Василий Иванович, 1912 (Смоленская область)
Морозов Василий Иванович, 1920 (Тверская область)
Москвин Леонид Федорович, 1915 (Ярославская область)
Мурзалиев Садык, 1916 (Кыргызстан)
Мухтаров Кафар, 1921 (Узбекистан)
Мушарапов Хасан, 1904 (Республика Татарстан)
Мясоедов Трофим Ал., 1900 (Белгородская область)
Нарыб Юлдаш, 1901 (Узбекистан)
Настюшенко Егор Матвеевич, 1907 (Белоруссия)
Неборский Николай Агеевич, 1918 (Белоруссия)
Нестерчук Николай Иванович, 1916 (Тамбовская область)
Нефедов Иван Александрович, 1902 (Московская область)
Никипелов Дмитрий Иванович, 1919 (Казахстан)
Никитенко Степан Степанович, 1905 (Украина)
Никитин Дмитрий Григорьевич, 1908 (Московская область)
Никитин Федор Нилович, 1906 (Новгородская область)
Никифоров Виктор Сергеевич, 1922 (Ленинградская область)
Никифоров Яков Иванович, 1923 (Смоленская область)
Николаенко Иван Федорович, 1912 (Украина)
Новиков Николай Игнатьевич, 1919 (Московская область)
Ногинов Ефим Семенович, 1903 (Нижегородская область)
Нырков Федор Васильевич, 1912/1913 (Республика Северная Осетия – Алания)
Обыденный Александр Петрович, 1902 (Украина)
Овчинников Василий Игнатьевич, 1914 (Пензенская область)
Окунев Владимир Андреевич, 1916 (Ивановская область)
Орешенков Иван Семенович, 1885 (Смоленская область)
Орлов Иван Александрович, 1890/1896 (Ленинградская область)
Оськин Василий Алексеевич, 1892 (Московская область)
Павлов Александр Терентьевич, 1906 (Удмуртская Республика)
Павлов Дмитрий Дмитриевич, 1909 (г. Москва)
Павлов Изосим Павлович, 1918 (Республика Татарстан)
Павлов Михаил Алексеевич, 1904 (Туркмения)
Панин Петр Андреевич, 1910 (Ленинградская область)
Панин Федор Петрович, 1913 (Тульская область)
Парфенов Григорий Никифорович, 1913 (Красноярский край)
Пашагин Николай Федорович, 1910/1916 (Республика Татарстан)
Перегудов Андрей Васильевич, 1904 (Самарская область)
Перов Георгий Петрович, 1904 (г. Москва)
Песоцкий Гавриил Алексеевич, 1898 (Московская область)

- Петров Василий Алексеевич, 1924 (Смоленская область)
Петухов Григорий Степанович, 1913 (Оренбургская область)
Печуков Николай Петрович, 1915 (Московская область)
Писклов Митрофан Иванович, 1902 (Тамбовская область)
Погребченко Николай Матвеевич, 1914 (Томская область)
Погудин Василий Кузьмич, 1914 (Кировская область)
Подрядов Анатолий Дмитриевич, 1895/1909 (Челябинская область)
Поляков Николай Адамович, 1897 (Московская область)
Помелов Леонид Александрович, 1917/1918 (Кировская область)
Понамарев Михаил Федорович, 1912 (Смоленская область)
Понамарев Сергей Васильевич, 1913 (Смоленская область)
Попов Афанасий Иванович, 1904 (Кировская область)
Попов Тихон Евдокимович, 1896 (Оренбургская область)
Порхов Емельян Петрович, 1881 (Смоленская область)
Потапов Павел Прохорович, 1891 (Смоленская область)
Потапов Роман Григорьевич, 1907 (Московская область)
Правкин Николай Аристархович, 1909 (Тульская область)
Приставкин Семен Васильевич, 1909/1912 (Смоленская область)
Провоторов Егор Васильевич, 1917/1918 (Тамбовская область)
Проценко Иван Николаевич, 1911 (Украина)
Пудышев Петр Михайлович, 1912 (Вологодская область)
Путин Михаил Васильевич, 1918 (Тверская область)
Пухальский Николай Константинович, 1907 (Рязанская область)
Ратников Анатолий Степанович, 1915 (Нижегородская область)
Редькин Александр Михайлович, 1911 (Тверская область)
Резвов Егор Григорьевич, 1910 (Смоленская область)
Рогов Филипп Прокофьевич, 1905 (г. Москва)
Роганов Василий Иванович, 1905 (Алтайский край)
Рожков Иван Михайлович, 1917 (Московская область)
Рожков Михаил Яковлевич, 1908 (Челябинская область)
Росланов Фактар, 1907 (Удмуртская Республика)
Рудкевич Василий Иванович, 1918 (Украина)
Рудченко Александр Михайлович, 1922 (Белоруссия)
Рузин Дмитрий Михайлович, 1904 (Московская область)
Русаков Кузьма Никитич, 1909 (Смоленская область)
Рыжиков Леонид Иванович, 1908 (г. Москва)
Рябов Алексей Степанович, 1916 (Нижегородская область)
Ряснянский Борис Дмитриевич, 1920 (Узбекистан)
Савчук Михаил Андреевич, 1923 (Республика Башкортостан)
Сазонов Николай Михеевич, 1911 (Калужская область)
Салин Николай Емельянович, 1909 (Воронежская область)
Салыкин Николай Егорович, 1909 (Архангельская область)
Самкаев Егор Михайлович, 1901 (Республика Мордовия)
Самохвалов Иван Михайлович, 1912 (Украина)
Санков Иван Демьянович, 1901 (Краснодарский край)
Сарычев Александр Матвеевич, 1910 (Московская область)
Сафронов Алексей Иосифович, 1925 (Тверская область)
Сахаров Александр Иванович, 1903/1908 (Московская область)
Сборщиков Иван Иванович, 1912 (г. Москва)
Селезнев Андрей Митрофанович, 1898 Сельченков Егор Сафронович, 1925 (Смоленская область)
Семенченко Федор Тимофеевич, 1906/1908 (Украина)

Семенов Константин Иванович, 1916 (Воронежская область)
Семенов Сергей Иванович, 1892/1895 (Астраханская область)
Сентяков Иван Алексеевич, 1902 (Удмуртская Республика)
Серегин Василий Тимофеевич, 1905 (Смоленская область)
Сибатров Мирон Григорьевич, 1902 (Республика Марий Эл)
Сидоров Иван Петрович, 1912 (Московская область)
Симаков Василий Галактионович, 1910 (Кемеровская область)
Синяев Иван Сидорович, 1902 (Тверская область)
Сиреченко Василий Федорович, 1920 (Украина)
Скрылев Антон Федорович, 1913 (Липецкая область)
Славкин Николай Харитонович, 1918 (Рязанская область)
Слюсарев Григорий Николаевич, 1907 (Кабардино-Балкарская Республика)
Смирнов Василий Егорович, 1909 (Смоленская область)
Смирнов Федор Иванович, 1905 (Тульская область)
Соколов Александр Борисович, 1903/1908 (г. Москва)
Соколов Федор Иванович, 1902 (Смоленская область)
Солод Алексей Филиппович, 1918 (Челябинская область)
Соломанян Ванес Хачатурович, 1918 (Азербайджан)
Сомин Андрей Васильевич, 1905 (Московская область)
Сороченков Тимофей Никифорович, 1920 (Смоленская область)
Спиридонов Роман Павлович, 1909 (Красноярский край)
Старостин Петр Порфирьевич, 1916 (Рязанская область)
Старцев Михаил Антонович, 1905 (Курганская область)
Степаненко Василий Моисеевич, 1904 (Новосибирская область)
Степанов Федор Степанович, 1904 (Смоленская область)
Стрелец Иван Филиппович, 1919 (Украина)
Стриженов Ефим Александрович, 1896 (Смоленская область)
Суриков Александр Дмитриевич, 1899 (Московская область)
Сухой Афанасий Иванович, 1907 (Украина)
Тимошенков Александр Николаевич, 1893/1907 (Смоленская область)
Тихомиров Александр Яковлевич, 1907 (Тверская область)
Тихомиров Николай Степанович, 1910/1915 (Ленинградская область)
Топленкин Константин Егорович, 1915 (Белоруссия)
Третьяк Сергей Михайлович, 1912 (Украина)
Трутнев Петр Васильевич, 1908 (Свердловская область)
Туркин Василий Михайлович, 1915 (Ивановская область)
Узлов Лукьян Андриянович, 1875 (Смоленская область)
Урядов Александр Николаевич, 1910/1914 (Самарская область)
Усов Борис Прокофьевич, 1894 (Смоленская область)
Усольцев Михаил Ульянович, 1912 (Кемеровская область)
Федотов Иван Кузьмич, 1921 (Республика Татарстан)
Федюшихин Степан Федорович, 1901 (Псковская область)
Федоров Анатолий Васильевич, 1923 (Воронежская область)
Филатов Филипп Филатович, 1885/1899 (Смоленская область)
Филиппов Василий Михайлович, 1923 (Омская область)
Филоненков Никифор Александрович, 1902 (Смоленская область)
Филота Максим Михайлович, 1914 (Краснодарский край)
Финогенов Виктор Васильевич, 1923 (г. Москва)
Фокин Василий Петрович, 1923 (Рязанская область)
Фролов Иван Матвеевич, 1907 (Московская область)
Хайбилов Ноха, 1910 (Чувашская Республика)
Хеладзе Николоз Александрович, 1918/1919 (Грузия)

Хмудеев Андрей Васильевич, 1911 (Ленинградская область)
 Хоренко Василий Прокопьевич, 1907/1908 (Кыргызстан)
 Хотченков Григорий Илларионович, 1905 (Смоленская область)
 Хохлов Егор Ильич, 1918 (Смоленская область)
 Хромочкин Иван Ефимович, 1912 (Курская область)
 Цветков Алексей Алексеевич, 1896 (Московская область)
 Цветкова Елена Сергеевна, 1896 (Тверская область)
 Чернышов Александр Тимофеевич, 1924 (Воронежская область)
 Чернышов Василий Максимович, 1904 (Липецкая область)
 Чернышов Петр Миронович, 1900 (Белгородская область)
 Черняк Федот Никитич 1907/1908 (Украина)
 Чечнев Владимир Николаевич, 1921 (Ярославская область)
 Чугунин Аркадий Иванович, 1915 (Нижегородская область)
 Чукавин Петр Николаевич, 1913 (Смоленская область)
 Шапеев Николай Петрович, 1924 (Смоленская область)
 Шашков Владимир Иванович, 1905/1912 (Нижегородская область)
 Шевяков Федор Иванович, 1909 (Смоленская область)
 Шмелев Иван Алексеевич, 1920 (Нижегородская область)
 Шмырко Степан Григорьевич, 1898/1901 (Украина)
 Шошин Геннадий Федорович, 1898 (Ярославская область)
 Шутов Прокопий Григорьевич, 1900/1901 (Удмуртская Республика)
 Щегляев Кузьма Михайлович, 1903 (Московская область)
 Щелканов Фрол Прокопьевич, 1922 (Омская область)
 Щербаков Захар Семенович, 1900 (Смоленская область)
 Эпанаев Иосиф Эпанаевич, 1922/1925 (Республика Марий Эл)
 Юрасов Иван Ильич, 1907 (Брянская область)
 Юров Ефим Николаевич, 1907 (Воронежская область)
 Ядров Григорий Павлович, 1908 (Новгородская область)
 Якименко Игнатий Андреевич, 1916/1917 (Томская область)
 Янковский Иван Иванович, 1915 (Белгородская область)
 Япрынцева Иван Гаврилович, 1902 (Республика Башкортостан)
 Яшин Иван Васильевич 1908/1910 (Ивановская область)

* * *

«Им не пришлось пронести свои знамена по многочисленным полям сражений Великой Отечественной войны. На их долю не выпала слава громких побед. Но, преграждая врагу путь к родной Москве, они в полную меру сил и возможностей до конца выполнили свой долг перед Родиной в тяжелые дни октября 1941 г.

Их мужество, самоотверженность и самопожертвование задержали почти на три недели рвущуюся к Москве немецкую армию и крайне прискорбно, что большинство из них до сих пор числятся пропавшими без вести.

Бои наших войск в окружении под Вязьмой при всех их колоссальных потерях нельзя рассматривать только как трагедию. Надо постоянно помнить о величайшем героизме наших воинов, перед которыми все живущие в неоплатном долгу», – писал командир 2-й сдво 19-й армии генерал В. Р. Вашкевич.

Окруженные войска, говорил академик А. М. Самсонов, «...сыграли свою выдающуюся, героическую роль... Находясь в безвыходном положении, они не сложили оружия. Прорываясь к Москве, они сковали противника, ту основную массу, которая при другой ситуации свободно двинулась бы к Москве. В этом особая историческая, роль, которую сыграли окруженные войска».

Профессор А. А. Крупенников, ветеран Великой Отечественной войны, бывший директор музея Брестской крепости, а затем создатель и директор музея немецких антифашистов в

Красногорске отмечал: «Не ругайте солдат 41-го! Именно она – наша кадровая армия, почти полностью погибшая в оборонительных боях и „котлах“ начального периода Великой Отечественной войны, – определила и срыв немецкого „блицкрига“, и нашу Победу в 45-м! Именно ЭТОТ ПЕРИОД был самым победным для нас периодом войны... Победа в 45-м была одержана благодаря ИМ!».

«Благодаря упорству и стойкости, которую проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, – подчеркивал маршал Г. К. Жуков, – мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки».

Вместо послесловия

Говорят участники поисковых работ

Приступая к поиску материалов по «Дулагу-184», я и не предполагал, насколько глубокий и до сих пор непаханный пласт истории придется вскрывать. К сожалению, наша история состояла не только из известных героических событий, но и из тяжелых потерь, окружений, концентрационных лагерей, без вести пропавших и погибших призывников, даже не успевших вступить в бой. Вязьма оказалась тем ящиком Пандоры, который скрывал в себе ужасы не одного, а сразу нескольких концентрационных пересыльных лагерей. Изучая материалы, я постоянно ловил себя на мысли о нереальности цифр, данных, отчетов. Однако многочисленные проверки дивизионных, армейских, тыловых документов вермахта еще и еще раз подтверждали страшные находки – не десятки, а сотни тысяч военнопленных прошли через лагеря Вязьмы, Смоленска и других соседних городов. Каждый из попавших в этот ад безымянных солдат имеет право на нашу благодарную память. Я очень надеюсь, что совместная работа коллектива авторов книги вернет из небытия воспоминания об этих страшных событиях. Оценивать события в Вязьме можно по-разному, но для прошедших концлагеря это, несомненно, трагический период, не говоря уже об оставшихся в этих лагерях навсегда. Давайте попробуем увидеть за беспристрастными, лишеными эмоций немецкими документами судьбу тысяч солдат. Нам еще предстоит открыть историю заново, и, конечно, это не последнее издание, но мы спешим поделиться с вами найденным материалом, спешим вспомнить, спешим восстановить исторические события. Время идет. Как бы совсем не опоздать.

Алексей Кислицын, поисковик, Германия

Работала и продолжаю работать, несмотря на то, что книга уже готовится к изданию, по поиску родных бойцов из Ставропольского и Краснодарского краев. Еще не найдены некоторые родственники, хотя задействованы администрации районов, но будем надеяться.

Жду появления книги. Всем сердцем и душой мне хочется назвать ее «Вяземские мученики войны». По-иному я о них и не думаю, несмотря на то, что некоторые родственники замыкались в себе после наших слов «умер в Вязьме, в... плену». Как живо еще в сознании людей старшего поколения слово «плен». И как страшно осознавать то, что воины, бойцы и командиры долгое время оставались в «плену» недопонимания, что эта Великая Отечественная война была с окружением целых дивизий, армий, с потерей миллионов людей, где судьбы были сотканы из слов «Я не сдался, люди! Но я не смог пройти этот ад, я умер в лагере, в плену, в мучениях, но не дайте забвению стереть мое имя...».

Лариса Надервель, поисковик, Московская область

«Вяземский мемориал»

Несколько лет назад, году так в 2010-м, в мою жизнь стремительно ворвались «Дулаг-184», Вязьма и, как итог всех трудов и поисков, «Вяземский мемориал». Это целая вежа, это своя особая история. История, с одной стороны, очень трагическая и непомерно тяжелая, с другой – наконец-то рассекреченная, ставшая достойной увековечения. Забегая вперед, хочу сказать, что если бы не Иванова Евгения Андреевна и ею сплоченный и увлеченный коллектив поисковиков, то никогда я не вникла бы так участливо в пронзительную тему, ранее не почитаемую официальными лицами, СМИ и даже простым народом, – тему ПЛЕНА. Люди, прошедшие эти жернова и круги ада, сгинувшие там бесследно или чудом выжившие, по умолчанию многими считались предателями и не заслуживали даже воспоминаний. Была проведена титаническая работа, объединившая поисковиков всего постсоветского пространства. Каждый вел поиск родных погибших солдат своими методами. Но для начала надо было перелопатить массу информации, документов и записей, чтобы правильно определить регион поиска родных, так как фамилии и места рождения бойцов были сильно искажены. Требовалась тщательная правка и сопоставление с архивными источниками. Далее были направлены письма-запросы губернаторам краев и областей. И – о чудо!!! Сработало! Как только начинали поступать отклики – телефонные звонки, почтовые письма, написанные слезами, электронные сообщения родных и просто знакомых, я понимала: значит, вышла очередная статья в местной газете. Спасибо губернаторам, спасибо газетчикам! Радости людской не было предела, ведь боль утраты они передавали из поколения в поколение. Хранили те редкие фото, потертые временем, с которых смотрели их никогда не стареющие отцы, деды, братья... – молодые, красивые, с одухотворенным взором, убежденные в своей счастливой жизни в Стране Советов, которую они отчаянно ушли защищать! Текли ручьем слезы, потоком лились воспоминания, бесконечные благодарности, что родного человека вытащили из небытия. Каждый раз ком стоял в горле. Через 70 лет в дома далеких сел и деревень мы принесли важное известие – их солдат не пропал без вести, ОН ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ!!! Они его всегда ждали... а власти безмолвствовали! НИКТО НЕ БЫЛ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!!! Люди рыдали!!! Горько было от того, что дожидаться смогли не все, уже поумирали вечные вдовы, постаревшие дети... После известия о месте гибели своих солдатиков родные готовы были ехать, идти, лететь... Но язык не поворачивался сказать, как мученически они погибали, как бесчеловечно были зарыты и как незаслуженно долго лежали безымянными на вяземской земле... позабыты, позаброшены.

И когда в 2014 году Российским военно-историческим обществом во главе с В. Р. Мединским и Р. И. Мединским было принято решение и воздвигнут на политой кровью земле грандиозный мемориал, по своей концепции не имеющий аналогов на планете, – вот это был ПОСТУПОК!!! Хотя до этого момента родным солдат, поисковикам столько пришлось пройти витиеватых дорог-путей, но нигде нам не ответили, ни одни двери, в которые мы стучали, так и не открылись.

Потом была поездка на открытие мемориала. И в момент его открытия пошел дождь, как будто небеса пролились слезами солдатиков, так долго ждавших, что их вспомнят, поймут, помянут... Они это заслужили, ведь отдали за свою страну, свой народ, своих детей, жен, матерей самое дорогое, что у них было, – свою жизнь! Дочери, сыновья, ставшие уже вдвое старше своих родителей, припадали к их барельефам и подолгу стояли, не отрываясь от бронзовых РОДНЫХ ЛИЦ изваяний: недолголюбил, недоласкал их папка... Но через пропасть времени – они ВМЕСТЕ!!! Слезы душили! Непередаваемые ощущения!

Огромное спасибо, поклон до земли!!!

Нельзя останавливаться на достигнутом. Необходимо дальнейшее увековечение памяти павших в Вязме. Это наша история, и мы должны ее очень хорошо знать и всегда помнить! А как знать и помнить, если нет в Вязме музея, посвященного нацистским лагерям?! А их там было немало!! Во многих местах еще не обозначены мемориальные зоны с захоронениями павших. Не подозревая того, местные жители ходят по могилам, потому как власти даже не имеют желания обозначить мемориальные зоны (кошунственно и

недальновидно!). Зато там прорастают мощные лопухи и буйствует зелень: еще бы – такая «благоприятная» органика!!! Хочется думать, что все вместе мы сможем пробить эту стену чиновничьего непонимания и наконец-то воздать бойцам и командирам, когда-то защитившим нас и давшим нам светлое будущее ценой своих мук и ценой своих жизней, достойное упокоение. Да будет так!!!

Ирина Яркова, поисковик, г. Тюмень

Четыре года работала над списками военнопленных из лазаретов Вязьмы, решала ребусы намеренных и непреднамеренных искажений в записях. Теперь выверенные списки ждут своего часа – когда у местной власти найдутся силы и средства для увековечения имен.

Хотелось бы пожелать найденным родственникам погибших активнее проявлять себя: напоминать о долге вяземским чиновникам и подключаться к поиску родственников военнопленных в своих регионах. Потомки в неоплатном долгу перед погибшими на той страшной войне.

Ольга Смольянинова, поисковик, г. Липецк

С возрастом каждый из нас начинает оценивать события по-другому, уже с точки зрения нового житейского опыта и сознания. Что для меня, москвича, в молодости значила Вязьма – да ничего, провинциальный город, ничего особенного. Говорили о Вязьме во время Великой Отечественной войны – но как-то вскользь, неглубоко. Побед особых там не было, а о потерях предпочитали помалкивать. Прошедшие поездки в Вязьму перевернули мое представление об этом месте – открылась страшная и суровая правда той войны, которую выиграли солдаты 41-го года, остановившие и перемоловшие танковые клинья, рвавшие к Москве. Но какой страшной ценой это далось. Казалось бы, нет такой силы, которая бы противостояла вермахту. Начавшаяся 30.09.1941 наступательная операция «Тайфун» вырвала 500-километровый участок нашего фронта, и лучшие войска и ополчение оказались в кольце окружения. Западнее Вязьмы в ловушке оказались четыре армии в составе 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийского полка РКК. Потери Красной армии убитыми и ранеными превысили 380 тысяч человек; в плен попало под Вязьмой и Брянском по некоторым данным свыше 600 тыс. человек. Но наши солдаты и командиры продолжали выполнять свой воинский долг и в неблагоприятных условиях, не давали врагу двигаться к Москве. В октябре 1941 г. Вязьма стала местом, куда фашисты начали свозить наших захваченных в плен бойцов. Изнуренных от голода, часто раненых и контуженых, их гнали в сортировочные лагеря, чтобы дальше отправить в тыл. О кормежке и лечении практически не заботились – нашим раненым помогали взятые в плен советские врачи. Лекарства – только те, что были в окружении. Наш солдаты гибли сотнями в день – в первых числах октября лег снег, а многие были еще без зимнего обмундирования. Вяземский «Дулаг-184» стал местом, через которое прошли десятки тысяч наших бойцов, многие и многие тысячи навечно остались во рвах рядом с недостроенным авиационным заводом, в стенах которого размещался концлагерь. А в Вязьме и окрестностях было еще много таких лагерей.

Наши экспедиции в Город воинской славы начались, когда о воинских захоронениях в Вязьме практически не говорилось и ничего не было известно. Тема была непопулярной, но за почти десять лет наших поездок в Вязьму с родственниками погибших начало приходить понимание значимости подвига наших солдат, бывшие поля сражений стали мемориалами в память павших, на месте скромного обелиска, на месте рвов был открыт редкий по выразительности памятник, где на нас смотрят лица не вернувшихся с войны солдат, где за колючей проволокой изображены непокоренные воины, до конца выполнившие свой долг и вынужденные пройти все круги ада на земле.

Благодаря работе поисковиков многие, ныне живущие в разных концах нашей страны, обрели своих погибших родственников. Слишком мало документов сохранилось с того времени, но то, что нашлось, в том числе дневники врачей и списки, составленные ими, позволили проследить судьбы сотен и сотен солдат. И теперь эти солдаты обрели вторую жизнь.

Война опалила и мою семью. Два деда не вернулись с войны. Один, кадровый командир, служил на границе в Латвии, попал в плен, дважды бежал, был пойман и погиб в гестапо. Место захоронения неизвестно. Второй дед, отец 8 детей, пропал без вести в марте 43-го, но через 65 лет с помощью руководителя Луганского поискового объединения Владимира Снежко удалось найти место, где он захоронен, это под нынешним Луганском. Сам Владимир Снежко – боевой офицер, прошел весь Афган, имеет награды, но погиб он на родной луганской земле при артиллерийском обстреле... Те, кто помогает нам отыскать наших погибших родственников, – святые люди, они возвращают их из небытия, эти знания передаются в следующие поколения, и наши родственники остаются жить в нашей памяти.

Я брал фотоаппарат в каждую поездку, и теперь мы с вами можем наблюдать, как раз за разом менялся облик захоронений, как приезжали в Вязьму ныне живущие родственники погибших солдат, как благоустраивалась территория вокруг памятников. Но сделано еще недостаточно, и нам предстоит много работы, чтобы поднять имена погибших героев и сделать еще больше для увековечения их памяти.

Виктор Зателепин, педагог, поисковик, г. Москва

Как только в интернете появились списки погибших в «Дулаге-184», началась кропотливая работа поисковиков по каждой области РФ и республик бывшего СССР, откуда призывались бойцы на войну. Выявляли фамилии, имена, отчества солдат, находили сведения о них в ОВД «Мемориал». Определяли места их проживания. Ходили в свои краеведческие музеи, в местные архивы, разыскивали информацию в интернете с целью выявления административно-территориального деления областей. Было так, что боец был рожден в Рязанской области, а его село три раза переходило в Липецкую область.

Затем началась работа поисковиков по поиску родственников военнослужащих: писались запросы главам областей, главам местных поселений, в областные и районные архивы, краеведческие музеи, ветеранские организации, в местные средства массовой информации.

Большинство людей, к которым я обращался с просьбой помочь в поиске, меня очень сильно поддерживали. Хочется особо отметить Владимирскую и Кировскую области, где были вовлечены в поиск абсолютно все: от губернаторов до глав местных поселений, старожилов сел и деревень и простых школьников.

И все же не обошлось без ложки дегтя. Я и многие поисковики столкнулись с равнодушием, бессердечностью, хамством, когда начали искать родственников воинов, которые были призваны из Смоленской области. Нежелание вникать в ситуацию, отказ в помощи, всевозможные отписки, дезорганизация поисков, в некоторых районах указанной области был даже дан запрет на поиски родственников. Я предполагаю, что это нежелание было связано с земельным вопросом – где-то это была частная земля, а где-то планировалось использовать землю с останками защитников под строительство частных магазинов и пр. А может быть, это было стремление опять же прикрыть потери и трагедию вяземского котла?

Уже не помню, скольких воинов, родственников я нашел^[210]. 72 года прошло с момента Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 76 лет прошло с тех пор, когда умерли упомянутые в списках узники «Дулага-184» (только в 1942 г.). 76 лет дети этих воинов, внуки и правнуки до сих пор ждут, когда кто-то из поисковиков принесет счастливую весть о месте захоронения воина. Вы себе не можете представить, какие переполняют тебя чувства, когда сообщаем дочери, внуку или правнуку о месте захоронения отца, деда, прадеда. У всех наворачиваются слезы на глаза. Война в их семье закончилась. Давайте же помнить и молиться за этих воинов, а также за поисковиков, которые, не щадя здоровья, ведут свою благородную работу!

Алексей Башков, военный поисковик, г. Рязань

Благодарности

Авторский коллектив: Евгения Андреевна Иванова (руководитель), Ольга Ивановна Смольянинова, Ирина Вячеславовна Яркова, Алексей Владимирович Кислицын, Виктор Валентинович Зателепин, Алексей Николаевич Башков, Лариса Владимировна Надервель,

Лидия Васильевна Шлепова, Рафкат Минибаевич Зулькарнаев, Татьяна Владимировна Дубовик, Игорь Данилович Музыченко, Александра Степановна Лаврова, Алевтина Николаевна Макарова (Антропова), Ольга Владимировна Сапига, Альфред Леонидович Какуев, Игорь Викторович Долгушев.

Общественная организация родственников воинов, погибших в немецком пересыльном лагере военнопленных «Дулаг-184», «Вяземский мемориал», Международная ассоциация общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества», авторский коллектив книги выражают искреннюю благодарность Российскому военно-историческому обществу, 21 июня 2014 г. установившему в г. Вязьме мемориал в память о жертвах немецких лагерей смерти. Низкий поклон Ростиславу Игнатьевичу Мединскому – организатору работ по созданию мемориала. Особая сердечная благодарность выдающемуся скульптору современности Салавату Александровичу Щербакову – автору мемориала, его творческому коллективу.

Выражаем глубокую благодарность:

Министерству обороны РФ, создавшему Общественный банк данных «Мемориал» (www.obd-memorial.ru), сайты «Подвиг народа», «Память народа», сыгравшие основную роль в выяснении судеб погибших советских солдат и офицеров;

Центру розыска и информации Российского Красного Креста (Генеральный директор Михайлова Иоланта Витольдовна);

администраторам и модераторам поисково-информационных сайтов и форумов Ивлеву Игорю Ивановичу (URL: <http://soldat.ru/forum/>), Мишиной Татьяне Евгеньевне (Волгоградская обл.), Дубовик Татьяне Владимировне («Люди и война», форум Peopleandwar.ru, г. Ташкент) за размещение информации и организацию поиска родственников воинов, погибших в Вязьме;

ветеранским организациям: Международному союзу «Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств» (председатель Координационного совета А. И. Сорокин), Московскому городскому совету ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов (председатель В. И. Долгих), Московскому комитету ветеранов войны (председатель И. А. Слухай);

ветеранам Великой Отечественной войны, труда, Вооруженных Сил РФ, членам комиссий ветеранских организаций по увековечению памяти защитников Отечества: †Кузнецову Юрию Дмитриевичу, Тихомировой Павле Михайловне, Короткову Анатолию Георгиевичу, Коровникову Венедикту Васильевичу, Минченко Григорию Саввичу, Кобловой Нине Николаевне;

Лопуховскому Льву Николаевичу, ветерану Великой Отечественной войны, профессору Академии военных наук РФ, члену Союза журналистов России, полковнику в отставке, военному историку, ветерану поискового движения, автору книг о вяземской трагедии, нашему консультанту;

Председателю ЦК КПРФ Зюганову Геннадию Андреевичу, Пономаренко Виталине Викторовне, ст. референту фракции КПРФ в Государственной Думе;

поисковикам-волонтерам России и стран СНГ, поисковым формированиям, принявшим активное участие в исследовательской работе по установлению и уточнению имен и судеб советских воинов: Жилинской Елене (г. Москва), Балтанову Ильдару, Файзуллину Радик (Республика Башкортостан), Веденьевой Инге (г. Красноярск), Валатиной Елене (г. Тамбов), Валуховой Ларисе (Ростовская область), Васильеву Александру (г. Чебоксары), Воробьевой Ирине (Москва), Дроздову Федору, Грачевой Татьяне (г. Нижний Новгород), Гурееву Олегу (г. Владимир), Еланскому Владимиру (г. Красноярск), Ерохиной Ларисе (г. Волгоград), Захаровой Наталье (Курганская область), Иванову Виктору (Смоленская область), Колесникову Виктору (г. Пенза), Мелентьевой Галине Ивановне (г. Юрга Кемеровской области), Марданшиной Хатире (г. Казань), Миронову Олегу (г. Москва), Осиповой Людмиле, Платунову Евгению (г. Барнаул), Резникову Максиму (Ростовская область),

Рыбину Михаилу (Московская область), Рытикову Борису (г. Москва), Самохвалову Алексею (г. Москва), Серовой Нине Николаевне (д. Угоры Мантуровского р-на Костромской области), Сечиной Татьяне, Суслопарову Виктору Юрьевичу (г. Москва), Терентьеву Александру (г. Тверь), Федоруку Владимиру (Хабаровский край), Фролову Николаю (г. Курск), Шипунову Дмитрию (Республика Марий Эл); Сергею и Анне Тагаевым, Трапезниковой Евгении Анатольевне, Бруевой Ларисе (Республика Беларусь); Литвиненко Сергею (Днепропетровская область), Зинченко Светлане (Запорожье) и другим;

поисковым отрядам и объединениям: Марийскому поисковому центру «Пропавшим возвращаем имена», Нижегородскому областному объединению поисковых отрядов «Курган», Свердловской областной ассоциации «Возвращение», поисковым отрядам – «Альтаир» (г. Тамбов), «Щит» (г. Алексин Тульской области), «Подвиг» (г. Юрга Кемеровской области), «Детский орден гражданского подвижничества им. С. С. Смирнова» (г. Москва), МОУ «Гимназия № 14» (г. Красноярск), «Эхо войны» Могилевского историко-патриотического поискового клуба «ВИККРУ»;

Степанчикову Константину Анатольевичу, ветерану поискового движения, военному историку, эксперту-консультанту МАОПО «Народная память о защитниках Отечества»;

взяемским краоведам: Игорю Викторовичу Долгушеву, Альфреду Леонидовичу Какуеву, Игорю Даниловичу Музыченко, Галине Ниловне Люзиной, Геннадию Ивановичу Константинову, Виктору Максимовичу Чайке, Игорю Геннадьевичу Михайлову, Вере Владимировне Шехавцовой, Валерии Андреевне Антипцевой;

руководителям и сотрудникам Вяземского историко-краеведческого музея Ольге Еркешевне Селявиной (директор), Юлии Витальевне Петровой, Евгению Александровичу Мазину;

ЗАО «Правовое бюро „Олевинский, Буюкян и партнеры“», генеральный директор Олевинский Эдуард Юрьевич, юрист компании – Гоголишвили-Нефедова Ульяна Владимировна; Ноятову Максиму Дмитриевичу, члену Ассоциации юристов России;

редакциям газет, активно поддержавших тему трагедии «Дулага-184»: «Советская Россия» (гл. редактор Валентин Чикин, ответственный секретарь Иван Кожухов), «Московский комсомолец» (журналисты Юлия Калинина, Игнат Калинин), «Вечерняя Москва» (гл. редактор Александр Куприянов, журналист Екатерина Пятунина), «Российская газета» (зам. редактора отдела общественной безопасности и права Наталья Козлова), «Учительская газета» (редактор отдела писем и социальной помощи Надежда Тумова), «Красная звезда» (журналист Марина Елисеева); журналистам «Новой газеты»; коллективам региональных СМИ – газете «Тюменские известия» (журналист Наталья Терев), газете «Губерния» Челябинской области (журналист Екатерина Салахова) и др.;

телеканалам: НТВ (редактор Елена Савельева, корреспондент Александр Калинин), ТВЦ (спецкор Людмила Михалева), «Звезда», «Мир», редакции программы «День города» ОАО ГТК «ТВ Столица» и другим, неоднократно освещавшим тему увековечения памяти защитников Отечества;

родственникам защитников Москвы, принявшим активное участие в деятельности Оргкомитета «Вяземский мемориал», – Лавровой Александре Степановне, Низаметдиновой Рамиле Идрисовне, Васиной Ларисе Александровне, Голышевой Марине Алексеевне, Захаровой Агафье Еремеевне, Иринцевым Александру Сократовичу и Евдокии Семеновне, Климанову Виктору Васильевичу, Климовой Евгении Владимировне, Лавровой Ольге Владимировне, Макаровой Алевтине Николаевне, Панкратову Владимиру Федотовичу, Шамшиной Евгении Яковлевне и многим другим;

главам областных, районных и поселковых администраций, отделениям милиции, военкоматам, архивным учреждениям, директорам и учителям школ, гражданам населенных пунктов, где до войны проживали погибшие воины, принявшим участие в поиске родственников павших;

коллективу ГБУДО «Московская городская детская музыкальная школа им. В. М. Блажевича», Заслуженному артисту России и Украины профессору Владимиру Григорьевичу Лебусову;

МБОУ СОШ № 29 г. Смоленска, школьному музею Боевой Славы;

гимназии № 3 г. Павловский Посад Московской области;

региональным общественным организациям содействия сохранению памяти воинов 2-й сдно Сталинского района г. Москвы (руководитель Баранов Александр Вячеславович), 13-й сдно Ростокинского р-на г. Москвы (руководитель Попов Артем Геннадьевич);

военным поисковикам Мачинскому Сергею Александровичу, Семенову Андрею Эдуардовичу.

Выражаем признательность и благодарность:

За работу по созданию фото- и видеолетописи: †Егорову Ю. В., Зателепину В. В., Музыченко И. Д., Кислицыну А. В., Кобловой Н. Н.

Шлеповой Лидии Васильевне, родственнице погибшего в немецком плену Виталия Кирилла Александровича, ополченца 6-й сдно г. Москвы, за финансовый вклад в издание книги.

Иллюстрации

Врачи

Живущие! Навеки их
храните —
В глазах и думах матерей
и вдов.
Храните в бронзе,
в памяти, в граните
Военврачей сороковых
годов.

Полковник медицинской службы Леонид Попов, участник Великой Отечественной войны

Васкевич Цецилия Ароновна (Тараканова Т.Н.), военврач, капитан медицинской службы. Член вяземской подпольной организации. Казнена гестапо в 1943 г.

Главный врач лазарета № 1 Посохин Евгений Григорьевич, военврач 3-го ранга,
начальник эвакоприемника № 606 19-й армии

на устигнутой территории группы
 в Европе 24 апреля в подвале Карлики
 Карловича Ивано-Курьянича Якушова
 по Лазарю и БОВ. Во время подготовки
 в Вяземском окружении был ранен в об-
 ласть живота - по поводу медсанбату на
 который был пленен на устьях Волги
 где был перемещен в п. Вильну в Кур-
 ленно пленном.

Этапы пленя.

- с 1 мая 1941 г. по 10 мая 1942 г. находился в Лазар-
 Костюк пленном в п. Вильна (не в Залеско-
 после того как погребены русские fortis и се-
 режи в зоне лагеря потоплены обиды
 живыми пса по Лазарю. Вскоре, табора по
 сданным места, а позднее отплыл на
 1942 г. был эвакуирован в Германию.
- с 15 мая по 17 июня 1942 г. находился в перемещен
 в п. Шинке. / Лазарю / после того как Якушова
 в Кур-Ленно.
- с 17 июня по 1 августа 1942 г. находился в обиды и
 пленном ШВ. в таковой области. Германия

Из записной книжки Посохина Е.Г.

Анваер София Иосифовна, медсестра в 505-м ППГ 19-й армии. Автор книги «Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички»

Орлов Алексей Федорович, военврач 1-го ранга, хирург-консультант 19-й армии.
Организатор и участник массового побега военнопленных из смоленского «дулага»

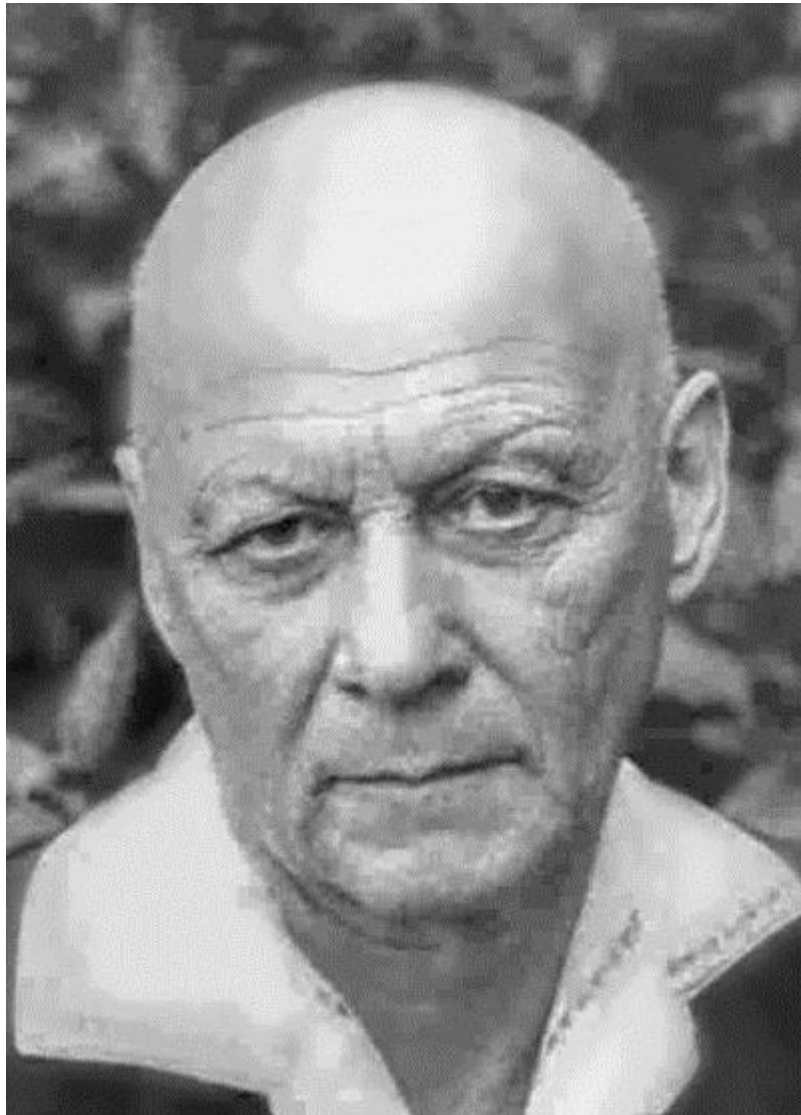

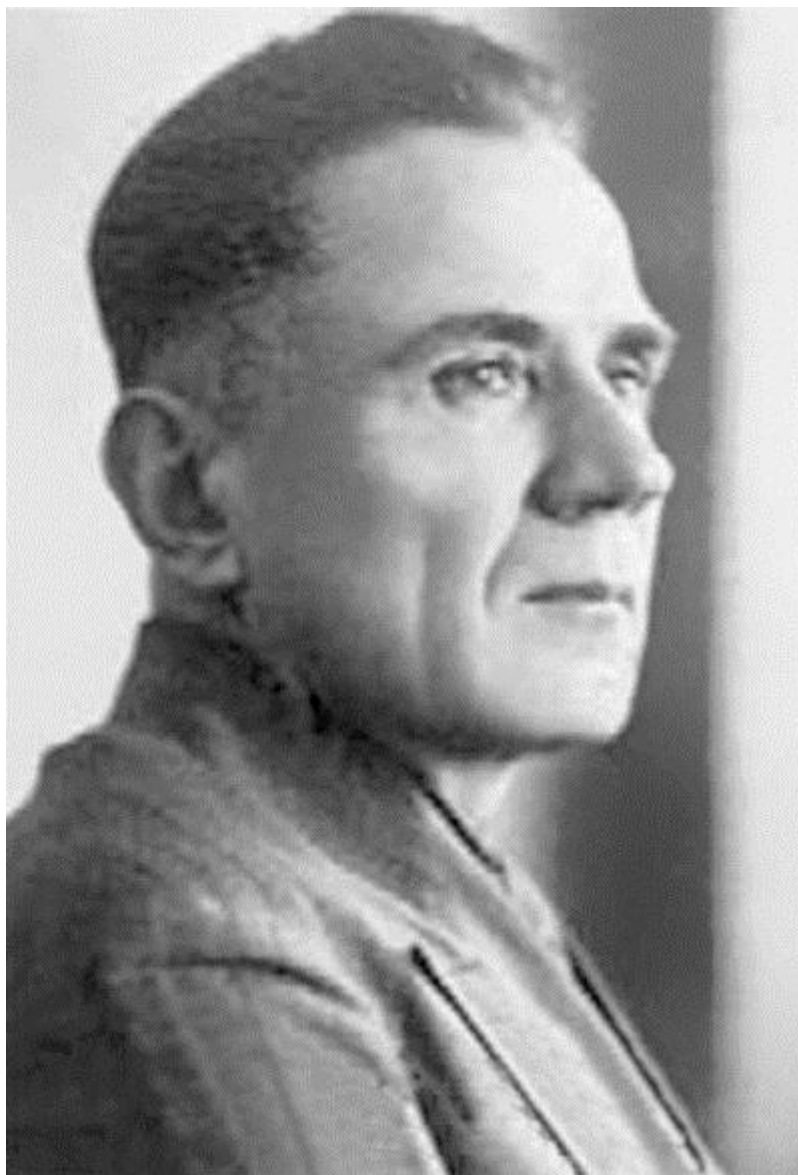
Травинова (Фавстова) Мария Алексеевна, медсестра 38-го сп 13-й сдпо Ростокинского р-на г. Москва. Прошла лагеря смерти в Вязьме, Смоленске, Вильно. После побега была медсестрой ПМП в 203-м АЗСП 5-й армии

Яковенко Мстислав Владимирович, военврач 2-го ранга, командир взвода медсанбата 13-й сдпо Ростокинского района г. Москва. Организатор и участник массового побега военнопленных из смоленского «дулага»

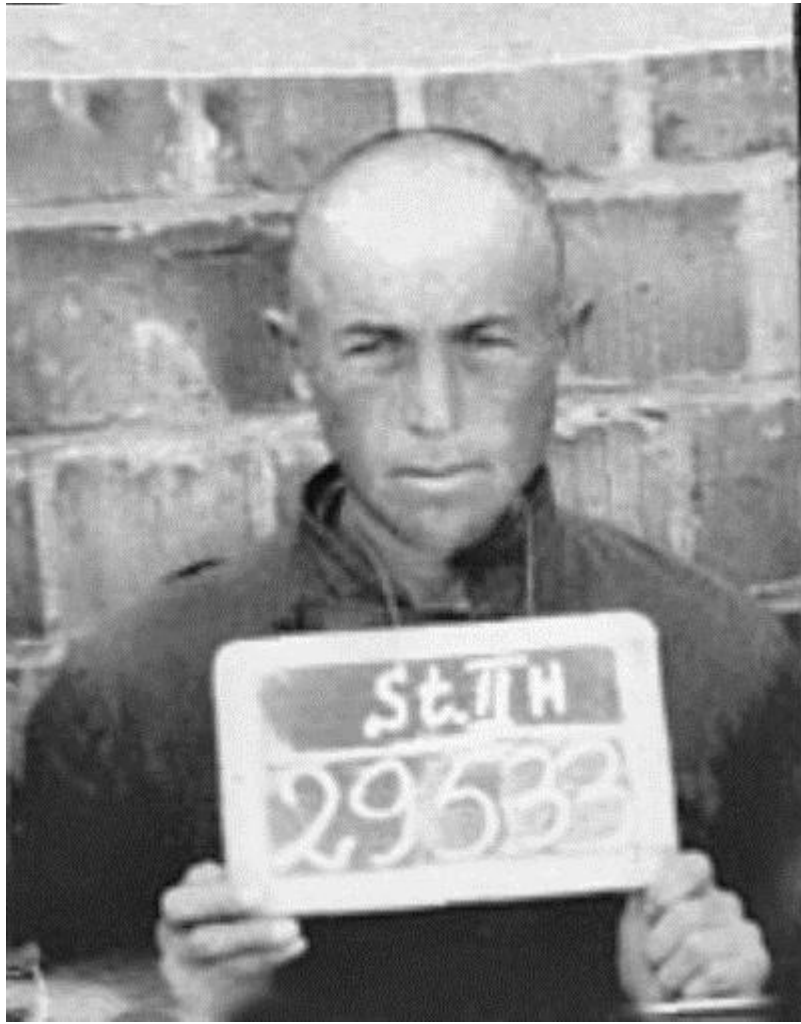
Собстель Михаил Михайлович, военврач 215 медсанбата. Будучи врачом лазарета № 1, укрывал военнопленных еврейской национальности

Главный врач лазарета № 3 Игнатов Александр Николаевич, военврач 3-го ранга, старший ординатор госпиталя 21-го стрелкового корпуса. Заслуженный врач РСФСР

Главный врач лазарета № 2 Чуловский Михаил Юрьевич, военврач 1-го ранга.
Организовывал побег военнопленных, записывая их как умерших

Белоконь Никита Федорович, работник дезкамеры лазарета № 2. Погиб в шталаге 302 (II Н) Гросс Борн-Редериц, Германия

Чуловский М.Ю. был из потомственной семьи врачей. 5 октября 1914 г.

Фотография Чуловского М.Ю. времен Первой мировой войны

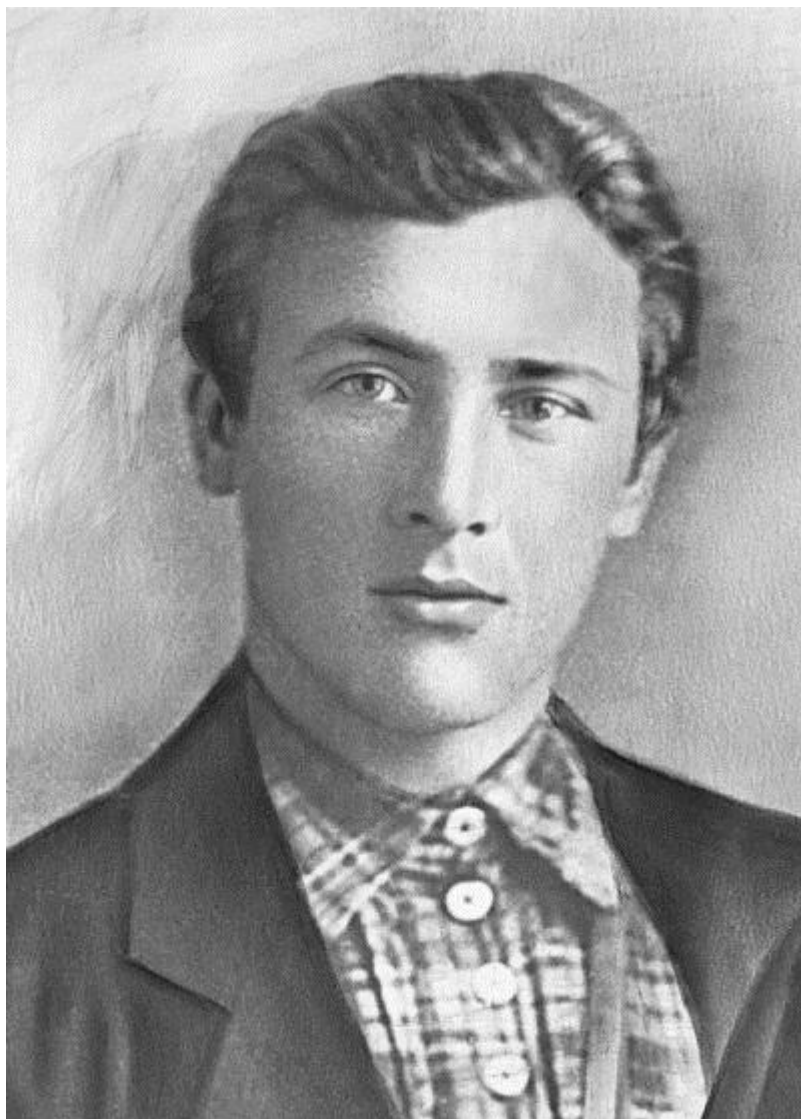
Тетцов Александр Петрович, легендарный Доктор Гас, организовавший в д. Тихоново подпольный госпиталь. После побега из «Дулага-184» партизанил в Белоруссии

Тетцов А.П. во время приезда в Вязьму после войны. На ленте надпись: «Погибшим
воинам от доктора Гасса»

Тетцов А.П. с группой белорусских партизан (второй справа в верхнем ряду). 1943 г. I Командовал диверсионной группой, входившей в состав спецгруппы НКГБ БССР «Бывалые», в немецком тылу. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени

Роганов Василий Иванович, старший санитар 551 ППГ. Погиб в марте 1942 г. в лазарете
№ 3

Горбик Валентина, медсестра 2-й сдно Сталинского района г. Москва

Семья Рогановых у Мемориала в Вязьме

Беленький Михаил Борисович, военврач 2 ранга. Погиб в феврале 1942 г. в «офлаге» в Кальварии, Литва

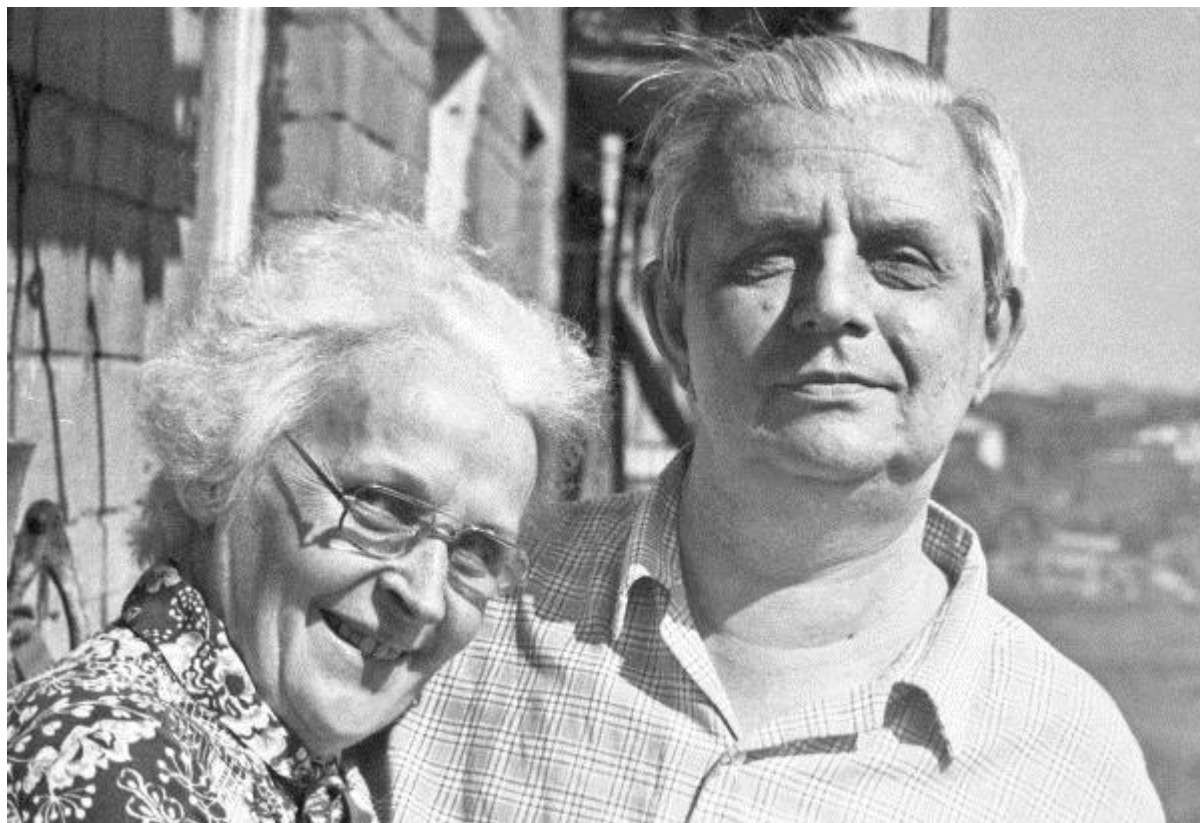

Филатова Ирина Трифоновна, санинструктор 2-й сдно Сталинского района г. Москва.
При перегоне колонны пленников в Смоленск совершила побег. После войны возглавляла
Совет ветеранов дивизии

Шубин Алексей Сергеевич, военврач медсанбата 902-го сп 248-й сд. Спасал приговоренных к смерти военнопленных, указывая их в списках как умерших

Алексей Сергеевич и Ольга Павловна Шубины. Москва, 1980-е годы

Маркова (Зиновьева) Тамара Ивановна, санинструктор медсанбата 2-й сдно Сталинского района г. Москва

Лабковский Соломон Эммануилович, военврач 2-го ранга 18-го мсб 127-й тбр 19-й армии Западного фронта. Расстрелян фашистами в Вязьме в декабре 1941 г.

Лабковский Соломон Эммануилович на фронте, в полевом госпитале

**Хранители памяти
Выжившие узники «Дулага-184»**

Война была на выдумки щедра.
Всех испытала... Памятью богаты,
О, как мы были молоды тогда,
Ее поистине двужильные солдаты

Сибгат Хаким, Народный поэт Татарстана, участник боев за Ржев

Они прошли тяготы фашистского плена, участвовали в боях, вернулись домой. Поведали о пережитом...

Бушманов Н.С., г. Москва

Согрин А.М., Курганская область

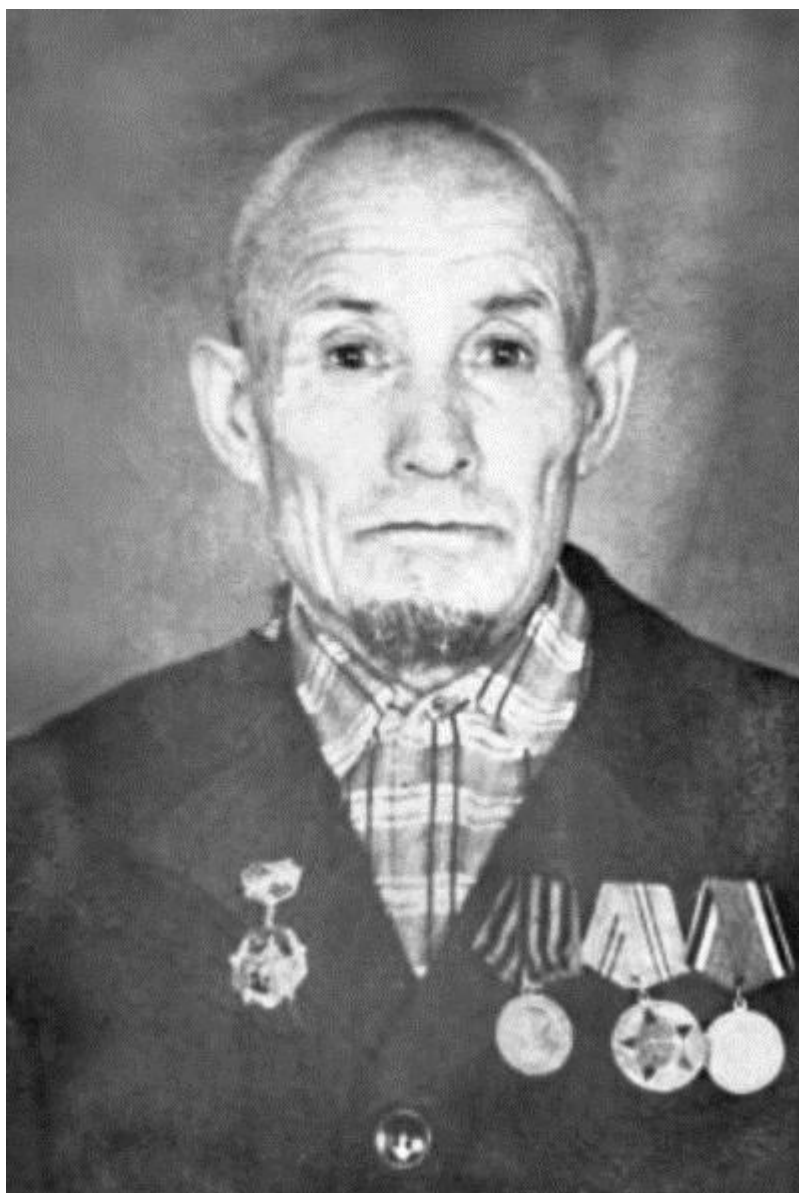

Корытов Н.В., г. Суздаль, Владимирская область

Хольный Г.А., г. Москва

Хафизов Муллабай, Башкортостан

Ермолаев В.А., ополченец 13-й сдпо Ростокинского района г. Москва

Ивин И.А., ополченец 13-й сдно Ростокинского района г. Москва

Штейнман М.М., г. Москва

Маковейчук Б.Г., Винницкая область, Украина

Петухов Н.Н., Луганская область, Украина. Соратник Ф.А. Полетаева по партизанской борьбе в Италии

Петербурцев А.М., Могилевская область, Белоруссия

Одноклассники Борис Шлячков, Юрий Курнашов. Оба ушли в ополчение на защиту Москвы. Москва, 1940 г.

Неразлучные друзья, бывшие одноклассники Кузнецов Ю.Д. и Баженов Н.

Шлячков Борис Иванович, ветеран 2-й сдпо Сталинского района г. Москва, на Богородицком поле. 2013 г.

Ю. Кузнецов и Н. Баженов с одноклассниками перед призывом на войну. Москва, 1941 г.

Шимкевич Вадим Николаевич (г. Кишинев, Молдова) с сыном у памятного знака 2-й сдню Сталинского района г. Москва и 200 морскому артдивизиону на Богородицком поле. 2007 г.

Поисковики и краеведы Воробьева И., Долгушев И., Низаметдинова Р., Иванова Е., Степанчиков К., Какуев А., Рытиков Б. Вязьма, 25.11.2009 г.

Ветераны 2-й сдпо Сталинского района г. Москва: Кондратьев Дмитрий Иванович, Дутин Григорий Лазаревич, Филатова Ирина Трифоновна, Бастрыкин Виктор Васильевич, Шлячков Борис Иванович. Москва, 2005 г. Музей 2-й сдпо школы № 434(1301). Фотография В. Белова

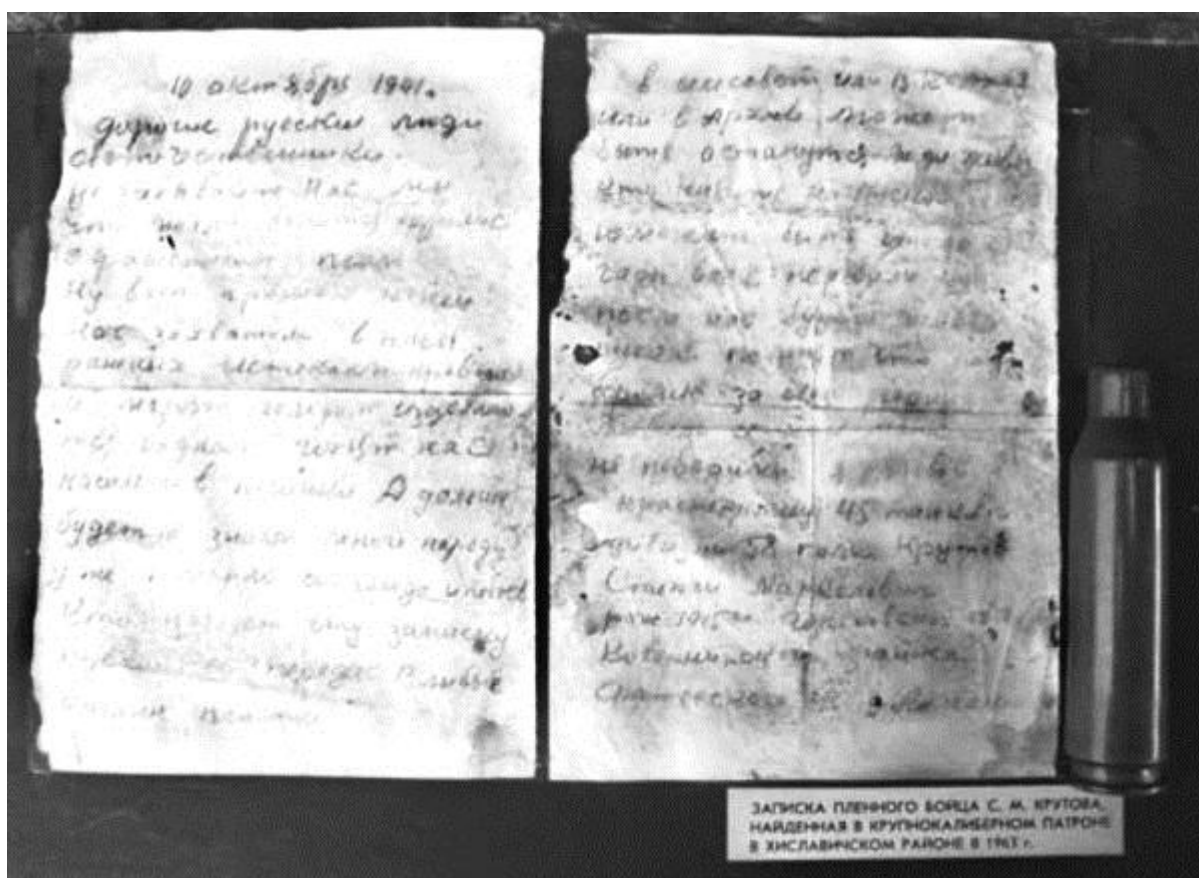
Мошарев П.А. с сыном, Архангельская область, 9 мая 2010 г.

Крутов С.М., Нижегородская область. После побега из плена воевал во французском Сопротивлении

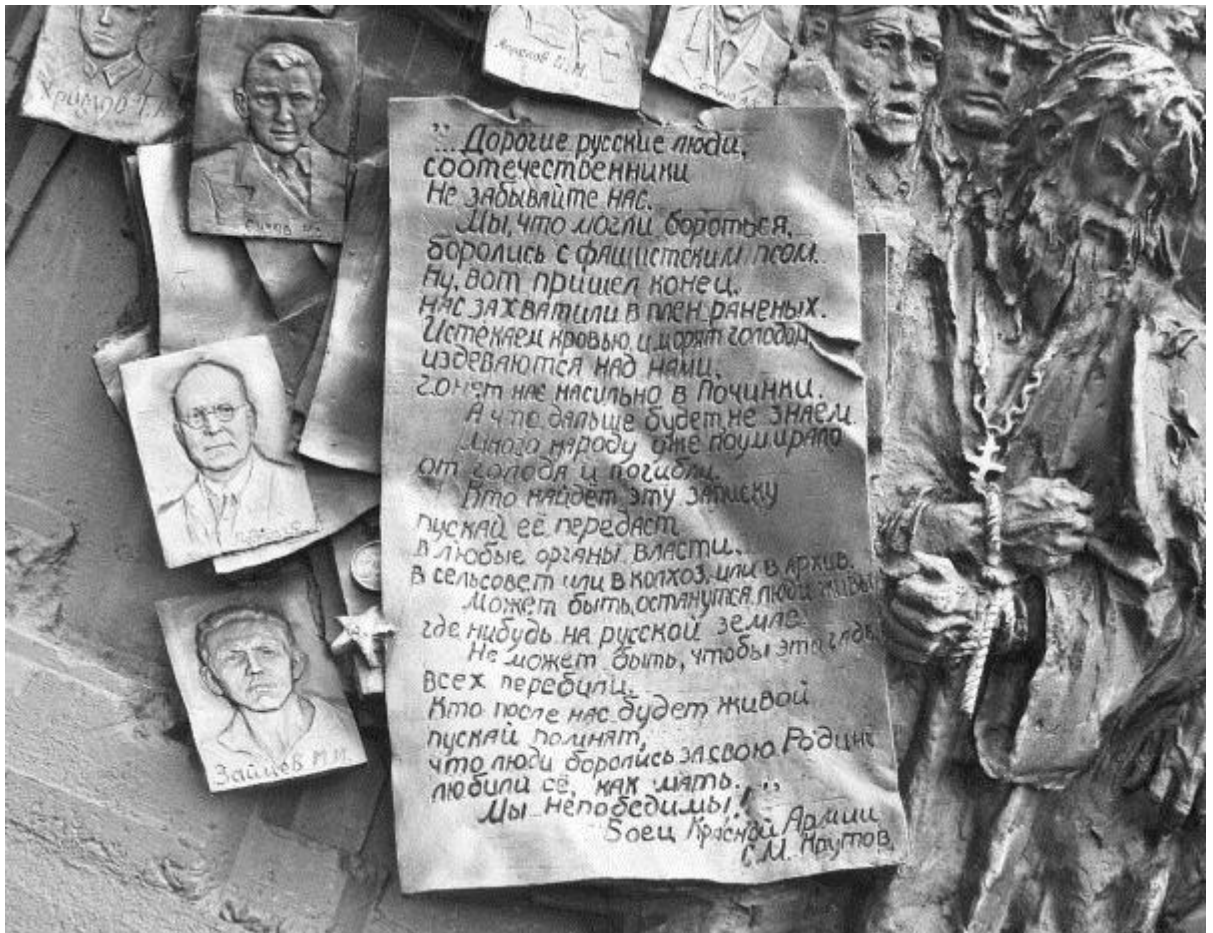

Крутов Степан Маркелович с племянницей Любой на руках. Москва, 1958 г.

ЗАПИСКА ПЛЕННОГО ВОЙСА С. М. КРУТОВА,
НАЙДЕННАЯ В КРУШКАЛЬБЕРНОМ ПАТРОНЕ
В ЭНСЛАВИНСКОМ РАЙОНЕ В 1941 г.

Записка Степана Крутова, красноармейца 58-го полка 45-й танковой дивизии

Текст записки С. М. Крутова на Мемориале

Открытие мемориала

Министр культуры Российской Федерации, Председатель Российского военно-исторического общества В.Р. Мединский и Митрополит Смоленский и Рославльский Исидор на открытии Мемориала узникам «Дулага-184» 21 июня 2014 г.

Открытие Мемориала узникам «Дулага-184» в Вязьме

Автор проекта Мемориала, Народный художник России, скульптор Салават Шербаков

К отцам и дедам...

Родственники узников на месте захоронений «Дулага-184»

Президент МАОПО «Народная память о защитниках Отечества», автор-составитель книги «Ад-184» Иванова Евгения Андреевна

Кислицын Алексей, представитель МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» в Германии

Родственники погибших, ветераны, поисковики – участники первой поездки в Вязьму в октябре 2008 г.

Гаврилова Валерия Евгеньевна, руководитель музея школы № 2 г. Вязьма и работы красных следопытов. 09.11.2009 г.

Николаев Иван Егорович, старожил г. Вязьма

Люзина Галина Ниловна, старожил г. Вязьма, краевед

Музыченко Игорь Данилович, член Союза краеведов России, г. Вязьма

Родственники погибших и поисковики на месте захоронений лазарета № 1. 22.06.2014 г.

Макарова Алевтина Николаевна, дочь погибшего в лазарете № 3 «Дулага-184» лейтенанта Антропова Николая Ефремовича

Дубовик Татьяна, поисковик, г. Ташкент

Яркова Ирина, поисковик, г. Тюмень

Военный поисковик Башков Алексей, г. Рязань

Приехали поклониться отцам и дедам...

Памяти павших. Выступление духового оркестра Московской городской детской музыкальной школы им. В.М. Блажевича на площади Ефремова в г. Вязьма. 29.04.2012

АССОЦИАЦИЯ
ЦЕНТР
РОГОВОЙ
МУЗЫКИ

БЕССМЕРТНЫЙ ОРКЕСТР

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДУХОВОЙ ОРКЕСТР СССР

1937 ——— 80 ЛЕТ ——— 2017

100 МУЗЫКАНТОВ ОРКЕСТРА ДОБРОВОЛЬНО ВСТУПИЛИ В НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ И ПОГИБЛИ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА В БОЯХ ПОД ВЯЗЬМОЙ, ЗАЩИЩАЯ МОСКВУ!

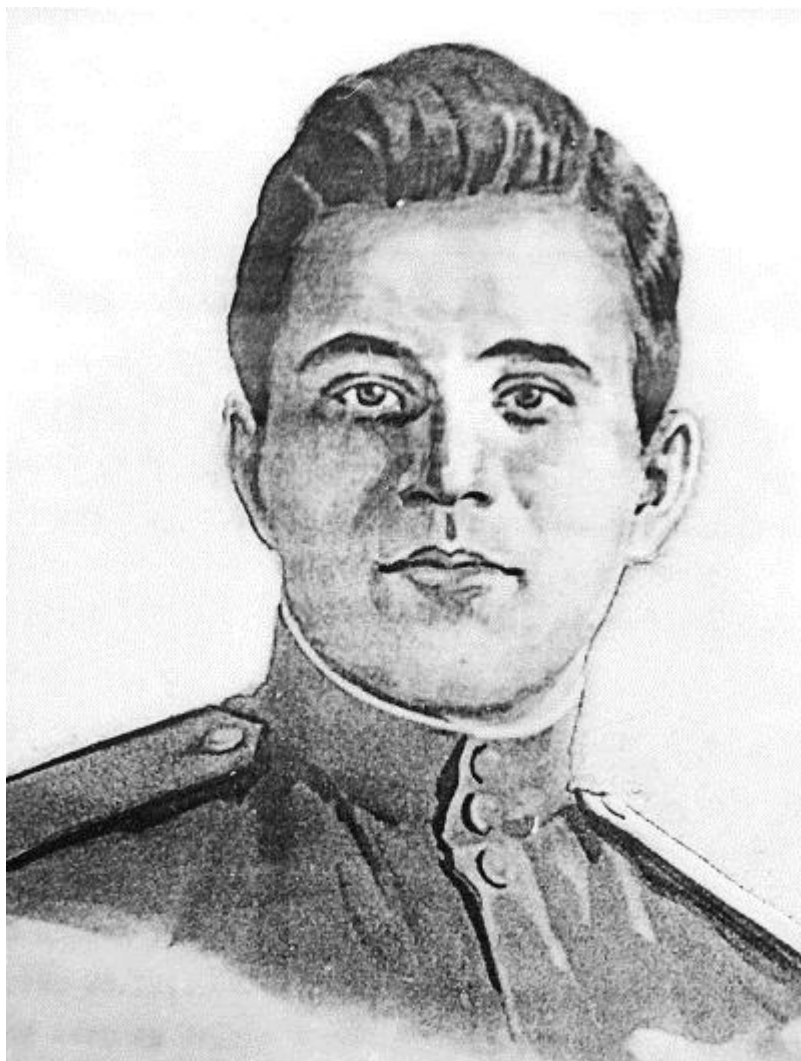

**СЕГОДНЯ НА МЕМОРИАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ДУХОВОМУ ОРКЕСТРУ СССР
ЕСТЬ ТОЛЬКО 10 ИМЕН АРТИСТОВ-ГЕРОЕВ**

У памятника музыкантам Государственного духового оркестра СССР, ополченцам 6-й
сдно Дзержинского района г. Москва, погибшим в Вяземском котле. Вязьма, 9 Мая 2013 г.

Погибшие узники «Дулага-184»

Полетаев Ф.А., Рязанская область, Герой Советского Союза, национальный герой Италии

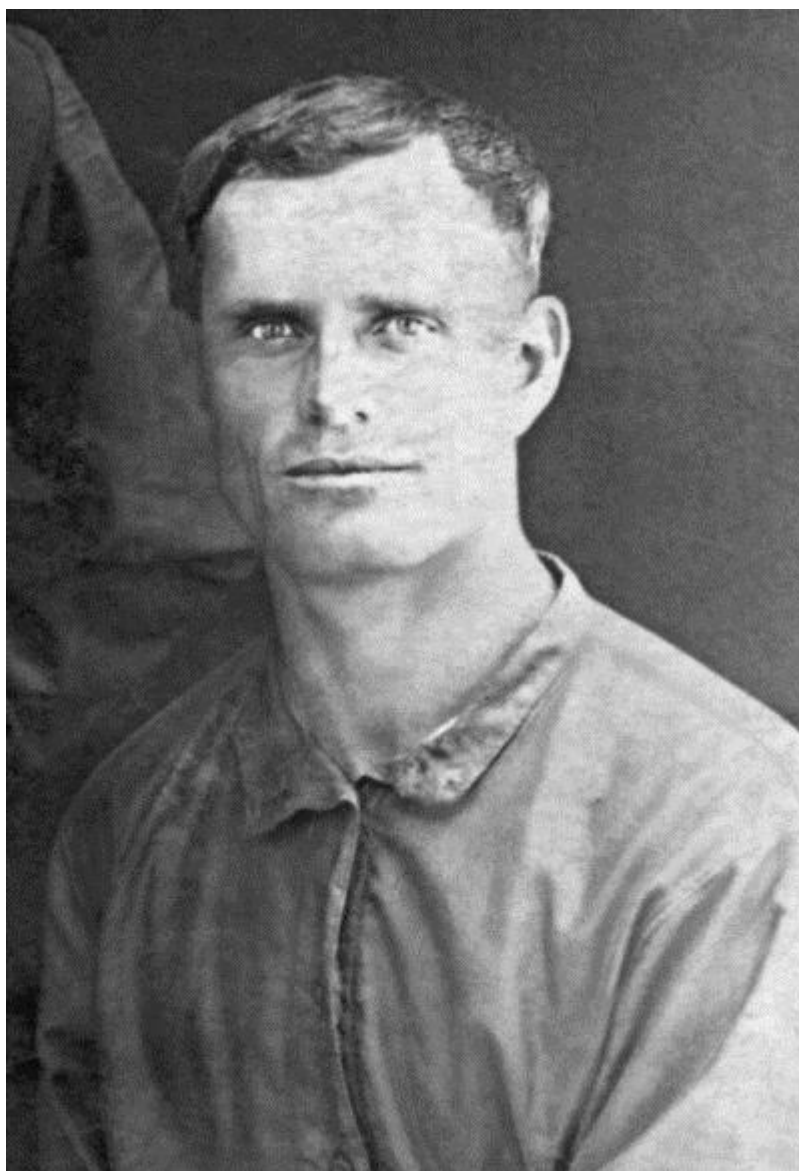
Авраменко А.С., Ростовская область

Агеев П.Н., Орловская область

Антропов Н.Е., г. Москва

Анацкий А.Г., Северо-Осетинская АССР

Андреев Алексей, г. Вязьма

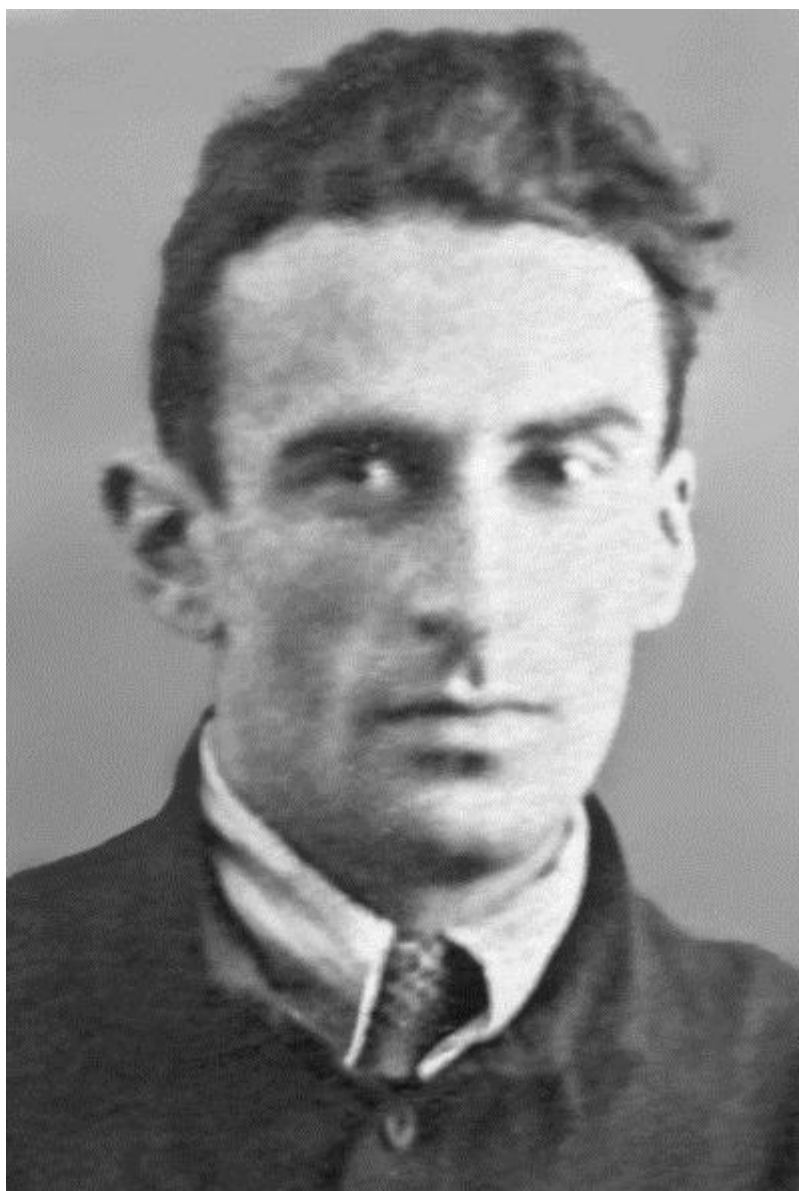

Белонос Ф.Г., Свердловская область

Апрелов И.Н., г. Ярославль

Бененсон О.Г., г. Москва

Богачев Д.П., Ростовская область

Буланов С.Ф., г. Москва

Хасанов С. В., Башкортостан

Гагарин К.И., Удмуртия

Веретенников И.В., Белгородская область

Головин А.В., Мордовия

Фырин П.Н., Московская область

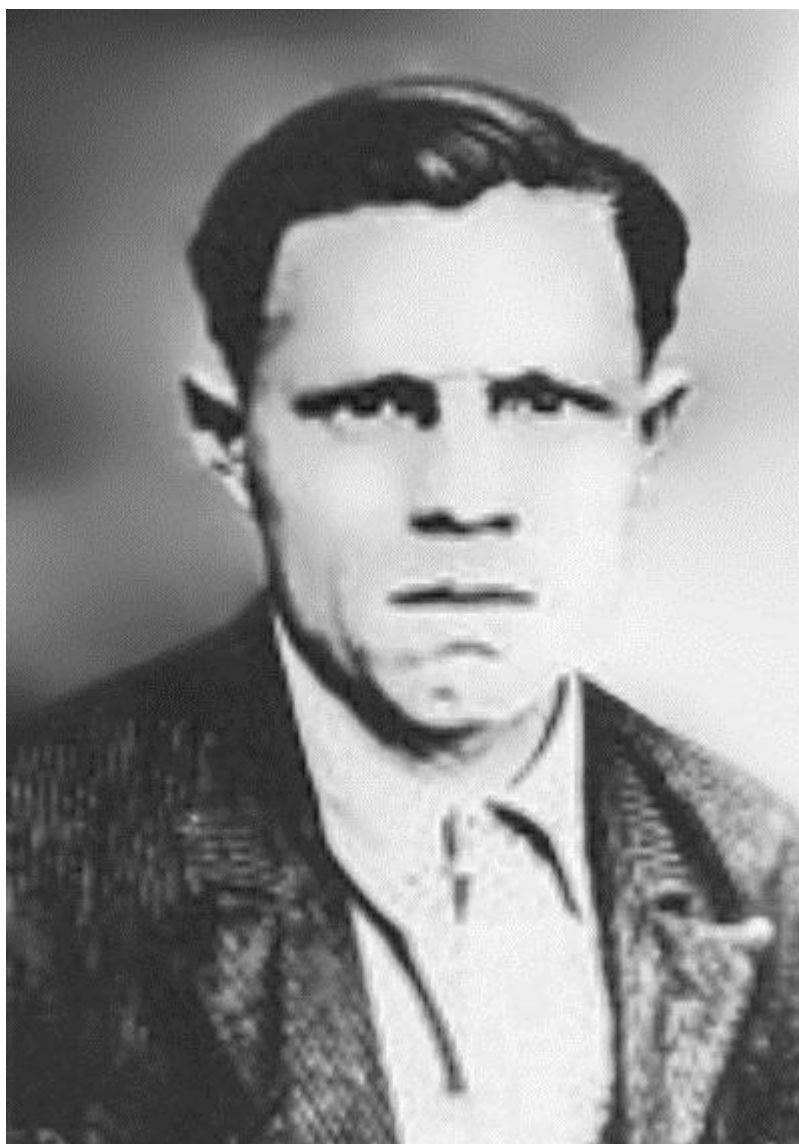
Данилов С.В., Татарстан

Дедков С.Ф., г. Москва

Дёмин Ф.Ф., Алтайский край

Драгунов Г.Н., Татарстан

Дудин А.С., г. Пермь

Елисеев А.В., Киргизия

Емельянов А.Е., Калужская область

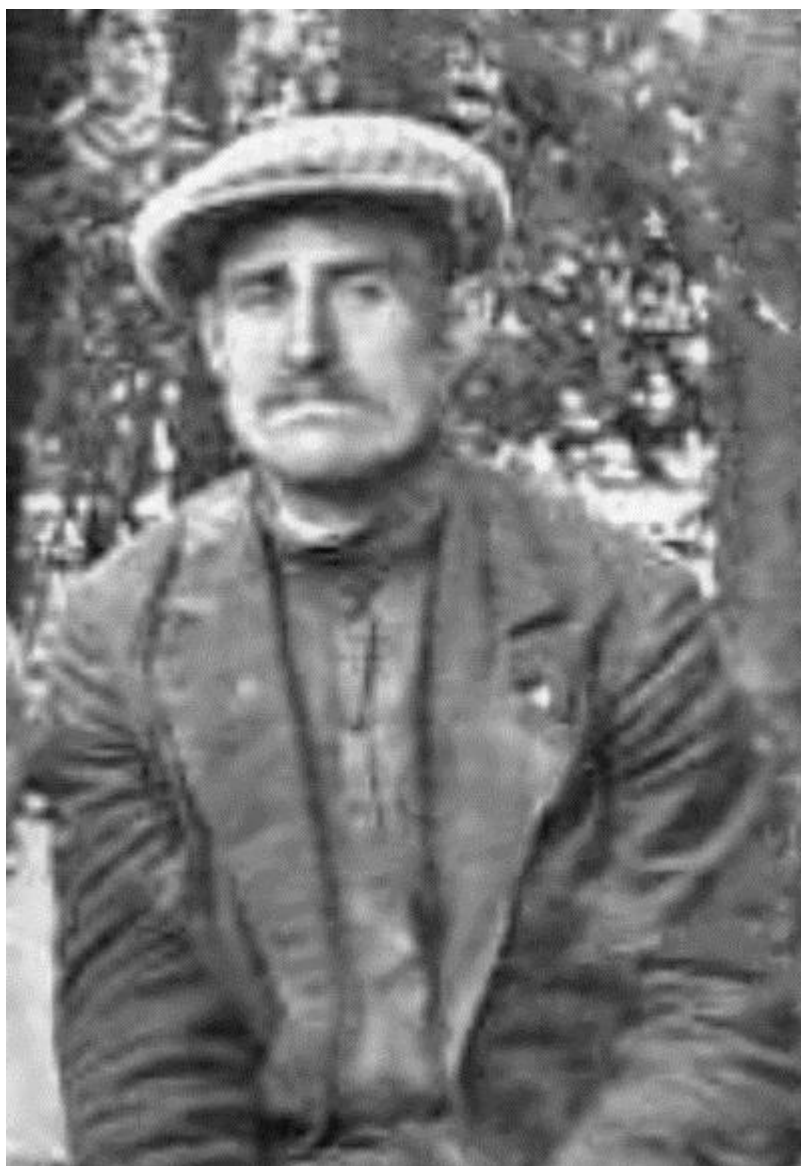
Заболотный Ф.С., Калужская область

Закиев Давлетша, Удмуртия

Зайцев М.И., г. Москва

Залесов Т.И., Кировская область

Зарипов И.З., Татарстан

Захаренков С.А. с семьей, г. Москва

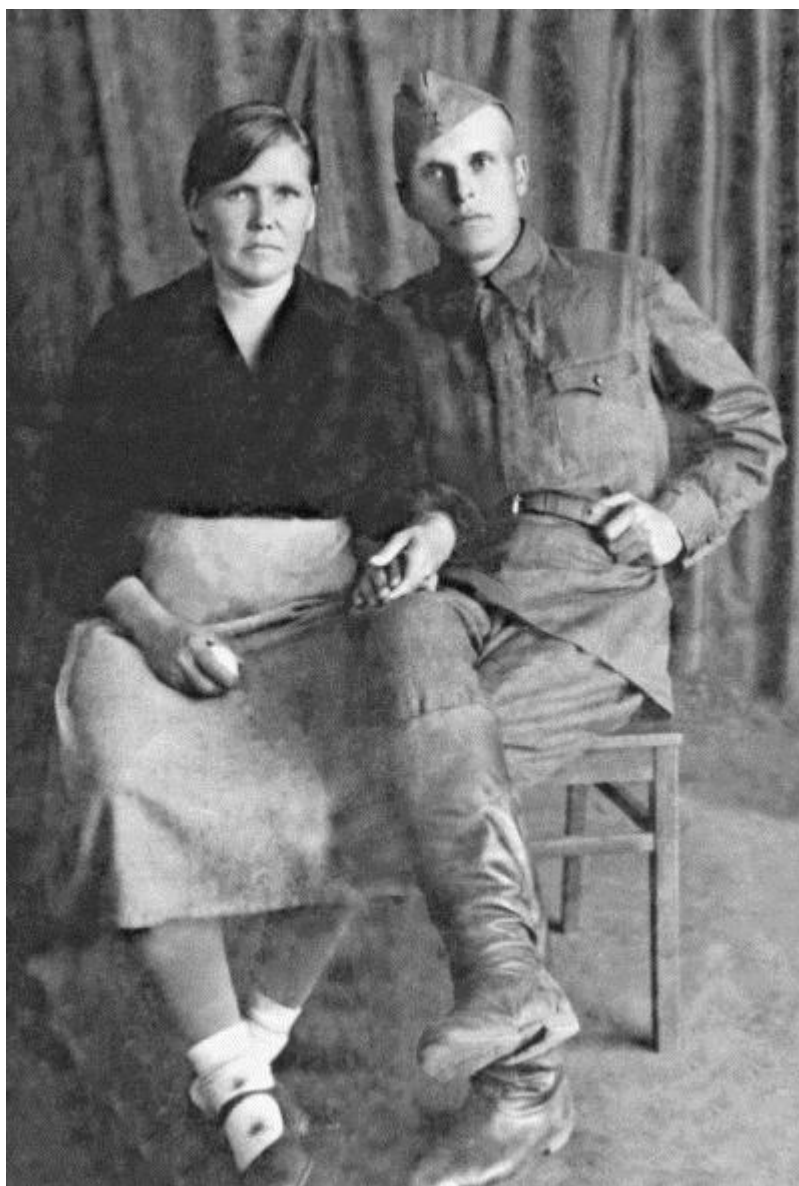

Здутов П.Л., Хабаровский край

Зацепин Т.И., Липецкая область

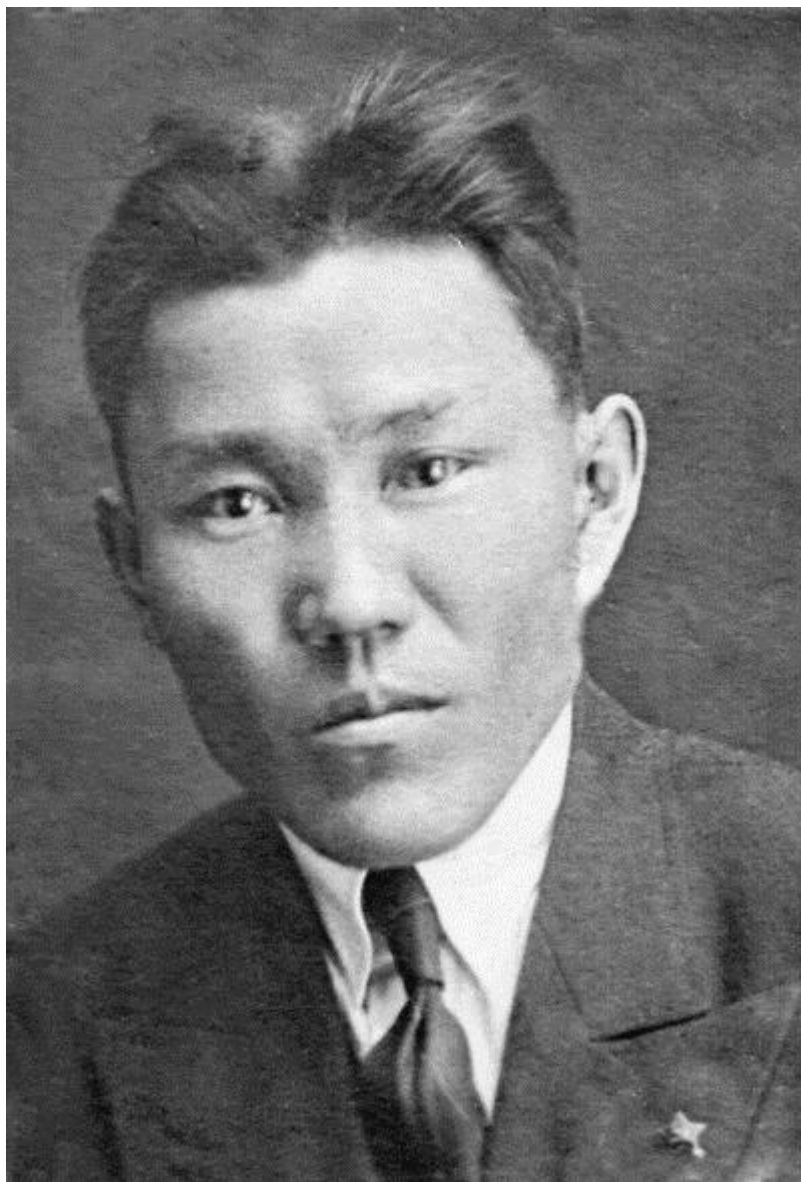
Зеленый С.Б., Алтайский край

Земляков А.Д., Ярославская область

Зенков А.Е., Ростовская область

Захаров А.А., Саха (Якутия)

Ипатов М.И., Удмуртия

Иринцев Ф.И., Бурятия

Фоминов П.П., Витебская область, Беларусь

Колбасенко И.А., Курская область

Колосов Е.В. Ставропольский край

Ловчиков Н.Н., г. Троицк, Челябинская область

Кавышкин И.М., Мордовия

Ильин И.Ф., Псковская область

Макжанов Айся, Московская область

Крапивский Эля-Идл, г. Москва

Крицын С.И., Московская область

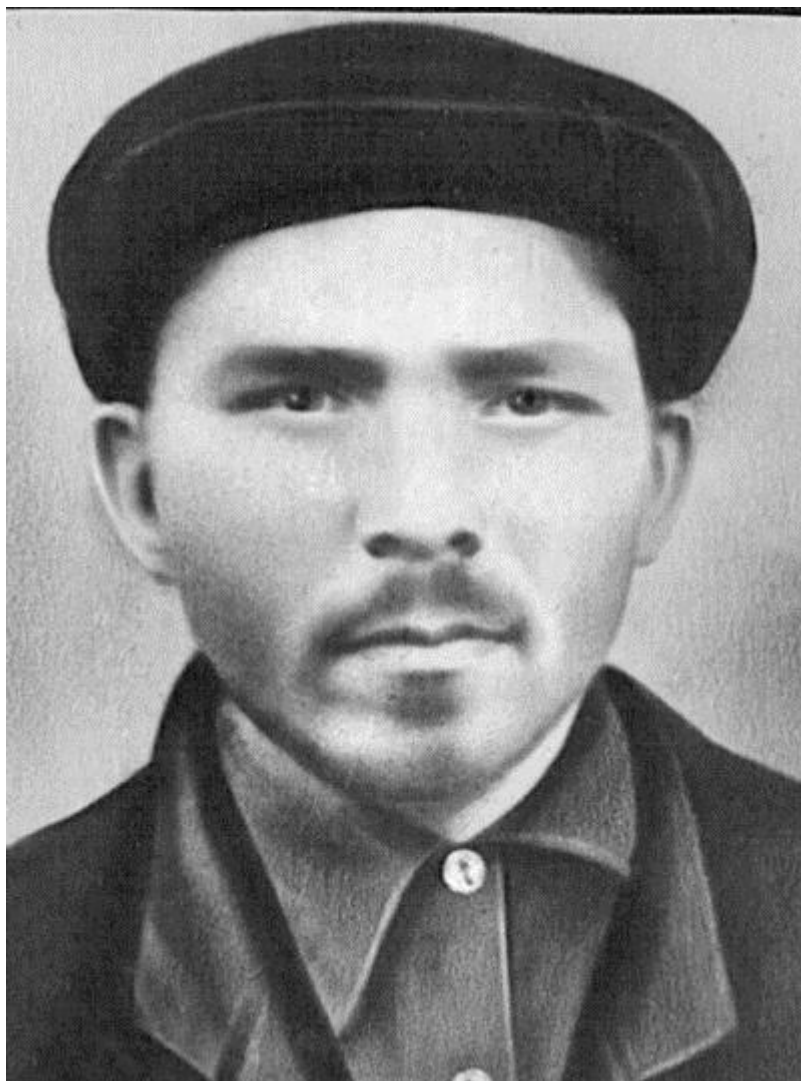

Коньков Д.В., г. Москва

Корчагин А.К. (справа), Ставропольский край

Лодочников М.П., Удмуртия

Мезин А.Н., Татарстан

Можайский Т.Т., Липецкая область

Мушарапов Хасан, Татарстан

Набатников П.Ф. Дочь Людмила и правнучка Елена с фотографией отца и прадеда. 9 Мая 2017 года, г. Москва

Наумов А.И., Кировская область

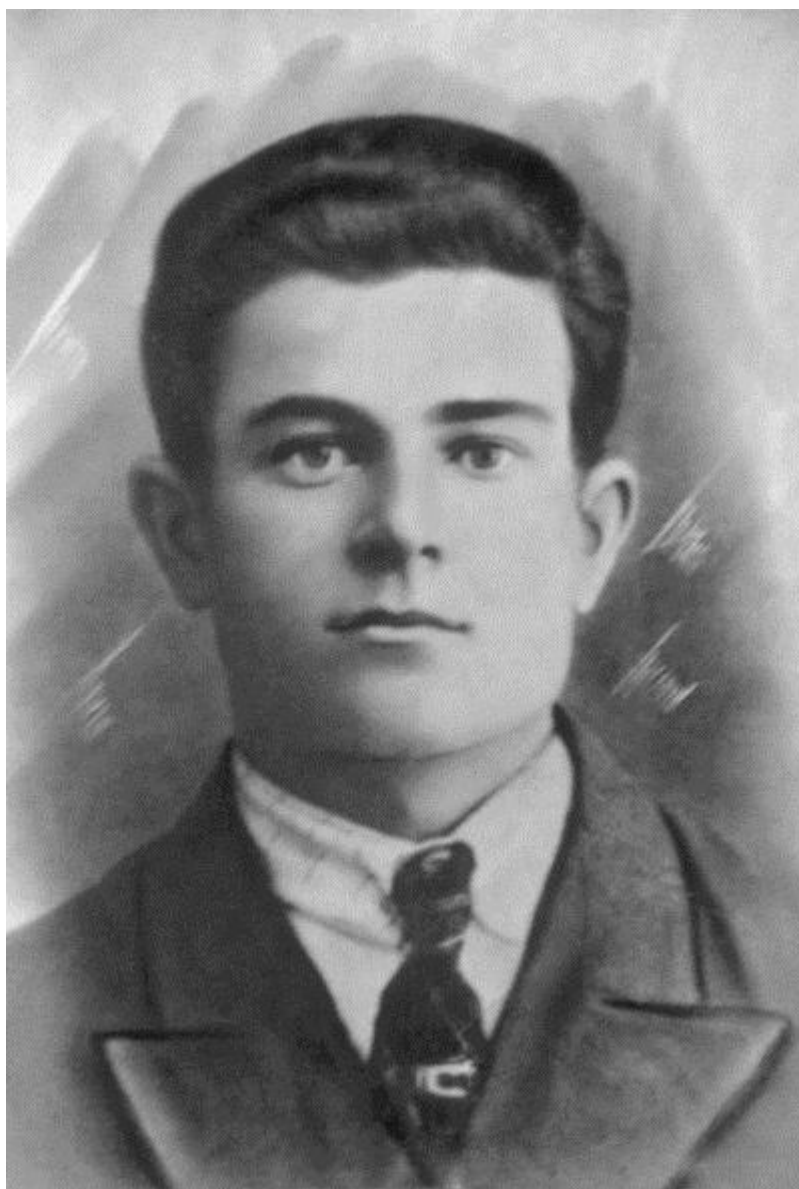
Никитин И.И., Московская область

Никитков В.Н., г. Москва

Обрезков Д.Н., Ульяновская область

Паюл Н.Н., Казахстан

Петров А.З., Татарстан

Плакунов А.А., г. Ростов-на-Дону

Полеников М.В., Липецкая область

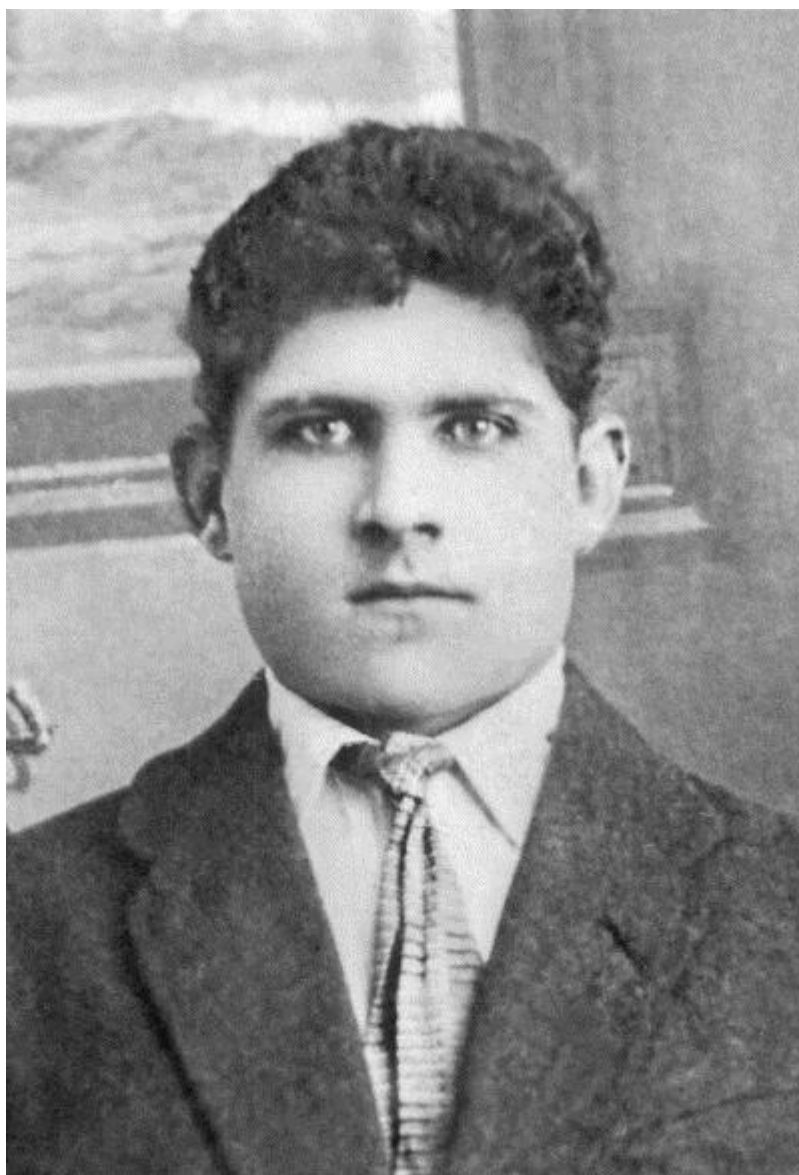

Прокофьев Н.П., г. Санкт-Петербург

Полухин М.М., Алтайский край

Протасов М.С., Тюменская область

Сухов Н.Д., Чувашия

Рябков Я.Н., Новосибирская область

Ружин Д.М., Московская область

Сайнаков М.К., Томская область

Самойленко Ф.Е., Челябинская область

Сиверин П.Г., Курганская область

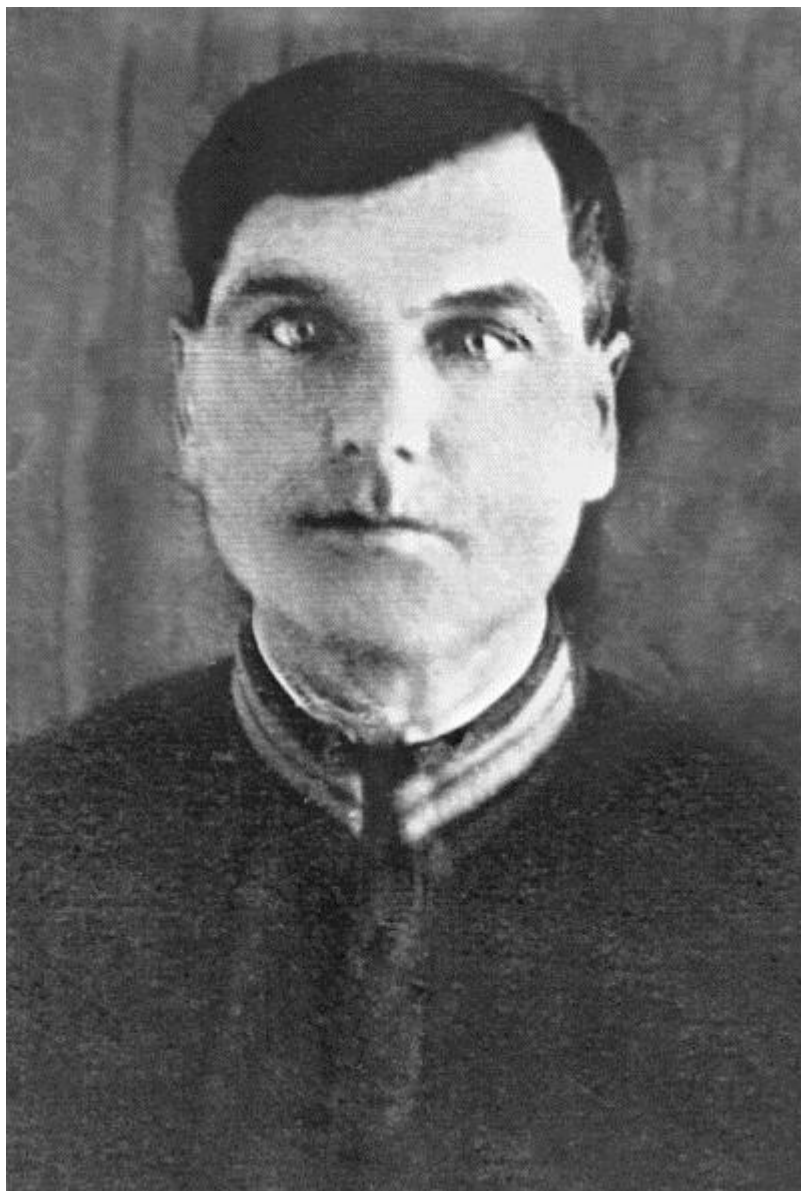

Сениченков А.Е., Тверская область

Скоробогатов С.И., г. Медынь, Калужская область

Софин И.В., Курганская область

Софин И.В. с семьей, Курганская область

Сметанин П.В., Челябинская область

Сухотский Г.С., Алтайский край

Тахташов Ш., г. Москва

Куваев Ф.В. (в центре), Республика Башкортостан

Филин Е.Г., Тульская область

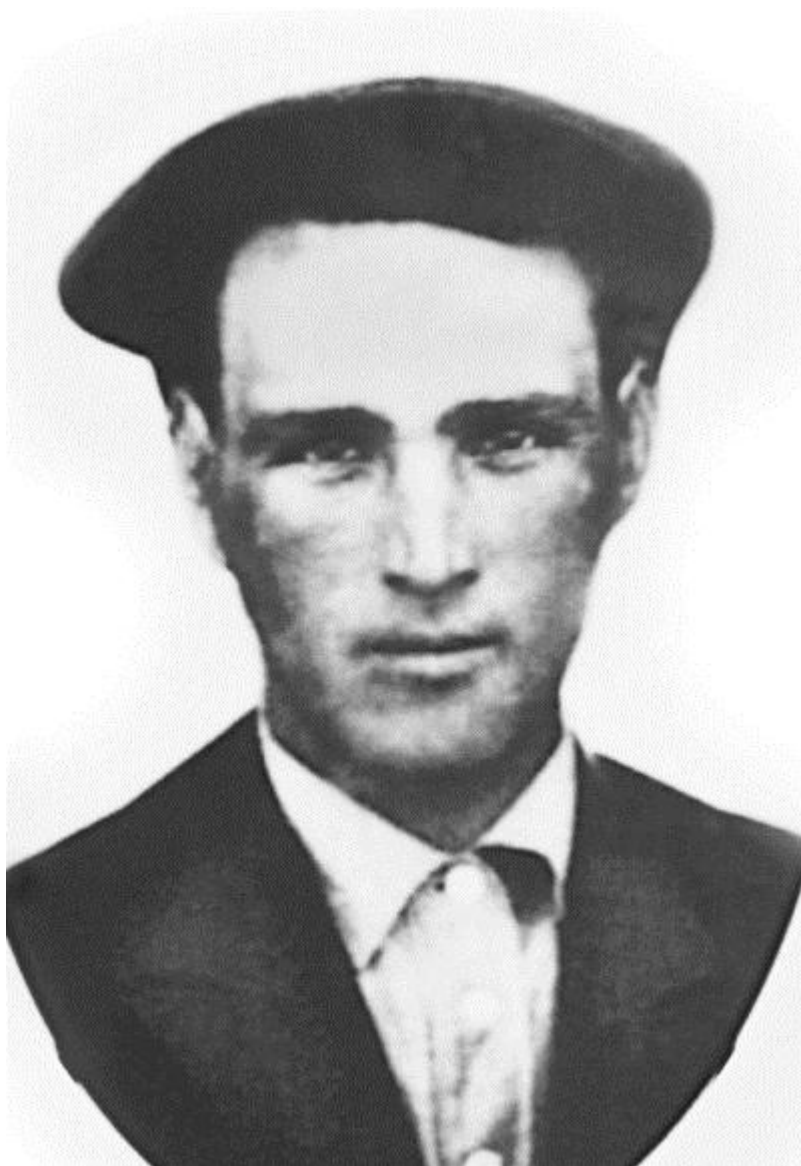

Храпутских Г.А., Челябинская область

Тимошенко П.С., Белгородская область

Тюкаев И.О., Нижегородская область

Гончаренко Г.И., Краснодарский край

Хромов Т.А., Калужская область

Шорина Татьяна Александровна, внучатая племянница младшего лейтенанта Гончаренко Георгия Ивановича

Юрасов И.И., Брянская область

Шестаков И.Н., г. Москва

Ширинян А.М., Ростовская область

Шляхтов Г.Ф., Красноярский край

Кутепов Ф.А. с женой перед отправкой на фронт, Челябинская область

Поляков Н.А., Московская область

Ерохин И.Г., Курганская область

Егоров И.И., г. Вязьма.

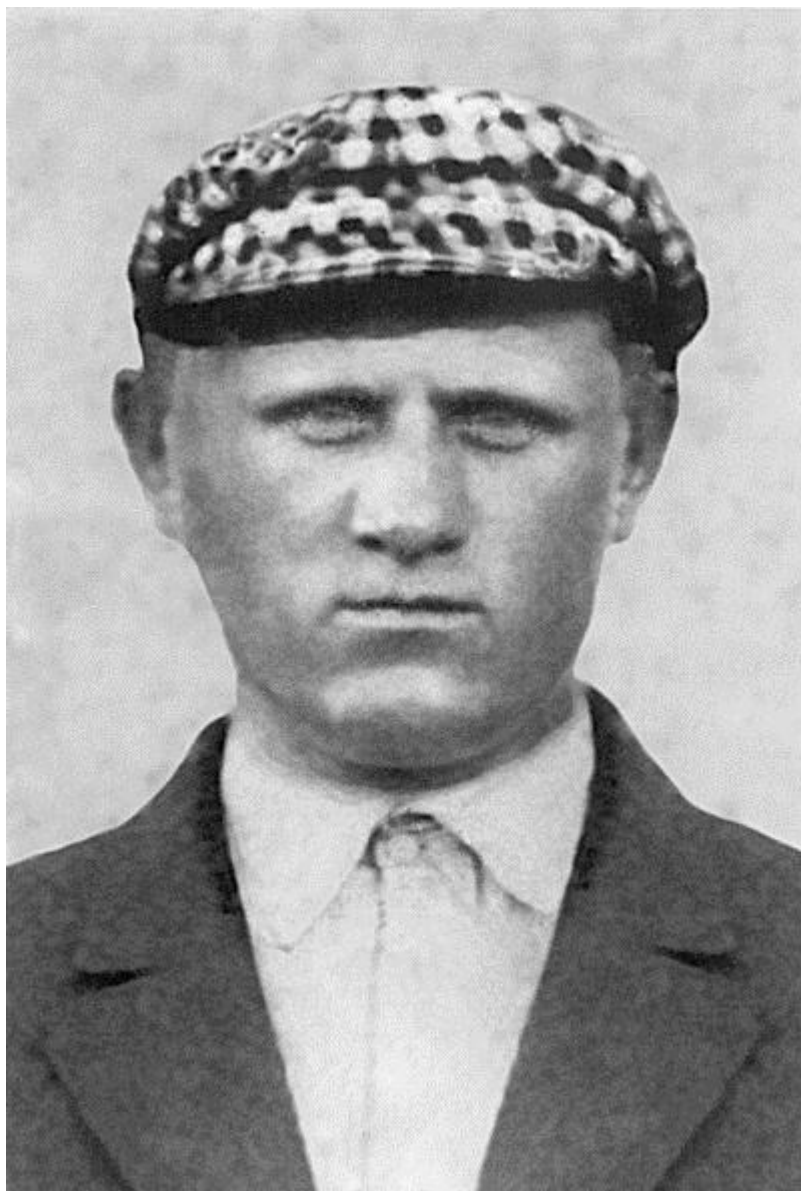

Шмелев И. А., Кировская область

Блохин А.С. с женой, Московская область

Венжега К.И., Алтайский край

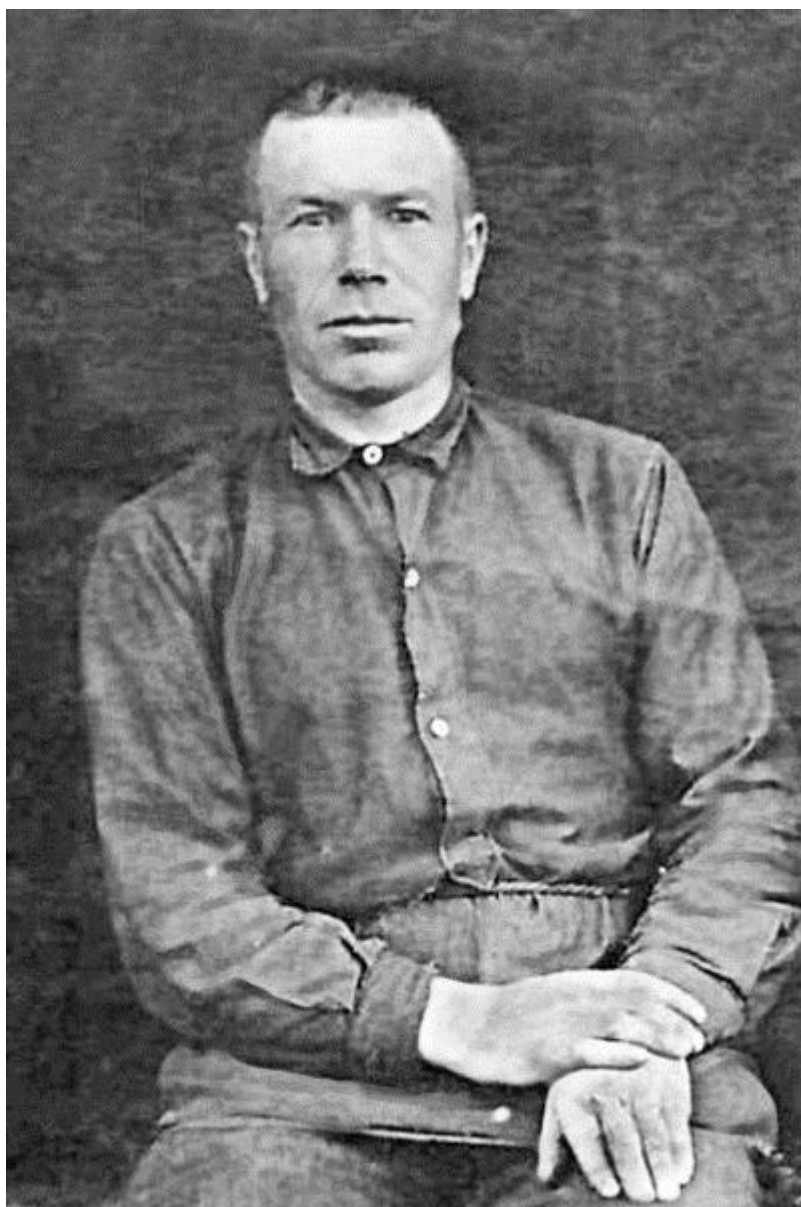
Худяков А.Г., Курганская область

Андрей Никанин у Мемориала с портретом прадеда Венжеги Константина Ивановича

Шпинев П.Ф., Псковская область

Хмельков Я.Н., Челябинская область

Шамшина Евгения Яковлевна перед портретом отца Хмелькова Якова Никифоровича

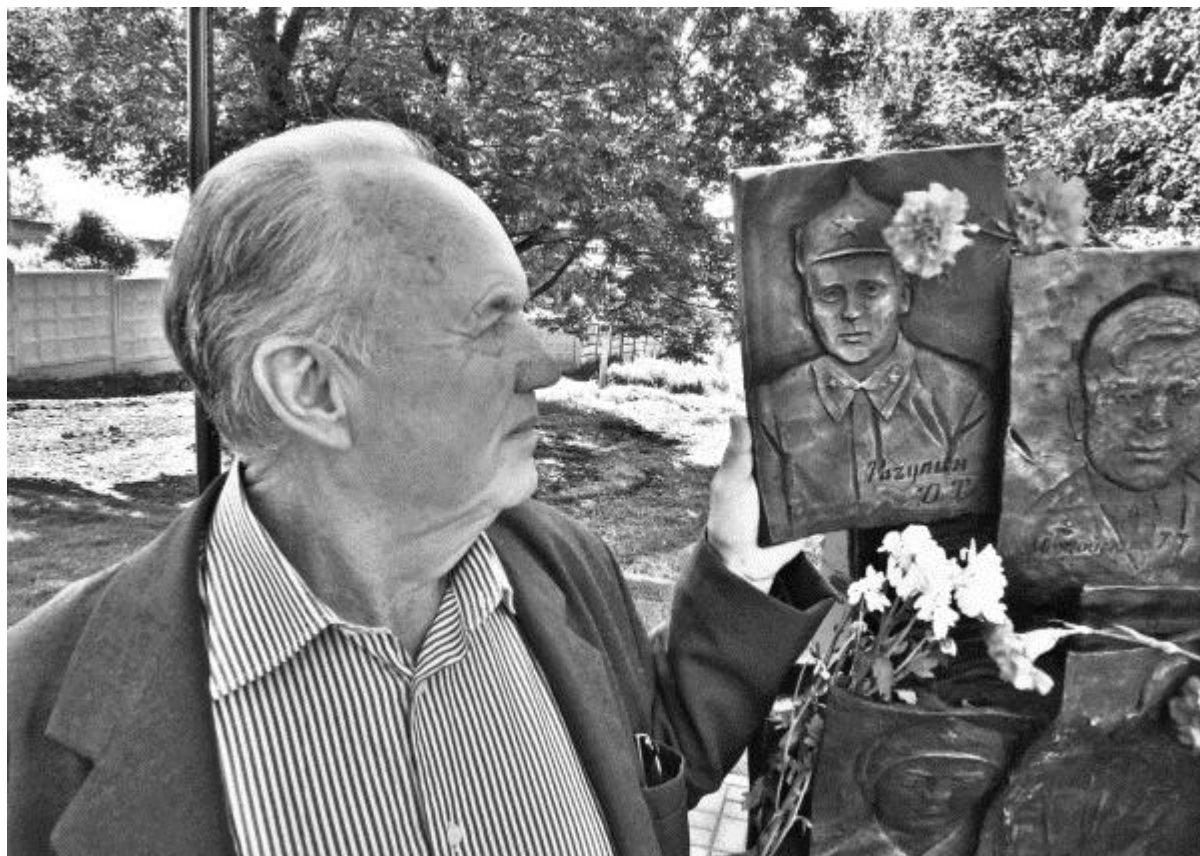

Рагулин Д.Г., Белгородская область

Копкин А.С., Алтайский край

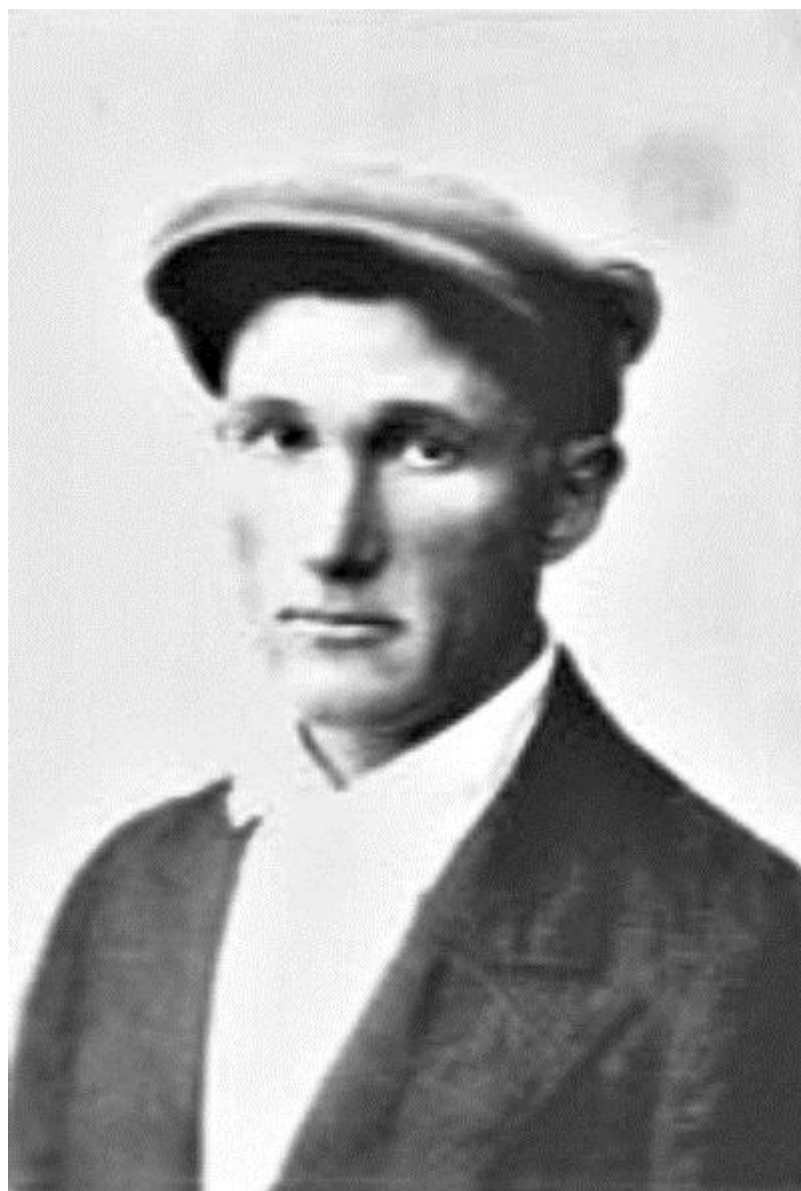

Отец и сын Рагулины...

Гимранов Галимзян, Тюменская область

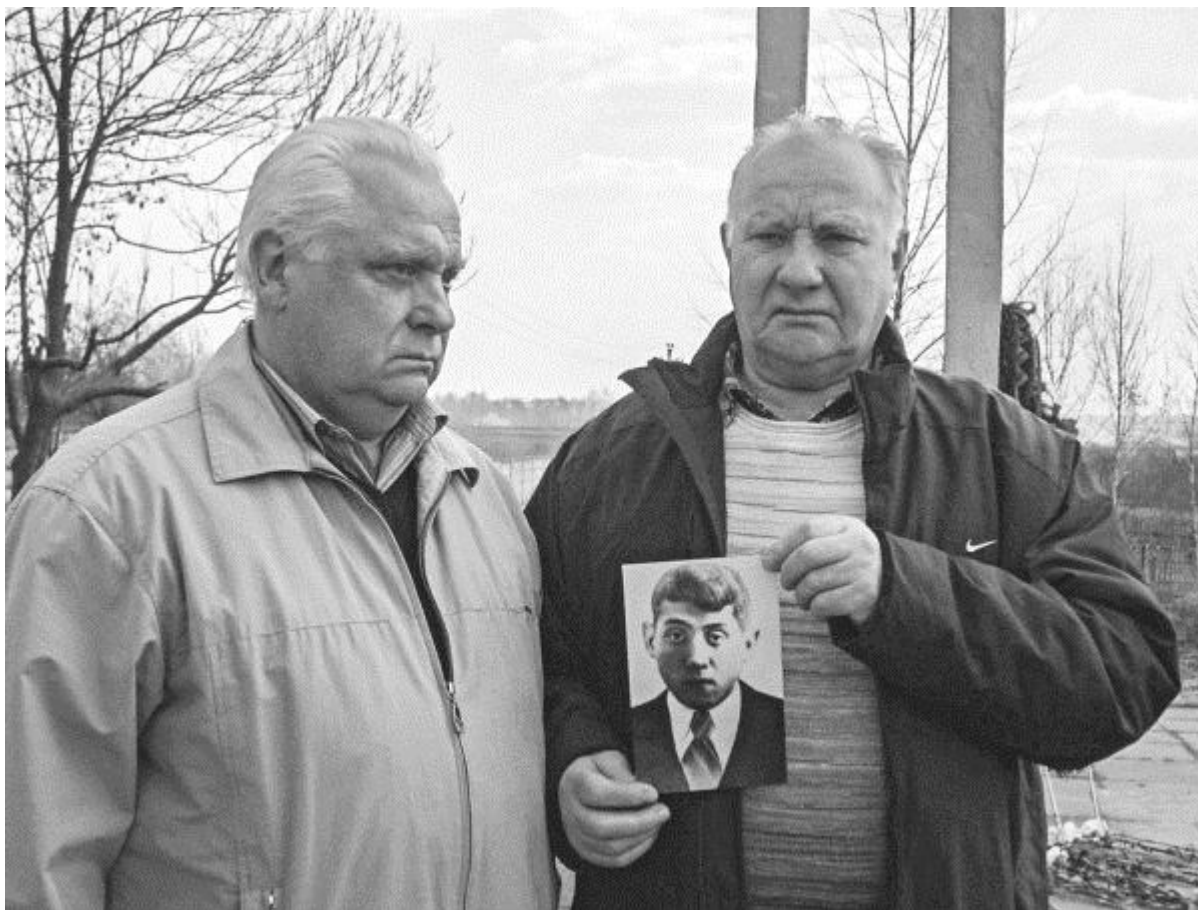
Самошкин Е.В., Рязанская область

Родственники Самошкина Егора Васильевича у мемориала

Яснов В.Г., 1923–1942, Московская область

Три брата: Борис Герасимович, Владимир Герасимович, Виктор Герасимович Ясновы. Вязьма, 2009 г.

Долго, долго еще будет помниться война... Ибо страшно себе представить, что пережил, что чувствовал перед смертью наш Витя. Какие он терпел муки, на что надеялся. И видел ли сон, в котором раннее майское утро и голос мамы: «Ви-и-тя, вставай...»

Из письма Егоровой Нины Герасимовны, сестры Виктора

Примечания

1

Письмо И. И. Ивлева к Главе администрации Смоленской области В. Н. Маслову // URL:<http://soldat.ru/news/150.html>.

2

Международная ассоциация общественных поисковых объединений.

3

Донесение Отдела контрразведки «СМЕРШ» 33-й армии. Центральный архив Министерства обороны РФ. 9 отдел. Д. 101-1555-1 за 1943 г.; входящее донесение о военнопленных № 46925с. от 25.11.1943. Оп. 18001. Д. 1200. Л. 1.

4

Примеры работы военкоматов со Списками в период в 1946–1948 гг.

Россия, Смоленская область. В Донесениях послевоенного периода № 5828 от 31.01.1948 г. Рославльского РВК Смоленской области уточняется: Гринев Владимир Матвеевич, 1900, урож. д. Кухарево Астапковичского с/с Рославльского р-на, считавшийся пропавшим без вести в декабре 1941 г., «умер в плену 22.03.1942 г. Вх. № 46925с», что совпадает с данными списков лазарета № 2 «Дулага-184» (Гринев Владимир Матвеевич умер 22.03.1942 г.) с входящим номером «46925с» Донесения 33-й армии от 12.11.43 г. Письменное уточнение от руки на бланке: Донесения было сделано 03.02.1948 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 63).

Россия, Новосибирская область. Из Донесений послевоенного периода № 94692 от 31.12.1946 г. Новосибирского РВК Новосибирской обл.: красноармеец 2-й сд Пугачев Иван Григорьевич, 1913, урож. г. Бердска Новосибирской обл., считался пропавшим без вести с 11.1942 г. Приписка от руки: «умер в плену 3.09.1942 г., вх. 46925с.43». По спискам лазарета № 2 «Дулага-184» Пугачев И. Г. действительно умер 3 сентября 1942 г. Все данные совпадают. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 770).

Украина, Донецкая область. Из Донесений послевоенного периода № 98916 от 27.12.1946 г. Сталино-Заводского РВК г. Сталино (Донецкая область, Украина): Коротков Владимир Романович, 1921, урож. г. Сталино, считавшийся пропавшим без вести в ноябре 1942 г. «Учтен вх. 46925, умер в плену 1-42». По спискам лазарета № 1 Коротков Владимир Романович умер 09.01.42, совпадает и входящий номер Донесения 33-й армии от 12.11.1943 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 851. Л. 2).

Республика Беларусь, Могилевская область. Из Донесений послевоенного периода № 100598 от 31.12.1946 г. Шкловского РВК Могилевской обл.: Гарбузов Семен Александрович, 1914, урож. д. Новоселки Подгайцевского с/с Шкловского р-на Могилевской обл., считавшийся пропавшим без вести в октябре 1941 г., «умер в немецком плену 1-42 г.», «вх. 46925с-43». Дата гибели совпадает со списками лазарета № 1 «Дулага-184» (погиб 08.01.1942 г.), так же как и вх. номер Донесения 33-й армии от 12.11.1943 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 780. Л. 362).

Республика Кыргызстан, Ошская область. Из Донесений послевоенного периода № 82832 от 03.10.1946 г. Мирза-Апинского РВК Киргизской ССР: Лебеденко Иван Кузьмич, 1920, урож. с. Мирза-Аки Узгенского (Мирза-Акинского) р-на Ошской обл. Киргизской ССР, учтенный пропавшим без вести в апреле 1942 г., «умер в плену, Вязьма март 1942 г.», «учтен вх. 46925» (приписка сделана от руки).

По спискам лазарета № 1 «Дулаг-184» умер 03.03.42 г. (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 676. Л. 4).

5

Примеры работы редколлегий региональных Книг памяти со Списками в конце 80-х – 90-х гг. (сведения о погибших даются почти во всех Книгах памяти без указания «Дулага-184» и его лазаретов в г. Вязьма):

Алтайский край. Токарев Роман Павлович, 1914, русский, Алтайский край, Усть-Камланский р-н, с. Пономарево; Погиб 25.02.1942 г. в лазарете № 1 «Дулага-184» (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1220. Л. 550). Книга памяти. Алтайский край. Том 6, с. 614 (умер от ран 25.02.1942 г.).

Республика Башкортостан. Басыров Шакур Закирович 1910, д. Карагуш Стерлибашевского р-на Башкирской АССР.

Погиб 23.01.1942 г. в лазарете № 1 «Дулага-184» (ЦАМО РФ... Л. 440). Память. Башкортостан. Книга 17 (умер от ран 23.01.1942 г.).

г. Москва. Январев Василий Васильевич, 1901, г. Москва. Лейтенант, командир взвода

1134-го сп 160-й сд (6-й сдно Дзержинского р-на г. Москвы I форм.). Погиб 03.08.1942 г. в лазарете № 2 «Дулага-184» (ЦАМО РФ... Л. 229). Книга памяти. Москва. Том 14, с. 650 (умер от ран 3.8.1942 г.).

Смоленская область. Алексеев Константин Николаевич, 1890, Дорогобужский р-н Смоленской обл. Призван Дорогобужским РВК. Погиб 27.08.1942 г. в лазарете № 1 «Дулага-184» ((ЦАМО РФ... Л. 142). Книга памяти. Смоленская область. Дорогобужский район. С. 15 (умер от ран 27.08.42 г.).

6

Центральный архив Министерства обороны РФ (Далее: ЦАМО) Ф. 12462. Д. 72. Л. 38–41.

7

ЦАМО. Ф. 500. Он. 12462. Д. 548. Л. 96–99.

8

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. От обороны к контрнаступлению / ИВИ МО. М., 1994. СИ.

9

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии / Пер. с нем. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 22.

10

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 23–26.

11

Муриев Д. З. Провал операции «Тайфун». М., 1972. С. 19.

12

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 13–14.

13

См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1: Суровые испытания. М., 1995. С. 165.

14

Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М., 1980. С. 72.

15

См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 165–166.

16

См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 166.

17

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 3. С. 51.

18

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 16–17.

19

Великая Отечественная война. 1941–1945. Краткий исторический справочник. / Под ред. О. Ржешевского. М., 1990. С. 54–55.

20

Блюментрит Г. Московская битва. / Роковые решения. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1958. С. 90.

21

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков. М., 1993. С. 166.

22

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111–112.

23

Liddell Hart Centre for Military Archives (Далее: ЛН). 9/24/107.

24

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 133. Л. 200–302.

25

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 16.

26

Хазанов Д. Неизвестная битва в небе Москвы 1941–1942 гг. Оборонительный период. М., 1999. С. 35.

27

Хазанов Д. Указ. соч. С. 35.

28

Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М., 207. 107–108.

29

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2013. С. 51.

30

Там же. С. 123–124.

31

См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 168–169.

32

Цит. по: *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве / 50-летие победы под Москвой. Материалы военной научной конференции / ИВИ МО. М., 1993. С. 24.

33

ЦАМО. Ф. 500. Он. 12454. Д. 115. Л. 200.

34

Там же. Оп. 12462. Д. 548. Л. 150–151, 223.

35

См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 169.

36

Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 180–182, 186.

37

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 159–167.

38

Там же. Оп. 12462. Д. 450. Л. 285–290.

39

Там же. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 12. Л. 1–5.

40

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1 С. 46–54.

41

Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 231, 233.

42

Цит. по: *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 25.

43

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 175–181.

44

Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 235.

45

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 46–54.

46

См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 170.

47

Цит. по: Москва военная, 1941–45. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 84–86.

48

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 3. С. 55.

49

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 188.

50

Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 212.

51

Там же. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 12. Л. 15–19.

52

Там же. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

53

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 39–40.

54

Лопуховский А. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 241–242, 244–245.

55

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 39.

56

ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

57

Хазанов Д. Указ. соч. С. 71.

58

53. *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 369–370.

59

Мещанский И. Б., Исаев А. В. Триумфы и трагедии великой войны, М., 2010.

60

ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 114. Л. 1.

61

Цит. по: *Невзоров Б. И.* Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. С. 26.

62

См. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 173.

63

ЦАМО. Ф. 202. Оп. 1019. Д. 12. Л. 3.

64

Мощанский И. Б., Исаев А. В. Триумфы и трагедии великой войны, М., 2010.

65

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2413. Д. 36. Л. 297. Цит. по: *Лопуховский А. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 493–494.

66

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.

67

Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. С. 510–511.

68

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.

69

Мощанский И. Б., Исаев А. В. Триумфы и трагедии великой войны, М., 2010.

70

См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.

71

ЦАМО. Ф. 6598. Оп. 12484. Д. 109. Л. 1.

72

См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 174.

73

См. там же, с. 175.

74

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 377. Л. 121–137.

75

См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 175.

76

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 250–251; 280–281.

77

См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 175.

78

См. там же, с. 181.

79

Цит. по: *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 539.

80

Цит. по: *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. С. 543–544.

81

Хазанов А. Указ. соч. С. 55–56.

82

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 203–204.

83

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 2. С. 19.

84

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 66.

85

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 3. С. 55.

86

Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967. С. 339.

87

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 306–318.

88

Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 55.

89

Здесь и далее в квадратных скобках комментарии переводчика.

90

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 639.

91

Воспоминания старожила г. Вязьма Н. И. Романова // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

92

Комаров Д. Великая Отечественная война на Вяземской земле. Смоленск, 2009. С. 421.

93

Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский Мемориал».

94

Михайлов И. Лагерь советских военнопленных в Вязьме «Дулаг-184». (Воспоминания А. Е. Леменкова.) // Край Смоленский. 2011. № 12. С. 31.

95

ЦАМО РФ. Донесение о военнопленных № 6925с от 25.11.1943. УТ 33 А.

96

Майстренко Т. А. Родная кровь (А. М. Петербурцев) // Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. С. 221.

97

Из воспоминаний комиссара 2-го батальона 37 сп 13 сдн г. Москвы И. А. Ивина // Сборник «Воспоминания бойцов 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения». Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. О. 67.1917. С. 77.

98

Тетцов А. П. Воспоминания о пребывании в «Дулаге-184». Архив Вяземского краеведческого музея.

99

Маковейчук Б. Г. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184» (из личной коллекции вяземского краеведа И. Д. Музыченко).

100

Из воспоминаний вяземского подпольщика В. И. Ляпина (URL:<http://rudocs.exdat.com/docs/index-171387.html?page=5>).

101

Из воспоминаний вяземского подпольщика В. И. Ляпина (URL:<http://rudocs.exdat.com/docs/index-171387.html?page=5>).

102

Анвaер С. Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички. М.: РОССПЭН, 2005. С. 208. Книжная серия «Человек на обочине войны» (из личной коллекции И. Д. Музыченко, г. Вязьма).

103

Из статьи В. Антонова «Вязьма сегодня» в газете «Известия» от 20.04.1943 г.

104

Из воспоминаний Александры Ивановны Сергеевой, жительницы д. Алферово. Сайт «Алферове в Смоленской области». E-mail: smolvillage@alferovo.ru).

105

Из воспоминаний Елены Константиновны Ширшиной (URL:http://www.vfmgiu.ru/?show_news=42).

106

Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. 276 с. *Майстренко Т. А.* Родная кровь. С. 221 (из воспоминаний А. М. Петербурцева).

107

Из воспоминаний Александра Михайловича Согрина о пребывании в «Дулаге-184» // *Шилов С.* Страшная одиссея солдата Согрина // Альманах «Тобол». 2009. № 1 (17), № 2 (18).

108

Из воспоминаний Валентины Александровны Кашиной. Записал сотрудник музея С. Борисов // Из фондов Вяземского краеведческого музея.

109

Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. Из воспоминаний А. М. Петербурцева // *Майстренко Т. А.* Родная кровь. С. 221.

110

Там же.

111

Там же.

112

Из воспоминаний Александра Михайловича Согрина о пребывании в «Дулаге-184» // *Шилов С.* Страшная одиссея солдата Согрина // Альманах «Тобол». 2009. № 1 (17), № 2 (18).

113

Яковенко М. В. Воспоминания времен Отечественной войны 1941–1945 гг.

114

Рунин Б. М. Записки случайно уцелевшего. Издательство «Возвращение», 2010.

115

Михеев Евгений Александрович – военврач 3-го ранга, командир взвода 87-го омедсб 1-й Механизированной дивизии Западного фронта, 1891 г. р., уроженец г. Москвы, русский, служащий, беспартийный. В РККА с 1918 г. Считался пропавшим без вести между 10.1941 г. и 12.1941 г. (24. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 106. Донесение Западного фронта о безвозвратных потерях № 05721 от 01.11.1943 г.) Оставил воспоминания о «Дулаге-184», которые приведены в обзорном томе Всероссийской Книги памяти, 1941–1945 гг. (25. Обзорный том Всероссийской Книги памяти, 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1995. С. 451.).

116

Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1983. С. 56–59. 23. [Опубликовано в газете «Известия» от 06.04.1943. Злодеяния над советскими военнопленными].

117

Военно-строительная организация рейхсминистра вооружения и боеприпасов *Фрица Тодта* (ОТ) была создана в 1933 г., занималась восстановлением путей сообщения, мостов, строительных укреплений, где использовался тяжелый труд советских военнопленных. С осени 1942 г. – в составе Вермахта. Ф. Тодт погиб в авиационной катастрофе под Растенбургом 8 февраля 1942 г., но организацию по-прежнему называли его именем («Военная литература». Организация Тодта в войне (URL:<http://militera.lib.ru/h/ergos/18.html>)). Указанные в Списках лазарета № 2 пятизначные номера немецких полевых почт принадлежали этой организации.

118

Остен Всеволод Петрович – бывший узник Маутхаузена. Цит. по: Книга памяти. Костромская область. Т. 9 / ред. Елизаров А. М. и др. Кострома: ДиАр, 2004. С. 139.

119

Рассказ бывшего военнопленного М. Шейнмана // *Гроссман В., Эренбург И.* Черная книга. Воспоминания бывших узников нацистских лагерей. 1980 // URL:<http://jhistory.nfurman.com/shoa/grossman020.htm>.

120

Хольный Г. А. Воспоминания о лагере военнопленных «Дулаг № 184» // Сайт «Я Помню». URL:<http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/kholniy-georgiy-aleksandrovich/>.

121

В вяземский лагерь для военнопленных.

122

Анхаер С. Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички. М. РОССПЭН, 2005, с. 208. Книжная серия «Человек на обочине войны» (из личной коллекции И. Д. Музыченко, г. Вязьма).

123

Шлячков Б. И. Воспоминания о лагере военнопленных «Дулаг-184» // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский Мемориал».

124

Шимкевич В. Н. Судьба московского ополченца. М.: Центрполиграф, 2008.

125

Из воспоминаний Александра Михайловича Согрина о пребывании в «Дулаге-184» // *Шилов С.* Страшная одиссея солдата Согрина // Альманах «Тобол». 2009. № 1 (17), № 2 (18).

126

Так в тексте.

127

Корытов Н. В. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184» // Архив Вяземского краеведческого музея.

128

Лазарет № 3.

129

Тетцов А. П. Воспоминания о пребывании в «Дулаге – 184» // Архив Вяземского краеведческого музея.

130

Маковейчук Б. Г. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184» (из личной коллекции вяземского краеведа И. Д. Музыченко); *Маковейчук Б.* По дорогам войны и партизанским тропам. Дневник партизана. Б/м, 2011. С. 28–29.

131

Маркова (Зиновьева) Т. И. Воспоминания о прорыве советских войск у с. Богородицкое, лагере военнопленных «Дулаг-184». Из фондов музея 2-й сдпо г. Москвы. ГБОУ Школа № 1301 (№ 434). Воспоминания подготовлены к публикации Сумароковым Александром Борисовичем.

132

Так в тексте; видимо, следует читать «замерзших».

133

Так в тексте.

134

Шинкарев И. Ф. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184». Архив Музея боевой и трудовой славы средней школы № 5 г. Вязьма.

135

Фавстова М. А. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184». Живая память. Письма бывших советских военнопленных. ФГУК «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Мемориальный музей немецких антифашистов (филиал ФГУК «ЦМ ВОВ»). М.: Рейтар, 2005. С. 95.

136

Мошарев П. А. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184» // Из материалов сайта «Домовый храм святой мученицы Татианы при МГУ им. М. В. Ломоносова» // URL:<http://st-tatiana.ru>.

137

Недостроенного авиазавода.

138

Ермолаев В. А. Кромсали их в мясо. Воспоминания о вяземском лагере военнопленных «Дулаг-184», дальнейшей судьбе, участии в итальянском Сопротивлении // От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 7. М.: Академия исторических наук, 2006. В подготовке воспоминаний оказал помощь Олег Дмитриевич Таптыков, студент 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета).

139

Из рассказа дочери красноармейца Саяфа Мухамедшина // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский Мемориал».

140

Ковалев К. С. Воспоминания о «Дулаге-184». Там же.

141

Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. 276 с. *Майстренко Т. А.* Родная кровь. С. 221 (воспоминания А. М. Петербурцева).

142

По материалам книги Софьи Анваер «Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички». М.: Издательство Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 15–34.

143

ЦАМО РФ. Ф. 58. Он. 18001. Д. 1220, Дон. № 46925с от 25.11.1943 (о заболеваниях брюшным тифом). Л. 248.

144

Там же. Л. 277.

145

Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. 276 с. *Майстренко Т. А.* Родная кровь. С. 221 (из воспоминаний А. М. Петербурцева).

146

ЦАМО РФ. Ф. 58. Он. 18001. Д. 1220, Дон. № 46925с. от 25.11.1943. Л. 248; В. Н. Шимкевич, отрывки из авторской книги «Испил судьбу до капли» о пережитом в немецкой

неволе.

147

Возможно, это был Бондаренко Михаил Васильевич, военврач 2-го ранга, командир 14-го медсанбата 14-й тд 20-й армии. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 99. Из Донесения № 01890 о безвозвратных потерях ЗапФ от 17.08.1943.

148

Из дневника Е. Г. Посохина // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

149

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 4. М., 1990. С. 106.9. Из воспоминаний Б. И. Шлячкова // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

150

Сошников Н. Г. Если жить сначала: Записки военного провизора. М.: Современник, 1983.

151

Михайлов И. Рожденная и погибшая под Вязьмой (Боевой путь 248-й стрелковой дивизии первого формирования). Вязьма, 2010.

152

Из письма Г. Баумана А. Микояну (АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 510. Л. 12–14. Копия № 2).

153

Из воспоминаний о М. Ю. Чуловском его сына О. М. Чуловского // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

154

Из воспоминаний Б. И. Шлячкова // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

155

Сошников Н. Г. Записки военного провизора.

156

Из рассказа бывшего военнопленного М. Шейнмана // *Гроссман В., Эренбург И. Черная книга.*

157

Лабковский Соломон Эммануилович – военврач 2 ранга 18-го мсб 127-й тбр 19-й армии Западного фронта. 1900 г. р., уроженец г. Орша Витебской области. Учен пропавшим без вести в октябре 1941 г. (ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 10).

158

О поиске сведений о военвраче С. Э. Лабковском...

159

URL:<http://www.soldat.ru/forum/viewtopic.php?f=52&p=335303>.

160

ЦАМО РФ. Донесения № 38882 об освобожденных из плена от 01.10.43 г. Перес. пункт 4-й уд. арм.; архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

161

Гроссман В., Эренбург И. «Черная книга». Из рассказа бывшего военнопленного М. Шейнмана.

162

Майстренко Т. А. Родная кровь (А. М. Петербурцев) // Могилевский поисковый вестник / Сост. Н. С. Борисенко. Могилев: Амелия Принт, 2012. Вып. 7. С. 221.

163

Архив NARA T175 R236 f725363, 725364, 725366.

164

ЦАМО РФ. Ф. 58. Он. 977521. Д. 1998. С. 68. Донесения о военнопленных № 14924 от 23.03.1948 Управления по учету погибших и пропавших без вести.

165

Из воспоминаний вязьмички Маргариты Степановны Бельтюковой (Кулагиной) // URL:<http://alferovo.ru/kulagina.htm>.

166

Воспоминания Ю. Д. Кузнецова // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

167

Яковлев А. Н., Кокурин А. И., Петров Н. В. Лубянка. Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. М.: МФД, 2003.

168

Федор Андрианович Полетаев: Указатель литературы / РОУНБ им. М. Горького; Рязань: Сервис, 2009. С. 7–10.

169

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1766.

170

Книга памяти. Кировская область. Том 2. С. 442 (Кочкин Николай Гаврилович, 1905 г. р., д. Канава Спудновского с/с Верхошижемского р-на, красноармеец, пп 805 (39 А, 18 ск (3ф)).

171

По материалам газеты «Правда». 12.08.1983 // URL:http://www.airpages.ru/pe8/746_9.shtml / Авиация Второй мировой.

172

Слинкова А. И. Воспоминания. Бушманов Николай Степанович // URL:<http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Slinkova.htm>

173

Лютикова О. Николай Бушманов: забытый герой (по архивным материалам) // URL:<http://vecherka.su/articles/society/116590/>.

174

ЦАМО РФ. Ф. 33. Он. Д. 595608. Д. 8. Номер донесения 1487. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 75. Номер донесения 2329 от 08.12.1943.

175

Поэт Николай Майоров погиб в 1942 г. в д. Баранцево Гжатского района Смоленской обл.

176

Песня «Москвичи», известная всем в исполнении Булата Окуджавы, написана на стихи Евгения Михайловича Винокурова, музыка Андрея Яковлевича Эшпая.

177

В с. Холм находился сборный пункт военнопленных.

178

Книга памяти. Смоленская область. Угранский район, Темкинский район. С. 314.

179

ЦАМО РФ. Ф. 58. Он. 18001. Д. 1220. Л. 14.

180

Книга памяти. Смоленская область... С. 98.

181

Там же. С. 126.

182

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 180003. Д. 1283. Донесение № 149395 от 24.10.1945.

183

Книга памяти. Смоленская область. Сычевский район, Холм-Жирковский район. С. 609.

184

ЦАМО РФ. Ф. 58, Оп. 18001, Д. 1220. Л. 53.

185

Там же. Л. 4.

186

Там же. Л. 88.

187

Там же. Л. 33.

188

Там же. Л. 92.

189

Там же. Л. 459.

190

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1200. Л. 16.

191

Там же. Л. 462.

192

Там же. Л. 369.

193

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977525. Д. 151. Л. 1–3.

194

ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. д. 65. С. 9; Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1200. Л. 425.

195

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11459. Д. 447, исх. 602114; ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1220, Дон. № 46925с. от 25.11.1943. Л. 227.

196

«Все судьбы в единую слиты...» (По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков). Смоленск, 2003. С. 98–101.

197

ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2. Д. 209. Л. 28.

198

Сведения относятся к «Дулагу-231».

199

Воспоминания М. М. Шейнмана представляют собой глубокое исследование преступной политики уничтожения нацистами советских военнопленных в лагерях смерти. Автор, с 1941 г. прошедший ад немецко-фашистских лагерей, много лет занимался сбором и обобщением документальной информации о немецком плене. Исследования М. М. Шейнмана были опубликованы советскими писателями В. Гроссманом и И. Эренбургом в так называемой «Черной книге» – одной из первых книг о преступлениях фашизма по отношению к советским военнопленным.

200

По воспоминаниям М. М. Шейнмана, Б. И. Шлячкова и других бывших узников лагерей военнопленных в Вязьме.

201

Вяземский городской архив. «Материалы по состоянию воинских братских кладбищ (схемы и списки захороненных) за 1952 г.» (Ф. № 260. Оп. 1. Ед. хр. 52а).

202

Там же.

203

Воспоминания местной жительницы Г. Н. Люзиной // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

204

Там же.

205

Воспоминания старожила Н. И. Романова (там же).

206

Наличие массовых захоронений на территории хлебозавода подтверждает обнаружение в 1991 г. при проведении земляных работ останков 300 советских военнопленных, которые были эксгумированы и перезахоронены вяземским отрядом «Поиск» на Поле памяти под Вязьмой (руководитель отряда – А. В. Никитин).

Несколько лет назад на территории хлебозавода был построен мебельный магазин,

здание которого устанавливалось на сваях, без рытья котлована, без предварительного обследования места и, как нам сообщили в городской администрации, без официального разрешения органов власти.

207

[http://www.proza.ru/2012/04/23/1348;](http://www.proza.ru/2012/04/23/1348)
URL:<https://komkur.info/history-of-bobruisk/oskolki-vojni>.

208

Воспоминания старожила г. Вязьма Н. И. Романова // Архив МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал».

209

Отчеты обследования части территории у мясокомбината Смоленским центром «Долг» в 1999 г., 2011 г.

210

Более 70 семей.